VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик РАН *Н.П. Лавёров* (председатель Редколлегии),
академик РАН *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя Редколлегии),
докт. экон. наук *В.М. Орёл*
(председатель Комиссии и зам. председателя Редколлегии),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь Редколлегии),
канд. ист. наук А.А. Жидкова (ученый секретарь Комиссии),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
академик РАН *А.А. Дынкин*, академик РАН *Ю.А. Золотов*,
академик РАН *Ю.А. Израэль*, докт. ист. наук *С.С. Илизаров*,
докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
академик РАН *М.Я. Маров*, докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*,
докт. техн. наук *А.В. Постников*, академик РАН *Ю.В. Прохоров*,
член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*

Т.И. Ульянкина

Михаил Михайлович НОВИКОВ

1876–1964

Ответственный редактор
доктор физико-математических наук
С.Ю. ДОБРОХОТОВ

МОСКВА
НАУКА
2015

УДК 612
ББК 28.073
У51

Рецензенты:
доктор исторических наук *В.И. Косик*,
доктор исторических наук *И.В. Сабенникова*

Ульянкина Т.И.

Михаил Михайлович Новиков. 1876–1964 / Т.И. Ульянкина ; отв. ред. С.Ю. Доброхотов. – М. : Наука, 2015. – 549 с. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 978-5-02-038477-4 (в пер.)

Книга посвящена Михаилу Михайловичу Новикову – ректору Московского университета (1919–1920), выдающемуся ученому-биологу, профессору зоологии и сравнительной анатомии университета (1911, 1916–1920), автору фундаментальных работ по зоологии и сравнительной анатомии, крупному общественному и политическому деятелю: депутату Московской городской думы и IV Государственной Думы. Осенью 1922 г. Новиков был вынужден покинуть Родину на одном из «философских пароходов». На протяжении многих лет его имя, как и других эмигрантов «первой волны», оставалось в забвении. М.М. Новиков – уникальная фигура не только в истории отечественной науки и образования, но и в истории Русского зарубежья: он принадлежит к тому типу подвижников, благодаря энергии которых русская научная интеллигенция, оказавшись в эмиграции, смогла не только объединиться, но и достойно выжить, создав действенную сеть русских общественных и академических организаций. Научная биография ученого написана на основе изучения его трудов и документов из российских и зарубежных архивов.

Для читателей, интересующихся историей российской и мировой науки.

ISBN 978-5-02-038477-4

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Научно-биографическая литература» (разработка, художественное оформление), 1959 (год основания), 2015
© Ульянкина Т.И., 2015
© Редакционно-издательское оформление. «Наука», 2015

К читателю

Русский зоолог Михаил Михайлович Новиков при советской власти был первым свободно избранным ректором Московского университета и занимал этот пост с 1919 по 1920 г., т.е. в один из самых сложных и тяжелых периодов нашего государства и российской науки. В отличие от большинства ученых М.М. Новиков не избегал общественной и административной деятельности, он был не только биологом с мировым именем, но и крупным общественным деятелем, одним из видных деятелей кадетской партии. Он был депутатом Московской и IV Государственной Думы в предреволюционный период и во время революций 1917 г. В Государственной Думе он был одним из авторов реформы российского образования, которая в значительной степени была реализована после октября 1917 г., ее элементы и сегодня все еще работают. Будучи ректором в трудные для страны годы М.М. Новиков многое сделал для сохранения профессорско-преподавательского состава Московского университета, а также научного и просветительского духа в его стенах. Он предпринимал огромные усилия, чтобы сохранить организацию российской науки и образования. В отличие от пришедших к власти недоученных и порой вовсе безграмотных революционеров, он хорошо понимал, что наука и образование – это прежде всего люди и научно-преподавательские коллективы, на подготовку, воспитание и организацию которых требуется не одно десятилетие непрерывной и кропотливой работы, они не появляются вдруг по мановению волшебной палочки, порывов энтузиазма или одноразовых финансовых вливаний. Естественно, что его опыт противоречил разрушительным идеям новых властей, и в 1922 г. он вместе с большой группой выдающихся российских ученых и общественных деятелей был выслан из России на известном «философском» пароходе. Довольно скоро стало ясно, что ему, как и другим «пассажирам», очень повезло, несмотря на то что высланные остро переживали разлуку с Родиной, – подавляющее большинство их коллег, оставшихся в России, в конце концов были репрессированы.

За границей М.М. Новиков продолжал активно заниматься научной и общественной деятельностью, он был одним из организаторов и ректором Русского университета в Праге и Зоологического института в Братиславе. После войны М.М. Новиков переехал в США, где и умер в 1964 г. О своей научной и общественной деятельности в Московском университете, в Московской и Государственной думах и в эмиграции М.М. Новиков рассказал в своей книге «От Москвы до Нью-Йорка», изданной в Нью-Йорке в 1952 г. русским издательством им. Чехова.

М.М. Новиков относится к тем людям, которые в нормальном государстве рассматриваются как его богатство и составляют предмет национальной гордости. Их имена нельзя назвать забытыми – они были вычеркнуты из истории лишь на своей родине, тогда как в других странах о них всегда помнили и ими гордились. При этом плодами их трудов и открытий пользовались и те, кто запрещал даже вскользь упоминать о них. К счастью, сегодня «запрещенные» имена становятся известными и у нас.

Книга, написанная Т.И. Ульянкиной, не только значительно дополняет рассказ М.М. Новикова о своей жизни, но и дает возможность познакомиться с плохо известными нашему читателю и современному научному сообществу сторонами «академической» жизни российской интеллигенции. М.М. Новиков был в центре русской научной, университетской и общественной жизни в России, а затем в эмиграции у него были очень обширные научные и общественные связи, поэтому эта книга – по существу описание целой эпохи российской академической жизни перед революцией в России и затем в эмиграции. В этом очень серьезном труде, основанном на большом количестве собранных и проанализированных документов, приведена масса любопытных и интересных сведений о людях, общавшихся с М.М. Новиковым, об устройстве научной и профессорско-преподавательской работы в университетах, организации научных и общественных учреждений, реформах высшей школы, политических взглядах ученых и многое другое.

Теперь, по прошествии многих лет, мы можем полнее оценить значимость труда в науке, как и степень лишений, которые испытали российские ученые в период революций и войн в первой половине XX в. В наши дни для ученых и преподавателей из России временная работа за границей и даже эмиграция стали привычными. Во многих странах желания во что бы то ни стало стать ученым сильно поубавилось, как и степень уважения к ученым, и финансовая поддержка их работ. Однако, например,

в Германии до сих пор в паспорте перед именем пишется Doctor, если его владелец имеет докторскую степень. Конечно, и научные сообщества стали совсем другими, они или «самореформируются» или реформируются «сверху» путем введения различных законов, указов и проч., учитывающих для удобства бюрократии всевозможные индексы и показатели. Тем не менее, многие особенности деятельности ученых, как, например, стремление к независимости в исследованиях и автономии в академической жизни, практически не меняются. В периоды реформ очень полезно осознать уже имеющийся опыт, как положительный, так и отрицательный. Я далек от мысли, что в таком опыте нуждаются люди, близкие к власти, – они, как правило, и так всё знают, и им требуется лишь подтверждение правильности предпринятых ими шагов, но вместе с тем мы знаем, что часто удачная и вовремя произнесенная фраза, особенно подкрепленная историческим опытом, может привести к благоприятным последствиям для работы целых научных коллективов. Этому могут помочь приведенные Т.И. Ульянкиной многочисленные реальные истории.

Наконец, я хочу объяснить, каким образом я связан с Михаилом Михайловичем Новиковым. Я услышал о нем первый раз от своего отца, Юрия Сергеевича Доброхотова в 60-х гг. прошлого века. Кроме того, о нем нам рассказывала наша бабушка, заслуженный врач республики Вера Николаевна Доброхотова (урожденная Новикова), двоюродная сестра Михаила Михайловича. Тогда иметь такого родственника было уже не столь опасно, хотя это и не приветствовалось. Затем, о нем мне рассказывала двоюродная сестра моего отца Елена Михайловна Новикова (юной девушкой участвовавшая в Отечественной войне как фронтовой хирург). Наконец, не так давно кое-что о судьбе М.М. Новикова я услыхал от моей немецкой троюродной сестры Ирины Вайдеманн, мать которой – двоюродная племянница М.М. Новикова, еще до Второй мировой войны вышла замуж за немецкого инженера Бруно Штурма, жившей до Первой мировой войны в Санкт-Петербурге, а затем эмигрировавшей в Германию. Разрешение на замужество и последующий отъезд в Германию Вере Смирновой выдавал сам М.И. Калинин, который задал ей вопрос: «Понимает ли она, что после отъезда в Германию, никогда не сможет вернуться в Россию?». Контактов с этой ветвью нашей семьи мои родители не поддерживали: иметь родственников за рубежом, да к тому же в Германии, было более чем опасно. Елена Михайловна Новикова, между тем, поддерживала связи с Ириной Вайдеманн, ее родителями и братьями, которые оказались в Западной Германии.

Я познакомился с Ириной и ее семьей около 15 лет назад, когда стал ездить в Германию в научные командировки. Тогда же от Ирины я еще раз услыхал о М.М. Новикове, а около семи лет назад она дала мне упоминавшуюся уже книгу «От Москвы до Нью-Йорка». Книга показалась мне очень интересной и у меня сразу же возникла идея о ее переиздании в России, которую удалось реализовать в 2009 г. при некотором моем участии, поддержке ректора МГУ В.А. Садовничего, проректора МГУ В.В. Белокурова и моей сестры О.Ю. Доброхотовой. В этой книге описано множество фактов и эпизодов, представляющих интерес не только для ученых и преподавателей, но для многих москвичей. Например, я с удивлением узнал, что проект ныне действующего московского метро был составлен еще в Московской думе до революций 17 года, и М.М. Новиков активно участвовал в обсуждении этого проекта. При подготовке переиздания книги «От Москвы до Нью-Йорка» я познакомился с доктором Т.И. Ульянкиной, которая сообщила мне множество интересных (и документально подтвержденных) фактов как о М.М. Новикове, так и о его окружении, с которыми теперь можно ознакомиться в предлагаемой книге.

Издание монографий о наших эмигрировавших ученых – это долг памяти и та малая часть заслуженной благодарности, которую они не получили при жизни. Мое посильное участие в переиздании книги М.М. Новикова в России и предисловие к этой очень интересной книге Т.И. Ульянкиной – это моя благодарность за его деятельность на ниве российской науки и образования, результатами которой мы пользуемся до сих пор.

Заведующий лабораторией Института проблем механики
им. А.Ю. Ишлинского, заведующий кафедрой Московского
физико-технического института *С.Ю. Доброхотов*

От автора

Более 25 лет в Российской академии наук проводятся исследования по широкому кругу вопросов науки Русского зарубежья. За это время наметилась тенденция к воссоединению науки метрополии с наукой российской диаспоры в единую национальную науку. Постреволюционная («белая», «первая», «послеоктябрьская») волна эмиграции сформировала особый культурный тип людей, которые надолго сохранили в социальной памяти образ дореволюционной России, ее культурные традиции, религиозные ценности, чистейший русский язык. Униженные, изгнанные из России, объявленные ее врагами, они, в большинстве своем, до конца своих дней не переставали любить родину и верить в ее возрождение[1]. Многие из ученых-эмигрантов этой волны стали для современных россиян примером высокой нравственности, величия духа, преданности и любви к отчизне.

Михаил Михайлович Новиков (1876–1964) – выдающийся ученый-биолог (зоолог-морфолог, сравнительный анатом, теоретик-эволюционист) с мировым именем, труды которого в XX в. публиковались на девяти языках мира. Еще в России он сформулировал крупные теоретические обобщения в области эволюционной морфологии, вошедшие во многие учебники мира, а также выпустил в свет ряд общенаучных и натурфилософских работ. М.М. Новиков принадлежал к тому поколению русских биологов – «неокантинианцев» (Н.И. Вавилов, Л.С. Берг, В.А. Догель), которые сосредоточились на изучении «параллелизмов в живой природе». Позднее, уже в эмиграции сходные идеи «параллелизма» М.М. Новиков обнаружил в гуманитарных дисциплинах: филологии (трудах Н.С. Трубецкого по фонологии), истории (культурно-историческая типология Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера), а также в развитии сходных языковых и литературных форм[2].

Сразу же после депортации ученого осенью 1922 г. его имя практически полностью исчезло из анналов отечественной науки. В СССР знали о работах М.М. Новикова, использовали и разви-

вали его идеи, но имя обходили молчанием по политическим соображениям, придерживаясь идеологического подхода к оценке явлений зарубежной культуры и науки. В эти годы для популяризации деятельности эмигрантов нужно было обладать большим гражданским мужеством.

Как талантливый ученый в области зоологии и сравнительной анатомии, М.М. Новиков стал известен еще в дореволюционной России: выпускник Гейдельбергского университета (1901), доктор философии (1904), приват-доцент (1906), доктор зоологии и сравнительной анатомии (1911), ординарный профессор Московского университета (1916), декан его физико-математического факультета (1918–1919), ординарный профессор Московского коммерческого института (1912–1922); ректор Московского университета (1919–1920). Люди, занимавшие в России должность ректора, всегда играли в общественной и государственной жизни страны особую роль, поскольку университеты формировали и воспитывали элиту отечественной интеллигенции[3]. Новиков был редактором журнала «Бюллетень Императорского общества естествоиспытателей» и «Биологического журнала» (Москва). В личной жизни друзья Новикова отмечали в нем «*ненасытную пытливость ума и неугасимое прекраснодушие*» – типичные черты дореволюционного российского ученого – интеллигента[4].

В России параллельно с научной и научно-практической работой М.М. Новиков активно вел общественную и государственную деятельность, которая последовательно отражала все коллизии той сложной эпохи: член партии кадетов, гласный Московской городской думы (1908–1917), депутат IV Государственной Думы (1912–1917), в годы Первой мировой войны – председатель Московского отделения Международного Красного Креста, после Февральской революции – председатель Комиссии по реформе высшего образования при Временном правительстве (1917) и председатель Научной комиссии Научно-технического отдела ВСНХ (1919–1922), давшей приют и паек многим московским ученым в голодные годы Гражданской войны. Новиков никогда не помышлял о добровольной эмиграции, считая своим нравственным долгом оставаться в России. Однако по предъявленным обвинениям в антисоветской деятельности, после нескольких арестов и тюремного заключения, решением Коллегии ГПУ от 25 августа 1922 г. он был выслан из РСФСР за границу в составе московской группы одного из «философских пароходов».

В эмиграции 46-летний М.М. Новиков стал одним из главных участников объединения русских научных сил. Его имя стоит в ряду имен подвижников, благодаря энергии которых русская научная интеллигенция, оказавшись в эмиграции, смогла не только объединиться, но и достойно выжить, создав действенную сеть русских общественных и научных (академических) организаций, необходимых для продолжения научной работы и подготовки кадров. Большой административный талант Новикова, его убежденная преданность университетской автономии и твердая решимость охранять ее от всяких посягательств стали, вслед за Россией, известны во всех странах русского рассеяния, где он жил и работал.

После кратковременного пребывания в Германии (Берлин, Гейдельберг) М.М. Новиков переехал в Чехословакию. На годы жизни в Праге приходится пик его научной и организационной активности. Здесь он – один из основателей Русского народного (свободного) университета (РНУ, РСУ) в Праге, его ректор (1923–1939), председатель Совета РНУ, председатель отделения естественных наук РНУ (1923–1925); профессор чешского Карлова университета (1935–1939); член учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в ЧСР; руководитель «Зоологического семинара», председатель Попечительского комитета по защите Русской зоологической станции им. профессора А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-Мер (Франция), председатель Музейной комиссии Русского культурно-исторического музея в Праге (РКИМ). С началом Второй мировой войны Новиков покидает Прагу и переезжает в Братиславу – столицу нового государства Словакии. Здесь он – ординарный профессор, заведующий кафедрой зоологии и директор Зоологического института Словацкого университета (1939–1945). Накануне окончания войны семья Новикова переезжает в американскую зону оккупации Германии, где они живут на положении Ди-Пи (аббревиатура от англ. «displaced persons» – перемещенное лицо, или DP) (1945–1949). Новиков – профессор и декан Университета для «перемещенных лиц» при Администрации ООН по восстановлению и помощи УНРРА (UNRRA – аббревиатура от The United Nations Relief and Reabilitation Administration) в Мюнхене (1946–1947), а после его закрытия преподает в Мюнхенском университете и Высшей философско-теологической школе (академии) г. Регенсбурга (1947–1949).

В 1949 г. 73-летний М.М. Новиков и четыре поколения его семьи смогли покинуть Европу и пересечь океан. Последние 16 лет

Новиков жил в небольшом городке Найак, расположенном на реке Гудзон, недалеко от Нью-Йорка. Остаток своих интеллектуальных сил Новиков отдал руководству Русской академической группы (РАГ) в США: он был вторым после Е.В. Спекторского председателем этой группы (1951–1964) и руководил ею вплоть до самой своей кончины, а также участвовал в деятельности Пироговского медицинского общества в США.

В 1954 г. Гейдельбергский университет наградил М.М. Новикова «золотым дипломом» доктора наук по случаю 50-летия его научной деятельности. Научная деятельность Новикова ознаменовалась избранием его в члены целого ряда российских и иностранных научных обществ и академий: Королевского Чешского общества наук, Славянского института, Немецкого зоологического общества в Гейдельберге, Зоологического общества в Праге, Французской ассоциации анатомов, Международного кружка теоретических биологов Ассоциации анатомов Королевского научного общества, а 24 октября 1957 г. – Американской академии искусств и наук и Нью-Йоркской академии наук.

М.М. Новиков – выдающийся историк науки и мемуарист, работы которого востребованы в современной России. Мало кто из ученых-эмигрантов оставил после себя такие серьезные труды по истории естествознания, высшего образования и общественной жизни. Его перу принадлежат: брошюра «Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей» (Прага, 1935); мемуары «От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний» (Нью-Йорк, 1952), переизданные в России в 2009 г., «Полстолетие научной деятельности» (Нью-Йорк, 1956), «Великаны российского естествознания» (Франкфурт-на-Майне, 1956), «Двухсотлетие Московского университета (1755–1955): празднование в Америке» (Нью-Йорк, 1956) и др.

Всю жизнь М.М. Новиков оставался «фанатом» своей Alma Mater – Московского университета. В конце жизни он признается: «*...хотя звезда моя продолжала светить мне, и меня всюду встречали с достаточной приветливостью и гостеприимством, но жизнь без Родины и Московского университета, несмотря на все последующие успехи ее, ощущалась как надломленная и неполная*»[5]. В 1930 г. в Праге Новиков организовал празднование 175-летия Московского университета. Вместе с Обществом бывших воспитанников Московского университета в Париже Новиков подготовил сборник воспоминаний, для которого написал статью «Московский университет в первый период большевистского режима, 1755–1930»[6]. 18 октября 1935 г. в стенах

Славянского института Новиков вместе с сотрудниками Русского свободного университета и комитетом Дней русской культуры отметил 170-летие со дня смерти М.В. Ломоносова. В 1936 г. под его редакцией был опубликован «Сборник докладов», посвященных этому событию[7]. В 1955 г. Новиков возглавил Организационный комитет по празднованию в Нью-Йорке 200-летнего юбилея Московского университета и изданию книги, посвященной этому событию.

М.М. Новиков стоял на платформе конституционно-демократической партии. Программа кадетов привлекала его своей резкой оппозиционностью реакционным политическим демаршам царского правительства, борьбой за гражданские свободы, за устранение социальной несправедливости, за возможность осуществления в стране настоящего парламентского правления. Вскоре он стал одним из активных членов партии кадетов, а после выборов в депутаты IV Государственной Думы был введен в состав ее Центрального комитета. Кадеты из числа московской профессуры были настроены особенно решительно в деле реорганизации высшей школы. Членами кадетской партии состояли такие близкие Новикову эмигранты, как В.А. Оболенский, П.И. Новгородцев, С.В. Панина, П.Д. Долгоруков, В.Д. Набоков, В.Ф. Зеелер, А.В. Тыркова-Вильямс, а также высланные из страны Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович[8]. В эмиграции кадеты во главе со своим лидером П.Н. Милюковым продолжили партийную деятельность (Париж). Ими же была разработана программа либерально-демократических преобразований России. Деятельность партии завершилась только в середине 1930-х гг.

Заявленная тема книги, наряду с основной мотивацией – возвращением на родину имени одного из лучших представителей российской научной интеллигенции, ученого-патриота, честно и бескорыстно работавшего на ниве развития отечественной и мировой науки, отражает и некоторые привходящие обстоятельства. Речь идет о давно надвигающемся коллапсе академической российской науки, связанном с неадекватностью ее государственного финансирования и бездарным реформированием, падением авторитета и престижа научных профессий. Обращение к наследию М.М. Новикова, активно участвовавшего в деле реформирования российского высшего образования (как до, так и после революции), может стать поучительным и продуктивным. Разносторонний опыт ученого, его реформаторская деятельность могут быть актуальны для обновления России, возрождения ее культуры и преодоления в обществе негативных тенденций.

Источники исследования

Личные и научные документы М.М. Новикова рассредоточены по архивным хранилищам разных стран мира: Российской Федерации, Чешской Республики, Словакии, Германии, Франции, США. В связи с этим нельзя не выразить глубокую благодарность всем специалистам, кто сберег для потомков эти бесценные архивы Русского зарубежья. В Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (ЦГИАМ) находятся метрические документы М.М. Новикова, связанные с получением им среднего образования, защитой «российских» магистерской и докторской диссертаций[9]; в Российском историческом архиве (РГИА) – материалы, связанные с научной деятельностью Новикова в России[10]. Документы о вступлении Новикова в должность ректора Московского университета хранятся в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы[11], а также Архиве Московского государственного университета[12]. Ордер на арест Новикова Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР (16 августа 1922 г.), как и протокол его допроса в 1922 г. в Государственном политическом управлении НКВД, находятся в фондах Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), ранее строго засекреченных и ставших доступными только в 90-х гг. XX в.[13]

Самая большая коллекция эмигрантских документов М.М. Новикова находится в специальном фонде документов Пражского архива, или Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА). После 1945 г. этот архив был перевезен в СССР. Сегодня большая его часть хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ, Москва)[14]. Это – фонд Р-6767: Новиков Михаил Михайлович, 1876–1960, в котором отражен 16-летний период пребывания русского ученого в Чехословацкой Республике. Известно, что в 1939 г. Новиков, уезжая в Словакию, подарил личные документы Русскому культурно-историческому музею (РКИМ) в Праге[15]. В эту коллекцию попали и письма коллег М.М. Новикова, оставшихся работать в СССР: М.А. Мензбира (Московский университет), В.Н. Никитина (Севастопольская биологическая станция) и М.А. Римского-Корсакова (Лесной институт в Петрограде)[16].

Некоторые письма М.М. Новикова из Братиславы (Словакия), адресованные В.Ф. Булгакову (Прага), можно найти в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)[17]. Документы о деятельности М.М. Новикова в Попечительском комитете Русской зоологической станции в Виллльфранш-сюр-Мер

(Франция) обнаружены в музейно-архивном отделе Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына в Москве (АДРЗ), куда они поступили из Национального архива Франции[18]. Большое количество документов, отражающих пребывание Новикова в Чехословакии, хранятся в Национальном архиве Чешской Республики[19]. Документы, подтверждающие пребывание М.М. Новикова и его жены в статусе «перемещенных лиц» в г. Регенсбурге и Мюнхене (Германия) и их переезд в США, обнаружены д-ром А. Вернером в Государственном архиве г. Регенсбурга (Германия).

Весьма результативными для сбора материала по теме монографии оказались мои поездки в США для работы в так называемых русских архивах: Архиве Толстовского фонда – АТФ (Валлей Коттедж, штат Нью-Йорк)[20], Архиве Русской академической группы в США (АРАГ в США, г. Киннелон, штат Нью-Джерси)[21] и Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, штат Нью-Йорк)[22]. Последний архив хранит ряд важных личных документов Новикова о его работе в Чешском Карловом университете в Праге, в Греко-православной общине г. Регенсбурга и др. Там же находятся документы природоведческого факультета Братиславского университета (1939–1940), документы, подтверждающие членство М.М. Новикова в Международном кружке биологов-теоретиков Королевского научного общества Чехословакии[23], Французской ассоциации анатомов[24], Немецкого зоологического общества[25], а также его работу как сотрудника одного из отделов Международного Красного Креста, профессора, декана и директора зоологической лаборатории УНРРА университета в Мюнхене, профессора Мюнхенского университета и Высшей философско-теологической (академии) школы в Регенсбурге. Архив также хранит материалы по истории создания РАГ в США и богатейшую переписку со многими деятелями русской зарубежной науки и культуры. Здесь же находятся тексты некоторых лекций Новикова, прочитанные им в разных учебных заведениях на русском, чешском, немецком и английском языках, иллюстрированные прекрасными рисунками. Если «фонд Новикова» в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк) был образован посмертно, то Архив РАГ в США формировался в течение долгих послевоенных лет самим Новиковым и вице-президентом РАГ в США профессором К.Г. Белоусовым, а после их смерти – руководством РАГ в США в лице профессора Н.А. Жернаковой и профессора Е.Л. Магеровского, недавно ушедших из жизни. Фонд содержит протоколы заседаний Русской академической группы в США, которые проводил лично Новиков,

и богатую переписку ученого с крупными деятелями русской зарубежной науки и культуры[26]. Письма ученого из архивов США – уникальны и имеют большую социокультурную значимость. Они знакомят с малоизвестными подробностями его жизни. Без них историческая реконструкция многих важнейших событий в жизни русской научной эмиграции этого периода была бы невозможна. Ранее переписка М.М. Новикова была лишь частично опубликована автором в разных изданиях.

Работа над рукописью книги продолжалась в течение нескольких лет, правда, с большим перерывом. За это время представилась возможность дополнить рукопись разделом «Переписка». Хотя тексты документов приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, автор стремилась сохранить особенности стиля корреспондентов, их неповторимый язык. Перевод с французского языка осуществлен профессором С.С. Демидовым (Москва), а с немецкого – д-ром А. Вернером (Дюссельдорф, Германия). При подготовке текстов были использованы данные различных энциклопедий и справочников, изданных в России и за рубежом.

* * *

За помощь в проведении исследования автор благодарит руководство РАГ в США в лице президента группы профессора Н.А. Жернаковой и вице-президента группы профессора Е.Л. Магеровского, предоставивших мне в 1995, 1998, 2002 гг. уникальную возможность работать с документами Архива РАГ в США в г. Киннелон (шт. Нью-Джерси); директорам Толстовского фонда – К.В. Воеводской и В.О. Волсен (штат Нью-Йорк), заведующему Архивом Толстовского фонда – профессору Р. Виттакеру – за помощь в работе с документами Архива Толстовского фонда. Отдельная благодарность – Т.Г. Чеботаревой (США) – куратору Бахметевского архива Колумбийского университета в Нью-Йорке; Л.И. Петрушевой – заведующей РЗИА (ГА РФ, Москва), В.А. Москвину – директору Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ), его заместителю Т.А. Корольковой и М.А. Котенко – главному архивисту ДРЗ.

За помощь в поиске документальных материалов о жизни М.М. Новикова в Германии приношу искреннюю благодарность администрации Государственного архива г. Регенсбурга и сотрудникам: межбиблиотечного абонемента Земельной и Университетской библиотеки университета им. Г. Гейне (Дюссельдорф, Германия); Научной библиотеки Центра им. Маршалла (Европей-

ский центр исследований безопасности, Германия) – г-же Пирцер (B. Pirzer), г-же Е. Ефименко, г-же Грин (J. Greene); Института истории Регенсбургского университета (Германия) – г-ну, д-ру Смолорж (R. Smolorz); Городского архива г. Регенсбурга (Германия) – г-ну Рёшу (J. Rosch); Международной поисковой службы г. Бад-Аролсон (Германия) – г-же Мюллер (H. Muller); Архива Гейдельбергского университета – г-ну Шварц (M. Schwarz), г-же Цинке (S. Zinke), г-же Райхенбах (C. Riechenbach), г-ну Шрайбер (F. Schreiber), г-ну М. Бёмер (M. Behmer).

За профессиональную поддержку и помощь при редактировании и оформлению монографии фотоматериалами моя искренняя благодарность профессору Э.И. Колчинскому (Санкт-Петербург), д-ру Артуру Вернеру (Дюссельдорф, Германия), Томашу Герману (Прага, ЧР), Лукашу Бабке (Прага, ЧР), Анастасии Копршивовой (Прага, ЧР), С.И. Фокину (Санкт-Петербург), М.В. Ковалеву (Саратов), В.М. Орлу, Т.Б. Авруцкой, Р.М. Фандо (Москва).

Большую признательность за гостеприимство в США выражаю вдове профессора Е.Л. Магеровского – Е.В. Магеровской (ур. Брунст), его сестре – Г.Л. Магеровской, профессору В.А. Аксельроду.

Среди лиц, оказавших неоценимую помощь в реализации идеи исследования, особая благодарность историку и социологу науки Д.А. Александрову (Санкт-Петербург), вместе с которым я начинала работу над книгой.

Искренняя благодарность Фонду Сороса («Открытое общество»), Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) за финансовую поддержку данного исследования, а также дирекции Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН) за постоянное внимание к моим работам.

[1] См.: *Челышев Е.П.* Предисловие // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. Кн. первая / Под ред. Е.П. Челышева, Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. С. 10–11.

[2] См.: *Александров А.Д.* Михаил Михайлович Новиков: ученый, общественный деятель, организатор науки // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2000. Вып. 2. С. 102.

[3] См.: Ректоры Московского университета: биогр. словарь / Сост. В.В. Ремарчук. Вып. 11. М., 1996. С. 3. (Справочно-информационная серия «Московский университет на пороге третьего тысячелетия»).

[4] См.: Из письма Ариадны Тырковой-Вильямс, адресованному М.М. Новикову, 26 ноября 1957 г.

[5] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

[6] *Новиков М.М.* Московский университет в первый период большевистского режима, 1755–1930 // Юбилейный сборник по случаю 175-летия Московского университета / Под ред. И.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера, М.М. Новикова. Париж: Совр. зап., 1930. С. 156–192.

[7] См.: *Новиков М.М.* Ломоносов – основоположник русского естествознания // М.В. Ломоносов: речи, произнесенные на собрании в память 170-летия со дня его смерти / Под ред. М.М. Новикова. Прага: РСУ в Праге, 1936. С. 5–13.

[8] См.: *Канищева Н.И.* Кадеты в эмиграции // Общественная мысль Русского зарубежья: энцикл. / Под ред. В.В. Журавлева и др. М.: РОССПЭН, 2009. С. 118–123.

[9] ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 84. Д. 534 – аттестат Московского коммерческого училища; метрика; формулярный список 1911; Ф. 418. Оп. 87. Д. 650 – магистерская диссертация; Ф. 418. Оп. 89. Д. 362 – д-р зоологии; Ф. 418. Оп. 249. Д. 112а. Л. 336–341 – биография; список работ, 1917; Ф. 417. Оп. 4. Д. 196 – формулярный список 1914; диплом д-ра зоологии.

[10] РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 751. Л. 289, 384–388 – биография; список работ 1917 г.

[11] ЦГИАМ. Ф. № 418. Оп. 84. Д. 534; Оп. 89. Д. 362. См.: Новиков Михаил Михайлович // Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII – начала XX в. Биологические и медико-биологические науки: биогр. словарь. СПб., 2003. С. 329.

[12] См.: Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 29; Ед. хр. 11. Л. 483.

[13] ЦА ФСБ РФ. Д. Н–206. Т. 3. Л. 96; См.: Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 301–303.

[14] ГАРФ. Ф. Р-6767: Новиков Михаил Михайлович 1876–1960. Оп. 1. 92 ед. хр. См.: Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА – *Т.У.*): межарх. путеводитель / Отв. ред. Т.Ф. Павлова. М: РОССПЭН, 1999.

[15] См.: Там же. 108 ед. хр., 1914–1945. См. также: Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: межарх. путеводитель. С. 339.

[16] ГА РФ (РЗИА). Ф. Р-6767: Новиков Михаил Михайлович. 1876–1960. Оп. 1. 108. Ед. хр., 1914–1945.

[17] РГАЛИ. Ф. 2226: Валентин Федорович Булгаков.

[18] См.: АДРЗ. Ф. № 69: Семейный фонд Ковалевских. Оп. 2.

[19] Narodni archive. Fond Policejni reditelstvi Praha II – vseobecna spisovna – 1931–1940. Karton 9306, N 1477/2: Novikov Michail, prof. 1876.

[20] The Archive of the Tolstoy Foundation. Архив Толстовского фонда (Валлей Коттедж, шт. Нью-Йорк) содержит одну из самых богатых коллекций документов военного и послевоенного времени в США. В настоящее время, вследствие резкого сокращения финансирования Толстовского фонда, исследовательская работа с документами архива практически прекращена.

[21] Архив Русской академической группы в США (АРАГ в США) – The Archive of the Association of Russian-American Scholars in the USA – представляет собой довольно большую (свыше 5000) коллекцию документов, рукописей, отчетов, писем, бюллетеней, протоколов заседаний и проч., накопившихся за период деятельности группы в послевоенные годы: с 1948 по 2007 г. В 2001 г. я вместе с профессором Е.Л. Магеровским участвовала в разборе и систематизации архивных материалов. Архив тогда находился в частном доме вице-президента РАГ в США, профессора Е.Л. Магеровского (г. Киннелон, штат Нью-Джерси) и официально для исследовательской работы еще не был открыт. После смер-

ти профессора Е.А. Магеровского документы АРАГ в США были переданы на хранение в Гуверовский архив Стэнфордского университета в Пало-Альто (штат Калифорния).

[22] Бахметевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры Батлеровской библиотеки редких книг и манускриптов при Колумбийском университете в Нью-Йорке (БАР) – The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR). См.: Russia in the Twentieth Century. The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. G.K. Hall & Co. Boston; Massachusetts, 1987. P. 73–74.

[23] The International Circle of Theoretical Biologists of the Royal Society of Sciences in Chechoslovakia.

[24] L'Association des Anatomisters.

[25] Deutsche Zoologische Gesellschaft.

[26] В 2001 г. была проведена предварительная работа по описанию материалов АРАГ в США в Киннелоне. Содержание документов Архива РАГ в США публиковалось с разрешения профессоров Н.А. Жернаковой и Е.Л. Магеровского. См.: *Ульянкина Т.И.* Эпистолярное наследие М.М. Новикова, бывшего ректора Московского университета: по мат. Бахметевского архива // Зап. Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1999–2000. Т. XXX. С. 453–476; *Ульянкина Т.И.* Жизнь в изгнании: письма М.М. Новикову – бывшему ректору Московского университета // Вопр. истории естествознания и техники, 2001. № 1. С. 113–145; *Ульянкина Т.И., Магеровский Е.Л.* Русские ученые-эмигранты в США XX веке: новые архивные материалы // Зарубежная Россия, 1917–1939. СПб.: Лики России, 2003. С. 213–214.

Вы... были для нашего (уже зарубежного) поколения студентов и символом и образцом: символом русской учености и общественных традиций, образцом джентльменства в личных отношениях, образцом трудоспособности и творческого оптимизма.

Николай Андреев

Часть первая

Россия

Глава 1

Императорская Россия

Детские годы

Михаил Михайлович Новиков родился 14 (27) марта 1876 г.[1] в Замоскворечье, на Житной улице, в районе Серпуховской и Калужской площадей, в собственном доме его деда по материнской линии – Огородникова – владельца фирмы по торговле заграничным деревом[2]. По иронии судьбы этот дом связан с именем другого выдающегося ученого – историка Василия Осиповича Ключевского, который вскоре стал владельцем этого дома, где он позже скончался[3].

Мать – Мария Огородникова. Отец – Михаил Михайлович Новиков принадлежал к старинной и зажиточной московской семье крупных скотопромышленников, впрочем, к моменту рождения сына он разорился. В своих воспоминаниях Новиков писал: «В молодости он (отец. – *Т.У.*) много странствовал со стадами быков по Южной России. За это время, живя непосредственно в природе, он полюбил и научился понимать ее. Не отсюда ли у меня стремление к естествознанию, и в частности, к миру животных? Отец не получил даже среднего образования, но благодаря чте-

нию и постоянному общению с массой людей всякого звания и состояния, производил впечатление вполне интеллигентного человека. При этом он отличался чрезвычайной скромностью, которая в торговых делах часто является показателем отрицательным»[4].

Разорившись из-за долгов, отец даже ненадолго попал в тюрьму и в конце-концов отказался от мысли вести самостоятельное дело. Он стал скромным торговым служащим, перейдя из привилегированного купеческого в непривилегированное мещанское сословие[5]. Разорение отца и бедственное положение семьи стало первой трагедией в жизни пятилетнего Миши, «от которой разрывалось долго потом мое детское сердце». И далее: «Прошло еще немало времени, и начались сборы, распродажа мебели, а затем состоялся переезд нашей пятичленной семьи из хорошей квартиры в одну комнату. Наступила полоса бедственного существования», – вспоминал Новиков[6]. Однако личное положение маленького Миши «смягчалось» тем, что он, будучи любимцем деда и бабушки по матери, часто и подолгу гостил у них. Дед рано умер, а бабушка, отличавшаяся одновременно добротой и решительностью, много лет, до глубокой старости, самостоятельно вела свое торговое дело[7]. Правда, благополучие в доме бабушки «отравлялось заботами об отце и матери, а также о младших сестре и брате, которые пребывали в гораздо более бедственном состоянии. Особенно тяжело бывало на душе, когда я (Новиков. – *Т.У.*) на некоторое время уходил домой, а потом снова возвращался к бабушке. В первом случае передо мною развертывалась картина беды, а во втором – душа наполнялась угрызениями совести, что я лично из этой беды ушел»[8].

Императорское Московское коммерческое училище

Поскольку при скромных материальных средствах семьи обучение в гимназии или реальном училище для подготовки к поступлению в высшие учебные заведения было недоступно родителям Новикова, они решили поместить его в коммерческое училище. Осенью 1886 г., после успешной сдачи вступительных экзаменов, 10-летний Миша Новиков был зачислен в Московское коммерческое училище, располагавшееся в исторической части Москвы, на улице Остоженка (угол Еропкинского пер.). Училище это готовило специалистов по торговой и вообще хозяйственной деятельности и находилось в особом ведомстве учреждений императрицы Марии Федоровны, которому принадлежало в Москве

значительное количество учебных и благотворительных заведений. Родители Новикова надеялись, что их способный мальчик, окончив училище, быстро сделает служебную карьеру в каком-нибудь банке или большом торгово-промышленном предприятии, чем не только обеспечит свою личную жизнь, но поможет семье выйти из бедственного состояния[9]. И хотя диплом Коммерческого училища создавал большие препятствия к дальнейшему поступлению в университет, училище давало более высокую, нежели классические гимназии и реальные школы, естественно-научную подготовку. Кроме того, учеба в Коммерческом училище имела свои преимущества, основанные на большем либерализме и свободе, отличавших учреждения императрицы Марии Федоровны от учреждений Министерства народного просвещения. В училище, правда, совсем не преподавали классические, древние языки, однако овладение французским, немецким и английским (с пятого класса) с преподавателями – носителями языка было обязательным. Программа первых шести классов обучения предусматривала получение первоклассного общего образования – значительное место отводилось преподаванию естественных наук: химии, физики, биологии; причем учителями этих предметов были в том числе и педагоги Московского университета. В последние два года шло обучение студентов специальным предметам: основам законоведения, бухгалтерии, политической и общей экономии и др.

В число воспитанников училища принимались сыновья купцов, мещан и лиц других сословий. Воспитанники, окончившие с успехом полный курс, удостаивались звания личного почетного гражданина, если по рождению своему не принадлежали к другому, более высокому сословию; детям же дворян и чиновников, окончившим с успехом полный курс, предоставлялся XIV разряд (класс) при поступлении на государственную службу. Все вообще воспитанники, окончившие с отличием полный курс обучения и получившие средний балл не ниже 4 $^1/_2$, а за поведение 5 (при 5-балльной системе), удостаивались звания кандидата коммерции.

Поступив в первый класс Коммерческого училища в качестве «приходящего» ученика, в третьем классе из-за ухудшения материального положения отца Новиков был вынужден перейти жить в школьный пансион. В громадном мужском общежитии, мягкий и по природе застенчивый Михаил почувствовал себя «как рыба, выброшенная на берег»[10]. «Я заливался горькими слезами, когда ⟨…⟩ домашние приходили навещать меня, а потом с нетерпением ждал субботы, чтобы на воскресный день отправиться домой.

Правда, гнетущая бедность семейной обстановки не могла быть для меня источником радости, но все же общение с родными ⟨...⟩ было для меня привлекательнее, чем казенная обстановка школьного пансиона и грубая среда товарищей, испытывавших новичка путем всяческих издевательств»[11].

Врожденная застенчивость и некоторая женоподобность лица Михаила служили первое время поводом для насмешек и издевательств не только со стороны студентов, но и преподавателей: «Мне дали прозвище Катя, – вспоминал Новиков, – которое мне казалось верхом унижения»[12]. Со временем, в силу высоких интеллектуальных способностей Михаила, а также его оппозиционной настроенности к противоправным действиям начальства, студенты начали с большой симпатией относиться к однокурснику. Перейдя в последний (восьмой) класс, Новиков уже был распределен на службу в одно из московских страховых обществ. Тогда же он стал давать частные уроки для получения дополнительного заработка и не оставлял этой деятельности в течение многих лет. В 1894 г., как особо отличившийся выпускник, Новиков, наряду со званием личного почетного гражданина, получил титул кандидата коммерции, что считалось существенной прерогативой выпускников Коммерческого училища.

М.М. Новиков мечтал продолжить свое образование в университете. Однако в те годы российские университеты не принимали абитуриентов с аттестатом училища. Неравные возможности выпускников средней школы в деле получения высшего образования служили основным орудием социального регулирования состава студенчества в России. Из-за «сословного фильтра» не каждый, окончивший среднюю школу (классическую или реальную), мог рассчитывать на получение места в высшем учебном заведении. Без конкурса сюда поступали только окончившие классические гимназии (с одним или двумя древними языками), тогда как выпускники реальных, коммерческих, технических, сельскохозяйственных училищ находились в крайне невыгодном положении. Они могли поступать только в институты народно-хозяйственного профиля. «Закон не допускал их (выпускников этих училиц. – *Т.У.*) в университеты, хотя желающих стать универсантами среди них было предостаточно. Чтобы осуществить свою мечту, им необходимо было экстерном сдать экзамены по программе гимназического курса, включая и крайне непопулярную латынь», – писал А.Е. Иванов[13]. Чтобы изменить ситуацию, Новикову необходимо было сдать экзамены на получение гимназического аттестата зрелости. Так что, возвращаясь вечером домой, Михаил до глубокой

ночи просиживал над книгами, готовясь к экзаменам; при этом особую трудность для него представляли древние языки: латинский и греческий. А между тем параллельно успешно шла его репетиторская работа, гонорары его увеличивались, и вскоре благосостояние семьи Новиковых было восстановлено: «Мы снова обзавелись квартирой, хотя скромной, но состоявшей из четырех комнат, и повели образ жизни, соответствовавший уровню среднего московского обывателя»[14].

Подготовка к поступлению в университет продвигалась чересчур медленно, и тогда Михаил принял (к огорчению родителей) героическое решение оставить службу. По вечерам он занимался репетиторством, а дневные, наиболее подходящие для продуктивной работы, часы посвящал изучению древних языков. Спустя несколько месяцев, он уже свободно читал Юлия Цезаря и Ксенофонта на языке оригинала. Однако судьбе было угодно повести его к намеченной цели другим путем.

Ранняя женитьба и рождение детей отдалили мечту Новикова о получении университетского образования. 27 апреля 1897 г. Новиков женился на Валентине Николаевне Волковой из весьма состоятельной семьи, а 10 июля 1898 г. у них родилась старшая дочь Татьяна. Заботы о собственной семье, а также о семье родителей, заставили Новикова вновь вернуться на службу в банк и искать дополнительный заработок: в течение семи лет, помимо работы в страховом обществе, он зарабатывал деньги конторским и репетиторским трудом, преподавал бухгалтерию в Реальном училище Мазинга[15] и в торговых классах Общества распространения коммерческого образования[16]. Весной 1900 г. у Новиковых родилась вторая дочь – Елена.

Нежданное наследство жены (о существовании его молодая чета Новиковых до какого-то времени ничего не знала) обеспечило им финансовую независимость и позволило построить в Москве новый благоустроенный дом по собственному проекту. Во время его строительства Новиковы снимали квартиру у Н.Ф. Ржевского в Сущевском районе Москвы. Переехав в новый дом, они прожили в нем более 18 лет, вплоть до октябрьского переворота, когда «домовой комитет» взял на себя прерогативу «хозяина дома», и М.М. Новикову (тогда уже ректору Московского университета) пришлось уйти жить в казенную квартиру. Но это случилось позже. А теперь материальное благополучие, связанное с полученным наследством, позволило Новикову реально планировать свою поездку за рубеж для получения университетского образования. Здесь на естественно-научные факультеты принимались лица

с реальным образованием, чему вполне соответствовал аттестат Московского коммерческого училища.

Какое-то время М.М. Новиков пытался найти в своем ближайшем окружении людей, компетентных в деле получения зарубежного университетского образования. Не получив квалифицированного совета от профессора ботаники Московского университета К.А. Тимирязева, он в конце концов заручился рекомендательным письмом от ректора университета – профессора зоологии Александра Андреевича Тихомирова, адресованного профессору зоологии Гейдельбергского университета Отто Бючли. Тихомиров, хотя и был человеком правых воззрений и антидарвинистом, пользовался на международной арене высоким научным авторитетом как автор открытия так называемого искусственного партеногенеза, т.е. развития неоплодотворенного яйца у животных под влиянием механических или химических раздражений; его имя было занесено в анналы истории естествознания. В связи с этим Новиков был даже горд, что его первым, «хотя и мимолетным руководителем в области зоологии, был заслуженный ученый с европейским именем»[17].

Гейдельбергский университет (Германия)

В октябре 1901 г. М.М. Новиков, пройдя торжественную иммtriкуляцию и приняв присягу, стал по тогдашней терминологии немецких университетов «академическим гражданином» естественного факультета Гейдельбергского университета. В архиве этого вуза сохранилась регистрационная запись Новикова в библиотеке университета. В Германию Новиков перевез и свою семью – жену с двумя детьми.

В те годы старейший Гейдельбергский университет (основан в 1385 г.) был настоящей Меккой для русских биологов. Как пишет Э.И. Колчинский, «вплоть до начала Первой мировой войны германские научные учреждения, общества и университеты традиционно оставались главными научными партнерами Императорской Академии наук и университетов. Российские ученые по-прежнему ездили в Германию для “ученых занятий”, закупки книг, приборов и коллекций, сбора и фотографирования материалов, участия в международных конгрессах и т.д.»[18]. Немецкие университеты не только вносили серьезный вклад в образование русских профессоров, они заражали посещавших его молодых людей атмосферой свободы научного поиска и, как следствие,

Альберт Коссель – профессор физиологии Гейдельбергского университета, лауреат Нобелевской премии.
См.: Дом в изгнании: Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. 1918-1945. Прага: Рус. традиция, 2008. С. 113

атмосферой свободомыслия. Главной причиной выезда русских абитуриентов на учебу за границу была крайняя неразвитость отечественной университетской системы. В 1907/1908 учебном году в Российской империи было 9 университетов, в которых обучалось 35 тыс. студентов, тогда как в Германии – 21 университет и 49 тыс. студентов соответственно[19].

В формировании М.М. Новикова как ученого и гражданина Гейдельбергский университет и в целом немецкая научная среда сыграли решающую роль. Здесь у него были выдающиеся педагоги: по зоологии он специализировался у О. Бючли[20], ставшего для него и учителем, и главным наставником; по физиологии и биохимии – у профессора А. Косселя – будущего Нобелевского лауреата, известного своими исследованиями в области химии белка, нуклеопротеидов, биохимии клеточного ядра; по физиологии развития – у профессора Курта Гербста; по эмбриологии – у профессора Ганса Дриша, основоположника неовитализма. «Гейдельбергский университет обслуживался блестящей профессурой. Выдающиеся ученые охотно переходили туда из других университетов, как благодаря стародавней славе университета ⟨...⟩, так и из-за живописного расположения города»[21]. Восторженные воспоминания о живописном Гейдельберге, о традиционной и романтичной университетской культуре этого города, своих знаменитых учителях и веселых и насыщенных студенческих годах М.М. Новиков сохранил до конца дней и детально осветил в своей книге «От Москвы до Нью-Йорка».

UNIVERSITÄTS-BIBLIOTHEK HEIDELBERG
http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/matrikel1895/0277
© Universitätsbibliothek Heidelberg
gefördert durch die Gesellschaft der Freunde Universität Heidelberg e.V.

Матрикул. Автограф М.М. Новикова в регистрационной книге Библиотеки Гейдельбергского университета, 1901 г.

Из Архива Гейдельбергского университета (Германия): Universitats archiv Heidelberg. H-V-6/4, N31

М.М. Новиков учился в Гейдельберге с 1901 по 1904 г. Позже отклик о профессоре О. Бючли найдет отражение в его воспоминаниях: «Блестящий лектор, Бючли был… прекрасным учителем. Человек по природе своей несколько угрюмый, которого помощники его побаивались, он к ученикам относился с чрезвычайной внимательностью. Два раза в день, утром и после обеда, он обходил лабораторию, в которой работали иногда до 20 специалистов, со всеми ними беседовал, просматривал их препараты и давал им советы»[22]. И еще: «Иногда Бючли заражался общим весельем, и из-за мрачной оболочки прорывалась его блестяще-остроумная и в то же время нежно-любящая натура. Суровый в личном общении, Бючли в письмах к своим ученикам проявлял такую заботливость, что поистине привлекал к себе сердца»[23]. Памяти своего учителя М.М. Новиков посвятил брошюру, вышедшую

Naturwissenschaftlich-mathematische Facultät. 51

Heidelberg, den 13ten Juni

Herr Michael Nowikoff aus Moskau

bewirbt sich um Zulassung zur Promotionsprüfung in folgenden Fächern:

I Zoologie

IIa Botanik

IIb Paleontologie

Derselbe legt vor: Lebenslauf

Zeugniss über Schulbesuch in

Reifezeugniss ~~des~~ ~~Gymnasiums in~~ der Kommerzschule in Moskau. 1894

Abgangszeugniss der Universität Heidelberg 6 Sem.

Abgangszeugniss der technischen Hochschule zu

Nachweis über besuchte Vorlesungen in Heidelberg

Sonstige Zeugnisse

Eine als Dissertation eingereichte Abhandlung betitelt:

Untersuchungen über den Bau der Limnadia lenticularis L.

Sonstiges

Ich bitte die verehrlichen Mitglieder

um ihre Abstimmung über Zulassung und Termin unter Vortritt der Herren

Professor Dr. Bütschli

Professor Dr. Pfitzer

Professor Dr. Salomon

Professor Dr.

Professor Dr.

und bitte Herrn Geh. R. Professor Dr. Bütschli

die Begutachtung der Dissertation gefälligst übernehmen, sowie gegebenenfalls den Erlass des Reifezeugnisses beantragen zu wollen.

Als eventuellen Termin erlaube ich mir, vorzuschlagen:

Dienstag den 2ten August 1904

Abends 6 Uhr

L. Koenigsberger

d. z. Dekan.

Mit Prüfung u. Termin einverstanden

Bütschli

Pfitzer

Salomon

gutachten.

die Arbeit von M. Nowikoff [illegible]

Ведомость от 2 августа 1904 г.
о сдаче М.М. Новиковым выпускных экзаменов
в Гейдельбергском университете: по зоологии, ботанике и палеонтологии,
в присутствии трех экзаменаторов и декана естественно-научного
математического факультета.

Архив Гейдельбергского университета (Германия):
Universitats archiv Heidelberg H-V-6/4, N31

51 b

Curriculum vitae.

Am 27. März 1876 wurde ich, Michael Nowikoff, in Moskau als Sohn des Kaufmanns, Michael Nowikoff, geboren. Ich bin griechisch-katholischer Konfession und russischer Staatsangehöriger.

Im Jahre 1886 bezog ich die neunstufige Commerzschule in Moskau. Nach Absolvierung dieser Anstalt im Jahre 1894, widmete ich mich zuerst dem Bankfach, gab jedoch diese Thätigkeit bald auf und wurde, einer frühen Neigung folgend, Lehrer an der Real- und Handelsschule in Moskau.

Im Sommer 1901 siedelte ich nach Heidelberg über und studierte hier Naturwissenschaften vom Wintersemester 1901/2 bis Sommer 1904. Meine Lehrer waren hier die Herren Professoren: Bütschli, Curtius, Glück, Herbst, Kossel, Lauterborn, Pfitzer, Quincke, Salomon und Schuberg. Allen diesen Herren bin ich zu verbindlichstem Danke verpflichtet.

Michael Nowikoff

Curriculum Vitae М.М. Новикова (лето 1904, Гейдельбергский университет).

Архив Гейдельбергского университета (Германия):
Universitats archiv Heidelberg. H-V-6/4, N31

QUOD BONUM FELIX FAUSTUMQUE SIT

SUB AUSPICIIS

AUGUSTISSIMI ET POTENTISSIMI PRINCIPIS

AC DOMINI DOMINI

FRIDERICI

MAGNI DUCIS BADARUM DUCIS ZARINGIÆ

ET QUÆ SINT RELIQUA

RECTORIS ACADEMIÆ MAGNIFICENTISSIMI

PRORECTORE ACADEMIÆ MAGNIFICO

VIRO AMPLISSIMO ILLUSTRISSIMO

THEODORO CURTIUS

PHILOSOPHIAE DOCTORE ET MAGISTRO LIBERALIUM ARTIUM CHEMIAE PROFESSORE PUBLICO ORDINARIO
MAGNO DUCI BADARUM A CONSILIIS INTIMIS REGIQUE BORUSSORUM A CONSILIIS INTIMIS REI PUBLICAE ADMINISTRANDAE
ORDINUM DE LEONE ZARINGIAE PRAEFECTO ET DE BERTHOLDO PRIMO EQUITE ETC. ETC.

NOS DECANUS SENIOR CETERIQUE PROFESSORES

ORDINIS PHYSICORUM

IN LITTERARUM UNIVERSITATE RUPERTO-CAROLA

VIRUM DOCTISSIMUM ET CLARISSIMUM

MICHAELEM NOWIKOFF

MOSCOVIENSEM

POSTQUAM DISSERTATIONEM ERUDITIONE ET ACUMINE LAUDABILEM EXHIBUIT

QUAE INSCRIBITUR

UNTERSUCHUNGEN UEBER DEN BAU DER LIMNADIA LENTICULARIS L.

ET EXAMINA EX LEGE INSTITUTA DIE II. MENSIS AUGUSTI A. MDCCCCIV SUMMA CUM LAUDE SUPERAVIT

DOCTOREM PHILOSOPHIAE NATURALIS CREAMUS

CREATUM HIS LITTERIS PUBLICIS ORDINIS SIGILLO MUNITIS RENUNTIAMUS

RENUNTIATO OMNIA IURA CUM DOCTORIS GRADU CONIUNCTA CONFERIMUS

DATUM HEIDELBERGAE IN UNIVERSITATE LITTERARIA RUPERTO-CAROLA

D. XVII. MENSIS MARTII A. MDCCCCV.

Обложка диплома об окончании М.М. Новиковым Гейдельбергского университета (1904) со званием «доктор философии».

Архив Гейдельбергского университета (Германия): Universitats archiv Heidelberg. H-V-6/4, N31

Untersuchungen

über

den Bau der Limnadia lenticularis L.

Inaugural-Dissertation

einer

hohen naturwissenschaftlich-mathematischen Fakultät

der

Universität Heidelberg

zur

Erwerbung des Doktorgrades

vorgelegt von

Michael Nowikoff

aus Moskau

Mit 5 Figuren im Text

Leipzig

Wilhelm Engelmann

1905

Титульная страница диссертации М.М. Новикова
«Исследование *Limnadia lentricularis* L.»
на получение степени доктора философии,
изданной в 1905 г., в Лейпциге в изд-ве Wilhelm Engelmann

в 1922 г. незадолго до высылки его из страны[24]. Спустя много лет, в 1954 г., он переиздаст эту работу в США.

Двери Зоологического института университета были широко открыты для студентов из Европы, включая русских. Одновременно с М.М. Новиковым здесь учились и работали: зоолог В.В. Станчинский, зоолог-энтомолог М.Н. Римский-Корсаков, зоолог и генетик Н.К. Кольцов, микробиолог Г.А. Надсон (1867–1939), зоолог беспозвоночных Б.В. Сукачев, зоолог-энтомолог П.Н. Спесивцев[25]. Судя по послевоенной переписке со «старыми» гейдельбержцами – Ф.А. Степуном и Д.И. Чижевским, у М.М. Новикова до конца дней оставались восторженные и яркие воспоминания о времени учебы в Гейдельбергском университете[26] (см.: Часть третья. Переписка).

Сравнительно-анатомические исследования М.М. Новикова в Гейдельберге

М.М. Новиков признавался, что вступление в область самостоятельных научных изысканий ознаменовалось для него крупной удачей: «В начале текущего столетия Германия не страдала ксенофобией, которая разыгралась по всей Европе лишь в связи с военными событиями. Поэтому мне, иностранцу, и был предоставлен для исследования наиболее ценный материал, хранившийся в зоологическом институте…»[27]. Этим объектом стал редко встречающийся и коротко живущий, примитивный листоногий рачок – лимнадия (Limnadia lenticularis), одетый в раковину, строение которого представляло большой интерес для сравнительных анатомов. Новиков положил много усердия и изобретательности в изготовление микроскопических препаратов, а также в препарирование неповрежденных органов с тем, чтобы подробно описать и зарисовать анатомические особенности животного, в том числе и его центральную нервную систему.

В ходе работы внимание М.М. Новикова неожиданно привлекли органы зрения. «Наряду с обычными для ракообразных, и вообще членистоногих животных, сложными боковыми глазами, у лимнадии и родственных с ней форм развивается еще примитивный средний глаз, зрительные клетки которого частью рассеяны по всей передней части тела, образуя так называемый фронтальный орган. Эти медианные глаза я подверг потом специальному сравнительному изучению у целого ряда листоногих рачков. ⟨…⟩ Таким образом, уже с первых шагов наметились два главных

направления моей исследовательской работы. Любимым объектом моего изучения стали органы зрения, а основным методом работы сравнительно-анатомические изыскания»[28]. В глазах любого другого ученого тема исследования теменного (третьего) глаза ящериц и круглоротых рыб представлялась бы бесперспективной. Классические работы чешского профессора Ф.К. Студнички, ранее досконально изучившего строение и происхождение теменного глаза и эпифиза, казалось, не оставляли здесь надежды на новые открытия. Интерес к исследованию начал спадать и из-за чисто технических трудностей, связанных с незначительными размерами и характерным и неудобным местоположением теменного глаза в отверстии теменной кости. Извлечение этого органа было связано с известными трудностями, а для приготовления из него препарата необходимо провести декальцинирование тканей, полностью его (орган) разрушающего. И тем не менее Новиков легко справился с технически трудоемкой задачей. Результатом исследований, проведенных в Гейдельберге, стала первая научная статья Новикова «Üntersushungen über den Bau der *Limnadia lenticularis L.*», опубликованная в 1905 г. на немецком языке в журнале «Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie», редактируемом О. Бючли, и небольшая монография с тем же названием, опубликованная в Лейпциге в издательстве W. Engelman'a в 1905 г.[29], ставшая позже основой российской докторской диссертации Новикова.

До начала Первой мировой войны свои научные статьи М.М. Новиков публиковал преимущественно в немецких журналах (см. раздел Труды М.М. Новикова), поскольку был тесно связан с немецким сообществом, где сформировался как профессиональный ученый. На эту особенность связи русских ученых «с определенным национальным, а вернее, языковым дисциплинарным сообществом» обратил внимание петербургский зоолог и историк науки Д.А. Александров: «Начиная с XIX века ученый имеет как минимум две социопрофессиональные идентичности: по принадлежности к корпорации по месту работы (университетской, промышленной и т.д.) и по принадлежности к научной дисциплине. ⟨…⟩ Для многих русских ученых долгое время "университетская" идентичность была русской, а "дисциплинарная" – немецкой, так как они были по многим параметрам связаны с сообществом в Германии»[30].

Курс на естественно-научном факультете Гейдельбергского университета длился как минимум шесть семестров, но часто растягивался и на больший срок. По окончании курса проводились

экзамены двух типов: «государственные», дававшие право в дальнейшем преподавать в гимназии, и «докторские», определявшие возможность дальнейшей академической карьеры[31]. Для М.М. Новикова значение имел только докторский экзамен. Все шесть семестров обучения в университете Новиков проходил с большой самоотдачей, часто отказываясь от всевозможных студенческих радостей. О. Бючли ценил своего усердного русского ученика и помог ему в конце шестого семестра (13 июня 1904 г.) приступить к сдаче докторских экзаменов. Предметы для экзаменов Новиков выбирал сам. В качестве главного была выбрана зоология, а в качестве так называемых добавочных предметов – ботаника и палеонтология. Экзамены принимали профессора: Бючли (зоология), Пфицер (ботаника) и Саломон (палеонтология). Успехи Новикова были отмечены наивысшей оценкой «summa cum lauda superavit», редко присуждаемой даже немецким студентам[32]. «Это был один из счастливейших, если не самый счастливый миг в моей жизни. 〈…〉. – вспоминал Новиков. – В этот незабываемый момент я почувствовал, что вступаю твердой ногой на новый жизненный путь, путь научно-исследовательской работы, путь искания истины. Если истина как бесконечно удаленный идеал и недостижима, то даже малое приближение к ней оправдывает существование человека и придает смысл его жизни»[33].

Институт сравнительной анатомии Императорского Московского университета

Летом 1902 г., во время «русских каникул» у О. Бючли работал молодой русский цитолог и протистолог Н.К. Кольцов, который рассказал М.М. Новикову об организации ординарным профессором зоологии проректором Императорского Московского университета М.А. Мензбиром Института сравнительной анатомии, оборудованным новейшей техникой[34]. Заочно Новиков уже был знаком с Мензбиром. Еще во время службы в банке он однажды прочел в газете сообщение о годичном общем собрании Императорского Московского общества испытателей природы, где с лекцией о дарвинизме должен был выступить Мензбир. Вместе с женой Новиков посетил это собрание. Он вспоминал: «Вся процедура годичного собрания произвела на меня неизгладимое впечатление. 〈…〉 А обстоятельный, до конца исчерпывающий тему доклад М.А. Мензбира, тогда еще сравнительно молодого и чернобородого, празднично облеченного во фрак профессора, положительно очаровал меня. Когда я покидал собрание,

Фото из собрания Praxis Dres. Med. Gabriele und Dieter Jung, Heidelberger: Вид на г. Гейдельберг (1880)

Старый Гейдельбергский университет

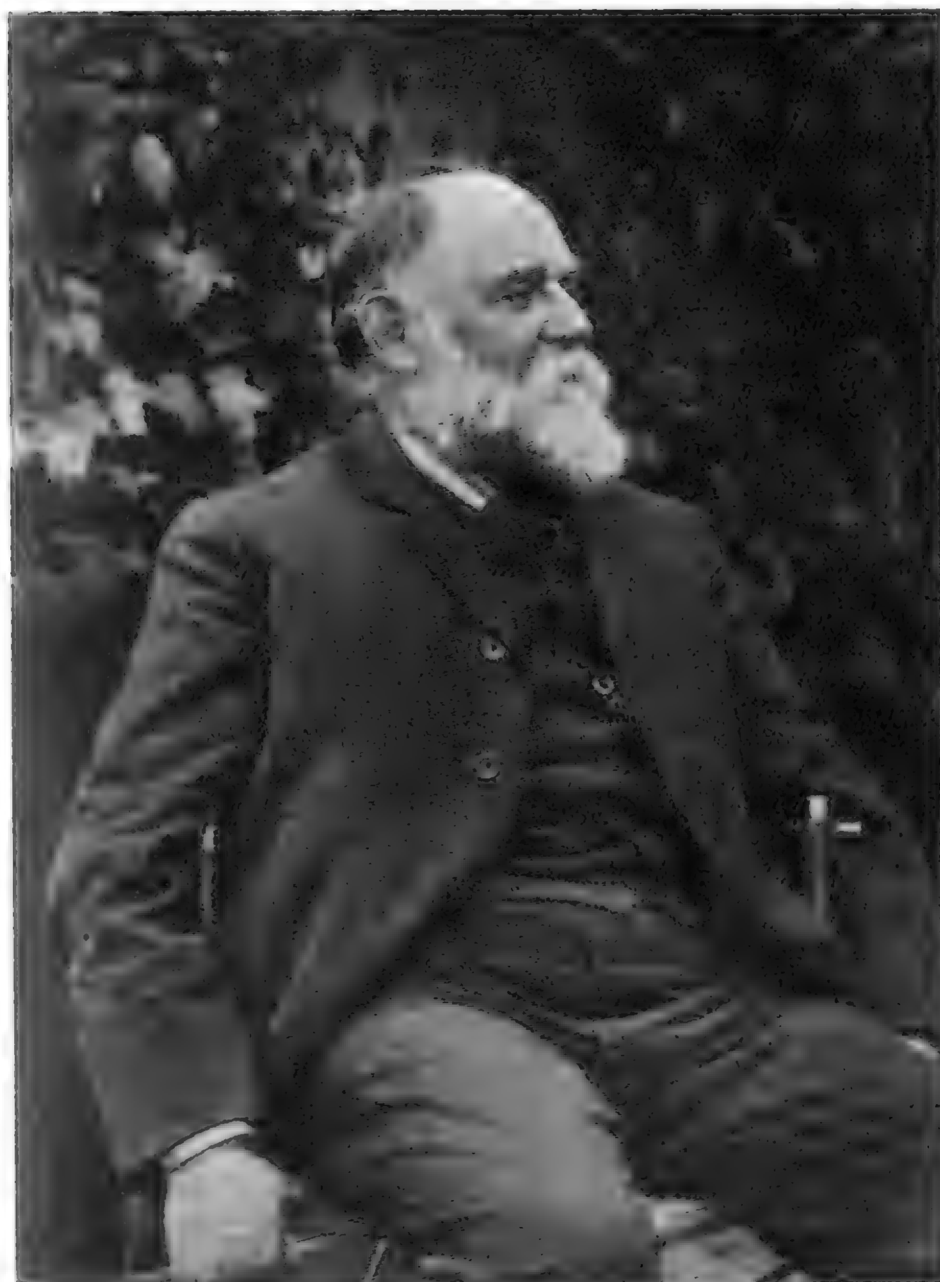
Студенты под мостом

Университетская библиотека

Александр Андреевич Тихомиров – ректор ИМУ в 1899–1904 гг.
Любарский Г.Ю. **История Зоологического музея МГУ: идеи, люди, структуры. М.: КМК, 2009**

Профессор Николай Юрьевич Зограф.
Из личного архива Р.М. Фандо

во мне снова загорелись уже полузабытые мечты об университетском образовании»[35].

В самом начале августа 1904 г., получив диплом доктора философии (doctorem philosophiae naturalis creamus)[36], М.М. Новиков вернулся в Россию, где был представлен М.А. Мензбиру, и тот охотно предоставил ему место в своем институте. Здесь Новиков смог продолжить научные исследования, начатые им в Гейдельберге. Прекрасная школа, которую он прошел в Германии, снискала ему дополнительный авторитет у коллег, а современный микроскоп Цейса, привезенный из-за границы, облегчал ему техническую работу. Помимо сходных научных принципов, Мензбира и Новикова, несомненно, сближала их принадлежность одной и той же партии – конституционных демократов (кадетов).

«Подобно тому, как в социальной жизни, меня и в науке потянуло к обиженным, – черта столь типичная для русской интеллигенции. Во время моего вхождения в научную жизнь модным объектом исследования была нервная ткань. Я же решил посвятить свое внимание скелетным тканям – хрящу и кости, которыми ученые тогда пренебрегали. Обширное исследование, посвященное этому предмету, которое впоследствии сыграло роль моей московской магистерской диссертации, я произвел в Гейдельберге, под влиянием моего учителя проф. О. Бючли», – вспоминал М.М. Новиков[37].

Никакого официального положения в Институте сравнительной анатомии Императорского Московского университета М.М. Новиков не занимал. Как позже он объяснял в своих мемуарах: «Построенный мной дом обеспечивал нам бесплатную квартиру и скромный доход, на который мы могли существовать. Это было большой удачей по сравнению с большинством коллег, которые должны были тратить много времени на добывание средств к жизни, занимая должности ассистентов, учителей в средних учебных заведениях и т.п. Такая необходимость заработка буквально сломала многим талантливым ученым их академическую карьеру. К парадоксам моей жизни относится между прочим и то, что я, достигший впоследствии самых вершин университетской иерархии, никогда не был ни ассистентом, ни экстраординарным профессором»[38].

Рабочая и товарищеская атмосфера, царившая в Институте сравнительной анатомии, на всю жизнь оставила у М.М. Новикова самые приятные воспоминания. Здесь он познакомился со старшим ассистентом института, доктором зоологии П.П. Сушкиным (автором капитальных работ по орнитологии), профессорами:

Г.А. Кожевниковым (заведующим Зоологическим музеем), Н.Ю. Зографом (директором зоологической лаборатории, которая впоследствии была преобразована в Зоологический институт, автором учебника зоологии для медиков), старшим ассистентом Зографа – Н.В. Богоявленским, профессором гистологии медицинского факультета И.Ф. Огневым, ассистентом В.С. Елпатьевским и др. «Институт сравнительной анатомии был обставлен гораздо более богато, чем Зоологический институт в Гейдельберге. Но богатства эти не были в достаточной мере использованы», – сожалел Новиков[39].

Профессор Петр Петрович Сушкин.
Из личного архива Р.М. Фандо

Поражало М.М. Новикова и практически полное отсутствие у М.А. Мензбира желания руководить многочисленными молодыми учеными, так что те вынуждены были вести свои исследования несколько беспомощно, но совершенно самостоятельно. Однако, пройдя принципиально другую школу в Гейдельберге, Новиков мог оправдать Мензбира, поскольку тот был обременен тогда многочисленными делами: здесь и чтение лекций, и редактирование научных трудов Общества испытателей природы, и переиздание его учебника, и составление богатых и интересных орнитологических коллекций... «Внешне угрюмый, особенно когда с опущенной головой, тяжеловесными, как говорили, слоновьими шагами, он задумчиво проходил по коридору института, Михаил Александрович Мензбир проявлял тем не менее неизменную благожелательность к своим ассистентам и научным сотрудникам. Его институт явился колыбелью серии выдающихся ученых», – вспоминал Новиков[40].

Однако нельзя также забывать, что М.А. Мензбир был зоологом позвоночных животных, а М.М. Новиков занимался из-

учением беспозвоночных, так что для него самого консультации Мензбира значили меньше, чем мнение немецких коллег.

В конце первого учебного года М.М. Новиков приступил к подготовке и сдаче магистерских экзаменов. В дореволюционных университетах эти экзамены всегда были серьезным испытанием: к ним предъявлялись чрезвычайно высокие требования. Позже Новиков вспоминал: «Для подготовки к главному предмету этого экзамена мне было предложено прочесть около 50 тысяч страниц специальной литературы. За экзаменом следовало чтение двух пробных лекций, а затем защита магистерской диссертации, которая обычно представляла собой солидную книгу и являлась вкладом в научную литературу»[41]. М.М. Новикову предстояло сдать экзамены по пяти предметам: зоологии беспозвоночных (экзаменатор профессор Н.Ю. Зограф), зоологии позвоночных и сравнительной анатомии (профессор М.А. Мензбир), физиологии (профессор Л.З. Мороховец), палеонтологии (профессор А.П. Павлов) и ботанике (профессор М.И. Голенкин и профессор Ф.Н. Крашенинников).

В связи с подготовкой М.М. Новикову пришлось забросить исследовательскую работу и все лето и осень 1905 г. штудировать литературу с утра до вечера. 4 ноября 1905 г. у Новиковых родился третий ребенок – сын Владимир. Уже через месяц, в декабре 1905 г. Новиков сдал свой первый магистерский экзамен (по зоологии беспозвоночных); другие четыре экзамена были сданы им зимой и весной 1906 г. Затем для получения звания приват-доцента Новикову необходимо было прочесть две пробные лекции: одну на тему, предложенную факультетом, другую – по собственному выбору. «Тема, назначенная мне факультетом – о группе иглокожих животных ⟨...⟩, была мне очень приятна, так как во время пребывания за границей я посетил русскую приморскую биологическую станцию в Виллафранке, где с большим интересом ознакомился с этой своеобразной группой. Сам же я, желая показать, что не хочу замыкаться исключительно в область беспозвоночных, подготовил лекцию о теменном глазе ящериц, в то время еще мало исследованном, который впоследствии стал объектом моей докторской диссертации», – вспоминал Новиков[42].

Осенью 1906 г. М.М. Новиков получил звание приват-доцента Московского университета. Однако, не желая сразу же включаться в преподавательскую работу, он решил поехать на два года за границу для расширения своей научно-исследовательской деятельности. «Двухлетняя бесплатная командировка была мне дана университетом без всяких затруднений, и осенью 1906 г.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ХРЯЩЕВОЙ И КОСТНОЙ ТКАНЯХЪ.

М. Новикова,
Приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета

Съ 8-ью таблицами рисунковъ.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1909.

Обложка магистерской диссертации М.М. Новикова, приват-доцента Имп. Московского университета. М.: Тип. ИМУ, 1909

я снова выехал с семьей за границу»[43]. Прежде всего он направился в Гейдельберг, где его ждал приятный сюрприз – там шла подготовка к Международному съезду по изучению раковых заболеваний. На съезде он встретил знаменитого соотечественника, будущего нобелевского лауреата (1908) И.И. Мечникова, много лет работавшего в Пастеровском институте в Париже. Новиков с женой Валентиной Николаевной пригласили его к себе домой, где продемонстрировали московское гостеприимство, предложив гостю русские лакомства (икру, балык и др.), привезенные ими в Германию. Весь вечер прошел в интересной беседе. В свою очередь, Мечников рассказал о своей новой концепции о роли молочно-кислых бактерий в бактериальной фауне кишечника[44].

За время своей двухлетней командировки М.М. Новиков неоднократно возвращался домой, поддерживая связь с Институтом сравнительной анатомии. Кроме того, он съездил в Париж, поработал на Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер (Франция), а также в Триесте и Ровиньо. Его посещения станций были кратковременными: в Триесте[45], например, он пробыл 16 дней, в Фиуме[46] – 1 день и в Ровиньо[47] – 3 дня, тогда как три семестра научной командировки Новиков посвятил работе в зоологической лаборатории профессора О. Бючли в Гейдельберге[48]. Именно здесь он подготовил материал для своих двух русских диссертаций.

«Новиковская коллекция» Бахметевского архива Колумбийского университета в Нью-Йорке содержит важные документы для оценки научного творчества М.М. Новикова[49]. Речь идет о его публичных лекциях, не публиковавшихся в печати, но позволяющих судить об особенностях его творчества. Например, можно сделать важное заключение о характере Новикова как ученого, никогда не следовавшего моде, а вопреки всему выбиравшего для своих исследований самые «непрезентабельные» темы и биологические объекты. К числу их относилось и изучение гистологии соединительной, хрящевой и костной ткани (1909) (заметим, что модным в те годы было изучение гистологии нервной ткани), и знаменитое исследование рудиментарного «теменного» глаза пресмыкающихся, ставшее темой второй (московской, в отличие от первой – гейдельбергской) докторской диссертации Новикова (1911).

Впоследствии сравнительно-анатомическое изучение органов зрения привело М.М. Новикова к классификации их на четыре основных типа, признанной биологами всего мира. В свою очередь, изучение особенностей в строении органов зрения стало

отправной точкой для разработки М.М. Новиковым в 1930-х гг. важнейших теоретических обобщений, обогативших некоторые области теоретической биологии, и, в частности, область сравнительной анатомии. Речь идет о теоретическом анализе понятий «гомология» и «аналогия».

Темой сравнительно-анатомического изучения органов зрения с большими или меньшими перерывами М.М. Новиков занимался практически всю жизнь. Кроме медианного глаза листоногих и ракушечных рачков, его интересовал теменной глаз ящериц и круглоротых рыб, который в его времена считался рудиментарным органом, не приспособленным к выполнению зрительных функций. Путем эмбриологических и гистологических исследований Новикову удалось опровергнуть это научное заблуждение и доказать, что теменной глаз тесно связан с мозгом посредством особого зрительного нерва и представляет собой нормально функционирующий орган низшего порядка: он не воспринимает форму предметов, но сигнализирует об изменении степени освещения сверху и направлении светового луча. Для ящериц и круглоротых рыб он служит своеобразным органом предупреждения об опасности[50]. Статья, посвященная теменному глазу, была высоко оценена лондонскими профессорами, которые признали её выдающейся («eminent paper»)[51]. Любопытно, что во время своего повторного визита в Гейдельберг Новиков сделал еще одно крупное открытие, относящееся уже к области физиологии, – он продемонстрировал эффект действия гормонов щитовидной железы на способность к необычайно интенсивному размножению инфузорий (одноклеточных). Много лет спустя, его приоритет в этом открытии будет признан известными венскими и американскими учеными.

Вернувшись в Россию, в 1908/09 учебном году М.М. Новиков начал читать курс общей гистологии в Императорском Московском университете в должности приват-доцента. Его лекции, хотя и необязательные для студентов, собирали большой контингент слушателей, и Новиков с головой ушел в преподавательскую деятельность. Он даже организовал своим студентам в конце 1908/09 учебного года интересную экскурсию в Крым для исследования недавно открытой там Скельтской сталактитовой пещеры. В Москве он продолжал изучение влияния гормонов щитовидной железы на примитивные одноклеточные организмы, начатое в Гейдельберге. Полученные результаты (1908) вызвали широкий отклик на Западе и затем – появление целой серии новых исследований[52]. В 1909 г. в Императорском Московском университете

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

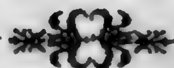
О ТЕМЕННОМЪ ГЛАЗѢ

ЯЩЕРИЦЪ.

М. Новикова,

Приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета.

Съ 6-ью таблицами рисунковъ.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1910.

Обложка докторской диссертации М.М. Новикова, приват-доцента Имп. Московского университета. («Учен. зап. Имп. Московского университета». Отделение естественно-историческое. Вып. 27)

М.М. Новиков защитил магистерскую диссертацию на тему «Исследования о хрящевой и костной тканях»[53]. Его оппонентами на защите были профессора И.Ф. Огнев и Г.А. Кожевников. Новиков стал магистром в 33 года и гордился тем, что, несмотря на пропущенные им 7 лет академической жизни после окончания Коммерческого училища, все-таки сумел догнать и перегнать некоторых своих коллег. Работая в Институте сравнительной анатомии при Московском университете, М.М. Новиков вместе с В.С. Елпатьевским из Зоологического музея Московского университета был инициатором создания нового «Биологического журнала», первый том которого вышел в 1910 г. в Москве в типографии университета[54].

Вслед за тем М.М. Новиков подготовил докторскую диссертацию, материал для которой он собрал, находясь за границей. Спустя год Новиков передал своему будущему оппоненту – профессору М.А. Мензбиру – рукопись докторской диссертации для просмотра и передачи ее для публикации в Ученых записках. Вскоре, встретив Мензбира, он узнал, что тот не нашел никакого научного открытия в его работе. Огорченный Новиков попросил его вооружиться терпением и дочитать работу до конца. При этом сам он уехал на Международный съезд зоологов в Граце (Австрия), проходивший в августе 1910 г. Его доклад, посвященный описанию так называемого третьего, теменного глаза у ящериц, был поставлен на общее собрание съезда как одно из самых интересных и сенсационных сообщений.

Вернувшись в Москву, М.М. Новиков встретил М.А. Мензбира, который уже ознакомился с диссертацией. И хотя до того уже дошли слухи о благоприятном приеме Новикова в Граце, теперь у него возникли сомнения относительно актуальности его докторской диссертации. Оказалось, что выписанная Мензбиром книга лондонского профессора Денди по своему содержанию совпадала с работой Новикова о теменном глазе. Новиков успокоил Мензбира, обратив его внимание, что на последних страницах своей книги автор (Денди) признал приоритет открытий Новикова. На другой день Мензбир уже с веселым лицом заявил, что все в порядке и, наконец, рекомендовал факультету работу Новикова в качестве докторской диссертации. Защита была назначена на первую половину января 1911 г. Она проходила в форме публичного собрания на кафедре зоологии Императорского Московского университета. В Москве тем временем продолжались крупномасштабные студенческие беспорядки, и Новиков, кроме естественного волнения перед предстоящим обсуждением, опасался «как бы посторонняя

публика, в большом количестве собравшаяся в аудитории ⟨...⟩ не превратила ученый диспут в политический митинг»[55]. Степень доктора зоологии позволила Новикову получить должность ординарного профессора Императорского Московского университета, что оказалось большой удачей: «Если бы я не поспешил, то при политических осложнениях, вторгшихся в мою жизнь вскоре после этого, мой докторат мог бы вообще не осуществиться», – вспоминал он[56].

Московская городская дума

Осенью 1908 г. председатель так называемой прогрессивной группы Сущевского района г. Москвы – Н.Ф. Ржевский, у которого семья Новиковых какое-то время снимала квартиру, пригласил Михаила Михайловича вступить в члены его комитета и выставить кандидатуру в гласные Московской городской думы. «Это было жесткое вторжение в мою научную работу», – признавался Новиков. «Но убежденный… в том, что деятельность в Городской думе не отнимет у меня много времени, что я смогу быть там полезен в деле просвещения беднейших классов населения, и что думскому составу желательно придать, возможно, более интеллигентный характер, я согласился на его предложение...»[57]. Успех прогрессивной группы на выборах в Думу значительно усилила группа домовладельцев – арендаторов, мелких торговцев, купцов и ремесленников, вошедших в состав комитета, и отличавшаяся резко оппозиционным настроением по отношению «к петербургскому, преимущественно дворянскому начальству»[58]. Хотя Новиков был человеком новым «и только что вернувшимся из-за границы»[59], он довольно легко прошел в гласные Думы, благодаря научному званию приват-доцента Московского университета, а также, своими яркими выступлениями на предвыборных собраниях, которые «импонировали в купеческих кругах»[60]. Позже Новиков отмечал: «Это было началом длинной серии удач на всевозможных выборах»[61], имея в виду свой успех на двух других последующих выборах в Московскую городскую думу созыва 1912 и 1916 гг., а также выборах в IV Государственную Думу. Таким образом, начиная с 1908 г. жизнь Новикова пошла по двум параллельным дорогам: научной (академической) и общественной (государственной).

Общее число гласных в Московской городской думе созыва 1908 г. составляло160 человек. «Заседания проходили публично в большом думском зале, где громадным покоем расставлялись покрытые темно-красным сукном столы для гласных, а в одном

конце возвышалась эстрада для публики. Гласные размещались таким образом, что правая группа находилась на правой стороне от председателя, а прогрессисты на левой… размещение оказывалось довольно симметричным»[62]. Городским головой (председателем) был избран крупный коммерсант и ставленник правой группы Н.И. Гучков, занимавший эту должность в Думе предыдущего созыва. По мнению Новикова, «Николай Иванович был ловким, находчивым председателем, просвещенным человеком, хорошо знающим иностранные языки, что весьма облегчало представительство перед иностранными гостями… Атмосфера заседаний Московской думы была спокойной и деловитой… до резкостей, столь частых в парламентах, где разыгрываются политические страсти, обыкновенно не доходило… Гласные старались поддерживать достоинство и бескорыстие при исполнении возложенных на них общественных функций… Страх перед извлечением личных выгод доходил иногда до крайней степени щепетильности. Я помню доклад управы, в котором предлагалось выдать гласным карточки для бесплатного проезда на городских трамваях. Против доклада поднялась буря негодования со всех сторон Думы… То же самое я наблюдал впоследствии в Государственной Думе, где никаких даровых проездов ни на трамваях, ни на железных дорогах не практиковалось»[63].

Ядро прогрессивной группы Московской городской думы, куда вошел М.М. Новиков, состояло из нескольких представителей недавно образовавшейся конституционно-демократической партии. Председателем группы был избран Д.Н. Шипов – бывший председатель Московской губернской земской управы, не принадлежащий к партии кадетов. Ему помогал Н.И. Астров, служивший ранее секретарем Московской городской думы и досконально изучивший городское дело. В 1916 г. он был избран городским головой.

Вот как описывал М.М. Новиков вклад Московской думы в благосостояние Москвы за те десять лет, которые он был гласным: «…на месте прежних булыжных мостовых появились гладкие, усовершенствованные мостовые, 〈…〉 строились школьные и больничные здания, оборудованные по последнему слову науки и техники, расширялась трамвайная сеть, обслуживаемая спокойными, комфортабельными вагонами. Огромная Театральная площадь, представлявшая раньше песчаную пустыню, над которой при ветре вздымались тучи пыли, была превращена в роскошный цветущий сквер, против которого вдоль стены Китай-города был разведен богатейший розариум. Особого упоминания заслуживает прекрасный водопровод, а главное, рационально устроенная

канализация. Город не хотел загрязнять Москву-реку канализационными отбросами, как это делается в целях экономии нередко за границей. Требования гигиены стояли на первом месте. Поэтому для отвода сточных вод были устроены поля орошения с почвенными и искусственными фильтрами, столь совершенными, что в результате очистительных процессов получалась кристально чистая, как бы ключевая вода…

К этому краткому очерку успехов городского самоуправления можно добавить, что и те сооружения, которыми сейчас так гордятся большевики, а именно московский метрополитен и московский порт, т.е. превращение мелководной Москвы в судоходную реку, были разработаны в наше время… Конечно, такой азиатской роскошью, которой щеголяет ныне московский метрополитен и которая достижима в нищей стране лишь при наличии рабского труда, мы обставлять метрополитен не собирались. Но нельзя забывать, что основная мысль обоих сооружений и, главное, черты их осуществления были разработаны в недрах буржуазного городского управления»[64].

Школьное и внешкольное образование, Общество попечения об учащихся детях Бутырского района Москвы: 1909 г.

В Московской городской думе М.М. Новиков занимался вопросами народного образования (так называемая Училищная комиссия), которое в то время успешно развивалось. «Было осуществлено всеобщее обучение, ⟨…⟩ при котором никто из московских детей не получал отказа при приеме в начальную школу, и разрабатывался вопрос об обязательном образовании»[65]. Сам Новиков стал курировать одну из окраинных школ Москвы в Бутырской слободе, где учились дети из беднейших слоев населения. Материально этим детям помогали так называемые попечители о бедных из числа московской интеллигенции и зажиточных слоев населения. «Духовные же потребности детей удовлетворялись лишь в сравнительно немногие часы пребывания в школе. ⟨…⟩ А в семейной обстановке, обыкновенно малокультурной, а часто и чрезвычайно грубой, с пьянством и побоями, ребенок легко мог растерять и то немногое, что он вынес из школы»[66]. Новиков поставил в Думе вопрос о необходимости организовать особые учреждения для внешкольного воспитания учащихся в городских школах.

В первой половине 1909 г. вместе с городским судьей Н.П. Окуневым и присяжным поверенным М.М. Духовским М.М. Новиков

подал градоначальнику Н.И. Гучкову заявление об учреждении «Общества попечения об учащихся детях Бутырского района», задачей которого была бы организация внешкольного досуга детей[67]. К его удивлению Гучков не только горячо поддержал инициативу, полагая, что «это святое дело»[68], но и «внес 100 руб. членского взноса как один из первых пожизненных членов общества»[69]. Новиков был избран председателем общества. Вскоре на окраине Москвы усилиями общества были созданы детские клубы, где после школы дети готовили домашние задания, занимались уроками ручного труда, живописью, музыкой, самодеятельным театром, игрой на музыкальных инструментах в оркестре; летом были организованы площадки для детских игр, проводились массовые экскурсии за город; зимой заливались катки, где неимущим детям бесплатно выдавались коньки и проч. Примеру Бутырского общества попечения об учащихся детях последовали и другие районы Москвы (например, в Арбатском районе председателем Общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детях стала княгиня С.А. Голицына, в Рогожском районе – С.В. Бахрушин). Главным принципом работы «Обществ попечения учащихся детей» была их финансовая независимость от городского управления, и без того обремененного программой городского попечительства о бедных.

В сферу забот Московской городской думы входило и среднее образование в форме контроля за частными средними учебными заведениями. М.М. Новиков, например, курировал Женскую гимназию Л.Ф. Ржевской. Кроме того, его интересовало правовое положение местного самоуправления (городского и земского). В своей книге воспоминаний «От Москвы до Нью-Йорка» он подробно описал посещение им вместе с Н.И. Гучковым съезда городских представителей в Киеве и напомнил о содержании своего выступления против ограничения свободы слова при обсуждении вопросов городского самоуправления[70].

Интересно, что гласным в Московской городской думе служил и Иван Ильич Вавилов – выходец из подмосковных крестьян, крупный московский предприниматель, отец будущего академика Николая Ивановича Вавилова. В материалах Бахметевского архива в Нью-Йорке есть одна интересная ремарка: «Сын владельца бол[ьшой] Московской фабрики обуви, Вав[илов] уже в юности отличался так[им] пристрастием к естествознанию, что отец его, мой коллега по Московской государственной думе, не раз во время кулуарных бесед печалился мне, что сын его не будет преем-

ником его торговых дел. Я утешал его, говоря, что перед сыном открывается дорога более широкая, чем ремесло башмачника»[71].

Будучи гласным Московской городской думы, М.М. Новиков тесно сблизился с представителями конституционно-демократической партии, или, как ее тогда называли, партией Народной свободы. Программа партии привлекла его своей резкой оппозиционностью реакционным тенденциям правительства, борьбой за полноту гражданских свобод в России, за устранение социальной несправедливости и возможности осуществления в стране настоящего парламентского правления. Вскоре Новиков стал одним из активных членов партии кадетов, а после его избрания в члены IV Государственной Думы был введен в состав ее Центрального комитета.

«Разгром» Московского университета (1911)

После защиты докторской диссертации М.М. Новиков совсем недолго проработал в Московском университете. В 1911 г. разразился скандал. Министр народного просвещения и бывший профессор кафедры гражданского права Московского университета Л.А. Кассо издал распоряжение, шедшее вразрез с принципом университетской автономии. Члены президиума Московского университета, состоявшего тогда, как говорили шутники, из трех «М»: профессора А.А. Мануйлова (ректора), М.А. Мензбира (помощника ректора) и П.А. Минакова (проректора), заявили протест. А когда министр стал резко настаивать на выполнении его распоряжения, трое «М» подали в отставку. В ответ на это министр издал незаконное распоряжение об отрешении членов президиума от профессорских обязанностей и о выселении их в двухнедельный срок из казенных университетских квартир. «Этот акт, в котором явно сквозило чувство мести бывшего профессора к своим более достойным коллегам, вызвал в университетской среде глубочайшее возмущение. Сто тридцать наиболее известных профессоров и доцентов вышли в виде протеста в отставку. Произошел, таким образом, большой общественный скандал во всероссийском масштабе»[72]. Новиков также подал в отставку. Позже этот массовый уход профессуры историки назовут «разгромом» Московского университета, а Новиков – «жесточайшей катастрофой на почве защиты университетской автономии»[73].

Принцип широкой автономии Московского университета был сформулирован еще М.В. Ломоносовым, чьи слова «Науки не терпят принуждения» были вписаны в университетский устав в эпоху реформ Александра II. При царствовании Александра III,

уставом 1884 г., университеты вновь были лишены многих прав, в том числе и самостоятельности в выборе профессоров и высших должностных лиц. С зарождением в России конституционных начал, Высочайшим указом 1905 г., долгожданная автономия была возвращена университетам. Тем не менее, университетская автономия «...продолжала оставаться бельмом в глазу у многих старорежимных администраторов и даже у некоторых бюрократически настроенных профессоров»[74].

Разъяснение о причинах исторического конфликта 1911 г. в Московском университете можно найти в трудах некоторых историков[75]. В первую декаду XX в. прерогатива подготовки преподавателей высшей школы и окончательного отбора кандидатов в так называемые профессорские стипендиаты находилась не в руках профессорских коллегий (советов) университетов, а в ведении различных ведомств. Л.А. Кассо, постоянно конфронтировавший с либеральным большинством профессоров Московского университета, подготовил проект реорганизации института «профессорских стипендиатов», по которому основная подготовка профессоров должна была быть сконцентрирована в зарубежных, а не в российских учебных заведениях, поскольку последние не способны готовить научные кадры якобы из-за отсутствия в России «научной атмосферы»[76].

Несмотря на резкую критику со стороны общего собрания Российской академии наук 20 мая 1911 г., Кассо, тем не менее, сумел провести свой проект в законодательном порядке через Совет министров, а 19 января 1912 г. – утвердить его у царя[77]. Согласно новому закону, зарубежные курсы для подготовки «профессорских стипендиатов» открылись в Берлинском (гражданское и уголовное право), Тюбингенском (биология, физика), Парижском (математика, юриспруденция) университетах, а также университете в Карсруэ (механика и прикладные науки). В 1912–1915 гг. содержание обучавшихся за границей (51 человек) стипендиатов поглощало 2/3 кредита, отпускавшегося Министерством народного просвещения на профессорские стипендии. В результате те стипендиаты, кто оставался при российских университетах, существовали без какого-либо казенного содержания, что привело к резкому сокращению их численности. Государственная недальновидность Кассо стала очевидной с началом Первой мировой войны, когда закрылось абсолютное большинство зарубежных, преимущественно немецких, курсов для подготовки «профессорских стипендиатов»[78].

М.М. Новиков вспоминал: «Мне лично было очень тяжело расстаться с Московским университетом, в котором я еще так не-

давно начал свою научную деятельность. Но преклонение перед свободой научной мысли, а следовательно, перед университетской автономией, которую я культивировал в себе в течение всей жизни и сохранил до наступившей ныне глубокой старости, не давало места для сомнений. Я с полной решимостью подписал заявление об отставке»[79]. И далее: «Пробегая мысленным взором свои академические выступления, я могу сказать, что трижды принимал участие в коллективных протестах в защиту университетской автономии. Второе выступление состоялось в 1920 г., когда я, в качестве ректора Московского университета, резко возражал против радикальной ломки основы университетского самоуправления Народным комиссариатом по просвещению, о чем речь будет ниже. А третий случай произошел совсем недавно, в начале 1945 г., когда сенат Братиславского университета, членом которого я состоял, единодушно протестовал против закона, изданного Словацким правительством и пытавшегося установить в угоду Гитлеру диктаторские приемы управления высшей школой»[80].

К сожалению, в событиях 1911 г., наряду с героизмом многих старых профессоров, наблюдались и действия совершенно противоположного порядка. Некоторые ученики вышедших в отставку профессоров использовали удобный случай и заняли освободившиеся кафедры. «Я помню огорчение М.А. Мензбира, когда он узнал, что его кафедру и заведование его институтом, из которого он был так грубо и бесцеремонно изгнан, принимает на себя один из любимейших его учеников – А.Н. Северцов. Такое же огорчение испытал профессор П.И. Новгородцев от своего ученика Б.П. Вышеславцева», – свидетельствовал М.М. Новиков[81].

Решение уйти из университета в преддверии получения поста экстраординарного профессора принесло М.М. Новикову уважение коллег, позднее выразившееся в политическом доверии к нему в среде кадетов[82].

Коммерческий институт Московского общества распространения коммерческого образования

Покинув университет, М.М. Новиков утратил свою лабораторию в Институте сравнительной анатомии Московского университета. При этом возможность преподавания представилась ему в другом месте – руководство Московского коммерческого института (открыт в 1907 г. по адресу: Серпуховка, Стремянный переулок) пригласило его на должность ординарного профессора

для чтения курса зоологии позвоночных животных и сравнительной анатомии на техническом отделении.

Профессор Александр Александрович Кизеветтер

Состав преподавателей Московского коммерческого института, возникшего по инициативе и на средства московского купечества и находящегося в ведении либерально настроенного Министерства торговли и промышленности, был блестящим. Директором института и профессором его юридического факультета был профессор П.И. Новгородцев – один из основателей партии кадетов (1905), член ЦК этой партии, бывший профессор права Императорского Московского университета, покинувший его в числе упомянутых выше 130 сотрудников. Новгородцев был умелым практиком-организатором, что в немалой степени способствовало процветанию Коммерческого института. Здесь же политическую экономию преподавал бывший ректор Московского университета и будущий министр народного просвещения профессор А.А. Мануйлов. Заместителем директора института был прежний учитель М.М. Новикова профессор Я.Я. Никитинский, который «возвел преподавание на большую высоту, непрестанно заботясь о том, чтобы профессиональные предметы изучались на широкой основе естествознания»[83]. Например, для подготовки товароведов Никитинский считал важным цикл лекций Новикова по сравнительной анатомии позвоночных животных. В институте работали профессор С.А. Муромцев – бывший председатель Государственной Думы I созыва, профессор-ботаник Н.Н. Худяков и многие другие. Новиков проработал в Московском коммерческом институте 5 лет, так что его уход из Московского университета был временно вознагражден. За службу в Коммерческом институте Новикову был пожалован чин статского советника. «Это произошло в каком-то

парадоксальном порядке, без получения мною предварительных, младших чинов», – вспоминал Новиков[84].

По мнению Д.А. Александрова, «этот этап биографии Новикова хорошо демонстрирует особенности корпоративной культуры профессоров и то, какое значение эти события имели для формирования тесных контактов у ученых того времени, – вся дальнейшая жизнь Новикова и в России, и в эмиграции будет связана с людьми этого периода. Социальный капитал связей, политический капитал и репутация в научной сфере были взаимно обратимы. Общей основой был капитал доверия, формировавшийся у профессуры как доверие профессиональное: в равной степени как к научным работам коллеги, так и к его корпоративному поведению»[85].

Государственная Дума IV созыва

В октябре 1912 г. М.М. Новиков был выдвинут в депутаты IV Государственной Думы в числе кандидатов от партии кадетов г. Москвы[86]. «Это было как гром среди ясного неба. Вся моя жизнь поворачивалась по-новому, – признал он. – Оказалось, что накануне состоялось заседание Московского комитета, на котором я не то по занятости, не то по легкомыслию отсутствовал и на котором “без меня – меня женили”. Мои сущевские друзья выставили мою кандидатуру, мотивировав ее моим знакомством с заграничной жизнью, политической твердостью и решимостью, нашедшей себе выражение в уходе из Московского университета, а также успешностью работы в качестве гласного»[87]. Главным конку-

**Императорский Таврический дворец.
Санкт-Петербург, 1906**

Зал заседаний Государственной Думы в Императорском Таврическом дворце. Санкт-Петербург, 1906

рентом Новикова на выборах от Москвы выступил А.И. Гучков (партия октябристов), который в Думе III созыва был не только депутатом, но и какое-то время ее председателем.

М.М. Новиков опасался, хватит ли у него сил, выдержки и напора для предвыборной кампании, в ходе которой ему придется дискутировать с опытными политическими противниками по малоизвестным ему вопросам государственного управления: «Я должен признаться, что по внутренней моей сущности я человек робкий и застенчивый – свойства, которые я унаследовал от отца. ⟨…⟩ При общественных же выступлениях ⟨…⟩ мне нужно было преодолевать свою застенчивость упорным напряжением воли и систематическим самодисциплинированием»[88]. Главным фактором, повлиявшим на результат московских выборов, был рост оппозиционных настроений среди населения и недовольство третьей, чересчур «законопослушной», октябристской думой[89]. Итак, 18 октября1912 г. на Первом съезде городских избирателей г. Москвы Новиков был избран в кандидаты IV Государственной Думы. Он вспоминал: «От Москвы прошли все четыре кадетских депутата: из них Челноков и я по первой курии, т.е. от домовладельцев и торговцев, а двое других, Маклаков и Щепкин, от второй курии, от остального населения. ⟨…⟩ Так совершился новый, парадоксальный перелом в моей жизни. Профессор зоологии сделался представителем московского населения в Думе»[90]. Председателем Думы был избран октябрист М.В. Родзянко.

В Государственной Думе Новиков был членом двух комиссий: Комиссии по народному образованию (с 4-й сессии – товарищ председателя и докладчик комиссии) и Комиссии по городским делам (с 1-й сессии – товарищ секретаря; со 2 декабря 1916 г. – товарищ председателя)[91].

Михаил Владимирович Родзянко – председатель IV Государственной Думы.
См.: 4-й созыв Государственной Думы: художественный фототипический альбом с портретами и биографиями. Изд. Н.Н. Ольшанского СПб.: Грамотность, 1913

М.М. Новиков – депутат IV Государственной Думы.
См.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912–1917 / Сост. М.М. Бойович. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. С. 181

В IV Государственной Думе IV созыва к лицам интеллигентных профессий принадлежало всего около 15% от всего состава депутатов. Среди 442 депутатов Думы самой многочисленной среди оппозиционных групп была Партия народной свободы (кадетов), которая насчитывала 58 депутатов. В связи с этим В.А. Маклаков писал: «Руководящая роль в оппозиции осталась за Партией народной свободы. ⟨...⟩ Наш список в Петербурге далеко опередил все остальные, и я мог гордиться тем, что получено наиболее значительное количество голосов во всей России"[92].

Депутатам было назначено годичное жалованье в размере 4 тыс. 200 руб. Размер его приравнивался к среднему довольству чиновника четвертого класса, действительного статского советника. Для сравнения: профессорский годовой оклад в России составлял 3–5 тыс. руб. Кроме того, за каждый день работы в комиссиях депутаты получали дополнительно по 10 рублей в день. Депутат также получал из казны квартиру и имел право на отпуск (летний двухмесячный перерыв в заседаниях Думы и, кроме того, полтора месяца для работы с избирателями и для решения личных дел).

IV Думой было проведено 5 сессий – две в довоенный период и три – в период Первой мировой войны. Всего к 9 декабря 1916 г. депутатами Думы было внесено 2625, а рассмотрено 1239 законопроектов. Наиболее смелые законопроекты о свободе печати, собраний, союзов и т.п. выдвигались кадетами.

В связи с новым назначением М.М. Новиков был вынужден переехать в Петербург (1912–1917), сократив до минимума свою научную и преподавательскую деятельность в Москве. Единственное, с чем он не смог расстаться, было преподавание в Московском коммерческом институте. Однако теперь работа в институте давалась с большим напряжением: каждую пятницу вечером он должен был из Петербурга ехать в Москву, где в субботу и воскресенье читал два часа курс лекций и проводил четыре часа практических занятий. В ночь с воскресенья на понедельник Новиков возвращался в Петербург: «Две ночи, еженедельно проводимые в дороге, несмотря на удобство путешествия в спальном вагоне, давали себя чувствовать порядочным утомлением. Но это вполне искупалось не только интересом работы, но иногда и очаровательными переживаниями от перемены мест»[93].

Социальная и экономическая базы российской науки в предвоенные годы постепенно расширялись, создавались частные вузы, общественные фонды, ботанические сады, селекционные и эпидемиологические станции, исследовательские лаборатории

на промышленных предприятиях[94]. Было основано Общество содействия успехам опытных наук и практических применений им. Х.С. Леденцова, Общество Московского научного института, открыт Народный университет им. А.Л. Шанявского[95] и другие научно-исследовательские учреждения, общественные и частные вузы[96]. В 1914 г. в России уже функционировало 298 научных учреждений, 65 государственных и 59 общественных и частных вузов. Количество научных и преподавательских кадров достигло 11 тыс. 600 человек[97].

Работа IV Государственной Думы (5 ноября 1912 – 25 февраля 1917) вызвала в российском обществе ожидания и надежды на позитивные перемены в стране[98]. Однако с началом Первой мировой войны (август 1914 г.), ввиду крупных поражений русской армии на фронте, Дума вступила в острый конфликт с исполнительной властью[99]. Тем не менее, несмотря на сложную военную обстановку в стране и мире, депутатами Думы были приняты прогрессивные по тем временам законы об образовании.

Комиссия по народному образованию Государственной Думы

В IV Государственной Думе М.М. Новиков специализировался по делам университетского законодательства и был заместителем председателя Комиссии по народному образованию графа В.А. Бобринского. Новиков писал о нем: «Просвещенный человек, воспитанник английского колледжа, Бобринский интересовался, однако, больше общей политикой, был не чужд также светской жизни, а председательствовать в комиссии предоставлял большею частью мне как своему первому заместителю. Вторым заместителем был Е.П. Ковалевский»[100]. В комиссии сам Новиков заслужил кличку «миротворец». Дума IV созыва продолжала работу по искоренению в России безграмотности, совершенствованию системы среднего и высшего образования. Среднее образование в то время стояло на сравнительно высоком уровне, благодаря открытию многих частных гимназий и реальных училищ. В Москве лучшими считались: мужская гимназия М.П. Поливанова, женская классическая гимназия С.Н. Фишер с образцовой постановкой обучения древним языкам, женские гимназии А.С. Алферовой, С.А. Арсеньевой, Н.П. Хвостовой и др.; в Петербурге это – гимназия М.Н. Стоюниной и М.А. Лохвицкой-Скалон, в Киеве – А.В. Жекулиной. Некоторые ведомства содержали специальные школы, например Московское коммерческое

училище. Дума приветствовала открытие ведомственных школ в противовес монополии в организации начальных школ, находящихся в ведомстве Министерства народного просвещения. «Их конкурентами были церковно-приходские школы, подчиненные Святейшему синоду и находившиеся в руках священников, которые, особенно в глухой провинции, часто представляли собой элементы не только реакционные, но и невежественные, притом не находившиеся ни под каким общественным контролем», – писал Новиков[101].

В России существенным пробелом был огромный недостаток в средних технических училищах, а быстрорастущая промышленность страны остро нуждалась в так называемых средних техниках, которые чаще всего были самоучками. Прием в технические учебные заведения проводился на основании строжайших конкурсных экзаменов, в результате чего большинство кандидатов оставались за бортом высшей школы. Дума IV созыва вместе с Министерством народного просвещения приступили к созданию ранее не существовавшей в России поэтапной системы профессионального образования. Сеть низших промышленных (технических) школ позволила будущим рабочим и ремесленникам приобрести специальные знания и навыки, тогда как средние промышленные школы готовили кадры руководителей среднего звена для тех или иных производств. Что касается высших технических школ, готовящих персонал высших руководителей промышленного производства, то их предполагалось значительно увеличить и равномерно распределить по всей территории России, сообразно ее многочисленным природным богатствам. «Перспективы для подготовки промышленных кадров, так же как перспективы для русской промышленности вообще, были самые блестящие. 〈…〉 Но катастрофа, постигшая русскую жизнь, разбила и их»[102].

Дума IV созыва наметила крупные реформы и в организации новых высших школ, и в усовершенствовании старых. Существовавшие 11 российских университетов и небольшое число специальных училищ не могли удовлетворить острую потребность страны в специалистах с высшим образованием. Кроме того, высшие учебные заведения были сконцентрированы в европейской части России, на периферии страны вузы были редким явлением. В Сибири, например, функционировали лишь один университет и Политехнический институт в Томске, Кавказ был представлен только частными Высшими женскими курсами в Тифлисе. За время существования III Государственной Думы в Перми был открыт филиал Петербургского университета. Одним из первых

высших учебных заведений, утвержденных IV Государственной Думой, стал Омский сельскохозяйственный институт; затем был учрежден Тифлисский политехникум, Коммерческие институты в Харькове и Петербурге; Пермский университет был выделен в самостоятельное учреждение и существенно расширен.

М.М. Новикова особенно интересовала работа по реформированию уже существовавших высших учебных заведений. Первым учреждением, в котором Дума провела реформирование, стал Московский сельскохозяйственный институт (Петровско-Разумовское); в нем решено было открыть отделение рыбоведения. Вторым вузом был Московский межевой институт, созданный на базе среднего учебного заведения. Значительное расширение претерпело Московское императорское инженерное училище: учитывая растущую сеть железных дорог в России, его было решено реформировать в Институт инженеров путей сообщения с введением соответствующих программ и штатов. В Петрограде финансовую помощь на расширение получил Психоневрологический институт. Возник также законопроект об учреждении медицинского факультета в составе Петроградского университета, хотя некоторые профессора университета упорно не хотели «загрязнять» область чистых наук присоединением практической медицины. И хотя законопроект легко прошел через Государственную Думу, он не был осуществлен из-за Октябрьского переворота 1917 г.

Работа Комиссии по народному образованию проходила спокойно и согласованно, однако один острый политический вопрос вызывал ожесточенное сопротивление правых элементов Думы. Он касался приема лиц еврейской национальности в высшие учебные заведения. В каждый законопроект о высшем учебном заведении Министерство народного просвещения вносило пункт о полном запрете евреям вступать в число студентов, тогда как представители левой фракции Думы требовали их неограниченного приема. М.М. Новикову пришлось предложить компромисс в виде четырехпроцентной нормы приема, которая находилась в согласии со статистикой еврейского населения в России.

К концу полномочий IV Думы фракция кадетов в Комиссии по народному образованию подняла вопрос и о реформе университетского устава. Для этого была создана специальная комиссия из так называемых академических элементов Думы. Председателем комиссии был избран лидер кадетской фракции П.Н. Милюков. Но фактически вся работа этой комиссии легла на плечи М.М. Новикова как секретаря и докладчика. Он довольно быстро составил

проект нового устава (материалы для него были заготовлены им заранее), но обсуждение проекта в комиссии задерживалось[103]. До конца деятельности Думы законопроект о реформе университетского устава так и не вышел из стадии предварительного рассмотрения.

При министре Л.А. Кассо отношения М.М. Новикова (как члена профильного комитета Думы) с Министерством народного просвещения были в целом прохладными, хотя некоторых сотрудников министерства, например Н.О. Палечека, он ценил за высокий профессионализм: «Чех по происхождению, чрезвычайно пунктуальный, но и добродушный, он (Палечек. – *Т.У.*) был столь искусным изготовителем законопроектов, сколь приятным собеседником при обсуждении их. Русская школа ему многим обязана»[104]. Смена Л.А. Кассо на посту министра народного просвещения графом П.Н. Игнатьевым способствовала нормализации отношений Новикова с министерством. Об Игнатьеве Новиков писал: «После таких неудачных министров, как ген[ерал] Ванновский или Кассо, он (Игнатьев. – *Т.У.*) представлял на своем посту поистине отрадное явление. Просвещенный в самом лучшем значении этого слова, благожелательный, чуждый партийной нетерпимости и бюрократических предрассудков, он пользовался в Государственной Думе почти всеобщими симпатиями»[105]. И далее: «Будучи человеком правых политических воззрений (иначе он не мог бы войти в состав тогдашнего правительства), он (Игнатьев. – *Т.У.*) принадлежал к категории общественных деятелей, для которых просвещение народа имеет абсолютную ценность»[106].

М.М. Новиков всячески содействовал примирению Министерства народного просвещения с покинувшими в 1911 г. Императорский Московский университет профессорами и членами университетского президиума: М.А. Мануйловым, М.А. Мензбиром и П.А. Минаковым. Правда, при неоднократных напоминаниях Новикова о необходимости возвращения профессорских должностей в Московский университет граф П.Н. Игнатьев извинялся, ссылаясь на мнение царя по этому вопросу, которое долгое время оставалось «несочувственным». «Лишь потом, когда во всех слоях российского населения начали усиливаться революционные течения и правительство начало, правда, робко и неумело искать почву для сближения с обществом, московский университетский казус был разрешен в благоприятном смысле, и трое пострадавших могли вернуться к исполнению своих прежних академических обязанностей»[107].

Отдых в Швейцарии и начало Первой мировой войны

В начале лета 1914 г. М.М. Новиков решил выехать с семьей на отдых в Швейцарию. По дороге, «по старой памяти», они заехали в Гейдельберг, где около месяца прожили в гостинице высоко в горах. Здесь, ранее перегруженный деятельностью в Государственной Думе, Новиков решил возобновить свои научные связи. Ему удалось встретиться со своим старым учителем О. Бючли. «Накануне моего отъезда из Гейдельберга Бючли ужинал у меня. Настроение его было грустным, даже безнадежным. Он говорил о трагических событиях, которым предстояло произойти в грядущем, о разрушении всей Европы. Лишь сейчас мы можем в полном объеме понять это пророчество»[108]. Атмосфера в Западной Европе с каждым днем становилась все менее и менее благоприятной. 28 июня напряжение достигло высокой степени, когда пришло сообщение об убийстве австрийского кронпринца Фердинанда.

Несмотря на угрозу начала войны, Новиковы не торопились возвращаться в Россию, а продолжили свой вояж по тихой Швейцарии. Известие о вступлении России в войну с Австро-Венгрией застало их в городке Интерлакен – конечном пункте их путешествия. Консультации с русским консулом, на встречу с которым М.М. Новиков ездил в Берн, убедило его не предпринимать попыток к немедленному возвращению домой, «к тому же совершенно безнадежных»[109]. «Но вскоре выяснилось, что война принимает мировой, а следовательно, затяжной характер и надо принимать героические меры, чтобы тем или иным путем (через Швейцарию или Средиземное море) попасть на родину»[110]. Новиков принял решение переехать в Женеву, где было удобно ждать возобновления пассажирского морского сообщения между Марселем и Одессой. Здесь Новиковы прожили около двух недель, пока не пришло известие из Марселя, что им зарезервированы места до Одессы на пароходе общества *Messageries maritimes.* Предстоящее путешествие было небезопасно из-за курсировавших в Средиземном море австрийских военных судов. «На всякий случай мы надели детям на шеи маленькие мешочки, в которых было зашито несколько золотых монет. Наши опасения не были безосновательны. Как выяснилось впоследствии, пароход, привезший нас в Одессу, во время одного из своих последних рейсов попал под неприятельскую мину и погиб»[111].

Первая мировая война вызвала всплеск патриотизма в стране, причем особенно ярко в Москве и Петербурге, вскоре переимено-

ванном в Петроград. В среде депутатов Государственной Думы и Московской городской думы царил высокий дух патриотизма. Многие из знакомых М.М. Новикова отправились на войну добровольцами. В их числе был и секретарь фракции кадетов А.М. Колюбакин, погибший в одном из первых сражений. Военные мундиры надели и некоторые ученые (бактериолог С.С. Абрамов, патофизиолог П.П. Авроров, протозоолог А.В. Белицер, физиолог В.Н. Болдырев и др.). «Этот патриотизм… имел отчетливо верноподданнический характер, приобретая порой остро-демонстративные формы. Так, профессор Петроградского университета гистолог А.С. Догель призвал ученых не печатать труды на немецком языке и в немецких изданиях, разорвать научные связи с учеными Германии и с ее союзниками и исключить немецких ученых из числа почетных членов университета. Эта инициатива после некоторых колебаний была поддержана практически всеми научными учреждениями и вузами», – писал Э.И. Колчинский[112].

М.М. Новиков не оставался в стороне от военных событий. Из-за своего запоздалого возвращения в Россию он не смог принять участия в формировании санитарных отрядов, и тогда включился в организацию транспорта с пожертвованиями от Государственной Думы, Москвы и Московской городской думы на Западный и Кавказский фронты. В состав руководимого им транспорта порой были включены до двадцати товарных вагонов и одного пассажирского для сопровождающего персонала. «В этот персонал входили гласные Думы и другие общественные деятели. Уже самый размер транспорта вызывал к себе уважение со стороны военачальников. Мы направлялись обыкновенно в местоположение фронтового штаба. Там я в качестве руководителя поезда договаривался с командующими о способе распределения подарков... Отношение к нам высоких военных кругов было корректным и подчеркнуто доброжелательным. Но все-таки иногда чувствовалось, что мы являемся для них каким-то инородным телом, мешающим им исполнять их непосредственные функции», – вспоминал Новиков[113]. В составе транспорта с московскими подарками Новиков посетил не только города Западного фронта, но и Ставку главнокомандующего генерала Н.Н. Юденича в г. Карс на Кавказском фронте, г. Тифлис, а также Ставку Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в Барановичах. «Своей главной задачей я считал внести оптимистическую, бодрую ноту в тяжелую, вечно связанную со смертельной опасностью прифронтовую жизнь», – вспоминал Новиков[114].

Поскольку Военное министерство (во главе с генералом В.А. Сухомлиновым) оказалось не способным решить задачу снабжения армии боеприпасами и медикаментами, часть забот о снабжении взяла на себя патриотически настроенная русская общественность. После многих лет ожидания царское правительство, наконец, разрешило учреждение Земского (во главе с князем Г.Е. Львовым) и Городского (во главе с М.В. Челноковым и Н.М. Кишкиным) союзов, которые энергично включились в оказание помощи действующей армии. Были организованы многочисленные госпитали и санитарные отряды. Если ранее в прифронтовой полосе могли функционировать только военные медицинские организации, то теперь туда были допущены и общественные организации, значительно улучшившие дело санитарной помощи. М.М. Новиков участвовал в работе Всероссийского союза городов и был его уполномоченным.

В годы войны в здании Императорской Академии наук и многих вузах столицы и больших городов России были размещены лазареты. Профессора и преподаватели отчисляли средства на их содержание и на помощь жертвам войны. Благодаря Земскому и Городскому союзам, вместе с Военно-промышленным комитетом, удалось снабдить армию противогазами, а также ружейными и артиллерийскими снарядами. Однако, как полагал М.М. Новиков, «всероссийская общественная работа, направленная к достижению победы, пришла слишком поздно» – русскую армию буквально охватила эпидемия пораженчества[115]. Ее проводниками оказались революционно настроенные деятели, проникавшие в среду Городского и Земского союзов и циркулировавшие по всему фронту. Параллельно с исполнением своих служебных обязанностей они смогли проводить среди солдат подпольную, а впоследствии и открытую пораженческую пропаганду. «Весной и летом 1917 г., после Февральской революции и организации Совета рабочих и крестьянских депутатов, началась активная агитация против войны, которая достигла своего апогея с приездом в Россию лидеров большевистской партии во главе с В.И. Лениным, которых от границ Швейцарии до границ России германское правительство провезло в запломбированном вагоне Это был со стороны немцев гениальный способ воздействия на тыл противника»[116].

В годы Первой мировой войны М.М. Новиков был председателем Московского отделения Особого комитета помощи военнопленным при Центральном справочном бюро о военнопленных Главного управления Российского общества Красного Креста,

во главе которого стояла императрица Александра Федоровна. Помимо попечения о военных, на Новикове лежали и заботы о немецких военнопленных. «Я помню в прифронтовой полосе длинные маршевые колонны этих несчастных, грязных, оборванных, истомленных долгими походами при недостаточном питании пленных, которые направлялись в концентрационные лагеря, где жизнь их была тоже не сладка... Но откровенно говоря, – признавался он, – достигать каких-либо результатов в этом деле было нелегко, ибо это значило вмешиваться в компетенцию военного управления, в ведомстве которого находились пленные. А военные не любят иметь дело с цивильными учреждениями... но тем не менее кое-что, конечно, удавалось сделать»[117]. И еще: «…условия жизни военнопленных в России были, в общем, благоприятны, в особенности для австрийцев славянского происхождения, как, например, для чехов и словаков, Многие из них и до сих пор трогательно вспоминают о своем пребывании в плену…»[118]. За свою энергичную работу М.М. Новиков был удостоен ордена Международного Красного Креста.

Война прервала довоенные международные связи российских ученых с коллегами из Германии и Австро-Венгрии. Предпринимались попытки оживить научные связи с Англией и Францией; с этой целью была создана специальная комиссия для усиления контактов с союзниками под председательством и.о. президента Императорской Академии наук (ИАН) А.П. Карпинского. Однако Февральская революция «отодвинула эту задачу на второй план»[119]. С первых же дней войны ИАН вынуждена была заняться охраной памятников науки и культуры, оказавшихся под угрозой уничтожения и конфискации[120]. «Неудачный для России ход войны потребовал эвакуации ряда научных и образовательных учреждений из зоны боевых действий. Из западных областей был эвакуирован в Ростов-на-Дону Варшавский университет (1915), в Харьков – Ново-Александровский сельскохозяйственный институт. Университет св. Владимира из Киева вывезли в Саратов, где он проработал один семестр, а затем его вернули обратно. Библиотеку и коллекции Юрьевского университета отправили в Нижний Новгород, а затем в Пермь», – пишет Э.И. Колчинский[121].

В связи с Первой мировой войной, когда в Германии печатать свои работы стало невозможно, а связь с Францией была затруднена, русские биологи обратились к организации отечественных научных сообществ и журналов. В 1915–1917 гг. в России одновременно появилось сразу несколько журналов по разным биологическим дисциплинам, в названии которых была «решительно

подчеркнута их национальная принадлежность»[122]: «Русский зоологический журнал», «Журнал Русского ботанического общества», «Русский физиологический журнал им. И.М. Сеченова» и др. Зоолог А.А. Заварзин, который вместе с петербургским гистологом А.С. Догелем организовал «Русский архив анатомии, гистологии и эмбриологии», вспоминал, что, несмотря на военную изоляцию, трудно было уговорить коллег печататься на русском языке: «Понадобились большие усилия для того, чтобы преодолеть недоверие русских ученых к отечественной периодике и привлечь их к сотрудничеству»[123]. В 1917 г., в связи с выходом первого номера названного выше журнала, Заварзин писал: «Теперь русская наука, представленная в таком концентрированном виде, не будет разбрасываться по задворкам заграничных изданий, и иностранцы научатся ее больше уважать»[124].

Многие известные профессора, включая лауреата Нобелевской премии физиолога И.П. Павлова, физиолога растений К.А. Тимирязева, зоологов Н.К. Кольцова и В.М. Шимкевича, дистанцировались от официально провозглашенного курса царского правительства на борьбу с «немецким засильем» внутри страны[125]. Когда Императорское Московское общество испытателей природы получило сообщение, что некоторые немецкие ученые вычеркнули из списков своих обществ представителей воюющих с Германией стран, был поднят вопрос, «не следует ли нам поднять брошенную нам перчатку. Но в результате долгих дебатов мы пришли к решению, что духовное общение должно стоять выше временных политических разногласий, что взаимное наказание ученых как мелочное проявление мстительности не вяжется с чувством собственного достоинства великих наций, что ученые труды, которые явились единственным мерилом для избрания в члены общества, отнюдь не уменьшились в своей ценности из-за войны»[126]. В условиях гонения на русских в годы Первой мировой войны Отто Бючли, рискуя собственным положением, добился, чтобы все его ученики из России, оказавшиеся к началу войны в Германии, смогли выехать на родину[127]. Одного сильно запоздавшего ученика Бючли долгое время охранял от опасности быть заключенным в концентрационный лагерь, пока тому не удалось перебраться в одну из нейтральных стран[128].

В 1915 г. М.М. Новиков был избран членом и секретарем Общества сближения с Англией[129]. Первое организационное собрание общества состоялось в Москве 22 марта 1915 г. Председателем его был избран М.М. Ковалевский; товарищами председателя – А.А. Мануйлов, П.Н. Милюков, П.И. Новгородцев, Н.В. Давыдов,

А.И. Коновалов; секретарями – А.К. Дживелегов, М.М. Новиков, Н.А. Шилов; товарищами секретаря – Н.И. Вавилов, Н.В. Попов, Н.Е. Терлецкий. Среди членов правления было много известных имен – С.В. Бахрушин, И.А. Бунин, Вяч. Иванов, Н.А. Каблуков, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, П.П. Рябушинский и др. Публичное общее собрание прошло 22 ноября 1915 г. в зале Московской городской думы в присутствии представителей посольства Великобритании.

В конце войны в Москве и других городах разразились немецкие погромы. Они проходили «с такой же бессмысленной жестокостью, как в прежние времена еврейские погромы»[130]. Администрация городов зачастую содействовала разграблению немецких учреждений и квартир. В этой ситуации, когда полагаться на военную силу было рискованно, а полиция не проявляла достаточной энергии, решено было пустить по Москве несколько автомобилей с гласными Думы, «которым удалось отчасти непосредственным воздействием на громил, а отчасти побуждением полиции к более решительным действиям смягчить погром. В результате Москва пережила как бы неприятельскую бомбардировку, а русское имя в глазах культурных народов потерпело изрядный ущерб», – вспоминал М.М. Новиков[131].

Война показала, насколько важно было освободить Россию от экономической зависимости с Германией и научиться рационально использовать природные ресурсы своей собственной страны для ее обороны. С этой целью под председательством В.И. Вернадского[132] была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС), в состав которой вошли ученые, представлявшие практически все отрасли естественных наук[133]. Ее цель – наладить учет природных ресурсов России, в том числе растительных (лекарственных, а также технических) и рыбных, но прежде всего – решить проблему обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем.

Перманентное поражение российских войск на фронтах способствовало росту оппозиционных настроений среди населения, в том числе и среди ученого сословия. Депутаты от Академической курии составили ядро оппозиции в Государственном Совете[134]. Ученые призывали к прекращению работы на войну, к разоружению, к освобождению страны от недемократического правительства; они связывали будущее развитие российской жизни с конституционной монархией. Именно в науке ученые видели основной гарант экономического и социального процветания страны.

В августе 1915 г. в Государственной Думе был сформирован «прогрессивный блок» из либералов и умеренных консерваторов, куда вошел и М.М. Новиков. Это было межпартийное объединение для организованного влияния на правительство с целью ведения войны до победного конца. Его лидеры начали разрабатывать планы отрешения от власти царствующего монарха Николая II, «с целью предотвращения революции снизу»[135].

За полгода до Февральской революции 1917 г. М.М. Новиков получил приглашение вернуться в Московский университет. 30 сентября 1916 г. на заседании Совета физико-математического факультета Московского университета он был избран сверхштатным ординарным профессором по кафедре зоологии, о чем ему сообщил профессор М.А. Мензбир телеграммой в Петроград. «Я чувствовал глубокое нравственное удовлетворение», – вспоминал Новиков[136]. Однако, занятый работой, он решил приступить к преподаванию лишь после прекращения своей деятельности в Государственной Думе.

[1] Данные о дате рождения М.М. Новикова (27 марта 1876 г.) см.: Curriculum Vitae // BAR, Novikov Mikhail Mikhailovich's Collection. Box 5. Машинопись. Л. 1.

[2] В справочнике «Вся Москва, 1903 г.» записано, что домовладельцем по адресу Житная улица, является: Ключевский Вас[илий] Ос[ипович], проф[ессор> Моск[овской] дух[овной] акад[емии]; Уч[илища] живоп[иси], ваян[ия] и зод[чества]; Имп[ераторского] Моск[овского] университета, Имп[ераторского] О-ва истории и древностей Российских. См.: Вся Москва: адресная и справочная книга на 1903 г. М.: Изд-е А.С. Суворина: Тов. Тип.-литогр. Владимир Чичерин, 1903. С. 142.

[3] В 1946 г. на месте собственного дома на Житной улице, где родился М.М. Новиков, был выстроен жилой многоквартирный дом № 10.

[4] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 9.

[5] См.: Там же. С. 10.

[6] Там же. С. 15.

[7] О бабушке М.М. Новикова в Справочнике «Вся Москва на 1903 г.» есть справка: «Огородникова Феодос[ия] Петр[овна] – купч[иха]. Тверская ул. Д[омовладение] Страх[ового] об-ва “Россия”. Мебел[ированные] комн[аты] “Либава”, Фанера» // Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1903 г. М.: Изд-е А.С. Суворина; тип. Чичерина, 1903. С. 142.

[8] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 24.

[9] Там же. С. 25.

[10] Там же. С. 29.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 30.

[13] *Иванов А.Е.* Российское студенческое зарубежье: конец 19 – начало 20 в. // ВИЕТ. 1998. № 1. С. 91–120.

[14] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 32. Адрес: Москва, 4-я Рогожская ул. // Вся Москва: адресная и справочная книга на 1903 г. С. 312.

[15] Частное Коммерческое училище К.К. Мазинга располагалось в собственном доме в Антипьевском переулке. Директором его был К.К. Мазинг. См.: Вся Москва: адресная и справочная книга на 1903 г. С. 769.

[16] Общество распространения коммерческого образования стало основой будущего Коммерческого института в Москве, где позже Новикову приходилось читать уже не лекции по бухгалтерии, а курс сравнительной анатомии позвоночных животных.

[17] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 39.

[18] *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века: между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 166.

[19] См.: *Марголин Д.* Студенческий справочник. Ч. II: Руководство для поступающих во все высшие учебные заведения за границей. Киев, 1909.

[20] В 1922 г. в память о своем учителе М.М. Новиков издал специальную брошюру: О. Бючли и его научная работа: сообщения о научно-технических работах в Республике. Пг.: Науч. хим.-тех. изд-во, 1922. Вып. 9. С. 3–23. В 1954 г., находясь в США, Новиков переиздал ее на английском языке: *Novikoff M.* Otto Butschli. New York, 1954.

[21] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 42.

[22] Там же. С.44.

[23] *Новиков М.М.* О. Бючли и его научная работа.

[24] Там же.

[25] См.: *Фокин С.И.* Судьба странствующего профессора: Михаил Новиков (1876–1965) // Русское слово. 2013. № 2. С. 24.

[26] См.: Novikov Mikhail Mikhailovich's Collection. Box 1: Correspondence // BAR. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture Library for Rare Books and Manuscripts of Columbia University.

[27] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. Нью-Йорк: All Ilavie Publishing House, 1956. С. 4.

[28] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 5.

[29] См.: Üntersushungen über den Bau der *Limnadia lenticularis L.* // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie, 1905. Vol. 78, N. 4. P. 561–619. Üntersushungen über den Bau der *Limnadia lenticularis L.* Leipzig: W. Engelmann, 1905.

[30] *Александров Д.А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 10.

[31] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 50.

[32] Там же. С. 51.

[33] Там же.

[34] С 1883 г. М.А. Мензбир руководил Кабинетом сравнительной анатомии и физиологии при кафедре сравнительной анатомии и физиологии на отделении естественных наук философского факультета Московского университета. В 1901 г., когда было отстроено левое крыло Зоологического музея по Долгоруковскому переулку (угол Большой Никитской улицы), Кабинет сравни-

тельной анатомии, временно находившийся в снятой Мензбиром квартире в Шереметьевском переулке, перешел в это здание. Тогда же Мензбир решил превратить кабинет в большой Институт сравнительной анатомии с прекрасной библиотекой, музеем и лабораториями для учебных и научных занятий. К научно-исследовательской работе в своем институте Мензбир начал активно привлекать молодежь. См.: Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ / Под ред. О.Л. Россолимо. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 195–196.

[35] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 54.

[36] Диплом М.М. Новикова об окончании Гейдельбергского университета датирован 2 августа 1904 г.

[37] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. С. 6.

[38] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 64.

[39] Там же. С. 55.

[40] Там же. С. 56.

[41] *Новиков М.М.* Двухсотлетие Московского университета, 1755–1955: празднование в Америке. New York, 1956. С. 15.

[42] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 69.

[43] Там же.

[44] См.: *Новиков М.М.* Воспоминания о Мечникове // Русский врач в Чехословакии. 1935.

[45] Станция в Триесте была основана в 1875 г. как вспомогательное учреждение при Венском и Грацском университетах.

[46] Станция в Фиуме основана в 1905 г. и принадлежала Венгрии.

[47] Зоологическая станция Берлинского Аквариума в Ровиньо была основана в 1891 г.

[48] См.: Биологические станции Адриатического моря: отчет о научных работах, произведенных во время заграничной командировки 1907/8 г. М. Новикова. М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. (Ученые записки Имп. Моск. ун-та. Отделение естественно-историческое. Вып. 25).

[49] См.: Бахметевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке – Bakhmeteff Archive (BAR), Rare Book and Manuscript Library, Columbia University Libraries, New York: Ms. Coll. Novikov. Box 4.

[50] См.: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 17.

[51] См.: Quart. Journ. of micr. Sc. 1910–1911. Vol. 51.

[52] См.: Бахметевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке – Bakhmeteff Archive (BAR), Rare Book and Manuscript Library, Columbia University Libraries. New York: Ms. Coll. Novikov. Box 5 (Автобиография, машинопись, англ. яз.).

[53] См.: *Новиков М.М.* Исследования о хрящевой и костной тканях М. Новикова, приват-доцента Императорского Московского ун-та. М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1909.

[54] «Биологический журнал» (*Biologische Zeitschrift*) издавался в Москве при Зоологическом отделении Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и содержал оригинальные статьи исследователей на русском, немецком, французском и английском языках.

[55] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 74.

[56] Там же. С. 105.
[57] Там же. С. 107.
[58] Там же. С. 108.
[59] Там же.
[60] Там же.
[61] Там же. С. 109.
[62] Там же. С. 110.
[63] Там же. С. 112–113.
[64] Там же. С. 114.
[65] Там же. С. 115.
[66] Там же. С. 116.
[67] В автобиографии М.М. Новикова эта организация названа «The Association for the Welfare of Poor Children of Moscow». См.: BAR. Фонд М.М. Новикова. Box 5 (Машинопись, англ. яз.).
[68] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 116.
[69] Там же. С. 122–123.
[70] Там же.
[71] BAR. Box 4: Лекция по генетике. С. 8–9.
[72] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 74–75.
[73] Там же. С. 74.
[74] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. С. 93–94.
[75] См.: *Галкин К.М.* Высшее образование и подготовка научных кадров. М., 1958; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Тип. № 7, 1991. С. 214–215.
[76] *Галкин К.М.* Указ. соч. С. 70.
[77] Там же.
[78] *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 216.
[79] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. С. 95.
[80] Там же.
[81] Там же. С. 75–76.
[82] См.: *Александров Д.А.* Михаил Михайлович Новиков: ученый, общественный деятель, организатор науки // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2000. Вып. 2. С. 89–108.
[83] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. С. 77–78.
[84] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 200.
[85] *Александров Д.А.* Указ. соч. С. 90.
[86] Позже, комментируя это событие, М. Вишняк писал: «М.М. Новиков достиг высоких степеней признательности, в частности, был избран в 4-ю Государственную Думу по 1-й избирательной курии в Москве "от домовладельцев и торговцев"». См.: *Вишняк М.* Рецензия. М.М. Новиков «От Москвы до Нью-Йорка» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1953. Кн. XXXII. С. 298–300.
[87] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 129.
[88] Там же. С. 130.

[89] По этой причине А.И. Гучков оказался забаллотированным в IV Думу.

[90] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 131.

[91] См.: *Николаев А.Б.* Новиков Михаил Михайлович // Государственная Дума Российской империи, 1906–1917: энцикл. / Под ред. В.В. Шелохаева и др. М.: РОССПЭН, 2008. С. 434.

[92] Цит. по: Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. Воспоминания современников: мат. и док. / Под ред. А.В. Иванченко; сост. И.Б. Борисов, Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко. М., 2008. С. 651.

[93] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 131.

[94] См.: *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки: 1917–1922. М., 1973; *Беляев Е.А., Пышкова Н.С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: истор. очерк. М., 1979; *Елина О.Ю.* Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: советский вариант реформы // На переломе: советская биология в 20–30-х годах. СПб., 1997 (Вып. 1: Наука в России: справочный ежегодник. Пг., 1918; Вып. 2. Пг., 1920 и др.).

[95] Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского в 1908–1918 гг. функционировал на средства А.Л. Шанявского (1837–1905) – известного деятеля народного образования. В университет принимались лица, независимо от пола, вероисповедания и политических взглядов.

[96] См.: *Федоров С.А.* Памяти Христофора Семеновича Леденцова: речь на общем собрании общества 5 декабря 1910 г. М., 1910; Московский городской народный университет им. Шанявского: текст закона со стенограф. отчетом Государственной Думы и биографией А.Л. Шанявского. М.,1908; *Сперанский Н.В.* Возникновение Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. М., 1913; «Начинание на благо возрождения России». Создание университета имени А.Л. Шанявского: сб. док-тов. М., 2004.

[97] См.: *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 3; Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статист. ежегодник. М., 1987.С. 60.

[98] Дума IV созыва начала свою работу 15 ноября 1912 г. и продолжала ее до 25 февраля 1917 г., впрочем формально просуществовала весь положенный срок до 6 октября 1917 г.

[99] В сентябре 1915 г. после утверждения Думой кредитов на войну, выделенных правительством, ее распустили на каникулы. Вновь Дума собралась только в феврале 1916 г., но проработала недолго: 16 декабря 1916 г. она была вновь распущена. Ее деятельность возобновилась 14 февраля 1917 г. в канун отречения от власти Николая II. 25 февраля 1917 г. Дума вновь была распущена и больше официально не собиралась, но формально и фактически существовала как Временный комитет до 6 октября 1917 г. См. также: *Avrech A.Ya.* Tsarism and IV Duma. 1981.

[100] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 142.

[101] Там же. С. 151.

[102] Там же. С. 152.

[103] См.: Там же. С. 158.

[104] Там же. С. 160.

[105] Там же. С. 119.

[106] Там же. С. 160.

[107] Там же. С. 161.

[108] *Novikoff M.* Otto Butschli. New York, 1954. См. также: *Fokin S.I.* Proffessor Otto Butschli und Seine Russischen Schuller // Microkosmos. 2004. Vol. 93. P. 91–99.
[109] Ibid. P. 165.
[110] Ibid.
[111] Ibid. P. 167.
[112] *Колчинский Э.И.* Указ. соч. С. 167.
[113] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 170.
[114] Там же. С. 175.
[115] Там же. С. 177.
[116] Там же. С. 178.
[117] Там же. С. 179.
[118] Там же.
[119] *Колчинский Э.И.* Указ. соч. С. 170; См. также: Очерки и речи акад. В.И. Вернадского. СПб., 1989. С. 282.
[120] См.: *Соболев В.С.* Во имя будущего России. СПб., 1999.
[121] *Колчинский Э.И.* Указ. соч. С. 171.
[122] *Александров Д.А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 10.
[123] Там же.
[124] Там же. С. 17.
[125] См.: *Виноградов Ю.А.* Германские биологи – члены Императорской Академии наук и первая мировая война // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия. СПб., 2000. С. 130–139.
[126] Там же. С. 180.
[127] *Новиков М.М.* Бючли и его научная работа. С. 20.
[128] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 180.
[129] В коллекции архивных документов Новикова в Бахметевском архиве в Нью-Йорке Новиков ошибочно назван президентом Англо-Русского общества в Москве (The English-Russian Society in Moscow) // BAR, BOX 5, автобиография, машинопись, англ. яз. См.: Отчет общества сближения с Англией, 22 мая 1915 г. – 1 ноября 1916 г. М., 1917; *Авруцкая Т.Б.* Письма Н.И. Вавилова Н.П. Макарову // Природа. 2012. № 11. С. 74–84.
[130] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 181.
[131] Там же.
[132] Первоначально комиссию возглавил ботаник А.С. Фаминцын, а в октябре 1915 г. ее председателем избрали В.И. Вернадского – минералога и биогеохимика.
[133] См.: *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил. СПб., 1999.
[134] См.: Кризис самодержавия в России: 1895–1917. М., 1984. С. 563–564.
[135] *Miljukov P.N.* Memories. New York, 1955. Vol. 2. P. 217.
[136] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 80.

Глава 2

Россия после Февральской революции

Отречение императора Николая II и приход к власти Временного правительства большинством российской интеллигенции было принято с энтузиазмом и воодушевлением. Накануне указом от 27 февраля Николай II распустил IV Государственную Думу. Однако на следующий день ее депутаты тем не менее собрались на неофициальное заседание и образовали Временный комитет Государственной Думы (ВКГД) под председательством М.В. Родзянко для наведения порядка в Петрограде и активизации деятельности основных учреждений страны. ВКГД действовал до начала октября 1917 г., выполняя функцию Российского правительства. Так, 28 февраля 1917 г. комитет назначил генерала Л.Г. Корнилова на пост командующего войсками Петроградского округа и направил в ставку депутатов А.И. Гучкова и В.В. Шульгина для переговоров с царем об отречении, которое состоялось 2 марта. В этот же день (2 марта 1917 г.), в результате переговоров ВКГД с исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было создано Временное правительство.

Комиссия по реформе высшего образования при Министерстве народного просвещения Временного правительства

1 марта 1917 г. М.М. Новиков стал комиссаром ВКГД по г. Москве и был командирован министром народного просвещения Временного правительства А.А. Мануйловым в Московский университет «для урегулирования дел». В докладной записке Новиков предложил А.А. Мануйлову продолжить работу по реформированию в России высшего, среднего и начального образования по проектам, остававшимся в портфеле IV Государственной Думы, что и было поддержано. Учитывая огромный опыт Новикова в Московской городской думе и Государственной Думе, Мануйлов утвердил его председателем Комиссии по реформе вузов Временного правительства. Кроме того, с 29 апреля 1917 г. Новиков начал заведовать Московским отделением ВКГД по сношению с войсками и населением, которое занималось снабжением армии и провинции печатными материалами. С 22 июля 1917 г. М.М. Новиков – представитель ВКГД в составе Московской про-

светительской комиссии и председатель Особого совещания по вопросам профессионального образования при Министерстве торговли и промышленности; член Временного совета Российской республики (3 октября 1917 г.)[1].

Комиссия по реформе вузов Временного правительства была создана в экстренном порядке 21 марта 1917 г. (т.е. спустя 3 недели после принятия власти Временным правительством) и проработала в общей сложности 7 месяцев. При этом из трех намеченных ранее комиссий по вопросам высшего, среднего и начального образования, созданных при Министерстве народного просвещения, только Комиссии по реформе высшей школы до конца удалось успешно реализовать свою программу. Сам М.М. Новиков, оценивая колоссальный объем работ, выполненных этой комиссией, констатировал, что она, безусловно, «достойна того, чтобы ее закрепили в исторической памяти»[2]. Немаловажную роль в успехе комиссии сыграла предшествующая деятельность царского министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева, который еще летом 1915 г. развернул крупномасштабную подготовку перспективного плана развития российской высшей школы. В это время Новиков как ответственный за реформы высшей школы в IV Государственной Думе находился с ним в тесном контакте. 28 декабря 1916 г. Игнатьев ушел в отставку[3], но запланированные им ранее мероприятия были органично включены Новиковым в программу действий Комиссии по реформе высшей школы Министерства народного просвещения Временного правительства[4].

Во главе комиссии стояли преимущественно петербургские академики и профессора, принимавшие близко к сердцу дело народного образования. Кроме них в комиссию вошли известные министры и представители народного просвещения и профессионального образования царского правительства, а также учебного отдела Министерства торговли и промышленности и др. Они оставались тесно сплоченными весь следующий важный период истории – после Февральской революции 1917 г.

Для успеха и интенсификации работы комиссии все делопроизводство взял на себя бывший секретариат Комиссии по народному образованию Канцелярии IV Государственной Думы в лице секретаря В.А. Гудим-Левковича и делопроизводителя П.Г. Красницкого. Комиссия работала в небольшом уютном помещении на Литейном проспекте Петрограда. «Этот в высшей степени компетентный аппарат работал с величайшим воодушевлением», – вспоминал М.М. Новиков[5]. Состав Комиссии по реформе вузов (кроме министра и его товарищей)[6]:

председатель М.М. Новиков;

заместитель председателя историк И.М. Гревс;

члены комиссии: историк А.А. Васильев, правовед, товарищ министра народного просвещения Д.Д. Гримм, геолог, член-корреспондент АН Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, языковед, филолог, археолог, академик АН Н.Я. Марр, непременный секретарь Российской академии наук (с 20 июля 1917 г.) С.Ф. Ольденбург, профессор гражданского права Петроградского университета М.Я. Пергамент и др.;

председатель Академического союза: М.И. Ростовцев, К.В. Хилинский и П.К. Янковский;

делегаты Государственного комитета по народному образованию: Я.Я. Гуревич, И.С. Клюжев и В.И. Чернолусский;

председатель учебного отдела Министерства торговли и промышленности А.И. Астров;

представители Департамента народного просвещения: директор А.Ф. Сурин и вице-директор Н.О. Палечек;

представители Департамента профессионального образования: директор В.И. Рыков и вице-директор Е.Б. Лопухин.

Перечень наиболее важных мероприятий, проведенных Комиссией по реформе высшей школы во главе с М.М. Новиковым.

• Учреждены университеты в Ростове-наДону, Иркутске, Тифлисе, Перми, Ташкенте, Туркестане; расширен Саратовский университет (за счет открытия историко-филологического и физико-математического факультетов); учреждены Киевский географический институт, Омский сельскохозяйственный институт, Польские философско-религиозные курсы в Петрограде, Екатеринославские высшие женские курсы; Ярославский Демидовский лицей преобразован в университет; проведена реформа Педагогических институтов в Москве, Петрограде и Самаре; в Петровско-Разумовской академии (институте) добавлено отделение рыбоведения, по размеру равное самому институту; на юридических факультетах Петроградского и Московских университетов учреждены кафедры рабочего и промышленного права; открыты коммерческие институты в Москве, Киеве, Харькове и Петрограде.

• Подготовлены материалы: по учреждению медицинского факультета в составе Петроградского университета; учреждению Статистического института в Петрограде и Таврического института в Симферополе (впоследствии Таврического университета); реформе Петербургского и Московского лицеев; реформе Высших курсов Лесгафта, Нежинского института, Лазаревского

института, Высших географических курсов в Петрограде, Высших женских курсов А.В. Жекулиной в Киеве и т.д.

• Разработаны новые положения о Женском педагогическом институте в Петрограде, Женском педагогическом институте Самарского губернского земства памяти 19 февраля 1861 г., Высшем педагогическом институте имени П.Г. Шелапутина в Москве; утвержден устав Киевского географического института и Киевского археологического института.

• Разработаны меры по усовершенствованию фармацевтического и зубоврачебного образования.

• Одним из существенных достижений комиссии стало завершение работы по реформе университетского устава. «Из-за срочности дела комиссия решила не создавать целиком новый устав, а издать ряд законодательных новелл, которые устранили бы из устава 1884 г. все одиозные пункты, противоречившие принципу университетской автономии», – писал М.М. Новиков[7]:

– для научных сотрудников были созданы материальные условия, благоприятные для научной и преподавательской работы; улучшены нормы оплаты труда преподавателей (как профессоров, так и младших преподавателей); предоставлено право организации студенческих обществ и союзов;

– российские университеты и другие высшие учебные заведения были изъяты из ведения попечителей учебных округов;

– законы, изданные для университетов, распространены на технические высшие учебные заведения;

– в университетах учреждена должность доцента; звание приват-доцента решено присуждать после представления и защиты диссертации;

– расширен контингент лиц, допускаемых к занятию профессорских должностей в университетах;

– установлены правила поступления слушателей в университеты в 1917–1918 учебном году и др.

В предложенных комиссией реформах речь шла о демократизации состава слушателей университетов, об открытии дверей вузов для выпускников реальных и коммерческих училищ, о полном уравнивании прав женщин и мужчин в обучении и занятии должностей, о снятии ограничений на прием по сословным, политическим, национальным и религиозным соображениям, об изменении ведомственной принадлежности части вузов, с целью приближения их к насущным задачам практики и т.д.[8]

Для разработки более сложных вопросов комиссией были образованы подкомиссии, с включением в их состав представи-

телей высшей школы, различных местных организаций и органов самоуправления. Например, были созданы подкомиссии: по учреждению медицинского факультета в Петрограде, реформе фармацевтического образования, преобразованию Лазаревского института восточных языков и др. За короткий период, с марта по октябрь 1917 г., общее число заседаний комиссии и ее подкомиссий составляло 64 (!) «Эта комиссия – образец того, как во время революционного строительства может быть создан орган, по внешности как бы бюрократический, но по своему составу и характеру работы так глубоко проникнутый общественными настроениями, что вся деятельность его протекает в полном согласии с настроением широких общественных кругов», – констатировал М.М. Новиков[9].

В апреле 1917 г. начало функционировать Совещание представителей ученых учреждений и вузов под председательствованием А.П. Карпинского[10]. В июне 1917 г. по инициативе комиссии было проведено Всероссийское совещание по реформированию высшей школы, а также разработан проект проведения во втором полугодии 1917 г. съезда, призванного обсудить реформу высшей школы. «На всероссийское совещание (июнь 1917 г.) по реформированию высшей школы для примирения разных общественных течений, – вспоминал М.М. Новиков, – были приглашены на равных с профессорами (впервые в истории русской высшей школы) т.н. младшие преподаватели (т.е. приват-доценты и ассистенты), чувствовавшие себя обиженными в правах. Был принят ряд законодательных новелл, которые изменяли университетский устав 1884 г. в его наиболее неприемлемых с точки зрения академической автономии частях. 〈...〉 Эти законодательные новеллы были немедленно проведены через правительственные инстанции и живительным потоком влились в академический обиход. Их животворная сила была так велика, что в те два года большевистского режима, пока они не были сломаны, общий уклад университетской жизни, 〈...〉 вопреки крайне неблагоприятным внешним условиям (холод, голод и недостатки оборудования), был нормальным. Во всяком случае, органы управления в университетах и других организациях высшей школы функционировали на основах академической автономии; профессора, доценты, ассистенты дружно сотрудничали в этих органах, а между преподавателями и студентами существовали отношения, полные доверия»[11]. И Новиков подвел итог работе Комиссии по реформе высшей школы при Министерстве народного просвещения Временного правительства: «Так, в короткий промежуток времени

между двумя революционными взрывами в атмосфере, насыщенной непрестанно бурлившими политическими страстями, тихо и спокойно, как будто под защитой монастырских стен, работало скромное культурное учреждение, оставившее после себя значительный след в области академического творчества»[12].

Деятельность комиссии, руководимой М.М. Новиковым, автоматически прекратилась 18 (31) декабря 1917 г., когда декретом Совета народных комиссаров (СНК) были упразднены канцелярии IV Государственной Думы и ее Временного комитета. Правда, какие-то ее проекты (например, учреждение Иркутского университета) позже были реализованы Наркомпросом, сменившим Министерство народного просвещения. Новиков же, сдав дела Комиссии по реформе высшей школы чиновникам Наркомпроса, покинул Петроград, чтобы заняться организацией своей кафедры при Московском университете и оборудованием новой зоологической лаборатории[13].

К этому времени ректором Московского университета был избран М.А. Мензбир (май 1917–1919), с которым М.М. Новиков был связан многолетней дружбой[14]. Он вспоминал: «Моим избранием создавалась новая кафедра зоологии, и было необходимо позаботиться об устройстве соответствующего учебно-вспомогательного учреждения. Для меня решено было устроить новую зоологическую лабораторию»[15]. Однако ни в Зоологическом музее, ни в Институте сравнительной анатомии свободных комнат для кафедры и лаборатории Новикова не оказалось, а директора названных выше учреждений «играли им, как мячиком», посылая его один к другому[16]. Наконец, Новикову все-таки удалось оборудовать свой личный кабинет. Только после избрания на должность ректора Новиков смог, достроив здание Геологического института, выделить лекционное помещение для занятий со студентами и открыть свою лабораторию.

Что касается преподавательской деятельности, то М.М. Новиков получил максимальную свободу выбора и возможность читать курсы лекций, наиболее интересовавших его, а именно общую биологию и сравнительную анатомию беспозвоночных, которые никогда ранее в Московском университете не читались. Чтение лекций в аудитории на 200–400 человек приносило ему большое удовлетворение. Что касается практических занятий со студентами, то, пользуясь своим гейдельбергским опытом, он решил лично присутствовать на занятиях, чтобы тесно общаться со студентами. Состав его ассистентов подобрался на редкость удачным. Новиков вспоминал: «Последней по возрасту

ассистенткой была моя старшая дочь Татьяна, памяти которой я должен посвятить здесь несколько слов не только как отец, но и как объективный естествоиспытатель. Она была на редкость талантлива в научной работе. К этому присоединилось еще то, что она провела прекрасный зоологический практикум по гейдельбергскому образцу на Высших женских курсах у Кольцова. Обладая выдающимися способностями схематически зарисовывать наблюдаемые ею объекты, как микро-, так и макроскопические, она в результате практикума составила большой художественный альбом, представлявший собой целый курс зоологии. Поэтому на практических занятиях и во время экзаменов ⟨...⟩ она проявляла высокую степень компетентности»[17].

В это время занятость М.М. Новикова была огромной: он был профессором трех высших учебных заведений: Московского университета, Коммерческого[18] и Горного институтов; управлял Научной комиссией Научно-технического общества (НТО), руководил ее сельскохозяйственной секцией и Комиссией по удушливым газам. Одновременно он заведовал зоологической лабораторией Московского университета, где, помимо преподавательской деятельности, проводил научные исследования, вел редакторскую работу в Московском обществе испытателей природы. Тем не менее, его общий месячный оклад (равный 3,5 млрд рублей!) из-за фантастической инфляции мог обеспечить лишь очень скромный уровень его семье.

Смена власти: Октябрь 1917 г.

Научная интеллигенция России отнеслась к приходу к власти большевиков в октябре 1917 г. с подозрением и враждебностью. Она видела в большевиках экстремистов, наносящих огромный ущерб культуре и интеллектуальному будущему России. Свое осуждение новой политике профессора и преподаватели учебных заведений и профессиональных обществ выражали организацией митингов, забастовок, закрытием школ и больниц, игнорированием советских декретов и проч. Одним из первых выступило Общество русских врачей им. Пирогова. Осудив захват власти в стране большевиками, 22 ноября 1917 г. оно призвало медиков страны к проведению забастовок[19].

По окончании работы в Государственной Думе и Временном правительстве М.М. Новиков попытался отойти от политической деятельности и всецело посвятить себя науке и делу народного образования. Как и некоторые его коллеги, он разделял принцип

отделения науки от политики и старался сохранять политическую нейтральность. Новиков ни разу не согласился на добровольную эмиграцию, считая своим нравственным долгом оставаться на своем посту. Фактически он дождался, когда советская власть сама вынудила его покинуть родину. Размышляя об эмиграции, он писал: «Передо мной также встал вопрос о бегстве, но моя привязанность к Москве и к только что обретенному университету была так сильна, что я решил не двигаться с места. В этом решении меня поддерживала также надежда, что полное отрешение от политической деятельности и углубление исключительно в научную жизнь гарантируют меня от каких-либо преследований»[20].

Однако события в стране развивались по другому сценарию. 28 ноября 1917 г. за организацию контрреволюционного мятежа СНК объявил кадетскую партию, активным членом которой М.М. Новиков состоял, «партией врагов народа»[21]; газета «Правда» предрекала: «Политические вожди контрреволюционной гражданской войны будут арестованы»[22]. Тем не менее, в течение 5 лет Новикову удавалось как-то сохранять хрупкое равновесие в своих отношениях с новой властью.

Реформы высшей школы Наркомпроса РСФСР: 1918–1920

Октябрьский переворот 1917 г. привел к значительным изменениям в системе высшей школы. Декретом СНК РСФСР от 11 декабря 1917 года, подписанным В. Лениным, все учебные заведения страны, в том числе и вузы, переходили в ведение Наркомпроса во главе с народным комиссаром просвещения А.В. Луначарским. Специальной комиссией Наркомпроса в составе профессоров М.Н. Покровского, П.К. Штернберга, В.А. Артемьева, И.М. Рейснера и других был разработан проект «Положение о российских университетах», согласно которому доступ в университеты и институты открывался всем желающим обоего пола без представления свидетельств об окончании среднего учебного заведения[23]. Проект предусматривал коллегиальное управление университетами, их высшим органом должен был стать Народный совет, включающий представителей политических партий, профсоюзов, кооперативных обществ, 5 представителей от местного отдела народного образования, 25 – от соответствующего губернского совета и по одному представителю от всех центральных управлений и ведомств.

8 июля 1918 г. для обсуждения проекта «Положение о российских университетах» в актовом зале Московского университета было созвано Всероссийское совещание высшей школы, с целью «столковаться с профессурой в вопросе о приспособлении высшей школы к потребностям Новой России»[24]. Однако декрет Совнаркома был бойкотирован так называемыми старыми профессорами и студентами Московского и Петроградского университетов, которые не выразили понимания смысла предлагаемых большевиками преобразований и отказались от сотрудничества с ними в строительстве новой школы[25]. Ректор Московского университета профессор М.А. Мензбир упорно настаивал на сохранении университетской автономии и назвал широкое открытие дверей высших учебных заведений «наплывом с улицы»[26]. М.М. Новиков, избранный к этому времени (1918) деканом физико-математического факультета Московского университета, также выступил с докладом. Совещание продолжалось несколько дней, пока не выявилась группа так называемых трезвомыслящих участников во главе с академиком Н.Я. Марром, защитивших проект.

С целью изменения классового и национального состава студенчества 2 августа 1918 г. СНК обнародовал декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения». Кроме того, был издан указ об общедоступности университетского образования для лиц, достигших 16 лет, независимо от их подготовки. Теперь от абитуриентов не требовался диплом об окончании гимназии, а только удостоверение личности (где были отметки о возрасте и социальном происхождении). Это нововведение позволяло контролировать отбор студентов по социально-классовому признаку и ограничивало поступление в вузы лиц, принадлежащих к правящим сословиям царской России. Вслед за тем появился указ о преимущественном праве поступления в вузы рабочих и крестьян и декрет Совнаркома РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики». Декрет упразднял защиты диссертаций, ученые степени магистра, доктора, звание адъюнкта и приват-доцента, а также связанные с ними права и преимущества; было отменено иерархическое деление преподавательского состава вузов на профессоров заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов. Всем лицам, которые вели преподавание в вузах, присваивалось единое звание профессора. Лица, имевшие звание приват-доцента не менее трех лет, также переводились в разряд профессоров. Это распоряжение открывало путь к занятию

кафедр лицами, не обладавшими должной квалификацией, а также облегчало возможность продвижения в профессора представителей так называемой новой интеллигенции – «красной профессуры»[27]. 18 ноября 1918 г. вышло постановление Наркомпроса об участии студентов в управлении вузами.

С 4 по 8 сентября 1918 г. в Москве прошло второе Всероссийское совещание по реформе высшей школы, участником которого был М.М. Новиков. На нем профессора и преподаватели вузов продолжали отстаивать требование университетской автономии и систему конкурсных выборов, добившись, в частности, 10-летнего срока их избрания на должность. Профессора также отклонили пункт о коллегиальности управления университетами и упразднении ученых степеней[28]. Как писал Питирим Сорокин: «Они потихонечку, – если и неофициально, то по крайней мере на практике – восстановили научные степени в форме, близкой к дореволюционной»[29]. Тем не менее, старую аттестацию преподавателей вузов и институтов советская власть вернула только в 1934 г.[30]

В декабре 1918 г. юридические факультеты университетов и юридические вузы были упразднены и вместо них открыты факультеты общественных наук (ФОН)[31]. Тогда же была отменена врачебная присяга на медицинских факультетах университетов. Известный вирусолог Л.А. Зильбер в своих воспоминаниях о I Московском университете с сожалением писал: «Мы были первым выпуском русских врачей, которые не давали врачебной присяги»[32]. 1 февраля 1919 г., окончив медицинский факультет Московского университета, Л.А. Зильбер вместо диплома получил заменяющее его «удостоверение», подписанное ректором М.М. Новиковым, а также деканом медицинского факультета и делопроизводителем[33].

В феврале 1919 г. при бывшем Московском коммерческом институте (преобразованном в Институт народного хозяйства) состоялось торжественное открытие первого в стране рабочего факультета[34]. 11 сентября 1919 г. Наркомпрос издал постановление «Об организации рабочих факультетов при университетах»[35]. Этим постановлением в рабочие факультеты были преобразованы открытые ранее Подготовительные курсы МГУ. В сентябре 1920 г. В.И. Лениным был подписан декрет Совнаркома о рабочих факультетах, где подчеркивалась их главная задача – широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы.

Вначале срок обучения на рабочем факультете МГУ был установлен в два года, в 1921 г. увеличен на дневном отделении до

трех, на вечернем – до четырех лет; постановлением СНК РСФСР от 15 января 1928 г. был установлен 4-годичный срок обучения на рабфаках. Метод же преподавания на рабфаке сочетал в себе элементы школьного и вузовского обучения, а для учета знаний были введены так называемые коллективные зачеты, когда знания студентов оценивались всем коллективом группы, а не преподавателем.

Рабочие факультеты быстро превратились в краткосрочные курсы по формальному приобретению отрывочных знаний. Вскоре всем стало ясно, что полуграмотные студенты по окончании курса станут безграмотными врачами, судьями, педагогами. М.М. Новиков признавался: «Из чисто идеологических соображений я приветствовал рабочий факультет при Московском университете, ссылаясь на пример М.В. Ломоносова и многих других русских людей. ⟨...⟩ Но когда я потом раскусил всю поверхностность знаний, дававшихся факультетом, и в то же время его горделивую претензию играть доминирующую роль в университете, я стал энергично возражать в комиссариате против чрезвычайной бесцеремонности факультета, в частности, против его поползновений на помещения университета в ущерб остальной учебной работе»[36].

По воспоминаниям проректора Петроградского университета (с 1920 г.), профессора Б.Н. Одинцова: «...после Октябрьской революции 1917 года правления высших учебных заведений были завалены декретами и распоряжениями Комиссариата народного просвещения – “Наркомпроса”... Декреты вызвали негодование среди профессуры и понятное стремление сохранить традиционные права университета»[37]. Однако, выпустив в свет необходимые декреты, Наркомпрос на какое-то время оставил университеты в покое, поскольку они еще не значились в списке первостепенных проблем новой власти[38].

Большинство университетских профессоров и преподавателей осталось на своих местах, но их материальное положение резко ухудшилось. «Голодание профессоров еще подчеркивалось сравнительным изобилием продуктов у служителей университета. Этим последним помогала, с одной стороны, их связь с деревней, а с другой стороны, пайки, которые они получали, как представители господствующего класса, были лучше и обильнее профессорских. В то время, как мы мечтали о том, чтобы в черном хлебе было поменьше соломы, а в селедках – червей, они имели мороженых гусей и белую муку… В университетском ботаническом саду почтенные профессора, обладатели мирового научного имени, среди них и 60-летний бывший ректор университета,

часами выкапывали, не из чудачества, а из-за крайней нужды, корни одуванчиков, чтобы приготовить из них цикорий», – вспоминал М.М. Новиков[39].

Следствием тяжелых условий жизни стала чрезвычайно высокая смертность: только в 1919–1920 гг. Московский университет похоронил 12 своих профессоров, умерших от недоедания. Так случилось с А.Н. Сабаниным – выдающимся ученым-почвоведом и любимцем студенческой молодежи, профессором физиологии Л.З. Мороховцом, тело которого М.М. Новиков обнаружил на ящиках в сарае, на университетских задворках, «в то время, когда его квартира уже была оккупирована другим семейством»[40]; с философом Л.М. Лопатиным, с профессором римского права В.М. Хвостовым, повесившимся у себя на квартире, с профессором И.К. Спижарным, «тело которого было вытребовано у семьи под страхом ответственности для гражданских похорон»[41]. «К сознанию полной личной необеспеченности, несмотря ни на лояльное поведение, ни на ответственную работу, присоединялись еще недостатки материального характера, губительно влиявшие на здоровье. Пайки нам выдавались в очень ограниченном размере и часто составлялись из малосъедобных продуктов. ⟨...⟩ Не удивительно, что смертность профессоров увеличилась примерно в шесть раз. Умирали главным образом от болезней, вызванных недостатком питания и нервным расстройством»[42].

А.М. Горький, оценивая работу русских ученых, проведенную ими в годы Гражданской войны и иностранной интервенции, писал: «Я имел высокую честь вращаться около них в труднейшие годы 19–20-й. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стоическим мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали, и видел, как умирали. Мои впечатления за это время сложились в чувство глубокого и почтительного восторга перед вами, герои свободной, бесстрашно исследующей мысли. Я думаю, что русскими учеными, их жизнью и работой в годы интервенции и блокады дан миру великолепный урок стоицизма»[42а].

Первый арест

В ночь с 19 на 20 сентября (по новому стилю) 1918 г. М.М. Новиков был неожиданно арестован в своей московской квартире местной Сущевско-Мариинской Чрезвычайной комиссией (ЧК). При обыске из его письменного стола была изъята научная переписка с коллегами за границей. Однако особенно трагичным

стало изъятие запечатанного пакета, переданного ему на хранение Московским отделением Государственной Думы, где содержалась переписка с корреспондентами из разных районов России, крайне неприятная большевикам.

«В ответ на запрос, посланный Комиссариатом народного просвещения, ЧК ответила, что гр[ажданин] Новиков арестован по подозрению в возможности участия в контрреволюционной организации, что отчасти и подтверждается изъятой у него перепиской. 21-го и 22-го был допрос и 22-го вечером вынесен местной ЧК приговор – за якобы данную Новиковым взятку в 10 р[ублей] (Новиков утверждает, что взятки не давал, а дал 3 р[убля] на чай, когда принесли пищу) – на 6 месяцев в тюрьму, а после этого в концентрационный лагерь без срока за участие в просветительской комиссии Государственной Думы, деятельность каковой комиссии фактически закончилась до октябрьской революции, а ликвидационный отчет был составлен на 1-е января 1918 г[ода]. При обыске, кроме бумаг просветительской комиссии при комитете Государственной Думы, ничего не найдено»[43]. Этот документ хранится в архиве Московского политического Красного Креста, принимавшего участие в освобождении Новикова[44].

М.М. Новиков вспоминал: «Тюрьма спасла меня от мучительной смерти. Мне известно, по крайней мере, о двух моих соседях по Черезвычайке, что они погибли в концентрационном лагере еще за время моего пребывания в тюрьме»[45]. Из Сущевской ЧК, занимавшей дом Дворянского приюта, Новикова перевели в Серпуховской арестный дом. После месячного пребывания ему объявили о переводе в Бутырскую тюрьму. «Пребывание в центре скопления политических заключенных не предвещало ничего доброго», – сетовал Новиков[46]. В душе нарастало ощущение трагической безвыходности. Особенно он сожалел, «что приходится расставаться с как-то налаженной, хотя по существу и беспросветной жизнью»[47].

По счастливой случайности начальник Бутырской тюрьмы оказался выпускником Московского университета и, видимо, порядочным человеком: узнав, что М.М. Новиков служит профессором alma mater, он предоставил ему более или менее удобную камеру. «В течение моего тюремного заключения студенты как университета, так и Коммерческого института неустанно хлопотали обо мне, но добиться моего освобождения им удалось лишь после 7 ноября, когда по случаю первой годовщины Октябрьской (по старому стилю) революции была провозглашена амнистия», – вспоминал Новиков[48]. В Бутырке Новиков встретил много зна-

комых: профессора А.А. Кизеветтера, доктора Н.М. Кишкина и других лидеров кадетской партии, московского губернатора В.Ф. Джунковского, А.Д. Самарина, епископов, иностранных дипломатов и видных общественных деятелей. И далее: «Вернувшись на свободу, я всей душой погрузился в возвращенный мне рай академической жизни. ⟨...⟩ Коллеги встретили меня и тоже освобожденного к тому времени проф. Кизеветтера с какой-то настороженностью и опасливостью. Но совершенно особый тон задал ректор М.А. Мензбир, в начале заседания обратившийся к нам с горячим приветствием и с выражением радости, что мы снова оказались в нормальной для нас обстановке. Создавшееся после этого дружеское настроение в собрании доставило нам глубокое нравственное удовлетворение»[49].

Немалые огорчения М.М. Новикову и его семье приносила их собственная квартира, где соответствующий домовой комитет, настроенный по-большевистски, занимался доносами, придирками, издевательствами. Когда-то доход от этого дома давал Новикову возможность учиться и заниматься научными исследованиями, не думая о заработке. Теперь ученый был готов безболезненно расстаться с семейной собственностью и переселиться в другую квартиру. «Но в эпоху всевозможных уплотнений это было нелегко», – вспоминал он[50]. «Наконец, когда мы достроили здание Геолого-минералогического института, ⟨…⟩ обширные помещения этого института в историческом старом здании университета оказались свободными. Правление постановило предоставить часть этих помещений для моей лаборатории и квартиры»[51].

На посту ректора Московского университета

В конце 1918 г. правительственным декретом были объявлены перевыборы профессоров, ректоров и деканов российских университетов, выслуживших 10-летний срок. Ректорская должность в Московском университете автоматически (на два месяца) перешла от профессора М.А. Мензбира к профессору В.С. Гулевичу как одному из старших членов совета и факультета, но не имевшего 10-летнего стажа работы. Весной 1919 г. Наркомпрос назначил новые выборы президиума Московского университета в составе ректора, его помощника и проректора. На предварительном совещании была выдвинута кандидатура М.М. Новикова. «Я был исполнен готовности взять в свои руки защиту университетской автономии, столь дорогой мне как по существу ее, так и потому, что все последующие годы, сначала в Государственной

Думе, а потом при Временном правительстве в Комиссии по реформе высших учебных заведений мне пришлось работать над ее осуществлением. Но тем не менее я очень колебался, считая, что мое прежнее общественное положение делало из меня фигуру, дразнящую коммунистов», – вспоминал позже Новиков[52].

Предложение баллотироваться на выборах ректора Московского университета поставило М.М. Новикова в трудное положение, хотя Наркомпрос обещал ему поддержку в случае его согласия. Свои сомнения он обсудил с коллегами по Коммерческому институту Я.Я. Никитинским и Н.Н. Худяковым. Если Никитинский, с присущей ему осторожностью старого человека, высказался нерешительно[53], то Худяков «с яростным запалом и всем блеском своего остроумия» заявил: «Надо мной светит звезда, помогающая всем моим начинаниям, и... университет, поставленный под эту звезду, может быть на некоторое время предохранен от бедствий и потрясений. Его горячие, как бы вещие, тирады запали мне глубоко в душу. ⟨...⟩ А на следующий день явилась ко мне делегация студенчества, которая категорически настаивала на моей кандидатуре... Все это, вместе взятое, разрешило мои сомнения, и я принял на себя ответственность за громадное учреждение, персонал которого, если принять во внимание и больных, находящихся на излечении в клиниках, простирался до нескольких десятков тысяч человек», – вспоминал Новиков[54].

К счастью, в это время университетская автономия еще сохранялась в полной мере и никакого утверждения М.М. Новикова на посту ректора (после избрания его советом университета) Наркомпросом не требовалось. Администрация Московского университета просто формально сообщала Наркомпросу о состоявшихся выборах[55]. Вступление Новикова в должность ректора, следуя списку личного состава Московского университета, произошло в марте 1919 г.[56] Один из первых ректорских приказов Новикова был датирован 25 марта 1919 г. Помощником ректора был профессор К.П. Яковлев, проректорами – профессор В.Е. Фомин и профессор А.А. Юдин[57]. Став ректором, Новиков был вынужден отказаться от обязанностей декана, и вскоре на эту должность был избран «любимец молодежи» профессор А.Н. Реформатский, а осенью 1919 г. его сменил на этом посту профессор В.В. Стратонов. Большую помощь в выполнении ректорских обязанностей оказал Новикову глава канцелярии совета МГУ, профессор С.И. Преображенский – традиционная фигура для университета, перевидавшего на своем веку немало ректоров[58].

Должность ректора не защитила М.М. Новикова от репрессий новой власти. Еще весной 1919 г. одним из первых ударов для него стало предписание СНК об отдаче его и бывшего ректора Московского университета М.А. Мензбира под суд за неисполнение декрета СНК о ликвидации домовых церквей (речь шла о церкви Св. Татьяны)[59]. Обвинение было основано на недоразумении, так как настоятель университетской церкви, профессор богословия МГУ Н.И. Боголюбский самовольно покинул кафедру и помещение церкви Св. Татьяны и перешел в другой приход. «После ухода пастыря университетская церковь считалась нами как бы несуществующей», – вспоминал Новиков[60]. По распоряжению Моссовета на Моховую улицу был направлен специальный отряд для ликвидации наружной православной символики со здания университетской церкви: креста, иконы св. Татьяны и надписи на фронтоне. Новиков вспоминал: «Наступила ненастная ночь, а когда я прибыл в университетскую церковь, то разразилась жестокая гроза. Точно в назначенное время подъехали два грузовика с рабочими, которые под проливным дождем, при грозных раскатах грома и блесках молнии приступили к своей разрушительной работе. Крест и икона были сняты довольно быстро, но сбивание надписи потребовало значительного времени. Лишь под утро работа закончилась, и распорядитель явился ко мне для подписания протокола. Всё было проведено с обеих сторон вполне корректно. Что же касается рабочих, то, несмотря на то что были посланы, по-видимому, особенно испытанные кадры, в лицах и движениях их явно сквозило явное смущение, вызванное как странностью порученной им ночной работы, так и грозной картиной разбушевавшейся стихии»[61]. К ноябрю 1920 г. во всех университетских зданиях были сняты иконы.

Осенью М.М. Новикову чудом удалось избежать ареста и нового столкновения с ЧК. Когда по Москве стали распространяться слухи об аресте кадетов, он в целях предосторожности решил остаться на ночлег в своей университетской лаборатории[61a]. Как только служащий сообщил Новикову о засаде в его квартире, он, быстро передав своему помощнику университетские дела и, сбрив бороду в целях конспирации, уехал на заседание агрономической организации. Здесь его друзья «назначили» его на вакантную должность энтомолога на дальней сельскохозяйственной станции. Там Новиков и прожил около 10 дней. Он вспоминал: «Пока в моей квартире сидела чекистская засада, и пока мои друзья не оправдали меня перед Наркомпросом. Кроме нескольких обысков в моей квартире, подвергся обыску также мой служебный кабинет

вместе с университетской канцелярией, из которой были изъяты некоторые документы и ценности»[62]. Вскоре дочь сообщила Новикову, что засада в квартире снята и что возбужденное против него дело, по-видимому, прекращено. Возвратившись в Москву, он сразу же направился в Наркомпрос к М.Н. Покровскому, и тот подтвердил, что приказ об аресте Новикова оказался ошибкой, но попросил его еще какое-то время не возвращаться к себе на квартиру. «Легко попасть в Чрезвычайку, но трудно из нее выбраться»[63]. Так что и для Новикова «ректорский пост был несладок»[64].

Поскольку определенное время М.М. Новиков совмещал ректорскую работу с обязанностями председателя Научной комиссии в Научно-техническом отделе (НТО) при ВСНХ, его рабочая нагрузка к осени 1919 г. достигла высшей степени[65]. Кроме Московского университета, Новиков продолжал преподавать в Коммерческом институте (Институт им. К. Маркса), а также во вновь организованном Горном институте. При такой нагрузке преподавательская деятельность Новикова была сведена к минимуму. Поэтому осенью 1919 г. (по-видимому, исключительно по личной инициативе) Новиков сам назначил перевыборы на должность ректора, специально созвав для этого совет Московского университета. «Назначая выборы, я руководствовался также своими старыми опасениями, как бы мое пребывание на посту ректора не явилось источником правительственных кар на университет»[66]. На заседании Новиков попросил о переизбрании его на посту ректора, учитывая его большую нагрузку в ВСНХ. Однако члены совета не только не выдвинули альтернативную кандидатуру, но и единодушно проголосовали в пользу Новикова. Один из членов совета заявил, что совмещение должности ректора и председателя научной комиссии будет весьма полезно для университета в смысле лучших возможностей снабжения его научными пособиями, что на самом деле впоследствии и оправдалось. «При этих обстоятельствах, – позже признался Новиков, – мне ничего не оставалось, как принять избрание, т.е. взвалить на себя почти непосильный труд и тягчайшую ответственность»[67].

Несмотря на то что М.М. Новиков руководил Московским университетом только 20 месяцев, можно отметить многие позитивные стороны его правления в годы всеобщей разрухи и Гражданской войны. Прежде всего Новикову удалось сохранить научные кадры университета. В 1920 г. в МГУ трудились: профессоров – 362, преподавателей – 843, причем 202 на рабочем факультете[67а]. Он всячески поощрял работу сотрудников университета по совместительству во вновь создаваемых научно-ис-

следовательских заведениях (Пищевом институте, Центральном аэрогидродинамическом институте и др.). Однако впоследствии такая практика новой властью была прекращена.

В первое десятилетие советской власти университет столкнулся с большими трудностями: многие помещения находились в катастрофическом состоянии – проржавели крыши, надвигалась угроза обвала потолков, отсутствие топлива вызвало замерзание водопроводных труб, приходили в негодность осветительная система, мебель. Из-за холодов (температура в помещениях снижалась до –7 °C) приостанавливались занятия в большинстве лабораторий. Действующие лаборатории отапливались временными железными печками.

Благодаря М.М. Новикову в университете был организован коммерческий хозяйственный отдел, который в тяжелейших условиях разрухи смог обеспечить университет топливом, строительными материалами, питанием[68]. Новиков сумел организовать на факультетах предметные комиссии, получившие развитие и в советских вузах. Сам он, правда, указывал, что начало предметным комиссиям было положено еще В.О. Ключевским, «который созывал всех преподавателей по кафедре русской истории для обсуждения программы преподавания»[69].

В период ректорства М.М. Новикова, в августе–сентябре 1919 г., согласно постановлению Наркомпроса РСФСР, в состав Московского государственного университета вошли Высшие историко-юридические курсы, историко-филологический факультет и естественно-математическое отделение физико-математического факультета 2-го Московского университета, естественно-историческое отделение Университета им. А.Л. Шанявского. В начале 1919 г. на физико-математическом факультете были созданы кафедры почвоведения, антропологии и палеонтологии, работа которых, помимо научно-теоретического интереса, приобрела большое практическое значение. Преподавание биологических наук в этот период обогатилось введением большого практикума, который и поныне остается неотъемлемой формой работы биолого-почвенного факультета.

Учебный процесс в МГУ при М.М. Новикове совершенствовался благодаря развитию научно-исследовательской работы, экспедициям, лабораторным занятиям. В 1919/20 учебном году был пересмотрен учебный план медицинского факультета и внесены изменения в преподавание теоретических курсов, расширение объема практических занятий в клиниках. Впервые на медфаке нарком здравоохранения Н.А. Семашко начал читать курс лекций

по социальной гигиене. На медицинском факультете в 1918–1920 гг. были открыты одонтологическое отделение и пропедевтическая хирургическая клиника; кафедра челюстной хирургии, кафедра микробиологии. В ведение факультета перешли бывший лепехинский родильный дом и лаборатория Главного военно-санитарного управления. Разработанный МГУ план шестилетнего срока медицинского обучения, принятый Первым Всероссийским съездом по медицинскому образованию, был распространен на другие медицинские учебные заведения.

Благодаря усилиям М.М. Новикова был достроен корпус Геологического института, куда, спустя несколько месяцев, были переведены Геологический, Палеонтологический и Минералогический институты, и этим был разрешен вопрос дефицита помещений для студентов и преподавателей университета.

М.М. Новиков лично заинтересовал А.В. Луначарского – народного комиссара просвещения – в финансировании Наркомпросом работ по реставрации старого здания Московского университета, расположенного во дворе на Моховой улице. Он также смог привлечь известного художника И.Э. Грабаря для проведения реставрационных работ. Благодаря сотрудничеству Новикова с Комиссией по охране художественных памятников старины здание Московского университета было восстановлено во всем блеске первоначального архитектурного замысла архитектора Жилярди, с сохранением на фронтоне герба с изображением Георгия Победоносца.

25 января 1920 г. при М.М. Новикове была сделана попытка возобновить в Московском университете празднование Дня Татьяны: «Утром был отслужен молебен в соседней с университетом церкви, после обеда устроен чай для профессоров в круглом зале правления, а вечером студенты организовали концерт и танцы в своем общежитии на Бронной. 〈…〉 На вечеринке появились и народные комиссары А.В. Луначарский и Н.А. Семашко (комиссар здравоохранения, именем которого были насмешливо окрещены насекомые – носители тифозной заразы). Первый очаровал студентов каламбурным комплиментом, сказавши им, что советская власть заимствовала свою систему от университетов, давно уже управляемых советами. А второй снискал себе популярность более существенным подарком в виде нескольких бутылок водки, от которой сильно пахло эфиром, что доказывало происхождение ее из больниц, подведомственных комиссару»[70].

Однако долго сохранять нейтралитет при новой власти М.М. Новикову не удалось. Ответственная работа на посту ректо-

ра Московского университета и председателя Научной комиссии ВСНХ, а также лояльное поведение Новикова по отношению к советской власти, не защитили его от преследований. Только в 1919–1922 гг. ученый пережил три ареста.

О наступившем времени М.М. Новиков вспоминал: «Преподаватели, студенты и служащие университета постоянно находились под Дамокловым мечом обыска и ареста. И надо сказать, что этот меч нередко обрушивался на членов нашей академической семьи, и особенно часто, конечно, на профессоров. Хлопоты об освобождении их и являлись обычным поводом моих посещений Наркомпроса. Помню в одно из таких посещений я упрекнул М.Н. Покровского в несправедливости и излишней жестокости по отношению к лояльным гражданам. На это он мне ответил: "Вы как биолог должны знать, сколько крови и грязи бывает при рождении человека. А мы рождаем целый мир"»[71]. Аналогичная ситуация сложилась в Петрограде, где с 1918 г. начались превентивные аресты. Террор еще более усилился после убийств В. Володарского (М.М. Гольдштейна) и М.С. Урицкого. «Среди жертв было немало профессоров и крупных специалистов высших военных и технических учебных заведений. Так, известно, что в 1918 г. в лагере "Медведь" под Новгородом находился в заключении профессор Морской академии И.Г. Бубнов, которого по счастливой случайности освободили», – писала историк Н.С. Ермолаева[72].

Фактический арест М.М. Новикова органами ВЧК был произведен 23 апреля 1920 г.; он был связан с процессом над участниками Тактического центра[73]. Ученого продержали 13 дней в Сущевской районной ЧК; дома у него был произведен обыск[74]. Московский университет, Научная комиссия при НТО ВСНХ и Политический Красный Крест усиленно хлопотали об освобождении Новикова. Поэтому его допросили сравнительно быстро – на 11-й день ареста. Заключение Новиков переживал особенно тяжело из-за участившихся в тюрьме приступов бронхиальной астмы. Директор тюрьмы буквально заорал на Новикова, когда тот попросил у него позволения из-за своего астматического состояния немного приоткрыть окно, защищенное решеткой. Допрос М.М. Новикова вел известный следователь Я.С. Агранов. Новиков вспоминал: «Предъявленное мне обвинение в том, что я участвовал в каком-то политическом собрании, мне нетрудно было опровергнуть. И действительно, я был настолько перегружен научной и просветительной работой, что мне было не до политики. Через день после допроса поздно вечером меня освободили. 〈...〉

Через некоторое время, однако, я получил повестку с требованием явиться на заседание суда в качестве обвиняемого. Это требование было трудноосуществимо, так как я лежал в то время неподвижно в постели со сломанной ногой. Но мой энергичный адвокат скоро принес приятное известие, что произошло недоразумение и что в суд мне являться не надо»[75].

16 августа 1920 г. по делу Тактического центра был вызван и профессор Н.К. Кольцов. Он был обвинен в хранении денег для пособий семьям пострадавших членов организации. 19 августа его арестовали повторно, а 20 августа приговорили к расстрелу. Вскоре расстрел был заменен пятью годами условно. К расстрелу заочно был приговорен и академик П.Б. Струве[76], а для дочери Льва Толстого – Александры Львовны Толстой обвинитель от Верховного ревтрибунала ВЦИК Н.В. Крыленко потребовал заключения в концентрационный лагерь на три года[77].

6 ноября 1920 г. на заседании общего собрания Академии наук С.Ф. Ольденбург указал на исключительно тяжелое положение, в котором оказались русская наука и русские ученые, и предложил обратиться в Совнарком с запиской, в которой было бы указано на катастрофическое положение научной работы в России и предложены срочные меры к изменению этого положения. В результате на свет появилась «Записка» в правительство, подписанная руководителями Академии наук. В ней, в частности, говорилось: «Если положение не изменится, то ясно, что погибать будут только ученые, не наука, которая бессмертна и всегда найдет пути, чтобы продолжать свое победное шествие к знанию. Ясно, что если одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России. Но такой выход вряд ли может быть засчитан нормальным и желательным»[78].

В воспоминаниях М.М. Новикова о своих ректорских годах сквозит огромное уважение к коллегам – профессорам Московского университета, которые жили и умирали, защищая освященные веками традиции академической свободы университета[79]. Когда от П.А. Гессе, который уезжал из России во главе санитарного поезда Международного Красного Креста и мог провести Новикова совершенно безопасно среди своего персонала, пришло предложение эмигрировать, тот опять отказался[80]. Сознание полной личной необеспеченности притуплялось громадной академической и общественной работой, приносившей Новикову глубокое нравственное удовлетворение. Утешительным явлением

того времени было единодушие, царившее в среде профессоров, младших преподавателей и студентов. Особенно удивительным было дружеское расположение к нему студентов. Их симпатии проявлялись в повседневной жизни, «но особого апогея достигли в их неустанных хлопотах о моем освобождении, – писал Новиков, – и в ярко сверкавшей на их лицах непритворной радости, когда их хлопоты увенчались успехом»[81].

В начале 1920 г. отношение большевиков к интеллигенции меняется – принимается целый ряд запретительных мер. Так, по постановлению Народного комиссариата иностранных дел, частным лицам (и прежде всего представителям интеллигенции) был запрещен выезд из РСФСР в личных целях. Демаркационную линию границы разрешено пересекать только лицам, командируемым центральными советскими учреждениями, и только по загранпаспортам, выдаваемым Народным комиссариатом иностранных дел. Кроме того, командируемым запрещено брать с собой семьи[82]. В одном из писем в ЦК РКП(б) от 19 апреля 1921 г. Ф.Э. Дзержинский заявил: «До сих пор ни одно из выпущенных лиц не вернулось обратно, некоторые, в частности Бальмонт, – ведут злостную кампанию против нас. Такое послабление с нашей стороны является ничем не оправданным расхищением наших культурных ценностей и усилением рядов наших врагов»[83].

В отчете А.В. Луначарского за 1920 г. есть описание характерного для того времени противостояния высшей школы и возглавляемого им комиссариата: «Отношения с профессорами и с Всероссийским учительским союзом были с самого начала крайне недружелюбны. Попытки наладить наши отношения с профессорами (созыв 2-х конференций) не привели к благоприятным результатам. Наша научная аристократия переходила от умеренных уступок к полной неуступчивости в зависимости от большего или меньшего успеха белогвардейского окружения. Это и заставило нас в сфере высшей школы порвать совершенно с благоговейным отношением к автономии науки. Мы, конечно, и теперь признаем автономию желательной и естественной, но не в атмосфере пролетарской диктатуры, когда наука эта находится в руках враждебно настроенных людей, когда университеты даже и в настоящий момент на большую половину наполнены, в лучшем случае, равнодушной к революции интеллигенцией, и когда пролетариат обязан завоевать высшую школу для себя всю, от кафедры до последнего места в лаборатории. На самом деле, наука выйдет из этого испытания более объективной, честной, мощной и сияющей. Борьба против автономии при нынешних

условиях есть борьба против порабощения науки буржуазией и ее придатками»[84].

Во второй половине 1920 г. ситуация изменилась. Наркомпрос объявил ревизию профессорского состава университетов, и в первую очередь в гуманитарных и общественных науках. Н.О. Лосский вспоминал, что почти все профессора и ассистенты в области философии были удалены из Петроградского университета[85]. Самого Лосского хотя и исключили из университета, но включили в штат Научно-исследовательского института при университете. Какое-то время ревизия не касалась ученых, работавших в естественно-научных и научно-технических областях науки. Однако советской власти были нужны законопослушные университеты и полный контроль над всеми их сотрудниками. Поэтому вскоре правительство перешло к глобальному реформированию системы высшего образования. При этом университетская автономия была полностью ликвидирована, как и традиционные системы управления через советы университетов и избиравшихся ими ректоров. Вместо советов были введены временные президиумы – коллегиальные органы, ведающие как учено-учебной, так и хозяйственно-административной жизнью. Большинство голосов в них принадлежало лицам, назначенным правительством или партийными организациями; при этом самим преподавателям в управлении университетом отводилась второстепенная роль.

Не согласный с реформами М.М. Новиков подал заявление об уходе с поста ректора Московского университета. Наркомпрос, приняв его отставку, 14 ноября 1920 г. назначил председателем временного президиума Московского университета приват-доцента юридического факультета, большевика Д.П. Боголепова, принимавшего активное участие в реформировании системы высшего образования[86]. Действия Боголепова опирались на директивы В.И. Ленина, данные ему в личной беседе в конце 1920 г.: 1) наука только для бедных; 2) уничтожение «свободы преподавания» и преподавательская работа «по нашим указаниям»; 3) улучшение положения работников МГУ[87]. Методы излишнего администрирования Боголепова вызвали резкое сопротивление профессорско-преподавательской корпорации университета и создали ему имидж разрушителя науки, что вскоре привело к отставке непопулярного руководителя. Пост председателя временного президиума занял Вячеслав Петрович Волгин – член РКП(б), профессор Московского университета по кафедре истории социализма, бывший сотрудник газеты «Русские ведомости»[88].

Бывший декан физико-математического факультета Московского университета В.В. Стратонов вспоминал: «Московский университет стал ареной для сведения счетов и с профессурой и с несчастным студенчеством. Луначарский и Покровский добивали высшую школу беспрепятственно. О тяжких днях Московского университета, наставших после потери им свободы, расскажут их пережившие, когда получат свободу слова»[89].

В некоторых вузах реформы Наркомпроса вызвали забастовки профессоров и студентов. Власти еще не были готовы ответить на забастовки репрессивными мерами, и некоторые решения Наркомпроса были отменены. Так, например, забастовка в ответ на увольнение весной 1921 г. ректора Московского высшего технического училища (МВТУ) профессора И.А. Калинникова привела к отмене постановления, и Калинников остался на посту ректора[90]. Однако через полтора года ситуация изменится[91]. 17 февраля 1922 г. газета «Правда» в статье «Кадеты за работой» писала: «Профессора вузов ведут бешеную кампанию против Советской власти. Они бойкотируют членов преподавательской и профессорской коллегии, не согласны с большинством. Дирижируют этим профессорским оркестром кадеты из парижских “Последних новостей”. Наша высшая школа стала последнее время ареной кадетской борьбы против Советской власти. Не связанные со студенческой массой, в значительной степени обновившейся за время революции, опирающиеся исключительно на веяния нэпа, гг. профессора разыгрывают предгенуэзскую комедию борьбы за “автономию” высшей школы»[92].

Большевикам было мало покончить с контрреволюцией в период Гражданской войны. Сменив политику военного коммунизма на курс новой экономической политики, они испугались требований интеллигенции и начали новое наступление на ее политические права и свободы. Подавление Кронштадтского восстания, разгром крестьянских выступлений, проведение показательных судебных процессов, начало кампании по изъятию церковных ценностей, проходившей весной 1922 г. под лозунгом помощи голодающим Поволжья, преследование части духовенства, включая патриарха Тихона, и т.д. были звеньями одной цепи беспрецедентных репрессий по отношению к инакомыслящим. До осени 1922 г. за неимением выбора власть вынуждена была терпеть прежнюю профессуру, стараясь, однако, решительно снизить ее авторитет в среде молодежи. С сентября 1922 г. на всех факультетах Московского университета стал осуществляться классовый принцип приема за счет рабфака и командированных

на учебу от ЦК РКП(б), ЦК комсомола, ВЦСПС, Наркоматов, Главпрофобра, национальных республик. Одновременно от преподавания отстранялись непримиримо настроенные к советской власти профессора[93].

5 января 1922 г. ВЦИК и Совнарком опубликовали декрет от 15 декабря 1921 г. о лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей. Согласно ему, гражданских прав лишались лица, пробывшие за границей более пяти лет и не получившие советский паспорт до 1 июня 1922 г.; лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советских властей, и лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти или участвовавшие в контрреволюционных организациях.

12 июня 1922 г. президиумом ВЦИК были выработаны «Правила об обществах студентов и научных работников вузов», которые жестко регламентировали вузовское самоуправление. В августе 1922 г. запрет на выезд интеллигенции сменился принудительной высылкой за границу большой группы творческой интеллигенции на так называемых «философских пароходах»[94]. Затем следует запрет на ввоз книг из-за рубежа и еще большее ограничение прав на выезд из страны.

Российская наука в борьбе с голодом

М.М. Новиков был убежден, что лучшей защитой университетской науки от критики со стороны нового режима должна быть демонстрация практической пользы научных исследований. До сих пор была мало известна его научная деятельность в области выполнения продовольственной программы Наркомпроса. Анализ научных статей Новикова за 1918–1922 гг. свидетельствует, что уже в 1918 г. внимание ученого было привлечено к фундаментальному изучению почвенной фауны и флоры на фоне катастрофических проблем в сельском хозяйстве России. Эти исследования Новиков и его сотрудник П. Шапирович выполнили в лаборатории Московского университета и на базе сельскохозяйственных участков Петровской академии[95].

31 июля 1918 г. по предложению Н.П. Горбунова – управляющего делами НТО ВСНХ – был создан Пищевой научно-технический институт, состоящий из Петроградского и Московского отделений. Если с момента основания в состав Московского отделения института входило 11 научно-исследовательских лабораторий[96], то во второй половине 1918 г. к нему присоединились еще

четыре, в том числе лаборатория Новикова при Московском университете[97], две лаборатории из Петровской сельскохозяйственной академии, руководимых профессорами Д.Н. Прянишниковым и И.А. Каблуковым, а также лаборатория профессора А.Р. Кизеля при Саратовском университете.

Редколлегия «Бюллетеня Московского общества Российского пищевого научно-технического института» констатировала, что «четырехлетняя война, оторвав миллионы людей от производительного труда, повела к сокращению производства всех вообще материалов, в том числе и питательных, которые в то же время усиленно, даже расточительно, расходовались на фронте; она вызвала расстройство транспорта и всего вообще хозяйственного государственного аппарата, затруднившие равномерное распределение продовольственных запасов; в результате явилось недоедание и даже голод, который мы все более или менее остро чувствуем на себе. Продовольственный вопрос чрезвычайно обострился во всей Европе; но наше положение безмерно ухудшается тем обстоятельством, что мы отрезаны от наших главных источников снабжения продовольствием, не имея внутри такого высококультурного хозяйства, каким является, например, Германия...»[98].

И далее: «Не следует, конечно, обольщать себя обманчивыми надеждами на то, что учреждение института может уничтожить все продовольственные затруднения. Причины голода коренятся в условиях, устранить которые не во власти науки. Однако наука все-таки может сделать очень многое для объяснения положения, особенно у нас в России, где население привыкло расходовать питательные продукты слишком расточительно и небрежно, имея обычно перед собой богатый выбор и неисчерпаемые количества их»[99].

На собрании Петроградского и Московского отделений Пищевого института были намечены новые направления в работе отечественных ученых по борьбе с голодом:

– превращение питательных азотистых и углеродистых веществ в питательные путем выращивания на них дрожжей, употребляемых затем в пищу или на корм скоту;

– производство сахаристых веществ из новых материалов: земляной груши, цикорного корня, исландского мха и проч.;

– изыскание способов применения для питания человека таких продуктов культурных растений, которые ранее шли лишь на корм скоту, как, например, вика, отруби и т.п.;

– изыскание способов более широкого использования дикорастущих съедобных растений, таких, например, как грибы и ягоды, а также тех, которые ранее в пищу никогда не употреблялись, например водоросли, морская капуста, лишайники;

– разработка способов консервирования пищевых материалов (сушка картофеля, рыбы, яиц), квашение и проч.;

– более совершенное использование обычных пищевых средств и утилизация отбросов;

– изыскание химических (синтетических) методов производства веществ, которые могли бы быть использованы в пищу[100].

В первом номере «Бюллетеня Московского общества Российского пищевого научно-технического института» за 1918 год М.М. Новиков публикует две свои статьи[101]. В статье «Влияние сахарина на свободно живущие клетки» он изложил результаты экспериментального изучения токсичности натриевой соли сахарина в качестве пищевого продукта на модели свободно живущего одноклеточного организма – инфузории – туфельки (Paramaecium caudatum Ehrbg). Им было экспериментально доказано, что натриевая соль сахарина не является токсичной и может быть использована для многоклеточных организмов, но только «в том случае, если она проходит через их пищеварительную систему в неизменном виде… Необходимо, однако, оговорить, что разрешением этого вопроса отнюдь не может быть установлена возможность замены сахара, как весьма питательного для человеческого организма углевода, сахарином, хотя и безвредным, но не приносящим организму пользы, за исключением той, которая получается в результате улучшения вкусовых ощущений»[102].

В статье «Скельская сталактитовая пещера и ее фауна» М.М. Новиков изложил результаты исследования фауны одной из самых красивых и наиболее активно посещаемых туристами, но совершенно не изученных пещер в Крыму (в деревне Скеля, Байдарской волости, Ялтинского уезда). Сам Новиков заинтересовался пещерой давно – еще в 1910 г., когда он, как научный руководитель, вместе с группой студентов Московского университета совершил экскурсию в Крым в сопровождении школьного учителя деревни Скеля – Ф.А. Кириллова, открывшего пещеру в 1904 г. Среди типичных пещерных форм животных, населяющих пещеру, Кирилловым «были описаны клещи с удлиненными конечностями, сенокосцы, совершенно утратившие свой зрительный аппарат, и, как наиболее характерное явление пещерной фауны, бесцветные и слепые мокрицы и подуры»[103]. В Скельской пещере Новиков смог собрать большую коллекцию одноклеточных,

червей, членистоногих, ракообразных и моллюсков. Он писал: «Изучение пещерной фауны, между тем, представляет значительный биологический интерес. С одной стороны, пещерные формы являются результатом эксперимента, поставленного самой природой, над влиянием темноты на организацию животных; эксперимента, обставленного наилучшими условиями, продолжавшегося в течение громадного промежутка времени»[104].

Впоследствии М.М. Новиков надеялся заняться гистологией некоторых пещерных форм, с целью выяснения степени дегенерации их органов зрения и нервных центров, связанных с этими органами. Пещерная фауна представляет собой область, живо интересующую современных зоологов. Но даже в Западной Европе, где эта литература достигла большого развития, пещерная фауна не может считаться удовлетворительно исследованной[105].

М.М. Новиков был организатором коллективных исследований роли простейших в почвах в своей зоологической лаборатории в МГУ. Одновременно его коллега – профессор ботаники В. Арнольди, приступил к изучению почвенных водорослей. Новиков вспоминал: «… работа была проведена в широком масштабе, и мы уже начали получать положительные результаты. Было, например, выяснено, что регулярными обитателями почвы является гораздо большее число видов простейших животных, чем это было известно прежним авторам. Затем было подтверждено наблюдение, что инфузории могут делиться два раза в сутки, так что при благоприятных обстоятельствах одна особь в течение 10 дней может размножиться на 1000 экземпляров. И наконец, весьма важное с общебиологической точки зрения открытие заключалось в том, что инфузории могут в сухом виде, одетые цистами, сохранять свою жизнедеятельность неограниченно долгое время… Все это окрылило нас надеждой на выяснение роли почвенных простейших животных в смысле обогащения почвы значительным количеством органического вещества, а вместе с тем и повышения ее плодородия. В конце 1921 года в Москве собрался Всероссийский съезд почвоведов, на котором я сделал доклад о наших работах. Съезд единодушно приветствовал их и постановил посылать нам из всех мест России образцы почв для исследования. Это могло бы снабдить нас совершенно исключительным по богатству материалом. Но в 1922 году последовала высылка меня из Советского Союза за границу, и, насколько мне известно, работа в моей лаборатории над почвами прекратилась»[106].

В 1922 г. «Архив Русского протистологического общества» опубликовал статью М.М. Новикова «К вопросу о простейших животных, обитающих в почве: из Геологической лаборатории Первого государственного Московского университета»[107]. Позже в эмиграции он вернется к этой теме[108].

Научная комиссия при НТО ВСНХ: 1919–1922

Летом 1919 г. М.М. Новиков был избран на высокий государственный пост председателя Научной комиссии (НК)[109] при Научно-техническом отделе Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) задачей которой стали функции планирования и экспертизы в области науки и техники[110]. «Хотя это учреждение возникло уже при большевистском режиме, оно бережно хранило традиции таких почтенных организаций, как Академия наук и ученые общества», – так прокомментировал Новиков деятельность организации, на которую он положил много сил и вел с большой любовью[111]. Председателем коллегии НТО ВСНХ был Н.П. Горбунов – сын крупного московского финансиста и бывший секретарь В.И. Ленина. Горбунов обратился к профессору физики А.А. Эйхенвальду с предложением привлечь московских ученых, естествоиспытателей и техников в комиссию, полномочиями которой были бы консультации по деятельности НТО ВСНХ.

Судя по отчетам М.М. Новикова, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), за три года его работы в этой организации в структуре НК сложились следующие секции:

1) физики, электротехники и геофизики (председатель Ю.В. Вульф); 2) химии и химической технологии (председатель профессор А.Н. Реформаторский); 3) механики, механической технологии и машиностроения (председатель профессор И.А. Калинников); 4) металлургии (председатель С.Н. Банков); 5) инженерно-строительная и геодезии (председатель А.А. Эйхенвальд); 6) геологии и горного дела (председатель профессор Я.В. Самойлов); 7) сельского хозяйства и биологии; 8) пищевая[112].

Руководство сельскохозяйственной секцией было возложено на М.М. Новикова, а А.А. Эйхенвальд должен был возглавить Научную комиссию. «Но он (Эйхенвальд. – *Т.У.*) категорически отказался, ссылаясь на свое пошатнувшееся здоровье. И на самом деле он вскоре после этого заболел, долгое время пролежал в Яузской больнице, где подвергся операции, а потом уехал с пору-

чением от НТО в Германию. В Советскую Россию он больше не вернулся», – вспоминал Новиков[113].

Обязанность руководства НК была возложена на М.М. Новикова. «Научная комиссия поставила своей задачей собрать распыленные научные силы, объединить сохранившиеся, но ослабевшие научные учреждения и направить коллективные научные и научно-технические силы для достижения целей сохранения научных ценностей и возможного развития науки. ⟨...⟩ Осуществляя эти задачи, Научная комиссия шла несколькими путями: 1) обсуждением научных проблем и разработкой программ необходимых исследований; 2) производством научных исследований специалистами под контролем и при содействии Научной комиссии; 3) экспертизою по запросам научно-технического характера от правительственных учреждений и от общественных организаций», – писал Новиков в отчете за 1919–1921 гг.[114]

Первоначально НК была отведена полутемная комната во вместительном доме на Мясницкой улице, занятом НТО. Когда М.М. Новиков подыскивал кандидатуру на должность делопроизводителя, неожиданно на нее согласился бывший председатель II Государственной Думы (1907) Ф.А. Головин – потомственный дворянин, один из основателей кадетской партии и бессменный член ее ЦК. «Я стеснялся предоставить ему столь незначительную должность, но он убедил меня, что это как раз то, в чем он в данный момент нуждается. На помощь ему была приглашена машинистка, и так было положено основание канцелярии», – вспоминал Новиков[115].

Научная комиссия представляла собой коллегиальный орган НТО ВСНХ, составленный из многих представителей высших учебных заведений и научных обществ страны, и принимала участие в разработке широкого спектра программных вопросов хозяйственной жизни, часто весьма значительной важности. Собственные исследования и научно-технические работы НК проводились в институтах и лабораториях, имеющихся при ней, и, часто, при содействии ее членов и сотрудников.

Ниже представлен список учреждений и обществ, входящих в состав Московского отделения НК на 1 января 1922 г. Всего их насчитывалось 38.

Первый университет
Второй университет
Третий университет
Высшее техническое училище
Институт путей сообщения

Политехнический институт
Народный политехникум
Научный институт
Горная академия
Коммерческий институт
Сельскохозяйственная академия
Межевой институт
Социалистическая академия
Институт твердого вещества
Геологический комитет
Метереологическое общество
Физическое общество имени Лебедева
Высшие сельскохозяйственные курсы
Общество испытателей природы
Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
Московское общество сельского хозяйства
Общество электротехников
Общество радиоинженеров
Политехнический музей
Общество содействия мануфактурной промышленности
Почвенный комитет Московского общества
Политехническое общество
Московское отделение Русского металлургического общества
Российский научный химический институт
Метереологическая обсерватория
Лесотехнический институт
Ветеринарный институт
Московский высший зоотехнический институт
Экспериментальный институт физиологии питания
Механическая лаборатория свободных художественных мастерских зодчества и ваяния
Московское архитектурное общество
Нижегородский государственный университет
Институт по делам удобрений

Общее число заседаний, проведенных НК в течение 3 лет (1919–1921), составило 1528 (!)[116]. Это означало, «что за исключением праздничных и каникулярных дней, на каждый день приходилось несколько заседаний»[117]. И далее: «...комиссия представляла собой как бы клапан, через который освобождалась научная энергия профессуры»[118].

За время правления Новикова НК организовала несколько всероссийских съездов и конференций: Российской ассоциации фи-

зиков (1920); Геоботаников (1921); Ученых-металлургов (1920); конференции, посвященные краеведению (1921); электротехнике (1921); почвоведению (1921); краеведению (1921). Комиссия приняла участие в работе Северной научно-промышленной экспедиции: под ее руководством были организованы поездки отряда профессоров А.Н. Шустова и М.М. Новикова на Северное побережье для проведения исследований по использованию морских водорослей и отряда профессора Чернова на Печору для геологической разведки. К декабрю 1921 г. экспедиции завершили свою работу и представили экспонаты на выставке Северной экспедиции, состоявшейся в декабре 1921 г.

Вместе с Российской академией наук научная комиссия приступила к составлению «Всероссийского справочника специалистов» и к 1922 г. закончила сбор материалов по Москве[119].

Масштаб работы М.М. Новикова в НК отражен в названии его докладов, сделанных только в одном 1921 г.:

– Современное состояние вопроса «об омоложении организмов»;

– В.И. Вернадский. Геохимия и ее задачи в преподавании;

– Об исследованиях профессора В.А. Дейнеги во Владимирской и Ярославской губерниях;

– По поводу проекта А. Ю. Рокицкой об организации Пищевого института;

– Об осмотре рентгеностереометра А.А. Глаголевой-Аркадьевой;

– О проекте Положения Института прикладной математики имени Н.Е. Жуковского;

– О мерах к регулированию дальнейшей издательской деятельности «Бинта»;

– О плане и программе Гостехиздательства при НТО;

– О художественно-производственной комиссии при НТО;

– Об организации при НТО Водопроводного и санитарно-технического комитета;

– О положении о Главной палате мер и весов;

– Об открытии Научно-экспериментального института по холодильному делу;

– О проекте положения о Северной научно-промысловой экспедиции;

– О положении Комиссии по применению У.С. в борьбе с вредителями;

– О печатании на немецком языке «Известия о Г.Т. работах в республике»;

– О заседании Малого Совнаркома по вопросу об улучшении положения ученых;

– О составлении справочника ученых специалистов России;

– О лекциях на научные темы в Доме Союзов;

– Об улучшении положения ученых работников;

– О лекциях в Клубе МГСНС;

– О Съезде геоботаников;

– О создании Центрального научно-технического совета;

– Об учреждении Института прикладной математики;

– Об утилизации сорных трав и прочего в качестве хлебных суррогатов;

– О применении ракитного пистолета с химпатроном для борьбы с вредителями;

– Об организации совещания для рассмотрения заявок на приобретение заграничных книг и журналов;

– Об образцах матового и молочного стекла и о пригодности и целесообразности замены ими аспидных досок;

– О схеме организации Центрального управления НТО в связи с утверждением Президиумом ВСНХ нового положения об НТО;

– О материальной смете Северной промысловой экспедиции со списком норм месячного пайка;

– Об организации Института научных приборов;

– Об обмене изданиями с заграницей;

– О распределении иностранной литературы;

– О применении матового стекла для школьных досок;

– По вопросу о выдаче Отделу снабжения сахару и патоки;

– Организация Сектора сельского хозяйства (С.Х.) и биологии Центрального научно-технического совета (ЦНТС) при НТО;

– О составлении сметы для снабжения экспедиций Сельскохозяйственной секции;

– О плане деятельности Научной комиссии на 1922 год;

– О деле Александрова по вопросу о растительных сливках;

– О проекте положения о Госинституте испытания материалов;

– О выработке нормального устава для научных институтов при Научной комиссии;

– О работах комиссии по вопросу о командировании членов Научной комиссии за границу;

– О простейших животных, населяющих почву;

– Конструкция ЦНТС в связи с особенностями сектора и сложностью предстоящей работы;

– О труде профессора М.А. Мензбира «Охотничьи и промысловые птицы России».

Работа М.М. Новикова в НК проходила в обстановке Гражданской войны, разрухи и нищеты, фактической изоляции научных работников от мирового научного сообщества. Только к концу 1921 г. ситуация несколько улучшилась[120]. «Открывшиеся в истекшем 1921 году сношения с заграницей позволили Научной комиссии принять на себя заботы о связи с иностранным ученым миром и по приобретению иностранных научных изданий, пособий и приборов», – писал он[121]. Именно тогда комиссия смогла разработать: 1) план и программу издания в Берлине Русского научно-технического журнала; 2) составила список иностранных журналов, необходимых для работы институтов; 3) приняла участие в распределении заграничной литературы; 4) составила списки приборов, необходимых для работы экспериментальных институтов, и приняла участие в их распределении; 5) выработала план организации поездок за границу группы ученых для установления более прочных связей с Западной Европой. В компетенцию НК входило также распределение поступавших из-за границы книг между заинтересованными учреждениями. «Это придавало комиссии формальное влияние и некоторое преимущественное положение в ученом мире», – констатировал Новиков[122].

Судя по отчету М.М. Новикова, бюджет комиссии во многом определялся внешними причинами и всегда отставал от действительных запросов дела. В 1919 г. он составлял 2 млн, в 1920 – 5 и в 1921 г. – 12 млн рублей[123]. Тем не менее, «за три года своего существования, при всей тяжести хозяйственного положения страны, комиссия создала значительный научно-исследовательский аппарат, объединила несколько сот научных работников высшей квалификации и в резко изменившейся обстановке жизни сумела установить новые организационные принципы исследовательской работы, 〈...〉 – факт чрезвычайного общественного значения», – констатировал М.М. Новиков[124]. Одним из недостатков работы НК было отсутствие издательской базы. Однако когда условия типографской деятельности в Москве улучшились, НТО начал издавать два журнала: «Научно-технический вестник» и «Сообщение о научно-технических работах в республике». Главным редактором обоих журналов был А.Н. Реформатский.

Одновременно с Московской была учреждена и Ленинградская научная комиссия во главе с академиком Н.С. Курнаковым, который иногда приезжал в Москву для согласования своих работ с Московской комиссией[125]. Одним из последних мероприятий, которое Московская комиссия провела совместно с ленинградскими профессорами, была организация поездки русских ученых

за границу. В группу командируемых М.М. Новиков включил 20 ученых разных специальностей: они должны были восстановить отношения с научными кругами Запада и наладить снабжение российских библиотек новейшей научной литературой. Хлопоты Новикова увенчались успехом: ВСНХ и Совнарком поддержали проект, а Новикова утвердили руководителем делегации. Каждому участнику была ассигнована огромная по тем временам сумма в 2 тыс. золотых рублей[126].

Однако Государственное политическое управление (ГПУ), куда поступили документы отъезжающих, запретило М.М. Новикову покидать Москву. Спустя какое-то короткое время, в его квартире был произведен ночной обыск и взята подписка, что, впредь до дальнейшего распоряжения, он не будет покидать квартиру[127]. Спустя несколько дней, М.М. Новикова вызвали в ГПУ, где он встретил своих коллег-профессоров: А.А. Кизеветтера, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Н.Д. Тяпкина, И.Х. Озерова, П.А. Велихова и др., а также члена НК А.И. Угримова. Всем им было предъявлено немотивированное требование покинуть в 7-дневный срок пределы страны. Новиков вспоминал: «Семьи могли ехать с нами, а из имущества позволяли вывезти по пяти английских фунтов наличными деньгами, а кроме того, по два предмета каждого наименования (например, две шубы и два носовых платка). Мы все, конечно, согласились, тем более, что иначе нам грозили судебным преследованием»[128].

На другой день после объявления приговора М.М. Новиков узнал, что постановлением ВСНХ НК НТО подлежит ликвидации. И хотя члены комиссии «в жертвенном порыве» решили продолжать работу на правах частного научного общества, специфика комиссии «мало подходила для частной инициативы. Постепенно ее работа затормозилась, а затем совершенно угасла», – писал Новиков[129]. Прямо из ГПУ, т.е. с Лубянской площади, Новиков пошел в НТО, находившееся рядом на Мясницкой улице, чтобы получить досрочный расчет по жалованью за текущий месяц: «Все были, – вспоминал он, – как громом поражены неожиданно постигшим меня наказанием. Лишь председатель коллегии НТО, профессор В.Н. Ипатьев попытался смягчить подавленное настроение шутливым замечанием: “Так, значит, ваше желание поехать за границу все-таки осуществилось”»[130].

Административная высылка из РСФСР

После прихода к власти большевики начали восстанавливать аппарат царской политической полиции, частично разрушенный Временным правительством. При этом политический сыск в лице ЧК, официально утвержденной в декабре 1917 г., получил гораздо более широкие полномочия, чем имели в прошлом Департамент полиции, Охрана и Корпус жандармов вместе взятые. Поначалу полагали, что репрессивные институты: «ревтрибуналы», массовые казни, ссылка, лагеря, цензура и др. носят временный характер и с выполнением своих задач будут ликвидированы. Однако репрессивные акции постоянно продлевались и со временем перестали иметь какое-либо отношение к порядку, который были призваны охранять. «Мы, члены оппозиции по отношению к прежнему правительственному режиму, видели, что новая власть усвоила себе те же методы произвола, с которыми мы были знакомы и прежде, но которые она возвела в гораздо более высокую степень», – констатировал М.М. Новиков[131]. В связи с этим Ричард Пайпс так прокомментировал политику большевиков: «Идея о том, что политика может быть монополизирована какой-то группой или идеологией, в условиях современного мира бесперспективна. Любое правительство, упорствующее в этом заблуждении, вынуждено давать все большую власть своему полицейскому аппарату и в конце концов падает его жертвой»[132].

Последний раз Михаил Михайлович был арестован 16 августа 1922 г. по обвинению в антисоветской деятельности, спустя всего несколько месяцев после предыдущего ареста[133]. Арест проводился в рамках большой операции ГПУ в Москве, Петрограде и некоторых других крупных городах России и Украины в отношении так называемой антисоветской интеллигенции. Эта «операция» представляла собой ряд последовательных акций начиная с первых послеоктябрьских дней 1917 г., когда ВЧК стала последовательно брать на учет всех «бывших людей»: от политических деятелей до профессуры. В отдельную категорию подследственных «профессура» впервые была выделена в громком деле Всероссийского национального центра в 1919–1920 гг.[134] В мае 1921 г. силами 8-го отделения Секретного отдела (СО) ГПУ в центральных и важнейших государственных учреждениях страны (Госуниверситете, Наркомземе, Наркомиздате, Наркомпочте, Наркомтруде, Наркомпроде, в Петровской сельскохозяйственной академии, ВСНХ, Центросоюзе, Наркомвнуделе, Наркомсобезе,

Наркомпросе и других наркоматах и учреждениях) были организованы бюро содействия (БС) ГПУ. В обязанность членов БС входил не только сбор необходимых документов для СО ГПУ, но и секретное наблюдение за собраниями и съездами. Сводки от БС поступали в ГПУ не менее двух раз в месяц. К августу 1922 г. БС уже имели 45 центральных учреждений. Созданием БС ГПУ удалось в короткий срок поставить под свой контроль работу большей части крупнейших государственных, научных и культурных учреждений страны[135]. Некоторые историки полагают, что «мысль о проведении массовой акции против интеллигенции окончательно выкристаллизовалась у вождей большевизма в начале 1922 г., когда они столкнулись с массовыми забастовками вузовских профессоров и преподавателей, и оживлением общественных движений в среде интеллигенции (съезды врачей, инженеров, кооператоров и проч.)»[136].

Одним из поводов для изгнания из страны интеллигенции в 1922 г. историки называют и неудавшийся опыт сотрудничества советской власти с интеллигенцией в процессе борьбы с голодом. Комитет помощи голодающим («Помгол») был утвержден декретом ВЦИК в июле 1921 г. Из 73 членов комитета 12 человек представляли советское правительство (Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, М.М. Литвинов, Л.Б. Красин, А.В. Луначарский и др.), а 61 – русскую общественность (профессора С.Н. Прокопович и Н.Д. Кондратьев; председатель Московского общества сельского хозяйства А.И. Угримов; писатели А.М. Горький, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин; бывшие кадетские деятели Н.М. Кишкин, Е.Д. Кускова и др.). В связи с тем, что комитету был присвоен знак Красного Креста, ему дали право приобретать в России и за границей продовольствие, собирать пожертвования, открывать за границей отделения и командировать туда своих уполномоченных. Автономия комитета закреплялась освобождением от ревизии Рабоче-Крестьянской инспекции. Ни до, ни после ни одна общественная организация не получала таких полномочий. Однако Комитет помощи голодающим уже в конце августа был ликвидирован, а его наиболее активные члены, представлявшие общественность, арестованы и через год высланы за границу. Между изгнанием и роспуском комитета было много общего. Так, например, в обоих случаях обвинения против комитета и экспатриантов 1922 г. сводились к их антисоветской деятельности. «Преступлением, – отмечал М. Геллер, – было и непонимание того, что спасение от голодной смерти силами общественности, в то время как государство не могло ничего сделать, было актом политическим»[137]. Для большевиков преступлением считалось само существование

Комитета помощи голодающим, который объединял всех, кто мог содействовать спасению от голода, и стал центром возрождения общественности. Этого власти допускать не хотели.

Как полагает историк М.Е. Главацкий, существовало большое сходство в инструктивных указаниях В.И. Ленина по «обработке» общественного мнения в 1921 г. (при ликвидации Помгола) и в 1922 г. при подготовке изгнания – «высмеивать и травить», и даже буквальное совпадение в лексике: «очистить» Москву от «кукишей» (1921) и «очистим Россию от инакомыслящих интеллигентов» (1922)[138].

Некоторые исследователи истории «философского парохода» 1922 г. единодушны в том, что печальная участь послужить детонатором, ускорившим работу по изгнанию инакомыслящей интеллигенции из России, выпала на долю серии состоявшихся в 1922 г. всероссийских съездов интеллигенции[139]. Вот их краткий перечень: Всероссийский агрономический съезд (март 1922 г.), Всероссийский съезд врачей (май 1922 г.), 1-й Всероссийский геологический съезд (май 1922 г.), Всероссийский съезд сельскохозяйственной кооперации (октябрь 1922 г.). Все съезды оказались в поле пристального внимания сотрудников ГПУ, поскольку, как и ожидалось, именно здесь власти столкнулись с открытой критикой своей социально-экономической политики. Например, резкая антисоветская позиция правления Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова на Всероссийском съезде врачей привела к закрытию журнала «Общественный врач» (1922) и самоликвидации общества (1925)[140].

Причины, побудившие большевиков провести масштабную акцию против интеллигенции, разъяснялись в циркулярных письмах ГПУ о каждой категории лиц, подвергшихся репрессиям (медицинские работники, агрономы, кооператоры, профессора и студенчество, журналисты и проч.). Например, в циркулярном письме № 26 от 23 ноября 1922 г. было отмечено: «Контрреволюционные элементы профессуры пытались и пытаются использовать кафедру высшей школы в качестве орудия антисоветской пропаганды. Многолюдные студенческие аудитории становятся центром возрождения буржуазной идеологии, проводниками которой являются ученые ревнители капиталистической реставрации. Профессура ряда высших учебных заведений Москвы и Петрограда провела весной с.г. ряд забастовок, где наряду с экономическими требованиями были выдвинуты и требования автономии высшей школы, свободы профессорских и студенческих ассоциаций. В этом движении, направленном на завоевание

высшей школы как идеологического форпоста возрождающейся буржуазии, реакционная профессура, успевшая создать свои независимые организации (Объединенный совет профессоров г. Москвы и подобный же центр в Петрограде), опирается на буржуазные элементы студенчества, являющегося оружием в руках профессорских клик»[141].

Сколь острым был в 1922 г. вопрос об отношении к колеблющейся интеллигенции свидетельствует тот факт, что за один этот год Политбюро ЦК РКП (б) около 30 раз обсуждало меры их депортации, закрытии печатных органов и ликвидации политических течений, обвиненных в антисоветской деятельности[142].

15 мая 1922 г. В.И. Ленин дополнил текст пункта XXX «Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР» фразой – «Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению ВЦИК (на срок или бессрочно)»[143]; а по пункту XXXX «Добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы»[144].

Поначалу подготовка к высылке проводилась в условиях строгой секретности. Только в конце августа 1922 г. лидеры большевиков приоткрыли завесу. Так, Л.Д. Троцкий, разъясняя причину акции в интервью американской журналистке Луизе Брайант-Рид (жена Джона Рида) 30 августа 1922 г., проговорился: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением»[145]. Широкую разъяснительную работу взяла на себя газета «Правда». 31 августа 1922 г. она писала: «Определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с советской властью. Важнейшей их цитаделью была высшая школа. Политиканствующие ученые-профессора на каждом шагу оказывали упорное сопротивление советской власти»[146].

Списки высылаемых постоянно подвергались корректировке. Существовало несколько параллельно разрабатываемых списков: московский, петроградский, украинский. В украинском списке числилось на 3 августа 1922 г. 77 человек, в московском на 23 августа – 67, в петроградском – 30, итого 174 человека. Список высылаемых был разбит на разделы. Сначала перечислялись про-

фессора московских вузов – 21 человек, затем деятели издательства «Берег» и «группы Абрикосова» – 6, агрономы и кооператоры – 13, инженеры – 6, литераторы – 12 человек.

Наконец, 10 августа 1922 г. был издан Декрет «Об административной высылке», а в ночь с 16 по 17 августа 1922 г. и Москве и Петрограде арестованы более ста известных представителей русской культуры и науки (операция на Украине прошла в ночь с 17 на 18 августа). Активная фаза операции продолжалась около трех недель: с середины августа до первых чисел сентября 1922 г. В квартирах лиц, отсутствовавших во время операции, проводились обыски и высылались наряды в места их возможного местонахождения, ставились засады и т.д.[147]

Представим документы: ордер на арест М.М. Новикова от 16 августа 1922 г., протокол его допроса и выписку из протокола заседания Коллегии ГПУ от 25 августа 1922 г.[148]

РСФСР

НКВД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ОРДЕР № 1697

Августа дня 16, 1922 г.

Выдан сотруднику Оперативного Отдела ГРУ тов. Зубкину на производство ареста и обыска Новикова Михаила Михайловича.

По адресу Моховая, дом 11, кв. 14/17.

Примечание. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на которое выписан ордер, полное содействие для успешного его выполнения.

Зам[еститель] Председателя ГПУ *Уншлихт*
З/Начальник Оперативного Отдела *Паукер.*

Во время допроса в ГПУ Новиков прямо заявил о своей аполитичности (хотя большинство его коллег заявляли о своем лояльном отношении к советской власти)[149] и дал следующие показания.

ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА

1) Занимаясь в настоящее время исключительно научными работами в области естествознания (зоология) и службой в НТО по тем же специальным вопросам, совершенно лишен возможности принимать участие в обсуждении политических вопросов.

2) Та часть интеллигенции, к которой я принадлежу, т.е. занимающаяся естественными науками, имеет своей задачей разработку научных вопросов путем специальных исследований и просветительскую деятельность в форме преподавания (чтение лекций и ведение практических вопросов со студентами).
3) Приостановка занятий в высших учебных заведениях, как связанная с задержкой просветительной работы, весьма нежелательна.
4) Отношение к политическим группировкам у меня отсутствует, так как политикой я не занимаюсь, и по роду своих интересов и служебных занятий стою от нее очень далеко.
5) Во время моего почти двухлетнего ректорства в Московском университете в 1919–1920 гг. я выполнял с полной добросовестностью все мероприятия по университетской реформе, а в настоящее время вопросами университетского управления не занимаюсь.
6) О перспективах по тому вопросу, который мне совершенно неизвестен, сказать ничего не могу. М. Новиков[150].

Выписка из протокола

Заседания Коллегии ГПУ (судебное) от 25 августа 1922 г. [151]

СЛУШАЛИ
Дело № 15600 Новикова Михаила Михайловича,
обвин[енного] в антисоветской деятельности.
Арестован 16 августа с.г.
Содержится во внутренней тюрьме ГПУ.

ПОСТАНОВИЛИ
На основании п.2 лит[еры] Е Пол[ожения] о ГПУ
от 6/11 с.г. выслать из пределов РСФСР за границу.
Освободить на 7 дней, с обязательством явки в ГПУ
по истечении указанного срока.

Доклад тов[арища] Зарайского
Утвердил тов[арищ] Уншлихт

Позже М.М. Новиков признавался: «Хотя подобный отъезд являлся тогда мечтой почти каждого интеллигентного человека, я его почувствовал как жестокую трагедию моей жизни. Конечно, избавиться от состояния полной личной необеспеченности, уйти от постоянно грозящего произвола было заманчиво. Но это был уход в неизвестное будущее от только что налаженной лаборатории, от развивавшейся с большим успехом научной работы,

от прекрасно подобранных помощников и любимых учеников. Высший предел отчаяния я испытал, когда через некоторое время после объявления мне приговора о высылке я пришел в студенческую лабораторию и увидел там четырех старших специалисток, горько плачущих. Мелькала, правда, надежда, что отсутствие мое в Москве не будет продолжительным. Поэтому я постарался распределить свои занятия между ассистентами, чтобы не передавать их в другие институты, и заручился обещанием коллег держать до моего возвращения в неприкосновенности мою личную лабораторию и библиотеку»[152].

Как следует из рапорта начальника 4-го отделения СО ГПУ И. Решетова, М.М. Новиков до своего отъезда в Германию содержался под домашним арестом[153]. Эта же мера наказания коснулась и члена ЦК партии кадетов, профессора Московского высшего технического училища (МВТУ) П.А. Велихова, агронома-кооператора Н.В. Малолетникова, кооператора Н.И. Любимова, историка, профессора Московского университета, «одного из духовных лидеров правых кадетов» – А.А. Кизеветтера, экономиста, специалиста в области промысловой кооперации – А.А. Рыбникова, профессора-агронома, президента Московского общества сельского хозяйства А.И. Угримова, доктора медицины, профессора Государственной высшей медицинской школы и 1-го МГУ по кафедре гистологии В.Е. Фомина[154]. Тогда как других, в том числе Ю.И. Айхенвальда, Н.А. Бердяева, Д.В. Кузьмина-Караваева, С.Е. Трубецкого, С.Н. Цветкова, после допроса и ареста поместили во Внутреннюю тюрьму ГПУ. Некоторые петроградцы оставались в заключении от 40 до 68 дней; кроме того, у них было сокращено время на приготовление к отъезду. «Во время пребывания в доме предварительного заключения к высланным был применен нормальный тюремный режим. Они пользовались правом свидания, получали передачи и т.д. Когда они были освобождены, им было объявлено, что в отношении правил о вывозе за границу носильного платья, белья и т.д. им предоставлялись некоторые льготы. Что же касается вывоза денег и ценностей, то к ним будут применены общие нормы, согласно которым каждому уезжающему за границу разрешается вывоз ценностей на сумму, не превышающую 50 руб. золотом»[155]. Последний пароход уходил из Петрограда 16 ноября 1922 г. На нем уезжало 25 семей петербургской интеллигенции, в том числе философы Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, А.С. Изгоев.

Всего по списку ГПУ от 22 августа 1922 г. высылке подлежали 217 «активных контрреволюционных элементов» из среды

«неугодной» большевикам интеллигенции: 67 человек из Москвы, 53 – из Петрограда, 77 человек – с Украины (Киева и Одессы). Подавляющее большинство было выслано за границу, но несколько человек – в отдаленные Северные губернии России. Поскольку среди «несговорчивых», «неисправимых» и «инакомыслящих» особо выделялись философы, возникло нарицательное словосочетание «философский пароход», под именем которого беспрецедентная массовая акция по депортации инакомыслящей оппозиции и вошла в историю. Вместе с философами высылались экономисты, кооператоры, историки, медики, публицисты, издатели, журналисты.

Для того чтобы оплатить стоимость билета от Петрограда до Берлина (6 английских фунтов) и, тем самым, получить разрешение на выезд, почти всем высылаемым пришлось распродать последние остатки всего остававшегося еще непроданным в течение последних лет (обстановку, библиотеку и проч.). Материальное положение всех высылаемых было очень тяжелым[156].

Нельзя сказать, что никто из арестованных ранее не допускал мысли об эмиграции – в последние годы советская пресса была переполнена обвинениями профессоров, инженеров, литераторов и других представителей интеллигенции. Н.А. Бердяев вспоминал: «Это была очень странная мера, которая уже потом не повторялась. 〈...〉 Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться. Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир и смогу дышать более свободным воздухом»[157].

Арест и высылку за границу М.М. Новиков воспринимал как «неожиданный и непонятный акт в политике советской диктатуры»[158]. Он писал: «Эта мера, хотя и проведенная на фоне сравнительно гуманного нэпа, была столь необычной, что породила всевозможные кривотолки о причинах, ее вызвавших. Высказывалось, между прочим, соображение о том, что большевики подобрали для высылки такой состав представителей интеллигенции, который мог бы внести разложение в русскую эмигрантскую среду. Говорили даже, что некоторым из них советская власть якобы дала соответствующие поручения[159]. Такую нелепую и для высланных лиц глубоко оскорбительную сплетню необходимо самым решительным образом опровергнуть. Это не трудно. Достаточно лишь отчетливо просмотреть список, подвергнутых высылке. В моей памяти наиболее отчетливо сохранились имена моих московских спутников. Все это были люди безукоризненной

репутации, почтенные и заслуженные представители различных областей знания. Большинство имен относится к области гуманитарных наук, в особенности философии, столь ненавидимой большевиками. Были высланы: философы [Н.А.] Бердяев, [С.Л.] Франк, [Л.П.] Карсавин, И.А. Ильин, [Б.П.] Вышеславцев; историк [А.А.] Кизеветтер, экономист А.А. Чупров; представители других гуманитарных наук – кн. [С.Е.] Трубецкой, [В.В.] Абрикосов, [Д.В.] Кузьмин-Караваев; профессора естествознания и техники – [В.В.] Зворыкин, В.В. Стратонов, [В.И.] Ясинский; председатель Московского сельскохозяйственного общества А.И. Угримов, кооператоры [А.Ф.] Изюмов и [В.С.] Озерецковский... Мне кажется, что высокая моральная и политическая добропорядочность колола глаза большевикам, еще не освоившимся со своей диктаторской беспринципностью, и послужила поводом к удалению "нежелательных элементов"»[160].

По списку антисоветской интеллигенции, подлежащей высылке (от 23 августа 1922 г.), М.М. Новиков оказался в составе московской группы, высланной за границу 26 сентября 1922 г. IV-м отделением СО ГПУ[161]. Ему, как и другим депортируемым осенью 1922 г. профессорам, разрешили уехать в Германию с семьей. В связи с этим депортация как репрессивная мера против инакомыслящих выглядела даже «слишком гуманным» и «дорогостоящим» решением. Обычно большевики действовали более жестоко[162]. Главную причину такого смягчения тактики следует искать в другом: летом 1922 г. Советская Россия добивалась международного признания и «слишком жестокое обращение с политическими оппонентами могло повредить ее престижу», – пишет В.Г. Макаров[163]. Судя по сопроводительной записке зампреда ГПУ И.С. Уншлихта от 22 августа 1922 г., первоначально на «высылку антисоветской интеллигенции за границу» у ЦК РКП(б) было запрошено 50 млрд рублей[164] (из расчета стоимости высылки одного человека из Москвы в Германию – около 212 млн рублей)[165]. Сюда входили следующие расходы: стоимость германской визы, стоимость продовольствия на двое суток дороги; железнодорожные билеты от Москвы до Себежа и от Себежа до Берлина, месячный прожиточный минимум в Берлине для политработника 3-й категории[166].

Писатель М.А. Осоргин, высланный вместе с М.М. Новиковым в составе московской группы, вспоминал: процедура высылки заняла больше месяца, «всесильное ГПУ оказалось бессильным помочь нашему "добровольному" выезду за пределы Родины. Германия отказала в вынужденных визах, но обещала немедленно предоставить их по нашей личной просьбе. И вот нам, высылае-

мым, было предложено сорганизовать деловую группу с председателем, канцелярией, делегатами. С предупредительностью (иначе – как вышлешь?) был предоставлен автомобиль нашему представителю, по его заявлению выдавали бумаги и документы, меняли в банке рубли на иностранную валюту, заготовляли красные паспорта для высылаемых и сопровождающих их родных. Среди нас были люди со старыми связями в деловом мире, только они могли добиться отдельного вагона в Петербурге, причем ГПУ просило прихватить его наблюдателя, для которого не оказалось проездного билета; наблюдателя устроили в соседнем вагоне. В Петербурге сняли отель, кое-как успели заарендовать все классные места на уходящем в Штеттин немецком пароходе. Все это было очень сложно, и советская машина по тем временам не была приспособлена к таким предприятиям. Боясь, что всю эту сложность заменят простой нашей "ликвидацией", мы торопились и ждали дня отъезда; а пока приходилось как-то жить, добывать съестные припасы, продавать свое имущество, чтобы было с чем приехать в Германию. Многие хлопотали, чтобы их оставили в РСФСР, но добились этого только единицы»[167]. Известно, что некоторые спасенные от высылки, благодаря высоким заступникам, позже сгинули в ГУЛАГе.

Достаточно циничным выглядит тот факт, что оформление документов для выезда и эмиграции из РСФСР в Германию ГПУ поручило самим арестованным ученым. Н.О. Лосский вспоминал, что его и Н.М. Волковысского даже освободили из-под ареста для выполнения работы, связанной с подготовкой паспортов и виз по петроградскому списку[168]. В Архиве ФСБ сохранилось обращение Лосского и Волковысского к руководству Первого главного управления (ПГО) ГПУ от 8 октября 1922 г., где написано: «По поручению группы петроградских ученых и литераторов, высылаемых за границу, нижеподписавшиеся просят разрешить им хлопотать перед германским посольством о выдаче виз для указанной группы и, по получении виз, взять на себя все хлопоты по отъезду в Германию (приобретение пароходных билетов и т.д.)»[169].

В московской группе оформление заграндокументов для высылаемых лиц было поручено профессорам А.И. Угримову и В.И. Ясинскому. В Архиве ФСБ сохранилась копия письма германского дипломатического представительства в Москве, адресованного названным выше лицам, от 19 сентября 1922 г.: «На Ваш запрос о возможно скорейшем предоставлении Вам виз на въезд в Германию Германское дипломатическое представительство сообщает Вам, что Вы сможете получить паспорта в понедельник,

после обеденного времени. Более скорое выполнение этого, к сожалению, не может последовать ввиду большого количества визируемых паспортов по техническим причинам»[170].

Первая партия высылаемых за границу выехала поездом в Ригу уже в третьей декаде сентября, это – А.В. Пешехонов, П.А. Сорокин, И.П. Матвеев и др. Вторая, в том числе философы Ф.А. Степун, Н.И. Любимов и др., отправилась по железной дороге прямо в Берлин. Остальные, депортируемые в конце сентября и в середине ноября 1922 г. с семьями, выехали из Петрограда на зафрахтованных у немцев пароходах «Обербургомистр Хакен» и «Пруссия».

Вслед за высылкой интеллигенции власть занялась студентами вузов. Наряду с организационными мерами (новые правила приема в вузы) применялись и силовые, в том числе аресты инакомыслящих, а также – их административная высылка. Одну из крупных акций против «буржуазного» студенчества ГПУ провело в ночь с 31 августа на 1 сентября 1922 г. Однако репрессии студентов не были массовыми: большевики сознавали, что студенты – это будущее страны и действовали «деликатно»[171]. Некоторым высланным студентам было дано разрешение возвратиться через определенный срок, «т.к. существовало мнение, будто столкновение с капиталистической действительностью превратит молодежь в убежденных сторонников советской власти»[172].

В ноябре 1922 г. итоги проведенной операции были проанализированы в циркулярном письме «Об антисоветском движении среди интеллигенции», а также в «Обзоре деятельности антисоветской интеллигенции за 1921–1922 гг.», подготовленном секретным отделом ГПУ. Впоследствии подобные массовые высылки не практиковались. Об их нецелесообразности Ф.Э. Дзержинский писал В.Р. Менжинскому в мае 1923 г.: «массовые высылки вызывают у меня большие опасения». В 1923 г. Ф.А. Степун, депортированный в Германию, так сформулировал свое мнение о психологии большевиков, высылающих оппозиционеров за границу: «Большевикам, очевидно, мало одной только лояльности, т.е. мало признания советской власти как факта и силы; они требуют еще и внутреннего приятия себя, т.е. признания себя и своей власти за истину и добро. Как это ни странно, но в преследовании за внутреннее состояние души есть нота какого-то извращенного идеализма»[173].

19 декабря 1922 г., т.е. спустя два с половиной месяца, внешнеполитическая ситуация резко изменилась и прибалтийские государства отказались от предоставления права въезда на их

территорию высылаемой из России интеллигенции. Тогда же и Германское посольство также категорически отказалось визировать паспорта украинской «антисоветской интеллигенции» для въезда в Германию[174].

Высылка интеллигенции 1922 г. обернулась благом для депортированных, поскольку сохранила им не только жизнь, но и возможность работать. В отличие от высланных, многие коллеги М.М. Новикова, оставшиеся на родине, подверглись репрессиям, были расстреляны или погибли в лагерях. Об этом свидетельствовали и письма, адресованные М.М. Новикову в эмиграцию: А.А. Мензбира, В. Никитина и др. (см.: Часть третья. Переписка). «Моя жизнь на родине, посвященная науке и России, кончилась, – писал Новиков. – Начиналась новая жизнь на чужбине, которая часто омрачалась всевозможными беженскими скорбями и трудностями. Но и ее я старался наполнить и оживить научной работой и служением русскому народу»[175].

[1] См.: *Николаев А.Б.* Новиков Михаил Михайлович // Государственная Дума Российской империи, 1906–1917: энцикл. / Под ред. В.В. Шелохаева и др. М.: РОССПЭН, 2008. С. 434.

[2] *Новиков М.М.* Временное правительство и высшая школа // Русская школа за рубежом (Прага). 1927–1928. Кн. 24–30, № 27. С. 373.

[3] Этот пост с 27 декабря 1916 г. до 26 февраля 1917 г. занимал профессор Н.К. Кульчицкий.

[4] См.: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Моск. тип. № 7, 1991. С. 187.

[5] *Новиков М.М.* Временное правительство и высшая школа. С. 373.

[6] См.: *Новиков М.М.* Отчеты о деятельности Научной комиссии при научно-техническом отделе Высшего Совета Народного Хозяйства за 1919–1921 гг. и Комиссии по реформе высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения за время с 21 марта по 20 октября 1917 года. 1917–1921. 34 л. // ЦГАОР. Ф. 6767. Оп. 1. Ед. хр. № 73.

[7] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 209–210.

[8] См.: *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века: между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 173.

[9] Там же.

[10] См.: *Есаков В.Д.* От императорской к российской Академии наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–132; *Иванова Л.В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927). М., 1980. С. 210–211.

[11] *Новиков М.М.* Временное правительство и высшая школа. С. 377.

[12] Там же. С. 211–212.

[13] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике... С. 211.

[14] М.А. Мензбир был избран 30 апреля 1917 г. и утвержден в должности ректора указом Временного правительства от 15 мая 1917 г.

[15] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 80.

[16] См.: Там же. С. 80.

[17] Там же. С. 82–83.

[18] В советское время Московский коммерческий институт был преобразован в Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова.

[19] См.: Общественный врач. 1917. № 9/10. С. 79–80.

[20] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова. 1952. С. 283.

[21] Из правительственного сообщения. 28 ноября 1917 г. // Правда. 1917, 30 нояб.

[22] Там же.

[23] Новое положение об университетах // Известия ВЦИК, 14 мая 1918 г. См. также: *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы: учебн.-метод. пособие для вузов по специальности «история». М.: Высшая школа, 1988. С. 63.

[24] Наркомпрос по просвещению. 1917 – октябрь 1920: краткий отчет. М., 1920. С. 51. См.: *Чанбарисов Ш.Х.* Указ. соч. С. 78.

[25] См.: *Иванов А.Е.* Ученые степени в российской империи XVIII – 1917 г. М.: Чертановская тип., 1994. С. 189. См. также: *Купайгородская А.П.* Советская высшая школа в 1917–1927 гг.: автореф. дисс. … докт. истор. наук. Л., 1990.

[26] Протоколы I Всероссийского съезда по просвещению. М., 1919. С. 17.

[27] См.: Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ, 1921–1923 / Сост.: В.Г. Макаров, В.С. Христофоров; коммент. В.Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 25.

[28] См.: *Чанбарисов Ш.Х.* Указ. соч. С. 70.

[29] *Сорокин П.* Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 74.

[30] См.: Постановление Совнаркома СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях кандидата и доктора наук и ученые звания ассистента, доцента и профессора». См. также: *Чанбарисов Ш.Х.* Указ. соч. С. 185, 190.

[31] См.: Народное просвещение. 1918. С. 23–25.

[32] Цит. по: *Киселев Л.Л., Левина Е.С.* Лев Александрович Зильбер. 1894–1966: жизнь в науке. М.: Наука, 2004. С. 70.

[33] См.: Там же. С. 71.

[34] См.: Известия. 1919, 12 февр.

[35] См.: СУ РСФСР. 1919. № 45. Ст. 443.

[36] См.: Там же. С. 123–124.

[37] *Одинцов Б.Н.* Высшая школа в 1918–22 годах: глава из воспоминаний // Новый журнал (Нью-Йорк), 1961. № 65. С. 198–220.

[38] См.: *Александров Д.А.* Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна, Э.И. Колчинского. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2002. С. 152–165.

[39] Там же. С. 180 –181.

[40] Двухсотлетие Московского университета (1755–1955): празднование в Америке / Сост. и под ред. М.М. Новикова, К.Г. Белоусова, А.А. Гольденвейзера, Г.И. Новицкого, В.А. Юревича. Нью-Йорк: : All Slavic Publishing House, 1956. С. 27.

[41] Там же.
[42] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 97.
[42а] *Горький А.М.* Собр. соч. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 29. С. 144.
[43] См.: Обречены по рождению…Из документов фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922; Помощь политзаключенным. 1922–1937 / Сост. Л. Должанская, И.Осипова. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2004. С. 33.
[44] ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 226. С. 37.
[45] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 218.
[46] Там же. С. 121.
[47] Там же. С. 221.
[48] Там же. С. 223.
[49] Там же. С. 224.
[50] Там же. С. 225.
[51] Там же.
[52] *Новиков М.М.* Московский университет в первый период большевистского режима, 1755–1930 // Юбилейный сборник по случаю 175-летия Московского университета / Под ред. И.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера, М.М. Новикова. Париж: Совр. зап. 1930. С. 156–192.
[53] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 88.
[54] Там же. С. 89.
[55] См.: *Новиков М.М.* Московский университет в первый период большевистского режима. С. 162.
[56] См.: ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 487. Ед. хр. 487.
[57] См.: Ректоры Московского университета: биогр. словарь /Сост. В.В. Ремарчук. М.: МАЛП, 1996. С. 163.
[58] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 89.
[59] По-видимому, имеется в виду Декрет СНК о свободе, совести, церковных и религиозных обществах от 20 января 1918 г. См.: Правда. 1918, 21 янв.
[60] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 90.
[61] Цит. по: *Лебедева Е.* Дом на Моховой // Свет Христов просвещает всех. Святая всех. Святая Татиана и Московский университет. Патриаршее подворье. М.: Изд. газ. «Татьянин день», 1996. С. 132–133.
[61а] Учебные аудитории и учебно-вспомогательные учреждения университета располагались в 165 зданиях, которые находились в различных районах Москвы: на улице Моховой, улице Белинского, улице Герцена, на Девичьем поле; Клиническая больница с Бактериологическим институтом помещалась на Страстном бульваре, Астрономическая и Метереологическая обсерватория – на Пресне, Ботанический сад – на 1-й Мещанской улице, Музей изящных искусств – на Волхонке. Общежитие студентов МГУ размещалось в 10 домах. См.: Московский университет за 50 лет советской власти / Под ред. И.Г. Петровского. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 44.
[62] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 225.
[63] Там же.

[64] *Новиков М.М.* Двухсотлетие Московского университета (1755–1955): празднование в Америке... С. 27.
[65] См.: Там же. С. 91.
[66] *Новиков М.М.* Московский университет в первый период большевистского режима. С. 165.
[67] Там же. С. 166. Перевыборы на пост ректора советом университета биографы Новикова иногда называют его «вторыми выборами».
[67а] См.: Московский университет за 50 лет советской власти. С. 48.
[68] См.: Ректоры Московского университета: биогр. словарь. С. 161; Московский университет за 50 лет советской власти. С. 42–43.
[69] *Новиков М.М.* Московский университет в первый период большевистского режима. С. 161.
[70] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 101.
[71] *Новиков М.М.* Московский университет в первый период большевистского режима. С. 180.
[72] *Ермолаева Н.С.* О так называемом «Ленинградском математическом фронте» // ВИЕТ. 1995. № 4. С. 66–74.
[73] См.: Высылка вместо расстрела. С. 472.
[74] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. С. 121–122.
[75] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 96–97.
[76] См.: Летопись Российской академии наук. Т. IV: 1901–1934 / Под. ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Наука, 2007. С. 387.
[77] См.: *Крыленко Н.В.* Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. М: Юрид. изд-во, 1937. С. 109; см. также: Красная книга В.Ч.К.: В 2 т. / Под ред. М.И. Лациса. М.,1922; *Бабков В.В.* Н.К. Кольцов: борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // ВИЕТ, 1989. С. 3–19.
[78] Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. М., 1983. Т. 1, ч. 1. С. 346.
[79] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 98.
[80] См.: Там же. С. 227.
[81] Там же. С. 226.
[82] См.: Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. М., 1921. С.710–711; см. также: *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция (1917–1939): сравнит.-типол. исследование. Тверь, 2002. С. 168.
[83] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 398. Л. 3. Цит. по: *Сабенникова И.В.* Указ. соч. С. 168.
[84] *Луначарский А.* Народный комиссариат по просвещению. 1917, октябрь – 1920: краткий отчет. М.: Госиздат, 1920. С. 7.
[85] См.: *Лосский Н.О.* Воспоминания: жизнь и философский путь. СПб., 1994. С. 232.
[86] См.: Ректоры Московского университета: биогр. словарь. С. 165–169.
[87] Цит. по: Там же. С. 166.
[88] См.: Там же. С.170–175.
[89] *Стратонов В.В.* Потеря Московским университетом свободы // Московский университет, 1755–1930: юбилейный сб. С. 242.
[90] См.: *Александров Д.А.* Указ. соч. С. 159.

[91] См.: Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП (б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции», от 1 июля 1922 г. // Высылка вместо расстрела. С. 76. Записка подписана Я. Аграновым.
[92] Кадеты за работой // Правда. 1922. 17 февр.
[93] Там же.
[94] См.: Там же. 1922. 31 авг.
[95] См.: *Новиков М.* К вопросу о простейших животных, обитающих в почве: из Геологической лаборатории Первого государственного Московского университета // Архив Русского протистологического общества. М.: Госиздат, 1922. Т. 1/2. С. 141–147.
[96] С момента основания Российского пищевого института в него входили еще 11 лабораторий. См.: Обзор деятельности Московского отделения РПН-ТИ (с 1 августа 1918 по 15 февраля 1919 г.). Раздел «Научная работа отделения» // Бюллетень Московского общества Российского пищевого научно-технического института (МОРПН-ТИ). 1919. № 3.
[97] См.: Обзор деятельности Московского отделения Российского пищевого научно-технического института (с 1 августа 1918 г. – по 15 февраля 1919 г.).
[98] Бюллетень МОРПН-ТИ. Раздел «От редакции». 1918. № 1. С. 1–3.
[99] Там же. С. 2
[100] См.: Там же. С. 3.
[101] См.: *Новиков М.М.* Влияние сахарина на свободно живущие клетки: скельская сталактитовая пещера и ее фауна // Бюллетень МОРПН-ТИ. 1918, № 1. С. 3–12; 97–107.
[102] Там же. С. 12.
[103] Там же. С. 97–107.
[104] Там же.
[105] См.: *Лебединский Я.* К фауне Крымских пещер // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей, 1900. Вып. 2. Т. 23, 25.
[106] Великаны российского естествознания. Druck: Possev–Verlag; Frankfurt a/M., 1960. С. 110–111.
[107] См.: *Новиков М.М.* К вопросу о простейших животных, обитающих в почве: из Геологической лаборатории Первого государственного Московского университета // Архив Русского протистологического общества. М.: Госиздат, 1922. Т. 1–2. С. 141–147.
[108] См.: *Novikoff M.M.* Ueber die sog. Schuppen der Cephalopoden / Verh. D. Deutsch. Zoolog: Gesellschaft, 1923.
[109] См.: *Новиков М.И.* Отчеты о деятельности Научной комиссии при научно-техническом отделе Высшего Совета Народного Хозяйства за 1919–1921 гг. и Комиссии по реформе высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения за время с 21 марта по 20 октября 1917 года. 1917–1921. 34 л. // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Ед. хр. 73.
[110] Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) учрежден при СНК декретом ВЦИК и СНК от 2(15) декабря 1917 г. для организации народного хозяйства страны и государственных финансов.
[111] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 226.
[112] См.: *Новиков М.М.* Отчеты о деятельности Научной комиссии при Научно-техническом отделе Высшего Совета Народного Хозяйства за 1919–1921 гг. и Комиссии по реформе высших учебных заведений при Министерстве народ-

ного просвещения за время с 21 марта по 20 октября 1917 г. 1917–1921. 34 л. // ГАРФ (ЦГАОР). Ф. Р-6767. Оп.1. Ед. хр. 73. Л. 9.

[113] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 231.

[114] *Новиков М.М.* Отчеты о деятельности Научной комиссии. Л. 9.

[115] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 233.

[116] См.: *Новиков М.М.* Отчеты о деятельности Научной комиссии. Л. 7–12.

[117] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 239.

[118] Там же.

[119] *Новиков М.М.* Отчеты о деятельности Научной комиссии. Л. 12.

[120] См.: Там же. Л. 11.

[121] Там же. Л. 4 (11).

[122] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 242.

[123] См.: *Новиков М.М.* Отчеты о деятельности Научной комиссии // ЦГАОР. Р- 6767. Оп.1. Ед. хр. 73. Л. 12.

[124] Там же. Л. 13.

[125] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 243.

[126] См.: Там же. С. 244.

[127] См.: Там же. С. 244–245.

[128] Там же. С. 245.

[129] Там же. С. 246.

[130] Там же.

[131] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. С. 283.

[132] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. [Copyright 1974. Richard Pipes] / Пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газ., 1993. С. 415.

[133] См.: Дело № 139. Ордер на арест М.М. Новикова от 16 августа 1922 г. // Высылка вместо расстрела. С. 301.

[134] См.: Всероссийский национальный центр. М., 2001. С. 17.

[135] Там же.

[136] Там же. С. 15.

[137] *Геллер М.* Первое предупреждение – удар хлыстом // Вестник РХД, 1978. № 124. С. 187–232 (переиздание: Вопр. философии. 1990. № 9. С. 37–66).

[138] См.: *Главацкий М.Е.* Философский пароход: год 1922-й: историогр. этюды. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. С. 12.

[139] *Геллер М.* Указ. соч.; *Хоружий С.* Философский пароход // Лит. газ, 1990. № 19 (5239), 9 мая; *Красовицкая Т.* Что имеем, не храним // Моск. новости, 1990. № 20, 20 мая. С. 14–15; *Главацкий М.Е.* Указ. соч. С. 150.

[140] Основано в 1883 г. как Московско-петербургское медицинское общество; в 1886 г. переименовано в Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова и стало организационным центром общественной и прежде всего земской медицины. Издавало «Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова (1895–1908)», с 1909 – «Общественный врач», а также труды и дневники Пироговских съездов.

[141] Циркулярное письмо ГПУ № 26 от 23 ноября 1922 г. // Высылка вместо расстрела. С. 20–21.

[142] См.: *Главацкий М.Е.* Указ. соч. С. 150.
[143] Высылка вместо расстрела. С. 14.
[144] Там же.
[145] «Правда», 1922. 30 авг.
[146] Там же.
[147] См.: Высылка вместо расстрела. С. 21.
[148] См.: Там же. С. 472.
[149] См.: Там же. С. 28–29.
[150] Документ № 140. Протокол допроса М.М. Новикова. Показания по существу дела (б/д, не ранее 16 августа 1922 г.) // Высылка вместо расстрела. С. 301–302.
[151] Документ № 142. Выписка из протокола заседания Коллегии ГПУ в отношении М.М. Новикова от 25 августа 1922 г. // Там же. С. 303.
[152] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 102.
[153] См.: Высылка вместо расстрела. С. 104.
[154] Высылка В.Е. Фомина (1874 – ?) была отменена.
[155] Приезд высланных из Сов. России // Руль, 21 ноября 1922 г. См. также: *Главацкий М.Е.* Указ. соч. С. 7.
[156] См.: *Главацкий М.Е.* Указ. соч. С. 7.
[157] *Бердяев Н.А.* Самопознание: опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 241.
[158] *Новиков М.М.* Первые шаги в эмиграции (1922) // Грани (Мюнхен). 1958. С. 128–129.
[159] См.: *Бердяев Н.А.* Указ. соч. С. 248. Н.А. Бердяев писал: «Были такие, которые позволяли себе говорить, что это не высланные, а подосланные для разложения эмиграции».
[160] *Новиков М.М.* Первые шаги в эмиграции (1922). С. 129.
[161] См.: Документ № 57. Рапорт начальника СО ГРУ зампреду ГПУ о ходе операции по высылке антисоветской интеллигенции от 22 августа 1922 г. // Высылка вместо расстрела. С. 113.
[162] Чего стоит «Дело Таганцева» (август 1921), когда расстреляли 61 человека, в том числе выдающегося русского поэта Н.С. Гумилева.
[163] Высылка вместо расстрела. С. 45.
[164] Документ № 54. Сопроводительная записка № 81511 зампреда ГПУ в ЦК РКП (б) от 22 августа 1922 года // Высылка вместо расстрела. С. 111.
[165] Документ № 55. Сведения для составления сметы на высылку (без даты, не ранее 22 августа 1922 г.) // Там же. С. 111–112.
[166] См.: Там же.
[167] *Осоргин М.А.* Как нас уехали. Времена. Париж, 1955. С. 180–185.
[168] См.: Высылка вместо расстрела. С. 33.
[169] Раздел 2. Документ № 29. Письмо Н.М. Волковысского и Н.О. Лосского в ПГО ГПУ от 8 октября 1922 года // Там же. С. 224.
[170] Раздел 2. Документ 227. Письмо германского дипломатического представительства в Москве профессорам А.И. Угримову и В.И. Ясинскому от 19 сентября 1922 г. // Там же. С. 372.
[171] См.: *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Философский пароход // Общественная мысль Русского зарубежья: энцикл. / Под ред. В.В. Журавлева и др. М.: РОССПЭН, 2009. С. 157–161.

[172] «Очистим Россию надолго…» // Главацкий М.Е. Указ. соч. С. 3.

[173] *Степун Ф.А.* Мысли о России: очерк // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 224.

[174] См.: Высылка вместо расстрела. 2005. С. 170.

[175] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. С. 328.

Часть вторая

Жизнь в эмиграции

Глава 3

Первые шаги в эмиграции: 1922–1923

Из Москвы в Петроград и Штеттин (Германия)

Накануне вечером домой к Новиковым пришел проститься профессор А.Н. Реформатский. Когда семья М.М. Новикова с дорожными сундуками и чемоданами приехала на Николаевский вокзал, там не было никакой видимой охраны. Перрон был заполнен большой толпой студентов, однако из преподавателей Московского университета кроме профессора М.А. Мензбира не было никого. Новиков вспоминал: «В Москве нас провожала одинокая фигура М.А. Мензбира, который до самого отхода поезда безбоязненно стоял у окна вагона, беседуя со мной и с А.А. Кизеветтером. Остальные "страха ради иудейска" воздержались от проводов. Поезд отошел под громкие приветственные восклицания провожавших, у многих из которых, так же как и у нас, в глазах стояли слезы»[1]. В Петроград поезд пришел рано утром. Здесь Новиковы поселились в Европейской гостинице (Михайловская ул., д. 1), тогда как другие члены московской группы воспользовались гостеприимством своих петербургских друзей. Например, профессор Н.А. Бердяев с супругой, свояченицей и тещей остановились у Лосских[2].

Поскольку посадка на немецкий пароход была запланирована на следующее утро, М.М. Новиков решил использовать свободный день для нанесения прощальных визитов своим университетским коллегам: П.П. Сушкину – выдающемуся ученику М.А. Мензбира и В.М. Шимкевичу, умиравшему от неизлечимой болезни. В.М. Шимкевич, «стараясь вызвать на лице свою обычную добродушную улыбку, заявил мне, что он собирается в дорогу более дальнюю, чем я», – вспоминал Новиков[3].

Философский пароход «Обербургомистр Хакен» (1922).
Lesley Chamberlain. Lenin's Private War:
The Voyage of the Philosophy Steamer and the Exile of the Intelligensia.
L.: Macmillan Publisher, 2007

На следующий день – 29 сентября 1922 г. – на Николаевской пристани Васильевского острова Новиковы и другие члены группы сели на немецкий теплоход «Обербургомистр Хакен» (Oberburgermeister Hacken), отправлявшийся в Штеттин[4]. Предполагалось, что из этого города они затем должны будут доехать до Берлина по железной дороге. На пристани их «мужественно» провожали профессор П.П. Сушкин с женой. Багаж отъезжающих был придирчиво осмотрен, паспорта отобраны, а на пароходе появились три агента Государственного политического управления (ГПУ) в кожаных костюмах, что тотчас же породило тревожные подозрения. Пошли слухи, что всех высылаемых везут не в Германию, а вернут или в Петроград, или высадят в Кронштадте. Только когда три агента спустились в причаленную к пароходу лодку, а один из служащих раздал зеленые паспорта, на пароходе раздался всеобщий вздох облегчения. «Лишь у последнего маяка, перед выходом в открытое море, увидели мы трех чекистов, покидавших наш пароход, – вспоминал М.М. Новиков, – это был момент нашего бурного ликования. Мы уходили от докучливого полицейского надзора и от страшных преследований, непрестанно грозивших нам на родине. Вместе с необозримыми морскими далями перед нами открывался свободный мир и возможность

вести культурную работу без цензурных ограничений»[3]. Вместе с М.М. Новиковым на «Обербургомистре Хакене» плыли: Ю.И. Айхенвальд, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.А. Кизеветтер, В.М. Кудрявцев, В.С. Озерецковский, В.А. Розенберг, С.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, М.А. Осоргин и др. «Члены группы… объединились во время путешествия крепкими дружескими связями, которые поддерживались и в дальнейшей эмигрантской жизни»[6].

Члены группы предполагали, что на пристани в г. Штеттине их будут встречать представители русской эмиграции и германской общественности и науки, в связи с чем С.Л. Франку, безукоризненно владевшему немецким языком, было поручено произнести слова благодарности. Но ожидания не оправдались. К большому удивлению на пристани эмигрантов никто не встречал. Тогда по инициативе А.И. Угримова «были наняты две телеги, на которые москвичи погрузили свои неприглядные пожитки и, окружив их импровизированным конвоем на случай нападения проблематических грабителей, поволоклись на железнодорожную станцию»[7].

Несколько больше – в смысле «немецкого гостеприимства» – повезло следующей за «московской», «петроградской» группе пассажиров, которая 16 ноября отплыла из Петрограда на пароходе «Пруссия» – «Preussen»[8]. На его борту в изгнание отправились Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин и др. Как сообщала 21 ноября 1922 г. берлинская газета «Руль», «в Штеттине их пароход был встречен представителями германского Красного Креста ⟨…⟩ В воскресенье днем Штеттинский вокзал (в Берлине) представлял необычайную даже для обрусевшего Берлина картину. К приходу скорого поезда из Штеттина дебаркадер был переполнен представителями берлинской русской колонии, собравшейся для встречи прибывшей этим поездом большой группы профессоров и инженеров, высланных из Петрограда. Для прибывших в Берлин были заранее приготовлены квартиры и комнаты. После краткого обмена первыми приветствиями на вокзале прибывшие были развезены по предназначенным для них помещениям»[9]. Большую моральную и финансовую помощь ученым, высланным из России и прибывшим в Германию, оказал Густав Густавович Кульман, основавший в Берлине Религиозно-философскую академию.

Интересно, что, оказавшись уже в Берлине, высланные москвичи получили известие, что для двух из них: В.И. Ясинского и В.В. Стратонова, Политбюро решило изменить меру наказания, заменив высылку за границу ссылкой «не то в Якутскую губернию, не то в Туруханский край. Однако, благодаря канцелярской

волоките, запоздали», – вспоминал В.В. Стратонов – бывший декан физико-математического факультета Московского университета[10].

Нужно сказать, что русские эмигранты «с большим изумлением и восхищением» восприняли систему социального обеспечения немецкого государства, как и дешевизну его рынка[11]. Дело было в экономическом кризисе, сопровождавшемся фантастической инфляцией, который переживала Германия в 1922–1923 гг. «Для любого обладателя валюты и особенно ценных предметов в течение этого короткого периода, продолжавшегося примерно два года, была возможна жизнь почти что в роскоши. Немецкая рейхсмарка находилась в состоянии свободного падения: в сентябре 1921 г. за один доллар платили 101 марку, в конце октября 1922 года – уже 4475 марок, а в ноябре 1923 года он стоил 4,2 миллиарда марок. Иностранцам с чужой валютой это предоставляло широкие возможности: за небольшую сумму в долларах можно было снимать квартиры, даже жить в дорогих отелях, месяцами поддерживать свое существование», – писал немецкий историк Карл Шлегель[12].

Русский высший научный институт в Берлине

Оказавшись в Берлине, пассажирам «философских пароходов» какое-то время пришлось самим искать работу и спонсоров. Именно тогда в их среде зародилась мысль о создании в Берлине Русского высшего научного института (РВНИ). По свидетельству К. Шлегеля, этот институт «… был основан благодаря инициативе многих личностей и институтов, например, профессора истории Восточной Европы Отто Хетча, уполномоченного Лиги Наций по делам беженцев Морица Шлезингера, Министерства иностранных дел и Министерства культуры Пруссии»[13]. Материальную поддержку РВНИ оказала американская компания «Джойн дистрибьюшен комити», предоставившая институту 10 тыс. долл. на первые два семестра. Идею создания РВНИ поддержало также Общество по изучению Востока (Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas), которое помогло организаторам не только морально, но и посодействовало в изыскании необходимых для реализации этого проекта финансовых средств. Русские профессора получали жалованье в размере 175–225 немецких марок[14].

Главной задачей института стала просветительская деятельность – чтение лекций по разным областям науки и культуры для громадной в то время русской беженской колонии Берлина,

Группа профессоров Русского научного института в Берлине, 1923.
Lesley Chamberlain. Lenin's Private War:
The Voyage of the Philosophy Steamer and the Exile of the Intelligensia.
L.: Macmillan Publisher, 2007

а также – на немецком языке – чтение лекций местным жителям для их знакомства с русской историей и культурой. Деятельность института шла по трем основным направлениям: правовому (И.А. Ильин), экономическому (С.Н. Прокопович) и духовной культуре России[15]. Ректором РВНИ был избран В.И. Ясинский – бывший профессор Московского высшего технического института, проректором – С.Л. Франк. К преподаванию были привлечены крупнейшие русские ученые-эмигранты не только из Берлина, но и других центров русской диаспоры: Н.А. Бердяев, А.А. Кизеветтер, В.И. Ясинский, А.И. Каминка, И.А. Ильин, Ю.И. Айхенвальд, С. Гогель, Б.Д. Бруцкус, Л.П. Карсавин, А.М. Кулишнер, В.А. Мякотин, П.Б. Струве, М.А. Таубе, Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, А.П. Марков и др.

В фондах Русского заграничного исторического архива в Праге (хранится в ГАРФ) сохранилось письмо председателя Организационного комитета Русского высшего научного института профессора В.И. Ясинского от 16 февраля 1923 г., адресованное Новикову[16].

Многоуважаемый Михаил Михайлович.

По поручению Организационного комитета честь имею донести до Вашего сведения, что вы избраны профессором Русского

научного института, с поручением Вам чтения курсов «Основания биологии применительно к работам русских ученых» и «Работы русских физиологов».

В.И. Ясинский

РВНИ был торжественно открыт 17 февраля 1922 г. и на десять лет стал основным центром российской науки в Берлине. Он располагался в прекрасном здании Строительной академии, построенном Шинкелем, и обладал замечательной библиотекой, которая славилась прежде всего своим отделом периодики. На открытии института М.М. Новикову как бывшему ректору Московского университета была предоставлена честь произнести приветственную речь.

«Но существование института постоянно было под угрозой из-за нехватки денег; угрожающе выглядело и требование воздерживаться от политических заявлений», – писал Карл Шлегель[17]. После прихода к власти национал-социалистов Русский высший научный институт «сначала был очищен от “неарийских” элементов, а затем и от всех сотрудников-эмигрантов и, в конечном счете, оказался включен в состав аппарата Антикоминтерна»[18].

Гейдельберг: 1922–1923

Пребывание М.М. Новикова в Берлине было кратковременным. Вскоре он с семьей переехал в Гейдельберг – место его университетского образования, город «природных красот и старославной культурной традиции», куда пригласили его старые друзья[19]. Тем не менее, в Гейдельберге, в профессорской среде он столкнулся с элементами военного шовинизма и враждебности, оставшимися со времен Первой мировой войны. В восстановлении добрых отношений с немецкими учеными существенную роль сыграла герцогиня Веймарская, жившая в Баден-Бадене. Она была не только давним другом Гейдельбергского университета, но пользовалась большим уважением в среде право-националистической профессуры. Новиков вспоминал: «Вскоре после моего разговора с ней (герцогиней Веймарской. – *Т.У.*), в котором я сообщил ей все обстоятельства, связанные с моей высылкой из Советской России, ректор университета начал проявлять ко мне большое внимание; двое моих детей были зачислены студентами, а мне, совместно с моей старшей дочерью, было предложено заняться организацией Биологического института и преподаванием в Народном университете. А затем я прочел в Научном обществе доклад о моих московских исследованиях над плодородием поч-

вы и восстановил свое старое, прерванное войной, членство в обществе»[20].

12 января 1923 г. М.М. Новиков выступил на конференции, организованной Немецкой ассоциацией естествоиспытателей и медиков в Гейдельберге. Председательствующий профессор В. Саломон (W. Salomon) тепло приветствовал его как бывшего студента Гейдельбергского университета, вернувшегося в Германию для продолжения своей академической деятельности. В докладе Новиков подчеркнул важность российско-немецких академических связей и традиций, начатых еще в XVIII в., и связал прошлое с настоящим, когда он сам и его коллеги ученые-эмигранты вынуждены рассчитывать в трудоустройстве на помощь Германии. Он выразил надежду на восстановление научных традиций между двумя странами[21]. Касаясь научной стороны своего сообщения, М.М. Новиков показал, что степень плодородия почвы зависит как от бактериальных организмов, ранее изученных С.И. Виноградским, так и от большой совокупности населяющих почву одноклеточных животных. Сводке результатов, характеризующих роль животных в плодородии почвы, была посвящена его брошюра «О простейших в почве и их значении для ее культивирования», опубликованная (на немецком языке) в 1923 г. в издательстве Гейдельбергского университета[22]. Новиков планировал продолжение экспериментальной работы в этом направлении в Германии, но это оказалось технически сложным.

По-видимому, М.М. Новиков сразу же проинформировал своих друзей и коллег в Москве о своем трудоустройстве в Германии, поскольку уже 12 ноября 1922 г. в своем ответном письме профессор М.А. Мензбир поздравил его[23]: «Я очень рад за Вас, что Вам удалось устроиться в универс[итет] – немецкий унив[ерситет] хорошая школа. Обидно только, что Т[атьяна] М[ихайловна][24] болеет. Думаю, что ей вредит немецкая зима, вообще скверная. Возможность работать даст Вам необходимый отдых. А вот то, что Вы пишете о ценах, не особенно утешительно: ведь на 10 $ и у нас семья может прожить очень хорошо, несмотря на то что цены быстро растут. Хлеб черн[ый] уже 400 р., белый 1200 р., сахар 8600! и т.д. Налоги на квартиры ужасные. Но зато и… рубль все время растет и растет, чего нельзя сказать о содержании»[25].

17 ноября 1922 г. своему товарищу по Гейдельбергскому университету, энтомологу М.Н. Римскому-Корсакову М.М. Новиков писал в Петроград: «Мы поселились в Pension Hindenburg, Gaisbergstr[asse]. Устроились с очень большим трудом и в смысле квартиры, и в смысле преодоления здешнего недоверия.

Но теперь дети поступили в университет, а я получил предложение читать биологию на организуемом здешним университетом Volkshochschulkursen»[26]. В другом письме, от 28 ноября 1922 г., Новиков сообщает: «Отношение здешних профессоров в большинстве случаев хорошее, но все страшно боятся за свои места, дрожат перед возможностью быть скомпрометированными и получить неприятность со стороны шовинистических кругов и поэтому в практической жизни по отношению к нам не сразу идут навстречу. ⟨…⟩ Все плачутся здесь на дороговизну, а иностранной литературы здесь меньше, чем в России. В реактивах также серьезное стеснение из-за дороговизны. Боятся, хватит ли на всю зиму угля для университета»[27].

Лекционная поездка в Италию

Преподавательская и научная деятельность М.М. Новикова в Народном университете Гейдельберга была прервана предложением М.А. Осоргина – знатока и поклонника Италии – принять участие в лекционной поездке в Рим для знакомства итальянцев с современным состоянием русской литературы, культуры и науки. Она проходила под покровительством Итальянского общества по изучению Восточной Европы (Instituto del'Europa Orientale), которое выделило каждому из участников приличную сумму в 4 тысячи лир, что позволило им увидеть не только Рим, но и другие города Италии. В поездке участвовали: философы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, экономист А.А. Чупров, писатели М.А. Осоргин и Б.К. Зайцев. Они посетили Венецию, Милан, Геную, Рим, Флоренцию, Неаполь, о. Капри и другие достопримечательности. В Риме М.М. Новиков познакомился с секретарем Восточного института, профессором Этторе Ло Гато, прекрасно говорившим по-русски, профессором медицины Синьорелли – одним из руководителей Восточного общества Италии, в Неаполе – с Рейнхардом Дорном (сыном Антона Дорна) – новым директором Неаполитанской приморской зоологической станции – первой в мире по богатству своего научного оборудования.

«Итальянская поездка» продолжалась всего около двух недель, но оказалась «чудесной компенсацией» за все те страдания, которые пришлось пережить русским изгнанникам, покидая родину. Пройдет много лет, и, уже находясь в США, М.М. Новиков напишет: «До сих пор, в глубокой старости, насыщенной днями жизни и обремененный старческими немощами, я с наслаждени-

ем вспоминаю те изумительные картины природы, те гениальные произведения искусства и тех людей высокого духовного облика, которые, будто волшебством, появились передо мной, как только я, гонимый злой силой, покинул свою великую несчастную родину»[28].

Покинув Италию, М.М. Новиков вернулся в Гейдельберг. Здесь его ждал новый приятный сюрприз – письмо от профессора П.И. Новгородцева, возглавлявшего тогда многочисленную Русскую академическую группу в Праге. «Он (Новгородцев. – *Т.У.*) приветствовал меня в новом для меня положении странствующего профессора и предлагал переселиться в славянскую Прагу, где развивалось большое русское культурное дело, – вспоминал позже Новиков, – выбор для меня был не труден. Ни мелкая, сравнительно, работа в Гейдельбергском народном университете, ни перспектива создания биологической лаборатории, все еще окончательно не выясненная, не могли задержать меня в Германии. В 1923 г. состоялся переезд всей нашей семьи в Чехословакию, где для меня началась длинная полоса жизни, тянувшаяся свыше двух десятилетий, полная творческой работы на академическом поприще»[29]. В Прагу Новиков решил уехать один, «на разведку», временно оставив семью в Гейдельберге, где жизнь была дешевле[30].

[1] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 248.

[2] См. воспоминания Б.Н. Лосского – сына известного философа «К изгнанию людей мысли в 1922 году» (Париж: Русский альманах, 1981).

[3] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. С. 249.

[4] Ныне г. Щецин в Польше.

[5] *Новиков М.М.* Первые шаги в эмиграции // Грани. 1958. С. 129.

[6] Там же. (В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится, например, переписка М.М. Новикова с А.А. Эйхенвальдом.)

[7] Там же.

[8] Как сообщала берлинская газета «Руль», эта группа выехала из Петрограда не 16-го, а 14 ноября на пароходе «Preussen» // Руль. 1922, 21 ноября.

[9] Приезд высланных из Советской России // Там же. См. также: *Главацкий М.Е.* Философский пароход: год 1922-й: историогр. этюды. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. С. 7.

[10] *Стратонов В.В.* Потеря Московским университетом свободы //Юбилейный сборник. Московский университет: 1755–1930. Париж: Совр. зап. 1930. С. 242.

[11] *Шлегель К.* Берлин. Восточный вокзал: русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945). М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 169.

[12] Там же. С. 169.

[13] Там же. С. 163–164.

[14] См.: *Сабенникова И.В.* География общественной мысли Русского зарубежья // Общественная мысль Русского зарубежья: энцикл. / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 31.

[15] См.: Там же. С. 31.

[16] В.И. Ясинский – М.М. Новикову, 16 февраля 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6767. Михаил Михайлович Новиков. Оп. 1. Д. 68. Письма от Института Восточной Европы в Риме, Зоологического факультета института им. Массарика в Берне, Русского научного института в Берлине и других организаций и учреждений М.М. Новикову. На нем. и чешск. яз. 1923–1939. *Авториз. маш.* Л. 1.

[17] *Шлегель К.* Указ. соч. С. 163–164.

[18] Там же. С. 164.

[19] *Новиков М.М.* Первые шаги в эмиграции. С. 130.

[20] Там же.

[21] См.: *Hermann T., Kleisner K.* The Five "Homes" of Zoologist Mikhail M. Novikov (1876–1965). Analogy and Adaptation in One's Life and as a Principle of Biological Investigation // J. für Europaische Wissenschaftskultur, 2005. Bd. 1. P. 96.

[22] Die Bodenprotozoen und ihre Bedeutung für die Bodenkultur. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1923.

[23] М.А. Мензбир – М.М. Новикову, от 12 ноября 1922 г., от руки (выборочно) // ГАРФ Ф. Р-6767. Михаил Михайлович Новиков. Оп. 1. Письма М.А. Мензбира М.М. Новикову. Ноябрь 1922 – октябрь 1930. Д. 51. Л. 1–2.

[24] Татьяна Михайловна – дочь М.М. Новикова, биолог.

[25] М.А. Мензбир – М.М. Новикову, от 12 ноября 1922 г., от руки (выборочно) // ГАРФ Ф. Р- 6767. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–2.

[26] Цит. по: *Фокин М.М.* Судьба странствующего профессора. Михаил Новиков (1876–1965) // Русское слово. 2013. № 2. С. 26.

[27] Цит. по: Там же.

[28] *Новиков М.М.* Первые шаги в эмиграции. С. 130.

[29] Там же. С. 136.

[30] См.: *Фокин М.М.* Указ. соч. С. 26.

Глава 4

Чехословацкая Республика: 1923–1939

Судьбе было угодно, чтобы научный и организационный потенциал М.М. Новикова наиболее ярко раскрылся в Праге – столице Чехословацкой Республики (ЧСР), которую он однажды назвал «столицей нашей зарубежной образованности»[1]. Главным аргументом «в пользу Праги» для М.М. Новикова стала беспрецедентная «Русская акция» первого президента Чехословацкии – Т.Г. Масарика. Многим русским ученым она гарантировала благоприятные условия для продолжения научной и преподавательской деятельности[2]. В Чехословакию переехали ближайшие друзья и коллеги Новикова по московским и петроградским вузам: А.А. Кизеветтер, П.И. Новгородцев, В.В. Стратонов, а также пассажиры «философского парохода», с которыми он в 1922 г. покинул Россию, – С.Н. Булгаков, А.Ф. Изюмов, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, В.А. Мякотин, С.Н. Прокопович, Д.П. Рузский, Д.Ф. Селиванов, А.А. Эйхенвальд.

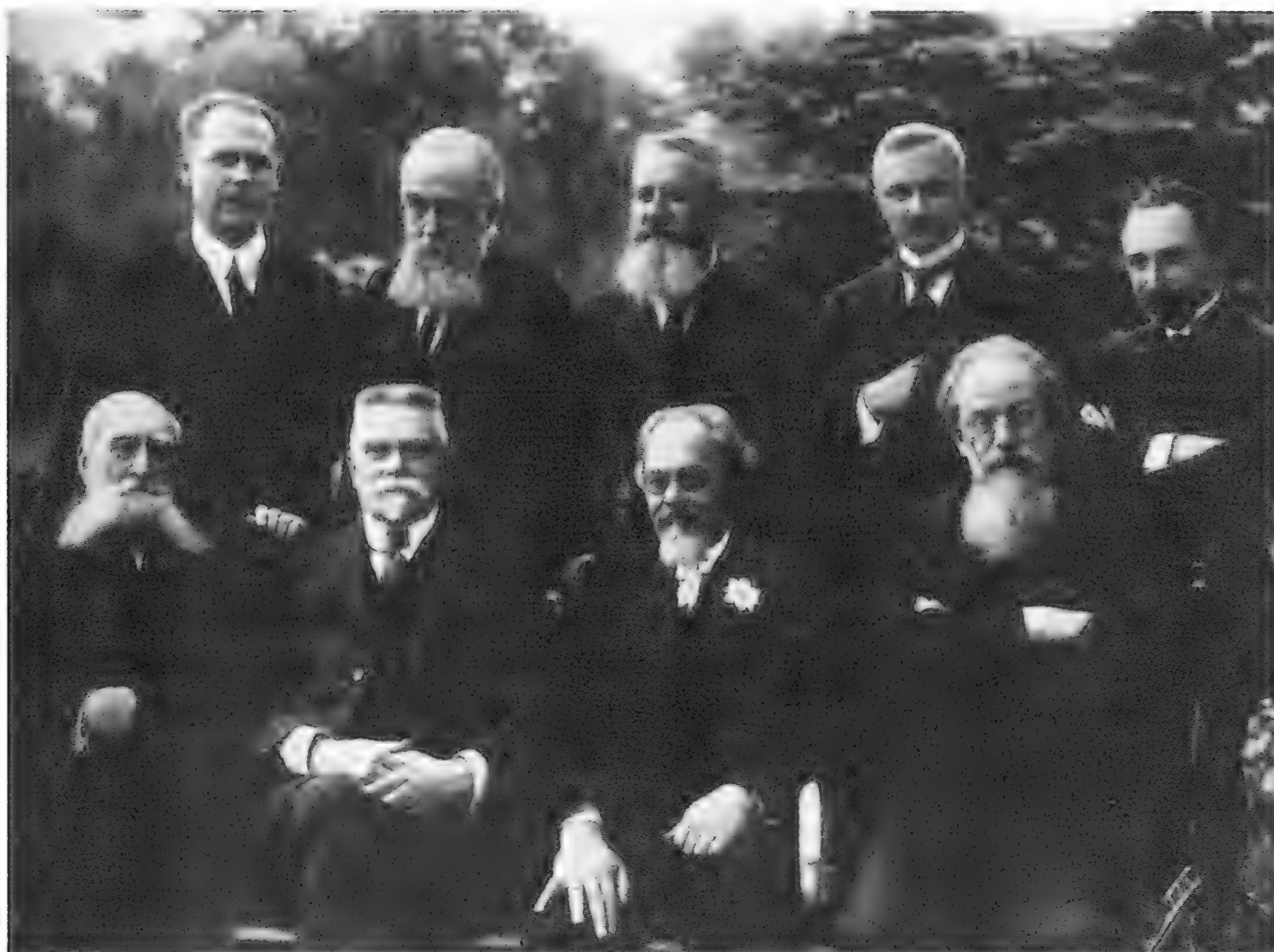
«Благодатью общения» назовет философ Н.С. Арсеньев жизнь русских православных интеллектуалов в Праге, заимствуя это евангельское выражение у епископа Сергия Пражского[3]. Носителями благодати и центрами притяжения были отдельные личности, «отдавшие себя на служение русской культуре в эмиграции и идее Свободной России», – епископ Сергий Пражский, князь П.Д. Долгоруков, О.М. Врангель, П.И. Новгородцев, графиня С.В. Панина и др.[4] Пройдут годы и профессор Н.С. Арсеньев, вспоминая Прагу тех лет, напишет: «На фоне этой величественной красоты и этой насыщенной историей и старой культурой Праги, ⟨…⟩ на фоне этих скрещивающихся влияний (итальянского Ренессанса, германского средневековья) создался уютный, скромный по внешности, но чрезвычайно плодотворный и оплодотворенный оазис русской культуры в эмиграции, русской научной, воспитательной профессорской деятельности и прилежной студенческой работы, русской церковно-общественной жизни»[5].

Вид на Прагу и Карлов мост (Чешская Республика, 2011).
Фото Т.И. Ульянкиной

Специфика формирования русской колонии в Праге

Первые русские эмигранты появились в Чехословацкой Республике во второй половине 1920 – начале 1921 г.[6] Однако массовый наплыв начался осенью 1921 г., когда на государственном уровне была объявлена «Русская акция» помощи русским беженцам. Как заметил чешский историк Иван Савицкий, «молодая Чехословацкая Республика была единственной страной в мире, которая столь целеустремленно и последовательно формировала “свою” эмиграцию. Коренное отличие заключалось в том, что Чехословакия не только и не столько ограничивала доступ эмигрантам, отсеивая нежелательных, это делали многие страны, но

Премьер-министр Чехословакии Карел Крамарж с представителями русской эмиграции в Праге, 1927 г. В первом ряду, слева направо: В.И. Немирович-Данченко, доктор К. Крамарж, Е.Н. Чириков, академик П.В. Струве; во втором ряду слева направо: журналист С.И. Варшавский, профессор С.В. Завадский, сенатор Н.П. Савицкий, В.Ф. Булгаков, профессор К.И. Зайцев.

См.: Дом в изгнании: Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. 1918–1945. Прага: Рус. традиция, 2008. С. 37

Епископ Сергий (Королев), владыка Сергий (справа от него). 18 июля 1940 г., Прага.
Из архива А.В. Копршивовой (Прага)

и приглашала желательных лиц. Приглашения в частном порядке имели место и в других странах, но как широко задуманное государственное мероприятие это – уникально»[7]. Процент приглашенных в Чехословакию составлял около четверти населения всей русской колонии.

Пребывание русских ученых в Праге ознаменовалось «ставкой на Россию» и менее всего было рассчитано на продвижение ученых в мировом научном сообществе[8]. По идее вдохновителя «Русской акции» философа Т.Г. Масарика – ее главной «стратегической целью» стала подготовка кадров для будущей России, что как нельзя лучше совпадало с интересами самих русских эмигрантов, которые «думали о возрождении родины, готовились к возвращению, вырабатывали бесчисленные программы ее устроения»[9]. Масарик знал и любил Россию. До революции он имел возможность посетить ее, и в 1913 г. опубликовал книгу «Россия и Европа». По образному выражению М.М. Новикова, Масарик был «прообразом нового чеха», идеалом которого была справедливая республика – страна социальных гарантов, просвещенная,

Валентин Федорович Булгаков (1886–1966). Прага, 1927.
См.: Дом в изгнании: Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. 1918–1945. Прага: Рус. традиция, 2008. С. 662

образованная, культурная и нравственная[10]. Оценивая сложное геополитическое положение Чехословакии, Масарик понимал, что только сильная и демократическая будущая Россия может обеспечить независимое существование его страны. Не имея возможности действовать решительно против власти большевиков, он решил «сделать ставку» на русскую эмиграцию (а точнее, на русскую интеллигенцию), надеясь на ее возвращение в Россию после свержения большевиков[11].

«Русская акция» имела долгосрочную перспективу, о чем было продекларировано в одном из официальных документов МИДа Чехословакии: «Эти лица (пользующиеся поддержкой. – *Т.У.*)… ⟨…⟩ должны были после возвращения в восстановленную Россию пропагандировать ЧСР в культурном и экономическом плане, а суммы, затраченные правительством ЧСР, должны были быть возмещены призывом чешской интеллигенции в Россию с тем, чтобы она вытеснила с ведущих постов неславянские элементы, а также размещением русских государственных заказов в чехословацкой промышленности, которая пользовалась бы приоритетом по сравнению с промышленностью других стран»[12]. В других странах русского рассеяния, таких как Германия или Франция, образование русских студентов предполагало в большей степени их ассимиляцию, а не возвращение на родину.

Власти Чехословакии приветливо отнеслись к русским беженцам. По воспоминаниям М.М. Новикова: «Семьи поселившихся в Праге профессоров и видных общественных деятелей регулярно получали приглашение на приемы, которые устраивались во дворце президента Т.Г. Масарика. Престарелый президент, один

из главных деятелей по созданию Чехословацкой Республики, был раньше видным профессором философии. Таким образом, он претворил в жизнь мечту Платона: республика должна быть управляема философами. Высокий человек с очень стройной фигурой (он был любителем верховой езды) и красивым добродушным лицом, обрамленным седой бородкой, президент стоял во время этих приемов со стаканом чая в руке и беседовал с наиболее почетными из гостей»[13]. В 1930 г., в статье по случаю 80-летия Масарика, Е.Н. Кускова писала о юбиляре: «Основы его (Масарика. – *Т.У.*) личности – в этике. Вот почему образ этот близок и дорог русской интеллигенции. Масарик никогда не был политиком сегодняшнего дня. Он всегда ставил перед собою "далекие" социально-этические задачи и идеалы. Все существо его проникнуто тем же благородным идеализмом, которым жили и дышали лучшие представители русской интеллигенции, ее духовные вожди»[14].

Н.О. Лосский вспоминал: «Чехословацкое правительство дало мне, как и другим русским ученым, профессорскую эмигрантскую стипендию, более 2000 крон. "Русская акция" в Чехословакии была в течение десяти лет поставлена очень широко. Несколько тысяч русских молодых людей получили стипендии и поступили в Праге, Брно, Пржибраме и Братиславе в различные учебные заведения. Многие профессора, доценты, писатели, вообще, многие русские интеллигенты были обеспечены правильно выдаваемыми ежемесячными пособиями»[15]. Деятельность эта прекратилась в 1928 г., когда «Русская акция» стала сокращаться.

Приехав в марте-апреле 1923 г. в Чехословакию, М.М. Новиков жил поначалу в поселке Увалы под Прагой. Он работал в зоологической лаборатории Карлова университета, получая от правительства ЧСР профессорское вознаграждение – 2100 крон[16]. 13 апреля в помещении Зоологического института Карлова университета Новиков провел первое заседание своего зоологического семинара, а в мае принял участие в Съезде немецких зоологов в г. Лейпциге. Подробности своего устройства в Праге он изложил в письме профессору М. Римскому-Корсакову: «Пишу Вам из Праги. ⟨...⟩ Я здесь пока один ⟨...⟩, а семья в Гейдельберге, где жизнь все-таки дешевле ⟨...⟩. Сюда я переехал, потому, что в Германии жизнь стала очень дорожать, а заработка там кроме небольшого, литературного у меня не было. Здесь же я получаю профессорское вознаграждение, причем лекций обязательных не читаю, а обязан заниматься лишь научной работой, да помогать в этой работе нескольким русским студентам. Здесь, при Чешском университете, правительством учреждена особая русская

профессорская коллегия. Юридическая часть этой коллегии даже организовала регулярные занятия со студентами и таким образом образовался русский юридический факультет. У нас же для этого недостаточно сил и не так много студентов; поэтому мы факультета не устраиваем, а по мере возможности помогаем студентам, работающим в соответствующей специальности. Я организовал зоологический семинарий. В нем 3 профессора, 2 ассистента и 7 студентов. Работа идет пока очень оживленно. Очень зовут меня в Брюнн[17], на настоящую чешскую кафедру, но мне как-то не хочется забираться в провинцию, тем более что здесь приходится принимать участие в организации Русского народного университета и научного издательства. Вообще работы здесь много. Очень печально только, что обстановка для научной деятельности не благоприятна. На лабораторию ассигнуются очень незначительные средства, так что чувствуется страшный недостаток в оборудовании, реактивах и литературе. У меня в Москве, даже в худшие времена, лаборатория была обставлена лучше, чем здесь»[18].

Со временем семья Новиковых воссоединилась. Правда, их старшая дочь Татьяна пробыла в Праге недолго. Вскоре «она поступила на работу к моему старому приятелю проф. К. Шульцу в Брно. Ознакомившись с ее прекрасной подготовкой, проф. Шульц предложил ей занять должность ассистентки в его лаборатории. Но она категорически отказалась, а в скором времени совершенно отрешилась от ученой деятельности, отдавши себя целиком семейной жизни и воспитанию детей», – вспоминал М.М. Новиков[19].

Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии

Огромный поток русских беженцев, в том числе и студентов из Константинополя и Балканских государств, привел к тому, что общественные организации Чехословакии перестали справляться с добровольно принятыми на себя обязанностями. Тогда правительство Масарика решило передать «Русскую акцию» в ведение Министерства иностранных дел (МИД), силами которого в октябре 1921 г. был создан Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии[20]. В его состав, на правах отдела, вошел совет профессоров, которому МИД передал полномочия по приглашению в ЧСР из Европы ученых и профессоров, необходимых для преподавательской и научной работы. Приглашенным предоставлялось право въезда в ЧСР и гарантированное материальное обеспечение[21]. В течение 10 лет совет профессоров обеспечивал приток в Чехословакию педагогических

и научных кадров. Количество приглашенных советом непрерывно увеличивалось: так, если в 1921 г. их было 50, то в 1923 – 94, в 1924 – 147, в 1925 – 142, в 1926 г. – 130[22]. Термин «профессор» в этом случае употреблялся условно и охватывал лиц с разным академическим статусом – от академиков до выпускников университетов, оставленных для подготовки к профессорской должности[23].

Формирование русского научного сообщества в Чехословакии президент Т. Масарик поначалу делегировал двум известным в России представителям партии кадетов: А.С. Ломшакову и профессору П.И. Новгородцеву. При этом если А.С. Ломшаков ведал приглашением «технарей» и «естественников», то обустройством «гуманитариев» занимался П.И. Новгородцев[24]. Вскоре к ним примкнули их единомышленники-подвижники: А.В. Жекулина, графиня С.В. Панина, князь П.Д. Долгоруков и, наконец, М.М. Новиков. Возложение на эту небольшую группу функций важного механизма реализации «Русской акции», как показало время, было мудрым политическим решением президента, поскольку оно улучшило политический климат всей русской колонии, ранее считавшейся эсеровским центром. По замечанию И. Савицкого, прежде всего это решение «означало конец эсеровской власти над пражской русской колонией»[25], в которую был вовлечен и пражский Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор)[26]. Названная выше группа эмигрантов-кадетов разделяла с Масариком главную стратегическую линию его концепции «Русской акции»: «приучить эмигрантов к работе» и «создать кадры для России»[27]. Но была и обратная сторона медали: эта группа стала объектом ненависти противоборствующих эмигрантских политических группировок, и в первую очередь эсеров[28]. Насколько серьезными были политические разногласия, свидетельствует тот факт, что в случае легкоранимого П.И. Новгородцева нападки коллег за его сотрудничество с эсерами из Земгора психологически ускорили преждевременную смерть Павла Ивановича (1924).

М.М. Новиков в среде русской академической эмиграции в Праге

Благодаря П.И. Новгородцеву М.М. Новиков был введен в состав нескольких влиятельных русских эмигрантских организаций в Праге и прежде всего в правление Союза академических организаций за рубежом, учебную коллегию Комитета по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии

и совет (русских) профессоров. По оплате труда совет ввел три категории, разделив тем самым всех ученых и преподавателей, прибывших в Прагу по «Русской акции», на три большие группы. К первой группе относились лица, состоявшие в русских учебных заведениях штатными профессорами и имевшие ученую известность и преподавательские заслуги. Они получали государственную помощь, приравненную к служебному жалованью чехословацких государственных чиновников 6 и 7 класса. К этой (первой) категории были причислены и три члена Российской академии наук: профессора Н.Ф. Голубовский, П.Б. Струве и Н.П. Кондаков. Во вторую категорию входили внештатные профессора и доценты русских высших учебных заведений. Они получали зарплату по 8 классу чехословацких государственных чиновников. В третью категорию вошли те, кто только начал заниматься научной работой, но благодаря войне и эмиграции вынужден был прервать ее, а также лица, готовящиеся к защите ученой степени. Они получали помощь, равную жалованью государственных чехословацких чиновников 9 класса[29].

Высокая численность русских ученых и преподавателей в Праге создала предпосылки для институционализации их научной и преподавательской деятельности – возник целый комплекс научно-исследовательских, высших и средних учебных заведений, специальных курсов, гимназий и школ. В сеть общеобразовательных учреждений входили: Русский юридический факультет (РЮФ, открыт в мае 1922 г. в Праге; первый декан – профессор П.И. Новгородцев), Русский педагогический институт им. Яна Амоса Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский институт коммерческих знаний, Русское высшее училище техников связи, Русский народный университет (РНУ) и др. Из научных учреждений в Праге были открыты: Экономический кабинет профессора С.Н. Прокоповича (переехал из Берлина в Прагу в апреле 1924 г.), Семинар(ий) имени Н.П. Кондакова (позже – Археологический институт имени Н.П. Кондакова), Институт изучения России, Русский заграничный исторический архив, Русский институт. Такое многообразие учебных и исследовательских учреждений дало основание назвать Прагу Русским Оксфордом[30]. Из высших учебных заведений, созданных в эмиграции, долгожителями оказались РНУ, просуществовавший вплоть до окончания Второй мировой войны, и Кондаковский институт, занимавшийся вопросами византологии.

Как бывший ректор Московского университета, М.М. Новиков был введен в учебную коллегию Комитета по обеспечению

образования русских и украинских студентов в Чехословакии, которая контролировала прием студентов на государственное (чехословацкое) иждивение, распределение стипендий, организацию занятий и консультаций, а также их трудоустройство. Судя по документам Русского зарубежного исторического архива (РЗИА), фондохранителем которого в настоящее время является Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, Москва), Новиков был избран, а затем и переизбран (23 января 1933 г.) членом наблюдательного совета правления Фонда помощи русским студентам в Чехословакии (председатель А.С. Ломшаков, секретарь А.А. Вилков)[31]. Кроме того, уже 19 декабря 1923 г. правление Союза русских академических организаций за границей пригласило Новикова принять участие (на правах члена) в работе Комиссии по вопросу собирания и разработки материалов о положении высшей школы за границей[32].

В состав учебной коллегии входили «все наличные академические деятели, которым было определено сначала довольно приличное жалованье. Впоследствии, по мере того, как в правительственных кругах все более и более чувствовалось утомление от чересчур задержавшейся в республике эмиграции, это жалованье постепенно снижалось, пока не было доведено до размера ничтожной поддержки. Но к этому времени ее работоспособные элементы успели обзавестись личным заработком»[33].

Русские студенты пользовались правом на бесплатное обучение и получали правительственную стипендию, а первое время, кроме того, их снабжали одеждой и учебными пособиями. «Таким образом, благодаря этой помощи тысячи молодых, а отчасти и пожилых людей из русской белой армии и иных беженских кругов смогли получить законченное высшее образование и найти себе прочное положение в жизни. Правда, в печати проскальзывали замечания по поводу того, что чехословацкие легионы привезли с собой из Сибири громадную военную добычу и что естественной обязанностью чешского народа было истратить часть этих средств на поддержание русских беженцев. Все это может быть и так, но мы постоянно видим, что победители не стесняются с побежденными народами и не проявляют по отношению к ним какой-либо заботливости. Чехи и словаки принадлежали в то время к победителям, а мы – к побежденным. Поэтому их широко развернутая акция помощи русским эмигрантам должна быть рассматриваема как выражение добрых славянских симпатий»[34].

Русским эмигрантам было разрешено самостоятельно создавать различные общественные, научные и культурные учреж-

дения. Финансовой поддержкой чехословацкого правительства пользовался прежде всего Земгор с его местным (пражским) председателем И.М. Брушвитом и Союз городов (Согор) во главе с князем П.Д. Долгоруковым и его помощницей – А.В. Жекулиной. В общей сложности Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии просуществовал чуть менее 10 лет. Его ликвидацию планировали провести в конце 1930 г., поскольку к этому времени большая часть студентов уже должны были завершить свое образование[35]. Если в 1924 г. их насчитывалось 3180 человек (без украинских студентов), то после 1929 г. оставалось всего 500.

В числе русских общественных организаций Праги, «важных для научного общения», М.М. Новиков назвал Русское историческое общество, Союз врачей, Союз инженеров, Объединение юристов и «Русский очаг», учрежденный графиней С.В. Паниной[36].

М.М. Новиков был избран сотрудником в штат Славянского института, основанного в 1928 г. и сыгравшего большую роль в культурной жизни Праги. Это было уже не русское, а чешское, репрезентативное учреждение, предназначенное для научного сближения не только русского и чешского, но вообще всех славянских народов, на которое правительство не жалело средств. Институт разместился в старинном дворце графов Лобковиц[37].

По мнению В. Быстрова, русские ученые, остававшиеся в Чехословакии после 1928 г., уже четко ориентировались на сотрудничество с чешской средой. Доказательств тому множество: третий том «Научных трудов» РНУ целиком посвящен Чехословакии (1930), третий том «Записок» Института по изучению России вышел на чешском языке. В то же время чисто русские учреждения прекращают свое существование или передаются в ведение МИД ЧСР, Министерства просвещения (русские школы) или Славянского института (Экономический кабинет Прокоповича) и т.д.

Высокий научный и преподавательский авторитет М.М. Новикова, а также быстрое освоение чешского языка позволили ему начать преподавание в чешском Карловом университете (Univerzita Karlova v Praze) – самом старом университете Центральной и Восточной Европы (основан в 1348 г. императором Карлом I). В 1927 г. он начал читать курс лекций на чешском языке по сравнительной анатомии на факультете естествознания (Přírodovědecká fakulta) университета. В 1931 г. советом профессоров университета Новиков был избран приглашенным почетным адъюнкт-профессором по кафедре сравнительной анатомии

и гистологии, а в 1935 г. он получил от Т. Масарика назначение на должность профессора[38].

Русские преподаватели редко получали места в чешских вузах, поскольку те были хорошо укомплектованы собственными кадрами. Лишь в качестве исключения некоторым из них везло и они могли устроиться на работу в чешские учебные заведения, но, как правило, это была работа без оклада (gratis – «во имя науки»). Помимо М.М. Новикова в Карловом университете работали профессора: Н.П. Кондаков, И.Л. Кондаков, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский и Е.А. Ляцкий, приват-доцент Н.Е. Осипов, Н.Л. Окунев и В.С. Ильин. В Чешском высшем техническом училище в Праге преподавали В.И. Исаев, А.С. Ломшаков, А.П. Фан-дер-Флит и др., в Горной академии в Пшибраме – профессора А.Н. Митинский и А.И. Глазунов, в Университете им. Я.А. Коменского (Братислава) – профессор В.А. Погорелов, в Масариковом университете (Брно) – профессор С.Г. Вилинский.

При поддержке Министерства культуры и народного просвещения М.М. Новиков представлял Карлов университет и чехословацкую зоологию на международных конгрессах в Будапеште, Падуе, Бордо, Варшаве и др.

7 марта 1927 г. М.М. Новикова избрали членом Чешского общества зоологов. Вместе с ним в общество вступили такие известные русские зоологи, как Н.А. Раевский и Л.В. Черносвитов. На первой Генеральной ассамблее общества Новиков выступил с лекцией «Сравнительная анатомия на основе аналогий». Вскоре эту же лекцию он прочел и перед членами Чешской академии наук и искусств при вступлении (вместе с Н.О. Лосским, Г.В. Францевым, Д. Чижевским и др.) в члены Чешского Королевского общества ученых.

О положении русских ученых в эмиграции М.М. Новиков писал: «Конечно, лишь в исключительных случаях им удалось восстановить приблизительно такую же обстановку работы, какой они располагали у себя дома. Большинство русских эмигрантских ученых принуждено было довольствоваться скромным положением в иностранных научных учреждениях или организовывать свои русские учреждения, которые располагают для работы лишь минимальными материальными средствами»[39]. Сам он был свидетелем того, как из-за конкуренции на должности большинство русских профессоров оставались в Чехословакии «не у дел».

Позже, в статье «Русские эмигранты в Праге» М.М. Новиков деликатно указал на наличие некоторых противоречий в национальных особенностях русских и чехов: «Следует, однако, заме-

тить, что сближение между восточными и западными славянами наталкивалось на серьезные затруднения. И не только потому, что чехи опасались конкуренции со стороны русских, но главным образом, благодаря различию характеров и мировоззрений двух народов. Русской широкой натуре чехи противопоставляли свою сдержанность ⟨…⟩ В противоположность русской приветливости и общительности чехи отличались замкнутостью и подчас угрюмостью. Семейное гостеприимство у них не было развито. И если две семьи из средних чешских кругов, даже родственные, хотели побыть вместе, они отправлялись в кофейную, где часами сидели за чашкой черного кофе, за который каждая семья платила самостоятельно. Самой трудной чертой чешского характера был крайний национализм, пышным цветом распускавшийся в средних слоях, но иногда и в среде интеллигенции. Происхождение его легко объясняется немецким господством, под которым чехи изнывали со времени неудачной для них Белгородской битвы в 1852 году, вплоть до окончания Первой мировой войны»[40].

О трудоустройстве русских ученых в Чехословакии вспоминал и Н.О. Лосский: «В Чехословакии нормальная жизненная карьера была почти невозможна для иностранца. Правда, Чехословакия оказала братскую помощь множеству русских интеллигентов и многих русским детям, но получить место, особенно на государственной службе, было чрезвычайно трудно. Среди эмигрантов было, например, немало выдающихся ученых, однако к преподаванию в университетах и политехникумах привлечены были лишь очень немногие. При замещении кафедры всегда было бы дано предпочтение весьма малоодаренному чеху даже и перед самым талантливым, приобретшим уж известность русским, за исключением тех случаев, когда по какой-либо специальности чеха совсем не было. В этом сказывается крайний национализм чехов, не понятный нам, русским, привыкшим к великодержавной политике, стремящейся использовать всякий талант, независимо от того, к какой народности принадлежит носитель его»[41].

В связи с этим определенный интерес представляет мнение П.Б. Струве, заметившего, что русский ученый-эмигрант оказался не столько изгнанником, сколько сутью и судьбой внутренней России; он тесно объединен с ней религиозно-духовной, культурной и идейно-политической связью[42]. Поэтому и причину некой гиперактивности ученых-эмигрантов «первой волны» нужно искать в особенностях организации науки в дореволюционной России, которую они стремились воссоздать в эмиграции, а также в непреходящей вере эмигрантов в быстрое освобождение России

от большевиков. А вслед за тем и обязательного возвращения на родину всего потенциала русского научного зарубежья. Любые разговоры об ассимиляции и утрате исторической родины в этих условиях не приветствовались.

Переломными для настроений русской эмиграции стали 1929 и 1930-е гг. Насильственная коллективизация в СССР, начатая в 1929 г., «казалась издалека настолько безумным, самоубийственным и чреватым народным взрывом, что падение режима представлялось уже неизбежным»[43], и, как это ни парадоксально, в эмиграции был зафиксирован «бурный взлет оптимистических ожиданий»[44]. Однако спустя год с небольшим возвращение на родину утратило реальность и отодвинулось на неопределенное время.

1925 год стал первым годом массового окончания русскими студентами вузов, когда остро встал вопрос о трудоустройстве, и вдруг выяснилось, что работать по специальности в Чехословакии практически невозможно. Именно тогда возникло Объединение русских, окончивших вузы в Чехословацкой Республике. Для выпускников начали срочно открываться малярные и шоферские курсы с тем, чтобы они могли хоть как-то трудоустроиться. По данным И.П. Савицкого, на учете объединения с 1925 по 1928 г. состояло 1346 человек; из них 55% вынуждено было покинуть Чехословакию. Они уезжали в Словакию или в самую отдаленную восточную окраину Чехословакии – Закарпатскую Русь (с 1945 г. – Закарпатская Украина)[45].

Русская академическая группа

Как и большинство ученых-эмигрантов, прибывших в Чехословакию в 1920-е гг., М.М. Новиков состоял членом Русской академической группы (РАГ) в ЧСР. Она была создана в 1921 г. в Праге группой русских профессоров во главе с П.И. Новгородцевым, ставшим ее председателем (тов. председателя – Д.Д. Гримм, почетный председатель – А.С. Ломшаков; секретарь – В.И. Исаев, казначей А.П. Фан-дер-Флит). Члены правления: С.В. Завадский, И.Д. Жуков, Г.В. Вернадский. Позже в состав правления вошли: А.И. Фенин, Е.Л. Зубашев, А.В. Маклицов, С.А. Острогорский, В.С. Ильин и К.Г. Шиндлер.

Спустя год после организации РАГ в ЧСР на пост ее председателя был избран П.Б. Струве, а с 1924 г. группой стал руководить бывший профессор Киевского университета Е.В. Спекторский. В 1927 г. его сменил на этом посту В.А. Францев, а после него –

профессор-юрист Д.Д. Гримм, бывший ректор Петербургского университета. Секретарем группы был Д.Н. Иванцов, помощником секретаря – С.Г. Пушкарев[46].

В 1919–1924 гг. русские академические группы и общества возникли и в других странах русского рассеяния. На первом съезде русских академических организаций за границей, проходившем в 1921 г. в Праге, были официально зарегистрированы группы из Турции, Италии, Швейцарии, Польши, Латвии, Финляндии, Швеции, а также Харбина и Северной Америки. «Сколько членов в каждой из групп, у нас сведений нет, но можно считать, что всего во всех организациях до 600 ученых», – писал профессор С.И. Метальников[47]. Как следует из его списка, самой многочисленной была Русская академическая группа в Париже – 134 члена, тогда как РАГ в ЧСР (на 1 января 1928 г.) насчитывала 97 действительных членов[48].

Деятельность РАГ в ЧСР значительно отличалась от положения других аналогичных групп. Если в большинстве других стран РАГ была авторитетным органом высшего и среднего образования, в Праге эта сторона деятельности у нее совершенно отсутствовала, поскольку эти функции выполняла учебная коллегия при Комитете по обеспечению образования русских студентов в ЧСР, а делами средней школы ведали Пражский Земгор и Союз городов (П.П. Юренев, Н.И. Астров, кн. П.Д. Долгоруков, А.В. Жекулина, гр. С.В. Панина), и отчасти – Педагогическое бюро[49]. Такое ограничение функций обусловлено тем, что РАГ в ЧСР возникла не сразу, а ее учреждение осенью 1921 г. вызвало даже сопротивление отдельных ученых. Однако, оформившись, РАГ в ЧСР превратилась в высококомпетентную организацию. Ее важными функциями стали организация публичных защит магистерских и докторских диссертаций, присуждение звания приват-доцента (в соответствии с русскими законами), устройство лекций и докладов. За время существования группы диссертации защитили: В.С. Ильин (магистр ботаники), Г.В. Флоровский (магистр философии), В.Н. Соколов (магистр зоологии), И.В. Емельянов (магистр агрономии), Г.И. Ширяев (магистр ботаники), Н.Е. Подтягин (магистр математики) и др. Для проведения публичных защит часто использовались аудитории академических съездов. К защитам диссертаций предъявлялись самые строгие требования, чтобы «избежать упреков в малоценности научных трудов эмигрантов»[50].

Съезды русских академических организаций за границей

«Важным явлением в духовной жизни эмиграции», а также «праздничной демонстрацией жизненности русской науки за рубежом» – М.М. Новиков назовет съезды русских академических организаций[51]. Прага стала центром проведения трех таких съездов (1921, 1922, 1924), а также первых съездов Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО)[52]. «Эти съезды, может быть больше чем что-либо другое, распространяли среди эмиграции славу Праги как русского академического центра, усиливали стремление студентов [приехать] в Прагу»[53]. На первом съезде (1921) было избрано правление координирующего органа – Союза русских академических организаций за границей (председатель А.С. Ломшаков; товарищ председателя В.А. Францев, А.А. Копылов; секретарь В.Д. Варенов, казначей А.А. Вилков) и принят его устав, организован Комитет помощи ученым в Советской России[54].

В отличие от первых двух съездов русских академических организаций, которые занимались преимущественно организационными вопросами, третий академический съезд, состоявшийся в 1924 г., был посвящен исключительно научным сообщениям. Доклады (всего – 160) были распределены по четырем секциям: юридические и экономические науки; философские, исторические и филологические науки; естествознание и медицина; математика и технические науки. Большой удачей М.М. Новиков назвал III съезд: «На съезде русские ученые воочию показали, что величайшая катастрофа, их поразившая, не угасила их духа, и что они сумели перенести свою научную продуктивность из отечественных рамок на широкий международный простор. Этим объясняется и приподнятое настроение, царившее на съезде. А с другой стороны, собравшись в количестве нескольких сотен человек на гостеприимной славянской земле, мы почувствовали себя как бы возвратившимися на родину и забыли на время о тягостях нашего существования»[55]. Последующие съезды проходили уже вне Чехословакии: четвертый – в Белграде (1928) и пятый – в Софии (1930).

М.М. Новиков принял участие во всех съездах русских академических групп за границей, за исключением, конечно, первого (1921), когда он находился еще в России. На III съезде, проходившем 25 сентября – 21 октября 1924 г. в Праге, в помещении Зоологического института Карлова университета, он сделал

доклад «Закономерности образования организмов»[56] и добился включения в решение съезда формулировки: «Принять желательным организацию Всеславянского съезда естествоиспытателей и врачей»[57]. 18 сентября 1928 г., на IV съезде русских ученых за границей, проходившем в Белграде, на объединенной секции биологических, физико-химических, агрономических и медицинских наук М.М. Новиков прочел доклад «Механические закономерности в строении организмов»[58]. И наконец, на открытии V съезда русских ученых за границей (София, Болгария,14–21 сентября 1930 г.) у него был заявлен пленарный доклад на тему «Русская биологическая станция в Виллафранке и грозящая ей опасность»; а на объединенном заседании биологической и медицинской секций он выступил с докладом «Сравнительная анатомия как точная наука: к вопросу о научных закономерностях»[59].

После V съезда, проходившего в Софии, других съездов более не проводилось. М.М. Новиков вспоминал: «Чувство утомления от русских беженцев все более обострялось, по крайней мере среди малых славянских народов, встретивших нас с такой симпатией, а может быть и с надеждой на то, что, возвратившись домой, мы сторицей отплатим их гостеприимство. 〈…〉 Да и сами русские ученые частью вошли в иностранную научную жизнь с ее интересами и съездами, а частью погрязли в буднях беженской обывательщины, так что не чувствовали серьезной потребности в научном общении»[60].

Русский народный университет в Праге

Общественная и педагогическая активность М.М. Новикова в Чехословакии особенно ярко проявилась в стенах Русского народного университета (РНУ – 1923–1933 гг.), Русского свободного университета (РСУ – в 1933–1939 гг.), Русской свободной академии (РСА – в 1943 – 1944 гг.). Идея открытия университета первоначально принадлежала правосоциалистическому эсеровскому Земско-городскому комитету – Объединению российских земских и городских деятелей (Земгору), организовавшему в октябре 1922 г. Лекционную комиссию под председательством Г.И. Шрейдера[61]. Однако в список основателей и руководителей РНУ вошли и известные кадеты, профессора А.А. Кизеветтер, П.И. Новгородцев и М.М. Новиков. Главной кандидатурой на пост ректора РНУ был выдвинут А.А. Кизеветтер; однако на первом же организационном собрании он наотрез отказался возглавить университет и порекомендовал на пост ректора М.М. Новикова,

имевшего большой административно-управленческий опыт. Новиков бессменно оставался на посту ректора РНУ в течение 16 лет (до конца 1939 г.). 28 июня 1923 г. под его председательством был создан совет РНУ. На первом организационном собрании РНУ члены совета познакомили слушателей с предшествующей деятельностью Лекционной комиссии (за октябрь 1922 – май 1923 г.), а также – с планами по организации РНУ[62]. 11 октября 1923 г. на заседании Земгора было утверждено «Положение» о Русском народном университете в Праге[63], где было констатировано: «Народный университет является автономным учреждением Земгора, имеющим свои особые органы управления, подчиненные Земгору в порядке надзора и контроля, причем никакое вмешательство со стороны Земгора в академическую жизнь не должно иметь места»[64]. И далее:

«П. 1. Русский народный университет, учреждаемый в Праге объединением российских земских и городских деятелей, ставит своею целью дать возможность всем желающим ознакомиться в общедоступном изложении с различными отраслями знаний, как чистого, так и прикладного.

П. 2. Для достижения поставленных выше целей РНУ организует:

А) чтение систематических, общедоступных курсов и отдельных лекций и докладов по различным отраслям знания, как чистого, так и прикладного;

Б) практические занятия и семинарии;

В) преподавание по разным специальным отраслям знания по новым языкам; и

Г) различного рода экскурсии, посещение музеев и всевозможного рода учреждений с научно-образовательными целями…

П. 8. Органами управления Русского народного университета в Праге являются:

а) совет университета;

б) правление университета;

в) управляющий делами РНУ.

П. 25. Университет содержится на средства, отпускаемые Земгором, равно, как на специальные средства, какие могут быть предоставлены на этот предмет в распоряжение Земгора правительственными и общественными учреждениями, и частными лицами»[65].

Официальное открытие РНУ состоялось 16 октября 1923 г. Президиум собрания был представлен ректором М.М. Новиковым, его заместителями – П.И. Новгородцевым и А.А. Кизеветтером, секретарем – доцентом международного права М.А. Циммерманом. М.М. Новиков призвал рассматривать университет не

столько как «очаг русской образованности», но и как место «для успешного осуществления процесса духовного единения двух национальностей» – русской и чешской[66]. Выступивший на открытии известный чешский профессор Зденек Бажант высказал свою уверенность в том, что «университет принесет пользу для ⟨...⟩ славянского дела вообще»[67].

Мысль об организации «свободных университетов» зародилась в среде европейских интеллектуалов еще в конце XIX в. Отличительной их чертой «была полная формальная независимость от государства и, как следствие этого, отсутствие многих формальностей, сдерживающих получение высшего образования всеми желающими»[68]. На этих принципах возникла Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906) и Университет им. А.Л. Шанявского в Москве (1908–1918)[69]. Эти же принципы легли в основу Русского народного университета в Праге. Университет был предназначен для тех русских беженцев, кто нуждался в получении образования, но по возрасту уже не мог быть студентом дневного отделения. Главные задачи университета – научно-исследовательская деятельность и учебно-просветительная работа – были решены организацией многочисленных курсов (строительных, землемерных, медицинских, языковых), научных лекций, дискуссионных вечеров. Научная работа университета состояла в деятельности отделений, организации научных обществ и семинаров, в издании научных трудов русских ученых. Деятельность университета была подробно освещена М.М. Новиковым в его многочисленных научно-организационных отчетах[70].

Общество Русского народного университета в Праге

К сожалению, в работе РНУ с самого начала возникло противостояние между профессорами университета во главе с М.М. Новиковым, ревностно отстаивающими автономию академической жизни университета, и представителями эсеровского Земгора, рассматривающими РНУ исключительно как свою собственную культурно-просветительную организацию. При этом, располагая значительными финансовыми средствами, представители Земгора финансировали зарплату преподавателей и учебную часть университета по остаточному принципу. В знак протеста часть профессоров, в том числе и академик В.А. Францев, несмотря на стесненное финансовое положение, отказались сотрудничать с РНУ.

Тогда Новиков с группой профессоров обратились в Министерство иностранных дел и Министерство народного просвещения Чехословакии с просьбой о выведении университета из ведения Земгора и предоставлении ему самостоятельности под контролем обоих названных выше министерств. Это был смелый и безпрецидентный шаг. В ноябре 1925 г. Министерство внутренних дел (МВД) Чехословакии удовлетворило эту просьбу и университет был выделен из ведения Земгора. Ему была предоставлена самостоятельность в качестве русско-чешского независимого просветительного центра под названием «Общество Русского народного университета в Праге», находящегося под контролем двух чешских министерств: иностранных дел и народного просвещения.

8 декабря 1925 г. состоялось учредительное собрание общества, на котором был избран председатель кураторияв – нового органа управления и контроля университета – профессор З. Бажант, его заместитель – профессор С.В. Завадский, ректор – профессор М.М. Новиков, казначей – Ф. Матоушек, секретарь – доцент М.А. Циммерман. В состав куратория также вошли: с чешской стороны профессор Б. Немец – знаменитый ботаник и общественный деятель, кандидатура которого выставлялась на пост президента республики, профессор-славист Ю. Поливка, руководитель беженского департамента МИД, доктор З. Завзал, дипломат П. Макса – бывший посланник Чехословакии в Варшаве, представители Министерства народного просвещения ЧСР: профессора И. Индерка и И. Урбан; от россиян – профессора Е.В. Спекторский, А.А. Кизеветтер, Н.С. Тимашев, В.В. Лепешкин и В.А. Харламов – бывший член Государственной Думы (всего 20 человек)[71]. «Словом, кураторий, в смысле персональном, выглядел весьма нарядно, и работать в нем было приятно», – констатировал М.М. Новиков[72].

Представители Земгора были вынуждены смириться с реформой РНУ. В.Ф. Булгаков, посетивший открытие Общества Русского народного университета в Праге, так описал заседание в своих «Дневниках»: «Шел с тоской, отбывая представительство от имени С[оюза] р[усских] п[исателей] и ж[урналистов], а между тем попал на любопытное собрание: именно на очередной бой “правых” и “левых”. ⟨…⟩ И те и другие мобилизовали свои силы. На собрании присутствовали больше 200 человек. Но “левые” эсеры, составляющие незначительную, хотя и находящуюся на исключительном положении (“Земгор” – всецело в их руках) часть пражской русской колонии, оказались в меньшинстве. Меньшинство развязное, распущенное, привыкшее властвовать в Праге, не хотело, однако, сдаваться, и вот все сделались сви-

детелями этого беспардонного и уже совершенно не "демократического" стремления со стороны меньшинства так или иначе – истериками, угрозами – навязать свою волю большинству. Надо сказать, что "земгоровцы" (они же – "эсеры", а представлял их на собрании "из молодых, да ранний" г. Слоним) обижены еще и на то, что Народный университет, числившийся раньше в составе учреждений "Земгора", пожелал быть самостоятельным и, можно сказать, вывернулся из-под "Земгора", с каковой целью умный и ловкий М.М. Новиков, ректор Народного университета, и создал специальное общество, открывшееся вчера»[73].

М.М. Новиков сумел не только защитить свой университет от Земгора, но и найти меценатов из чешской среды для его издательской деятельности («Научные труды РНУ» и проч.), благодаря поддержке канцлера Пр. Шамаля, который был близок к проблемам биологии и был увлечен трудами Новикова[74].

Устав Общества РНУ предусматривал разделение полномочий: учебная часть и деятельность университета была сосредоточена в руках ректора, совета преподавателей и президиума совета, тогда как финансово-административные вопросы отошли к общему собранию членов – кураторию и его президиуму[75]. Студентами университета могли быть лица не моложе 17 лет. Обучение в РНУ было платное, однако, материально необеспеченные слушатели зачастую были освобождены от платы.

В РНУ работало 64 преподавателя, из них 33 были профессорами, некоторые из них с мировыми именами[76]. «Из скромного начинания очень скоро он (РНУ. – *Т.У.*) вырос в крупное научно-педагогическое учреждение и за 16 лет своей работы дал очень много как русскому, так и чешскому просвещенному обществу»[77]. Ниже представлен документ «Схема работы Русского свободного университета в Праге в 1923–1938 гг.» из личного архива М.М. Новикова в РЗИА (ГА РФ, Москва), который отражает огромный объем организационной работы ученого[78].

Схема работы РНУ (РСУ) в Праге в 1923–1938 гг.

I. Учебно-просветительская деятельность.

1) Низшая ступень: школы грамоты – Прага, Ужгород, Кошице.
2) Средняя ступень:
   А) курсы счетоводства, стенографии, бухгалтерии, торговой корреспонденции, востоковедения, музыки, массажа;
   Б) курсы языков – Прага, Брно, Колин, Кладно, Роуднице, Ужгород.

3) Высшая ступень:
А) лекции и курсы в Праге и в 5 городах;
Б) дискуссионные вечера;
В) концерты и литературные вечера с лекциями;
Г) специальные курсы: землемерные, дорожно-строительные, медицинские.

II. Научная деятельность:
1) научно-исследовательское объединение;
2) философское общество;
3) педагогическое общество;
4) кружки и семинарии (всего 23).

III. Издательская деятельность:
1) научные труды университета;
2) отдельные брошюры;
3) сборник «Московский университет»;
4) записки Научно-исследовательского объединения;
5) брошюры НИИ объединения.

IV. Русский культурно-исторический музей:
1) художественное отделение;
2) архитектурное отделение;
3) отделение истории русской эмиграции;
4) отделение русской старины;
5) издательская работа.

V. Участие в юбилеях и других культурных начинаниях:
1) 175-летие Московского университета;
2) 100-летие смерти Пушкина;
3) Дни русской культуры;
4) участие в научных съездах.

VI. Стипендиальный фонд им. Московского университета.

VII. Ужгородское отделение:
1) лекции, 2) курсы русского языка.

VIII. Справочный листок.

Всего за 15 лет было проведено: 38.166 часов занятий и зарегистрировано 514.134 посещений.

В РНУ (РСУ) функционировало пять отделений. **Отделением общественных наук** руководил социолог и правовед Н.С. Тимашев. Оно состояло из четырех отделов: введение в изучение общественных наук; современная Россия; местное самоуправление; сельскохозяйственная экономика России. **Историко-философское отделение** (председатель А.А. Кизеветтер) состояло из двух отделов, в 1926/1927 учебном году их стало четыре: философское, историческое, историко-литературное, семинары

и кружки. К отделению относилось и Философское общество под председательством профессора И.И. Лапшина, секретарем был приват-доцент Д.И. Чижевский. М.М. Новиков был избран председателем **Отделения естественных наук,** состоявшим из двух отделов: физико-химическое и медико-биологическое, в задачу которых входило знакомство слушателей с новейшими достижениями естествознания и медицины. В 1925 г. М.М. Новикова на посту председателя сменил профессор В.В. Лепешкин. В 1926/ 1927 учебном году отделение было реорганизовано, к нему присоединили ранее самостоятельное **Отделение прикладных знаний** во главе с профессором А.П. Фан-дер-Флитом и Семинар(ий) по общим вопросам естествознания под руководством М.М. Новикова. Вскоре отделение переименовали в **Отделение естественных и прикладных знаний.** На **Отделении специальных курсов** слушатели могли освоить новую профессию (стенография, бухгалтерское дело, массаж, косметика и проч.) и выучить чешский язык, что было важно для многочисленных русских слушателей. На **Отделении по изучению Чехословакии** (председатель Ю.И. Поливка) слушатели знакомились с историей и национальными особенностями Чехословакии, ее государственным строем, особенностями экономической и культурной жизни.

Учебно-просветительная работа РНУ была ограничена организацией многочисленных курсов практических знаний (строительных, землемерных, фельдшерских, счетоводческих, языковых), лекций, дискуссионных вечеров. Чешский историк И.П. Савицкий писал: «Опыт первого года работы РНУ показал, что просветительская работа в узком смысле слова, то есть общедоступные лекции в Праге не имеют смысла. Зато в провинции (в Брно и Братиславе), куда была переведена часть студентов, и... ⟨…⟩ русские инженеры, агрономы, казаки и беженцы, случайно попавшие в Чехословакию, это имело чрезвычайно важное значение. Прага была насыщена, если не пересыщена русскими общественными, профессиональными объединениями, дружескими кружками… И вот затряслись профессора по Чехословакии в жестких вагонах»[79]. И далее: «Профессора В.А. Мякотин, М.М. Новиков, А.А. Кизеветтер, бывший депутат Думы и член ЦК эсеров В.Г. Архангельский проводили почти месяц за академический год в разъездах, еще пять видных деятелей – недели две и более»[80].

Реформирование РНУ:
Русский свободный университет в Праге

Вершиной деятельности РНУ был 1928–1929 учебный год, когда вышел первый том «Научных трудов РНУ», а общий объем занятий составил 5659 часов. Затем университет вошел в полосу кризиса: значительно снизилась численность студентов и сократились дотации правительства на его содержание. Администрация РНУ всеми силами пыталась бороться с дефицитом средств на арендную плату, зарплату служащим и лекторам, издательскую деятельность. Все это привело к сокращению просветительской деятельности сотрудников университета. В 1933 г. РНУ был реформирован, изменив свое название на Русский свободный университет (РСУ) в Праге; все отделения университета были упразднены и вместо них создано Научно-исследовательское объединение, призванное координировать работу русских ученых в сфере фундаментальной науки[81]. В целях экономии был уста-

**Выступление М.М. Новикова в «Русском Доме»
на вечере памяти Л.Н. Толстого,
посвященном 15-летию со дня смерти писателя
и организованном Союзом русских писателей и журналистов в ЧСР
(29 ноября 1925 г.).
Фото SUA – State Central Archives, Prague**

новлен жесткий отбор работ в «Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге» (новое название «Научных трудов РНУ»): для ученых-естественников он составил 16 страниц, для представителей гуманитарных наук – 24 страницы; ни один ученый не имел права получать гонорар за публикацию чаще одного раза в год. Тем не менее, денег на издательские расходы катастрофически не хватало[82].

Оппозиция М.М. Новикова в РНУ (РСУ)

Многие ученые-эмигранты прекрасно осознавали, что работа и жизнь в Чехословакии «означает, если не отрыв от мировой науки, то во всяком случае "утрату темпа". Те, кто не верил в скорое возвращение на родину, искали себе применение в "мировых центрах" (П. Сорокин, Г. Гурвич, Г. Флоровский и др.)»[83]. В этом смысле биографию М.М. Новикова можно было бы представить счастливым исключением. И тем не менее нельзя сказать, что у Новикова в Праге не было недоброжелателей и врагов. Позже он с горечью писал: «Мы начали с подражания Московскому университету имени Шанявского. Но московские традиции не оказались в нашей среде достаточно крепкими. Ведь подавляющее большинство беженцев вышло с юга России. Из московской профессуры П.И. Новгородцев скончался в начале, а А.А. Кизеветтер в середине моего пребывания в Праге. Так что в этом смысле, я остался одиноким»[84].

Достаточно известным стал внутриуниверситетский конфликт М.М. Новикова с профессором ботаники В.С. Ильиным (двоюродным братом философа И.А. Ильина) и группой ультраправых профессоров университета, пытавшихся сместить его с должности ректора РНУ. Впервые оппозиция выступила в декабре 1925 г. на учредительном собрании Общества РНУ.

М.М. Новиков ценил В.С. Ильина как ученого и даже привлек его к участию в управлении РНУ, надеясь примирить таким образом оппозиционные группировки. Однако это решение оказалось ошибочным. О ссоре с Ильиным Новиков писал: «Василий Сергеевич чувствовал себя, по-видимому, обиженным человеком. Несмотря на свой сравнительно преклонный возраст, он продолжал нести обязанности ассистента в лаборатории проф. Немеца, который относился к нему очень хорошо и ценил его научные работы, но какого-либо продвижения по службе ему не давал. Он явился на наше собрание с самостоятельным списком кандидатов в члены кураториея и энергично, но безуспешно агитировал за него. В дальнейшем, ценя его организаторские способности,

я привлек его к работе университета и после смерти Кизеветтера и Завадского провел его на должность проректора. Но политика умиротворения, как это часто бывает, и на этот раз не оправдала себя. Он ухитрился сорганизовать тесную группу своих друзей и единомышленников, и в последние месяцы моего пребывания в Праге мне пришлось испытать много горечи и разочарований»[85].

В годы своего проректорства В.С. Ильин пытался провести в члены куратория «людей бесцветных, но вполне преданных. В конце концов... 〈...〉 прежний, блиставший крупными академическими именами кураторий превратился в тусклую, будничную коллегию»[86].

В феврале 1939 г. оппозиция во главе с В.С. Ильиным предприняла последнюю попытку сместить М.М. Новикова с поста ректора РСУ, не утвердив его годовой отчет на годичном заседании куратория. Однако торжество продолжалось недолго. Вслед за заседанием куратория состоялось общее собрание Общества Русского свободного университета, которое единодушно выразило доверие Новикову и осудило действие оппозиции. Ильин, который на заседании куратория грозился отставкой в случае неприятия его резолюции, на следующий день после собрания обратился к Новикову с предложением заключить мир и продолжать совместную работу.

В архиве М.М. Новикова сохранилось письмо от безымянного корреспондента:

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

На заседании президиума Русского свободного университета, 17-го февраля 1939 г., я позволил себе чрезвычайно резкие и недопустимые выражения, как по отношению к Вам лично, так и по отношению к возглавляемому Вами университету. Сделал я это в состоянии нервного припадка, в чем глубоко раскаиваюсь. Я прошу извинения у Вас и органов университетского управления, беру свои слова категорически обратно и прошу считать их как бы непроизнесенными»[87]. Есть все основания предполагать, что авторство этого письма принадлежало В.С. Ильину.

Русское Научно-исследовательское объединение при РСУ в Праге и его «Записки»

В 1928 г. РНУ начал издавать «Научные труды РНУ» на русском и иностранных языках (под редакцией М.М Новикова) для публикации статей сотрудников университета по основным областям гуманитарных наук и естествознания: философии, экономики, истории, права, математики, искусства, литературе,

социологии, геологии, физиологии, ботаники, зоологии, сельском хозяйстве и др., а также научных отчетов.

В 1933 г. группой ученых во главе с М.М. Новиковым (председатель Редакционного комитета), профессоров: В.С. Ильина (зав. секцией естественных и математических наук), А.Н. Фатеева (зав. секцией гуманитарных наук), Д.Н. Иванцова (секретарь), П.А. Остроухова и доктора П.Ф. Миловидова, было создано Русское научно-исследовательское объединение в Чехословакии. Оно взяло на себя издательскую деятельность университета и продолжило издание его «Научных трудов» (в 1928–1933 гг. вышло 5 томов) под новым названием «Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге»[88]. В общей сложности было выпущено 16 томов «Записок», которые, как и другие печатные труды этого объединения, рассылались по двумстам городам русского рассеяния. В «Записках» Новиков опубликовал многие свои статьи, а также две монографии по сравнительной анатомии и теории эволюции на французском языке[89].

Празднование юбилея Московского университета

В первый же год своего пребывания в Праге М.М. Новиков предложил проводить празднование Дня Татьяны (25 января). На 1925 год пришлось 170-летие Alma Mater и советом РНУ было решено придать празднованию широкий размах. Был снят большой концертный зал; программа вечера состояла из трех отделений: речей, посвященных юбиляру, науке и родине, литературного вечера и танцев. Литературное отделение с большим мастерством было организовано артистами Художественного театра и состояло главным образом из сцен на основе произведений А.П. Чехова[90].

Спустя пять лет, в 1930 г. совет Русского народного университета во главе с М.М. Новиковым отметил 175-летие Московского университета, устроив торжественное заседание и концерт. С этой целью, в Праге и Париже был создан специальный оргкомитет, который вместе с Обществом бывших воспитанников Московского университета в Париже подготовил сборник воспоминаний «Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник» (Париж; Прага, 1930). В статье «Московский университет в первые годы большевистского режима» Новиков обратился к соотечественникам со словами: «...хочется нам, свободным, но оторванным от родной почвы... ⟨...⟩ направить свой горячий, братский привет всем друзьям, трудящимся в России на поруганной

академической ниве, и от всей души послать им старое, но вечно необходимое пожелание “Не угашайте духа!”[91].

С учреждением Научно-исследовательского объединения праздник «День Татьяны» принял характер «доходного предприятия» для получения средств на издание «Записок». Не менее любимым праздником русской эмиграции были Дни русской культуры, приуроченные ко дню рождения А.С. Пушкина, в которых РСУ также принимал участие. Их инициатором был князь Петр Дмитриевич Долгоруков.

Зоологический семинар (ий) М.М. Новикова

Чехословакия была второй (после Франции) страной, где в начале 20-х гг. XX в. сосредоточилось самое большое число ученых-естествоиспытателей из числа русских эмигрантов. Только участников Зоологического семинара (ия) в Зоологическом институте естественно-научного факультета Карлового университета и РНУ насчитывалось более 25 человек: профессора А.Т. Васильев, А.В. Старков, А. Мразек, приват-доцент Б.А. Шкафф, доктора С.Ф. Кончек, Ф.Ф. Кончек, С.Н. Литов, А.А. Оглоблин, а также С.А. Егунова, М.Е. Блинов, В.Д. Владыков, К.И. Гаврилов, С.А. Грабье, Г.В. Киенский, Е.Е. Малик, С.И. Новицкий, Л.В. Черносвитов, Н.А. Штерн, Г.В. Шур, Б.Л. Станиславский, И.В. Емельянов, Н.А. Емельянова, С.А. Мокржецкий, Н.Ю. Вагнер. Председателем семинара был М.М. Новиков, секретарями Б.А. Шкафф и А.А. Оглоблин.

Организационной основой Зоологического семинара стал научный Кружок русских зоологов в Праге, созданный М.М. Новиковым при Карловом университете с целью объединения русских и чехословацких биологов. Первое собрание кружка прошло 13 апреля 1923 г. в помещении Зоологического института Карлова университета, располагавшегося по адресу: Прага II, ул. Ке Карлову, 3 (Praha II, Ke Karlovu 3). Задача кружка – сближение русских зоологов, находящихся в Праге, объединение их научной деятельности и предоставление им возможности постоянного обмена мыслями[92]. Члены кружка регулярно обсуждали результаты собственных научных исследований, знакомились с критическими обзорами по новейшим научным достижениям, делились впечатлениями от посещений научных конференций, зоологических экскурсий, семинаров и проч.[93] В архиве РЗИА (ГА РФ) сохранился один из протоколов заседания «Кружка русских зоологов в Праге» от 8 июня 1923 г., отражающего впечатления

Труды Русскаго Зоологическаго Семинарія въ Прагѣ

подъ руководствомъ проф. М. М. НОВИКОВА

1923—1925 г. г.

Отд. отт. изъ III тома «Ученыхъ Записокъ», основанныхъ русской учебной коллегіей въ Прагѣ, «Біологическія и Медицинскія Знанія».

Обложка сборника трудов участников Зоологического семинара, 1923–1925 гг.

Прага: РНУ, 1925

М.М. Новикова о посещении ежегодного съезда Немецкого зоологического общества, проходившего 22–24 мая 1923 г. в Лейпциге[94].

25 июня 1924 г., по предложению М.М. Новикова, кружок был преобразован в Русский зоологический семинар(ий) и принят в Отделение естественных и агрономических наук учебной коллегии РНУ[95], а в 1925 г. реорганизован в Семинар(ий) по общим вопросам естествознания, этнографии и евгеники. После отъезда М.М. Новикова в Братиславу в 1939 г. семинаром стал руководить профессор В.С. Ильин, тогда же избранный ректором РСУ.

К.Г. Гаврилов (зоолог, ученик М.М. Новикова, стоит) и Н.Е. Андреев (историк), 1927.
Из архива Е.Н. Андреевой (Оксфорд, Великобритания)

В 1935 г. после юридического признания СССР Чехословакией, поддержка российских эмигрантов была официально прекращена. К 1936 г. многие из членов Зоологического семинара, преодолев первые, самые трудные шаги эмигрантского существования, покинули Чехословакию: хирург и микробиолог, профессор А.Т. Васильев уехал в Тунис, ихтиолог В.Д. Владыков в Париж, а затем в Торонто (Канада), энтомолог А.А. Оглоблин – в Аргентину, доктор С.А. Грабье – в Брно, доктор С.И. Новицкий – в Польшу, доктор В.Л. Станиславский стал директором Музея естествознания и истории в Белграде, где вскоре и умер[96]. Из членов семинара в Праге на какое-то время задержались два молодых зоолога: доктора Л.В. Черносвитов и К.И. Гаврилов. Однако и они вскоре покинули Прагу[97]. Н.Ю. Вагнер в 1939 г., благодаря поддержке М.М. Новикова, вслед за ним уехал в Братиславу и работал в должности его ассистента в Зоологическом институте.

Члены Зоологического семинара еще долгие годы не прерывали контакта с М.М. Новиковым: они скучали по Праге и личному

Профессор
В.В. Лепешкин

общению с ним; многие с благодарностью вспоминали «пражский» период жизни. Так, в письме К.И. Гаврилова, уехавшего в 1938 г. в Аргентину, есть такие слова: «По Праге, особенно по лаборатории, по привычной и любимой обстановке работы, скучаю достаточно явно. Аргентина мне не нравится… то, что уже меня здесь коснулось, что я слышал, и что воспринимаю ежедневно – мне глубоко чуждо и противно… Заработок достать совсем не так легко, как кажется всем пражанам. И это порождает тяжелый конфликт: заработок, кажется, неизбежно требует отказа от своих наилучших планов и надежд. Осуществление же своих тем, своих стремлений опять, по-видимому, должно совершаться gratis, “во имя науки”, и в условиях заставляющих желать многого, и с тоской, с горечью и с жалостью вспоминаю Прагу, с ее пустым иногда желудком, но свободой и подлинностью, прекрасной лабораторией и хорошими, действительно преданными делу людьми»[98].

Пройдет много лет и в послевоенном 1951 г., тот же К.И. Гаврилов, теперь уже профессор Тукуманского университета в Аргентине, напишет М.М. Новикову: «Столько воспоминаний всколыхнула весточка о Вас – хороших, очень теплых воспоминаний. Годы студенчества. Наши лаборатории. Ваши лекции. Сейчас глубоко ценю те основы, которые получил от Вас, и которые мне много помогают в моей работе. ⟨...⟩ Я сейчас профессор Тукуманского университета. У меня кафедра беспозвоночных, зоопсихологии (для зоологов) и общей биологии животных для медиков»[99].

О Праге тепло вспоминал и другой зоолог–эмигрант, участник семинара – Л.В. Черносвитов, уехавший в конце 1931 г. в Ар-

гентину, где он работал на Биологической субтропической станции «Лорето», вблизи г. Санта Анна. «Несмотря на все прелести здешней жизни, часто вспоминаю Европу и остаюсь европейцем в душе и думаю, что особенно долго здесь не досижусь. И страна и люди чужие, а порядки здесь такие, что ушам и глазам своим не веришь. Протекционизм, взяточничество и просто воровство здесь везде, и потому достичь здесь чего-нибудь, очень трудно. О пражских новостях знаю от мамы, у Вас там теперь тоже живется не очень сладко. Буду очень рад узнать, как Вы живете и что у Вас нового. В нашей глуши особенно ценишь все, что приходит из потустороннего мира – т.е. из Европы», – писал он в феврале 1932 г.[100] Спустя 7 лет, работая в Музее естественной истории Лондона, Л.В. Черносвитов, по-прежнему, скучал по пражской атмосфере: «Лондон вообще очень нравится, есть что-то общее с Петербургом, но только здесь мало пражского общества, без которого временами бывает скучно», – признавался он в феврале 1939 г.[101]

В фондах РЗИА (ГА РФ) сохранились письма и другого биолога – близкого друга М.М. Новикова по Праге профессора В.В. Ле-

Природоведческий факультет Чешского Карлова университета в Праге.
Фото Т.Н. Ульянкиной, 2011 г.

пешкина – председателя отделения естественных и прикладных наук РНУ, члена куратория Общества РСУ и члена президиума совета преподавателей университета[102]. В апреле 1927 г. он уехал в США, но, в конце концов, «осел» в Европе, получив место в Физиологическом институте медицинского факультета Венского университета[103]. В июле 1928 г. В.В. Лепешкин писал М.М. Новикову из университета в Урбане (штат Иллинойс, США): «Вообще же я, как Вы знаете, не собираюсь остаться в Америке, и по мере того, как я более и более знакомлюсь со здешнею учебною жизнью, для меня выясняется далеко не блестящее положение преподавания в университете, не говоря уже об управлении. По сравнению, например, с русскими университетами до войны. Хотя денег очень много, но вся организация неблагоприятна для развития науки. Положение профессоров, независимо от материальных условий, неважное»[104].

Русский культурно-исторический музей при РСУ. Конец «Русской акции»

Важным учреждением русской культуры, возникшим при поддержке Русского свободного университета, стал Русский культурно-исторический музей (РКИМ), открытый 29 сентября 1935 г. За два года до открытия музея М.М. Новикова избрали председателем Инициативной группы по организации музея, а с его открытием – он стал официальным директором РКИМ. Заведовал музеем инициатор его создания – Валентин Федорович Булгаков – писатель и бывший литературный секретарь Л.Н. Толстого, глава Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Поддержку музею оказали канцелярия президента ЧСР, Пражский художественно-промышленный комитет, меценат И.В. Кулаев (США). Для управления музеем была создана особая музейная комиссия РСУ. Благодаря поддержке чешского политика К. Крамаржа и его супруги Надежды Николаевны (ур. Хлудовой), музей удалось разместить в прекрасных помещениях Збраславского замка, расположенного в живописной местности в 40 км от Праги и принадлежащего промышленнику и меценату Ц.Бартонь-Добенину. Замок ежедневно посещали пражане и многочисленные туристы из других городов ЧСР и европейских стран.

Сотрудники РКИМа собирали предметы исторического характера (знамена, ордена, медали, редкое оружие, костюмы, иконы, портреты, картины, рисунки, гравюры, скульптуры, реликвии), непосредственно связанные с памятью о русских художниках,

артистах, режиссерах, балетмейстерах; предметы прикладного искусства, театральные макеты, клише, фотографии, фильмы, литературные альбомы. Такие объемные собрания позволили открыть в музее несколько отделений: архитектурное, художественное, русской старины, театральное, истории эмиграции, Пушкинское и др. Для пополнения новых коллекций музея и пожертвований в разных странах была введена должность члена-корреспондента Русского культурно-исторического музея – его полномочного представителя.

Залы музея украшали картины русских и иностранных художников: Ю.П. Анненкова, А.Н. Бенуа, И.Е. Репина, Н.К. Рериха, С.Н. Рериха, И.Я. Билибина, П.К. Клодта, К.А. Коровина, М.В. Рундальцова, Л.М. Браиловского, З.Е. Серебряковой, Н.С. Гончаровой, С.А. Мако, В.С. Сварога и др. Одной из важных задач музея стал сбор материалов для написания «Биографического словаря деятелей русской культуры, оказавшихся за рубежом[105].

В Библиотеке РКИМа были собраны литературные и научные произведения представителей русской культуры, находящихся за рубежом. Музей не ставил целью сбор материалов по истории участия России в Первой мировой войне, истории революции, Гражданской войны в России и истории русских беженских учреждений, поскольку это входило в компетенцию РЗИА в Праге[106]. И тем не менее со временем в музее был открыт зал, экспозиции которого были посвящены истории русской эмиграции. Предполагалось, что в будущем все коллекции РКИМа, как российское национальное достояние, будут переданы на родину.

В РЗИА в Праге (ГА РФ, Москва) сохранилось несколько писем В.Ф. Булгакова, адресованных М.М. Новикову. Они свидетельствуют, что к лету 1939 г. сложилось катастрофическое положение с финансированием музея. Ниже приведено письмо В.Ф. Булгакова от 18 июня 1939 г.[107]

Дорогой Михаил Михайлович,
сообщаю Вам, что начиная с сегодняшнего воскресенья 18 июня я закрыл музей и прекратил свои поездки в Збраслав. Причина: незаконное, без ведома и согласия моего и музейной комиссии, использование казначейством РСУ всех средств музея на другие цели и иссякновение моих личных средств, которыми я поддерживал музей, оказавшийся без денег. (Напомню, что и жалование мое, получаемое из средств музея, также незаконно задержано было канцелярией университета.) О том, что я стою перед перспективой закрытия музея, я предупреждал в Вашем отсутствии и.о. ректора университета В.С. Ильина письмом от 31 мая, но он

не нашел нужным предпринять какие бы то ни было шаги для исправления допущенной президиумом университета ошибки, и даже не ответил на мое письмо. Осталась безрезультатной и интервенция зам. председателя муз[ейной] комиссии проф. В.А. Брандта, произведенная по моей просьбе у и.о. ректора.

Прошу Вас о немедленном созыве музейной комиссии для обсуждения создавшегося положения. Предполагаю, что Вы уже в Праге, но не спешу в РСУ, т.к. при создавшейся обстановке, считаю посещение его бесполезным.

Искренне уважающий и преданный, Вал. Булгаков

18 сентября 1934 г. СССР стал действительным членом Лиги Наций. «С этого момента, – писала чешский историк А.В. Копршивова, – изменилось и дипломатическое положение СССР. ⟨...⟩ 2 мая 1935 г. Франция подписала с СССР новый договор (теперь уже не только на уровне де-факто, но и де-юре). Чехословакия подписала аналогичный договор 16 мая 1935 г. В начале июня министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш поехал в Москву – это была первая официальная поездка в СССР на столь высоком уровне. Подписание договора с СССР имело широкую поддержку чешской общественности. Представители Министерства иностранных дел хорошо знали, что СССР крайне отрицательно относится к помощи российским эмигрантам со стороны Чехословакии»[108]. С 1935 г. в соответствии с инструкциями Министерства иностранных дел прекратилась поддержка русских мигрантов со стороны официальных представителей государства, что сильно повлияло как на престиж проводимых совместных акций (например, «Дня русской культуры»), так и на их финансовую сторону. Изменилось чешское общество, прежнее его русофильство исчезало, а большинство представителей нового поколения демонстрировали левые, просоветские взгляды. Официальная поддержка русской эмиграции со стороны чехословацкого государства была прекращена. Приоритет получила новая политика, ориентированная на Советский Союз[109].

[1] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. New York: All Slavic Publishing Hause, 1956. С. 61.

[2] См.: Русские в Праге. 1918–1928 гг. / Под ред. С.П. Постникова. Прага, 1928; *Лосский Н.О.* Воспоминания: жизнь и философский путь. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1968; Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. 1995 год: сб. докл. // Славянская библиотека при Национальной библиотеке Чешской Республики: В 2 т. / Ред.-сост. З. Сладек, Л. Белошевская. Прага:

Karolinum, 1996; *Савицкий И.П.* Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919– 1939 гг. // Зап. РАГ в США. 2001–2002. Т. XXXI. С. 28–36. *Савицкий И.П.* «Русский Оксфорд» в Праге: 1919–1928 гг. // Там же. С. 87–137; *Пушкарев С.П.* Воспоминания историка. 1920–1945 гг.: русские студенты и чехословацкая «Русская акция» // Там же; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике. 1919–1929: В 2 т. Т. 1: 1930–1939 / Под ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский ин-т АН ЧР, 2000/2001; Воспоминания. Дневники. Беседы: русская эмиграция в Чехословакии) / Сост. и под ред. Л. Белошевской. АН ЧР, Прага: Славянский ин-т 2011.

3 *Ольга Р-Х.* Владыка Сергий Пражский // Зап. РАГ в США, 2001–2002. Т. XXXI. С. 158.

4 Там же. С. 157

5 Там же.

6 Независимость Чехословацкой Республики была провозглашена 28 октября 1918 г.

7 *Савицкий И.П.* «Русский Оксфорд» в Праге. 1919–1928 гг. С. 89.

8 См.: Там же. С. 87.

9 Там же.

10 *Новиков М.М.* Русский народный университет в Праге: отчет о деятельности за 1924–1925 учебный год. Прага: Изд-во РСУ, 1926. С. 31.

11 См.: *Савицкий И.П.* «Русский Оксфорд» в Праге: 1919–1928 гг. С. 92.

12 *Савицкий И.П.* Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919–1939 гг. // Зап. РАГ в США, 2001–2002. Т. XXXI. С. 31.

13 *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 252.

14 *Кускова Е.* Томаш Гаррик Масарик и русская интеллигенция. Париж: Совр. зап., 1930. Т. 42. С.404–422.

15 *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 220.

16 Почтовый адрес, который Новиков дает своим корреспондентам: Praha II, Ul. Karlova, Ustaw pro Zoologii.

17 Немецкое название г. Брно.

18 Письмо от 8 июня 1923 г. Цит. по: *Фокин М.М.* Судьба странствующего профессора. Михаил Новиков (1876–1965) // Русское слово. 2013. № 2. С. 26. Последний адрес Новиковых в Праге: Прага XIX, Дейвице, Вельварска, 420 (трамвай № 11 и 23).

19 *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 82–83.

20 Комитет возглавил бывший член I-й Государственной Думы, бывший профессор II Петроградского политехнического института, специалист по теплотехнике А.С. Ломшаков.

21 См.: Русские в Праге. 1918 – 1928 гг. / Под ред. С.П. Постникова. Прага, 1928. С. 78.

22 См.:Там же.

23 См.: *Савицкий И.П.* Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919–1939 гг. С. 32.

24 См.: *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.) / Под ред. И.Р. Плеве. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2012. С. 44–45.

25 См.: *Савицкий И.П.* Русский Оксфорд в Праге. 1919–1928 гг. С. 106.

26 Центральная организация Земгора была создана в Париже в феврале 1921 г. как неполитическая гуманитарная организация для защиты интересов рус-

ских беженцев перед иностранными правительствами и международными организациями. Основным источником его финансирования был Финансовый совет при Совещании послов, а также всевозможные частные пожертвования. С самого начала своей деятельности Земгор стремился привлечь внимание к нуждам русской эмиграции иностранных гуманитарных и частных благотворительных организаций, а также правительств отдельных стран. Его усилия увенчались успехом в славянских странах, где правительства (Югославии, Болгарии, Чехословакии) взяли на полное иждивение многие русские учебные заведения. Данные о Земгоре см.: *Simpson J.H.* The Refugee Problem. – Report of Survey. London; New York, Toronto: Oxford Univ. Press, 1939. P. 181–183.

[27] *Савицкий И.П.* «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. С. 106.

[28] Там же.

[29] См.: Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага. С. 78.

[30] См.: *Савицкий И.П.* «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. С. 87.

[31] ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 68. Письма от Института Восточной Европы в Риме, Зоологического факультета института им. Массарика в Берне, Русского научного института в Берлине и других организаций и учреждений М.М. Новикову. На нем. и чешск. яз.1923–1939 (Всего 123 Л.) Л. 19.

[32] Письмо А.А. Копылова – товарища председателя Комиссии по вопросу собирания и разработки материалов о положении высшей школы за границей – М.М. Новикову, от 19 декабря 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 68. На бланке правления Союза русских академических организаций за границей (на рус. и чешск.яз.) Прага, ул. Вышеградская 16. Автограф. Л. 4.

[33] *Новиков М.М.* Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. 1957. Кн. XLIX. С. 243.

[34] Там же. С. 244. См. также: Русская молодежь в высшей школе за рубежом. Париж: Изд-е Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (1922–1932), 1933. 64 с.; Русский учитель в эмиграции. Прага: Изд-во Объединения русских учительских орг-ций за границей, 1927. 286 с.

[35] Русские в Праге. 1918–1928 гг. С. 77.

[36] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. Нью-Йорк: All Slavic Publishing House, 1956.

[37] См.: Там же. С. 244.

[38] Личный архив М.М. Новикова в Бахметевском архиве Колумбийского университета содержит ряд важных документов, отражающих его профессиональную деятельность в Праге. Например, здесь находится удостоверение от 25.09.1939 г., выданное деканом факультета естественных наук Карлова университета в Праге, и подтверждающее, что «д-р Михаил Новиков, как приглашенный профессор, преподавал с зимнего семестра 1927/ 1928 учебного года до 1 марта 1935 года, работая в должности почетного профессора кафедры сравнительной анатомии и гистологии.» См.: Mikhail Mikhailovich Novikov's Collection – BAR (New York).

[39] Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию / Сост. М.М. Новиков. Прага, 1935. С. 3.

[40] *Новиков М.М.* Русские эмигранты в Праге. С. 250–251.

[41] *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 230.

[42] См.: *Струве П.Б.* Наши задачи // Россия (Париж). 1928. № 33. С. 1–2.

[43] *Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции. 1920–1930 гг. в собрании баронессы М.Д. Врангель // Архив Гуверовского ин-та в Стэнфорде. Stanford: Slavic Studies, 1995. Vol. 9. С. 22.
[44] Там же.
[45] См.: *Савицкий И.П.* «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. С. 106.
[46] См.: *Пушкарев С.П.* Указ. соч. С. 411.
[47] Там же.
[48] См.: Русские в Праге. 1918–1928 гг. С. 37.
[49] См.: Там же. С. 36–41.
[50] *Новиков М.М.* Русские эмигранты в Праге. С. 246.
[51] Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию / Под ред. М. Новикова. Прага: Русский свободный ун-т, 1935. С. 9; См. также: Съезды русских академических организаций за границей: 1-й съезд. 10–17 окт. 1921 г.; 2-й съезд. 9–16 окт. 1922 г. Прага, 1923; *Ковалев М.В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...» Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия и современный мир. 2013.
[52] Объединение Русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) основано в октябре 1921 г., в него входило 37 студенческих организаций. Организация существовала до конца 1934 г. См.: Отчет о первом съезде Академических организаций в Праге (10 –17 октября 1921 года) и заметка о деятельности правления съезда (по 1 июля 1922 года) // Труды русских ученых за границей. Берлин: Слово, 1923. Т. II. С. 325.
[53] *Савицкий И.П.* Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919–1939 гг. С. 32.
[54] *Новиков М.М.* Русские эмигранты в Праге. С. 246.
[55] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 61.
[56] См.: ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д.77. Новиков Михаил Михайлович. Мат. II–III, IV, V съездов Русских ученых за границей: программы занятий, списки делегатов и отзывы в газетах о съездах. 1924 –1930. 55 листов.
[57] См.: Там же. Л. 18.
[58] См.: Там же. Л. 32.
[59] См.: Там же. Л. 48–55.
[60] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 65.
[61] Кроме Русского народного университета Земгор основал в Чехословакии Русский зарубежный исторический архив, Русскую народную библиотеку, Русскую реальную гимназию в Праге, Автомобильно-тракторную школу, Русское высшее училище техников путей сообщения и др.
[62] См.: *Изгоев А.С.* Народный университет: письмо из Праги // Руль. 1923, 6 июля.
[63] См.: Положение о Русском народном университете в Праге // РЗИА, ГАРФ, Москва. Ф. 6767. Михаил Михайлович Новиков. Оп. 1. Д. 74. Л. 57–62. 6 л., машинопись.
[64] Там же. Л. 58.
[65] Там же.
[66] См.: Там же.
[67] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. С. 336.
[68] *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже: 1901–1906 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 77.
[69] Городской народный университет Шанявского был основан в Москве 26 июня 1908 г. на средства, пожертвованные А.Л. Шанявским. В нем было два от-

деления: научно-популярное, где давалось среднее образование тем, кто не мог получить его в гимназиях, реальных училищах и т.п.; академическое, где образование шло по двум направлениям: в области естественных и общественно-философских наук. Была также широко развита организация курсов (от 2-х недельных до годовых) для подготовки повышения квалификации кооперативных работников, библиотекарей, заведующими отделами народного образования в земствах, агрономов и т.д.

В основу преподавания была положена предметная система, т.е. каждый слушатель мог записаться на любой предмет или цикл преподавания. Прекрасное оборудование кабинетов и лабораторий и квалифицированный состав преподавателей, среди которых была целая плеяда профессоров, ушедших из Московского университета в знак протеста против политики министра народного просвещения Кассо, высоко подняли авторитет университета, как учебного заведения. Ректором университета был избран профессор Н.В. Давыдов. После Октябрьской революции существование Университета Шанявского как учреждения, «не отвечающего по своим идеологическим установкам задачам советской высшей школы, потеряло всякий смысл». Требование автономии шло вразрез с принципами большевиков иметь только государственные образовательные учреждения. Народный университет был взят в ведение государства, а через несколько недель – в конце 1918 г., ввиду финансовых затруднений, был закрыт, а фактически, «объединен» с Московским государственным университетом. См.: Университет Шанявского // Большая советская энциклопедия / Ред. О.Ю. Шмидт. Т. 68. С. 83; *Изгоев А.С.* Народный университет: письмо из Праги.

[70] См.: *Новиков М.М.* Русский народный университет в Праге: отчет о деятельности за 1923/24 учебный год. Прага: Изд-во РНУ, 1925; *Новиков М.М.* Русский народный университет в Праге: отчет о деятельности за 1924/25 учебный год. Прага: Изд-во РНУ, 1926. *Новиков М.М.* Новый тип университета. Прага, 1933; *Новиков М.М.* Пять лет работы Русского народного университета в Праге: 1923–1938. Прага: РНУ, 1938; *Новиков М.М.* Русскому народному университету – 15 лет. Прага, 1938.

[71] См.: *Новиков М.М.* Русский народный университет в Праге: отчет о деятельности за 1925–1926 учебный год. Прага, Б.г. С. 19; Реорганизация Народного университета // Возрождение (Париж) 1925. № 171; 20 ноябр.; *Аксенова Е.П., Досталь М.Ю.* Русский свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // Архив. 1999. № 5, сент.–окт.

[72] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 256.

[73] *Булгаков В.Ф.* Дневники II (запись от 9 декабря 1925 г., Прага) // Воспоминания. Дневники. Беседы (Русская эмиграция в Чехословакии) / Сост. и под ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский ин-т АН ЧР, 2011. С. 322–323.

[74] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. С. 343.

[75] Русский народный университет в Праге: отчет о деятельности в 1925/1926 учебный год. Прага, 1927. С. 19.

[76] См.: *Серапионова Е.П.* Пражский Земгор и его деятельность // Записки РАГ в США, 2001–2002. Т. XXXI. С. 192.

[77] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека: 1920–1970. Paris: Librarie des Cinq Continents, 1971. С. 16.

[78] См.: Материалы II – III, IV, V съездов Русских ученых за границей: программы занятий, списки делегатов и отзывы в газетах о съездах. 1924 –1930 // Русский

зарубежный исторический архив – РЗИА (ГА РФ, Москва). Ф. 6767. Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1. Д. 77. 55 л. Протоколы собраний членов зоологического семинара при Карловом университете, руководимого М.М. Новиковым и другие материалы семинара. Подлинные. 1924 // РЗИА (ГА РФ, Москва). Ф. 6767. Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1. Д. 76. 55 л. Устав, программы, деятельности, списки профессоров, и другие материалы Русского свободного университета в Праге. 1923. 1929 // РЗИА (ГА РФ, Москва). Ф. 6767. Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1. Д. 74. 391 лист. Машинопись. Л. 308.

[79] *Савицкий И.П.* « Русский Оксфорд» в Праге. С. 124.

[80] Там же.

[81] См.: *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). С. 206–207.

[82] См.: Там же. С. 207.

[83] См.: *Савицкий И.П.* « Русский Оксфорд» в Праге: 1919–1928 гг. С. 116.

[84] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. 1952. С. 345.

[85] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике: С. 256–257.

[86] Там же. С. 273.

[87] Письмо М.М. Новикову от неизвестного лица, 17-го февраля 1939 г. // ГАРФ. Ф. Р- 6767. Оп. 1. Д. 68. Машинопись, Л. 1.

[88] См.: *Ильин В.С.* Указ. соч.; *Аксенова Е.П., Досталь М.Ю.* Русский свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // Междунар. исторический архив, 1999. № 5, сент.-окт.

[89] L' homomorphie comme base methodologique d'une morphologie compare // Bull. de l'Assoc. russe pour les rech. scient. a Prague.V, 1936; Sur le question des rapports entre la forme et la fonctions des organismes // Bullet. de l'Assoc. russe pour les rech. scient. a Prague. VI, 1937.

[90] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 263. В эти годы пражская группа Художественного театра имела в своем составе таких первоклассных актеров, как Германова, Греч, Краснопольская, Крыжановская, Вырубов, Дуван-Торцов, Масалитинов, Павлов и др.

[91] *Новиков М.М.* Московский университет в первый период большевистского режима // Московский университет (1755–1930). Юбилейный сборник по случаю 175-летия Московского университета / Под ред. И.Б. Ельяшева, А.А. Кизеветтера, М.М. Новикова. Париж: Совр. зап., 1930. С.192. См. также: *Ковалев М.В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной исторической памяти // Диалог со временем, 2008. Вып. 25/2. С. 132.

[92] См.: Протокол 1-го собрания «Кружка русских зоологов в Праге», от руки // ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 76. Протоколы собраний членов зоологического семинара при Карловом университете, руководимого М.М. Новиковым, и другие материалы семинара.. 1924. 55 листов. Л. 19.

[93] Весной 1924 г. Комитет по обеспечению образования русских студентов в ЧСР выдал зоологам 1.800 чешских крон на устройство научных экскурсий. См.: Отчет об экскурсиях, организованных Русским зоологическим семинаром в Праге в 1924 году. ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 76. Л. 35–37. Машинопись.

[94] См.: Протокол заседания Кружка русских зоологов в Праге, проходившего 8 июня 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р- 6767. Оп. 1. Д. 76: Протоколы собраний членов зоологического семинара при Карловом университете, руководимого М.М. Новиковым, и другие материалы семинара.1924. 55 листов. Л. 18, от руки.

[95] См.: Протоколы собраний членов зоологического семинара при Карловом университете, руководимого М.М. Новиковым, и другие материалы семинара. Подлинники. 1924. Л. 12.

[96] См.: *Новиков М.М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935. С. 28–29.

[97] См.: *Ильин В.С.* Возникновение и деятельность Русского научно-исследовательского объединения в Чехословакии. Прага: Русский свободный ун-т, 1938. С. 19.

[98] К.А. Гаврилов (Буэнос-Айрес) – М.М. Новикову (Прага), от 4 марта 1939 г.// ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 52а. Автограф. Л. 2.

[99] К.А. Гаврилов (Буэнос-Айрес) – М.М. Новикову (Найяк, шт. Нью-Йорк), от 1 июля 1951 г., от руки // Бахметевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке – Bakhmeteff Archive (BAR), Rare Book and Manuscript Library, Columbia: Univ. Libraries; New York: Ms. Coll. Novikov. Box 1–6.

[100] Черносвитов Л. (Лорето, Аргентина) – М.М. Новикову (Прага), 5 февраля 1932 г. 1 л., с оборотом, от руки. Адрес по испански –Dr. L. Chernosvitov, Estucoion Experimental de Loreto, Santa Ana, Misiones, Argentina // ГА РФ, Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 60: Письма Л. Черносвитова М.М. Новикову, февраль 1932 – февраль 1939. Автограф. Л. 1.

[101] Черносвитов Л.(Лондон) – М.М. Новикову, 28 февраля 1939 г. Адрес Черносвитова: 21, Matheson Road, London W. 14. Автограф, от руки (выборочно) // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 60: Письма Л. Черносвитова М.М. Новикову, февраль 1932 – февраль 1939. Автограф. Л. 2–3.

[102] Письма Владимира Васильевича Лепешкина М.М. Новикову, январь 1928 – июнь 1934 // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 50а.

[103] Лепешкин В.В. – М.М. Новикову (Прага), 29 января 1928 г. //ГА РФ. Ф. Р- 6767. Оп. 1. Д. 50а. Л. 2.

[104] Лепешкин В.В. – М.М. Новикову (Прага), 2 июля 1928 г. // РЗИА (ГА РФ). Ф. Р-6767. Оп. 1. Ед.хр. № 50а. Автограф. Л. 4–5.

[105] Каталог художественных собраний Русского культурно-исторического музея при РСУ в Праге / Сост. В.Ф. Булгаков, А. Юпатов. XVIII с.

[106] Русский заграничный исторический архив. Прага: Изд-е архива, 1930.

[107] Булгаков В.Ф (Прага) – М.М. Новикову (Прага), 18 июня 1939 г. Авториз. машинопись, на бланке РКИМ // ГАРФ.Ф.Р- 6767. Оп.1. Д. 41а. Письма В. Булгакова М.М. Новикову. Биография В. Булгакова, май 1939 – июнь 1939. Д.3. Подробно об истории деятельности РКИМ см.: Русское искусство за рубежом / Сост. В. Булгаков, А. Юпатов. Прага; Рига, 1938. (Это издание включило первую публикацию В.Ф. Булгакова «Русский Культурно-исторический музей в Праге».); *Булгаков В.Ф.* Русский Культурно-исторический музей в Праге // Ариаварита. 1999. № 3. С. 149–198; *Булгаков В.Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого / Под ред. А.А. Донскова. М.: Куликово поле, 2012.

[108] *Копршивова А.В.* Пушкинский юбилей 1937 года в Чехословакии на фоне политической обстановки // Зап. РАГ в США. Т. XXX: 1999–2000. С. 251–259.

[109] Там же.

Глава 5

Научная деятельность М.М. Новикова в Чехословакии

М.М. Новиков положил много сил на развитие зоологии и сравнительной анатомии в Праге, а затем в Братиславе, оставив после себя обширное и разнообразное научное наследство – сотни научных статей, опубликованных на русском, чешском, немецком языках. Его исследования этого периода относятся к разным разделам естествознания, таким как зоология, сравнительная анатомия, эмбриология, систематика, цитология и др., и касаются представителей различных групп беспозвоночных и позвоночных животных. Новиков вспоминал: «Разбросанность жизни, как по двум направлениям работы, так и в смысле чисто географическом... ⟨...⟩ отразилась и на пестроте моих публикаций. Даже в наиболее спокойный и устойчивый период жизни, а именно в Праге, где я прожил 16 лет, я должен был часто путешествовать, то в провинцию для чтения лекций, то на различные торжественные собрания, то на Виллафранковскую приморскую станцию, или на международные съезды[1]. Все это вело к перерывам в лабораторных занятиях, но в то же время – к возникновению новых тем для научного исследования. Мои ученые работы были опубликованы в различных странах Европы и Америки, в общем, на девяти языках. Это обстоятельство весьма затрудняет представление об их совокупности»[2].

Научную работу в Праге в 1923 г. 47-летний М.М. Новиков решил, как говорится, «начать с конца» – пытаясь возобновить те исследования, которые не успел закончить в Московском университете. Они касались выяснения роли микроорганизмов в плодородии почвы. Две первые статьи, посвященные этой теме, были опубликованы в Москве[3] и Гейдельберге[4]. Новиков так описывал дальнейшее развитие событий: «Один из германских сахарных заводов, заинтересованный моей брошюрой, пригласил меня к себе для продолжения опытов. Но, собираясь в то время переезжать в Прагу, я должен был отклонить это предложение. А из Праги мне пришлось съездить в Венгрию, в город Szombathely, чтобы прочитать там доклад на съезде садоводов, которые также увлеклись перспективами увеличения плодородия почвы. Продолжить работы в этом направлении мне, однако, не удалось из-за недостатка подходящей обстановки в Праге. По переезде в Братиславу я снова к ним вернулся, и один из моих ассистентов начал вплотную

	Coelenterata	Vermes	Arthropoda	Mollusca	Echino-dermata	Chordata
I	1 R N	4 P R N	8 N R P	12 L R P N	16 R	19 R P N
II	2 N N R	5 R N	9 L R N	13 R N	17 R N	20 L R N
III	3 L N R	6 L N	10 L R N	14 L R N	18 R N	21 L R N
IV		7 R N	11 R N	15 R N	T	T

Схематическое изображение явления параллелизма на примере анатомического строения глаз у различных групп животных в статье М.М. Новикова «Das Prinzip der Analogie und die vergleichende Anatomie» (1930).

См.: *Hermann T., Kleisner K.* The Five «Homes» of Zoologist Mikhail M. Novikov (1876–1965). Analogy and Adaptation in One's Life and as a Principle of Biological Investigation // Jahrbuch für Europaische Wissenschaftskultur, 2005. Bd. 1. P. 118

заниматься ими. Что он делает теперь, после моего бегства на Запад, мне не известно»[5].

В 1924 г. М.М. Новиков переключился на одну из главных тем своих прежних исследований, которую ранее он интенсивно разрабатывал в России, – на сравнительно-анатомическое изучение строения органов зрения беспозвоночных. Исследование пришлось проводить на срезах дневных и ночных бабочек, заготовленных для него дочерью Татьяной, – «изумительной мастерицей делать микроскопические препараты»[6]. Затем он перешел к изучению анатомических особенностей строения сложных глаз ракообразных, моллюсков, насекомых.

Все работы М.М. Новикова находились под пристальным вниманием западноевропейских коллег, которые для перепроверки результатов ученого, регулярно запрашивали его микроскопические препараты. Прежде всего, Новиков выяснил, что микроскопические образования в виде палочек и оболочек (рабдомы),

которыми снабжены зрительные клетки членистоногих и некоторых других животных, и которые, по мнению известного профессора Берлинского университета Р. Гессена, считались приспособлением для переработки световой энергии в нервную, подобно палочкам и колбочкам наших глаз, «на самом деле представляют собой не что иное, как светопреломляющие аппараты, содействующие световому раздражению зрительных клеток»[7]. И еще: « Благодаря своей прозрачности и сильной светопреломляемости... ⟨...⟩ они (рабдомы. – *Т.У.*) распределяют световые лучи по всей длине зрительной клетки»[8]. Свои выводы Новиков изложил на Международном конгрессе зоологов в Падуе (1930). Профессор Р. Гессен, присутствующий на съезде, признался, что Новиков прав и он не может привести никаких существенных возражений. Председательствующий на этом же заседании академик А.Н. Северцов, увлеченный докладом М.М. Новикова, так же всецело стал на его сторону[9]. Вскоре выводы М.М. Новикова были подтверждены исследованиями чешского геоморфолога, профессора Фрица Махачка из Карлова университета в Праге, а в начале 40-х гг. XX в. ассистент М.М. Новикова в Братиславском университете И. Зморай доказал, что рабдомы сложных глаз «представляют собой кутикулярные образования, выполняющие диоптрическую функцию»[10].

Первое. М.М. Новиков, занимаясь много лет сравнительным изучением органов зрения, разработал их научную классификацию, что в научном мире приравнено к научному открытию. Он предложил четыре основных морфологических типа ретины: **плоской, мешковидной, пузыревидной и выпуклой**. «Все эти формы выступают с большей или меньшей отчетливостью в каждом из главных типов многоклеточных животных начиная с кишечнополостных и кончая наиболее сложно организованными хордовыми»[11]. Со времени Чарльза Дарвина считалось, что сходство органов есть результат наследственности; такое сходство получило название **гомологии.** Новиков показал, что в природе встречаются и параллелизмы другого рода, которые никак не могут считаться выражением генетического родства, как, например, крылья птиц и крылья насекомых. Такое сходство называли **аналогией** и считали его приспособлением к одинаковой функции, например к полету. Используя современные научные данные, Новиков разделил взаимоотношения между формой и функцией на три категории явлений: когда функцию можно рассматривать как основу для возникновения формы; когда форма

развивается независимо от функции и когда форма предшествует функции[12].

Второе. М.М. Новиков сделал принципиально важный методологический вывод: сходство в строении органов зрения может быть объяснено не только их генетической общностью, т.е. **гомологией,** оно включает и **аналогию**, т. е. биологический механизм приспособления к выполнению одинаковой функции. В своих трудах Новиков описал множество примеров параллелизма в строении органов зрения, не связанного с их общим происхождением или филогенетическим родством.

Третье. Принцип аналогии в основных процессах формообразования живой природы М.М. Новиков проследил и на других объектах, в частности, на разных физиологических системах: нервной, половой, опорно-двигательной, а также на различных кожных покровах, в том числе раковинах моллюсков, «светящихся» органах и проч. Новые данные привели ученого к открытию общих законов морфологического формообразования.

Четвертое. Использование принципа аналогии позволило М.М. Новикову ввести в сравнительную анатомию новый, так называемый **номотетический метод**. В 1928 г. на X Международном конгрессе зоологов в Будапеште Новиков сделал доклад на тему: «Принцип аналогии в сравнительной анатомии»[13]. В 1930 г. в защиту аналогии он выпустил в свет в венском издательстве Gustav Fisher Verlag монографию «Das Prinzip der Analogie und die vergleichende Anatomie» – «Принцип аналогии в сравнительной анатомии», вызвавшую огромный резонанс в научном мире[14]. В этой монографии Новиков подробно проанализировал понятие «аналогия», классифицировав все явления, объединенные этим понятием, на три группы: **типичная аналогия,** когда сходство органов зависит от их функций; **изоморфия,** когда сходство органов зависит от внешней среды и **гомоморфия,** когда сходство является следствием общих законов органического формообразования.

К чести М.М. Новикова, нужно отметить, что он был чрезвычайно добросовестен в своих анатомических исследованиях, поэтому, практически все его теоретические выводы рано или поздно были подтверждены оппонентами. Новиков вспоминал, что свои научные победы считал победами «**ради русского имени**», ссылаясь на любимое выражение Д.И. Менделеева[15]. Позже он находил свои анатомические рисунки во многих русских и иностранных учебниках. «Даже в одном из советских руководств я нашел такое изображение, однако, без обозначения имени автора»[16].

В монографии «Принцип аналогии в сравнительной анатомии» М.М. Новиков противопоставил типологический метод сравнительного изучения организмов историческому методу немецкого анатома Карла Гегенбауэра (Karl Gegenbauer, 1826–1903). Он писал: «Во времена расцвета дарвинизма изучению эволюции приписывалось исчерпывающее значение. После того как удалось выяснить происхождение животных форм, как, например, современного однопалого коня от ископаемого Eohippus, стало казаться, что перед учеными развертывается полная картина эволюции жизни на земном шаре и что в связи с этим можно будет разрешить проблему возникновения примитивных живых организмов. Поэтому Гегенбауэр и отверг принцип аналогии как излишний для сравнительной анатомии. Но первоначальные восторги по поводу исторического метода с течением времени потускнели, многие выдающиеся ученые совершенно отвернулись от него, другие почувствовали, что не в силах оправдать возложенных на него надежд. При этих обстоятельствах я и думаю, что наряду с историческим методом, значение которого я отнюдь не отрицаю, может и должен быть поставлен метод типологический. Ни тот, ни другой не в состоянии разрешить основную проблему жизни. Но совместными силами они успешнее могут продвигаться по бесконечному пути научно-исследовательской работы, обогащая науку новыми сведениями о живой природе, интересными как с теоретической точки зрения, так и в смысле их практического применения»[17].

Ученые разных стран дали высокую оценку монографии М.М. Новикова. Так, итальянский профессор Г. Колоси (G. Colosi) указал в рецензии в журнале «Bolletino di zoologia», что исследование Новикова «проработано блестяще» («brillantemento preconizzato»)[18], и что его книга «представляет собой фундаментальное явление в области теоретической морфологии; она предназначена служить краеугольным камнем для обновления, в котором эта наука нуждается»[19]. В другом австрийском журнале имя Новикова было поставлено в один ряд с такими выдающимися теоретиками биологии, как Гегенбауэр, Мекель, Гексли, Бючли, Чолок[20].

Успех побудил М.М. Новикова продолжать исследования по поиску параллелизмов гомоморфического характера. Он анализировал кожные покровы, скелетные элементы, органы движения, нервной системы, пищеварительной и дыхательной системы и др., и всюду находил примеры параллелизма. Существенной поддержкой для него стало издание авторитетным чешским ботаником Богумилом Немецом (B. Nemec) статьи «Исследование аналогии у растений» («Poznámky o analogiich rostlin»), где автор

описал те же закономерности в растительном мире, которые ранее Новиков открыл в мире животных.

Наиболее подробный обзор по гомоморфизму был опубликован М.М. Новиковым в «Записках научно-исследовательского объединения Русского свободного университета в Праге» (1937)[21] и – в немецком журнале Acta biotheoretica, издаваемом в Лейдене (1938)[22].

М.М. Новиков, благодаря своим научным трудам и попыткам реформировать сравнительную анатомию, проложил путь, по которому пошли не только биологи, но и ученые других специальностей. Тем не менее, историки биологии признавали, что «Новиков в своем подходе, при всей самостоятельности его научных работ отражал общие тенденции времени. Неокантианство Виндельбанда и Риккерта было крайне популярно в то время среди немецких и русских ученых, повлияв на представления о научности в целом и на развитие морфологии и теоретической биологии, в частности»[23].

Свои научные идеи М.М. Новиков использовал при составлении учебника для студентов университета. Речь идет о прекрасно иллюстрированном «Руководстве по сравнительной морфологии беспозвоночных животных» на чешском языке, изданном Чешской академией наук и искусств в 1930 г. В 1936 г. в Праге в том же издательстве на чешском языке вышел другой его учебник «Основы сравнительной морфологии беспозвоночных» – «Základy srovnavaci morfologie besobratlých»[24].

Тесное общение М.М. Новикова с учеными разных специальностей на международных научных съездах, в том числе и в период работы съездов русских академических организаций за рубежом, позволяло ему значительно расширить масштабы своей биологической концепции гомоморфизма. Так, в начале 30-х гг. XX в., в своих теоретических статьях он часто обращается к сходным идеям параллелизма в гуманитарных науках. Он широко цитирует работы русского историка Н.Я. Данилевского («Россия и Европа», 1869), немецкого философа и историка Освальда Шпенглера (Spengler) (1921), французского философа Поля Массон-Урсель (P. Masson-Oursel'a, 1923), швейцарского культуролога В. Диона (W. Deonna, 1922). Среди лингвистов он ссылается на труды русского профессора-слависта Н.С. Трубецкого (Венский университет), разработавшего учение о фонемах (фонологию) – сравнительном изучении национальных вокальных систем, подверженных определенным правилам и законам. М.М. Новиков считал, что описание «фонологических сходств»

в лингвистике созвучно «гомоморфиям» в сравнительной анатомии. «Не будучи специалистом в филологических науках, я не рискую утверждать тождества между фонологическими сходствами и гомоморфиями сравнительной анатомии, но несомненно, что работа человеческой мысли протекает и здесь и там в одном направлении», – писал он[25]. Одновременно русские лингвисты в Праге (Р.О. Якобсон и др.) открыли для себя идеи о параллельной эволюции и гомоморфизме[26].

Выдающийся лингвист XX в., русский эмигрант Роман Якобсон писал: «…лингвистике угрожает опасность оказаться естественно-исторической наукой в большей мере, нежели самому естествознанию. Позволим себе сослаться на таких выдающихся ученых, как Л. Берг, А. Майер, М. Новиков, Г.Ф. Осборн, Л. Плейт[27]. Прежнему атомизму ныне противостоит концепция целого, детерминирующего все свои части. Если ортодоксальный эволюционизм учит, что "сходство в строении органов необходимо принимать во внимание лишь в том случае, если оно указывает на то, что обладатели этих органов происходят от одного и того же предка", то в наше время исследователи придают значение сходствам вторичным – либо приобретенным вследствие конвергирующего развития организмами родственными, либо усвоенными организмами абсолютно разного происхождения...Конвергирующее развитие, охватывающее необъятные массы индивидов на обширной территории, следует рассматривать как господствующий закон»[28].

Таким образом, еще в 1920–1940-х гг. М.М. Новиков сформулировал важнейшие теоретические обобщения в области эволюционной морфологии. Некоторые историки биологии объединяют теоретические работы Новикова с трудами других русских биологов: Н.И. Вавилова, Л.С. Берга, В.А. Догеля и др., поскольку все они были сосредоточены на изучении параллелизмов в живой природе и открытиях новых закономерностей преобразования живых форм. В Советской России знали о работах Новикова, использовали и развивали его идеи, но, к сожалению, имя его обходили молчанием по политическим соображениям[29].

Безусловно, «пражский» период был одним из самых плодотворных в научной карьере М.М. Новикова. Его труды обогатили не только русскую и чехословацкую, но и мировую науку. Как писал историк Русского зарубежья П.Е. Ковалевский: «Русская наука была всегда склонна к общечеловеческому и всемирному, и нет той области знания, которую она не затронула бы. Русские никогда не замыкались в своей национальной культуре и история и жизнь других народов были для них так же близки, если не

Чехословацкий паспорт
(документ идентичности) М.М. Новикова.
Национальный архив ЧСР.
(DSC00448JPG)

ближе, чем жизнь своей страны. Поэтому русская наука могла оценить многие события извне, без национальной предвзятости, и с большею объективностью подходить к мировым явлениям»[30].

За 16 лет пребывания в Чехословакии М.М. Новиков сумел полностью ассимилироваться в чешской научной среде и положил много сил на развитие зоологии и сравнительной анатомии в этой стране. После него осталось обширное и разнообразное научное наследство в виде сотни научных работ, опубликованных в различных чешских и иностранных журналах. Они относятся к различным отделам науки о жизни – зоологии, сравнительной анатомии, эмбриологии, систематике, цитологии, истории науки, философии.

Участие М.М. Новикова в международных научных съездах

М.М. Новиков был убежден, что современный ученый-одиночка не в силах самостоятельно охватить крупные отрасли науки, поэтому, не случайно, в XX в. исследовательская работа принимает «соборный характер»[31]. Конечно, взаимодействие с коллегами может происходить в форме журнальной или книж-

ной полемики. Но в этом случае, дискуссия растягивается на длительный период времени, тогда как при личном общении на съезде, важные вопросы могут быть разрешены в короткое время. «В этом заключается громадное значение научных съездов. На них совершается как бы оплодотворение исследовательской работы путем обмена мнений. ⟨...⟩ И наконец, личное общение множества ученых, работающих в сходных областях знания, ⟨....⟩ повышает их исследовательский энтузиазм», – писал он[32].

В Чехословакии М.М. Новиков активно включился в международную научную жизнь. Участвуя в работе международных конгрессов и съездов в Европе, он не только мог обсудить свои собственные результаты, но имел уникальную возможность лично встречаться с биологами из разных стран мира, в том числе с русскими эмигрантами, а также – со своими коллегами из Советской России. Участие в международной научной жизни европейских ученых открывало Новикову дверь во внешний мир, расширяло масштаб его связей с людьми, серьезно интересовавшихся наукой[33].

Первым съездом, в котором М.М. Новиков принял участие, был Съезд по изучению раковых заболеваний в Гейдельберге, проходивший в 1906 г., на котором он встретился с И.И. Мечниковым (см. главу 1). А вслед за тем, в том же Гейдельберге, он посетил Съезд физиологов, где он (первый и единственный раз в жизни) встретился с первым русским Нобелевским лауреатом И.П. Павловым. В 1910 г. на Международном съезде зоологов в Граце (Австрия) Новиков с успехом прочел доклад о теменном глазе, и стал непременным участником всех последующих съездов ученых-зоологов, созывавшихся обыкновенно каждые три года. В 1913 г. он посетил Международный съезд в Монако, где сделал сообщение о траэкториальном строении хряща. Здесь он познакомился с принцем Альбертом, который настолько серьезно интересовался зоологией и океанографией, что сам стал участником экспедиций по изучению морских глубин Средиземного моря и организатором в Монако великолепного музея с аквариумом.

Попав в Чехословакию, М.М. Новиков уже в мае 1923 г. принял участие в ежегодном Съезде немецкого зоологического общества в Лейпциге, а в 1927 г. стал участником Съезда Французской ассоциации анатомов, проходившем в Праге, где он был избран действительным членом этой организации. На одном из пленарных собраний Зоологического съезда, проходившего в 1928 г. в Будапеште, Новиков выступил с докладом о значении типологического метода в сравнительной анатомии. В работе этого съезда

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
В ПРАГѢ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ТОМ V

VĚDECKÉ PRÁCE
RUSKÉ LIDOVÉ UNIVERSITY
V PRAZE

—

TRAVAUX SCIENTIFIQUES
DE L'UNIVERSITÉ POPULAIRE
RUSSE DE PRAGUE

—

ПРАГА

1933

**Обложка ежегодника
«Научные труды Русского
народного университета в Праге»,
1933**

принимали участие несколько коллег Новикова из СССР. Среди них был и его приятель П.П. Сушкин, ставший к этому времени действительным членом Академии наук СССР[34]. Затем последовали приглашения к участию в съездах Французской ассоциации анатомов в 1929 г. (Бордо, Франция), в 1931 г. (Варшава, Польша), и в 1936 г. (Милан, Италия). В Бордо Новиков сделал научный доклад о чешском ученом Пуркинье, а в неофициальном выступлении рассказал о деятельности Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер (Франция), президентом попечительского комитета которой он стал в 1924 г. На варшавском съезде в 1931 г. Новиков прочел доклад «L'anatomie compare comme science exact", в котором обосновал свою идею о том, что сравнительная анатомия должна пользоваться, наряду с историческим, также типологическим методом исследования, характерным для точных наук[35]. Со временем у Новикова установились приятельские отношения с польскими коллегами и, благодаря ему, польские ученые часто пользовались гостеприимством Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер.

В 1930 г. на Съезде зоологов в Падуе (Италия) М.М. Новиков сделал доклад о своем открытии кутикулярных свойств рабдома. Здесь он встретил коллегу по Московскому университету, академика А.Н. Северцова. «Заметив, что он (Северцов. – *Т.У.*) в противоположность Сушкину, побаивается демонстрировать наши земляческие отношения, я пригласил его в уединенную кофейную, притом в неурочное время, когда она совершенно пустовала. Он охотно согласился, но когда мы с ним по душам разговаривали, он все время озирался по сторонам. На мое недоумение по этому поводу он заявил, что это результат нового московского воспитания, против которого он бессилен», – вспоминал Новиков[36].

В докладе на конгрессе Французской ассоциации анатомов, проходившем в 1936 г. в Милане, Новиков сформулировал принцип гомоморфии как основы сравнительно-морфологических исследований. Конгресс проходил «в период расцвета фашизма, под знаком строжайшего соблюдения порядка, столь несовместимого раньше с натурой итальянцев»[37].

В сентябре 1937 г., на IV-м Международном конгрессе по истории науки и техники, проходившем в Праге, М.М. Новиков мог встретиться с профессорами: С.И. Метальниковым (Париж), С.Н. Салтыковым (Белград), Н.М. Поповым (Софийский университет), а также А. Титовым (Париж), Я. Гинсбургом (США) и Ч. Карпинским (США), чьи выступления были заявлены в программе[38]. Из советских ученых на этом конгрессе были заявлены:

профессора М. Блох (Ленинград), В.М. Коган-Ясный (Харьков), А.В. Маракуев (Владивосток), Д. Прянишников (Москва), В.Н. Стефко (Москва) и В. Струве (Ленинград). На торжественном открытии конгресса М.М. Новиков выступил с приветственным словом, а также сделал доклад о ходе развития биологических наук в России. «Эта область была иностранцам мало известна, а потому доклад мой привлек внимание, особенно французов. ⟨…⟩ Но, к сожалению, съезд был недостаточно умело организован, его ученые труды не могли быть быстро напечатаны, а затем опубликование их сделалось невозможным из-за наступления военных событий»[39].

В качестве бывшего и последнего демократически выбранного ректора Московского университета М.М. Новикова часто приглашали на открытие разных обществ, институтов, юбилейные конференции. Так, в мае 1937 г. он был приглашен на торжества по случаю празднования 400-летнего юбилея Лозаннского университета (Швейцария, 4–8 июня 1937 г.) (См. Часть третья. Переписка), где, как глава делегации, выступил от имени русских ученых-эмигрантов. Представителей Советской России туда не пригласили. Приглашение Новикову пришло от В.А. Маклакова – председателя Парижского комитета. В качестве представителя бывшего русского студенчества на празднование в Лозанну был приглашен также В.Б. Ельяшевич. По воспоминаниям В.А. Маклакова, при обсуждении кандидатуры Новикова в Париже «....все согласились с тем, что последний выборный ректор – это есть просто перст провидения»[40]. Среди других русских эмигрантов, приглашенных для участия в юбилее, были П.Н. Милюков[41], Л.И. Кепинов – из Франции, И.А. Ильин – из Германии (Берлин). Как писал М.М. Новикову В.Б. Ельяшевич, «400-летний юбилей, особенно, принимая во внимание отношение Лозаннского университета к русской эмиграции, требует торжественной, по возможности, многоголовой делегации… Само собой, естественно, говорить речь от имени делегации, придется Вам. Необходимо, конечно, чтобы говорил выбранный ректор»[42].

Помощь в приеме высокого гостя в лице М.М. Новикова в Швейцарии, по просьбе Лозаннского университета, оказывал профессор Н.А. Ульянов. «Я это делаю с тем большей охотой, что сам собирался написать Вам, чтобы сговориться о встрече еще до начала официальных торжеств. Я знаю, что Вы приезжаете в четверг, в 9 ч. 53 м. утра и остановитесь в Hotel Beausejour. Я приду на вокзал встретить Вас», – писал он Новикову[43].

М.М. Новиков вспоминал, что «душой» юбилейных торжеств в Лозанне оказался ректор (канцлер) Лозаннского университета – профессор Франк Оливье, «милейший пожилой госпо-

дин высокого роста с седой бородой и приветливым лицом. ⟨…⟩ Он с распростертыми объятиями встретил нас и во все время съезда оказывал нам исключительное внимание. Торжественное заседание, на котором делегаты должны были подходить к ректору и передавать ему приветственные адреса представляло блестящее зрелище. Прекрасный зал был полон представителями университетов всего мира, большинство которых было одето в ректорские мантии средневекового фасона. Я же скромно сидел в своем пиджачке. Но когда по алфавиту дошла очередь до России, Оливье сделал многозначительную паузу, а затем провозгласил особенно торжественным тоном: “Le dernier recteur de l’ancienne universitete de Moscou”. Защелкали фотографические аппараты газетных корреспондентов, и я, при общем внимании присутствующих, передал ректору свой свиток с приветствием и обменялся с ним несколькими сердечными словами»[44]. Позже на банкете Новиков поблагодарил президента Швейцарской республики Мотта «за его доброе отношение к русским беженцам»[45]. В поездке по Женевскому озеру к развалинам Шильонского замка Новиков познакомился с бывшим воспитателем последнего русского наследника престола Жильяром[46].

Вслед за юбилеем Лозаннского университета последовало приглашение М.М. Новикову и И.А. Ильину участвовать в Днях Русской культуры, которые 8 июня 1937 г. проводила русская колония в Женеве, Пушкинский комитет и Русско-Швейцарский кружок[47]. В связи с этим президент Пушкинского комитета В.В. Муравьев-Апостол писал Новикову: «Узнав от Ф.С. Генча об участии Вашем в устраиваемом мною 8 июня вечере Культуры в Женеве, спешу выразить Вам мою живейшую признательность и искреннюю радость. Доклад Ваш будет для нас большим культурным приобретением. Примите уверение в моем совершенном почтении и уважении, В.В. Муравьев-Апостол»[48].

Другим университетским юбилеем, который М.М. Новиков посетил весной 1939 г., было празднование 50-летия Софийского университета им. св. Климента Орхидского. Яркие подробности этой поездки изложены в брошюре «Полстолетие научной деятельности»[49].

М.М. Новиков как историк науки

Описанию и анализу своей научной и организационной деятельности в Чехословакии М.М. Новиков посвятил ряд статей, больше похожих на литературные исторические эссе, чем на сухие отчеты. Ему принадлежит также и первый научно-психологический анализ жизни русской эмиграции в Чехословакии[50].

Чествование профессора М.М. Новикова в связи с 60-летием.
Институт зоологии естественно-научного факультета
Карлова университета (Прага), 1936
В первом ряду, справа налево: З. Лазарев, владыка Сергий, профессор М.М. Новиков, писатель Немирович-Данченко.
См.: ГА РФ. Ф. Р-6767: Новиков Михаил Михайлович.
Оп. 1 Ед.хр. 91. Дело 10. Фотографии и иллюстративные материалы. Л. 9

М.М. Новиков размышлял о национальных особенностях науки: «При современном развитии всевозможных средств культурного общения между народами трудно говорить о национальных науках. Работа ученых различных стран так тесно переплетается в общую нить прогрессивного развития, что почти невозможно выяснить долю участия в этом поступательном движении представителей той или иной национальности.

Но тем не менее объективное историческое исследование нередко дает примеры, как та или иная область науки в течение некоторого времени, культивируется преимущественно в той или иной стране, или даже в одном только учреждении этой страны. Такая научная отрасль приобретает до известной степени национальный характер, а, с другой стороны, как сама ее сущность, так и методики, могут служить для характеристики национального

гения соответствующей страны. Такими примерами обильна и биология на всем ее пути исторического развития»[51].

С Чехословакией у М.М. Новикова связан первый литературный опыт обобщения некоторых итогов работы русских ученых в эмиграции, имеющий большое историографическое и культурологическое значение. Интерес к истории науки Новиков проявлял давно. Как-то, в письме В.И.Вернадскому, от 2 августа 1921 г., он писал: «Ваше намерение заняться изучением истории знания меня чрезвычайно заинтересовало. Я всегда чувствовал большой пробел у нас в этом отношении. Несколько лет тому назад я начал чтение лекций по истории естествознания, собрал кое-какую литературу, но затем дело это у меня, к сожалению, заглохло»[52].

Ценным историческим источником для Русского зарубежья стала брошюра «Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию», изданная в 1935 г. в Праге под редакцией М.М. Новикова. Обычно авторство этой брошюры приписывается исключительно Новикову. Долгое время подробности истории ее создания были неизвестны. Однако при анализе документов из фонда М.М. Новикова в (ГА РФ, Ф. Р-6767) оказалось, что брошюра – это итог коллективного труда, и подавляющая часть документов для нее собрана профессором С.И. Метальниковым из Пастеровского института в Париже.

Папка в архиве М.М. Новикова под названием «Сведения о деятельности русских ученых-эмигрантов за границей, собранные М.М. Новиковым: списки ученых и академических организаций за границей, биографии русских ученых. 1929 год» содержит уникальную переписку С.М. Метальникова с выдающимися русскими учеными-эмигрантами. Из переписки этой ясно, что именно благодаря инициативе Метальникова в 1928–1939 гг. началась подготовка большого сводного труда об успехах русских ученых, покинувших Россию. Большинство сведений из этой переписки, как и отдельные списки русских ученых, работающих в США и других странах, принадлежащие Метальникову, вошли в брошюру «Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей»[53]. В архиве Новикова есть два оттиска статьи под названием «Русская наука в изгнании» и с однотипным содержанием. Авторство одной из них принадлежит Метальникову[54], а другой – Новикову[55]. Резонно возникает вопрос: по какой причине, собрав достаточно большой материал, Метальников не

Чествование профессора М.М. Новикова в связи с 60-летием. Президиум (слева направо): доктор С.И. Варшавский, профессор З. Бажант, доктор Кесслер, профессора: Комарек, Brandl (?), В.С.Ильин

(Фото SUA – State Central Archives, Prague)

стал соавтором (или – соредактором) Новикова при издании брошюры «Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей (Опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию)». Этот вопрос остается открытым и сейчас, но серьезный вклад Метальникова в подготовку этой работы бесспорен (см. Часть третья. Переписка).

М.М. Новиков писал не только об опыте русской научной эмиграции, но и пытался объективно оценить деятельность своих коллег, оставшихся в России. Этому вопросу был, например, посвящен большой обзор, опубликованный им на чешском языке в 1934 г. В конце жизни Новиков, находясь в США, продолжал энергично заниматься популяризацией достижений российских, в том числе и некоторых советских ученых[56].

30 марта 1936 г. научная Прага широко праздновала юбилей М.М. Новикова, которому исполнилось 60 лет. «Вы не можете себе представить той радости, которую вызвала во мне Ваша телеграмма, полученная мною утром в день торжественного

заседания, – писал М.М. Новиков М.А. Римскому-Корсакову в Ленинград. – В общем, я получил свыше 150 поздравительных писем и телеграмм, но это была единственная в своем роде, и я буквально прослезился от оказанного мне внимания. Большое, большое спасибо Вам за телеграмму и за последовавшую за ней открытку. Я был до чрезвычайности смущен грандиозным чествованием, которое мне здесь устроили. Не мог уклониться от него лишь ради "русского имени", как говаривал Д.И. Менделеев»[57].

Переписка М.М. Новикова с коллегами из Советской России

Изгнанный большевиками, М.М. Новиков не терял связи с родиной и Московским университетом. Он следил за событиями в стране и судьбой своих коллег, и, по мере возможности, помогал книгами, журналами, оттисками статей, советами, а иногда – организацией научных командировок. Во многом эти отношения были тесно обусловлены его академическими связями, сложившимися еще в России[58].

Ситуация в РСФСР перманентно ухудшалась и не оставляла надежды на возвращение. Уже после октябрьского переворота в стране стали складываться совершенно новые правила взаимоотношений научного сообщества с властью. Возникший здесь после окончания Гражданской войны глубокий кризис «...власть пыталась преодолеть, прежде всего, путем жесточайших репрессий, арестами, расстрелами, голодом, обысками, конфискацией имущества и квартир»[59].Своими аморальными репрессивными методами она приучала ученых к абсолютной лояльности по отношению к своим неправомерным действиям[60]. Борьба Сталина с интеллектуальной элитой страны была, как теперь широко известно, неотъемлемым элементом его программы. Симбиоз науки и власти формировался медленно. Материальные лишения и моральные унижения вызывали у большинства ученых старой, дореволюционной генерации ощущение полной беззащитности, к которому примешивался инстинктивный страх перед агрессивным поведением большевиков. Об этом свидетельствовали не только письма из России, но и «внутриэмигрантская» переписка М.М. Новикова с такими известными деятелями российской науки, как С.И. Метальников (Париж), А.А. Эйхенвальд (Берлин, Милан), Л. Черносвитов (Великобритания), В.В. Лепешкин (США), К.И. Гаврилов (Аргентина) и др.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

1755–1930

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

Изданіе Парижскаго и Пражскаго Комитетовъ по ознаменованію 175-лѣтія Московскаго Университета подъ редакціей профессоровъ В.Б.Ельяшевича, А.А.Кизеветтера и М.М.Новикова

ПАРИЖЪ
ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"
1930

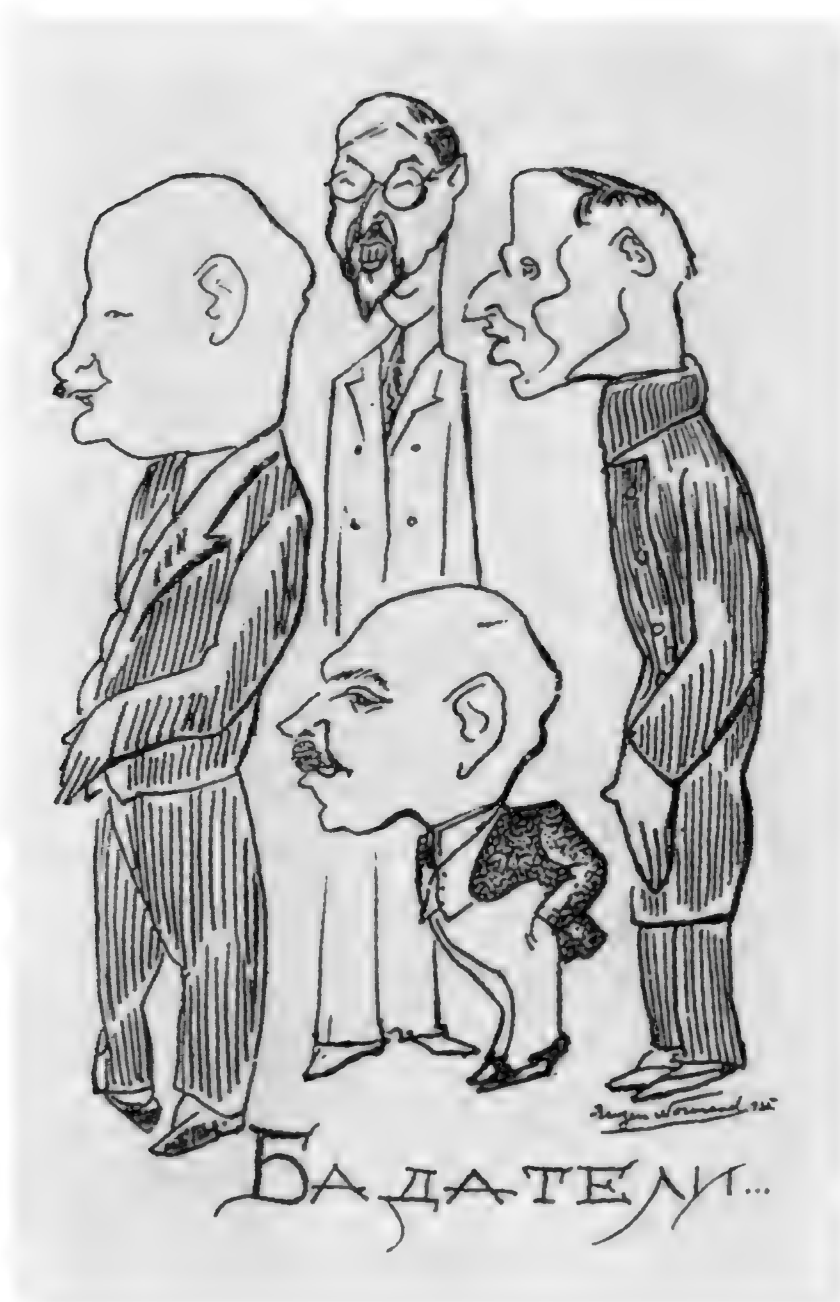
М. В. Ломоносов

Рѣчи, произнесенныя на собраніи
въ память 170-лѣтія со дня его смерти

Издано подъ редакціей проф. *М. М. НОВИКОВА*

СКІЙ СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПРАГѢ
1936

Карикатура на русских профессоров «Бадатели». Из коллекции А.В. Копршивовой (Прага)

Эпистолярная связь русских ученых-эмигрантов с метрополией более или менее интенсивно шла с 1922 до 1937 г., т.е. до того времени, когда СССР вступил в период «большого террора». На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) был зафиксирован кульминационный момент шпиономании, хотя истерия по поводу не вернувшихся из командировок ученых («невозвращенцев») развернулась годом раньше – на общем собрании Академии наук СССР 29 декабря 1936 г. из состава Академии были исключены выдающиеся химики-органики: основатель Института высоких давлений академик В.Н. Ипатьев и академик А.Е. Чичибабин. «Невозвращенцы» – ученые, снискавшие мировую известность, автоматически объявлялись антисоветчиками и шпионами и исчезали из списков Академии наук. А поскольку деятели науки демонстрировали пассивность «в таком общегосударственном деле», как борьба со «злостными антисоветскими элементами» – так в 1935 г. назвал ученых председатель СНК СССР В.М. Молотов, развернулись репрессии и чистки, направленные на руководство АН СССР и вузов[61]. Любая связь с заграницей после 1937 г., а тем более, с русской эмиграцией была равносильна самоубийству.

Однако и предшествовавшие «большому террору» 20-е–30-е гг. XX в. характеризовались попеременной сменой одних форм репрессий другими. Шла тотальная национализация всех сфер интеллектуальной жизни страны. «Изгнание старых профессоров из гуманитарных и экономических вузов, проработки и репрессии ученых-естественников, реорганизация и политизация научных институтов закрыли все каналы для публичной защиты прежних ценностей научного сообщества», – заметил петербургский историк Э.И. Колчинский[62]. «Родина наша гибнет, – писали «Русские

ведомости», – гибнут религия, мораль, наука, искусство и все прочие культурные ценности духа человеческого. Страх за само существование нашей культуры встает во всем своем ужасе»[63].

В июне 1922 г. власть установила контроль над доступом ученых к зарубежной научной информации, создав Главное управление литературы и издательств (Главлит), которое вместе с Главным политическим управлением (ГПУ, затем переименованное в ОГПУ – Объединенное главное политическое управление) при НКВД РСФСР должно было обеспечить надежный заслон на пути проникновения в страну зарубежной литературы. Вместо запрещенных журналов учреждались журналы типа «Под знаменем марксизма» и т.д. Тем не менее, на этом этапе ученые нужны были большевикам для реализации своей внешней политики, для укрепления имиджа советского правительства. В связи с этим они считали нужным финансировать поездки ученых за границу и приглашать в страну их иностранных коллег.

В рамках реализации социалистической модернизации в 1920–1925 гг. по инициативе ученых Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), Академии наук СССР, наркоматов и ведомств в стране создавались новые научные учреждения. Как пишет Э.И. Колчинский, «в Советской России, в годы НЭПа практически всем крупным биологам, независимо от их происхождения и политических взглядов, предоставляли возможность не только продолжать научную деятельность, но и руководить лабораториями, кафедрами, институтами, готовить научные кадры. 〈…〉 Понимая свою зависимость от государственного финансирования, биологи стремились к сотрудничеству с властями. Они обзаводились покровителями среди партийных лидеров, используя их в решении организационных и административных вопросов. Такими патронами для ... 〈… 〉 И.П. Павлова был член ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарин, для Н.К. Кольцова – нарком здравоохранения Н.А. Семашко и нарком просвещения А.В. Луначарский, для Н.И. Вавилова – председатель Совнаркома А.И. Рыков и управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов, для В.И. Вернадского – секретарь ЦК ВКП(б), а с 1930 г. – председатель Совнаркома В.М. Молотов»[64].

Характерные для после революционных лет организационные перестройки в системе науки и высшего образования, не миновали и Зоологический музей Московского университета. В 1923 г., на основе научных лабораторий зоологического и физиологического профиля при Зоологическом музее был создан Научно-исследовательский институт зоологии (НИИЗ), просущестовавший до 1950 г. Кроме того, в то же время в самом музее был открыт Плавучий

морской научный институт (Плавморнин), в дальнейшем преобразованный в Океанографический институт. По мнению историков, «этот период повышенной реорганизационной активности имел для [Зоологического] музея скорее отрицательные, чем положительные последствия»[65].

Новые институты, как правило, не только отнимали научные кадры музея, но и переводили его в положение учебно-вспомогательного подразделения; кроме того, и это было самым главным, – каждый новый институт, так или иначе связанный с зоологическими исследованиями, непременно размещался в здании Зоологического музея. Так, Нижний зал музея к 1927 г. был фактически превращен в рабочее помещение Плавморнина: там работали около 100 его сотрудников, были расставлены столы, шкафы и лабораторное оборудование. Музейные же коллекции, постоянно перемещаясь с места на место, не получали должного внимания и ухода. При этом площади под фондохранилище музея существенно сокращались. Музей подвергался давлению и от вновь организуемых кафедр, которым также были нужны новые помещения. Так, в 1930 г., когда был организован биологический факультет МГУ, его также разместили все в том же здании Зоологического музея. Бывший директор музея, профессор Г.А. Кожевников был уволен, а сам музей перешел в подчинение НИИ зоологии и его временно возглавил профессор Л.А. Зенкевич. Из-за возрастающей стесненности и в помещениях и в средствах Зоологический музей перестал выполнять свое прямое назначение – сохранение и экспозиция научных коллекций. Из этого критического положения Зоологический музей был выведен, благодаря передаче его в 1931 г. в ведение Музейного отдела Наркомпроса РСФСР. При этом он получил официальное название «Центральный государственный зоологический музей в Москве», а также статус самостоятельного научно-исследовательского, учебно-методического и просветительного учреждения в системе Московского университета[66]. В 1931 г. из-за ликвидации Института сравнительной анатомии к Зоологическому музею был присоединен и Музей сравнительной анатомии с его обширными коллекциями и хорошо оборудованным экспозиционным залом[67].

В Государственном архиве Российской Федерации, в фонде РЗИА (Русский зарубежный исторический архив) сохранились письма трех коллег М.М. Новикова, оставшихся работать в СССР: М.А. Мензбира (Московский университет), В.Н. Никитина (Севастопольская биологическая станция) и М.А. Римского- Корсакова (Лесной институт в Петрограде). Письма охватывают период

с 1922 по 1939 г.; их содержание дает возможность составить представление о жизни научного биологического сообщества в этот период.

Среди наиболее известных корреспондентов М.М. Новикова в этой коллекции документов – профессор Мензбир Михаил Александрович – выдающийся зоолог, зоогеограф, орнитолог, выпускник Императорского Московского университета (1878), его ординарный профессор (с 1898 г.), директор Института сравнительной анатомии при университете и ректор университета (1917–1919), член-корреспондент Императорской Академии наук (1896), основатель московской школы орнитологов, зоогеографов и анатомов, многолетний президент Московского общества испытателей природы (МОИП, 1915–1935) и редактор «Трудов» этого общества. Уйдя в отставку с поста ректора М.А. Мензбир продолжал работать в университете. Вплоть до 1930 г. он читал курсы по зоогеографии и сравнительной анатомии, руководил работами студентов и аспирантов. Как следует из содержания одного из писем Мензбира, адресованных Новикову, от 8 октября 1930 г. «….с 29/30 г. сравнит[ельная] анат[омия] волею судьбы заменилась у меня курсом промысловых животных»[68]. В 1925–1927 г. вышло в свет Полное собрание сочинений Ч. Дарвина, под его редакцией. В 1926 г. Мензбира избрали почетным членом Академии наук СССР, а в 1929 – академиком по Отделению физико-математических наук (биология)[69].

С М.А. Мензбиром М.М. Новикова связывали долгие годы сотрудничества и дружбы. Мензбир видел в Новикове достойного преемника на заведование Институтом сравнительной анатомии, хотя этому так и не суждено было осуществиться. Кроме того, оба ученых принадлежали к партии кадетов, что определяло их общую политическую платформу и личное доверие друг другу. Как известно, ЦК партии кадетов стал координирующим органом акций сопротивления ученых новой власти уже в конце 1917 г.

Два первых письма М.А. Мензбира, отправленные М.М. Новикову в Прагу, посланы из Москвы. Причем Мензбир считал наиболее надежным адрес МОИП. Первое из писем датировано 12 ноября 1922 г., т.е. написано менее чем через месяц после злополучного отъезда Новикова в Германию; второе – спустя почти год – 9 сентября 1923 г. Остальные три письма, датированы ноябрем 1930 г. (8, 14 и 25 ноября, соответственно) и пришли в Прагу из Парижа через промежуточный берлинский адрес.

Письма М.А. Мензбира отличает доверительная интонация. Он с теплотой отзывается о трудоустройстве М.М. Новикова

в Гейдельберге, радуется полученной им университетской позиции, и здесь же с иронией обсуждает московские университетские склоки и интриги, аморальное поведение отдельных коллег, постыдную университетскую реформу. В своих первых письмах Новикову Мензбир сочувствует дочери Новикова – Татьяне, узнав, что ее здоровье ухудшается, обсуждает трудности с трудоустройством в Москве своих дочерей, московские цены, налоги. Он подробно описывает свою жилищную проблему и извиняется, что из-за принудительного «уплотнения» был вынужден занять бывшую университетскую квартиру Новикова и часть его лаборатории[70]. Его оценка университетской жизни и поведения отдельных его коллег чаще негативна: «Все идет по старому, но у[ниверсите] ту, кажется, уже идти некуда. Теперь упразднены и факультеты, а будут только отделения. В основе реформы, кажется, – сократить общеобразовательные курсы, отдав преимущества специальностям. Но при безграмотности современных студентов, какая же теперь может быть специализация. Что касается "этики", то этого слова в унив[ерситетском] обиходе нет»[71]. В конце письма он с горечью констатирует : «…мне музейная атмосфера так надоела, что я, вероятно, не выдержу и откажусь от заведования лабораторией, если еще останусь в ун[иверситете] вообще»[72].

В целом, ситуацию в СССР М.А. Мензбир характеризует как «странную жизнь», а жизнь университетского сообщества – лишенной морали («Должен сознаться, что вся эта масса интриг была для меня весьма неожиданна, хотя я хорошо узнаю наши университетские нравы»[73]). В целях конспирации, особенно, когда речь заходит о русских эмигрантах, которым он намерен передать через Новикова доверительную информацию, Мензбир полностью опускает их имена: «Я Вам очень благодарен за попытку найти адрес моего друга. Если это Вам удастся, сообщите ему от себя (согласно моей просьбе), во избежание потери времени, что мы все трое живы, находимся втроем и никаких прибавлений в нашем семейном положении не произошло. Очень давно не получал известий и просит написать»[74]. Долгие годы Мензбир страдал от сердечной недостаточности и приступов бронхиальной астмы[75]. В одном из писем М.М. Новикову, 1923 г., В.Н. Никитин сообщал: «Мих[аил] Александр[ович] пишет мне, что здоровье его совсем стало плохо – при кашле кровь – очень за него боюсь»[76]. Ни в одном из своих писем Мензбир ни разу не выразил сожаления об отъезде Новикова за рубеж. Складывается впечатление, что все преимущества эмигрантского существования он обсудил с ним еще в Москве.

В 1930 г. М.А. Мензбир получил официальную командировку от Академии наук СССР и выехал в Париж и Берлин вместе с одной из своих дочерей (безработной оперной певицей, которую он хотел хоть как-то трудоустроить на Западе). К октябрю 1930 г., когда Мензбир приехал в Париж, ситуация с зарубежными командировками в АН СССР существенно ухудшилась. ОГПУ уже вводило практику наблюдения за учеными из СССР. Так, 31 марта 1927 г. на заседании Политбюро сотрудникам ОГПУ поручено было «установить строгое наблюдение за поведением ученых, принявших участие в “Неделе советской науки” в Германии»[77]. Со временем практика слежки за учеными становится системой.

8 июня 1930 г. в СССР был принят «Закон об измене Родине», который ввел смертную казнь и коллективную ответственность членов семьи[78]. Встречи и переписка с эмигрантами легко могли попасть под эту статью. Связи с зарубежными учеными «на верху» уже давно выглядели подозрительными, их все чаще трактовали как преступление и измена Родине. «Культурная революция» в свою очередь привела к резкому свертыванию международных контактов. Возможно, учитывая эти обстоятельства, а также границы разных государств, М.А. Мензбир в общении с М.М. Новиковым не стал настаивать на их личной встрече и ограничился перепиской. И все же в Париже он не упустил возможности встретиться с их общим близким другом и единомышленником – профессором С.И. Метальниковым, работавшим в Институте Пастера.

Начало 1930-х гг. в СССР ознаменовалось чередой судебных процессов над учеными. Так, 12 января арестован академик С.Ф. Платонов (дело «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», дело академика С.Ф. Платонова, или «академическое дело»). По делу Платонова арестованы академики Н.П. Лихачев, Е.В. Тарле и др.[79] 7 апреля 1930 г. был принят указ о расширении трудовых лагерей, переданных в ведение ГУЛАГа – Главного управления лагерей, подчиняющегося ОГПУ[80]. 12–18 апреля 1930 г. проходит процесс над группой инженеров, обвиненных в саботаже[81]. 11 марта ОГПУ начинает сбор компрометирующих материалов об академике Н.И. Вавилове[82]. В ноябре–декабре 1930 г. готовится процесс так называемой Промпартии, обвиненной в подготовке (совместно с русскими эмигрантами в Париже) иностранной интервенции. Объявлено о разоблачении некоей «Трудовой крестьянской партии» во главе с профессорами Н. Кондратьевым и А. Чаяновым, которым приписывается организация саботажа коллективизации.

Когда М.А. Мензбир с дочерью попадают в Берлин (1930), он пишет М.М. Новикову: «Очень Вам благодарен за готовность помочь нам, как от себя, так и от Наташи выражаю Вам искреннюю благодарность... Мы в Чехословакию, конечно, не попадем, пока ей хотелось пробыть некоторое время в Германии, но все-таки приятно знать, что неподалеку есть не чужие люди»[83]. Мензбир спешит ответить на все вопросы Новикова о книгах и оборудовании бывшей лаборатории Новикова, а также – о жизни университета и судьбах коллег. Трудности выживания в Московском университете – всё те же: «...Очень трудно с практическими занятиями. Вы даже не можете себе представить недостачу необходимого для этого материала. Скорее и легче удается получить новый инструмент, нежели какую-нибудь консервированную тварь. Не хватает и литературы, и из-за нее-то я и решился приехать сюда»[84]. «Что касается личного персонала лаборатории, то он не изменился существенно… это все мои ученики по В[ысшим] ж[енским] к[урсам]. Мы слились и привыкли работать в современных условиях. Очень тяжела была и неожиданна, смерть П.П. Сушк[ина]. Он страшно много работал, особенно для постановки Зоол[огического] музея, где, хотя и не был директором, но, фактически, значил больше директора. Много работал и для себя, кончая свое путешествие в Англию»[85].

Относительно Московского общества испытателей природы М.А. Мензбир разъясняет: «О[бщест]во существует скромно – скромно, при ничтожных средствах и под постоянной угрозой каких-нибудь реформ. Многие сношения с иностранными о[бщест]вами удалось восстановить и таким образом пополнить библиотеку (общими изданиями), но этого мало: нужны средства и на печатание и на приобретение книг. Ваша книга пришла[86], и я просил бы Вас присылать, что можно, и дальше. Свою работу пришлю, как только получу отдельные оттиски»[87].

О себе М.А. Мензбир пишет: «Что касается моей семьи, то обе дочери не замужем. Одна служит в библиотеке Румянцев[ского] музея, другая (певица) со мной здесь. Ее приглашают в Париже в Русск[ую] оперу, но пока не известно, осуществимо ли это, т.к. своих средств у нее, понятно, нет, а сколько ей предложат, еще не выяснено. В М[оскве] ей не удается прочно устроиться, т.к. там на первом месте выдвиженцы, независимо от того, годны ли они на что-нибудь или нет. Раньше она была в опере Зимина, а последние 2–3 года – безработная. Не удивитесь, если встретите где-нибудь ее фамилию среди оперных певцов и имейте в виду, что она здесь с совет[ским] паспортом. Она просит передать Вам

ее привет, а я прошу у Вас разрешения дать ей Ваш адрес, чтобы на случай, если она задержится здесь, все-таки она не чувствовала себя здесь вполне одинокой[88]. Таким образом, Мензбир не исключал возможности эмиграции одной из своих дочерей.

М.А. Мензбир очень интересовался судьбой «многострадавшей станции в Виллафранке» и поскольку М.М. Новиков с 1924 г. возглавлял Попечительский комитет по поддержанию Русской биологической станции в Вильфранш-сюр-Мер, и он хотел получить информацию, как говориться, «из первых рук»: "Пока был жив Н.А. Иванц[ов], мы получали о ней (станции. – *Т.У.*) некоторые сведения, но после его смерти они прекратились. Беда в том, что эта станция связана с общеполитическими вопросами»[89].

В своем последнем письме (от 25 октября 1930 г.) М.А. Мензбир сам деликатно ставит перед М.М. Новиковым вопрос о приостановке их переписки, как только он пересечет границу: «Менее чем через три недели поеду домой, но до тех пор, надеюсь, получить от Вас известие. Из дома трудно будет поддерживать сношения… Затем, надо прямо смотреть в глаза настоящему и кончить это письмо словами "прощайте", хотя еще раз скажу, что работы постараюсь присылать»[90]. В конце письма есть приписка Мензбира: «Знаю, что и Вам здесь нелегко, но наши условия совершенно различные»[91].

В 1934 г. (т.е. за год до смерти М.А. Мензбира) профессор А.А. Эйхенвальд (Милан, Италия), сообщил М.М. Новикову: «Мензбир уже более года умирает (пишет Цингерам)»[92]. 10 мая 1934 г. Академия наук, совместно с Московским обществом испытателей природы и МГУ отметила 50-летний юбилей научной деятельности М.А. Мензбира, о чем писала газета «Известия» от 10 и 11 мая 1934 г. Комиссариат народного просвещения СССР закрепил за Мензбиром в пожизненное бесплатное пользование занимаемую им квартиру, с оставлением в том же помещении в пожизненное пользование библиотеки, пожертвованной им государству. Музею при институте сравнительной анатомии при Московском университете было присвоено имя М.А. Мензбира. В день похорон Михаила Александровича Мензбира в Московском университете был объявлен всеобщий траур и отменены занятия на биологическом факультете[93].

Вторая коллекция писем ГА РФ, адресованным М.М. Новикову, принадлежит заведующему Севастопольской биологической станцией, зоологу и гидробиологу Василию Никитичу Никитину (1885–1972). До 1931 г. Никитин занимал должность заведующего Севастопольской биологической станцией АН СССР[94]. Пись-

ма Никитина Новикову датированы октябрем 1922 – ноябрем 1927 гг.[95]

Свое первое письмо, адресованное М.М. Новикову, от 13 апреля 1923 г., В.Н. Никитин, в целях «предосторожности, необходимой ввиду цензурных условий», посылает через конспиративный адрес в Берлине, а именно – через профессора А.А. Эйхенвальда – на обороте письма указан его адрес и телефон в Германии: Prof. Dr. Alexander Eichenwald. Berlin – Schoneberg. Belziger Strasse 46–47, Portal 4. Telephon: Stephan 536[96].

37-летний В.Н. Никитин не скрывал своей откровенной оппозиции режиму. Так, он пишет М.М. Новикову: «Больше не хватает сил переносить окружающую обстановку; я не могу описать Вам те условия, в которых приходится сейчас жить и работать, да, думаю, и до Вас доходят вести. Но, во всяком случае, и я, и Вера Ростиславовна чувствуем, что необходимо найти способ перебраться в человеческие условия жизни. Поэтому я позволю себе обратиться к Вам с большой и горячей просьбой. Нельзя ли снестись с Прагой и узнать у Павла Ивановича[97] относительно возможности устроиться в университете. Если бы в Праге можно было получить заработок в университете, то я надеюсь, что нам удалось бы выехать за границу»[98].

Благодаря усилиям М.М. Новикова, спустя четыре года в октябре–декабре 1927 г. В.Н. Никитин с женой смог выехать во Францию в научную командировку для работы на Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер. Об этом свидетельствует письмо Никитина от 10 октября 1927 г., текст которого приведен в Приложении[99].

Интересно сопоставить В.Н. Никитина с письмом другого русского эмигранта – геолога из Питтсбурга (США) И.П. Толмачева. Вот как он охарактеризовал ситуацию с русскими учеными, приезжающими в командировку в США: «Последнее время я довольно много видел русских из России, частью там даже хорошо устроенных, но все в один голос говорят, что, конечно, там работать можно, и со стороны советов они часто имеют поддержки даже больше, чем где-бы то ни было, но жить там нельзя, не чувствуя постоянного гнета и измывательства… в конце концов, никто из них не прочь бы удрать. Советы, однако, учитывают это и по прежнему держатся системы заложников, хотя, конечно, никто об этом формально не говорит»[100].

Благодаря протекции М.М. Новикова, В.Н. Никитин смог поработать на всех трех биологических станциях вблизи Неаполя. На одной из них он застал двух коллег – профессоров из СССР –

«Сент-Илера из Воронежа и Шевякова, который уезжает на днях», – писал Никитин 11 ноября 1927 г.[101] В Париже В.Н. Никитин встречался с С.И. Метальниковым и «…с разными другими кругами эмиграции, и на меня они произвели очень хорошее впечатление – и они и мы ждем. Ждем и думаю, что уже в недалеком будущем, дождемся»[102].

Возвращаясь к московским новостям, В.Н. Никитин пишет о смерти В.М. Шимкевича, упоминает об А.Н. Северцове, Г.А. Кожевникове, Б.С. Матвееве, А.В. Румянцеве, И.Ф. Огневе, П.П. Сушкине, в том числе, о некой Александре Афанасьевне – служащей одного из отделов Высшего Совета народного хозяйства – «живут они с трудом, как и большинство бывших людей в Москве – она просила… сказать Вам, что стремится снова выбраться за границу, но это, кажется, почти невозможная вещь – очень не надеется, что скоро будет конец большевистскому царству, но я с этим не соглашался, так как думаю, что конец близок»[103].

В.Н. Никитин не забывает и о М.А. Мензбире, который по его сведениям, «относительно здоров, но, по-видимому, его все больше и больше угнетает режим, в котором приходиться жить, и настроен он пессимистически. Судя по сведениям, большевики, по-видимому, желают приняться за академию и посадить туда своих людей, если не в качестве академиков, то, по крайней мере, для участия в Правлении, хотя не исключена возможность, что в академики попадут такие господа, как Покровский и даже Бухарин (!!)[104]. Одним словом, дома ждут столь приятные вещи, что думать о возвращении не хочется»[105]. И далее: «Мне бы очень хотелось поговорить с Вами и о будущем и о настоящем, и рассказать Вам подробнее о России. Сейчас там ужасный мрак, который особенно усилился после разрыва с Англией[106]. С июня месяца из Москвы только выслано более 10 000 человек. В общем же, несмотря, по крайней мере, до июня, на очень благоприятные условия, в которых находились большевики, положение в России становится все хуже, как в смысле экономическом, так и в смысле расстройства самого аппарата управления. Уже по скорости, с которым идет процесс ухудшения, можно думать, что ждать недолго, а если к этому присоединится какая-ниб[удь] катастрофа, вроде войны, тогда и вовсе скоро мы увидимся с Вами в Москве[107].

Третья коллекция писем ГА РФ, адресованных М.М. Новикову, в Прагу принадлежит Михаилу Николаевичу Римскому-Корсакову (1875–1951) – крупнейшему отечественному энтомологу первой половины XX в., старшему сыну знаменитого компози-

тора. Выпускник Зоотомического кабинета Императорского Санкт-Петербургского университета (ИСПбУ) (1895), профессор этого университета (1918), в 1919 г. Михаил Николаевич организовал в университете кафедру энтомологии, которую возглавлял до 1930 г. Кроме того, в 1921–1951 гг. М.Н. Римский-Корсаков был профессором Лесного института в Петрограде (позже – Лесотехнической академии).

Одно из первых писем Михаила Николаевича, датированное 2 октября 1926 г., посвящено ответам на вопросы М.М. Новикова о биографических данных петербургских ученых И.П. Павлова, Н.П. Кравкова, П.П. Голицина, Е.С. Федорова и др.[108] Возможно, этот материал срочно потребовался М.М. Новикову для написания статьи «Русские естествоиспытатели», которая была опубликована в журнале «Хозяин» в Праге в 1927 г. Не имея в Праге под рукой русских справочных изданий, Новиков попросил своего петроградского коллегу помочь ему. Ответные письма удивительно формальны и напоминают скорее научные отчеты, чем письма к другу: он несколько сложно благодарит за присланную книгу, перечисляет фамилии умерших сотрудников, передает приветы своим знакомым ученым-эмигрантам и проч.[109] Если он и касается каких-то крупных социальных событий в научной жизни страны, как, например, переезд Академии наук СССР из Ленинграда в Москву, или пишет о выборе нового президента Академии наук, то констатирует это также формально: «До сих пор неизвестно, кто будет президентом Академии наук, возможно, что В.Л. Комаров. В ноябре будет экологическая сессия в Москве, так что зоологи из Зоологического музея едут туда. Вообще, как Вы, должно быть, знаете, большая часть институтов Академии наук переехала в Москву[110], но Зоологический музей еще долго будет находиться здесь. Кажется, я писал Вам о смерти А.С. Щелокова?»[111] Такой «телеграфный» стиль можно объяснить занятостью корреспондента, но, к сожалению, в письмах можно встретить безответственные вещи. Как иначе можно интерпретировать приглашение Новикова на Международный генетический конгресс в Москву (правда, в сослагательном наклонении): «В будущем году будет здесь генетический конгресс. Нельзя ли Вам попасть на него? Вот бы было хорошо»[112]. Мало того, что запланированный в 1937 г. VII Международный конгресс по генетике, уже 14 ноября 1936 г. был отменен по решению Политбюро (а точнее, “отложен по просьбе ученых”)[113]. Но даже, если бы не это обстоятельство, которое не сложно было просчитать из-за ухудшающейся в стране ситуации, то, зачем, вообще, создавать прецедент посещения

конгресса известным и принудительно высланным из страны ученым? Не трудно себе представить последствия такой поездки. Так что лучше списать этот невинный просчет за счет иронии или сарказма Римского-Корсакова. Последняя его открытка датирована 13 мая 1939 г.[114]

По мнению Э.И. Колчинского, уже в 1936 г. «….вал репрессий накрыл научное сообщество. В каждом учреждении репрессии коснулись десятков человек, от руководителей вузов и институтов до ассистентов, младших научных сотрудников, смотрителей и аспирантов. Список потерь отечественной биологии… вряд ли когда-нибудь будет составлен, но прямые и косвенные цифры по отдельным учреждениям свидетельствуют, что по крайней мере более 25% биологов числилось уволенными в 1930-х гг., что в то время практически означало арест, а часто и расстрел»[115]. В числе жертв «Большого террора» оказались лидеры отечественной и мировой биологии, в том числе Н.И. Вавилов, Г.А. Левитский, Г.А. Надсон, Я.О. Парнас, Н.М. Тулайков и др. Функция научных экспертов была делегирована партийным аппаратчикам и доверенным партийным философам.

К 1937 г. международные научные контакты советских ученых, как и публикации их за рубежом к 1937 г. были принудительно прекращены[116]. Если еще в 1930 г. они рассматривались и поощрялись как одна из форм пропаганды, рекламы, признания достижений советских ученых и как форма повышения международного престижа СССР, то после 1937 г. контакты и публикации стали восприниматься как «низкопоклонство и раболепие перед Западом». Э.И. Колчинский так прокомментировал мотивацию большевиков на закрытие границ СССР: «В стране формировалось представление о сакральном характере границы как механизма, сдерживавшего враждебное влияние. Отсюда – стремление “держать границу на замке” как на “входе”, так и на “выходе”, что применительно к науке означало прервать международные контакты, запретить публикации за рубежом, оградить себя от тлетворного влияния Запада, защитить свою культуру»[117].

В заключение приведем высказывание М.М. Новикова об успехах его коллег, оставшихся в Советской России. Так, отвечая на риторический вопрос: «Почему при всех ужасах советской жизни, в атмосфере полной личной необеспеченности, при отсутствии сносных квартир, при недостатке одежды, а часто и при полуголодном существовании, русские научные исследования изобильно произрастают, а подчас отмечаются и за границей, как серьезные достижения?», – он ответил: «Самое главное заключается в том,

что научные изыскания так увлекают человека и настолько поглощают его внимание, что внешняя обстановка жизни отступает на второй план... Естественно, что такой уход от ужасов реальной жизни в сферу чистого знания привлекает многих»[118].

[1] В Фонде М.М. Новикова в ГА РФ есть программы некоторых научных съездов с его участием // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 99–122. Свое участие в многочисленных международных конгрессах Новиков подробно описал в брошюре «Полстолетие научной деятельности» (Нью-Йорк, 1956).

[2] См.: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. New York: All Slavic Publishing House, 1956. С. 3.

[3] См.: *Новиков М.М.* К вопросу о простейших животных, обитающих в почве // Архив Русского протистологического общества. М., 1922.

[4] *Novikoff M.M.* Ueber die sog. Schuppen der Cephalopoden // Verh. D. Deutsch. Zoolog. Gesellschaft, 1923.

[5] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 14.

[6] Там же. С. 19.

[7] *Новиков М.М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию. Prague: Russian Free Univ., 1935. С. 27.

[8] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 20.

[9] Там же. С. 21.

[10] Там же. С. 22.

[11] Там же. С. 22–23.

[12] Там же. С. 35.

[13] *Novikoff M.M.* Das Prinzip der Analogie als Grundlage der vergleichenden Anatomie. Программа X Международного конгресса зоологов в Будапеште в 1927 г., 2–10 сентября // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Л. 10–50. Конгресс состоялся только в 1928 г.

[14] *Novikoff M.M.* Das Prinzip der Analogie und die vergleichende Anatomie. Wena: G. Fisher, 1930; См. также: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 25–26.

[15] См.: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 26.

[16] Там же. С. 17, 25–26.

[17] Там же. С. 27.

[18] См.: Там же.

[19] См.: Там же.

[20] См.: Там же.

[21] *Novikov M.* Sur la question des rapports entre la forme et la fonction des organisms // Зап. Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. Прага, 1937. Vol. 6 (11), N 4. P. 87–108. Offprint: Prague: Russian Free Univ. 22 p. Section des sciences naturalles et mathématiques. N 37.

[22] *Novikov M.* General and special Homomorphism // Acta biotheoretica (Leiden). 1938.

[23] *Александров Д.А.* Михаил Михайлович Новиков: ученый, общественный деятель, организатор науки // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб: Изд-во Дмитрия Буланина, 2000. С. 102. Автор ссылается на лидеров фрайбургской (баденской) школы неокантианства: В. Виндельбанда (1848–

1915) и Г. Риккерта (1863–1936), которые внесли важный вклад в понимание специфики социального познания.
[24] *Novikov M.* Zaklady srovnavaci morfologie besobratlych (Основы сравнительной морфологии беспозвоночных). Praha, 1936.
[25] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 26.
[26] См.: *Александров Д.А.* Указ. соч. С. 89–108.
[27] См.: *Берг Л.* Номогенез, или эволюция, на основе закономерности. Пб., 1922; *Novikoff M.* L'homomorphie comme base methodologique d'une morphologie compare. Prague, 1936.
[28] *Якобсон Р.* О теории фонологических союзов между языками: доклад на VI Международном конгрессе лингвистов (Копенгаген, август 1936 г.).
[29] Там же.
[30] *Ковалевский П.Е.* Исторический путь России. Париж, 1949. С. 76.
[31] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 53.
[32] Там же. С. 53.
[33] «Curriculum Vitae» М.М. Новикова // Бахметевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке –Bakhmeteff Archive (BAR), Rare Book and Manuscript Library, Columbia University Libraries, New York. Ms. Coll. Novikov. Box 6. Л. 1, машинопись.
[34] См.: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 56
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] Там же. С. 60.
[38] Liste Provisore des Membre Etrangers du IV Congres International d'Histoire des Sciences et Techniques. Praha, 1937 // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Л. 99–122. См. также: *Володарский А.И.* Международные конгрессы по истории науки// Вопросы истории естествознания и техники. 1989. С. 55–66.
[39] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности.... С. 66.
[40] В.А. Маклаков – М.М. Новикову, 17 марта 1937 г. // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 108, 1914–1945. Л. 4. Машинопись на бланке Office Central. Des Refugies Russes en France. 57. Rue de l'Abbe-Groult, 57 (Paris XVe). Tel.: Vaugirard 24–64.
[41] П.Н. Милюков в Лозанну не поехал, по обстоятельствам, связанным с работой в редакции.
[42] В.Б. Ельяшевич (Франция) – М.М. Новикову, 10 апреля 1937 г. // ГА РФ. Ф.Р-6767. Оп. 1. Д. 108, 1914–1945. Автограф. В.Б. Ельяшевич – шел как делегат от Русской академической группы в Париже.
[43] Н.А. Ульянов (Лозанна) – М.М. Новикову, 28 мая 1937 г. // ГА РФ. Ф.Р-6767. Оп. 1. Д. 108, 1914–1945. Автограф. Л. 15.
[44] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 67.
[45] Там же.
[46] См.: *Щеблыгина И.В.* Участие М.М. Новикова в праздновании 400-летия Лозаннского университета // Вестн. архивиста. 2008. № 4. С. 176–184.
[47] См.: Ф.С. Генч-Аглуев (Женева) – М.М. Новикову, 9 мая 1937 г. //ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 108, 1914–1945. Автограф. Л. 11–12.
[48] В.В. Муравьев-Апостол (президент Пушкинского комитета) – М.М. Новикову, 31 мая 1937 года. // Там же. Автограф. Л. 17. По программе Дней Русской культуры, И.А. Ильин делал доклад о творчестве в искусстве, М.М. Новиков – о творчестве в науке.
[49] См.: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности....1956. С. 63–65.
[50] См.: Русские в Чехословакии // Новое русское слово. 1946, 17 марта. С. 1.

[51] См.: Развитие русских биологических исследований проф. М.М. Новикова в Праге» (б/д, рукопись ст., 15 стр.) // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
[52] Цит. по: *Дорошенко С.И., Мочалов И.И., Трошин А.А.* Свободно избранный ректор // Вестн. РАН. 1995. Т. 65. № 9. С. 844.
[53] Сведения о деятельности русских ученых-эмигрантов за границей, собранные М.М. Новиковым: списки ученых и академических организаций за границей, биографии русских ученых. 1929 год // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 79. 175 л.
[54] *Метальников С.* Русская наука в изгнании: ст. б/д // Там же. Д. 87а. Автор. машинопись Л. 1–14.
[55] *Новиков М.М.* Русская наука в изгнании: ст. 1930 г. // Там же.
[56] *Новиков М.М.* Великаны российского естествознания. Frankfurt a. M.: Druck–Possev–Verlag. 1960.
[57] Цит. по: *Фокин М.М.* Судьба странствующего профессора. Михаил Новиков (1876–1965) // Русское слово. 2013. № 2. С. 27.
[58] *Александров А.Д.* Указ. соч. С. 91.
[59] *Колчинский Э. И.* Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор- История, 2007. С. 44.
[60] См.: Там же.
[61] Цит. по: *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции: очерки. М.: Наука, 1991. С. 133.
[62] *Колчинский Э.И.* Указ. соч. С. 394.
[63] Цит по: *Куманев В.А.* Указ. соч. С. 19.
[64] *Колчинский Э.И.* Указ. соч. С. 259, 261.
[65] Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ / Под ред. О.Л. Россолимо. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 195–196.
[66] Там же. С. 21.
[67] Новиков Михаил Михайлович. ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. 108 Ед.хр., 1914–1945.
[68] М.А. Мензбир. Париж – М.М. Новикову. 8 октября 1930 г. // Там же. Д. 51. Автограф. Л. 7–8. Обратный адрес в Берлине: Berlin W. 50. New. Ansbacer Strasse, 10, JI. Frau N. Salmanew.
[69] См.: *Цетлин Л.С.* Академик М.А. Мензбир // Бюллетень МОИП. Отдел биологии. 1960. Т. 65. № 6. С. 129–140; Ректоры Московского университета: биогр. словарь / Сост. В.В. Ремарчук. М., 1996. Вып. 11. М., 1996. С. 147–152. (Справочно-информационная серия «Московский университет на пороге третьего тысячелетия»); *Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура. XVIII–начало XX вв. Биологические и медико-биологические науки: биограф. словарь. СПб.: РХГИ, 2003. С. 304–305.
[70] М.М. Новикову, в бытность его ректорства, были выделены помещения для квартиры и лаборатории в здании Геолого-минералогического института Московского университета. См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. 1952. С. 296.
[71] М.А. Мензбир – М.М. Новикову, 9 сентября 1923 г. // ГАРФ. Ф.Р-6767. Оп. 1. Д. 51. Л. 3–4.
[72] Там же.
[73] М.А. Мензбир – М.М. Новикову, 12 ноября 1922 г. // Там же. Л. 1.
[74] Там же.
[75] Мензбир М.А. (Париж) – М.М. Новикову, 8 октября 1930 г. Обратный адрес в Берлине: Berlin W.50. New Ansbacher Strasse, 10, II. Frau N. Salmanew // Там же. Л. 7–8.

[76] В.Н. Никитин (Севастополь) – М.М. Новикову,13 апреля 1923 г. // Там же. Д. 62. Август 1923 – октябрь 1934. Автограф. Л. 1–2об. Поскольку письмо было послано через А.А. Эйхенвальда, жившего тогда в Берлине, оно ошибочно попало в личную коллекцию документов А.А. Эйхенвальда.

[77] См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 46; Летопись Российской академии наук. Т. IV: 1901–1934 / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. М.: Наука, 2007. С. 582.

[78] См.: Хронология российской истории: энцикл. справочник / Под ред. Ф. Конта. М: Междунар. отношения. 1994. С. 213.

[79] Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 696–697.

[80] См.: Хронология российской истории: энцикл. справочник / Под ред. Ф. Конта, М.: Междунар. отношения, 1994. С. 212.

[81] См.: Там же.

[82] См.: Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 702.

[83] М.А. Мензбир (Берлин)– М.М. Новикову (Прага), 25 октября 1930 г. // ГАРФ. Ф.Р-6767. Оп. 1. Д. 51. Автограф. Л. 11–12. Обратный адрес в Берлине: Berlin W. 50, Nurnberger Strasse 31, bei Major Weiswange.

[84] Мензбир М.А. (Париж) – М.М. Новикову (Прага), 8 октября 1930 г. // Там же. Автограф. Л. 7–8. Обратный адрес в Берлине: Berlin W. 50. New Ansbacher Strasse, 10, II. Frau N. Salmanew.

[85] Там же. Л. 7–8.

[86] Возможно речь идет о книге «Принцип аналогии в сравнительной анатомии», вышедшей в издательстве Густава Фишера: «Das Prinzip der Analogie und die vergleichende Anatomie. Eine Studie über eine Gesetzmässigkeit in der Biologie». Mit 24 Abbildungen im Text. Jena: Gustav Fischer, 1930. 188 p.

[87] Мензбир М.А. (Берлин) – М.М. Новикову (Прага), от 14 октября 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6767. Оп. 1. Д. 51. Автограф. Л. 7–8. Обратный адрес в Берлине: Berlin W.50, Nurnberger Strasse 31, bei Major Weiswange.

[88] Мензбир М.А. (Париж) – М.М. Новикову (Прага), 25. X. 1930 г. // Там же. Автограф. Л. 11–12.

[89] Там же.

[90] Там же.

[91] Там же.

[92] А.А. Эйхенвальд (Милан) – М.М. Новикову, от 10. 10. 1934 // ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д 62. Письма А. Эйхенвальда – М.М. Новикову. Август 1923 – октябрь 1934. Маш. Л. 8.

[93] Вырезка газетной статьи «Юбилей проф. М.А. Мензбира» // Известия. 1934. 10 и 11 мая // ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Л. 5.

[94] На должность заведующего Севастопольской станцией В.Н. Никитин был избран 6 апреля 1921 г.

[95] Письма директора Севастопольской биологической станции Никитина М.М. Новикову. Октябрь 1922. Ноябрь 1927 // ГАРФ. Ф.Р-6767. Оп. 1. Д. 53.

[96] В.Н. Никитин (Севастополь) – М.М. Новикову (Прага), 13 апреля 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 62. Август 1923 – октябрь 1934. Автограф. Л. 1–2.

[97] Имеется в виду профессор Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) – философ права, общественный деятель; эмигрант. Весной 1922 г. основал и возглавил в Праге Русский юридический факультет при Пражском университете.

[98] В.Н. Никитин (Севастополь) – М.М. Новикову (Прага), 13 октября 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 62. Август 1923 – октябрь 1934. Автограф. Л. 1–2.

[99] В.Н. Никитин (Villefranche, Франция) – М.М. Новикову, 10 октября 1927 г. // Там же. Автограф. Л. 3–4.

[100] Письмо Толмачева И.П. (США), 23 декабря 1928 г. Адресат – некая Поля (знакомая С.И. Метальникова по Парижу) // Там же. Д. 74. Устав, программы деятельности, списки профессоров и другие материалы РСУ в Праге. 1923–1939 (391 л.). Л. 143.

[101] Как пишет петербургский историк С.И. Фокин, «последний всплеск русского присутствия на неаполитанской станции приходится на 1927 год, когда, как в лучшие дореволюционные годы, в Неаполе работали 15(!) русских ученых. К сожалению, это была своего рода агония – с начала 30-х годов XX века русской речи не было слышно на станции». *Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетея. 2006. С. 16.

[102] В.Н. Никитин (Villefranche, Франция) – М.М. Новикову, 10 октября 1927 г. // ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 53. Автограф. Л. 3–4об.

[103] В.Н. Никитин (Napoli Stazione Zoologica, Франция) – М.М. Новикову (Прага), 11 ноября 1927 г. 2 л. с оборотом, от руки // Там же. Л. 3–4.

[104] Н.И. Бухарин и М.Н. Покровский были избраны действительными членами Академии наук СССР 12 января 1929 г. – в год «великого перелома».

[105] В.Н. Никитин (Napoli Stazione Zoologica, Франция) – М.М. Новикову (Прага), 11 ноября 1927 г. // ГАРФ. Ф.Р-6767. Оп. 1. Д. 53. Автограф. Л. 3–4.

[106] 27 мая 1926 года Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР.

[107] В.Н. Никитин (Napoli Stazione Zoologica, Франция) – М.М. Новикову (Прага), 10 октября 1927 г. // Там же. Автограф. Л. 1–2.

[108] М.Н. Римский-Корсаков (Ленинград) – М.М. Новикову, 2 октября 1926 г. // Там же. Д. 54. Декабрь 1922 – май 1939 . Автограф. Л. 31–32.

[109] М.Н. Римский-Корсаков(Ленинград) – М.М. Новикову, 3 ноября 1936 г. // Там же.

[110] О переезде АН СССР в Москву см.: *Колчинский Э.И.* Указ. соч. С. 416.

[111] М.Н. Римский-Корсаков – М.М. Новикову, 3 ноября 1936 // ГАРФ. Ф. Р.-6767. Оп. 1. Д. 54. Декабрь 1922 – май 1939. Автограф. Л. 31–32.

[112] Там же.

[113] Председателем оргкомитета, запланированного в 1937 г. VII Международного конгресса по генетике, должен был стать Н.И. Вавилов, а ученым секретарем – И.И. Агол. И.И. Агол был расстрелян в 1937 г. как троцкист. Н.И. Вавилов, арестованный 6 августа 1940 г., умер от истощения 26 января 1943 г. в саратовской тюрьме. См.: *Колчинский Э.И.* Указ. соч. С. 416; *Кременцов Н.Л.* Научный интернационализм – идеологии, покровители и сети: 7-й Международный генетический конгресс. // На переломе: отечественная наука в конце XIX–XX в. Вып. 3: Источники, исследования, историография / Ред. Э.И. Колчинский, М.Б. Конашев. СПб.: Нестор-История. С. 255–298.

[114] М.Н. Римский-Корсаков (СПб.) – М.М. Новикову, открытка от 13 мая 1939 г. // ГАРФ. Ф.Р-6767. Оп. 1. Д. 54. Автограф. Л. 30. Адрес: Herr Professor Dr. M.M. Novikov U. Karlova 3. Zool. Inst. Ceske Univers. Deutchland. Praha, II.

[115] Там же.

[116] См.: *Кожевников А.Б.* Филантропия Рокфеллера и советская наука // ВИЕТ. 1993. № 2. С. 80–111.

[117] *Колчинский Э.И.* Указ. соч. С. 395.

[118] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1952. С. 299–300.

Глава 6

М.М. Новиков и защита Русской зоологической станции им. А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-Мер (Франция)

Научная и общественная жизнь М.М. Новикова в Чехословакии была неотделима от его деятельности по спасению и защите Русской зоологической станции им. профессора А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-Мер (Франция) в 20–30-е гг. XX в.[1] Долгие годы документы, связанные с работой станции и деятельностью М.М. Новикова как председателя ее «Попечительского комитета» (Comitté de Patronage et de Direction de la Station Zoologique Russeà Villefranche s/Mer)», считалось безвозвратно утерянными. Недавно эти материалы были обнаружены автором монографии в отделе музейно-архивного хранения Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва)[2]. В них отражена драматическая коллизия, сложившаяся вокруг судьбы станции. Описанию и анализу этих документов и событий посвящена данная глава; эпистолярная часть архива представлена в Приложении[3].

Открытка с видом на Русскую зоологическую станцию (1900)

Исторический очерк

Более 150 лет назад Виллафранка (Вильфранш-сюр-Мер) – небольшой городок, живописно расположенный в глубокой бухте Французской Ривьеры по дороге из Ниццы в Монте-Карло, находился в центре мировых событий. Тогда Виллафранка принадлежала Королевству Сардинии, где находилась Военно-морская база России с судоремонтными и складскими (угольными) помещениями[4]. Они располагались в большом старинном здании бывшей каторжной тюрьмы. Официально 6 ноября 1857 г. Королевство Сардинии передало эти помещения Императорской России в аренду на 99 лет (т.е. до 1956 г.). И даже тогда, когда в марте 1860 г. территории Ниццы и Виллафранки перешли во владение Франции (при этом Виллафранка переименована в Вильфранш), соглашение концессии продолжало сохраняться в силе[5]. Когда русский флот перевели в Грецию (29 июня 1859 г)., здание бывшей базы, за которым закрепилось

Группа ученых у ворот Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер (конец XIX в.).
***Fokin S.I.* Russian Biologists at Villafranca // Proc. Acad. Califor. 2008. Fourth Series. Vol. 59. Suppl. 11. P. 167–190**

название «Русский дом», долгое время пустовало. Переговоры об организации здесь морской Зоологической станции под эгидой России были начаты профессором Киевского университета Алексеем Алексеевичем Коротневым еще в 1879 г., но поддержки тогда не получили. И только спустя пять лет, в 1884 г., с разрешения Морского министерства Франции здание перешло в личную собственность ученого. Основные денежные вложения в реконструкцию были сделаны самим А.А. Коротневым; небольшие средства на ее содержание, помимо ряда русских министерств, выделил Киевский университет и французское правительство[6].

В обустройстве станции А.А. Коротнев использовал опыт Неаполитанской зоологической станции А. Дорна, приспособив старое здание для практических занятий студентов Киевского и других российских и европейских университетов и научно-исследовательской работы. «Немалая энергия понадобилась и на то, чтобы угольный склад превратить в научное учреждение. В 1886 г. станция была открыта и быстро привлекла к себе симпатии зоологов и ботаников, не только русских, но и иностранных», – вспоминал М.М. Новиков[7].

Опуская многие интересные детали в деятельности Русской зоологической станции, подробно описанные в ее отчетах и трудах историков, отметим только, что в конце XIX – начале XX в. станция, в силу своего исключительного положения на французском побережье Средиземного моря, получила широкую известность среди биологов-зоологов всего мира и вскоре стала крупным центром по изучению пелагической фауны[8]. Помимо студентов и магистрантов станцию посещали и выдающиеся русские ученые-зоологи: И.И. Мечников, А.О. Ковалевский, Н.П. Вагнер, К. Фогт, В.В. Заленский, М.А. Мензбир, М.М. Новиков, В.Н. Львов, А.Н. Северцов, В.М. Шимкевич, М.Н. Римский-Корсаков, Н.А. Иванцов, Н.В. Насонов, П.П. Сушкин, Б.В. Сукачев, А.А. Остроумов, Д.К. Третьяков, С.С. Чахотин и др. Популярность станции у зоологов была связана как с ее прекрасным техническим оснащением, так и с традиционным, радушным гостеприимством ее администрации, которым пользовались немцы, французы, англичане, итальянцы, бельгийцы. Главным богатством Виллафранской бухты был и остается ее чрезвычайно разнообразный микропланктон (иглокожие, ракообразные, медузы и проч.). Накануне Первой мировой войны (13 ноября 1913 г.) А.А. Коротнев обратился в Императорскую Академию наук с ходатайством о передаче станции на баланс академии. Тогда стан-

ция из частного учреждения стала государственным учреждением России, подотчетным Министерству народного просвещения по линии Императорской Академии наук[9].

С 1895 г. помощь А.А. Коротневу по руководству станцией оказывал известный профессор-зоолог Михаил Михайлович Давыдов; до этого работавший в Гейдельберге и Мюнхене; после кончины А.А. Коротнева в 1915 г. он занял пост директора станции.

Попечительский комитет Русской зоологической станции

После событий октября 1917 г. финансирование станции, как, впрочем, и других объектов российской недвижимости за рубежом, полностью прекратилось, все они быстро закрывались из-за отсутствия средств на их содержание. Заметно ухудшилось и юридическое положение русских, ввиду прекращения работы за рубежом большинства консульских и дипломатических учреждений царской России. Выход из трудной финансовой ситуации неожиданно нашла неформальная группа русских ученых-эмигрантов в Париже и Праге, которая в 1921 г. организовала специальный «Попечительский комитет по поддержанию Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер». В состав комитета вошли: Николай Иванович Андрусов – геолог, палеонтолог, академик Российской АН (с 1914), академик АН УССР (с 1919); в эмиграции – сотрудник геологического кабинета Сорбонны, с 1922 – сотрудник геологического кабинета Карлова университета в Праге; с 1921 г. – председатель Попечительского комитета. Три члена Попечительского комитета работали в Пастеровском институте в Париже: зоолог и иммунолог, профессор Сергей Иванович Метальников, врач и биолог, выпускник Киевского университета св. Владимира Александр Тихонович Васильев; ученый-агроном Соломон Самойлович Крым (введенный в комитет несколько позже). Кроме того, с французской стороны в состав комитета вошли: геолог, почвовед, профессор геологии в Сорбонне – Валериан Константинович Агафонов; юрист, государственный, общественный и церковный деятель России Евграф Петрович Ковалевский; директор станции – профессор Михаил Михайлович Давыдов; его помощник Григорий Семенович Трегубов и вдова бывшего директора станции – Софья Ивановна Коротнева.

Создание Попечительского комитета фактически спасло Зоологическую станцию как русское учреждение, по крайней мере на 10 последующих лет.

В начале 1923 г., когда М.М. Новиков появился в Праге, он быстро включился в работу Попечительского комитета по поддержанию станции в Вильфранш-сюр-Мер. «Когда я приехал в Прагу, комитет уже функционировал. Я вошел в число его членов, а через короткое время после смерти Андрусова мне пришлось принять на себя председательствование в нем. Эта должность оказалась весьма приятной, ибо была связана с необходимостью совершать поездки на Ривьеру», – вспоминал Новиков[10]. Вместе с ним в «пражскую» часть Попечительского комитета вошел и ботаник В.С. Ильин.

М.М. Новиков давно был знаком с Русской зоологической станцией: как профессиональный зоолог, он посещал ее еще в студенческие годы. Тогда же произошло его знакомство с заместителем директора станции профессором М.М. Давыдовым, которого М.М. Новиков характеризовал как «добродушного старичка, ученого немецкой школы… Он досконально знал фауну Вилла-франкской бухты, но научно не работал, занимаясь исключительно административными делами и собиранием материала для других исследователей»[11]. Позже, в 1913 г., участвуя в работе Международного конгресса зоологов в Монако, М.М. Новиков познакомился и с директором станции А.А. Коротневым и его супругой Софией Ивановной, о которой писал: «Урожденная Гире, она была богатой бессарабской помещицей, что позволяло ей материально поддерживать станцию. Оба супруга были высококультурными и симпатичными людьми»[12]. Впоследствии Новикову было особенно приятно оказывать Коротневым разные услуги. Именно Новиков, занимавшийся в IV Государственной Думе вопросами высшей школы и просвещения, помог Коротневу осенью 1913 г. провести законопроект о безвозмездной передаче Русской зоологической станции в казну Российского правительства со всем ее имуществом и денежным капиталом. Вел это заседание граф Вл. Бобринский[13].

Чешская академия наук и искусств и защита станции

Для большинства учеников М.М. Новикова, работавших в Чехословакии, Русская зоологическая станция в Вильфранш-сюр-Мер оказалась в то время единственной территорией для продолжения экспериментальной работы с океаническими организмами. Известно, что план Б. Немеца открыть чехословацкую станцию на острове Раб окончился неудачей. Поэтому какое-то время Рус-

ская зоологическая станция стала играть особенно важную роль в экспериментальной работе многих чешских биологов, сравнимую с важностью их предвоенных исследований на станции в Триесте и Неаполе.

По мнению чешских историков Томаша Германа и Карела Клейснера, М.М. Новиков, благодаря своему авторитету, быстро стал «членом респектабельного чешского академического эстеблишмента»[14]. 7 марта 1927 г. он (вместе с Н.А. Раевским и Л.В. Черносвитовым) был избран членом только что открытого Чешского общества зоологов, а затем (вместе с Н.О. Лосским, В.А. Францевым, Д. Чижевским и др.) – и членом Чешского королевского научного общества. Благодаря финансовой поддержке Министерства культуры и образования Новиков часто выезжал за рубеж, где представлял Карлов университет и зоологию Чехословакии на конгрессах в Будапеште, Падуе, Бордо, Варшавы и других городах. Свои академические статьи, вышедшие на русском языке, Новиков, как правило, повторно публиковал на чешском языке в чешской периодике. Кроме того, он публиковал статьи по

Академик Зденек Бажант, Прага

Портрет (маслом) профессора Алексея Алексеевича Коротнева 1889 г.

Академик
Николай Иванович Андрусов.
Из архива А.В. Копршивовой

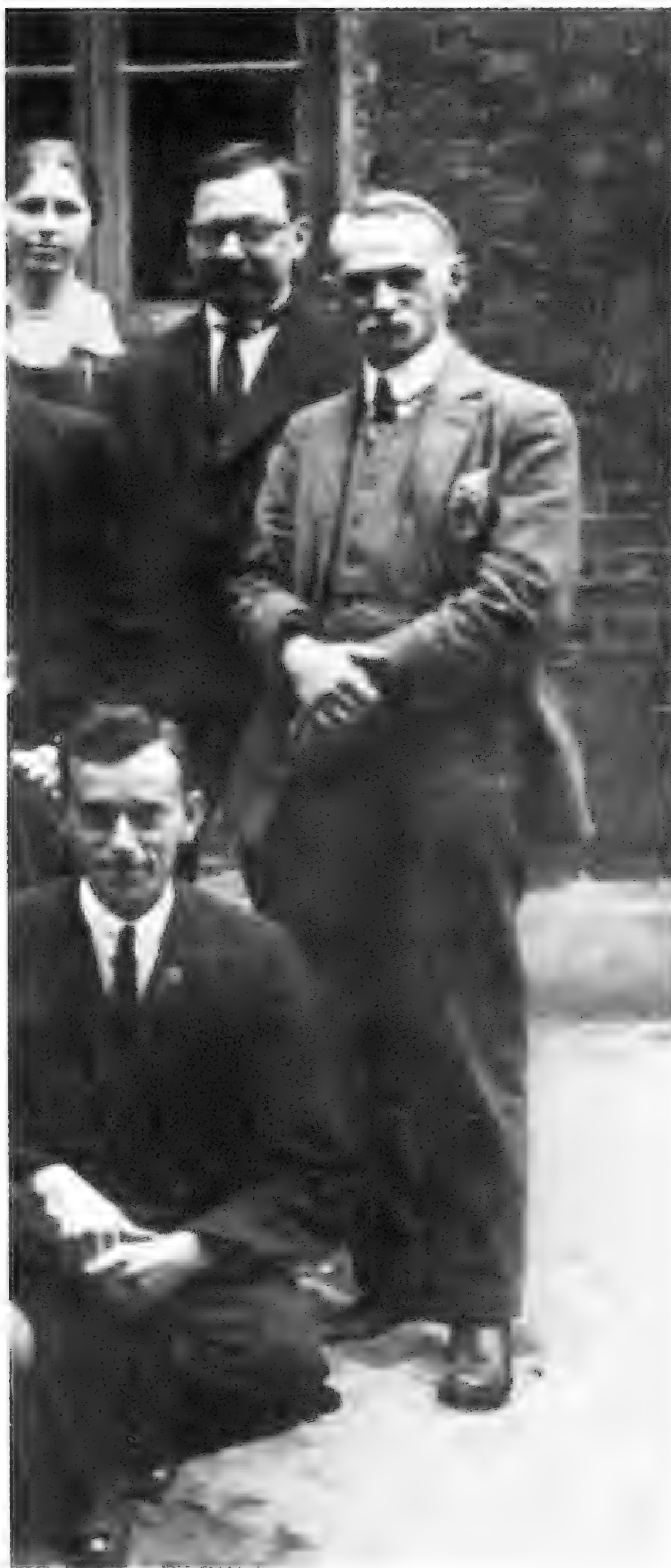

Профессор
Сергей Иванович Метальников.
Из архива С.И. Фокина

докладам на международных конгрессах на европейских (немецком, словацком, французском и английском) языках. Нацистские секретные материалы Nazi Security Service (Sicherheitsdienst) в 1939 г. дают достаточно точную и сдержанную характеристику Новикову: «Человек, который знает, как управлять в любой ситуации»[15].

В 1924 г., в связи с кончиной Н.И. Андрусова, а также выездом в Тунис профессора А.Т. Васильева, в составе Попечительского комитета произошли изменения. Председателем комитета был избран М.М. Новиков, а обязанности секретаря поручены В.С. Ильину[16].

Именно благодаря дипломатичности и настойчивости М.М. Новикова в состав Попечительского комитета Русской зоологической станции удалось ввести крупнейших чешских ученых: профессора Богумила Немеца – ботаника и ректора Карлова университета в 1921–1922 гг., профессора Эдварда Бабака – физиолога, профессора медицинского факультета Массариковского

Профессор Евграф Петрович Ковалевский (стоит справа) в группе педагогов Богословского института на Сергеевском подворье.

См.: *Корляков А*. Они сохранили достоинство и честь. Париж: ИМКА-Пресс, 2001. С. 174 (Сер.: «Русская эмиграция в фотографиях». Франция: 1917–1947»)

университета и Чешского университета в г. Брно и профессора Зденека Бажанта – ректора Высшего технического училища в Праге в 1923–1924 гг. Высокий авторитет этих ученых позволил комитету получить значительную финансовую помощь от Чешской академии наук и искусств по линии «Русской акции» президента Чехословакии Т.Г. Масарика, которая выражалась в оплате аренды 12 рабочих мест на станции в 1923–1932 гг. И хотя 4 сентября 1928 г. на заседании Попечительского комитета М.М. Новиков сообщил об угрозе прекращения поддержки со стороны Чешской академии», тем не менее и в 1928/1929 учебном году финансирование станции чехами не прерывалось[17]. Перерыв в оплате случился только в 1929/1930 учебном году (по вине ассистента директора станции Г.С. Трегубова, о чем будет рассказано ниже), но уже в 1930–1932 гг. оплата рабочих мест возобновилась, правда, в меньшем объеме – в 1931 г. Чешская академия наук оплатила 4 места, в 1932 г. – 1 место.

Помощь по линии Чешской академии наук выражалась не только в оплате рабочих мест для чешских

ученых, но и в покупке необходимого станции оборудования. М.М. Новиков вспоминал: «сверх арендной платы Чешская академия предоставила нам средства на покупку моторной лодки, без которой собирание научного материала, особенно в местах, отдаленных от станции, было весьма затруднительным. Старая же моторная лодка была уведена со станции во время войны. За сходную цену нам удалось приобрести от Океанографического музея в Монако подержанную, но вполне исправную лодку, и работа наша по собиранию морских животных снова закипела с довоенной энергией»[18].

Чешские ученые делали и другие крупные личные пожертвования для благоустройства и процветания станции. Так, например, на пожертвование, сделанное профессором К. Кори (C. Cori), на станции было оборудовано специальное помещение для проведения экспериментальных работ в ее нижнем отсеке[19]. Оказывая Русской зоологической станции материальную поддержку, Чешская академия стала пользоваться преимущественным правом аренды рабочих мест для командируемых ею лиц. Чешские ученые, пожелавшие получить стипендию Чешской академии наук, должны были обращаться в кураторий в Праге (председатель – профессор Б. Немец), и по получении стипендии – написать в дирекцию станции письмо о предоставлении им места, указав при этом тему своего исследования. По завершении работы стипендиаты должны были предоставить 50 оттисков своих работ (оплаченных станцией), написанных на основании материалов, собранных во время своей работы на Французской Ривьере.

С.И. Коротнева в одном из писем М.М. Новикову писала: «Я так счастлива была, когда чехи ее (станцию – *Т.У.*) взяли на свое попечение, и, казалось, что судьба ее была более или менее обеспечена»[20]. И далее: «Чехи до сих пор все вопросы о станции поставили очень великодушно и деликатно в отношении русских. Желательно, чтобы так сохранялось и дальше»[21].

М.М. Новиков мечтал превратить станцию в Славянский научный центр. При этом он сумел заинтересовать работой станции академии наук таких стран, как Польша, Югославия, Болгария и собрал более 500 000 франков на ее нужды. Он писал: «Станция являлась в то время чрезвычайно любопытным, можно даже сказать парадоксальным учреждением. Ее хозяева были нищие русские беженцы, которые оказывали, однако, гостеприимство всему ученому миру. Слава богатого планктона привлекла к ней внимание естествоиспытателей всех стран. Я помню, как однажды

Большой зал в здании Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер, 1909.
См.: *Fokin S.I.* Russian Biologists at Villafranca.
Proc. Acad. Califor. 2008. Fourth Series.Vol. 59. Suppl. 1. No. 11. P. 167–190

в нашей моторной лодке, вышедшей в море для сбора материала, уместились представители шести народов: русского, французского, североамериканского, немецкого, польского и китайского. Наладить общий разговор в такой компании было невозможно, но интерес и восторги по поводу доставлявшейся на палубу добычи были всеобщими и единодушными»[22].

Состав Попечительского комитета можно было бы считать безупречным в академическом смысле, если бы не личность ассистента директора Русской зоологической станции Григория

Семеновича Трегубова, который у большинства его коллег вызывал негативные чувства. В 1925 г. С.И. Коротнева писала о нем М.М. Новикову: «Не знаю, какое впечатление произвел на Вас Трегубов? Работает он, несомненно, очень много, но человек он неприятный, неприветливый, неуживчивый и, боюсь, станция потеряет свою хорошую репутацию, если он один будет на ней распоряжаться»[23]. Г.С. Трегубов был родом из Киева (Россия); окончил университет в Монпелье (Франция), где серьезно заинтересовался протистологией под руководством профессора О. Дюбоска. В соответствии с российскими законами, он не мог занимать должность помощника на Виллафранковской станции, так как у него не было российского диплома. Возможно, что в 1914 г. А.А. Коротнев согласился взять этого кандидата на должность ассистента М.М. Давыдова под влиянием отца Трегубова, который прислал соответствующее письмо в Министерство народного образования. В связи с чем Коротнев писал Давыдову: «Трегубова не знаю, но думаю, его можно временно устроить на станции, на зарплату Шнайдера»[24]. Трегубов был определен Коротневым по вольному найму – он его спасал тогда от воинской повинности!» – вспоминал А.Т. Васильев[25].

С середины 1920-х гг., в связи с болезнью директора М.М. Давыдова, ассистент Г.С. Трегубов фактически стал единоличным хозяином на станции. Он скептически относился ко всем попыткам комитета сохранить станцию как русское учреждение. В ответ на протесты комитета против его русофобской политики, он отвечал, что попытки передать ее под юридикцию России ничем не аргументированы и сентиментальны, поэтому единственным способ сохранить станцию – передать ее Франции. Вот как характеризовал личность Г.С. Трегубова сам М.М. Новиков: «Во время моих посещений Виллафранки в качестве председателя Комитета станции М.М. Давыдов был уже полным инвалидом, а заведование всеми делами лежало на ассистенте Григории С. Трегубове. Племянник известного протоиерея Трегубова, члена Государственной Думы, он, как это часто случается в семьях нашего духовенства, щеголял своим атеизмом. Будучи весьма раздражительным человеком, он нередко вступал в излишние пререкания с работавшими на станции, так что мне приходилось применять дипломатическое искусство для устранения серьезных недоразумений»[26].

Негативную характеристику Трегубову дала в своих воспоминаниях и вдова выдающегося русского зоолога Константина Николаевича Давыдова, который в 1925 г. жил какое-то время

с семьей на станции. «В это время М.М. Давыдов, хотя и числился директором, но был чрезвычайно слаб. В действительности же директором был Трегубов, очень неприятный молодой человек: всегда пьяный и очень грубый, особенно с русскими. Его жена-француженка также была малосимпатичной и недружелюбной по отношению к русским, и особенно к нам. К счастью, на станции в это время было несколько ученых, благодаря которым, мы чувствовали себя достаточно хорошо... С другой стороны, мы имели очень дружеские отношения с молодыми учеными из Польши, а также сыном проф. Новикова – Владимиром, который работал механиком... Когда "директор" уезжал в Париж, атмосфера лаборатории менялась. Уже на следующий день в коридорах раздавались свист, смех, шум; постоянно играли дети. В одной из лабораторий на общих паях готовили русский обед или накрывали общий чай в лаборатории»[27]. И еще одно мнение о Трегубове члена Попечительского комитета А.Т. Васильева: «В настоящее время она (станция. – *Т.У.*) находится в ведении зоолога, кот[орый], по-видимому, мало интересуется своей наукой, т.к. за почти 20-летнее пребывание на ней, имея все время совершенно свободным, имея такую богатую фауну и все нужное для работы, не написал ни строчки!»[28].

Секвестр и начало процесса денационализации Русской зоологической станции

Начало процесса денационализации Русской зоологической станции обычно ведет отсчет с появления судебного постановления, наложившего административный секвестр на Русскую зоологическую станцию в Виллафранш-сюр-Мер, как на государственное иностранное (в данном случае – русское) имущество. Французским уполномоченным по заведованию станцией (т.е. «судебным администратором станции» по секвестру) стал господин Пьер Жадон (Jaudon). Постановление о секвестре № 24278 от 4 января 1925 г. совпало с событиями дипломатическими: 24 октября 1924 г. правительство Франции официальной нотой признало де-юре СССР, и между двумя государствами были установлены дипломатические отношения на уровне послов. Однако советское правительство отказывалось платить долги царского и Временного правительства, что вызвало резкое недовольство в финансовых и дипломатических кругах Франции. Поэтому появ-

ление постановления о секвесторе на Русскую станцию в Вильфранш-сюр-Мер не было случайным.

Однако есть все основания предполагать, что постановление о секвестре было спровоцировано исключительно переговорами Г.С. Трегубова со своим бывшим научным руководителем по университету Монпелье – О. Дюбоском, которые он начал вести уже в начале 1924 г., без санкции Попечительского комитета. При детальном анализе содержания писем Г.С. Трегубова, адресованных М.М. Новикову за 1925–1930 гг. (только в коллекции ГА РФ таких писем насчитывается 57!), становится очевидным аморальная сущность поведения Г.С. Трегубова, высказывания которого шли вразрез с принципами русской академической жизни (см. Приложение). Обращает внимание низкая культура писем, а также – нередко их провокационное содержание, свидетельствующее о скрытом противодействии Г.С. Трегубова сотрудничеству станции с Чешской академией наук.

И всё же нельзя упрекнуть Г.С. Трегубова в скрытности. Будучи человеком хвастливым, амбициозным и не дипломатичным, в переписке с М.М. Новиковым он предельно откровенен и просто «фонтанирует». новостями и собственной «изобретательностью». Лишь изредка в его письмах встречаются намеки на конфиденциальность. При этом Трегубов искренне уверял членов комитета, что «секвестр был наложен на станцию **исключительно** в ее интересах».

Фраза из письма Г.С. Трегубова М.М. Новикову: «По словам Дюбоска, мы можем спать спокойно – на станцию не посягнут», по-видимому, касается претензий РСФСР на Виллафранкскую станцию. В связи с этим Новиков вспоминал: «На все их (большевиков. – *Т.У.*) требования возвратить станцию, французское правительство отвечало решительным отказом, “не желая пускать коммунистические элементы во двор своей военной казармы”»[29]. О попытках РСФСР вернуть себе станцию писала и С.И Коротнева[30]. В переписке с М.М. Новиковым Г.С. Трегубов часто представлял большевиков как «образ врага» и излишне эксплуатировал его. Поэтому и свою инициативу о передаче станции французам он традиционно оправдывал тем, что защищает ее от захвата советами. Летом 1926 г. Г.С. Трегубов информировал М.М. Новикова о новой волне интереса большевиков к станции: «Как я Вам писал, большевики **запросили о передаче им в собственность здания,** в котором помещается станция. Это их желание удовлетворено не может быть ни в коем случае. Поэтому может представиться случай, если будет соглашение с советами вообще, передадут им

станцию на том же основании, что и до войны. Здесь никакого разговора дальше не может быть. Но этот исход в высшей степени маловероятен… ⟨…⟩ Возможен и другой исход, т.е. чтобы не дать устроиться большевикам на военной территории, здание будет попросту отобрано французским правительством как ему принадлежащее. Здесь, по моему, самая большая опасность для существования станции и быть может, чтобы избежать этого, было бы интересно влияние чешского правительства ввиду интереса, который оно обнаруживает в отношении станции. Интересно было бы позондировать почву в этом отношении. Так как возможно, что большевики очень большого интереса к станции и не обнаруживают, ввиду наема ими 4 столов в Неаполе. Там сейчас находятся Северцов, Шевяков и ждут в скором времени Кольцова. Эти последние сведения мы имеем от М-м Dohm, которая не так давно проездом зашла на станцию»[31].

Однако на самом деле большую опасность в глазах Г.С. Трегубова представляли не большевики, а «Русская акция» Т.Г. Масарика, обеспечивающая финансовую помощь Русской станции. Под патронажем Чешской академии наук (и при наличии французского администратора) станция могла бы очень долго сохранять статус русского или русско-чехословацкого учреждедия, что, по-видимому, совсем не входило в планы Г.С. Трегубова и его патрона профессора О. Дюбоска.

Уже с 1924 г. Г.С. Трегубов начинает целенаправленно притеснять чешских ученых. Некоторым оно было отказано под надуманным предлогом в аренде рабочих мест, другим не отвечает на письма. Если ему ставят это в упрек, он оправдывается либо неудовлетворительной работой почты, либо собственной занятостью, а в основном – недостаточностью выделяемых Чешской академией средств, и отсутствием точного расписания приезжающих на станцию чехов. Все это имело единственную цель – скандалом добиться полного прекращения финансирования ее Чешской академией наук с тем, чтобы поскорее передать ее в руки французов. И это, невзирая на то что в течение девяти лет станция содержалась исключительно на чешские средства.

Репрессиям со стороны Г.С. Трегубова подвергались не только чехи и местные немцы, как о том свидетельствовали их жалобы, а также и некоторые русские ученые в том случае, если они ему чем-то не угодили. В посещении станции, например, было отказано выдающемуся зоологу К.Н. Давыдову. Сам Г.С. Трегубов в письме М.М. Новикову так комментирует свой отказ:

«В апреле получили (Давыдов и я) по письму от не безызвестного Вам К. Давыдова с просьбой дать приют на станции ему и его семейству на несколько дней проездом в Naple. Само собой разумеется, что Мих[аил] Михайлович] ему ничего не ответил. Я же написал по-французски несколько строк с вежливым отказом. Какая жалость, что не удалось вывести этого мерзавца на чистую воду, но все же ему даром это не пройдет – я уж об этом постараюсь»[32]. А вот отношение Г.С. Трегубова к членам комитета, профессорам С.И. Метальникову и А.Т. Васильеву: «Я очень рад, что у Метальникова рассеялось предубеждение против Станции; он очень хороший человек, но легко поддается наговорам, и я знаю, что предубеждение против станции и меня лично было сделано у него благодаря мерзавцу Васильеву, который не стесняется в клевете, если ему это выгодно, и даже большем, в случае надобности. Надеюсь, что мне удастся как-нибудь заполучить этого гуся и я оставлю ему памятку до конца его подлой жизни»[33].

В июне 1929 г. Г.С. Трегубов отказал в предоставлении жилой комнаты на станции сыну генерального секретаря и казначея станции Е.П. Ковалевского – П.Е. Ковалевскому, приглашенному ранее М.М. Давыдовым и М.М. Новиковым[34]. А спустя два года (1931) он отказал в проживании на станции и самому Е.П. Ковалевскому во время его приезда по делам в Вильфранш-сюр-Мер[35].

В каждом письме М.М. Новикову Г.С. Трегубов жаловался на отсутствие денег. При том, что став единоличным хозяином станции при больном директоре, он мог легко заработать деньги, сдавая пустующие рабочие места в аренду. Новиков писал: «До сих пор, после войны она (станция. – *Т.У.*) не жила, а лишь влачила жалкое существование. Все мои попытки подвигнуть Трегубова на какие-ниб[удь] актуальные мероприятия (которые могли бы приносить и доход станции), были безуспешны. А между тем, при правильной постановке дела на станцию охотно ездили бы люди для того, чтобы работать там за плату, как это делается на других станциях. Наша же станция, имеющая много преимуществ перед другими, стоит почти пустая. Мне так надоели постоянные бесплодные и нудные переговоры с Трегубовым, а его попытка передать станцию французам так возмутила меня, что я теперь не состою с ним в переписке»[36].

В 1929 г. Чешская академия наук выразила протест против нарушения этики в отношении чешских ученых и отказалась оплачивать аренду «своих» столов в следующем 1930 г. Ввиду сложившейся критической ситуации с финансированием, Е.П. Ко-

валевский вынужден был напрямую обратиться за помощью к французскому судебному администратору П. Жадону, и тот выделил на содержание станции 60 тыс. франков. Спустя год Чешская академия наук возобновила, хотя и в сокращенном объеме, контракт об аренде рабочих мест. Через М.М. Новикова академией был подписан договор с комитетом на 20 тыс. франков в счет аренды 4 рабочих столов, сроком на один год (1931)[37]. В 1932 г. аналогичный договор был подписан всего на 5 тыс. франков за аренду 1 стола[38]. В связи с этим Новиков, который, собственно, и инициировал возобновление отношений Чешской академии наук со станцией, заметил: «Добиться здесь возобновления договора было нелегко, так как здешняя профессура питает большое неудовольствие, вплоть до негодования по адресу дирекции станции»[39]. И далее: «Сейчас мы переживаем здесь очень тяжелое время. Говорят о серьезных сокращениях русской акции, а пока что нам после 1-го декабря еще ничего не платили и неизвестно, когда будут платить, и сколько»[40].

1930 год стал решающим в судьбе Русской зоологической станции и ее Попечительского комитета. Конфликт Г.С. Трегубова с чешскими учеными привел к расколу членов комитета – образовались две группы: «пражская» (М.М. Новиков, Б. Немец, В.С. Ильин) и «парижская» (С.И. Метальников, В.К. Агафонов, Е.П. Ковалевский, С.С. Крым). Если «пражская» группа резко выражала протест французскому правительству (от своего имени и от имени Чешской академии наук), категорически не допуская превращения станции во французское учреждение, то «парижская группа» шла на определенные соглашения с французской администрацией, рассчитывая, при французском финансировании станции, сохранить над ней контроль и руководство в лице Попечительского комитета.

22 марта 1929 г., на заседании «парижской» группы комитета, в его состав с «дипломатическим прицелом» были введены французские ученые: академик Ф. Мениль – сотрудник Института Пастера и Академии колониальных наук; Ш. Перез – биолог, профессор зоологии Сорбонны, директор Биологической станции в Ростоке; академик Морис Коллери – сотрудник Института Пастера, а также О. Дюбоск – профессор морской биологии Сорбонны, директор лаборатории Араго в Баньюльс-сюр-Мер (Восточные Пиринеи). Это спровоцировало протест М.М. Новикова и он отказался от поста председателя Попечительского комитета (на это место был выбран профессор С.И. Метальников); вслед за ним от должности секретаря комитета отказался В.С. Ильин.

Тем не менее М.М. Новиков не опускал рук и продолжал делать все возможное, чтобы спасти станцию, поскольку рассматривал передачу ее Франции, «как новый и тяжкий удар для страдающего национального самосознания!»[41]. Он просил членов комитета, живущих в Париже, «доказать Жадону, что управление секвестора не имеет права передавать О. Дюбоску станцию»[42], и настаивал на необходимости добиться разрешения на управление ею комитетом, в состав которого входят ученые разных стран. Он рекомендовал своим русским коллегам в Париже посоветоваться о судьбе станции с В.А. Маклаковым, а также бар[оном] Нольде «как выдающимся авторитетом по международному праву»[43] с тем, чтобы тот возбудил вопрос на Комиссии по интеллектуальной кооперации при Лиге Наций»[44]. Кроме того, М.М. Новиков обращался с личной просьбой к профессору Б. Немецу, С.И. Коротневой, в правление Союза русских академических организаций, убеждая срочно выразить протест О. Дюбоску, который уже занимал пост директора Средиземноморской биологической станции в Баньюльсе, рядом с Ниццей. Новиков считал Дюбоска центральной фигурой плана «по предполагаемому отнятию русского, а также чешского имущества, и нового унижения нашего национального достоинства»[45], хотя и писал о нем как о вполне порядочном человеке, считая, что к свершению русофобского акта его подтолкнул лично Г.С. Трегубов, заинтересованный в должности его заместителя и повышенном жаловании, «которого мы, по нашей бедности, не могли ему дать»[46]. Новиков надеялся, что под давлением влиятельной русской эмигрантской элиты» Дюбоск откажется от своего плана, и станция будет спасена как русское учреждение[47]. Однако он заблуждался. Письмо О. Дюбоска, адресованное С.И. Метальникову (10 мая 1930 г.), перевод которого приведен ниже полностью, нелицеприятно характеризует действия и О. Дюбоска и Г.С. Трегубова.

Дорогой господин Метальников!

Будьте уверены в том, что мое несогласие с Вами в вопросе Вашего проекта о роли Попечительского комитета стоит мне многого. Ранее Вы оказали мне честь, хотя это было уже давно, введя меня в состав комитета, и я принял это предложение с готовностью. Я был счастлив сотрудничать с Вами по вопросу спасения Русской зоологической станции. Законные основания, которых Вы добиваетесь для Русской зоологической станции сегодня, являются продолжением Вашего прежнего проекта. Хотя было бы непоследовательным с моей стороны не следовать

вслед за Вами, если бы не последние события. Я имею в виду проект Ковалье, или если перейти на официальный язык, – проект Министерства народного просвещения. Этот проект, который как Вы знаете, состоит в преобразовании в самый короткий срок Русской станции в Вильфранш во французскую, был живо поддержан Институтом морской биологии. Сорбонна сочла проект министерства интересным и добивается присоединения станции Вильфранш к своим владениям. Я сам защищал эту инициативу в интересах станции, ее будущего, а также – ее сегодняшнего персонала. Я приезжал в Вильфранш и имел долгие переговоры с господами Давыдовым и Трегубовым. И один и другой были единодушны (о чем они вопили чуть ли не с крыши), что очень хотели бы преобразования станции из русской во французскую. Не сомневаюсь, что мы к этому и придем. Но нужно делать все последовательно, шаг за шагом, чтобы устранить то, что может помешать нашим усилиям и нашей цели. Мне кажется, что Попечительский комитет, организации которого Вы добились, не способствует преобразованию станции из русской во французскую, а пытается сохранить ситуацию в ее современном состоянии. Вот почему, несмотря на то что мне об этом тяжело Вам говорить, я не могу стать президентом вашего комитета. При этом я выражаю Вам благодарность за честь, которую Вы мне оказываете своим предложением. Я буду в Париже в конце марта: и очень хотел бы Вас повидать и обсудить Ваш проект. Вы должны быть уверены, дорогой коллега, что нам удастся спасти станцию Вильфранш.

Дюбоск[48].

Тем не менее усилия М.М. Новикова и членов комитета возымели определенный положительный эффект. 4 июля 1930 г. станция хотя и перешла в ведение Парижского университета (Сорбонны), но в ее руководстве сохранились полномочия Попечительского комитета. Осталось и прежнее название Русской станции с сылкой на А.А. Коротнева. Все это давало членам комитета надежду на временный характер передачи станции Сорбонне и сохранение административного влияния комитета на администрацию. Это подтверждает содержание письма Е.П. Ковалевского, адресованного М.М. Новикову (11 августа 1930 г.).

Многоуважаемый и дорогой, Михаил Михайлович.

4-го/07 состоялось Межведомственное совещание (представитель М[инистерст]ва Ин[остранных] дел, М[инистерст]ва народного просв[ещения] и проф. Дюбоск, с одной стороны, и два русских проф[ессора]: Метальников и я, – с другой).

Удалось одержать полную победу: станция остается Русской и носит имя А. Коротнева и деньги от М[инистерст]ва нар[одного] просвещения (от 120 до 150 тысяч фр[анков] в год) даются.

Супердиректором является Дюбоск и научное руководство Сорбонны, но Давыдов и Трегубов остаются, и наш комитет узаконивается как Comite de patronage et de perfectionnement. Станция получает пароход для более дальних плаваний. Послезавтра – в Villefrance, и оттуда напишу Вам.

Ваш. Е. Ковалевский[49].

Тем не менее оставаясь верным принципу «ради русского имени», в сентябре 1930 г. М.М. Новиков выступил с ранее заявленным пленарным докладом «Русская биологическая станция в Виллафранке и грозящая ей опасность» на V съезде Русских ученых за границей в Софии (Болгария; 14–21 сентября 1930 г.)

К сожалению, после передачи станции Парижскому университету ситуация с администрацией станции не улучшилась: Г.С. Трегубов демонстративно отстранился от контактов с Попечительским комитетом, считая себя служащим исключительно французской администрации. Он категорически игнорировал те важные документы и запросы, которые приходили от членов комитета (в том числе, проекты по реорганизации станции, проект сметы о повышении казенного пособия на станции и др.)

19 марта 1931 г., вследствие многочисленных неприятностей и жалоб на администрацию станции, Чешская академия наук повторно внесла предложение о ликвидации отношений со станцией. 23 апреля 1931 г. профессора Б. Немец и В.С. Ильин, «находя создавшееся положение не только ненормальным, но и угрожающим дальнейшему существованию станции», обратились в комитет с предложением срочно командировать на станцию профессора М.М. Новикова[50]. В своем ходатайстве они писали: «От ряда лиц, посещавших последние годы станцию, как чешских, так и русских ученых, поступали заявления на крайне неудовлетворительное обслуживание нужд работающих со стороны персонала станции. При предварительной переписке не всегда удавалось получать ответ на запрос о свободных местах. Получение материала для работы встречало затруднение. Некоторые, несмотря на свободные комнаты, не могли получить их в свое распоряжение. Со стороны персонала многие посетители встречали крайне нелюбезное отношение, чтобы не сказать больше, в силу чего предпочитали покинуть станцию прежде намеченного срока и отказывались от намерения посещать ее в дальнейшем. Ряд чешских ученых, побывавших на станции, пришли к убеждению

о необходимости отказаться от дальнейшей аренды мест на ней, и употребить имеющиеся средства на наем мест на других станциях»[51]. И далее: «Проф[ессор] М.М. Новиков явился бы временно исполняющим обязанности директора, и в его ведение должны были бы перейти все суммы, распоряжение служебным персоналом и имуществом станции. И вообще полное руководство станции. За настоящим директором М.М. Давыдовым *должно быть* сохранено содержание полностью. Мы не сомневаемся, что проф[ессор] М.М. Новиков за короткое время приведет станцию в полный порядок и сделает все возможное для привлечения работающих. За эти годы мы все имели возможность убедиться, сколь много сделал проф[ессор] М.М. Новиков для сохранения станции и только благодаря его усилиям были изысканы необходимые средства в наиболее критические моменты жизни станции»[52].

Однако это пожелание не возымело действия – реальных изменений в поведении Г.С. Трегубова не произошло, что подтверждает письмо С.И. Метальникова, от 7 мая 1933 г.[53] На жалобу М.М. Новикова по поводу очередного притеснения им чешских ученых на станции, он, хотя и обещал обратиться в Сорбонну или в министерство, но при этом не забыл напомнить, что «к сожалению, деятельность нашего Комитета свелась к нулю, т.к. у нас фактически нет никаких средств, которыми мы могли бы располагать и помогать станции»[54].

Не получилось защитить станцию и с помощью членов Франко-русского общества, работа которого возобновилась в 1930 г., и на деятельность которого русские эмигранты возлагали большие надежды[55]. К 1935 г., судя по переписке членов Попечительского комитета, продолжение сотрудничества чешских и российских ученых-эмигрантов с администрацией Русской зоологической станции Парижского университета полностью прекратилось. В декабре 1933 г., в связи со смертью директора станции М.М. Давыдова, его функции полностью перешли к Г.С. Трегубову. Официально же Трегубов занял должность директора станции только спустя 10 лет, в 1943 г., когда скончался ее французский супердиректор О. Дюбоск, и занимал ее до 1956 г. Возможно, это совпадение, но именно в 1956 г. должен был официально закончится 99-летний период аренды Россией здания «Русского дома», приспособленного профессором А.А. Коротневым под Русскую зоологическую станцию.

«Таким образом, бесправная и беззащитная русская эмиграция потеряла учреждение, созданное русскими руками, управляющееся ими в течение более 40 лет и получившее всесветное

признание», – вынужден был констатировать М.М. Новиков в 1935 г.[56] И далее: «Понятно, что такое учреждение должно было всегда привлекать завистливые взоры. Еще в самом начале существования станции Коротневу с трудом удалось отбить нападение на нее швейцарских ученых. Но тогда он имел возможность воспользоваться могущественной поддержкой русского посланника в Париже. Эмиграция лишена такой возможности и потому ей пришлось расстаться со старинным русским достоянием»[57].

[1] Вильфранш-сюр-Мер (фр. Villefranche-sur-Mer) – средиземноморский городок на юге Франции, расположенный в шести километрах восточнее Ниццы. Входит в департамент Приморские Альпы. Он был основан в 1295 г. графом Прованса – Карлом Анжуйским, который даровал городу право свободной торговли и назвал его "Виллан-Франком" ("вольным городом"). В конце XIX в. (1857–1878) в городе размещалась Русская морская база. В 1885 г. здание угольного склада занимала Русская зоологическая станция, основанная киевским профессор А.А. Коротневым.

[2] Парижская коллекция» материалов к деятельности Попечительского комитета Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер (Франция) была оформлена как опись 2 в фонде 69 (Семейный фонд Ковалевских) // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицнына (АДРЗ). Ф. 69. (Семейный фонд Ковалевских). Оп. 2. Документы фонда поступили в ДРЗ в 2004 г. из Франции.

[3] В ГА РФе хранится вторая, так называемая чешская часть документов, связанных с деятельностью Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер: Ф. Р-6767 (Михаил Михайлович Новиков). Оп. 1, которая также использована в данной главе.

[4] Сардинское королевство (итал. Regno di Sardegna) — государство со столицей г. Турин, существовало в Италии в 1720–1861 гг. В его состав из ранее самостоятельных государств Италии входили: остров Сардиния, княжество Пьемонт, графство Ницца, герцогства Савойя и Генуя, Аоста и Монферрат. В 1861 г., после образования Королевства Италия, Савойя и Ницца перешли Франции; в составе Сардинского королевства остались: Сардиния, Пьемонт, Лигурия и часть провинции Павии.

[5] См.: *Ковалевский П.Е.* Русские в Вильфранш: из докл. в Русском научном институте в Париже) // Русская мысль (Париж), 1953. № 533, 4 марта.

[6] См.: *Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. С. 69. (Сер. «Русское зарубежье. Источники и исследования»).

[7] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 277.

[8] См.: *Давыдов М., Спичаков Ф.* Отчет (юбилейный) о деятельности Вилла-Франкской зоологической станции за 1909–1910 гг. К.: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1911.

[9] *Новиков М.М.* Доклад по законопроекту: о проектах положения и штата русской зоологической станции в Виллафранке, от 20 мая 1913 г., № 21850 // АДРЗ. Семейный фонд Ковалевских. Ф. 69. Оп.2. Д. 12. Л. 1–4об.

[10] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике.

[11] Там же.

[12] *Новиков М.М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию. Прага: РСУ, 1935. С. 13.
[13] *Новиков М.М.* Доклад по законопроекту: о проектах положения и штата русской зоологической станции в Виллафранке, от 20 мая 1913 г.
[14] *Hermann T., Kleisner K.* The Five «Homes» of Zoologist Mikhail M. Novikov (1876–1965). Analogy and Adaptation in One's Life and as a Principle of Biological Investigation // Jahrbich für Europaische Wissenschaftskultur. 2005. Bd. 1 .S. 107.
[15] Ibid. C. 92.
[16] Протокол заседания комитета Русской зоологической станции в Виллафранке. Б/д (ориент. 1924 г.) // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 80а. Л. 10.
[17] Протокол заседания комитета Русской зоологической станции в Виллафранке от 4 сентября 1928 г. // ГАРФ (РЗИА). Михаил Михайлович Новиков: Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 80а. Л. 3–4об.
[18] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. С. 280.
[19] Протокол заседания комитета Русской зоологической станции в Виллафранке от 4-го сентября 1928 г. // ГАФТ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 80а. Л. 3–4 об.
[20] С.И. Коротнева – М.М. Новикову, 11 февраля 1925 г. // Там же. Д. 49. Л. 1–3об.
[21] Там же.
[22] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 280.
[23] С.И. Коротнева – М.М. Новикову, 11 февраля 1925 г.
[24] Г.А. Шнайдер – один из ассистентов А.А. Коротнева, работавших на станции до 1915 г.
[25] А.Т. Васильев – Е.П. Ковалевскому, 26 ноября 1931 г. // АДРЗ. Ф. 69. Оп.2. Д. 4. Л. 1–2об.
[26] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 280.
[27] *Fokin S.I.* Цит. по: Russian Biologists at Villafranca // Proceedings of the California Academy of Sciences. Fourth Series. Vol. 59. Sup. l, No 11. P. 22.
[28] А.Т. Васильев – Е.П. Ковалевскому, 26 ноября 1931 г. // АДРЗ. Ф.69. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–2об.
[29] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 279.
[30] См.: С.И. Коротнева – М.М. Новикову, 4 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 49. Л. 16–17об.
[31] См.: Г.С. Трегубов – М.М. Новикову, 14 июня 1926 г. // Там же. Л. 14–15об.
[32] См.: Г.С. Трегубов – М.М. Новикову, 21 мая 1927 г. // Там же, Л. 55–56об.
[33] См.: Г.С. Трегубов – М.М. Новикову, 20 мая 1928 г. // Там же. Л. 34об.
[34] См.: Журнал Попечительного комитета Зоологической станции в Вильфранше, 10 февраля 1932 г. // АДРЗ. Ф. 69. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–3.
[35] См.: Е.П. Ковалевский – Г.С. Трегубову, 30 мая 1929 г. // Там же. Д. 3. Л. 1.
[36] М.М. Новиков – Е.П. Ковалевскому, 4 февраля 1931 г. // Там же. Д. 2. Л. 4об.
[37] Там же.
[38] Журнал Попечительного комитета Зоологической станции в Вильфранше, 17 февраля 1932 г. // АДРЗ. Ф.69. Оп. 2. Д. 9. Л. 4–6.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] М.М. Новиков – С.И. Метальникову, 12 апреля 1930 г. // АДРЗ. Ф. 69. Оп. 2. Д. 7. Л. 1об.

[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Там же.
[46] Там же.
[47] В ГА РФе сохранилось письмо профессора А.Н. Ломшакова (председателя Союза русских академических организаций за рубежом) и секретаря В.И. Исаева, адресованное графу В.Н. Коковцеву (председателю Русского общеэмигрантского совещания во Франции), от 3 июня 1930 г. с просьбой о защите Русской зоологической станции от ее денационализации // ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 68. Письма от Института Восточной Европы в Риме, зоологического факультета института им. Массарика в Берне, Русского научного института в Берлине и других организаций и учреждений М.М. Новикову. 1923–1939. Л. 14 см.: Приложение.
[48] О. Дюбоск (Баньюльс-сюр-Мер, Франция) – С.И. Метальникову (Париж), 10 мая 1930 г. // АДРЗ. Ф. 69. Оп. 2. Д. 5. Л. 1об.
[49] Е.П. Ковалевский – М.М. Новикову, 11 августа 1930 г. // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.
[50] Б. Немец, В.С. Ильин – Комитету Русской биологической станции в Вильфранш, от 23 апреля 1931 г. // АДРЗ. Ф. 69. Оп. 2. Д. 4. Л. 11.
[51] Там же.
[52] Там же.
[53] С.И. Метальников – Е.П. Ковалевскому, 7 мая 1933 г. // АДРЗ. Ф. 69. Оп. 2. Д. 1. Л. 45об.
[54] С.И. Метальников – М.М. Новикову, 22 августа 1933 г. // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 52. Л. 44.
[55] С.И. Метальников – Е. П. Ковалевскому, 17 ноября 1935 г. // АДРЗ. Ф. 69. Оп. 2. Д. 1. Л. 51.
[56] *Новиков М.М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию. С. 16–17.
[57] Там же.

Глава 7

Братислава (Словакия): 1939–1945

По новому закону Карлова университета в Праге профессорская служба его сотрудников ограничивалась возрастным цензом в 64 года, поэтому уже в 1940 г. М.М. Новиков должен был официально уйти в отставку, получив при этом пенсионное содержание, «недостаточное даже для скромного существования»[1]. Однако важнейшие события европейской и мировой истории на год опередили его уход из университета. К 1939 г. геополитическое положение ЧСР существенно изменилось. В результате мюнхенского «сговора» великих держав (29–30 сентября 1938 г.), положившего начало расчленению страны, Чехословакия потеряла треть своей территории, отошедшей к Германии, Польше и Венгрии. При этом территории Словакии и Подкарпатской Руси получили статус «автономий»: 14 марта 1939 г. было провозглашено самостоятельное и независимое Словацкое государство прогерманской ориентации, тогда как Подкарпатская Русь вошла в состав Венгрии.

15 марта 1939 г. Чехословацкую республику постиг новый удар – она была оккупирована немецкими войсками. 16 марта 1939 г. канцлер Германии А. Гитлер, выступая в Пражском замке, провозгласил образование германского «Протектората Богемии и Моравии», управляемого бароном К. фон Нейратом. Под его контролем действовал «государственный президент» Э. Гаха и «автономное правительство» Р. Берана (позднее – генерала А. Элиаша). Впрочем, по словам Новикова, «жизнь с внешней стороны изменилась мало, но над ней повис… какой-то зловещий туман. Перспективы как Карлова, так и Свободного университетов, в которых культивировалась славянская идея, становились при нацистском режиме весьма смутными»[2]. О тревожной атмосфере в Чехословакии писал ученик М.М. Новикова К.И. Гаврилов: «Был очень рад получить от Вас известие, узнать, что Вы здоровы, что пражская жизнь постепенно выравнивается после жутких сентябрьских дней (ведь их я тоже провел в Праге; мой отлет совпал с Мюнхеном), и что в нашем институте все по старому, хоть и сильно поредели русские кадры»[3]. В связи с оккупацией Чехословакии возникла и другая проблема – выдача русских эмигрантов немецкому командованию. По мнению Н.О. Лосского, в этих условиях «даже профессора немецкого Карлова университета

М.М. Новиков с дочерью Татьяной Михайловной, лаборанткой Ветеринарного института в Брно, 1935.

ГА РФ. Ф. Р.- 6767. Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1. Ед.хр. 91. Д. 10: Фотографии и иллюстративные материалы. Л. 6

в Праге, пользовавшегося совершенною свободою и всеми благами демократии, благожелательные к развитию науки и процветанию университетской жизни, вели себя как изменники»[4].

Какое-то время М.М. Новиков еще продолжал работать, но морально начал готовиться к отставке. В феврале 1939 г. он был избран председателем Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике (после мая 1939 г. – в Протекторате Чехия и Моравия). До него председателями союза были: В.Ф. Булгаков (1924–1927), Н.М. Могилянский (1927–1929), Н.И. Астров (1930–1932) и С.И. Варшавский (1932–1939). Формально организация продолжала существовать до 1942 г. включительно.

Весной 1939 г. М.М. Новиков поехал на юбилейные торжества в Софию, где должен был выступить с докладом[5]. Вместо себя в качестве временно исполняющего обязанности ректора Русского свободного университета (РСУ), он оставил профессора В.С. Ильина. В Болгарии Новиков встретился со своими детьми – старшей дочерью Татьяной и сыном Владимиром. Ранее руководство Софийского университета провело переговоры с Новиковым о занятии им кафедры гистологии, освободившейся ввиду ухода на пенсию профессора Д.Д. Крылова. «Занятый в Праге делами Русского народного университета, я не особенно стремился переезжать в Софию. Но, во всяком случае, я официально не отказывался. Однако через некоторое время мне сообщили, что профессором назначен молодой болгарин, ни в чем себя в науке не проявивший. И здесь узко националистическая тенденция одержала победу над соображениями научного характера», – вспоминал Новиков[6].

В эти же весенние дни М.М. Новиков получил из Братиславы[7] – столицы новой Словацкой республики – приглашение занять кафедру зоологии и пост директора будущего Зоологического института при Словацком университете. Приглашение основывалось на рекомендации двух чешских профессоров, работавших в этом университете: географа Я. Громадки (Jan Hromádka), зоолога и антрополога Й.Ф. Бабора (Josef Florian Babor). Руководство университетом разрешило Новикову организовать Зоологический институт в соответствии с его собственными пожеланиями.

Приглашение эмигранта занять вакантную должность было во многом связано с переломным для Словакии и самого университета временем. С одной стороны, в Словацком университете готовилось открытие новых кафедр и факультетов, в частности, природоведческого (естественно-научного) факультета. С другой стороны, с приходом на пост ректора в 1939 г. националиста

и коллаборациониста В. Туки, занимавшего одновременно пост премьер-министра страны, со своих вакантных мест были изгнаны многие чешские и еврейские педагоги. Новые вакансии в небогатой собственными научными кадрами Словакии приходилось открывать с большим трудом.

К моменту переезда М.М. Новикова в Братиславу, преподавание естественно-научных дисциплин велось на философском и педагогическом факультетах университета. В сентябре 1939 г. при философском факультете был открыт Зоологический институт, куда и пригласили Новикова. В октябре 1939 г. планировалось создание и Ботанического института во главе с крупным специалистом по флоре Малой Азии профессором Ф. Набелеком[8]. В 1940 г. специальным распоряжением словацкого правительства был создан природоведческий факультет, куда вошли Ботанический и Географический институты, а также Институт зоологии и сравнительной анатомии. Основателями нового факультета были признаны Я. Громадка, Ф. Набелек и М.М. Новиков; на этом факультете в осенне-зимний семестр 1940/1941 гг. насчитывлось 176 студентов[9].Позже (в 1941–1944 гг.) в состав природоведческого факультета вошли Геолого-палеонтологический, Минералого-петрографический, Математический, Астрономический институты и Институт ядерной физики.

М.М. Новиков признавался: «Мое расставание с Прагой произошло в удобный для меня момент. ⟨…⟩ Мне, конечно, было жаль оставить Прагу, в которой было проведено наибольшее количество исследований, принесших мне известность в ученом мире. Но я ни минуты не сомневался относительно принятия сделанного мне, иностранцу, лестного предложения, которое в то же время рассекало все завязавшиеся вокруг меня гордиевы узлы. Лишь один вопрос беспокоил меня: не нарушаю ли я товарищескую этику, переходя на службу к словацкому правительству, выделившемуся из состава Чехословацкой Республики. Мои чешские коллеги, однако, вполне успокоили меня указанием на то, что между университетами никакой розни нет, и что они по-прежнему будут поддерживать со мной дружеские отношения»[10].

Решение М.М. Новикова покинуть Прагу оказалось единственно верным, поскольку уже в ноябре 1939 г. Гитлер распорядился закрыть все чешские учебные заведения. Серьезные изменения политического положения Чехословакии не могло не отразиться на деятельности многих организаций русской эмиграции, которые попали под контроль Управления делами русской эмиграции в Берлине (УДРЭ). «Свободный университет… ⟨…⟩

утратил свой традиционный славянский характер, попал под контроль немецких нацистов, 〈…〉 был переименован в Русскую свободную академию и, во всяком случае, перестал быть тем, чем он был прежде. Когда я через год после переселения в Братиславу, навестил Прагу, чтобы закупить там для своего нового института библиотеку, проф. Бажант с горечью и обидой говорил мне о происшедших переменах»[11]. Перемены эти были связаны с адаптацией к условиям немецкой оккупации. 16 ноября 1939 г. Совет преподавателей РСУ единогласно избрал новым ректором профессора, доктора естественных наук В.С. Ильина, настроенного резко антисоветски, но лояльно по отношению к фашистскому режиму. В конце 1940 г., когда в РСУ еще продолжали работать 60 русских преподавателей, он был отдан под наблюдение Немецкого Карлова университета[12]. Научно-исследовательское объединение университета также продолжало свою работу, но она шла вяло.

В 1940–1941 гг. прошла реорганизация университета. В ущерб научно-исследовательской деятельности решено было сосредоточить внимание на работе курсов для населения по прикладным темам, которые приносили, пусть и небольшой, но стабильный доход. В апреле 1943 г. РСУ был переименован в Русскую свободную академию (РСА) и почти полностью остановил научную работу. В июне 1943 г. был закрыт Русский культурно-исторический музей (РКИМ), а в августе – курсы русского языка. Осенью 1944 г. часть преподавательского состава РСА покинуло Прагу. В феврале 1945 г. В.С. Ильин потребовал от А.Н. Фатеева принять обязанности ректора, а сам бежал из Чехословакии, спасаясь от наказания за сотрудничество с нацистами[13]. После войны Русскому свободному университету вернули его прежнее имя, но в 1948 г. П.А. Остроухов, исполнявший в это время обязанности ректора, обратился в Министерство иностранных дел Чехословакии с предложением о ликвидации университета. В марте 1949 г. Русский народный (свободный) университет был окончательно закрыт[14].

Итак, 18 октября 1939 г., решив этическую дилемму прощания с Прагой, М.М. Новиков с семьей переехал в Братиславу. На следующий день он выступил с первой лекцией перед многолюдной и восторженно принявшей его аудиторией Словацкого университета. Спустя год в Братиславу из Болгарии переехал его сын Владимир с женой и дочерью. Здесь Новиковы получили словацкое гражданство и пережили годы Второй мировой войны.

В эти годы (1939–1945) Братислава была перенаселена русскими. Знакомство с некоторыми людьми из нового окружения

Новикова впоследствии переросло в многолетнюю дружбу. В 1923–1945 гг. на филологическом факультете Словацкого университета работал профессор Валерий Александрович Погорелов переехавший в Братиславу из Софии в 1923 г. Он преподавал здесь историю русского языка и литературы, диалектологию, славяно-русскую палеографию, был лектором русского, болгарского и сербохорватского языков. В 1929 г. на заседании Русской академической группы в Чехословакии Погорелов защитил диссертацию на степень доктора славянской филологии, а в 1939 г. получил звание профессора русского языка и литературы[15].

Профессор Константин Гаврилович Белоусов

В 1938 г. в Словакию из Праги переехал сын академика Н.И Андрусова (1861–1924) Дмитрий Николаевич Андрусов – геолог, доктор естественных наук, сотрудник Геолого-палеонтологического института при Карловом университете. Поначалу он работал внештатным профессором геологии в Государственной высшей технической школе им. М.Р. Штефаника в г. Кошице, позднее переведенной в г. Мартин, а затем переехал в Братиславу. В 1940 г. Д.Н. Андрусов был назначен на должность штатного профессора Братиславского университета. Член Словацкой академии наук и один из основателей факультета естественных наук университета им. Я.А. Коменского он по праву считается основоположником современной словацкой геологической школы[16].

Константин Гавриилович Белоусов – инженер-гидротехник, доктор технических наук – сыграл большую роль в послевоенной судьбе М.М. Новикова и его семьи.

По окончании Чешского высшего технического училища (1921–1924) К.Г. Белоусов начал работать в Министерстве общественных работ на отделении по использованию водной энергии в Словакии. В 1929 г. он защитил диссертацию на соискание

ученой степени доктора технических наук; в 1939 г. его избрали доцентом, в 1940 г. – экстраординарным, в 1943 г. – ординарным профессором Высшей технической школы Словакии. Его жена Татьяна Сергеевна Белоусова (урожд. Верховская) в 1940 г. окончила медицинский факультет Словацкого университета в Братиславе. В 1945 г. с наступлением советских войск Белоусовы переехали в Мюнхен, в Американскую зону Германии.

Почти все годы Второй мировой войны провел в Братиславе Брижитский Георгий Константинович – специалист в области прикладной ботаники и фитопалеонтологии. С января 1940 по апрель 1945 г. он работал ассистентом по общей и системной ботанике на факультете естественных наук Словацкого университета, где преподавал системную ботанику и фитопалеонтологию и где 31 мая 1941 г. ему была присуждена степень доктора естественных наук. Кроме того, Брижитский преподавал дендрологию, лесную ботанику, фитопатологию лесов на факультете лесоводства и агрокультуры в Словацком Технологическом университете.

В 1940 г. М.М. Новиков помог переехать из Праги в Братиславу семье ботаника и зоолога, доцента Николая Юльевича Вагнера, ранее работавшего на кафедре физиологии и анатомии растений у профессора Б. Немеца в Карловом университете. Н.Ю. Вагнер был сыном известного энтомолога, профессора Юлия Николаевича Вагнера, жившего в эти годы в Югославии. В Братиславе, вместе с Новиковым Вагнер участвовал в организации Зоологического института при Братиславском университете. К сожалению, он не имел ни чешского, ни словацкого гражданства, и в Братиславе продолжал жить с нансеновским паспортом, что помешало ему занять должность доцента. Вагнер был вынужден работать как ассистент при кафедре сравнительной анатомии Зоологического института[17]. Доцентом по кафедре сравнительной физиологии животных он стал только в 1952 г. В Словакии он занимался физиологией животных, энтомологией и общей зоологией, а также изучал явление стресса у человека. В Братиславе Вагнер воспитал большую группу учеников, некоторые из них стали выдающимися учеными[18]. Не случайно, на биологическом факультете Словацкого университета долгое время сохранялась мемориальная доска с именами основателей факультета: три из них принадлежат нашим соотечественникам – Д.Н. Андрусову, М.М. Новикову и Н.Ю. Вагнеру.

Наконец, в 1942 г. из Праги (где им уже заинтересовалось гестапо) в Братиславу переехал с женой профессор Николай Онуфриевич Лосский. В Словацком университете ему была предостав-

лена должность заведующего кафедрой философии. Об этом периоде своей жизни Лосский вспоминал: «В Братиславе мы получили хорошую квартиру (четыре комнаты с кухней и комнатой для прислуги) в профессорском доме. В том же доме жил со своей семьей профессор зоологии Михаил Михайлович Новиков, последний выборный ректор Московского университета, и талантливый профессор-гидротехник Константин Гавриилович Белоусов»[19]. В Словакии, в 1944 г. у Лосского вышла в свет книга «Условия абсолютного добра», а в 1946 г. в переводе на словацкий язык были опубликованы еще две крупные работы: «Абсолютный критерий истины» и «Достоевский и его христианское миропонимание». Известно, что Лосский писал лекции по-русски, надписывая над русскими словами их словацкий перевод. В работе по переводу ему помогал студент Михаил Заричняк, который позже уехал в Нью-Йорк. В 1943 г. у Лосского скончалась супруга, и вскоре он окончательно покинул Словакию, вылетев в Париж к сыну[20].

Профессор Николай Онуфриевич Лосский

В Братиславе, по личным впечатлениям самого М.М. Новикова, он оказался «на высоте духовного благополучия»[21]. В университете его окружали коллеги-единомышленники и студенчество, «проникнутое научным энтузиазмом», и здесь ему была предоставлена возможность создания собственной научной школы[22]. «В Праге, куда я переселился, я не был хозяином института и принужден был довольствоваться скудостью тамошнего научного оборудования. Получив затем возможность создать в Братиславе собственный Зоологический институт, я горячо взялся за это дело и вложил в него всю свою, правда, уже старевшую энергию», – писал Новиков[23].

В довоенные годы в Словацком университете не было природоведческого факультета, поэтому студенты-биологи вынуждены

были слушать лекции в Праге или в Брно. Сразу же после своего переезда М.М. Новиков приложил все усилия к открытию Института зоологии и сравнительной анатомии на Географическом отделении философского факультета Словацкого университета. Институт был открыт уже 1 ноября 1939 г., а вскоре был открыт и природоведческий факультет[24]. В Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке хранятся документы, датированные 1939 и 1940 гг. и подтверждающие работу Новикова в должности заведующего кафедрой анатомии, гистологии и эмбриологии Словацкого университета в Братиславе и должности директора Зоологического института этого университета (Zoologický ústav Slovenskej univerzity v Bratislave). В 1940–1942 гг. Новиков временно занимал должность заместителя декана природоведческого факультета. Он также руководил небольшой Зоологической станцией на Дунае и читал краткий курс всеобщей и лесной зоологии студентам Высшего технического училища.

Некоторые важные подробности жизни М.М. Новикова в Братиславе можно найти в его переписке с заведующим Русского культурно-исторического музея (РКИМ) в Праге Валентином Федоровичем Булгаковым[25]. Так, 20 марта 1940 г. Михаил Михайлович писал:

«Что касается до моего пребывания здесь, то оно сложилось, или вернее складывается довольно удачно. Я занимаю ординарную профессуру, так что автоматически сделался здешним подданным. С осени предполагается открытие самостоятельного ест[ественно]-научного факультета, а пока študium pri´r.ved. входит в состав философского факультета. С осени же я надеюсь переехать в собственное зоологич[еское] инст[итутское] помещение, для которого помещение (комнат 10–11) уже намечено, но еще не оборудовано. А пока теснюсь с двумя ассистентами в двух комнатах Физиолог[ического] института. Читаю сейчас гистологию и сравн[ительную] анатомию и веду, при содействии ассистентов, практ[ические] занятия по этим предметам. Слушателей порядочно, человек 50 – публика симпатичная, с увлечением грызущая гранит науки. А кроме университета привлекли меня и в Высшее техническое училище для чтения краткого курса всеобщей и лесной зоологии (там около 70 слуш[ателей]). При таком большом количестве часов лекций, при массе разных экзаменов, да при организации Зоол[огического] института и маленькой Зоологической станции при Дунае, на работу научно-общ[ественную] и даже на научно-исследов[ательскую] не хватает ни времени, ни энергии. Правда, одну научную работу на слов[ацком] языке я все-таки исхитрился опубликовать. Надеюсь, что после создания своего института, все это можно будет подогнать. А сейчас здесь приятное, нормальное

академич[еское] положение в рамках почти совершенно нормальной житейской (продовольственной) обстановки»[26].

Спустя полгода, 20 сентября 1940 г., М.М. Новиков вновь возвращается к обсуждению своей преподавательской деятельности и созданию Зоологического института в Братиславе:

«Здесь русской общественной жизни нет и я целиком погружен в свою академическую и акад[емико]-организационную работу. В университете за два семестра прочел курс общей зоологии, а на предстоящий семестр готовлю сравнит[ельную] анатомию и историю академических учений. В технике буду снова читать краткий курс общей зоологии и зоологию леса. Работа трудная, но очень приятная, соответствующая тому, что бы я делал у себя дома. Да и язык ближе к русскому, особенно в смысле мягкости произношения. Так что некоторые студенты, слушавшие меня еще в Праге, говорят, что здесь у меня выходит лучше.

Но организация здесь подвигается дов[ольно] медленно и мой институт все еще не готов, хотя для него уже закуплены микроскопы и часть мебели. Сейчас энергично работают над ремонтом помещения, так что месяца через 1 1/2–2 я рассчитываю иметь институт, новый, как с иголочки, и устроенный так, как это мне представляется целесообразным. С чудными микроскопами, отчасти бинокулярными, и с прекрасным остальным инструментарием. Только книг пока очень мало. Но 7-го октября я собираюсь с представителями здешнего министерства поехать в Прагу, где мне предлагают купить большую библиотеку. Если это осуществится, то все будет в порядке.

Со слушателями у меня очень приятные отношения. А особенно трогательны болгары, к[оторые] называют меня по своему обычаю, принимая во внимание моего зятя в Болгарии, сватом, и искренне радовались, когда весной я получил из Софии командирский крест ордена Св. Александра. А затем из Болгарии пришло и еще одно удовольствие. Мой сын Володя, с женой и дочкой переселились сюда. Так что теперь моя семья здесь насчитывает уже 8 человек. В том числе, две внучки в возрасте, соответствующем приблизительно возрасту Ваших дочек. А еще у нас живет прелестная, белоснежная ангорская кошечка, которая бегает за мной, как собачка, и очень радуется, если я поймаю для нее муху: это ее лучшее лакомство.

В те несколько дней, которые я собираюсь провести в Праге, мне очень хотелось повидаться с Вами и навестить музей. Но если эта поездка осуществится (паспорта у нас уже есть), то она будет

очень краткой и придется всячески экономить время, чтобы и дело сделать и повидаться с друзьями и знакомыми»[27].

В следующем письме от 20 января 1941 г. М.М. Новиков сообщает: «Я все еще никак не могу переехать в новое помещение Зоологического института, хотя почти все там уже готово. Но не хватает некоторых мелочей. В некоторых комнатах мне не нравится электр[ическое] освещение и т.д. А если теперь я перееду, то труднее будет добиваться поправок. Думаю, однако, что недельки через две устроимся на новом месте. Как видите, и бланки с новым адресом уже готовы. Мой новый инст[итут] очень близко, только через дом от нынешнего. А что в Праге с Татьяниным днем? Мы здесь собираемся отметить его скромным, интимным ужином»[28].

В последней открытке из Братиславы, датированной 27 января 1943 г., М.М. Новиков пишет В.Ф. Булгакову: «У меня жизнь течет по-прежнему размеренно, но нельзя сказать, что тихо, потому что приходится проявлять большую энергию для ежегод[ного] чтения лекций и для бол[ьшо]го количества практ[ических] занятий. Институт растет – у меня уже 3 ассистента и 2 демонстратора. Кроме того, препаратор и 3 служителя. Так что много и админ[истративной] работы. Начал я издавать научные труды института. Но в моем возрасте все это порядочно утомляет. В Тат[ьянин] день устроили мы вечер с докладами 3 проф[ессоров]. Кроме меня говорили Погорелов и Лосский. Шлю Вам сердечный привет. Ваш М. Новиков»[29].

Удивительно, но переписка М.М. Новикова с В.Ф. Булгаковым не прерывалась даже в связи с арестом последнего. 22 июня 1942 г. Булгакова арестовали как пацифиста и гражданина СССР оккупационные немецкие власти Протектората Чехии и Моравии. Просидев несколько месяцев в тюрьме Панкрац, 15 октября 1942 г. он был выпущен на свободу. Затем последовал повторный арест 27 марта 1943 г. с депортацией в лагерь для интернированных советских граждан и военнопленных (крепость Вюльцберг около Вайсенбурга в Баварии)[30]. Освобожден Булгаков был американцами только с окончанием войны. В годы войны и оккупации Чехии и Моравии погибла часть музейного собрания Русского культурно-исторического музея при РСУ, а в июне 1944 г. музей был закрыт оккупационными властями[31].

По воспоминаниям современников, Михаил Михайлович Новиков был самой крупной научной фигурой природоведческого факультета: чуть ли не вся система образования здесь была основана на его лекциях и семинарах. Он воспитал самое первое

поколение зоологов Словакии. Благодаря ему, зоология в этой стране была включена в реестр учебных и научных дисциплин; и до сих пор зоологи Словацкого университета в Братиславе с гордостью признают приоритет русского ученого в этом вопросе[32]. В 1944 г. в Братиславе коллеги Новикова широко отметили его 68-летие[33]. В 1941 г. Новиков предложил на рассмотрение сотрудников и студентов факультета проект коллективного научного творчества, а в 1942 г. под его редакцией стал выходить сборник «Коллективные работы факультета естественных наук в Словакском университете», содержавший статьи сотрудников и студентов природоведческого факультета[34], в том числе, и три собственные работы Новикова: «К вопросу о влиянии окружающей среды на живые организмы»[35], «Адаптационные способности насекомых и позвоночных»[36], «Относительно формирования хряща у Наутилуса»[37]. В этих работах рассматривались фундаментальные проблемы зоологии и эволюции, имеющие важное значение для теоретической биологии в целом. В Братиславе Новиков завершил свои исследования по происхождению хрящевой ткани у беспозвоночных, структуре глаз и изменении организмов под влиянием некоторых экстремальных факторов окружающей среды.

Результаты этих исследований объяснили характер конвергенции хрящевой ткани у Наутилуса (Nautilus) и других беспозвоночных, и их связи со скелетом животных. Кроме того, М.М. Новиков показал важность рабдома как “светособирающего” органа глаза насекомых. В статье, посвященной адаптационным способностям насекомых и позвоночных, он впервые подверг анализу две столь различные группы живых организмов, главным образом на предмет различий в их строении и оценки их шансов в борьбе за существование. Позже, комментируя это исследование, Новиков размышлял: «Нам трудно представить себе, какие изменения постигнут в будущем нашу планету. Мы не знаем и того, в каком направлении пойдет дальнейшая эволюция животных форм. Но, тщательно анализируя вышеприведенные конкретные факты, мы не можем отделаться от мысли, что у насекомых больше данных для преодоления неблагоприятных условий существования. Правда, при этом не принимается во внимание психологический фактор. Но и он не может иметь решающего значения. Ибо неизвестно, что будет полезнее при могущих возникнуть стихийных или других катастрофах: высоко ли развитой разум, который с одинаковой легкостью становится на правильный или ложный путь, или инстинкт, тесно связанный с органической природой

и потому всегда служащий сохранению, если не индивидуума, то вида»[38].

Работая в Словакии, М.М. Новиков, если судить по его личным воспоминаниям, не ощущал немецкого присутствия и влияния и имел возможность успешно продолжать свои научные изыскания до конца войны. Его внучка – Валентина Тиброва, училась в немецкой гимназии. Правда, по более поздним воспоминаниям внучки профессора Ю. Вагнера в семье его зятя – Тиброва могли были быть прогитлеровские настроения[39]. Сам же Новиков не был политически ангажирован. От предложения вступить в члены так называемой Глинковой словацкой народной партии (Hlinkova slovenská ľudová strana)[40] он категорически отказался, к счастью, без всяких для него негативных последствий[41]. Однако после отъезда из Братиславы Новикову все-таки было поставлено в вину сотрудничество с оккупантами («коллаборационизм»), якобы имевшее место в период его работы в Словакии. Тем не менее, словацкие ученые до сих пор сохраняют добрую память о русском ученом. В августе 2001 г., на Отделении зоологии в Университете Я. Коменского в Братиславе был организован и проведен академический зоологический семинар, посвященный 125-летию со дня рождения Новикова[42].

М.М. Новиков вспоминал: «В Праге, а потом в Братиславе я читал лекции по истории биологии, содержание которых изложил в форме учебника. Коллеги, которым я показывал свою рукопись, одобряли ее, и я приступил к ее изданию. А между тем, над Словацкой республикой сгустились военные тучи, и я должен был уехать. Мои друзья, однако, осуществили выход книги в свет, хотя и не могли придать ей достаточно тщательной обработки, на которую может быть способен только автор. Лишь один экземпляр книги успел проскочить ко мне перед закрытием "железного занавеса"»[43]. Речь, по-видимому, идет о книге «Исторический обзор биологических теорий» (Dejiny biologických teórií), вышедшей в словацком издательстве: Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská в 1944 г., объемом 170 страниц. В начале 1945 г. Новиков подал в отставку в знак протеста против диктаторских приемов управления высшей школой, введенных словацким правительством. Тогда сенат Братиславского университета, членом которого он состоял, единодушно протестовал против закона словацкого правительства, пытавшегося установить в угоду Гитлеру диктаторские приемы управления высшей школой[44]. В 1944 г. аресты русских эмигрантов войсками НКВД начались на востоке Словакии, и по мере продвижения Красной армии, они переместились на запад

страны, завершившись в июле 1945 г. в Братиславе. Большинство русских НКВД и СМЕРШ вывозили в СССР, но были и те, кого словацкие власти помещали в местные тюрьмы[45].

[1] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью- Йорка. Моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 274.

[2] Там же.

[3] Гаврилов К.И.(Буэнос-Айрес) – М.М. Новикову (Прага), 4 марта 1939 г. // ГА РФ, Москва). Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 52а. Л. 2. Автограф. К.И. Гаврилов покинул Прагу 30 сентября 1938 г. Его путь лежал в Бремен (через Швейцарию и Нидерланды), откуда 1 октября 1938 г. он отплыл в Аргентину.

[4] *Лосский Н.О.* Воспоминания: жизнь и философский путь. Мюнхен: Fink Verlag, 1968. С. 276.

[5] О перипетиях этой поездки см.: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. New York: All Slavic Publishing House, 1956. С. 68–69.

[6] Там же. С. 65.

[7] До аннексии город (Братислава) имел старое название Прессбург (по-словацки: Prešporok, по-немецки: Pressburg, по-венгерски: Pozsony).

[8] *Lukáč R.* Štvrt'storočie prírodovedeckej fakulty // Naša univerzita. Bratislava, 1965. Roč. X. Č. 14. 28. Marec. S. 1.

[9] Ibid; *Žúrková L.* Historický prehl'ad vývoja chémie na PRIF UK // Ibid. Bratislava, 2001. Roč. XLVII. Č. 5. S. 10.

[10] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 274.

[11] Там же. С. 275.

[12] См.: *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.) / Под ред. И.Р. Плеве. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2012. С. 212–213.

[13] См.: Там же. С. 213.

[14] См.: Там же. С. 213–214.

[15] См.: Там же. С. 96–98.

[16] *Чумаков А.В.* Россияне в Словакии (Российские соотечественники в Словакии: история и современность) / Пер. Т.К. Шпоререровой. Братислава: Stredná odborna škola polygrafická, 2008. С. 65–66.

[17] После войны семья Вагнеров решила покинуть Словакию. В 1955 г. им было разрешено вернуться в СССР с большой группой амнистированных русских (по коллективной визе). По иронии судьбы они попали в Ташкент, на освоение целинных земель. Н.Ю. Вагнер погиб в 1953 г. в Высоких Татрах при невыясненных обстоятельствах.

[18] См.: *Чумаков А.В.* Указ. соч. С. 70.

[19] См.: *Лосский Н.О.* Воспоминания: жизнь и философский путь. СПб., 1994. С. 284.

[20] См.: *Чумаков А.В.* Указ. соч. С. 85.

[21] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 284.

[22] См.: Там же.

[23] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 7–8.

[24] *Matis D.* Prínos Prof. M. Novikova k Rozvoju zoologie na Slovensku (Вклад проф. М. Новикова в прогресс зоологии в Словакии) // Folia faunistica Slovaca, 2012. Vol. 17 (3). P. 201–206 (in Slovak).

[25] Переписка хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства – РГАЛИ (бывшем Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, Москва). Ф. 2226. В.Ф. Булгаков. Оп. 1. Ед. хр. 947. Пере-

писка с М.М. Новиковым (Братислава). 9 апреля 1925 г. – 27 января 1943 г. на бланке Зоологического института при Славянском университете в Братиславе [Zoologický üstav Slovensky university v Bratislave].

[26] Новиков М.М. – Булгакову В.Ф., 20 марта 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2226. В.Ф. Булгаков. Оп. 1. Д. 947; на бланке Зоологического института при Славянском университете в Братиславе. Автограф. Л. 11.

[27] См.: Новиков М.М. – Булгакову В.Ф., 20 сентября 1940 г. // Там же. Автограф. Л. 13.

[28] Новиков М.М. – Булгакову В.Ф., 20 января 1941 г. // Там же. Автограф. Л. 19.

[29] Новиков М.М. – Булгакову В.Ф., 20 января 1941 г. // Там же. Автограф. Л. 19.

[30] См.: *Булгаков В.* В царстве свастики: по тюрьмам и лагерям / Публ. Н.Н. Артемовой. М., 2005. С. 117–124. № 5.

[31] После окончания войны В.Ф. Булгаков перевез коллекции Русского культурно-исторического музея (РКИМ) в помещение русской школы в Праге на Панкраце, где он работал. Официально РКИМ был закрыт в марте 1949 г., и в этом же году по инициативе Булгакова перевезен в СССР. См.: *Булгаков В.Ф.* Русский культурно-исторический музей (1934–1939)// Ариаварта. № 3. СПб., 1999. С. 149–198; *Докашева Е.С.* Русский культурно-исторический музей в Праге. М., 1993; *Муромцева Л.П., Перхавко В.Б.* Из истории культурно-просветительской деятельности российской эмиграции в Чехословакии в 20–30-е годы // Вестн. Московского университета. Сер. 8: История. 1994. № 3. С. 17–21.

[32] *Hermann T., Kleisner K.* The Five “Homes” of Zoologist Mikhail M. Novikov (1876–1965). Analogy and Adaptation in One’s Life and as a Principle of Biological Investigation // J. für Europaische Wissenschaftskultur. 2005. Bd. 1. P. 87–130.

[33] *Babor J.F.* Prof. Dr. M. Novikov na Slovensku (Профессор М. Новиков в Словакии) // Prírodovedčeká príloha Technického obzoru slovenského (The Natural Science Supplement of the Technical Horison of Slovakia). 1944. Vol. 5. P. 17–18.

[34] С 1942 по 1945 гг. было опубликовано 11 томов Сборника работ природоведческого факультета.

[35] K otázke vplyvu okolia na živočíšne organizmy // Sborník Prác Prírodovedeckej fakulty Slovak University v Bratislave. Bratislava: Faculty of Natural Sciences at the Slovak Univ., 1942. 32 p.

[36] Adaptačná schopnosť u hmyzu a stavovcov // Sborník Prác Prírodovedeckej fakulty Slovak University v Bratislave. Bratislava: Faculty of Natural Sciences at the Slovak Univ., 1944. 36 p.

[37] K otázke stavby chrupky u Nautila // Ibid. 32 p.

[38] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 43.

[39] Эти сведения в 2004 г. сообщила автору монографии профессор Университета дружбы народов им. П. Лумумбы в Москве Вера Николаевна Вагнер – внучка профессора Ю. Вагнера.

[40] Это была националистическая и, по сути, клерикальная партия. Она была названа так в честь своего лидера – католического священника Андрея Глинки – стремившегося любыми путями добиться независимости для Словакии, пусть даже путем союза с немецкими нацистами.

[41] См.: Автобиография М.М. Новикова // Mikhail Mikhailovich Novikov Collection. Box 5. / Бахметевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке – Bakhmeteff Archive (BAR), Rare Book and Manuscript Library. Columbia: Univ. Libraries; New York. Автограф, на англ. яз.

[42] *Hermann T., Kleisner K.* Op. cit.

[43] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 47.

[44] См.: Там же.

[45] См.: *Чумаков А.В.* Указ. соч. С. 50.

Глава 8

Послевоенная Германия 1945–1949

11 февраля 1945 г., на завершающем этапе Второй мировой войны, состоялась Ялтинская конференция руководителей СССР, США и Великобритании, где, в числе других, решалась и проблема возвращения – репатриации военнопленных и гражданских перемещенных лиц в их родные страны[1]. Тогда же были заключены секретные соглашения, по которым все русские и советские граждане, освобожденные после 22 февраля 1945 г., должны были быть отделены от беженцев других национальностей и направлены в особые сборные пункты под контролем союзного военного командования, где их гражданство будет подтверждено представителями Советской репатриационной комиссии (СРК). После установления советского гражданства все они подлежали возвращению в СССР, невзирая на их личные пожелания. Исключение составляли лишь жители тех стран, чья территория была присоединена к СССР в 1939–1940 гг. На практике же представители СРК отправляли в СССР всех, кто по национальности был русским, в том числе, и эмигрантов «первой волны», покинувших Россию после октября 1917 г. Исключения делались очень редко.

С мая 1945 г. органами НКВД и СМЕРШа начались аресты представителей российской эмиграции на территории Чехии, Словакии, Югославии, Болгарии, Италии, Австрии и др.[2] Тысячи эмигрантов были насильно депортированы в СССР, где они, «в лучшем случае», пополнили лагеря ГУЛАГа[3]. Часть эмигрантов чудом спаслись бегством, пройдя буквально пол-Европы со своими семьями, чтобы попасть на территорию западной зоны послевоенной Германии или Австрии. Здесь их тоже ожидали лагеря для «перемещенных лиц», находившиеся в ведении УНРРА. Однако представители стран «свободного мира» – США и Великобритании, подписавшие в феврале 1945 г. Ялтинское соглашение, не всегда хотели и могли обеспечить русским беженцам эффективную защиту от советских спецслужб, оставляя им фактически единственный выход – скорейший переезд в США, Канаду, Южную Америку, Австралию. Это было совсем не просто, так как большинство стран, согласившихся принять определенную квоту беженцев войны, проводили их тщательную политическую проверку. При этом ни одной национальности не чинилось столько затруднений с отъездом, как русским[4].

Когда к Братиславе приблизились войска Советской армии, М.М. Новиков обратился в консульство Швейцарии за визой. Однако консул порекомендовал ему въехать в его страну через Германию. Немецкое командование, объявившее эвакуацию, также советовало всем русским профессорам, находившимся в Словакии, перебираться в Германию. Новиков согласился переехать в район Пассау (Бавария)[5]. По его воспоминаниям: «Многие это предложение отклонили. Колебался и я, чувствуя себя между Сциллой и Харибдой, но в конце концов победило сознание невозможности существования под большевистским режимом. Снова, как в Москве, пришлось покинуть только что налаженную лабораторию, сдать вновь накопленную библиотеку на хранение ассистенту без большой надежды когда-нибудь получить ее обратно, и насильственно порвать радостную духовную связь с учащейся молодежью»[6].

Н.О. Лосский так прокомментировал сложившуюся послевоенную ситуацию: «Политически скомпрометированные русские уехали из Братиславы в Баварию, заранее отправив свои вещи в Германию. И я отправил в Германию наиболее ценные меховые вещи, ⟨…⟩ Вещи эти попали в Геттинген и никогда не вернулись ко мне. Сам я решил, в конце концов, не уезжать в Германию»[7].

Вскоре после того как Новиковы попали на территорию Германии, их чуть было не подвергли репатриации. Кроме того, во время переезда бомбардировкой были уничтожены те немногие ценные вещи и книги, которые семья Новиковых смогла вывезти с собой из Братиславы. Личный архив М.М. Новикова в Бахметевском архиве Колумбийского университета содержит копии двух писем от группы русских эмигрантов в Военную комендатуру американской зоны Германии, с просьбой о защите их от репатриации в СССР. Они датированы маем–июнем 1945 г. Есть все основания предполагать, что в этой группе находились и члены семьи Новикова (см. Приложение).

В конце-концов, Новиковым удалось добраться до Регенсбурга (Бавария), старейшего города Германии, расположенного на севере реки Дунай. Это была американская зона оккупации Германии. Здесь уже сформировалась большая русская колония, которую возглавлял приятель М.М. Новикова, член Государственной Думы В.А. Харламов[8]. Как писала в своих воспоминаниях А. Аристова, вместе с родителями поселившаяся в Регенсбурге: «После окончания войны немцы стали заметно ласковее. Нас больше не называли “грязными иностранцами”, “русскими свиньями”, а раскланивались и даже здоровались»[9]. И далее:

«В Германии оставаться нельзя было. Во-первых, и это было самое страшное, мы слишком близко находились к Советскому Союзу. Началась холодная война и все боялись, что она в любой момент может перейти в горячую. Родители боялись возвращения на родину больше всего на свете»[10].

В Регенсбурге М.М. Новиков и члены его семьи (жена, дочь Елена с мужем, дочерью и внуком, сын Владимир с женой и детьми) жили до 1949 г. Они были приписаны к регенсбургскому лагерю Ди-Пи и находились на положении «перемещенных лиц»[11]. Как и некоторые другие профессора, они получили разрешение жить вне территории лагеря. По рекомендации обербургомистра Регенсбурга, Новикову с семьей были предоставлены две комнаты по адресу: Straubingerstrasse 33, Regensburg, Bavaria, Germany, U.S. Zone, в квартире бывшего директора сахарного завода. Квартира имела центральное отопление, что было редкостью в тогдашней Германии. Поскольку Новиковы находились под опекой УНРРА, это давало основание для юридической и моральной защиты их от репатриации в СССР[12].

Лагерь Ди-Пи в Регенсбурге просуществовал до 1949–1950 гг., после чего его перевели в г. Ингольштадт, «укрупнив» таким образом другие лагеря. Но это случилось уже после отъезда Новиковых в США.

В Государственном архиве Регенсбурга сохранились документы, связанные с регистрацией в местном полицейском управлении Новикова и его жены – Валентины Николаевны и оформлением ими немецких учетных карт с необходимыми фотографиями и отпечатками пальцев[13]. Они датированы 9 августа 1946 г. Тем не менее, угроза репатриации семьи Новикова в СССР, как и других так называемых «белых» («политических») эмигрантов сохранялась вплоть до 1948 г., когда, наконец, Конгрессом США был принят Закон о Ди-Пи и появилась реальная возможность для переезда в США[14].

Греко-православная церковная община Регенсбурга

Попав в Регенсбург и увидев почти безнадежное положение российских беженцев, над которыми нависла угроза насильственной репатриации в СССР, бывший член Государственной Думы В.А. Харламов и Л.Ф. Магеровский (бывший директор пражского прессагентства «Руссинион» и глава отдела Русского заграничного исторического архива в Праге) пришли к идее создания

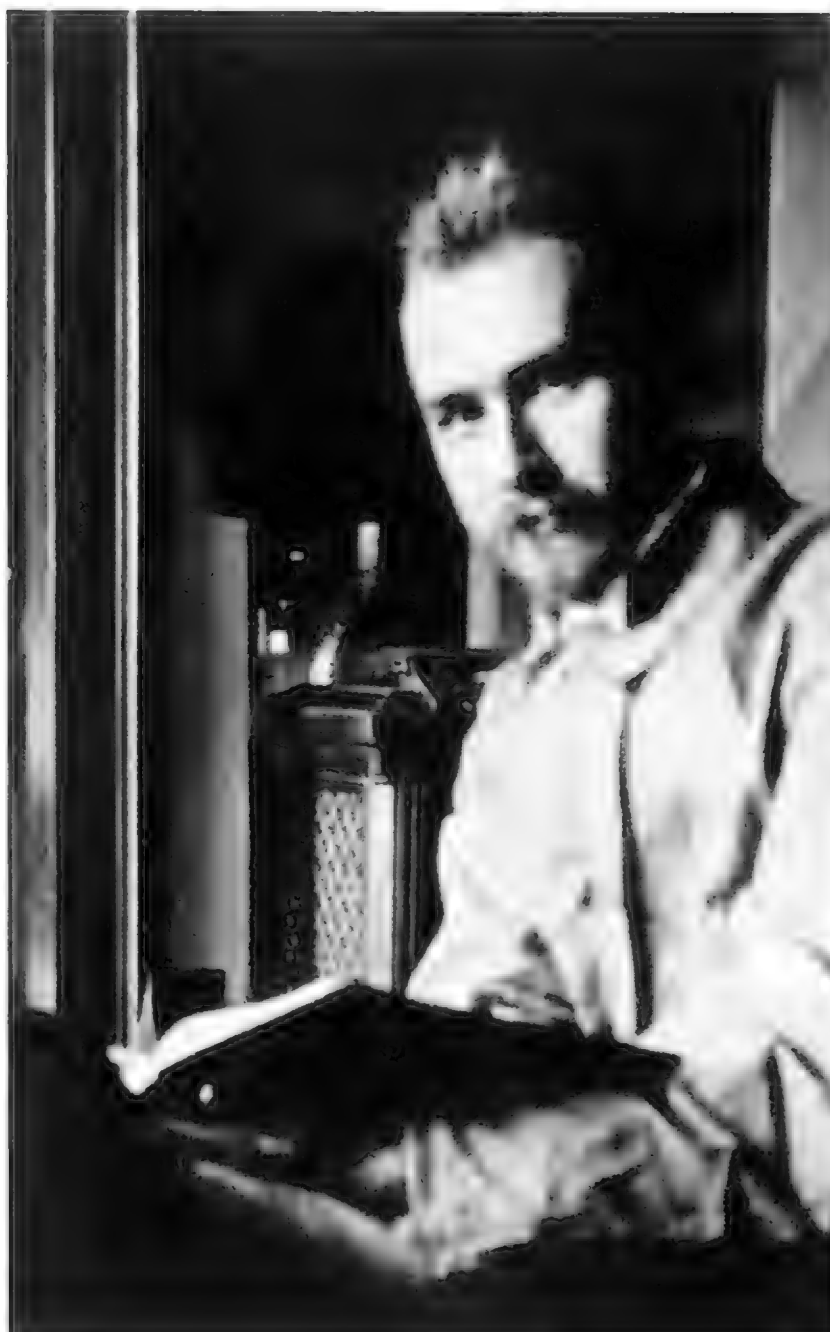
православной организации, занимавшейся спасением русских беженцев. Назвать свою организацию «русской» было небезопасно (тем более, что в общине служили два священника, бежавшие из СССР), поэтому они предложили назвать ее Греко-православной церковной общиной (Greek Orthodox Church Community in Regensburg), После визита к американскому помощнику коменданта города, ведавшему гражданским населением, немецкой стороне было приказано отвести под общину отдельное помещение – старую заброшенную пивную в самом центре Регенсбурга, располагавшуюся на улице Silbernefischgasse ("Улица серебряной рыбы"), дом 17.

Община успешно действовала до начала 1950-х гг.; ее сотрудники готовили и выдавали фиктивные документы, утверждающие, что в 1939 г. данная персона жила вне СССР. Таким образом несколько тысяч русских беженцев были защищены от преследования Советской репатрицонной комиссией (СРК) и насильственной репатриации в СССР. На основании общепринятых норм международного права община успешно отстаивала права русских беженцев и их интересы перед американскими военными учреждениями. Сотрудников Администрации ООН по восстановлению и помощи УНРРА для службы в лагерях Ди-Пи набирали преимущественно в США, но в целом их состав был весьма разношерстным. В большинстве своем они были «нейтралами», но были и те, кто с легкостью передавал Ди-Пи в руки сотрудников НКВД, полагая, что коммунизм – это явление русское, национальное, и русские могут сами договориться.

В личном архиве М.М. Новикова в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США) хранится удостоверение Греко-православной общины в Регенсбурге от 28 июля 1945 г., подтверждающее, что он работал в этой организации как руководитель Культурно-образовательного отдела, давал уроки по биологии и занимался научной работой. Удостоверение подписано генеральным секретарем общины – доктором Л.Ф. Магеровским и 20 августа 1945 г. заверено нотариусом[15]. В 1946 г., когда Новикову исполнилось 70 лет, от имени Греко-православной церковной общины Регенсбурга ему было послано поздравительнеое письмо: «Господь Бог милостью своей вознес Вас на высокое место в рядах общественных и научных работников на ниве всенародного служения. Вся наша община горячо приветствует Вас в эти дни, как выдающегося представителя нашей Великой Культуры, и гордится Вашим участием в совете общины»[16].

Майкл Новиков –
студент 1-го курса
Гейдельбергского университета.
Германия, 1901

Из личного архива С.И. Фокина

Отто Бючли –
профессор зоологии
и сравнительной анатомии
Гейдельбергского университета.
Германия

**Мензбир
Михаил Александрович –
ординарный профессор
по кафедре сравнительной
анатомии
Императорского Московского
университета,
ректор университета
(1917–1919)**

**Русские студенты и стажеры
на реке Некар.
Гейдельберг (Германия), 1903.
Стоят слева направо:
М.Н. Римский-Корсаков,
М.М. Новиков (в центре),
М.Н. Спесивцев,
В.В. Станчинский (сидит)**

**Из личного архива
С.И. Фокина**

Профессор
Павел Иванович Новгородцев
Фото из архива
А.В. Копршивовой

Михаил Михайлович Новиков,
1910

Группа московских кадетов в Государственной Думе IV созыва

IV созыв Государственной Думы: художественный фототипический альбом с портретами и биографиями. СПб.: Изд-е Н.Н. Ольшанского; Тип. Грамотность, 1913

Томаш Гарриг Масарик – президент Первой Чехословацкой Республики, 1925

Академик Богумил Немец (ЧСР)

Профессор М.М. Новиков, 1939

Из личного архива Т. Hermann'а

М.М. Новиков в кругу семьи в Дейвицах:
жена Валентина Николаевна, дочери Елена и Татьяна, две внучки
ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Ед.хр. 91. Д. 10. Л. 5

М.М. Новиков благодарит Ц. Бартонь-Добенина за предоставление помещения для Русского культурно-исторического музея в Збрасловском замке, 1935
Из личной коллекции А.В. Копршивовой

Торжественное открытие Русского культурно-исторического музея в Збрасловском замке (29 сентября 1935). Среди присутствующих: архимандрит Исаакий, владыка Сергий, Ц. Бартонь-Добенина, княгиня Н.Г. Яшвиль, профессор М.М. Новиков, М.А. Рафальская, князь П.Д. Долгоруков

Фото из архива А.В. Копршивовой

Празднование Дня Татьяны в Праге, 1935

Фото из архива А.В. Копршивовой

Бюст М.М. Новикова.
Автор К. Ваганова
Фото из архива
А.В. Копршивовой

B (zur Ausstellung der Kennkarte) R1/8589/46

Novikov Valentine

Meldeblatt für die polizeiliche Registrierung
und die Ausstellung einer deutschen Kennkarte

1. Familienname: Novikov Vornamen: Valentine
bei Ehefrauen geb. Volkov verw. gesch.
Sondername:
2. Geboren am 7. Februar 1876
3. Geburtsort: Moskau, Russland
4. Familienstand: led. — verh. — verw. — gesch. —. Bei bestehender Ehe: Eheschließung mit
Novikov Michael am 1897 in Moskau
5. Jetziger Beruf: Hausfrau Evtl. früherer Beruf:
6. Wohnort: Regensburg Seit wann? Juni 1945
Wohnung: Straubingerstr. 33
F. 7. Staatsangehörigkeit: Staatenlos
8. Wohn- und nicht nur vorübergehende Aufenthaltsorte seit 1. Juli 1942, ausgenommen Wehrdienst:
vom 1. Juli 1942 bis März 1945 Preßburg
vom Juni 1945 bis jetzt 194_ Regensburg
vom 194_ bis 194_
vom 194_ bis 194_
9. An polizeilichen Inlandsausweisen besitze ich heute:
Zeitw. Registr. Karte ausgestellt am 16. Aug. 1945 von Milit. Governm. Regensburg
№ 90004 ausgestellt am von
ausgestellt am von
10. Bescheinigung der Stadt Regensburg Nr. 23365 über die am 24.5. 1946 erfolgte Abgabe des Meldebogens zur Durchführung des Gesetzes über die Befreiung von Nationalsozialismus und Militarismus lege ich vor.
Ich versichere, daß ich die vorstehenden Angaben nach bestem Wissen und Gewissen gemacht habe.
2 Lichtbilder sind angeschlossen.

Regensburg, den 9. 8. 1946
V. Novikov

F. Heimatpass Nr. 46, ausgest. 1. 3. 34 von der Polizeidirektion in Prag.

Von der Ortspolizeibehörde auszufüllen!

I. Nachweis über die Person und die Staatsangehörigkeit des Meldepflichtigen

a) Der Meldepflichtige hat sich ausgewiesen durch:
Reisepaß Nr. ausgestellt am von
Heimatschein Nr. ausgestellt am von
Staatsangehörigkeitsausweis Nr. ausgestellt am von
Zeitw. Reg. Karte
b) Die übergebenen Lichtbilder stellen den Meldepflichtigen dar.
c) Die Unterschrift auf Seite 1 ist von dem Meldepflichtigen — ~~von dem gesetzlichen Vertreter des Meldepflichtigen~~ — eigenhändig vollzogen.
d) Es bestehen — keine — Zweifel an seiner Person oder Staatsangehörigkeit. Das Personenfeststellungsverfahren erscheint angezeigt.

II. Personenbeschreibung. 1,78

Gestalt: stark — untersetzt — schlank — schwächlich
Gesichtsform: rund — länglichrund — eckig — breit — schmal
Farbe der Augen: blau — grau — graugrün — gelb — hellbraun — dunkelbraun — schwarzbraun
Farbe des Haares: hellblond — mittelblond — dunkelblond — braun — schwarz — rot — weiß — graugemischt — grau
Unveränderliche Kennzeichen: keine
Veränderliche Kennzeichen: Brillenträger

9. Aug. 1946
Behörde: Regensburg, den 194_
Beamter

Von der Ausstellungsbehörde auszufüllen!
1. Der Kennkartenbewerber hat die erforderlichen Unterschriften und die erforderlichen Fingerabdrucke gegeben.
Kennnummer: BI 58 525
2. Er hat an Inlandsausweisen abgegeben
Reg. Sch.

Empfangsbestätigung.
Mir ist heute eine Kennkarte ausgehändigt worden.
den 194_

Анкета полицейского управления г. Регенсбурга для оформления немецкой учетной карты профессора М.М. Новикова от 9 августа 1946 г. (с фотографией и отпечатками пальцев)

Государственный архив г. Регенсбурга (Германия)

Организации помощи русским беженцам и перемещенным лицам

В послевоенные годы в США в первую очередь были созданы организации помощи беженцам по религиозным убеждениям: католические, протестантские, еврейские и др., пользующиеся авторитетом на международном уровне. Они помогали переезду представителей своих конфессий через океан. Для православных беженцев аналогичных организаций не существовало, но их необходимо было срочно создать. И такие организации вскоре появились. В апреле–марте 1946 г. в Нью-Йорке был создан Комитет помощи православным людям в рассеянии сущим (Committee for the Relief of Displaced Persons of Russian Orthodox Faith)[17]. Наряду с представителями духовенства в него вошли: графиня А.Л. Толстая, выдающийся авиаконструктор И.И. Сикорский, П.П. Зубов, Т.А. Шауфус. Через комитет осуществлялась большая часть заграничной помощи от церковных приходов Американской митрополии. Например, благодаря поддержке Св.-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке, из Европы в США смогли переехать такие известные философы и богословы, как профессора Н.О. Лосский, Е.В. Спекторский, Г.П. Федотов, Н.С. Арсеньев, Г. Флоровский (протоиерей). Из церковных организаций Америки русским беженцам эффективно помогал Национальный совет христианской церкви в Америке (National Council of the Church in the United States of America) и Центральный отдел Всемирной организации церквей (Central Department of Church World Service, Inc.)

Еще одной организацией помощи беженцам и перемещенным лицам стал Русский православный комитет помощи Ди-Пи (Russian Orthodox Committee for Aid to D.P.), созданный в 1949 г. в Нью-Йорке при участии А.Л. Толстой и ее фонда[18]. Его возглавил Л.Ф. Магеровский – бывший Ди-Пи, накануне переехавший в США из Германии. При Главной конторе Толстовского фонда в Валлей коттедж (штат Нью-Йорк) был создан Отдел розыска с картотекой всех прибывающих в США православных Ди-Пи, который помогал им списаться с любым частным лицом и любой организацией. Комитет работал под началом Всемирного совета церквей[19]. Через названные выше организации также отправлялись посылки в лагеря Ди-Пи в Европе[20]. Семья М.М. Новикова регулярно получала посылки от Толстовского фонда через организацию Американское кооперативное общество помощи для Европы (КЭР–CARE)[21].

По окончании Второй мировой войны деятельность Толстовского фонда полностью переключилась на помощь русским «узникам» лагерей для перемещенных лиц в Германии, Франции, Австрии, Италии и прежде всего – представителям научной интеллигенции. Предшествоваший опыт взаимодействия А.Л. Толстой с «Беженским университетом» Э. Джонсона при Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке[22], а также – с Американским комитетом ученых-эмигрантов, писателей и художников, Международным комитетом спасения (The international Rescue Committee, Inc.) и другими организациями, привел ее к идее создания при Толстовском фонде специального Профессорского фонда, который бы целенаправленно занимался оказанием помощи этническим русским, находившимся в лагерях Ди-Пи в Европе[23]. Его официальное название – Комитет по оказанию помощи русским ученым и профессорам, бедствующим в Европе (The Committe to Aid to Russian scientists and professors, now stranded in Europe). В состав Профессорского фонда вошли выдающиеся русские американцы – профессора и деятели культуры: П.А. Сорокин, В.Н. Ипатьев, И.И. Сикорский, С.А. Кусевицкий, М.М. Карпович, С.П. Тимошенко, М.И. Ростовцев[24]. Они высылали в Европу аффидевиты ученым – Ди-Пи, необходимые для иммиграции их в США, оплачивали стоимость посылок с продовольствием, одеждой, книгами[25]. Деятельность Толстовского фонда по оказанию помощи Ди-Пи в Европе регулярно освещалась в газете «Новое русское слово» в Нью-Йорке[26]. Посылки в Европу также шли от Общества русских инвалидов, Друзей русской духовной академии, Фонда помощи русским ученым, Европейского рабочего комитета, Союза русских евреев, Союза русских морских офицеров; Союза защиты и помощи русским в Европе, Объединенного комитета русских национальных организаций в Сан-Франциско, Общества детей русской эмиграции, Православного комитета.

На призыв А.Л. Толстой откликнулись многие известные деятели американской науки, в том числе, и будущий Нобелевский лауреат, биохимик Л. Полинг. В Архиве Толстовского фонда находится документ под названием «Список американских ученых-жертвователей», с указанием размера суммы пожертвования, перечисленного в Толстовский фонд[27]. Из содержания известно, например, что семье Новикова были персонально высланы 25 долларов д-ром Dr. Charles E. Mees из компании "Eastman Kodak Company"(Rochester 4, N.Y.).

Позже, подводя итог деятельности по оказанию помощи русским в лагерях для перемещенных лиц, А.Л. Толстая писала:

«Оглядываясь назад, с удовлетворением вижу, что работа была проделана громадная – *одиннадцать с лишним тысяч людей* уже нашли новую родину, работу и в большинстве случаев сытую жизнь. Несмотря на кажущиеся большие расходы, Толстовскому фонду каждый Ди-Пи обошелся в $53,29, т.е. меньше чем какой-либо другой американской организации. Это объясняется тем, что Толстовский фонд, за исключением одного американского директора, не платил тех бешеных американских жалований, которые получали в других американских организациях»[28].

Находясь в Германии, М.М. Новиков непрерывно ходатайствовал перед разными влиятельными организациями относительно возможности переезда своей семьи в США. Ниже представлена его переписка с Толстовским фондом: А.Л. Толстой, Т.А. Шауфус и С.В. Паниной.

Т.А. Шауфус (шт. Нью-Йорк, США) –
М.М. Новикову (Регенсбург, Германия),

5 июня 1947 г.[29]

Дорогой профессор,

графиня Панина предоставила нам некоторую информацию о Вас и членах Вашей семьи. Однако этих сведений недостаточно.

Если Вы намерены иммигрировать в США, нам необходимо иметь Ваше подробное curriculum vitae относительно Вашей научной карьеры и список Ваших научных публикаций. Пожалуйста, пришлите нам эту информацию как можно скорее. Кроме того, нам необходимо иметь более подробную информацию обо всех членах Вашей семьи.

Надеюсь вскоре получить Ваш ответ,

С уважением, Татьяна Шауфус, исполнительный секретарь.

М.М. Новиков (Регенсбург, Германия) –
А.Л. Толстой (Нью-Йорк, США),

15 июля 1948 г.[30]

Глубокоуважаемая Александра Львовна!

По совету проф. В.И. Свенцицкого я уже посылал Вам письмо с просьбой о содействии моему переезду в Америку вместе с женой и сыном.

Но не уверенный в том, что это письмо дойдет до Вас, позволяю себе послать второе письмо, которое проф. Свенцицкий любезно обещает лично вручить Вам.

Мой высокий возраст не мешает мне вести большую научную и общественную работу. После ликвидации университета UNRRA в Мюнхене, где я был профессором и деканом, меня избрали профессором биологии Мюнхенского университета. Кроме того, я читаю лекции в Регенсбургской Высшей философско-теологической школе. Сейчас печатаются два моих учебника на немецком языке. На проходивших недавно выборах Русского эмигрантского представительства для USA-зоны я был избран членом совета. Мне хочется надеяться, что моя научная и преподавательская работоспособность, а также обширная опытность в организации культурных начинаний окажутся полезными и в Соедин[енных] Штатах. Из-за понятных Вам политических обстоятельств мне хочется уехать из Европы, чтобы закончить жизнь в спокойной обстановке. С.В. Панина меня хорошо знает по Петербургу и Праге и может снабдить Вас дополнительными сведениями обо мне и моей семье. Прошение на имя Толстовского общества, curriculum vitae и сведения о членах семьи при сем прилагаю. В ожидании Вашего любезного ответа по адресу Regensburg, Strabingerstr., 33, прошу принять выражение моего глубокого к Вам почтения и преданности.

М. Новиков

М.М. Новиков (Регенсбург, Германия) – графине С.В. Паниной (Нью-Йорк, США),

12 января 1949 г.[31]

Глубокоуважаемая графиня Софья Владимировна!

Е.Н. Орлова сообщила моей дочери Е.М. Тибровой, что Вы высказали в своем письме к ней сочувствие к тяжелому положению моей семьи и любезную готовность помочь нашему выезду отсюда. Прежде всего, позвольте мне выразить Вам самую горячую благодарность от всех нас. Действительно, положение нашей семьи в последнее время значительно, почти трагически ухудшилось. Мой зять с сокращением здешних америк[анских] учреждений потерял службу, а у немцев получить место – невозможно. Внучка моя, Валя, вышла неудачно замуж, развелась и имеет 9-мес. чудного мальчика, но никаких доходов. Она очень успешно учится на 5 сем [естре] медиц[инского] факультета. Так что вся их 4-членная семья не имеет никакого заработка. Это заставляет

меня, в моем 72-л[етнем] возрасте развивать особенно энергичную деятельность. После прекращения нашего UNRRA-университета меня пригласили в Мюнхенский университет и в здешнюю Философско-теологическую школу, но конечно с весьма скромными окладами. Это дает нам пока возможность минимального существования. Но, конечно, моральное состояние моего зятя и его семьи очень тяжелое. Сын мой продолжает еще служить в YMKA, но его положение, как и все здесь, непрочно. А над всем этим висит угроза приближающейся военной или политической катастрофы, которая особенно жестоко может поразить меня. Опасаясь страшной судьбы, постигшей кн. Петра Дмитриевича, я, по совету одного польского коллеги, писал А.Л. Толстой, но практического результата из этого не получилось. Писал я также проф. зоологии Woodruff*у, но получил свое письмо обратно с пометкой о его смерти (*dead). Т.А. Шауфус мне заявила, что я слишком стар для переезда в Америку.

А между тем не только трагичность моего личного положения в связи с моим прошлым, которая, казалось бы, должна обеспокоить лиц, знающих меня в Америке, но и объективная характеристика моей, правда, обширной семьи, могли бы явиться положительными доводами для принятия нас в USA.

1. Мой зять Анатолий Тибров 50 л. инженер-агрономом, а, кроме того, специалист по гидрологии, готов взяться за любую работу, даже физическую.

2. Его жена Елена 48 л. дипломированная портниха, а кроме того, окончила известную садоводческую школу в Кострице с дипломом агронома.

3. Их дочь Валентина Гетманова 22 л., студ[ентка]-медичка, которая одно время очень удачно служила в UNRRA, где получила должность class two, т.е. американскую форму. Она в совершенстве владеет не только русским, чешским и словацким, но также английским, немецким и французским языками, а кроме того, знакома с польским, итальянским и испанским.

4. Ее сынок – Алексей, 9 мес. не знает, наоборот, еще ни одного языка, даже русского, но хорошо развит физически.

5. Мой сын Владимир 43 г., естественник, абсольвент Братиславского университета, специалист по устройству буровых скважин для геологических разведок. Кроме того, он мастер механических работ всякого рода и исключительно талантливый шофер-механик. Готов взять на себя и всякую физическую работу.

6. Моя жена Валентина 72 л. еще очень бодрая. Если бы ей нужно было формально получить приглашение на работу, могла бы считаться house-keeper или портнихой.

7. Относительно себя лично прилагаю свое краткое жизнеописание. Более подробную биографию и список ученых трудов я уже дважды посылал Толстовскому обществу, а также гр. Толстой. Наилучшая работа для меня была бы в университете, или в ученом учреждении по биологии и сравн[ительной] анатомии, а также на зоологической приморской станции. Даже для Православной духовной академии у меня есть курс философского характера: история биологических учений. Но, вспоминая свою прежнюю общественную деятельность, я не отказался бы поработать и в других областях: в библиотеке, в канцелярии, по организации культурных учреждений и т.д. Энергии и инициативы у меня еще достаточно.

Надеюсь, что Вам удастся помочь нам предоставлением приглашений на какую-либо работу, а также возможности скромно поселиться на первое, хотя бы короткое время на ферме Толстовского общ-ва, где большая часть членов нашей семьи может оказаться весьма полезными. А дальше мы уже сами найдем средства к существованию.

С выражением глубокой признательности за Вашу трогательную заботу о нас шлю Вам наилучшие пожелания к Новому Году. Прошу передать сердечный привет А.И. Петрункевичу, а также нашим общим знакомым.

Искренне преданный Вам, М. Новиков

Ожидая разрешения на переезд в США, семья Новикова была вынуждена задержаться в Баварии на пять лет. Кроме преподавательской деятельности в УНРРА-университете (см. главу 9), Мюнхенском университете и Высшей философско-богословской школе Регенсбурга, М.М. Новиков работал над изданием собственного учебника по истории биологии на немецком языке. «Я переработал свою историю биологических теорий, и одна из крупных мюнхенских фирм издала ее в виде изящной книги, обильно украшенной превосходными портретами выдающихся ученых»[32]. Речь идет о научном руководстве «Grundzüge der Geschichte der biologischen Theorien. Werdegang der abendländischen Lebensbegriffe» (Принципы истории биологических теорий. Становление представлений о жизни в западноевропейских странах – Старом Свете. München: Carl Hanser, 1949), которое было рекомендовано широкому кругу читателей: биологам, врачам, студентам. На свой солидный труд Новиков получил свыше 50 рецензий, где отмечалась энциклопедичность, актуальность и высокая научная ценность книги, ее оригинальность, ясность и простота изложения сложных биологических явлений. Другой

учебник Новиков задумал как руководство по сравнительной морфологии беспозвоночных (на немецком языке). Оно представляло собой радикальную переработку его чешского учебника, изданного еще в 1936 г. Макет книги был закончен и подписан к печати в Мюнхене и за ее издание взялся энергичный, молодой издатель. Корректура отдельных глав поступала Новикову быстро, но издатель в конце-концов разорился. Переехав в США, М.М. Новиков получил от него известие, что тот готов довести издание книги до конца только в том случае, если Новиков одолжит ему 700 долл. и откажется от гонорара. «Не располагая деньгами и потеряв к нему всякое доверие, я поставил крест на этом деле», – писал Новиков[33].

В Регенсбурге М.М. Новиков продолжал работать над рукописью своей главной книги воспоминаний под названием «От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике». Письмо к нему Н.О. Лосского от 20 марта 1948 г. свидетельствует, что уже с начала этого года Новиков начал искать возможность издания ее в Америке:

Дорогой Михаил Михайлович, издание книги здесь дело нелегкое. Издатели говорят, что нужно продать от 5 до 10 000 экземпляров, чтобы книга окупилась: так возросли расходы на печатанье.

Но такую рукопись как Ваши воспоминания может купить Hoover Library. Купленная рукопись хранится в этой библиотеке, как исторический материал, при благоприятных условиях она может быть издана библиотекою, насколько я знаю, во всяком случае, автор может обеспечить за собой право издания её – я твердо уверен, что Россия скоро освободится от большевиков и тогда легко будет печатать наши книги.

Проф. Г.В. Вернадский советует Вам обратиться в Hoover Library[…]. Директор H.Library – историк Фишер. ⟨…⟩ Поэтому мне кажется, можно было бы отправить Фишеру письмо и вместе с тем отправить также пакет с рукописью. Если даже библиотека не купит рукописи, полезно попасть ей в безопасное место. ⟨…⟩

Душевно преданный Вам, Н.О. Лосский[34]

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941–1945 г.: сб. док-тов: В 4 т. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритания, 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 264, 276.

[2] Речь идет об особых отделах НКВД и организации контрразведки Наркомата обороны, известных под названием СМЕРШ («Смерть шпионам»), занимавшихся дезертирами, шпионами, военнопленными и другими во время войны,

а после 1944 г. – репатриацией на родину советских (и бывших российских) граждан, оставшихся на территории Германии и других стран. СМЕРШем руководил лично Л.П. Берия. См.: *Наумов В.П.* Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Мат. Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91.

[3] ГУЛАГ – Главное управление лагерей.

[4] См.: *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В.* Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.

[5] См.: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. New York: All Slavic Publishing House, 1956. С. 47.

[6] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.:Изд-во МГУ, 2009. С. 284.

[7] *Лосский Н.О.* Воспоминания: жизнь и философский путь. Мюнхен: Fink Verlag, 1968. С. 289.

[8] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью- Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 284.

[9] *Аристова (Терских) А.* Что сохранила память. Сан-Франциско, 2004. С. 14.

[10] Там же. С. 334.

[11] См.: Ди-Пи – аббревиатура от английского выражения – displaced persons – перемещенные лица.

[12] 9 декабря 1943 г. в Вашингтоне было подписано соглашение о создании Администрации Объединенных Наций по восстановлению и помощи (УНРРА) – United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA), на которую были возложены заботы о жертвах прошедшей войны. Штаб-квартира УНРРА была открыта в Вашингтоне, а ее региональное бюро – в Лондоне. 52 государства-участника внесли свой вклад в создание организации в размере 2% от своих национальных доходов. Более половины всех затрат на деятельность организации (2,66 млн долл.) было выделено США; другую часть разделили Англия и Канада. Большое внимание УНРРА уделила «перемещенным лицам» – иностранцам, оказавшимся на положении беженцев в Германии, Австрии, Италии и получившим официальное название Ди-Пи.

[13] Государственный архив Регенсбурга (Германия): Stadtarchiv Regensburg (StAR)//Meldeblättern für die Registrierung und Ausstellung einer deutschen Kennkarte (DDK) / Novikov. Регистрационные анкеты, оформленные Новиковыми, датированы 9 августа 1946 г. Параграф 10 анкеты гласит «Свидетельство города Регенсбурга за № 73366 от 24 мая 1946 г. после представления мной анкеты для исполнения Закона об освобождении от национал-социализма и милитаризма». Копии этих анкет предоставлены нам д-ром Артуром Вернером (Дюссельдорф, Германия).

[14] 24 июля 1948 г. Конгресс США принял «Закон о перемещенных лицах», по которому, помимо «квотных» иммигранов, в США был разрешен допуск еще 247,5 тыс. беженцев, включая 205 тыс. Ди-Пи из оккупированных зон Германии, Австрии, Италии. Закон о Ди-Пи был поворотным в иммиграционной политике США в послевоенные годы. См.: *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса»: судьбы российской научной эмиграции в Европе в (1940–1950). М.: РОССПЭН, 2010. С. 47–50.

[15] Novikov Mikhail Mikhailovich's Collection // The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Library for Rare Books and Manuscripts of Columbia University (BAR). 1976. Papers, ca. 1.000 items (6 boxes). Box 6.

[16] Novikov Mikhail Mikhailovich's Collection // BAR. Box 1. Correspondence.

[17] Комитет помощи православным людям в рассеянии сущим (или Комитет по спасению русских Ди-Пи православного вероисповедания).
[18] Офис комитета находился по адресу: 59 East 2nd St., New York 3, NY.
[19] Всемирный совет церквей – Church World Service. Ее офис находился по адресу: 214 East 21st Street, New York 10, NY. Президент организации – Harper Sibley и вице-президент – Fred W. Ramsey.
[20] См.: *Толстая А.Л.* Следуйте их примеру: от Православного комитета помощи русским людям в рассеянии сущим // Новое русское слово. 1947, 15 июня. С. 7.
[21] КЭР – аббревиатура от англ. CARE – Cooperative American Relief for Europe, Inc. – «Объединенная американская помощь Европе» – транспортная компания, через которую отправлялись посылки в Европу. Стоимость каждой пищевой посылки составляла 10 долларов и содержала продукты на три недели. О деятельности КЭР см.: *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса»: судьбы российской научной эмиграции в Европе в (1940–1950). С. 264.
[22] См.: *Ульянкина Т.И.* Спасение европейской интеллектуальной элиты от нацизма в 1933–1941 гг.: о деятельности «Беженского университета» и Толстовского фонда // Россия и современный мир. 2006. № 4. С. 223–231.
[23] American Committee for Émigré Scholars, Writers and Artists. Адрес организации: 66 Fifth Avenue, 7th floor, New York 11, N.Y.
[24] См.: Список профессоров, вошедших в состав Профессорского фонда. Б/д. л. 1. Машинопись // ATF. Box VIP: File Russian professors. General correspondence.
[25] Аффидевит – поручительство (affidevit, англ.). Здесь – письменное гарантийное обязательство, необходимое для переезда в США; дается под присягой в присутствии нотариуса.
[26] См.: *Толстая А.Л.* О деятельности Толстовского фонда // Новое русское слово. 1946. 14 июля. С. 5.
[27] См.: Список американских ученых-жертвователей. Б/д. Л. 1. Машинопись на англ. яз. // Ibid. ATF. Box VIP. File Russian professors. General correspondence.
[28] См.: А.Л. Толстая – В.П. Кулаеву 31 октября 1952 г. Л. 2. машиннопись // Ibid.
[29] Ibid.
[30] Ibid. Novikov's Collection. Автограф. Л. 1–2.
[31] Ibid. Л. 1.
[32] См.: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 47.
[33] Там же. С. 49.
[34] Н.О. Лосский (Нью-Хэвен, штат Конн., США) – М.М. Новикову, 20 марта 1948 г. // BAR. Box1. Letters: Novikov Mikhail Mihkailovich's Coll.

Глава 9

Международный университет УНРРА в Мюнхене: 1945–1947

Еще осенью 1945 г. в Регенсбурге М.М. Новикова навестил его бывший коллега по Высшему техническому училищу в Братиславе, доктор технических наук К.Г. Белоусов. Он и его жена жили в американской зоне Германии в Мюнхене на положении Ди-Пи. Летом 1945 г. именно К.Г. Белоусов вместе с персоналом Администрации Объединенных Наций по восстановлению и помощи (УНРРА) – United Nations and Rehabilitation Administration (UNRRA) организовал в Мюнхене подготовительные курсы для абитуриентов, а затем (с двумя русскими профессорами) начал хлопоты об учреждении «Беженского университета». Вскоре, по инициативе студентов, мечтавших продолжить свое образование, прерванное войной, а с другой стороны, – с учетом интересов профессоров и преподавателей высшей школы, находившихся на положении «перемещенных лиц» и беженцев, администрация УНРРА приняла решение об открытии в Мюнхене Международного университета (The International University UNRRA)[1].

На предложение К.Г. Белоусова работать в университете М.М. Новиков сразу же дал свое согласие. Однако в разоренном войной Мюнхене невозможно было снять квартиру, поэтому ему пришлось ежедневно ездить из Регенсбурга в Мюнхен на поезде. Дорога занимала у него около 4 часов, что в его почтенном возрасте было достаточно утомительно.

Штат Университета УНРРА с самого начала был укомплектован большим числом русских ученых и преподавателей высшей школы из числа Ди-Пи, включавших как эмигрантов первой волны, так и беженцев из СССР. И хотя директором вуза была американка (польского происхождения) – некая госпожа Гажинская, «не имевшая никакого опыта в академической жизни», ректором университета был избран эмигрант первой волны, горный инженер, профессор А.Н. Митинский[2]. Бюджет университета складывался частично из денежных средств, выделенных студентами, но главным образом – из средств и кредитов УНРРА. Так как жалование выделялось из немецких источников, это привело «к ненормальному разбуханию» преподавательского состава.

«За короткое время, в течение каких-нибудь трех месяцев, было создано громадное учреждение, состоящее из восьми факультетов», – вспоминал М.М. Новиков[3]. В действительности

Вид на собор и ратушу г. Мюнхена (Германия), 1957

Мюнхенский университет, 1970-е гг.

Grundzüge der

Geschichte der biologischen Theorien

Werdegang der abendländischen Lebensbegriffe

von

DR. MICHAEL NOWIKOFF
Professor der Universität München

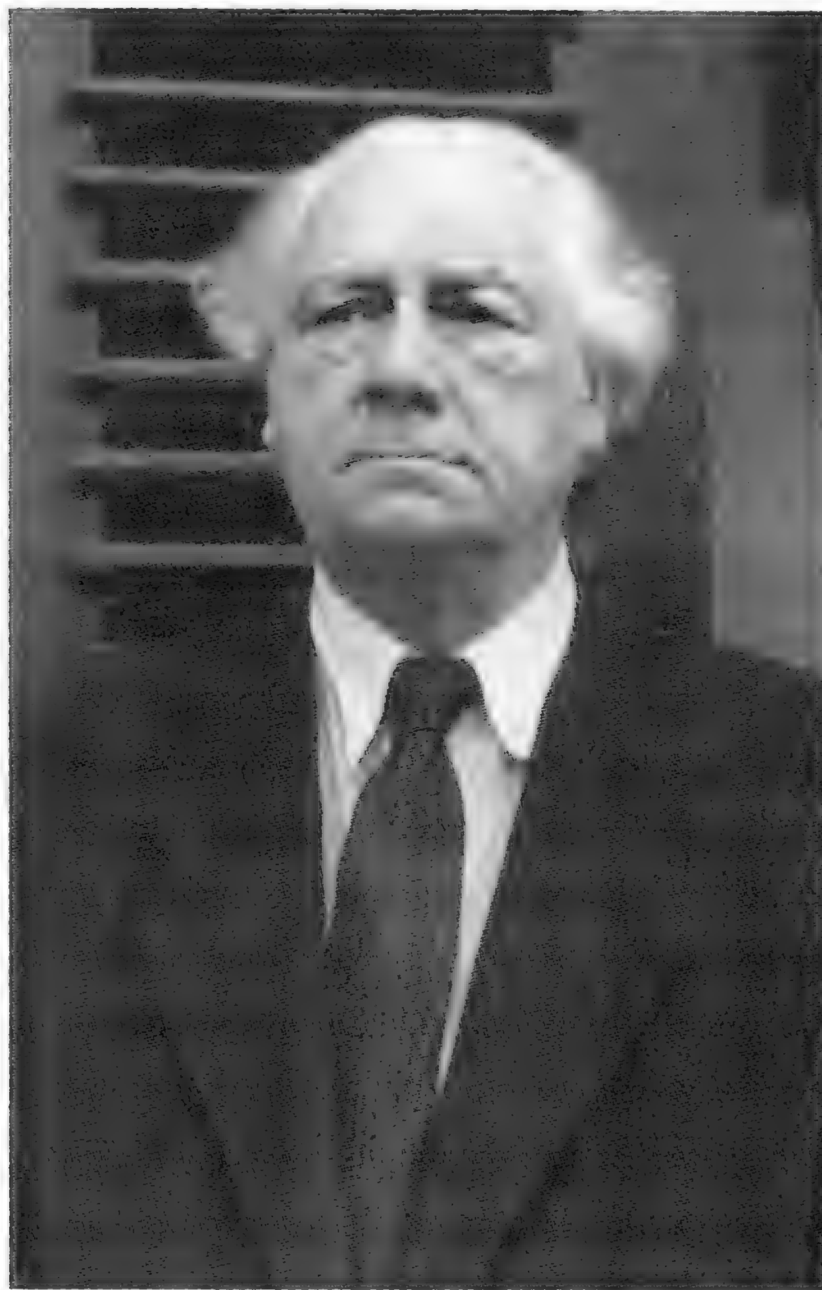
Mit 70 Abbildungen

CARL HANSER VERLAG / MÜNCHEN 1949

Обложка книги М.М. Новикова «История биологических теорий. Становление представлений о сущности жизни в странах Старого Света»

же нормально функционировало только шесть факультетов: юридический, экономических и социальных наук, медицинский с отделением ветеринарной медицины, естественно-научный с отделением агрономии и лесного хозяйства, инженеров-механиков, гражданских инженеров[4]. Планировалось открытие факультета философии, но он так и не был создан[5]. В зависимости от специфики факультета обучение в университете должно было занимать от 6 до 12 семестров[6].

Профессор
Федор Августович Степун

С 1 августа 1945 г. университетская администрация заняла поврежденное бомбардировками здание Немецкого музея (Deutch Museum), расположенного на берегу реки Изар. Выборы в сенат (ректорат) прошли 6 ноября 1945 г. Деканами пяти из шести факультетов были выбраны русские профессора: А.Д.Билимович (экономический и юридический факультет), К.Г. Белоусов (строительный, архитектурный и межевой факультеты), П.С. Шидловский (медицинский факультет), Ф.В. Вербицкий (медицинский факультет и отделение ветеринарной медицины) и М.М. Новиков (естественно-научный факультет с отделениями агрономии и лесничества)[7]. Деканом инженерного факультета был назначен поляк В.И. Свентицкий (Свинцицкий), проректором университета – экстраординарный профессор кафедры технологической химии, латыш по национальности П. Круминс. Русские ученые-эмигранты возглавили также кафедры и лаборатории университета. Так, 14 ноября 1945 г. сенатом Университета УНРРА Г.К. Брижитский был утвержден на должность ассистента профессора, а со 2 января 1946 г. – на должность ординарного профессора и заведующего кафедрой общей и системной ботаники. До закрытия университета он читал лекции и проводил со студентами практические занятия по медицине, фармацевтике, биологии и сельскому хозяйству.

Лев Флорианович Магеровский доктор права, архивист, один из руководителей Греко-православной церковной общины г. Регенсбурга для спасения русских от насильственной репатриации в СССР

Должность заведующего кафедрой микробиологии университета занимала А.И.Рокицкая. Профессором кафедры железнодорожного строительства Университета УНРРА был избран выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения, бывший профессор Варшавского политехнического института К.Я. Шебанов (Жаповицкий), в 1945 г. бежавший с семьей из Польши. В 1946–1947 гг. в университете работал, бежавший в 1945 г. из Праги профессор кафедры политической экономии и статистики Политехнического института сельскохозяйственной кооперации и Свободного университета в Праге Д.Н. Иванцов. С 1946 г. ассистентом профессора и заведующим отделением машинного дизайна Университета УНРРА работал Е.И. Радзимовский. В 1947 г. он получил в университете степень доктора технических наук (Doctoris Rerum Technicarum) и позже стал профессором Украинского технического университета в Мюнхене и Регенсбурге и главой консультационной фирмы «Dr. – Ing. E. Radzimovsky Ingenieurburo» в Мюнхене. В должности ассистента кафедры минералогии и геологии УНРРА университета работал горный инженер Б.А. Павлов, ранее строивший подземные бомбоубежища в Германии и Австрии. В должности ассистента в университете преподавал горный инженер Г.П. Шкуренко. Из других русских профессоров в университете преподавали: химик А.Н. Васильевский, биохимик и физиолог растений В.В. Лепешкин, профессор горного дела и один из основателей науки об авиационных двигателях А.А. Лебедев, работавший ранее на техническом факультете Мюнхенского университета, и профессор-геолог Н.Е. Ефремов-Нижальский,

бежавший из СССР. В администрации университета работал профессор Ю.Р. Попов.

В Университете УНРРА также работала небольшая группа латышских профессоров (Йергенсон, Динберг, Дерманис, Маркус, Тауринс). Всего же здесь числилось: 158 профессоров, 128 доцентов, 106 ассоциированных профессоров, 44 лектора и 163 ассистента[8]. Тогда как в феврале 1946 г. было зарегистрировано всего 50 профессоров и до 2000 студентов[9].

Занятия в Университете УНРРА начались 7 января 1946 г., а 16 февраля 1946 г. состоялось его официальное открытие. Оно проходило в одном из самых респектабельных помещений Мюнхена, в «Burgerbrau–Keller», где когда-то выступал Гитлер. «Если бы тень его сохранилась там, она бы очень удивилась при виде того, что зал снова наполнился коричневыми униформами. Но это были не куртки нацистов, а мундиры американской армии и чиновников УНРРА», – вспоминал М.М. Новиков[10]. Приглашения на открытие университета были разосланы от имени Дж. Райтинга (J.H. Whriting) – директора УНРРА всей американской зоны Германии, что «свидетельствовало о большом значении, которое приписывалось в это время созданию университета»[11]. На открытии Новикову как бывшему ректору Московского университета была предоставлена честь выступить с пленарной лекцией.

В Бахметевском архиве сохранилась переписка ректора университета А.Н. Митинского с М.М. Новиковым, где затрагиваются некоторые прозаические, рабочие моменты их деятельности: обсуждение программы преподавания, вступительной лекции, составление программы первого семестра естественно-научного факультета (28 января – 31 мая 1946 г.) и др.[12] Здесь же хранится брошюра «Университет УНРРА в Мюнхене» (UNNRA University Munich), подаренная Новикову и подписанная членами сената и студенческого совета университета. Она содержит текст университетского устава и перечень научных и учебных подразделений университета. Из содержания брошюры, например, ясно, что при вузе были открыты Ботанический и Минералогический институты, химическая лаборатория; при медицинском факультете был организован Гистологический институт и положено начало Анатомическому театру. Руководством университета были начаты переговоры с мюнхенскими больницами относительно клинической практики и стажировок. Усилиями Новикова был открыт Институт зоологии и сравнительной анатомии, состоящий из двух прекрасно оборудованных комнат. Свой курс общей зоологии он

читал студентам четырех факультетов в громадной аудитории, вмещавшей до 600 человек[13].

В распоряжении университетских лабораторий находилось около полусотни бинокулярных микроскопов, чего в те годы не мог позволить себе ни один немецкий университет. «Можно утверждать, что практические занятия у нас были налажены не хуже, а, вероятно, даже лучше, чем в тогдашних, разбитых бомбами, немецких университетах», – вспоминал М.М. Новиков[14]. Университету была передана библиотека Агрономического института в Пассинге, насчитывавшая около 35 000 научных книг. Тем не менее, среди студентов ощущался дефицит учебной литературы. Например, сохранилось письмо А.Н. Митинского в Русскую академическую группу в Париже (лето 1946 г.), с просьбой помочь университету с книгами, буквально, «по всем отраслям знания»[15]. С аналогичной просьбой в Толстовский фонд в США обращался и Новиков. Он писал: «Мне хотелось бы обратить Ваше внимание, а также внимание моих коллег на наш вновь организуемый университет для перемещенных лиц всех национальностей. Ректором его состоит А.Н. Митинский, бывший профессор Горной академии в Пршибраме. А в частности, я просил бы помочь в организации моего нового Зоологического института присылкой каких-нибудь, хотя бы старых, Вам уже не нужных микроскопов и других предметов лабораторного оборудования, а также специальных книг и журналов. Здесь ничего достать нельзя»[16]. С призывом оказывать помощь Университету УНРРА выступила и газета «Новое русское слово» в Нью-Йорке. Ее призыв оказался услышанным: «…260 научных книг были пожертвованы Университету УНРРА Йельским университетом, дочерью профессора И.И. Остромысленского, И.И. Сикорским и др.»[17]

Преподавание в университете велось на немецком языке как наиболее понятном для студентов разных национальностей, хотя административным языком был английский. Кроме того, обучение английскому языку стало обязательным для студентов всех факультетов. К концу 1946 г. под опекой Университета УНРРА оказалось 2176 студентов[18], по другим данным – 2039[19]. Среди студентов находились лица более чем 20 национальностей. Это – беженцы из СССР, бывшие военнопленные, политические эмигранты, лица, принудительно вывезенные на работу в Германию, бывшие узники немецких концлагерей, перемещенные лица[20]. Первое место по численности занимали украинцы – 651, затем шли поляки – 356, литовцы – 296, русские – 229, латыши – 208, евреи – 142, эстонцы –118, хорваты – 13, сербы –10, словаки – 5,

чехи – 4, армяне –3, турки – 3, калмыки – 3, греки – 2, шведы – 2 и, наконец, единичное представительство имели: аргентинцы, бельгийцы, грузины, румыны, китайцы, монголы, башкиры[21]. При этом, «наиболее поразительным фактом, характерным не только для студенческого. но и преподавательского состава, было полное отсутствие национальных распрей», – отмечал М.М. Новиков[22].

Распределение студентов по факультетам было следующим: инженеров-механиков –179, на строительном – 326, естественно-научном с агрономическим отделением и отделением лесничества – 557, экономическом – 166, юридическом – 166 и медицинском с отделением ветеринарной медицины – 645[23].

Вскоре на базе Университета УНРРА в Мюнхене силами Объединения русских студентов-эмигрантов (ОРЭС) был открыт Русский заочный университет[24]. Газета «Путь» (Гамбург) писала: «К работе в новом университете привлечены крупные профессора и ученые. Занятия будут вестись на русском языке. Методика преподавания разработана специально с учетом всех особенностей заочного обучения. Сейчас уже открыта предварительная запись на строительный, машиностроительный, архитектурный, лесной, агрономический, философский, юридический и экономический факультеты. Заявление о приеме направлять по адресу: 13б Мюнхен, Вагмюллерштрассе, 19з (“Заочный университет”)[25]».

Университет УНРРА в Мюнхене был официально признан университетами Лондона, Чикаго и Парижа (Сорбонна). Это означало, что с зачетными книжками своего университета «студенты при соблюдении всех обычных формальностей могли быть приняты на соответствующий семестр любого из трех вышеназванных университетов»[26]. Из этого также следовало, что университет имел хорошие перспективы. Однако с самого начала его работу лихорадило различными «просоветскиями» акциями. Одной из них стала «проверка на благонадежность» преподавателей и студентов, которую провели представители Чехословакии и Советского Союза, минуя администрацию УНРРА. М.М. Новиков вспоминал: «Эту работу возглавила… ⟨…⟩ чешка из Праги, госпожа Пик, особа явно большевистски настроенная, которая решила свести счеты с выходцами из враждебной страны (имеется в виду Словакия. – *Т.У.*). Одного факта, что люди прибыли из Братиславы, было достаточно, чтобы квалифицировать их как изменников и гитлеровских коллаборантов, которым не может быть доверено преподавание в университете. А между тем, наименование “коллаборант” могло быть гибельным для его носителя. Ему грозили всевозможные кары, вплоть до репатриации. Особенно

нелепо звучало такое обвинение по отношению ко мне»[27]. Только официальные жалобы Новикова в администрацию УНРРА на действия госпожи Пик помогли ему снять с себя кличку «нацистский сотрудник», которой он был удостоен только за то, что университет в Братиславе, где он работал до Мюнхена, был зачислен в число «изменнических университетов»[28]. После повторной политической проверки, проведенной силами американской Военно-полицейской комиссии, М.М. Новикову был возвращен сертификат Ди-Пи.

При «проверке на благонадежность» среди преподавателей случались неожиданные курьезы. Так, профессор ботаники неожиданно был обвинен в расизме только на том основании, что в списке его трудов фигурировала статья о расовой разновидности растений. Ректор университета, А.Н. Митинский не был квалифицирован комиссией как Ди-Пи, а только как «эмигрант, т.е. лицо, не пострадавшее от немецких насильственных действий»[29]. Не удивительно, что спустя какое-то время, Митинский был «смещен» с поста ректора университета бывшим вице-президентом Словении, – узником концлагеря Дахау, профессором Пиркмайером. Однако вскоре и сам Пиркмайер был дисквалифицирован и арестован американским военным командованием по требованию югославского правительства, обвинившего его в государственном преступлении – борьбе с коммунистами в бытность его вице-президентом Словении. Обвинение оказалось ложным. Пиркмайер был освобожден и не выдан коммунистам, но к своим обязанностям ректора он так и не вернулся. Митинский, занимавший это время должность проректора, вскоре вновь приступил к ректорским обязанностям. Но, как верно заметил М.М. Новиков, «ветер с Востока непрестанно дул на наш университет»[30].

К сожалению, после блестящего, но короткого существования университет был закрыт. В общей сложности, он просуществовал менее 2 лет. М.М. Новиков называл в качестве главной причины его закрытия – двоевластие, на котором строился фундамент университета[31], имея в виду сильное влияние на американскую администрацию «большевистских тенденций»[32]. Кроме того, в сенате университета находились лица, случайно оказавшиеся в Мюнхене и не обладавшие достаточной компетентностью. При этом, несмотря на громоздкий преподавательский состав, многие кафедры оставались вакантными[33]. К числу других недостатков, которые сыграли неблаговидную роль в судьбе университета, можно отнести отсутствие издательского центра и изолированность от других образовательных и научных центров в Европе. В их воспоминаниях Новиков ссылался на мнение одного

из американцев (1948), который считал, что персонал УНРРА (а затем ИРО), за немногими исключениями, представлял собой «конгломерат авантюристов, лжецов и спекулянтов различных национальностей»[34]. М. Вишняк в рецензии на книгу Новикова был солидарен с этой оценкой персонала УНРРА: «Невежество и претенциозность привели к разгрому с невероятными трудами созданного научного учебного заведения»[35].

Однако М. Вишняку возразил русский эмигрант Владимир Гроссман (Монреаль, Канада), хорошо знавший ситуацию внутри УНРРА. Он вел программу профессионального образования в лагерях Ди-Пи в трех зонах оккупированной Германии (британской, американской и французской), постоянно разъезжая по стране. В статье «В защиту УНРРА» в газете Новое русское слово Гроссман писал: «За время своей деятельности УНРРА находилась под обстрелом разного рода врагов: советские ругали за то, что им отказали в праве насильственно репатриировать русских Ди-Пи; американские изоляционисты, потому что хотели добиться прекращения помощи жертвам войны; больше всего мутили бывшие агенты УНРРА, прогнанные со службы за бездарность или за злоупотребления. Директора лагерей, в которых иногда бывало до пяти, а иногда и больше тысяч беженцев (Лансберг поблизости от Мюнхена, Цальсгейм близ Франкфурта, Белзен близ Ганновера и т.д.) с трудом справлялись со средствами, которые им отпускались, ввиду постоянного увеличения населения лагерей. Главная квартира УНРРА в Германии (в маленьком пригороде Аролсен) в течение многих месяцев добивалась в Лондоне и Вашингтоне дополнительных кредитов на организацию мастерских в лагерях… 〈…〉 Не везде я встречал талантливых людей, но всегда я видел сотни людей, работающих день и ночь, преданных интересам Ди-Пи, часто измученных работою в тяжелых условиях»[36].

Ликвидация Университета УНРРА

О дальнейшей судьбе Университета УНРРА М.М. Новиков писал: «Наконец катастрофа разразилась, притом в форме столь же варварской, как и трагичной. В самый разгар учения, на половине 3-го семестра существования университета, управление УНРРА заявило сенату, что кредиты прекращаются, и что университет должен быть закрыт немедленно, даже не доведя до конца текущего семестра. УНРРА вдруг вспомнила, что ей нужны не доктора и инженеры, а горнорабочие… Из принципиальных соображений и в интересах студенчества мы решили по мере возможности продолжить нашу работу, хотя бы и бесплатно»[37]. 27 января 1947 г. известие о закрытии университета было встре-

чено огромной студенческой демонстрацией протеста[38]. Американские военные пообещали студентам оказать поддержку к началу весны, но не успели.

Однажды ночью здание университета оккупировала полиция УНРРА, состоявшая из сербов. Они «намертво» заблокировали вход в университет. Применялись методы, совершенно чуждые академической жизни в культурных странах. Некоторым русским профессорам это напомнило послереволюционную Россию. И было непонятно, как эти события могут быть согласованы с колоссальными гуманитарными задачами, возложенными на УНРРА, и так или иначе ею выполненными», – писал М.М. Новиков[39]. Внутрь университетских помещений было запрещено входить не только студентам и преподавателям, но и работникам тех лабораторий, где находились экспериментальные животные и растения, вследствие чего они погибли. Исчезло много инвентарных предметов. Преподавательский состав стали обвинять в краже оборудования. Начался длительный процесс ликвидации университета. Свет на разгром университета в какой-то мере пролили мюнхенские газеты 1948–1949 гг. Журналистам американской газеты, издававшейся в Мюнхене – «Die neue Zeitung», стало известно, что иммунитет, которым обладала УНРРА, привел под крышу его персонала большое число авантюристов и спекулянтов. Большая часть ценных товаров за время существования УНРРА на сумму в 4 млрд долл. была якобы тайно переправлена в СССР и восточноевропейские страны[40].

2 апреля 1947 г. деятельность УНРРА официально была прекращена.

Тем не менее, основываясь на своем юридическом праве, университет продолжал еще какое-то время работать, независимо от УНРРА. Большинство факультетов университета нормально проработало всего 3 семестра, но «на техническом факультете в чрезвычайно скромной обстановке, при бедности научными пособиями, но при горячем энтузиазме преподавателей и студентов был проведен и четвертый семестр. Зачеты и экзамены были обставлены нормальными академическими требованиями», – вспоминал М.М. Новиков[41].

Ликвидационная комиссия и попытки создания Свободного международного университета в Мюнхене

Вскоре М.М. Новикова назначили председателем Ликвидационной комиссии Университета УНРРА. При этом, сертификат, выданный Новикову, сохранял его полномочия на посту председателя комиссии вплоть до июля 1949 г.[42] Университету пришлось

возвратить Немецкому музею его помещения, оставив за собой всего несколько комнат. «В дальнейшем мы квартировали в доме католической церкви православного обряда и латвийской и польской национальных организаций», – писал Новиков[43].

Вместе с коллегами М.М. Новиков решил сохранить идею интернационального университета. Получив согласие баварского Министерства образования и культуры, они создали так называемый Комитет по продлению (пролонгированию) деятельности университета, дав ему новое название – «Свободный международный университет» (Free International University). Председателем комитета был избран Новиков[44]. В его компетенцию входила разработка проекта будущего университета как аполитичного, интернационального образовательного учреждения, отстаивающего демократические принципы. Предполагалось сократить число факультетов, оставив следующие пять: социологии, математико-естественно-научный, медицинский, механико-электротехнический, архитектурно-строительный, и открыть при каждом факультете краткосрочные курсы (иностранных языков, бухгалтерские, сестер милосердия, клинических лаборантов, среднетехнические и проч.) «Такие курсы, помимо серьезного образовательного значения, могли бы служить и источником материальных средств для университета», – полагал Новиков[45]. Преподаватели будущего «Свободного университета» изъявили жертвенную готовность свести оплату их труда, по крайней мере на первое время, до предельного минимума, и существовать только на плату студентов за обучение[46]. К созданию университета подключилось и Мюнхенское экуменическое братство, в связи с чем он получил сложное название «Liga universalis pro una Sancta Catholica et Apostolica Ecclesia» (сокращенно – «Лига»). Однако к концу 1947 г. непримиримые разногласия комиссии университета с руководством Экуменического братства привели к выходу Новикова из «Лиги».

21 февраля 1947 г. УНРРА утвердила новые условия приема студентов Ди-Пи в немецкие университеты на будущий семестр. Если до сих пор квота по приему студентов из категории Ди-Пи составляла 10%, то теперь она еще более снизилась, поскольку число Ди-Пи резко сократилось и составляло теперь сравнительно незначительную часть от общего населения Германии. Прием абитуриентов из числа Ди-Пи упростили, распределив вакансии по университетам британской и американской зон оккупации Германии. Теперь абитуриентам достаточно было приложить к прошению о зачислении на учебу аттестат зрелости или какое-нибудь другое свидетельство об окончании средней школы. При утере

документов их заменяли показаниями двух свидетелей с заверенными местной администрацией подписями, доказывающими, что абитуриент действительно окончил среднюю школу[47].

Когда 25 августа 1949 г. М.М. Новиков с семьей покидал Германию, надежда на восстановление Международного университета в Мюнхене была окончательно потеряна. При оценке деятельности этого университета Новиков испытывал двойственные чувства: с одной стороны, он называл ее «печальной», а с другой – был вынужден признать, что «кратковременное существование университета ознаменовалось исключительной полнотой и яркостью духовного горения»[48]. Со слов Новикова, он был вынужден оставить Германию из-за угрозы репатриации, опасности начала новой мировой войны, из-за безработицы, которая коснулась его сына и зятя, что сильно подорвало материальное положение семьи[49]. Перед отъездом в США, Новиков, верный дореволюционным российским университетским традициям, смог организовать в Мюнхене празднование традиционного университетского праздника – Татьяниного дня с обязательным по этому случаю концертом[50].

[1] Официальным учредителем Международного университета для беженцев в Мюнхене стала УНРРА во главе с командующим 3-й американской армией Л. Траскоттом (L.K. Truscott). Президентом подготовительного отделения был назначен доктор технических наук, профессор В. Холли (V. Holly). См.: *Holian A*. Displacement and the Post-war Reconstruction of Education: Displaced Persons at the UNRRA University of Munich, 1945–1948 // Contemporary European History. 2008. Vol. 17, N 2. P. 167–195.

[2] См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 384.

[3] Там же. С. 381.

[4] В своих воспоминаниях М.М. Новиков писал об открытии в университете восьми факультетов: юридического, социологического, медицинского, ветеринарного, естественно-научного, агрономического, механического и архитектурного (*Новиков М.М.* Указ. соч. С. 381).

[5] BAR, Novikov Mikhail Mikhailovich's Coll. Box 5. File UNRRA University Munich.

[6] Ibid.

[7] 6 ноября 1946 г. М.М. Новиков был избран ординарным профессором Университета УНРРА и деканом естественно-научного факультета.

[8] File UNRRA University Munich // BAR, Novikov Mikhail Mikhailovich's Coll. Box 5.

[9] Ibid.

[10] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 384.

[11] Там же.

[12] См.: Два письма А.Н. Митинского, адресованных М.М. Новикову, от 5 и 9 февраля 1946 г. соответственно (на нем. яз.) // BAR, Novikov Mikhail Mikhailovich's. Box 5. File UNRRA University Munich.
[13] См.: *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 382.
[14] Там же.
[15] Протокол заседания правления РАГ в Париже от 1 июля 1946 г. 2 л., машинопись // BAR, Petr E. Kovalevskii Collection. Box 12. Russ. Acad. Gruppa (3). P.E. Kovalevskii: Russ. Acad. Gruppa – Protokoly Obshch. Sobr. 1937–1949.
[16] См.: Извлечение из письма М.М. Новикова (адресат неизвестен, скорее всего, это – Толстовский фонд в Нью-Йорке); дата – ориентировочно конец 1945 г. Обратный адрес . Novikov, Straubingerstrasse 33, 1 Regensburg, Bayern, Germany // ATF (Archive of the Tolstoy Foundation, N.Y.). M.M. Novikoff's Coll. Авториз. маш. Л. 1.
[17] См.: *Толстая А.Л.* О деятельности Толстовского фонда // Новое русское слово. 1946, 14 июля. С. 5.
[18] См.: Там же.
[19] См.: *Шидловский О., Полчанинов Р.* УНРРА университет // Зап. РАГ в США, 1996–1997. Т. XXVIII. С. 159–166.
[20] См.: Там же.
[21] BAR, Novikov Mikhail Mikhailovich's. Box 5. File UNRRA University Munich.
[22] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 376.
[23] *Шидловский О., Полчанинов Р.* Указ. соч. С. 161.
[24] См.: Заочный университет ОРЭС открывает в г. Мюнхене свой заочный университет // Путь. 1946. № 35. С. 14.
[25] Там же.
[26] Университет УНРРА признан за границей // Путь. 1946. № 35. С. 13.
[27] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 385–386.
[28] Там же. С. 386.
[29] Там же. С. 381
[30] Там же. С. 387.
[31] Там же. С. 378.
[32] Летом 1946 г. в статье «Коммунисты ведут пропаганду под флагом УНРРА» газета «Новое русское слово» писала: «Женева, 10 августа. Видный союзный военный атташе заявил президиуму УНРРА, что коммунисты просочились в местные учреждения этой организации в ряде государств и под флагом УНРРА ведут коммунистическую пропаганду. Отмечен ряд случаев ареста таких агитаторов, которых затем освобождали по просьбе УНРРА». Новое русское слово. 1946, 11 авг.
[33] См.: *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 379.
[34] Там же. С. 393.
[35] *Вишняк М.* Рецензия. М.М. Новиков «От Москвы до Нью-Йорка» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952) // Нов. жизнь. 1952. Кн. XXXП. С. 300.
[36] *Гроссман Вл.* Письмо в редакцию. В защиту УНРРА // Нов. русское слово. 1948, 28 янв. С. 4.
[37] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 389.
[38] См.: *Шидловский О., Полчанинов Р.* Указ. соч. С. 161.
[39] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 393.
[40] Die neue Zeitung. 1949. 2. 04. См. также: В борьбе за будущее// Эхо (Регенсбург). 1946, 26 окт.
[41] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 394.
[43] Сертификат, выданный М.М. Новикову 30 июня 1949 г., удостоверял его полномочия в качестве председателя Ликвидационной комиссии бывшего

Университета УНРРА в Мюнхене. Документ подписан Ю.Р. Поповым – главой администрации университета и профессором В. Холли (V. Holly) – ректором Свободного международного университета (бывшего Университета УНРРА) и заверен печатью УНРРА. Авториз. маш., англ. на бланке Международного университета // BAR, Novikov Mikhail Mikhailovich's Coll. Box 5. File UNRRA University Munich. Л. 1.

[43] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 394.

[44] Prof. M. Novikov. Curriculum vitae // AARAS. File «Prof. M. Novikov».

[45] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 396.

[46] Там же.

[47] См.: Прием студентов-иностранцев в немецкие университеты // Путь. 1947. №10. С. 13.

[48] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 400.

[49] См.: Там же.

[50] См.: Программа празднования традиционного университетского праздника – Татьянин день // BAR, Novikov Mikhail Mikhailovich's Coll. Box 6. Printed Materials, Miscellaneous.

Глава 10

Соединенные Штаты Америки: 1949–1964

Летом 1949 г. Новиковы смогли, наконец, получить разрешение на переезд в США. 25 августа 1949 г. М.М. Новиков, его жена, сын Владимир и дочь Елена с семьей покинули Европу. На пристани в Бременхавене (Германия) они сели на военный транспортный корабль «Генерал Стюарт», отплывающий в США[1]. Накануне они прошли обязательное «чистилище» пересыльных лагерей Международной организации беженцев (ИРО от IRO – The International Relugee Organization) «с их бесконечными допросами и контролями, где утрачивается человеческая личность и заменяется номером, где при входе в лагерь вам за пазуху и в другие отверстия одежды засыпают из огромных пульверизаторов инсектицидный порошок, где неопрятный фельдшер грубо кричит: "Покажи зубы" и лезет в ваш рот грязными пальцами» – вспоминал Новиков[2]. И далее: «Десятидневное плавание на пароходе, вместо того, чтобы при господствовавшей в то время прекрасной погоде, явиться источником научных и художественных наслаждений, превратилось под командованием чиновников ИРО в непрестанную цепь тяжелых воспоминаний»[3].

Транспортный корабль «General Stuart», на котором М.М. Новиков с семьей покинули Германию и 4 сентября 1949 г. прибыли в США.
Из личного архива д-ра А. Вернера

United States, Canada and Britain for coming financial talks.

4 DP GENERATIONS LAND TOMORROW

Biologist, Great-Grandfather, Heads Family of 7 Hoping to Start Life Anew

Special to THE NEW YORK TIMES

WASHINGTON, Sept. 2—Dr. Michael Novikov, 73-year-old great-grandfather, heads a four-generation group of his family arriving in New York on Sunday aboard the Army transport General Stewart, the International Refugee Organization announced today.

Moscow-born in 1876, Dr. Novikov was a professor at the University of Munich until a few weeks ago. His scientific associations include membership in the International Circle of Theoretical Biologists; L'Association des Anatomistes; the Royal Society of Sciences in Prague; and the Deutsche Zoologishe Gesellschaft.

He taught biology in Moscow, Prague and Bratislava, and once served as a Member of Parliament in St. Petersburg, Russia. Dr. Novikov has written more than 120 scientific articles and books in French, Russian, English, German, and Czech. He was jailed during the Russian revolution of 1918 and was expelled from Russia in 1922.

The patriarch will be accompanied by his wife, Valentina, who is also 73. The family includes their son, Vladimir, 43; their daughter, Helene Tibrov, 48; Helene's husband, Anatol, 53, and their daughter, Valentina Getmanov, 23. The youngest member of the group is the 16-month-old son of Valentina Getmanov, Alexey.

The Novikov family is en route to a farm at Vernon, N. J., owned by Dr. Alex Erickson. There the European scientist expects to work as bookkeeper while the younger members of his family work as farmhands. The arrangement was made by Bishop Ivanov Seraphim of Holy Trinity Monastery in Jordanville, N. Y., a cousin of Dr. Novikov who has been in this country for the last three years.

Dr. Novikov, far from considering his career nearly ended, expects to make a new start in this country. As a member of the Universitas Internationalis of Munich, he hopes to organize it on a world-wide basis with headquarters in New York.

"All will go well, I'm sure, in a land like the United States," he said on embarking.

CRASH KILLS E. S. CLARK

Cincinnatian's Car in Collision With Auto Transport

Special to THE NEW YORK TIMES

TROY, N. Y., Sept. 2—Edward S. Clark 40 years old, of Cincinnati, sales representative for

Статья в газете «New York Times» о приезде в США семьи Новикова: «4 DP Generations land tomorrow. Biologist, Great-Granfather, Heads Family of 7 Hoping to Start Live Anew» («Завтра приплывает четыре поколения Ди-Пи. Биолог, прадедушка, глава семичленной семьи надеется начать новую жизнь»).

New York Times, 1949. Suturday. Sept. P. 3

Александра Львовна Толстая –
президент Толстовского фонда (США)

В воскресенье, 4-го сентября 1949 г., на пристани в Нью-Йорке Новиковых ждал сюрприз: их обступили газетные репортеры и фотографы, снимавшие сенсационное событие: приезд в США бывшего ректора Московского университета и членов его большой семьи[4]. Накануне газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью под интригующим названием «Завтра приплы-

Административное здание Толстовского фонда.
Фото Т.И. Ульянкиной

вает четыре поколения Ди-Пи. Биолог, прадедушка, глава семичленной семьи надеется начать новую жизнь»[5]. Газета, со слов администрации ИРО, писала: «Вашингтон. 2-е сентября. Д-р Михаил Новиков, 73-летний прадедушка и глава семьи, состоящей из представителей четырех поколений, прибывает в Нью-Йорк на борту военного транспортного судна «Генерал Стюарт». 〈...〉 Патриарха сопровождает его жена Валентина,73 лет. Семья состоит из сына Владимира 43 лет, дочери Елены Тибровой – 48, ее мужа Анатолия – 53, и их дочери Валентины Гетмановой 23 лет. Младшему члену семьи – 16 месяцев. Это – сын внучки Валентины Гетмановой – Алексей. Семья намеревается поехать на ферму д-ра Алекса Эриксона в Верноне (штат Нью-Джерси). Здесь европейскому ученому предложили работу бухгалтера, тогда как младшие члены его семьи вынуждены будут работать как сельскохозяйственные рабочие. Договор о найме был организован епископом о. Серафимом (Ивановым) из Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (шт. Нью-Йорк), двоюродным братом

д-ра Новикова, который три года тому назад переехал в США. Д-р Новиков далек от того, чтобы считать свою карьеру окончательно законченной и намерен взять новый старт в нашей стране. Как бывший сотрудник Университета УНРРА, он надеется восстановить университет на широкой основе, со штаб-квартирой в Нью-Йорке. "Я уверен, что в такой стране, как Америка, все должно будет пойти как нельзя лучше", – сказал он на прощание»[6].

Известно, что какое-то время семья ученого жила на территории Толстовской фермы в Валлей-Коттедж (штат Нью-Йорк) под покровительством А.Л. Толстой и Т.А. Шауфус[7]. Затем – М.М. Новиков переехал в Найак – небольшой городок на Гудзоне (штат Нью-Йорк), где сформировалась целая колония русских беженцев и эмигрантов, и их семья разместилась в большом частном доме. В общей сложности Новиков прожил в США 16 лет, ассимилировавшись в новой для него культурной, научной и языковой среде.

Коллега по университету УНРРА в Мюнхене П. Круминс писал М.М. Новикову: «Очень сожалею, что Вы в подавленном настроении. Говорил с некоторыми представителями нашего университета относительно Вас, но, к сожалению, пока никаких конкретных результатов… ⟨…⟩ Но лучше поздно, чем никогда! Начальные трудности перенесем и забудем, но в Европе тучи как будто сгущаются и вряд ли гроза минует... Я отлично понимаю, что Вам, привыкшему к исключительно активной научной деятельности, трудно перенести хотя бы временный принудительный отпуск. Но если за это время Вы подготовите к печати пару докладов, то это время не будет зря потеряно. ⟨…⟩Думаю, что Ваше местожительство вблизи такого центра, как New York должно быть выгодно и надеюсь, что в скором времени Вы устроитесь вполне удовлетворительно»[8].

Университетские коллеги, хотя и приняли М.М. Новикова в Нью-Йорке приветливо, «сразу же дали понять, что по американским условиям 73-летний ученый рассматривается как конченый человек»[9]. Русская эмигрантская общественность также не доставила Новикову большой радости: «Значительная (мигрантской общественности. – *Т.У.*) часть, несмотря на пребывание в городе с восьмимиллионным населением, отличается узкопровинциальным образом жизни… Как старый боевой конь, я радуюсь, когда меня приглашают прочесть публичную лекцию. Но к радости примешивается и смущение по поводу того, что аудитория составляется обычно из людей, более или менее близких мне по возрасту. Молодежь, за немногими исключениями, русской культурой не интересуется. Могучий молот здешней материальной цивилизации перековывает ее психику на американский лад.

Грустно думать, что русская эмиграция ⟨...⟩ обречена в Соединенных Штатах на быстрое вырождение»[10].

Философ Ф.А. Степун писал М.М. Новикову из Мюнхена: «Ваши письма были не веселые. В них чувствовалось, что Вам Америка не по нутру. Думаю, что мне она будет еще менее по нутру, чем Вам. Во-первых, потому что вы знаете английский язык, а я его не знаю, а во-вторых, потому что зоология – наука транснациональная, моя же философия глубоко связана с Россией и Европой. Есть, наконец, еще и третья причина, заставляющая меня печалиться при мысли о, быть может, необходимом переселении за океан. Вы не только дедушка, но вы и почтенный прадедушка. Вокруг Вас есть молодые глаза, руки и ноги, которые и должны будут блюсти вашу старость. Я же себе подобных не породил, и потому должен сам заботиться о себе. Думаю, что это в Америке будет для меня не легко»[11].

В своих воспоминаниях М.М. Новиков откровенно признавался, что его пребывание в Америке «ознаменовалось упадком научно-исследовательской деятельности»[12], оправдывая это тем, что «человеку на восьмом десятке лет здесь невозможно получить лабораторию чисто научного, а не прикладного характера»[13]. У него слабело зрение, что лишало возможности пользоваться микроскопом; за семь первых лет пребывания в США Новиков смог напечатать лишь одну работу, посвященную принципу гомоморфии, в английском журнале «Systematic Zoology»[14].

Почти не сохранилось личных воспоминаний о частной жизни М.М. Новикова в Америке. Одна из зарисовок принадлежит Ф.Г. Добржанскому – известному русскому эмигранту-генетику, профессору Колумбийского университета в Нью-Йорке. «Вечером пришел старик Михаил Михайлович Новиков, последний «свободный» ректор Московского университета, ныне глубокий старец, живущий со своими детьми, внуками и правнуками в Nyac в каком-то Country Club[15], в котором его дети и внуки служат прислугой. Жалко старика, но ничего для него сделать невозможно"[16].

Однако, несмотря на отягчающие возрастные и семейные обстоятельства, М.М. Новиков все-таки сумел включиться в эмигрантскую деятельность – общественную, педагогическую и литературную. Он начал читать лекции на естественно-научные темы в американских и канадских университетах (Йельском, Торонтском и др.), а также в эмигрантских общественных организациях, участвовал в деятельности Пироговского медицинского общества в США. Остаток своих духовных и интеллектуальных сил Новиков отдал организации Русской академической группы (РАГ) в США, редактированию ее «Записок» (поначалу – «Бюллетеней»)

и юбилейных изданий, выступлениям на радио «Освобождение» («Свобода»), изданию мемуаров. Эта деятельность доставляла ему большое удовлетворение[17].

В Америке М.М. Новиков участвовал в попытках возрождения русской высшей школы за рубежом. И хотя проекту создания в США Русского свободного университета имени М.В. Ломоносова не суждено было претвориться в жизнь, – отсутствие должного финансирования оставило проект нереализованным, – в рамках созданной им Русской академической группы (РАГ в США) ему удалось объединить большое число российских ученых-эмигрантов, живущих в США и в Европе. В группу входили такие выдающиеся ученые, как Н.Е. Андреев (Оксфорд), Н.С. Арсеньев, А.П. Браунштейн, Г.В. Вернадский, Г.К. Гинс, Ф.Г. Добржанский, В.С. Жардецкий, А.В. Зеньковский, М.М. Карпович, П.Е. Ковалевский (Париж), Н.О. Лосский, Б.Н. Одинцов, Г.И. Новицкий, С.Г. Пушкарев, В.И. Свинтицкий, А.П. Семенцов, П.А. Сорокин, Е.В. Спекторский, Г.П. Струве, Н.С. Тимашев, С.П. Тимошенко, Б.Г. Унбегаун, Р.О. Якобсон и др.[18] В 1951 г. после смерти профессора Е.В. Спекторского – первого председателя РАГ в США – М.М. Новиков был избран ее новым руководителем и оставался на этом посту до самой своей кончины, т.е. в течение 15 лет.

Послевоенная Русская академическая группа в США

В конце 1948 – начале 1949 гг. в жизни русской колонии в США произошло важное событие. Пятеро российских ученых-эмигрантов «первой волны», бывших преподавателей Университета УНРРА в Мюнхене: Е.В. Спекторский, К.Г. Белоусов, И.О. Москвитинов, Зл. Черткова и В. Вагнер организовали в Нью-Йорке Международную ассоциацию преподавателей высшей школы в Соединенных Штатах Америки (International Association of Scholars in the United States of America)[19]. Ее учредительное собрание прошло 15 февраля 1949 г. Организаторы надеялись, что ассоциация, созданная при поддержке американцев, поможет не только эффективно объединить бывших преподавателей и студентов университета УНРРА, но и окажет действенную поддержку переезду в США многочисленных русских ученых, еще остававшихся в лагерях Ди-Пи в Европе. Президентом ассоциации был избран В.И. Свицицкий (Свентицкий), вице-президентом – Е.В. Спекторский, секретарем К.Г. Белоусов.

10 марта 1949 г. на заседании ассоциации было принято решение о переименовании ее в Ассоциацию американских и ино-

странных преподавателей и ученых в США[20]. Внутри организации были созданы автономные национальные группы ученых: русская, украинская, польская, югославская, чехословацкая, болгарская, американская и израильская[21]. Судя по архивным протоколам ассоциации, в состав «русской группы» вошли профессора: Б.А. Бахметев, Г.В. Вернадский, В.Н. Ипатьев, М.Т. Флоринский, М.М. Карпович, Н.О. Лосский, В.Н. Малеев, М.И. Ростовцев, П.А. Сорокин, С.П. Тимошенко. В июле 1949 г. ассоциация была официально инкорпорирована как общественная организация, о чем на заседании от 17 июля 1949 г. объявил ее американский член д-р Чарльз Кэрролл[22]. Ассоциация, наряду с Толстовским фондом и Русской православной церковью Америки сыграла важную роль в организации переезда Новикова и его семьи из Европы в США. (см. Глава 8, а также: Часть третья «Переписка»).

Проект Русского свободного университета им. М. В. Ломоносова в Нью-Йорке

За полгода до появления М.М. Новикова в США, на заседании исполкома Ассоциации преподавателей высшей школы США, проходившем 10 марта 1949 г., на обсуждение был поставлен вопрос о создании Комитета по организации в Нью-Йорке международного университета как прототипа бывшего Мюнхенского университета УНРРА, а в послевоенной Германии – Русского университета[23]. 13 мая 1949 г. вопрос об университете было решено изучить с разных точек зрения: экономической, юридической и академической[24]. Тогда же было предложено организовать вечерние курсы, которые смогли бы функционировать без финансовой поддержки со стороны ассоциации, по специальностям: бизнес; гражданское инженерное дело; гуманитарные науки. В процессе обсуждения было рассмотрено предложение об организации факультета теологии.

В сентябре 1949 г., в связи с первым появлением М.М. Новикова на заседании ассоциации, вопрос о создании Русского университета (Свободного университета им. М. Ломоносова) в Америке, по-видимому, полностью перешел в его компетенцию. По его инициативе была организована Временная комиссия по созданию университета, в числе учредителей которой были названы следующие организации: Толстовский фонд, Общество русских врачей, Литературный фонд, Общество друзей русской культуры, Русско-Американское общество, Фонд св. Серафима, Общество «Надежда», Русско-Американский народный дом, Русский центр,

Союз инженеров, Союз адвокатов, РООВ, Клуб российской молодежи, Культурно-просветительный кружок РООВа.

В Архиве РАГ в США (Киннелон, штат Нью-Джерси) хранятся протоколы заседаний («Minutes») Ассоциации американских и иностранных преподавателей и ученых в США (1949–1953), представляющие большую ценность для историков, поскольку в деталях отражают ранее неизвестную организаторскую активность русских ученых – эмигрантов в послевоенный период[25].

Ниже приведены выдержки из тех протоколов, которые имеют отношение к переезду М.М. Новикова в США. Так, в протоколе от 13 мая 1949 г. (№7), речь идет о создании в Вашингтоне специального «Ди-Пи комитета» в связи с иммиграцией университетских профессоров в США, о получении профессором Новиковым в Регенсбурге необходимых бумаг от епископа Серафима»[26]. Содержание протокола от 23 сентября 1949 г. (№ 11) свидетельствует, что «проф. Свицицкий приветствуя собравшихся, особо отметил появление на заседании “Ассоциации” Новикова – бывшего ректора Московского ун[иверсите]та и декана УНРРА ун[иверсите]та в Мюнхене, который совсем недавно прибыл из Европы»[27]. На этом же заседании Новиков вместе с профессором В.С. Жардецким и П. Ковалевым были приняты в состав ассоциации в качестве новых членов[28]. Собрание от 14 июня 1951 г. (№ 32) было посвящено памяти профессора Е.В. Спекторского – постоянного вице-президента исполкома ассоциации и председателя ее русской секции, а также выборам нового состава исполнительного комитета. Председателем русской секции был выбран Новиков[29]. Ниже представлен список руководителей национальных секций исполкома ассоциации (президент – В.И. Свинцицкий; вице-президент – М.М. Новиков, генеральный секретарь – К.Г. Белоусов).

Состав руководства национальными секциями:

Русская секция

Председатель – М.М. Новиков
Вице-председатель – Г.И. Ширяев
Секретарь – А. Копылов

Украинская секция

Председатель Н. Чубатый

Польская секция

Председатель – К. Шаповицкий

Американская секция

Председатель – Ч. Кэрролл
Секретарь – С. Служка

Обращение М.М. Новикова (Найяк, штат Нью-Йорк) к членам Русской секции Ассоциации американских и иностранных ученых (б/д, ориентировочно, 1951 г.)[30].

Многоуважаемый коллега!

Русская секция, объединенная с **Комиссией по организации Русского университета имени Ломоносова**, предполагает начать серию лекций, посвященных дореволюционной России и современному СССР. В этих лекциях политическая и научная свобода лекторов ни в чем не стесняется. Но объединяющим принципом всех лекций является неприемлемость политического режима, установившегося в теперешней России.

По мере возможности и средств лекции будут изданы и разосланы всем членам. Лектора получают и за свои лекции вознаграждение в размере, который устанавливается правлением Русской секции.

Чтобы принять участие в этой лекционной работе, необходимо быть избранным в члены Русской секции. Помогите осуществить эту трудную задачу и не откажите прислать ответ на нижеприведенном бланке.

1. На какие темы Вы могли бы подготовить лекции и когда могли бы их прочесть?

2. Какие темы Вы считаете наиболее интересными для слушателей и читателей?

3. Какие меры могут быть приняты для развития нашей деятельности?

4. Какой вид деятельности нашей секции Вы считаете наиболее подходящим и своевременным?

5. Ваши пожелания?

6. Если Вы желаете вступить в Русскую секцию – сообщите Ваш научный и преподавательский стаж.

Председатель: профессор М.Новиков
Секретарь: доцент А.Н. Копылов

31 января 1952 г. обсуждение доклада о финансовом стандарте университетов в США не оставило авторам проекта университета им. Ломоносова никакой надежды. Профессор Ч. Кэрролл выяснил, что открытие международного университета в США обязательно предполагает выполнение двух фундаментальных требований, таких как профессорская зарплата в 500$ и наличие специального университетского кампуса для образовательных целей. Эти требования диктуют наличие дополнительных фи-

нансовых средств со стороны американских благотворительных организаций и создают непреодолимые трудности с открытием русского университета[31].

М.М. Новиков мечтал организовать в Нью-Йорке «русский университет как культурный центр, из которого наши соотечественники, а также американцы могли бы черпать достоверные сведения о России, о ее великом духовном достоянии, где молодежь воспитывалась бы в русских академических и общественных традициях»[32]. Ему было тяжело сознавать, «что... ⟨...⟩ в стране колоссальных материальных возможностей не находится средств для сравнительно скромного культурного начинания»[33]. И далее: «Мечта о русском университете в Америке, который был бы преемником подобных учреждений в Европе, бледнеет», – сетовал он в 1952 г.[34]

Профессор Ф. Степун, живущий в Мюнхене, писал в эти дни М.М. Новикову: «Очень сочувствую Вашей идее Ломоносовского ун[иверсите]та, но боюсь, что её осуществление разобьется о непреодолимые трудности. Америка, очевидно, враждебна развитию национальных культур. Если устроите свободный ун[иверсите]т, с удовольствием прилечу к Вам прочесть цикл лекций»[35].

Вскоре идея Русского университета им. Ломоносова сменилась идеей создания Общества друзей университета им. Ломоносова. В личном фонде М.М. Новикова в Бахметевском архиве хранится документ под названием «Список членов Общества университета имени Ломоносова (кроме врачей и инженеров)», с перечнем фамилий преподавателей университета: Н.С. Арсеньев, К.Г. Белоусов, А.П. Браунштейн, Г.К. Брижитский, Г.В. Вернадский, Г.К. Гинс, Ф.Г. Добржанский, Вяч.С. Жардецкий, А.В. Зеньковский, П.П. Зубов, С.Г. Елатонцев, Д.Н. Иванцов, М.М. Карпович, Е.Г. Когбеглянц, Н.О. Лосский, Ф.А. Мозли, М.М. Новиков, Г.И. Новицкий, Б.Н. Одинцов, А.И. Петрункевич, С.Г. Пушкарев, В.И. Свинцицкий, А.П. Семенцов, П.А. Сорокин, Е.В. Спекторский, Г.Г. Тельберг, Н.С. Тимашев, С.П. Тимошенко, Б.Г. Унбегаун, О.И. Ядов, Р.О. Якобсон[36].

Ниже приведен текст письма М.М. Новикова, адресованного К.Г. Белоусову и А.Н. Богомолову, от 8 февраля 1953 г.[37]

Дорогие друзья, Константин Гавриилович и Алексей Николаевич,

Я испытываю большое удовлетворение от того, что активная роль в нашей новой организации выпала на долю более молодых, энергичных людей. Я полагаю, что если Вы вдвоем вплотную столкуетесь о порядке будущей деятельности, нам, может быть,

удастся осуществить, наконец, Русский академический центр в С[оединенных] Ш[татах], **отсутствие которого ложится тяжелым стыдом на наши эмигрантские плечи.**

Тяжко сознавать, что сотни ученых, выходцев из России и рассеянных в Америке, не в силах создать источник живой воды, из которого наша молодежь и вообще наши земляки, а также американцы могли бы черпать объективные, научно проверенные и обоснованные сведения о прошлом развитии и современном состоянии нашей родины.

Но в первую очередь, для этого необходима финансовая база. Мне думается поэтому, что все Ваши практические таланты и вся Ваша настойчивость должны быть обращены на эту сторону дела. А я из своей старческой берлоги буду благодарить Вас, и содействовать, чем могу ⟨…⟩

Шлю Вам сердечный привет и пожелание энергичной и успешной работы. Преданный Вам М. Новиков

Интересно, что идея Русского университета, как и Русского научного института в США, не перестала «носиться в воздухе»; со смертью М.М. Новикова она трансформировалась в другие идеи и названия, например в Свободную русскую академию[38].

Идея солидарности российских ученых-эмигрантов в США в рамках деятельности единой организации не прошла бесследно. В конце концов, было решено использовать исторический опыт и вернуться к давно проверенной довоенной структуре – Русской академической группе. Ниже приведен черновик документа (ориентировочно май 1953 г.), где М.М. Новиков предлагает новый проект – создание Русской академической группы в США.

Новиков М.М. Русская академическая группа в Нью-Йорке (черновик, выборочно, б/д).

«Попытка организовать в США русский эмигрантский университет, по примеру того, как это делалось в Европе, потерпела неудачу. Здесь не нашлось, как это ни странно для богатой Америки, достаточных финансовых средств. Общественное сочувствие оказалось весьма слабым и малоактивным. Даже русская молодежь не могла в соответствующей мере отозваться на наше культурное начинание. Но у людей, вкусивших прелесть научной и просветительной работы, стремление к ней неистребимо. В Нью-Йорке уже в течение нескольких лет существует Ассоциация американских и иностранных ученых, основанная на обломках преждевременно и трагично погибшего УНРРА – университета в Мюнхене. Русская секция этой малоактивной организации

впитала в себя подготовительную комиссию неудавшегося университета, в расчете на то, что путем такого оплодотворения будет создан деятельный организм, способный поддержать русскую культурную традицию.

Новое учреждение поведет свою работу под именем «Русская академическая группа». Это наименование является отзвуком славных дней начала русского беженства, когда всюду кипела жажда культ[урной] работы и русские акад[емические] группы были созданы в Берлине, Болгарии, Великобритании, Италии, Константинополе, Париже, Польше, Риге, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Эстонии, Чехословакии, а впоследствии еще в Харбине и С. Америке. Все они были объединены в Союз, правление которого находилось в Праге[39].

В брошюре, посвященной русской зарубежной организации, и изданной Русским свободным университетом в Праге (1935) я писал, между прочим: «Ни катастрофа, сломавшая весь жизненный и научный обиход ученых, ни тяжелые условия зарубежного существования не угасили дух научного искания, и в настоящее время на пространстве почти всего земного шара русские ученые успешно шествуют по путям исследовательской работы, дружно и в ногу со своими заграничными коллегами»[40]. Диапазон работы академических групп был весьма обширен. Наряду с заботами профессионального характера по оказанию помощи своим членам группы организовывали учебные заведения, издавали научные труды, созывали съезды ученых и даже присуждали магистерские и докторские степени. Процедура экзаменов и ученых диспутов проводилась с тщательным соблюдением требований российских университетов. Наши заграничные магистры и доктора ничуть не уступали в смысле квалификации прежним, российским. Таким образом, кроме научной и просветительной работы группы подготовляли кадры молодых академических деятелей, которые находили применение своим силам не только в русских, но и в иностранных учебных заведениях и исс[ледовательских] инст[итутах].

В целях поддержания русского академического достоинства, сохр[анить] и продолжить эти славные традиции крайне желательно. Но на первое время Нью-Йоркская акад[емическая] группа предполагает ограничить свою деятельность устройством собраний членов группы для заслушивания и обсуждения специальных научных докладов, а кроме того, организаций лекций и курсов, представляющих интерес для широких общественных кругов. Естественно, что такой интерес могут в первую очередь

возбудить темы, **касающиеся прошлого развития и современного состояния нашей родины.**

Для того чтобы деятельность участников группы не рассеивалась бесследно, предполагается печатать содержание докладов и лекций, первое время на ротаторе. Этим путем мы придем к изданию «Вестника Русской академической группы в Нью-Йорке». Надо надеяться, что с развитием деятельности группы и с укреплением её финансовой базы, удастся перейти на типографское печатанье и таким образом создать первый в Америке **русский научный журнал**, средоточие русской свободной мысли, так жестоко попираемой ныне в пределах нашей родины.

М. Новиков»[41].

Итак, в соответствии с Временными правилами, РАГ в США была создана в мае 1953 г. при Ассоциации американских и иностранных преподавателей и ученых в США. Ей вменялось выполнение научных и просветительных функций российских высших учебных заведений. Удивительно, но никогда ни сам М.М. Новиков, ни его коллеги не ссылались на опыт предшествующей ей, так называемой довоенной РАГ в США, созданной в декабре 1923 г. в Нью-Йорке, что свидетельствует о полном отсутствии какой-либо преемственности в деятельности этих групп.

Напомню, что до Второй мировой войны (с конца декабря 1923 г.) в США существовала РАГ под председательством барона С.А. Корфа. В списке ее учредителей было много известных ученых «первой волны» эмиграции, получивших образование и сделавших свои первые шаги в дореволюционной России: С.Ф. Балдин – военный инженер, профессор и генерал-майор; Б.А. Бахметев – ученый-гидравлик, крупный политический и общественный деятель; Г.А. Ботезат – авиаконструктор; С.А. Васильев – инженер и историк Сибири; И.М. Гольдштейн – доктор политэкономии, профессор; С.М. Ингерман – доктор медицины, политический деятель; С.А. Корф – доктор права, юрист; К.М. Оберучев – военный ученый, генерал; И.И. Остромысленский – химик-органик; А.И. Петрункевич – зоолог-арахнолог; С.А. Сатина – ботаник, генетик; П.А. Сорокин – социолог. К сожалению, деятельность этой организации была кратковременной. После скоропостижной смерти – 7 марта 1924 г. – барона С.А. Корфа, руководство РАГ взял на себя профессор А.И. Петрункевич. Но его продолжительная болезнь надолго приостановила деятельность группы. Кроме личных обстоятельств (болезни и смерти учредителей) на деятельности группы не могла не сказаться сложная политическая и экономическая ситуация дово-

енных лет в США. О полном прекращении работы РАГ правление Союза русских академических организаций за границей проинформировало участников своего третьего съезда, проходившего в Праге 27–31 декабря 1926 г.[42]

Осенью 1954 г. М.М. Новиков подготовил текст устава послевоенной РАГ в США[43]. В соответствии с уставом, в состав группы решено было принимать лиц, имеющих ученую степень, людей, известных своими научными трудами, а также преподавателей высших учебных заведений. Желающие вступить в члены группы должны были направлять заявления с обязательным приложением Curriculum Vitae*.

Главным органом управления РАГ объявлялось общее собрание её членов. Отчет президиума и выборы предложено было производить на годичном собрании группы.

Руководство текущей работой возлагалось на президиум группы, состоящий из председателя, его заместителя, секретаря и казначея, которых было предложено избирать общим собранием сроком на два года.

Для предварительного рассмотрения отчета общим собранием должна была быть избрана Ревизионная комиссия в составе трех членов группы.

Группа планировала издавать научный журнал на русском языке под названием «Вестник русской академической группы в Нью-Йорке» («The Proceedings of the Association of Russian–American Scholars in the USA») с резюме на английском языке[44].

Размер членского взноса определен в размере шести долларов в год. Половина взноса должна была поступать в кассу ассоциации, а та в свою очередь должна была оказывать группе содействие в канцелярской работе, а также предоставлять, по мере возможности, нужное группе помещение.

Насколько трудным в материальном отношении была деятельность большинства членов РАГ в США, становится понятным из письма М.М. Новикова, адресованного Б.В. Сергиевскому, от 3 декабря 1954 г.[45]

Глубокоуважаемый Борис Васильевич!

Насколько нам известно, Вы возглавляете Комитет имени проф. Б.А. Бахметева для оказания помощи русским культурным организациям. Поэтому мы обращаемся к Вам со следующей просьбой.

Русская академическая группа, состоящая при Ассоциации американских и иностранных ученых, препровождает Вам при сем свой устав, отчет о деятельности за истекший год и издан-

ные ею бюллетени. **Находясь в состоянии почти полного безденежья, группа с большим трудом поддерживает свое существование.** Значительная часть ее членов – старые заслуженные ученые; но по возрастным условиям они лишены заработка, и не только не могут платить членские взносы, но сами нуждаются в поддержке в виде хотя бы скромного гонорара за их научные доклады. Устройство балов и концертов, которые могли бы принести некоторый доход, не вяжется со строгой научной компетенцией группы.

А, кроме того, в ее составе нет тех молодых сил, которые могли бы взяться за такие предприятия. Поддержка старой гвардии русской науки, широко прославленной во всем культурном мире, является благородной, патриотической задачей более обеспеченных слоев русской эмиграции. Обращаясь с просьбой о материальном содействии, Русская академическая группа рассчитывает оправдать это содействие своими научными трудами, которые являются положительным вкладом в историю русской зарубежной жизни.

Председатель группы: М. Новиков.
Секретарь группы К. Белоусов[46].

При жизни М.М. Новикова на ротаторе было отпечатано около 10 выпусков «Бюллетеня Русской академической группы в Нью-Йорке». Его замысел об издании русскоязычного научного журнала «Вестник Русской академической группы в Нью-Йорке» («Proceeding of the Russian Scholar Group in New York”) с резюме на английском языке, был реализован только в 1968 г., уже после его смерти. При этом название ежегодника было изменено на “Записки Русской академической группы в США” (Transactions of the Association of Russian-American scholars in the U.S.A.)

«От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний» (1952 г.)

К 1952 г. М.М. Новиков смог завершить работу над большой итоговой книгой всей его жизни под названием «От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952), получившей огромный резонанс в эмигрантской среде. Книга принесла Новикову большую известность во многих странах русского рассеяния. Не будет преувеличением сказать, что с момента ее издания ни одно

М. М. НОВИКОВ

От Москвы до Нью-Йорка

МОЯ ЖИЗНЬ В НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк • 1952

серьезное исследование по истории Русского зарубежья не обходилось без ссылки на эту монографию. Она – уникальна и имеет большую социокультурную значимость, поскольку подробно реконструирует важнейшие события жизни ученых дореволюционной России, лаконично рассказывает о событиях трех революций и трех войн, о жизни «Беженского университета» в Мюнхене, передает особую атмосферу эмигрантской среды в странах Европы и США. Глазами честного, умного и интеллигентного человека в этой книге описана трагедия России в XX в. и судьба российского ученого, жертвенно и достойно несущего свой крест на родине и в эмиграции.

Сразу после выхода книги М.М. Новикова на нее откликнулись многие его современники[47]. Краткие отзывы на нее содержит обширная переписка Новикова с деятелями Русского зарубежья (см. Часть третья. Переписка). Так, в письме всемирно известного зоолога-арахноидолога А.И. Петрункевича (США) есть такие слова: «Большое Вам спасибо за экземпляр Ваших воспоминаний, которые я читаю с большим интересом и вниманием, т.к. многие из упомянутых профессоров мне знакомы, а иные были моими учителями. Как воспоминания участника и очевидца, они станут особенно верными документами при будущей исторической оценке событий этих лет»[48].

«Ценнейшим вкладом в историю русской культуры» назвала мемуары М.М. Новикова известный общественный деятель, графиня С.В. Панина (Нью-Хэвен, штат Коннектикум США). Она писала Новикову: «Мною только теперь, попав в тихую Нью-Хевенскую заводь, удалось, наконец, прочесть Вашу книгу "От Москвы до Нью-Йорка". Закончила я ее вчера и мне хочется поскорее сказать Вам, что читала я ее не отрываясь, с огромным интересом. Все ее главы, так же как и жизнь Ваша, так насыщены кипучей деятельностью, и так в них много сохранено и восстановлено значительного из нашего прошлого, что книга Ваша является, как мне кажется, ценнейшим вкладом в историю русской культуры. Она, кроме того, оказывает огромную услугу всей русской интеллигенции и, в частности, всему нашему с Вами поколению, наглядно показывая, что мы умели не только разрушать, как все нас в том обвиняют, но умеем и созидать, притом при всех режимах, при всяких в нынешних условиях – с деньгами и без денег, в раю и в аду, под ясным небом и под бомбами и под коммунистами, и под нацистами, и под демократиями и даже под покровом благотворительных организаций... Ваша книга является, между прочим, очень хорошим коррективом и насущным пополнением

к книге Ар[иадны] Вл[адимировны] Тырковой[49], которая передает только разрушительную стихию нашей эпохи… И так, еще раз благодарю Вас, Михаил Михайлович, за Вашу прекрасную книгу, и если теперь Вам трудно, как всем нам, преждевременно сброшенным в небытие, то у Вас есть все же еще утешение в сознании того, что Вы в прошлом времени не теряли, сделали многое, и что редко (!) бесспорно хорошего, и что "ущемила" Вас жизнь позднее многих других»[50].

Историк Н.Е. Андреев (Кембридж, Великобритания) писал автору: «Вашу книгу… ⟨…⟩ прочитал с большим интересом и приобрел для себя: когда-нибудь намереваюсь написать о "русской Праге", – Ваша книга будет ценным источником»[51]. Диапазон корреспондентов М.М. Новикова, откликнувшихся на мемуары, был огромен: философ Н.О. Лосский (Нью-Хевен, шт. Коннектикут, США), историк Г.В. Вернадский (Йельский университет, США), писатель А.В. Тыркова-Вильямс (Вашингтон), экономист А.Д. Билимович, писатель Р. Гуль, философ Н.С. Арсеньев (Нью-Йорк), зоолог С. Вербицкая (Аргентина), профессор зоологии. Ч.Л. Ремингтон (Charles L. Remington) (Йельский университет, Нью-Хевен, шт. Коннектикут, США), журналист, главный редактор газеты «Новое русское слово» М.Е. Вейнбаум (Нью-Йорк); зоолог К.И. Гаврилов (Аргентина) и др.

Книга " От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике" была опубликована в самый разгар "холодной войны" небольшим тиражом, поэтому за прошедшие годы она стала библиографической редкостью, особенно в России, где ее отдельные экземпляры можно с трудом найти лишь в редких библиотеках, имеющих специализированные отделы по литературе Русского зарубежья. В 2009 г. мемуары М.М. Новикова вышли в издательстве Московского университета.

Радиостанция «Освобождение» (Мюнхен)

С самого начала работы радиостанции «Освобождение», М.М. Новиков, как и другие русские ученые-эмигранты, был включен в сотрудничество с мюнхенской станцией, большинство передач которой готовились в Нью-Йорке[52]. Было ли это сотрудничество «осознанной необходимостью» (как остроумно выразился В. Войнович) или в его основе лежала личная заинтересованность быть «голосом русской эмиграции», трудно сказать. В Бахметевском архиве находится переписка Новикова с писателем и журналистом М.М. Коряковым, отражающая публицистиче-

скую деятельность ученого на радио[53]. В 1959 г. радиостанция была переименована в «Радио Свобода». Спустя 40 лет, в 1993 г. первый Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин признали важность роли «Радиостанции Свобода» в прекращении «холодной войны» словами: «Трудно переоценить значение вашего вклада в уничтожение тоталитарного режима в бывшем СССР»[54].

Ниже приведены два письма М.М. Корякова из его переписки с М.М. Новиковым (см.: Часть третья «Переписка»).

М. Коряков (Нью-Йорк) – М.М. Новикову (Найяк, штат Нью-Йорк) 11 марта 1953 г.[55]

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Вы, вероятно, знаете, что в Мюнхене 1 марта начала работать новая радиостанция под названием "Освобождение". Передачи её направлены на Россию и по замыслу она должна быть голосом русской эмиграции.

По этой радиостанции передаются, например, "Письма на родину", в которых русские люди – разных толков и направлений – говорят о том, что дорого их сердцу.

Мы уже передали письма А.Т. Гречанинова, В.М. Зензинова, Владыки Иоанна Шаховского, А.В. Тырковой и др.

Мы были бы чрезвычайно рады, если бы и Вы написали "Письмо на родину". Полторы-две странички. Например, обращенное к профессорам и студентам Московского университета.

Большое спасибо, Ваш М. Коряков.

М. Коряков (Нью-Йорк) – М.М. Новикову (Найяк, шт. Нью-Йорк) 9 марта 1956 г.[56]

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Мы хотели бы приготовить большую 15-минутную передачу, посвященную Вашей научной деятельности.

В эту передачу войдет очерк о Вас и Вашей научной деятельности.

Кроме того, хотелось бы, чтобы и Вы лично выступили перед микрофоном: коротко – с обращением к русской молодежи, в частности, к студентам Московского университета.

Не могли бы Вы написать текст такого обращения – скажем, полторы странички на машинке (через два интервала)? Я хотел

бы иметь этот текст в самом начале недели, не позднее вторника 13 марта. Пошлите на мое имя: Mikhail Koriakov. American Commiittee (14th floor) 15 West 47 Street, NYC

Затем, в пятницу 16-го марта нам хотелось бы пригласить Вас в радиостанцию. Могли бы Вы заехать к нам в офис, скажем, в 3 часа пополудни? Гонорар выступления – 50 долларов. Жду Вашего письма.

Искренне преданный Вам, М.М.Коряков.

В 1955 г., когда радиостанция отмечала двухсотлетие Московского университета, русских ученых представлял М.М. Новиков как последний свободно избранный ректор вуза. В передаче участвовали бывшие профессора Московского, Петербургского, Киевского и Одесского университетов, ученые американцы и даже Нобелевский лауреат по физиологии и медицине; к передаче подключились редакторы университетских студенческих газет – «Гарвард Кримсон» и «Колумбия спектэйтор»[57]. В своем выступлении Новиков приветствовал своих «дорогих далеких друзей, профессоров, преподавателей и студентов» и напомнил, что вот уже 33 года, как он оторван от Москвы, поскольку был вынужден принудительно покинуть родину. Несмотря на годы разлуки и громадный океан, его любовь к университету не стала менее пылкой: «Мы иногда завидуем вам – жителям некогда златоглавой Москвы. Но в то же время понимаем, что нам, привыкшим к свободе и независимости, невозможно жить там, где в концентрационных лагерях используется подневольный труд, а обучение в университетах ведется по указке партии. Старый академический лозунг “Не дайте духу угаснуть”[58] забыт, и советскому ученому всегда приходится опасаться, как бы не впасть в какую-нибудь ересь. 〈…〉 Мы с вами всем сердцем, и мы уверены, что недалек тот день, когда духовные цепи падут, и вы воссоединитесь с мировой семьей свободных ученых в качестве ее равноправных членов»[59].

200-летний юбилей Московского университета в США

В общей сложности за свою долгую жизнь М.М. Новиков был свидетелем трех юбилеев Московского университета. Правда, в 1905 г. правительство России из-за опасения возможных студенческих демонстраций не разрешило празднование под формальным предлогом, что «полтора столетия не являются юбилейной датой»[60]. В 1930 г., находясь в Праге, Новиков принял участие

ДВУХСОТЛЕТИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1755 1955

ПРАЗДНОВАНИЕ В АМЕРИКЕ

CELEBRATION IN AMERIKA

MOSKOW UNIVERSITY BICENTENNIAL

в организации празднования 175-летия Московского университета, которое проводилось силами Парижского и Пражского комитетов. Комитеты издали сборник «Московский университет» (Париж; Прага, 1930). В Советской России к 175-летию МГУ отнеслись безучастно, а празднование Дня Татьяны вообще было отменено и долгие годы приравнивалось чуть ли не к государственному преступлению.

За два года до 200-летнего юбилея Московского университета М.М. Новиков стал инициатором русских юбилейных торжеств в США. Прежде всего, он обратился к самому крупному русскому эмигрантскому издательству имени Чехова (Нью-Йорк) с проектом издания юбилейного сборника, включив в него список из 27 имен бывших московских профессоров и студентов Московского университета, согласившихся быть его авторами. Под председательствованием Новикова в Нью-Йорке был образован Организационный комитет по празднованию 200-летия Московского университета. В комитет вошли представители шести эмигрантских организаций, имеющих близкое отношение к университетской деятельности, а именно: представители Русской академической группы в США (профессора М.М. Новиков и К.Г. Белоусов), Общества друзей русской культуры (инженер Г.И. Новицкий и профессор Н.С. Тимашев), Общества русских врачей (доктора М.Я. Каменский и Г.И. Альтшулер), Пироговского общества (профессор В.А. Юревич и доктор Г.С. Агаджанян), Кружка русских юристов (присяжной поверенный А.А. Гольденвейзер) и Объединения русских юристов – бывших Ди-Пи (присяжной поверенный К.Н. Николаев).

В конце 1954 г. М.М. Новиков через эмигрантскую прессу проинформировал русскую общественность о предстоящем 25 января 1955 г. 200-летнем юбилее старейшего российского университета и предложил отпраздновать эту дату. Он напомнил, что в дореволюционной России праздник Московского университета (Татьянин день) отмечался очень широко. Этот праздник начинался «архиерейским богослужением в домовой университетской церкви, за которым следовал торжественный акт с отчетом о деятельности университета, с научной речью кого-либо из профессоров и с раздачей дипломов и наград студентам. Затем профессора собирались на “подписной обед”, на котором произносились речи о достижениях русской культуры, о политических и общественных событиях и воспоминания о бурных переживаниях юности. Студенчество устраивало вечером концерт с участием лучших артистических сил и бал, затягивавшийся глубоко за полночь.

Наряду с этой официальной программой, по всей Москве разливалось буйное веселье в городских и загородных ресторанах. Тут студенчество объединялось с профессурой, а университетские деятели – с представителями московской общественности. Все чувствовали себя молодыми, а ликование принимало подчас гомерический характер»[61]. В этот день московская полиция получала инструкции не препятствовать буйному веселью студенчества.

Торжества в Нью-Йорке продолжались 10 дней, начавшись в воскресенье 16 января 1955 г. В двух резиденциях митрополитов – Анастасия и Леонтия – после литургии был отслужен торжественный молебен. В 16 часов в большом зале Нью-Йоркского городского университета состоялось торжественное заседание, посвященное юбилею. М.М. Новиков вспоминал: «Помещение, рассчитанное на 750 слушателей, было почти сплошь занято публикой, цветом русской интеллигенции Нью-Йорка. Праздник почтили своим присутствием оба митрополита – его высокопреосвященство Анастасий и его высокопреосвященство Леонтий. В начале хором под управлением Н.П. Афонского были исполнены: американский гимн "Коль славен" и "Слава Московскому университету"»[62]. После краткого вступительного слова Г.И. Новицкого слово было представлено трем известным профессорам Московского университета: М.М. Новикову («Общественное значение Московского университета»), Н.С. Тимашеву («Потомство юбиляра») и Н.С. Арсеньеву («Московский университет и характерные черты русской духовной культуры»). Традиционный акт закончился студенческим гимном «Gaudeamus» в исполнении всех присутствующих.

21 января 1955 г. в большом зале Соборного Дома состоялось празднование Дня Татьяны. В дореволюционной России 12 января (по старому стилю) и 25 января (по новому стилю) Православная церковь праздновала память св. мученицы Татьяны. В этот день вышел Высочайший указ об основании Московского университета, поэтому не случайно День Татьяны стал традиционный университетским праздником. В программу нью-йоркских торжеств, наряду с отдельными выступлениями, были включены концерт и банкет, продолжавшийся около 5 часов. Завершились торжества в Нью-Йорке 25 января в помещении Нью-Йоркской медицинской академии. Здесь Общество русских врачей им. Пирогова (под председательством доктора И.Н. Коварского) провело специальное заседание, посвященное деятельности медицинского факультета Московского университета. На заседании выступили профессора: М.М. Новиков, Л.С. Розенталь и доктор Г.И. Альтшулер.

The New York Times.

Copyright, 1949, by The New York Times Company.

NEW YORK, SATURDAY, SEPTEMBER 3, 1949.

MOSCOW BICENTENARY

The 200th anniversary of Moscow University has been observed this week in many parts of the free world, though, curiously, not in the Soviet Union itself. Through the broadcasts of Radio Liberation from Munich, leaders of American academic life and Soviet exiles who were formerly students or professors at the university have been sending messages through the Iron Curtain to that institution's present community. In these messages those now studying and teaching at Moscow University have been reminded that it was Mikhail Lomonosov, its founder, who inscribed in the university's charter his slogan, "The sciences do not tolerate coercion."

By all external and superficial criteria, of course, Moscow University would seem to be at the height of its good fortune today. Its imposing new skyscraper home is one of Moscow's landmarks, and no Soviet university is anywhere nearly so richly endowed with all the material needs of a place of learning. Yet spiritually the university is at or near the nadir of its history. Intellectual coercion, after all, is the basic element of the Communist approach to education, and from that premise naturally flows the present nearly complete isolation of Moscow University from the currents of ideas which animate the free world. In a freer era Moscow University gave the world such spokesmen for freedom as Lermontov, Turgenev, Herzen and Chekhov. We may all hope that the day is not far distant when the successors of these great spirits can again emerge in the legitimate tradition of this once free institution of learning.

Фрагменты из газеты «New York Times», посвященной празднованию юбилея – 200-летия Московского университета в США.

Moscow Bicentenary. New York Times, 1955 Friday Jan. 28

Чествование Московского университета прошло также в Сиракузах (под председательством инженера В.Н. Федорова) и Голливуде (Лос-Анджелес, штат Калифорния; под председательством профессора М.Т. Зароченцева); перед началом было заслушано письменное приветствие М.М. Новикова. Кроме Соединенных Штатов, юбилейные торжества Московского университета прошли также в Канаде и Венесуэле.

Русская эмигрантская пресса широко освещала 200-летие Московского университета. Старейшая русская газета в Америке – «Новое русское слово» – посвятила юбилею почти весь свой воскресный номер (23 января 1955 г.). Он был украшен изображением старого здания Московского университета на Моховой улице и портретом М. Ломоносова; были опубликованы статьи М.М. Новикова, Н.С. Арсеньева и др. Отметили юбилей и другие эмигрантские издания: «Новый журнал», «Русский путь», «Свобода», «Нива», «Жар-птица», а также американская газета «New York Times» (28 января 1955 г.) и др.

К сожалению, первоначальный замысел М.М. Новикова с изданием фундаментального юбилейного сборника в издательстве им. Чехова не был претворен в жизнь и Юбилейный оргкомитет счел необходимым ограничиться более скромным по объему сборником статей о научном и общественном значении Московского университета. Инициативу такого издания поддержал известный общественный деятель Русского зарубежья авиатор Б.В. Сергиевский, предоставивший необходимые средства на издание через грант Гуманитарного фонда (Humanities Fund), ранее основанного Б.А. Бахметевым. Речь идет о сборнике «Двухсотлетие Московского университета (1755–1955): празднование в Америке», вышедшей в 1956 г. в издательстве «All Slavic Publishing House» (Нью-Йорк). Новиков рассматривал свое участие в организации юбилея Московского университета и издание сборника, как свой последний долг перед дорогой его сердцу «Alma Mater». Надежд на возвращение на родину после Второй мировой войны у него уже не оставалось.

Сборник открывает статья «Традиции Московского университета», в которой М.М. Новиков напомнил о любимом празднике русской интеллигенции, «грубо попранном большевистской властью»[63]. В статье он вспоминает о главных традициях Московского университета, «на которых как на трех китах, покоилась, а подчас бурлила наша академическая жизнь»[64]. Первое, это – **высокий научный уровень,** который всегда культивировал Московский университет. «У русского народа с присущей ему

широтой кругозора есть для этого существенные предпосылки. Недаром русские ученые, при встречах с иностранцами, часто поражали богатством своей эрудиции», – писал Новиков[65]. Высокий профессионализм выпускников Московского университета был обусловлен высококвалифицированным преподавательским составом университета и жестким контролем над образованием студентов, благодаря введению многочисленных экзаменов, «которые тяготили академическую молодежь, но, в конце концов 〈…〉 отшлифовывали мыслительный аппарат»[66]. Высокий профессионализм преподавателей университета достигался системой серьезных требований к магистерской и докторской диссертациям, и сдачей сложных магистерских экзаменов. «Лишь после успешного прохождения всех этих испытаний человек объявлялся полноценным ученым, способным занимать кафедру ординарного профессора», – отмечал Новиков[67].

Кроме многих научных «звезд» Московского университета, М.М. Новиков назвал и выпускников других, более молодых российских университетов: Казанского (математик Н.И. Лобачевский и химик Н.Н. Зинин), Петербургского (химик Д.И. Менделеев, физиолог И.П. Павлов), Киевского (психиатр И.А. Сикорский) и Харьковского (химик Н.Н. Бекетов и др.) университетов. «Имена всех этих носителей былой университетской славы используются ныне для безоглядной советской рекламы», – сетовал Новиков. «С той же целью устраиваются пышные торжественные собрания. Но за этим роскошным фасадом сердца уцелевших еще в СССР подлинных ученых обливаются кровью от сознания той глубины морального падения, которое испытывает русская наука под советским игом»[68].

Другой важной традицией жизни российских университетов М.М. Новиков считал **академическое свободомыслие,** связанное с культивированием свободы мысли как основного условия успеха научно-исследовательской работы. Еще Ломоносов верил, что «науки не терпят принуждения, ибо между благороднейшими упражнениями человеческими справедливо считаются»[69]. При создании Московского университета его подчинили непосредственно Сенату, в обход низших бюрократических инстанций, которые могли бы тормозить его свободное развитие. «Был создан даже специальный университетский суд, так что профессора и студенты были изъяты из общей подсудности», – писал Новиков[70]. «Дальнейшая история российских университетов и других высших школ представляет собой как бы волнистую линию правительственных ограничений и восстановлений академической

свободы. Никогда, однако, научная мысль не подвергалась такому порабощению, – продолжал он, – как при современном, так называемом коммунистическом строе. Никогда студенчество и профессура не подвергались такому обезличению, как в настоящее время. Даже в мрачную эпоху реакции Николая Первого студенты проявляли независимость духа. Лермонтов вспоминает их "заносчивые споры" и "гордый вид пред грозными властями"»[71].

М.М. Новиков напоминал, что духовная жизнь русской дореволюционной молодежи никогда не укладывалась в поставленные для нее рамки и ограничения: «Запретительные мероприятия правительства приводили к обратным результатам. Студенчество все больше революционизировалось. Так, например, из студенческой переписи Юрьевского университета за 1907 г. видно, что к левым противоправительственным партиям принадлежало 66,39% студентов. ⟨…⟩ Настроение профессоров было естественно более правым. Но и они заботливо охраняли свободу научно-исследовательской и преподавательской работы. Они жертвенно выступали или за помощь студентам, как например, Менделеев, потерявший благодаря этому свою университетскую кафедру, или для защиты университетской автономии (коллективная отставка 130 преподавателей Московского университета в 1911 году)»[72].

Еще одной важной традицией Московского университета М.М. Новиков назвал **общественное служение ученых и преподавателей университета**, т.е. их тесную связь с широкими кругами общества и работу на его просвещение. Общественное служение началось уже с самого зарождения Московского университета 26 апреля 1755 г. (по старому стилю). «Открытие университета было воспринято Москвой как большое историческое событие. На торжественный акт собрались все видные представители столичного населения, а на улицах, особенно в вечернее время, когда засияла блестящая иллюминация, чувствовалось до глубокой ночи. Москва полюбила свой университет. Она ценила его научный и общественный авторитет. Она верила ему… ⟨…⟩ И университет отвечал Москве такой же признательностью. Он не замыкался в монастырские стены и не объявлял науку достоянием исключительно посвященных. Многие лекции были доступны не только для студентов, но и для публики»[73]. Связь университета с общественными кругами поддерживала система открытых диспутов во время защиты магистерских и докторских диссертаций. «Эти диспуты устраивались в обширных аудиториях, которые бывали обычно переполнены публикой различных званий и сословий. На них собирались как на импозантные академические

праздники. Каждый из присутствующих мог высказать свое мнение о диссертации и вступить в полемику с ее автором. Бывали случаи, когда диссертационная работа, предварительно уже одобренная факультетом, наталкивалась на столь жестокую, но обоснованную критику со стороны посторонних лиц, что намеченное дарование ученой степени не получало осуществления»[74]. Научные общества, создаваемые при всех факультетах Московского университета, также проводили политику «открытых дверей». «С нежностью и благоговением, – пишет Новиков, – я вспоминаю заседания Московского общества испытателей природы в его уютном круглом зале над правлением университета… ежемесячные заседания общества были доступны для всех желающих. При этом члены сидели за длинным столом, а для публики ставилось несколько рядов стульев. При начале заседания служитель и его жена, нарядно приодетые, подавали чай с сухарями. Почему-то этот чай казался особенно вкусным. Гости могли участвовать не только в чаепитии, но и в обсуждении научных докладов»[75].

Юбилеи М.М. Новикова: 80-летие со дня рождения и 50-летие научной деятельности

В 1954 г. М.М. Новиков исполнил «долг чести»: по случаю 100-летнего юбилея Отто Бючли, которому он был обязан своими первыми научными успехами, – опубликовал небольшую, но красочную брошюру[76]. За основу текста Новиков взял доклад о деятельности О. Бючли, прочитанный им в далеком 1922 г. в Германии[77]. Оплатить издание Новиков смог сам, благодаря скромному гранту, который он получил из одного культурно-благотворительного фонда США. Брошюра была отпечатана ротаторным методом всего в 50 экземпляров и украшена изящной обложкой с прекрасным портретом О. Бючли. Издание имело большой успех у американских и европейских биологов.

В 1954 г. Гейдельбергский университет по случаю 50-летия окончания М.М. Новиковым университета наградил его «золотым дипломом доктора наук», а в 1957 г. Американская академия искусств и наук избрала его своим действительным членом.

80-летие М.М. Новиков решил отметить изданием брошюры, где подвел итог своей научной деятельности. Она вышла в 1956 г. в Нью-Йорке, в издательстве All Slavic Publishing House под названием «Полстолетие научной деятельности». Издать ее помогли

учреждения и частные пожертвования друзей и коллег. В предисловии Новиков писал, что в книге он хотел бы уловить «некую логическую последовательность и внутреннее единство» своего научного творчества, т.е. выступить в роли собственного гида[78]. Все его научные работы, опубликованные на девяти языках в различных странах Европы и Америки, существенно затрудняли представление об их содержании и совокупности. «Полстолетие научной деятельности» – одна из редких творений такого рода. Это – своеобразный путеводитель по творческой биографии ученого, составленный им самим. «Полстолетие» написано простым и доверительным слогом, одним из критериев его оценки – подкупающая честность автора.

Вот как отозвалась на это издание А.В. Тыркова-Вильямс (Вашингтон) в своем письме от 26 ноября 1957 г.

«Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Михайлович!

Шлю Вам мою сердечную благодарность за присылку брошюры, посвященной пятидесятилетию Вашей научной деятельности, за то, что вспомнили обо мне. А главная благодарность, конечно, **за ненасытную пытливость ума и неугасимое прекраснодушие**. Пускай мечтатели осмеяны давно, но если бы не было мечтаний научных, социальных, духовных, то что бы осталось от жизни человеческой!!»[79].

В Бахметевском архиве Колумбийского университета хранится текст приглашения на 80-летний юбилей М.М. Новикова в Нью-Йорке[80].

Кружок русских юристов,
Общество Друзей русской культуры,
Общество российских врачей, Общество русских инженеров в США,
Объединение русских юристов – бывших Ди-Пи в США,
Пироговское общество в Нью-Йорке
и Русская академическая группа в США

приглашают Вас посетить собрание, которое состоится в воскресение 17 июня 1956 г., точно от 3 до 6 часов вечера, в помещении Общества русских инженеров, 349 Вест 86-я улица, 4-й этаж, по случаю 80-летия со дня рождения и 50-летия со дня вступления в ряды профессуры Московского университета профессора и бывшего ректора Московского университета

Михаила Михайловича Новикова.

Предполагается произнесение кратких приветствий юбиляру, а потом – дружеская беседа за чашкой чая.

Вход свободный только для членов перечисленных организаций и их гостей.

Среди гостей, приглашенных на юбилейный вечер, находилась внештатный корреспондент газеты «Новое русское слово», публицист Тука Кошенова. Благодаря этой встрече и последовавшей дружбе с Новиковым, появилась ее заметка о последних годах жизни Михаила Михайловича в США.

На юбилейном вечере в Обществе русских инженеров Кошенова описала М.М. Новикова как «бодрого сухощавого человека, ведущего размеренный образ жизни: он работал много, время от времени отправлялся в Нью-Йорк по делам издания, иногда просил меня зайти для него в Публичную библиотеку за небольшими справками. У нас установилась теплая хорошая дружба. Казалось, энергии и работе Михаила Михайловича нет и не может быть конца. Почти вся его жизнь прошла в бурной научной и общественной деятельности. Не отошел он от нее и на девятом десятке. Он был членом Пироговского общества и ни одно заседание общества не обходилось без его участия, без его содержательного и интересного доклада. Любил он и повеселиться. Помню, как в одну из первых встреч с ним нашего знакомства мы вдвоем отправились на Татьянин вечер в Нью-Йорк. Вечер прошел очень оживленно, Михаил Михайлович был в ударе и веселился от души. Мы возвращались домой далеко за полночь в лютый мороз, в машине без отопления (испортилось как раз в этот вечер) и… ничего. Только выходя из машины, Михаил Михайлович прихрамывал больше обычного. Много лет назад, еще в Москве он упал с велосипеда и повредил бедро. Этот старый перелом причинял Михаилу Михайловичу много неудобств, особенно чувствительных при его подвижном характере. Он очень любил природу, любил далекие прогулки, которые уже здесь, в США, нередко совершал в обществе маленького внука[81], которому попутно открывал многие тайны из жизни животных и растений, стараясь заинтересовать его своей любимой наукой – биологией»[82].

При жизни М.М. Новиков был избран членом целого ряда научных обществ: Московского общества естествоиспытателей, Международного кружка теоретических биологов, Французской ассоциации анатомов, Королевского Чешского научного общества, Немецкого зоологического общества, Зоологического общества в Праге, Славянского института и др. Научные открытия ученого, как, например, описание особенностей строения зрительных органов низших животных, теория закономерностей образования органических форм, изучение действия гормонов

М. М. НОВИКОВ

Великаны российского естествознания

ПОСЕВ
1960

СТАРЫЕ —

МОЛОДЫМ

Издательство Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Мюнхен 1960

на жизнедеятельность простейших организмов и др., получили широкое признание в научных кругах.

Подведение итогов

По просьбе Института по изучению СССР (Мюнхен) М.М. Новикову как ученому-публицисту была заказана статья в научно-популярном сборнике «Старые – молодым» (Мюнхен, 1960). По замыслу устроителей, сборник, опубликованный в самый разгар холодной войны, должен был ответить на ряд вопросов. Что делают и о чем думают на Западе русские эмигранты, давно выехавшие из России (РСФСР, СССР)? Как они относятся к своей родине? Не перестали ли они быть русскими людьми, не превратились ли в иностранцев или «космополитов»? М.М. Новиков оказался в «хорошей компании» – кроме него, интервью дали: Г.В. Адамович, Ю.П. Анненков, Н.С. Арсеньев, В.В. Вейдле, Б.К. Зайцев, Л.А. Зандлер, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Н.И. Осипов, Ф.А. Степун, Н.С. Тимашев. Свой очерк «О русской дореволюционной науке» Новиков посвятил краткому обзору основных достижений ученых дореволюционной России, труды которых имеют всемирное значение. Он был убежден, что «объективные, и не искаженные сведения о дореволюционных ученых скрыты “коммунистической цензурой” от советского студенчества»[83]. На ряде конкретных примеров из истории естествознания Новиков показал, что процветание науки тесно связано со свободой творчества. «Лишь мысль, не стесняемая полицейскими путами, способна обеспечить ученому-исследователю правильный подход к исследуемым явлениям. Лишь свободная мысль гарантирует устранение из людского обихода социальной несправедливости»[84]. Выступление Новикова, как и других авторов, безусловно, имело пропагандистский характер и отвечало духу «холодной войны».

В США претворилась в жизнь и другая мечта М.М. Новикова. Помимо книги «От Москвы до Нью-Йорка», ему удалось опубликовать давно написанное им учебное руководство «Великаны российского естествознания» (1960). Здесь он изложил историю блестящего расцвета русской дореволюционной науки (от М.В. Ломоносова до Н.И. Пирогова), а также кратко очертил современный этап развития, сопроводив ее биографическими очерками о тех выдающихся представителях науки, с кем ему лично посчастливилось встречаться на своем жизненном пути. Кроме того, Новиков дополнил текст именами и трудами тех ученых, кто позже продолжал разрабатывать «идеи, посеянные великанами

Fundamentos de la
morfología comparada
de los invertebrados

Mikhail Mikhailovich Novikoff

EUDEBA EDITORIAL UNIVERSITARIA DE BUENOS AIRES

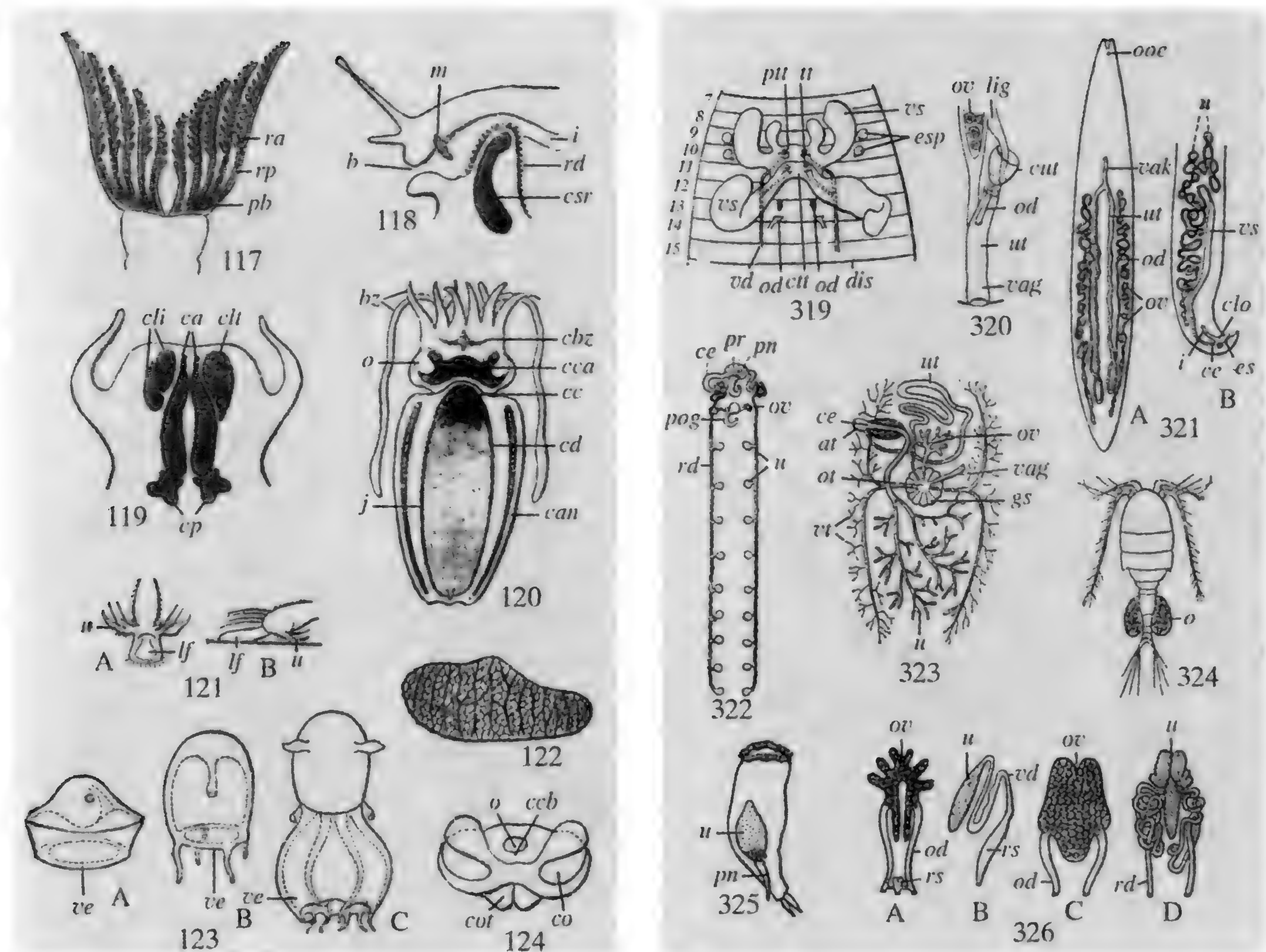
Обложка последней монографии М.М. Новикова
«Фундаментальная морфология беспозвоночных»
(На исп. яз.; сост. К.И. Гаврилов)

русской мысли»[85]. Отсюда – оригинальное восприятие текста и необычное ее оглавление: Н.И. Лобачевский и другие математики; Д.И. Менделеев и другие химики; П.Н. Лебедев и другие физики; В.И. Вернадский и геохимия; В.В. Докучаев и почвоведение; К.М. Бэр и биология; И.И. Мечников и геронтология; И.П. Павлов и физиология; Н.И. Пирогов и анатомия. Среди многочисленных имен российских ученых встречаются и выдающиеся ученые-эмигранты, такие как А.А. Эйхенвальд, И.И. Сикорский, В.К. Зворыкин, М.Т. Зароченцев, С.Н. Виноградский и др.

Книга написано талантливо, свежо, сжато, объективно и адресована новому поколению ученых России. Особое внимание М.М. Новиков уделил развитию генетики в СССР, достижениям выдающейся отечественной генетической школы Н.И. Вавилова и подробному изложению трагических обстоятельств его жизни и гибели. Краткий вывод Новикова: трагедия Вавилова в том, что «он не знал или не хотел знать, что диктатор по своей прихоти поднимает иногда человека до головокружительных высот, а затем низвергает его в страшную глубину унижения и бесчестия»[86].

На пятом году пребывания М.М. Новикова в США к нему обратился один из бывших его учеников по Зоологическому семинару в Праге – К.И. Гаврилов, профессор Тукуманского университета в Аргентине (Буэнос-Айрес). Он просил разрешить ему перевести и издать на испанском языке чешский учебник Новикова по сравнительной морфологии беспозвоночных. Новиков невероятно обрадовался открывшейся перспективе увидеть опубликованным свой грандиозный труд и предложил Гаврилову использовать при переводе на испанский язык дополненный немецкий текст своего учебника, который он готовил к изданию в Мюнхене.

Корректуру своей последней обобщающей монографии Фундаментальная морфология беспозвоночных – «Fundamentos de la Morphologia comparada De Los invertebrados» (Buenos Aires: EUDEBA (Editorial Universitaria de Buenos Aieres. 1968)), под редакцией и с предисловием К.И. Гаврилова М.М. Новиков получил в 1963 г., и правил ее сам, с трудом преодолевая частичную потерю зрения. Но реально книга вышла уже после смерти автора. Новиков писал накануне: «К сожалению, 〈…〉 предпринятое недавно в Аргентине, печатание на испанском языке тоже приостановилось в связи с революцией и ее печальных экономических последствий»[87]. «Фундаментальная морфология беспозвоночных» вышла с прекрасными рисунками и схемами, выполненными рукой автора[88]. В предисловии к книге Новиков сделал особый акцент на принципе аналогии, ссылаясь на свою книгу «Das Prinzip der Analogie und die vergleichende Anatomie.

Серия рисунков из монографии М.М. Новикова «Fundamentos de la morfología comprada de los inverterbrados» (1968)

Eine Studie über eine Gesetzmässigkeit in der Biologie» («Принцип аналогии и сравнительная анатомия. Изучение одной закономерности в биологии»), изданной в 1930 г. При этом он проиллюстрировал явление аналогии рисунками формы глаз у беспозвоночных. В монографии Новиков широко ссылается и на работы своих русских коллег – В.Т. Шевякова, А.А. Заварзина, С.С. Чахотина и использует их иллюстрации. В целом, эта работа имела выдающееся значение, как теоретическое обобщение, сделанное автором при изучении одной закономерности (Eine Studie über eine Gesetzmässigkeit). Вклад русских ученых в теоретические обобщения в естествознание огромен: это и периодическая система элементов Д.И. Менделеева, описание клеточного иммунитета и иммунной системы И.И. Мечникова, работы по кристаллографии и классификации минералов Е.С. Федорова, гомологические ряды Н.И. Вавилова, принципы организации живого В.И. Вернадского и, наконец, теоретические работы М.М. Новикова в области сравнительной анатомии и морфологии.

Однако годы шли, силы слабели, резко ухудшалось зрение. И хотя по-прежнему М.М. Новикова просили читать лекции,

выступать на заседаниях, но поездки в Нью-Йорк его чрезмерно утомляли, и все чаще и чаще ему приходилось отказываться от участия в эмигрантской общественной жизни. Об этом свидетельствовали его письма.

М.М. Новиков (Найяк, шт. Нью-Йорк) – К.Г. Белоусову (Нью-Йорк, шт. Нью-Йорк), 24 ноября 1959 г.[89]

Глубокоуважаемый и дорогой Константин Гавриилович!

Спасибо Вам за Ваше письмо. Мне очень хотелось бы побывать на заседании Акад[емической] группы 2 декабря и повидать всех милых коллег. Но, к сожалению, я не смогу этого сделать из-за слабости своего здоровья. Я шлю Вам всем сердечный привет и от души желаю Вам успеха. Я был бы очень рад узнать об оживлении и расширении деятельности Акад [емической] группы. Это учреждение должно бы играть видную роль в эмигрантской жизни, привлекая к себе всех высококультурных деятелей различных общественных направлений. Шлю Вам и всему Вашему коллективу, а также членам группы горячий привет и наилучшие пожелания.

Преданный Вам М. Новиков

Новиков М.М. (Найяк, шт. Нью-Йорк) – К.Г. Белоусову (Нью-Йорк) 29 декабря 1962 г.[90]

Глубокоуважаемый и дорогой Константин Гавриилович!

Заранее благодарю Вас за сообщение проф. Н.С. Арсеньеву моего согласия на участие в деятельности Рус[ского] научного института. Но боюсь, что сотрудничество мое будет ничтожно – из-за плохого состояния моего зрения и прочих болезней. Надеюсь, что Вам удастся развить и продолжить работу, которую я вел около 16 лет в Праге. Желаю Вам наилучшего успеха. 〈…〉

И в самом конце жизненного пути судьба не обделила М.М. Новикова: он до последней минуты был окружен самоотверженной заботой жены и детей, не оставлявших его ни на одну минуту без внимания, без трогательной заботы[91]. После завершения работы над корректурой своего последнего («аргентинского») учебника, глаза Михаила Михайловича окончательно отказали и «времени, которого раньше не хватало, стало вдруг так много. Слишком много… 〈…〉 Потом и сознание стало уходить. Грустно

Въезд на территорию Успенского православного женского монастыря «Ново-Дивеево» (шт. Нью-Йорк, США).

Фото Т.И. Ульянкиной, 2011

Могила профессора М.М. Новикова и его жены В.Н. Новиковой на кладбище Успенского православного женского монастыря Ново-Дивеево (шт. Нью-Йорк, США).

Фото Т.И. Ульянкиной, 2011

было смотреть на его склоненную голову, на него, находящегося в состоянии полудремы, полузабытия, из которого он выходил все реже и реже, слабо реагируя даже на присутствие самых близких и дорогих ему людей. Михаил Михайлович уходил из жизни медленно и тяжело», – вспоминала Т. Кошенова[92].

Михаил Михайлович Новиков скончался 19 декабря 1964 г. в больнице г. Найяк и после отпевания в Православном храме был похоронен на кладбище Успенского женского монастыря Ново-Дивеево, в городке Нанует, недалеко от Найяка. Это кладбище давно стало местом захоронения многих русских эмигрантов, прибывших в США как до, так и после Второй мировой войны. Спустя восемь лет, умерла вдова ученого – Валентина Николаевна. Вице-президент РАГ в США и близкий друг Новикова – К.Г. Белоусов отозвался на ее смерть письмом от имени членов правления РАГ в США, где выразил соболезнование детям и родным покойной[93]. Со временем, рядом с могилой супругов Новиковых на кладбище «Ново-Дивеево» появились могилы их родных: зятя – Тиброва Анатолия Алексеевича (1984), младшей дочери – Тибровой Елены Михайловны (1987) и, наконец, могила сына Владимира Михайловича Новикова (1991).

Парадоксально, но еще в 1952 г., подводя итоги своего жизненного пути, М.М. Новиков отметил, что «в целом... великая жизненная катастрофа – изгнание из пределов родной земли – обратилась ко мне своей положительной стороной»[94]. В унисон этим словам звучит утверждение другого русского ученого-эмигранта, социолога П.А. Сорокина: «Жизнь, даже самая тяжелая – это лучшее сокровище в мире. Следование долгу – другое сокровище, делающее жизнь счастливой и дающее душе силы не изменять своим идеалам»[95].

[1] Выезд Новиковых из Европы в США подтвержден справкой, выданной Международной поисковой службой в Бад Аролсене, которую помог получить д-р Артур Вернер из Дюссельдорфа (Германия), за что автор выражает ему большую благодарность.

[2] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 304.

[3] Там же.

[4] 4DP Generations land tomorrow. Biologist, Great-Granfather, Heads Family of 7 Yjhing to Start Live Anew. // New York Times. 1949. Suturday. Sept. 3.

[5] Ibid.

[6] Ibid.

[7] Официальный адрес Толстовского фонда: The Tolstoy Foundation Center: Lake Road, Valley Cottage, N.Y. 10989.

[8] П. Крумин – М.М. Новикову, 18 февраля 1950 // BAR, Novikov Collection. Box 1. Correspondence. Автограф.
[9] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 304.
[10] Там же. С. 304–305.
[11] Ф.А. Степун (Мюнхен) – М.М. Новикову (Наяак, США), 21 марта 1961 г. // BAR, Novikov Collection. Box 1. Correspondence. Авториз. машинопись.
[12] *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. New York: All Slavic Publishing House, 1956. С. 49.
[13] Там же.
[14] Речь идет о статье М.М. Новикова «Регулярность формообразования у организмов» («The Regularity of Form in Organisms», 1955).
[15] Имеется в виду «Clarkstown Country Club»; в настоящее время его здание занято школой – «Nyack Junior High School».
[16] См.: *Александров Д.А.* Михаил Михайлович Новиков: ученый, общественный деятель, организатор науки // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2000. Вып. 2. С. 89–108. Д.А. Александров ссылается на Дневники Ф. Добржанского за 1949–1951 гг. (без нумерации страниц). См.: Theodosius Dobzhansky Papers, American Philosophical Society Library, Philadelphia.
[17] См.: *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 50.
[18] С 1949 г. РАГ в США существовала на правах «Русской секции» Ассоциация американских и иностранных преподавателей и ученых в США, и только в 1953 г., по предложению М.М. Новикова, секции было возвращено ее историческое название. РАГ в США сохраняет свою активность до настоящего времени. С ее деятельностью можно ознакомиться в ежегоднике «Записки Русской академической группы в США» (Нью-Йорк), издаваемом правлением РАГ в США. В довоенный период (с 1923 г.) существовала другая РАГ в С.А.С.Ш., основанная эмигрантами «первой волны».
[19] На русский язык слово «scholars» переводится как «преподаватель высшей школы», а не как «ученый», так что здесь произошла подмена понятий. См.: *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса»: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950-е). / Под ред. И.Н. Толстого, предисл. Е.Л. Магеровского (США). М.: РОССПЭН, 2010.
[20] Современное название организации – The Association of Russian – American Scholars in the USA., Inc. – переводится на русский язык буквально как Ассоциация преподавателей высшей школы – русских американцев в США (или Русская академическая группа в США).
[21] Minutes № 3, March 10, 1949 // Архив РАГ США в Киннелоне (штат Нью-Джерси, США). Протоколы ассоциации. Автограф, на англ. яз. Л. 3.
[22] Minutes № 8, July 17, 1949 // Там же. Л. 8.
[23] Minutes № 3, March 10, 1949 // Там же. Л. 3.
[24] Minutes № 7, May 13, 1949 // Там же. Л. 7.
[25] Там же. Л. 7.
[26] Там же. Серафим (в миру – Леонид Георгиевич Иванов) (1 августа 1897, Курск – 25 июля 1987) – архиепископ РПЦЗ.
[27] Minutes № 11, Sept. 23, 1949. 2 л., автограф, англ. яз. // Там же. Л. 11.
[28] Там же.
[29] Minutes № 32 , June 14, 1951 // Там же. Л. 32.
[30] М.М. Новиков (Найак, шт. Нью-Йорк) – Обращение к членам Русской секции Ассоциации американских и иностранных ученых (ориентировочно 1951 г.).

1 л., авториз. маш., на бланке The Association of American and Foreign Scholars, Inc. c/o: 85 –20 114th Street, Richmond Hill, L.I.N.Y. Tel. VI–6–6410 W // Там же.

[31] Minutes № 35, January 31, 1952 // Там же. Л. 35.

[32] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 305.

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Ф.А. Степун (Мюнхен) – М.М. Новикову (Найяк, США), 12 января 1952 г. // BAR. Novikov Collection. Box 1. Correspondence. Авториз. машинопись.

[36] См.: Список членов Общества университета имени Ломоносова // BAR, Novikov Collection. Box 5. Akadevicheskaja Grupa – Universitet im. Lomonosova.

[37] М.М. Новиков – К.Г. Белоусову и А.Н. Богомолову, 8 февраля 1953 г. (черновик) // BAR. Novikov Collection. Akadevicheskaja Grupa – Universitet im. Lomonosova. Автограф.

[38] См.: Г. Лодыженский (Рио-де-Жанейро, Бразилия) – К.Г. Белоусову (Нью-Йорк), 1 июня 1975 г. // Архив РАГ в США (Киннелон, штат Нью-Джерси). Файл «Переписка ученых». К письму прикреплена визитная карточка Лодыженского с его адресом в Бразилии: Dr.G. Lodygensky. R.Rita de Cassio 844, Dingen. 25600 Petropolis, Rio De Janeiro, Bresil. Машинопись.

[39] Отчет о Первом съезде академических организаций в Праге (10–17 октября 1921 г.) и заметка о деятельности правления съезда (по 1 июня 1922 г.) // Труды русских ученых за границей / Под ред. А.И. Каминка. Прага: Слово, 1923. Т. II. С. 324.

[40] *Новиков М.М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935.

[41] *Новиков М.М.* Черновик документа под названием «Русская академическая группа» // BAR, Novikov Collection. Akadevicheskaja Grupa – Universitet im. Lomonosova.

[42] Об истории создания РАГ в США в декабре 1924 г. см.: *Ульянкина Т.И.*: «В целях сохранения национальной русской науки»: история Русской академической группы в Северо-Американских Соединенных Штатах (1921–1931 гг.) // Зап. РАГ в США (Нью-Йорк). Vol. XXXIV, 2007–2008. P. 197–236; *Ульянкина Т.И., Квакин А.В.* История, растянувшаяся на десятилетие: Русская академическая группа в США (Русский академический союз) (1921–1931) (по материалам Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэндфордского университета США) // Зап. РАГ в США 2007–2008. P. 237–276.

[43] См.: М.М. Новиков (Найяк, штат Нью-Йорк) – К.Г. Белоусову (Нью-Йорк), 7 ноября 1954 года. //Архив РАГ в США. Фонд М.М. Новикова. Автограф.

[44] BAR. Novikov Collection. Box 1–6.

[45] М.М. Новиков (Найяк, шт. Нью-Йорк) – Б.В. Сергиевскому (Нью-Йорк), 3 декабря 1954 г.// BAR, Novikov Collection. Box 4.

[46] Офис Русской академической группы в США долгие годы располагался в частном доме вице-президента группы, профессора К.Г. Белоусова в Лонг-Айленд (штат Нью-Йорк). После смерти К.Г. Белоусова, а затем и его жены, офис и архив РАГ переехали в частный дом профессора Е.Л. Магеровского в Киннелоне (штат Нью-Джерси).

[47] См.: *Вишняк М.* Рецензия М.М. Новиков. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний. (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952) // Новый журнал. 1953. Кн. XXXII. С. 298–300; *Погорелов В.* Новая книга (М.М. Новиков. «От Москвы до Нью-Йорка». Изд-во им.Чехова,

Нью-Йорк, 1952) // Русская правда. 1954. № 12 26 марта. С. 3; *Н.В.М.* О воспоминаниях вообще и в частности. М.М. Новиков «От Москвы до Нью-Йорка» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952) // Russian Life (Сан-Франциско) 1955. N 3324, 12 марта; *Зароченцев М.Н.* От Москвы до Нью-Йорка // Новая заря (Russian Daily). 1955, 13 авг.

48 А.И. Петрункевич (США) – М.М. Новикову, 11 октября 1952 г. // BAR, Novikov Collection. Box 1. Correspondence.

49 Имеется в виду книга А.В. Тырковой-Вильямс «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1952).

50 С.В. Панина (Нью-Хэвен, штат Конн., США) – М.М. Новикову (Найак, штат Нью-Йорк) // BAR, Novikov Collection. Box 1. Correspondence.

51 Н.Е. Андреев (Кембридж, Великобритания) – М.М. Новиков, 3 ноября 1956 г.// BAR, Novikov Collection. Box 1. Correspondence.

52 1 марта 1953 г. радиостанция «Освобождение» начала вести передачи из Мюнхена на СССР. См.: *Сосин Дж.* Искры свободы: воспоминания ветерана радио / Пер. с англ. О. Поленовой, И. Толстого. Copyright, 2008.

53 М.М. Коряков был сотрудником «Американского комитета за освобождение народов России» и постоянным сотрудником газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

54 Послание Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина по случаю сорокалетия Радиостанции «Свобода». См.: *Сосин Дж.* Указ. соч. С. 6.

55 BAR Novikov Collection. Akadevicheskaja Grupa –Universitet im. Lomonosova. Авт.маш., на бланке – Mikhail Koriakov –American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia Inc. 6 East 45 Str. New York 17, N.Y.

56 Ibid.

57 См.: *Сосин Дж.* Указ. соч. С. 6.

58 Здесь у Дж. Сосина небольшое искажение при переводе. Правильно: «Не угашайте духа!»

59 *Сосин Дж.* Указ. соч. С. 44.

60 *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 69.

61 Двухсотлетие Московского университета (1755–1955). Празднование в Америке / Сост. и под ред. М.М. Новикова, К.Г. Белоусова, А.А. Гольденвейзера, Г.И. Новицкого и В.А. Юревича. Нью-Йорк: All Slavic Publishing House, 1956. С. 6.

62 Там же. С. 6.

63 Там же. С. 14.

64 Там же.

65 Там же.

66 Там же.

67 Там же. С. 15.

68 Там же. С. 20.

69 Там же.

70 Там же. С. 21.

71 Там же.

72 Там же. С. 21–22.

73 Там же. С. 22–23.

74 Там же. С. 24–25.

75 Там же. С. 24.

76 Там же. С. 49.

77 *Novikoff M.M.* Otto Bütschli. New York, 1954.

78 *Новиков М.М.* Полстолетие научной деятельности. С. 3.

[79] BAR. Novikov Mikhail Mikhailovich's Collection, B. 1976. Papers, ca. 1.000 items (6 boxes). Box 1. Correspondence.
[80] Приглашение по случаю 80-летия со дня рождения и 50-летия научной деятельности М.М. Новикова // BAR. Novikov Collection. Box 6. Printed Materials, Miscellaneous.
[81] По-видимому, речь идет о любимом правнуке Новикова Алексее (1948 г.р.), сыне его внучки – Валентины Анатольевны Гетмановой (ур. Тибровой).
[82] *Кошенова Т.* М.М. Новиков // Новое русское слово (Нью-Йорк), 1965. № 18925, 1 янв. С. 3.
[83] *Новиков М.М.* О русской дореволюционной науке // «Старые – молодым». Мюнхен: Изд-во Центр. объед. полит. эмигрантов из СССР (ЦОЭП), 1960.
[84] Там же. С. 73–74.
[85] *Новиков М.М.* Великаны российского естествознания. Druck: Possev – Verlag. Frankfurt/a.M., 1960.
[86] Там же. С. 146.
[87] Там же. С. 133.
[88] К сожалению, несмотря на свою фундаментальность, книга М.М. Новикова, изданная в Аргентине, редко цитировалась даже в испаноязычной литературе.
[89] Архив РАГ в США. Фонд М.М. Новикова. Автограф. Л. 1.
[90] Там же. Автограф. Л.1об., на бланке Michael Novikov. 18 Division Ave. So. Nyack, N.Y.
[91] *Кошенова Т.* Указ. соч. С. 3.
[92] Там же.
[93] К.Г. Белоусов – В.М. Новикову, 10 марта 1973 г. // Архив РАГ в США. Файл «Переписка ученых». Авториз. машинопись. Л. 1, на бланке РАГ в США.
[94] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. С. 375.
[95] *Сорокин П.* Жизнеописание, мировоззрение, цитаты: за 60 мин. СПб.: Невский проспект; Вектор, 2007. (Человек мира).

Заключение

М.М. Новиков стоически пережил все перипетии эмигрантского существования, включая Вторую мировую войну и лагерь для «перемещенных лиц» в Регенсбурге, не потеряв подлинного «лица» российского ученого и педагога, сохранив и упрочив традиции старой русской культуры. Несмотря на хаос войн, революций, жизнь в разных странах, он смог сохранить достоинство, целостность и целеустремленность ученого и гражданина, находя нравственную опору в привычных гуманитарных ценностях: научном, педагогическом и литературном творчестве, общественном служении, помощи друзьям и близким, а также радости от окружающей его повседневности. Его жизнь всегда характеризовал некий «нравственный императив», который порой становился причиной его полного разрыва с некоторыми социальными структурами, но всегда приводил к успеху. Он же привлекал к нему достойных учеников, коллег-профессионалов, меценатов, надежных друзей, обеспечивал ему и его семье достойный уровень существования.

Для М.М. Новикова характерна коллективная форма научного творчества. Именно коллективизм был главной его стратегией выживания как в России, так и в эмиграции.

Вклад М.М. Новикова в европейскую науку с полным правом позволяет поставить его в один ряд с другими выдающимися российскими учеными-биологами. За долгие годы Новиков подготовил и опубликовал сотни научных работ и вошел в число ведущих ученых своего времени, получил всемирное признание, и по праву считается одним из основоположников эволюционной морфологии и сравнительной анатомии. Оригинальные подходы позволили ему сделать важные теоретические обобщения не только в естествознании, но и в гуманитарных науках.

И наконец, М.М. Новиков до конца своих дней оставался истинным патриотом России и Московского университета. В Берлине, Праге и Братиславе, Регенсбурге, Мюнхене, Нью-Йорке он

участвовал в возрождении русской высшей школы. Нельзя не признать – это был титанический труд ученого, не смирившегося со своим изгнанием. Свое участие в огромном числе эмигрантских организаций и научных съездов Новиков оправдывал необходимостью высоко нести по миру имидж русского ученого и гражданина, используя при этом любимое выражение Д.И. Менделеева **«ради русского имени».** Нет сомнения, что научная и общественная жизнь ученого, как и его реформаторская деятельность на ниве высшего образования в России и за её пределами, займет достойное место в истории отечественной науки.

Часть третья

Переписка: 1922–1961

I. Письма М.М. Новикову из РСФСР (СССР): 1922–1939[1]

Письма профессора М.А. Мензбира

12 ноября 1922 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

очень рад был получить от Вас письмо, первое после открытки, пришедшей чуть ли не месяц тому назад. Если открыток было несколько, то, очевидно, не все дошли до меня. Теперь я могу уже спокойно написать Вам, что мое лабораторное положение оформлено. Последний поход был против моей комнаты № 17, но и ее удалось отстоять. Должен сознаться, что вся эта масса интриг была для меня весьма неожиданна, хотя я хорошо узнаю наши университетские нравы.

Я Вам очень благодарен за попытку найти адрес моего друга. Если это Вам удастся, сообщите ему от себя (согласно моей просьбе), во избежание потери времени, что мы все трое живы, находимся втроем и никаких прибавлений в нашем семейном положении не произошло. Очень давно не получал известий и просит написать.

Я очень рад за Вас, что Вам удалось устроиться в универс[итет] – немецкий унив[ерситет] хорошая школа. Обидно только, что Т[атьяна] М[ихайловна][2] болеет. Думаю, что ей вредит немецкая зима, вообще скверная. Возможность работать даст Вам необходимый отдых. А вот то, что Вы пишете о ценах, не особенно утешительно: ведь на 10 $ и у нас семья может прожить очень хорошо, несмотря на то что цены быстро растут. Хлеб черн[ый] уже 400 р., белый 1.200 р., сахар 8.600! и т.д. Налоги на квартиры ужасные. Но зато и… рубль все время растет и растет, чего нельзя сказать о содержании. Хотя мы живем в тепле, что после предыдущих лет очень хорошо действует и морально и физически. Зато

моя лаборатория сыра и холодна и я изрядно терплю от [не ясно] не менее 3 раз в неделю. Пока, впрочем, и зимы-то нет, выпал было снег, было несколько солнечных дней, а последнее время туман и слякоть.

Узнайте, пожалуйста, можно ли купить Archiv fur mikroskopische Anatomie, Bd 83, H.1, 2 (Примечание: Архив микроскопической анатомии, том 83, номер 1, 2) меня обвиняют в утере этих книг из Библ[иотеки] сравн[ительной] анат[омии] института, хотя, помнится, я их возвратил. Если окажется по средствам, я попрошу Вас выслать их мне на мой адрес в общество – самый верный адрес, для чего переведу Вам деньги. Вот наш краткий отчет и нашей странной жизни. Поклоны и наилучшие пожелания всем нашим, крепко жму Вашу руку. Дети шлют Вам искренний привет,

Ваш Мензбир.

9 сентября 1923 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

редкое письмо удается написать Вам, чтобы не сказать Вам чего-либо тревожного, так и теперь, совершенно неожиданно правление намерено отдать комнату № 17 Н.М. Кул[агину] под микроскопические занятия. Сыр-бор затеял сам Н.М., т.к. вместо того, чтобы переговорить с нами, он обратился в правление с просьбой об отводе ему комнаты. Не знаю, кто подсказал им № 17, но они остановились на ней. По-моему, прежде всего, она не годится для таких занятий, а затем, совершенно не допустимо, чтобы один проф[ессор] отбирал у другого кабинет, где он лично работает. Из принципа, я буду всячески обороняться и отчитаю Н.М., когда он вернется из Крыма, но, б[ыть] м[ожет], я и проиграю... Пока же мне музейная атмосфера так надоела, что я, вероятно, не выдержу и откажусь от заведования лабораторией, если еще останусь в ун[иверситете] вообще. Скажите, что же мне делать с обстановкой и книгами… комнаты вашей? Шкафы и книги я могу поставить в библ[иотеке] о[бщест]ва и нигде больше. А остальное? Напр[имер], я не представляю себе, куда и как перенести несгораемый шкаф с инструментами и м[ожно] ли пользоваться им в чужом помещении. Для меня невозможно. Если и[нститу]т хочет, чтобы заведывание лабораторией перешло Н[иколаю] М[ихайловичу Кулагину], тогда другое дело. Но предупреждаю Вас, что это едва ли будет: за мной [непонятно] естественный кандидат – Н.В.[3]

Сообщив Вам эту неприятность, не знаю, что писать еще. Все идет по-старому, но у[ниверсите]ту, кажется, уже идти некуда.

Теперь упразднены и факультеты, а будут только отделения. В основе реформы, кажется, – сократить общеобразовательные курсы, отдав преимущества специальностям. Но при безграмотности современных студентов, какая же теперь может быть специализация. Что касается «этики», то этого слова в унив[ерситетском] обиходе нет. Впрочем, достаточно опять возвратиться к истории Н.М. Вы, вероятно, теперь хорошо осведомлены о жизни в М[оскве], хотя, думаю, что эти сведения все-таки покрыты розовой дымкой. О себе писать не стоит и нечего: все по-прежнему. 2 ½ недели прожили в первый раз после битвы в комнате на даче недалеко от Москвы, но дождь так лил, что я скорее представлял собой зоологический объект, например лягушку, чем отдыхающего проф[ессора]. Всего хорошего.

Ваш Мензбир.

Вырезка из газетной статьи «Юбилей проф. М.А. Мензбира»

«В этом году исполняется юбилей известного русского зоолога проф. М.А. Мензбира. Комиссариат народного просвещения закрепил за проф. Мензбиром в пожизненное бесплатное пользование занимаемую им квартиру, с оставлением в том же помещении в пожизненное пользование библиотеки М.А. Мензбира, пожертвованной им государству. Музею при Институте сравнительной анатомии при Московском университете присвоено имя М.А. Мензбира».

8 октября 1930 г.[4]

Многоуважаемый fur Prof. Михаил Михайлович,

пишу Вам из Парижа, куда приехал на короткое время, воспользовавшись командировкой от академии. Хотелось немного осмотреться, чтобы кончить 2–3 работы, которые хотелось бы кончить, хотя и конспективно. Одну в таком виде (она вкратце уже напечатана акад[емией]), надеюсь вскоре разослать (о происхождении и развитии низших позвоночных). Вы, конечно, интересуетесь, как обстоит дело с лабораторией и кое-какими личными вопросами. Об этом я и хочу сообщить Вам.

4 года назад мне пришлось совсем выселиться из Мерзляк[овского] пер[еулка][5], т.к. все помещение курсов отошло под общежитие студент[ов]. Деваться было некуда кроме Вашей лаборатории с присоединением Вашей квартиры, т.к. А.Н.[6] не предложил мне даже части института, там я и поселился. При

этом пришлось уступить одну комнату, обещают, что временно, но понятие времени, как Вы знаете, растяжимо. Так как Вы знаете мое помещение во всех его подробностях, распространяться об этом нечего. С прошлого года я читал старые курсы, но с 29/30 г. сравнит[ельная] анат[омия] волею судьбы заменилась у меня курсом промысловых животных – в сущности. Очень трудно с практическими занятиями. Вы даже не можете себе представить недостачу необходимого для этого материала. Скорее и легче удается получить новый инструмент, нежели какую-нибудь консервированную тварь. Не хватает и литературы, и из-за нее-то я и решился приехать сюда.

Конечно, передвижение лаборатории заставило двигать и Ваши книги, и кое-какие вещи. Все это связано было при участии Г.А.[7] и с его согласия. Последние вещи были переданы ему только нынешней весной, когда меня еще стеснили комнатой. Он довольно здоров и бодр, но, конечно, много работает, как и все мы. Сложно и мне понять, кое-как устроился и с помещением, это самый больной вопрос в М[оскве], да и не в одной М[оскве], впрочем, неожиданно для меня оказалось, что также остро стоит жилищный вопрос в Париже. Что касается личного персонала лаборатории, то он не изменился существенно: кроме В.А.[8], это все мои ученики по В[ысшим] ж[енским] к[урсам]. Мы слились и привыкли работать в современных условиях.

Очень тяжела была и неожиданна смерть П.П. Сушк[ина]. Он страшно много работал, особенно для постановки Зоол[огического] музея, где, хотя и не был директором, но фактически значил больше директора. Много работал и для себя, кончая свое путешествие в Англию. Не знаю, известно ли Вам, что в день его похорон И.Н.[9] обокрали (пока мы были на кладбище) и вместе с вещами украли чемодан, где была его переработанная при переводе на англ[ийский] язык рукопись о Центральной Азии как о колыбели человечества. Эту рукопись не удалось восстановить, т.к. черновик вместе с копиями были уничтожены ворами.

Я был очень рад получить от Вас известие о том, как Вы живете, и что Вам, в конце концов, удалось устроиться. Думаю, что сюда Вы не успеете написать, я пробыл здесь недолго и уезжаю на две недели раньше, но даю Вам свой германский адрес, где несколько задержусь: напишите также и о многострадавшей Виллафр[анковской] станции. Пока был жив Н.А. Иванц[ов], мы получали о ней некоторые сведения, но после его смерти они прекратились. Беда в том, что эта станция связана с общеполитическими вопросами. Жив ли М.М. Дав[ыдов]? Кажется, он старше

меня и порядочно. Не слыхали ли о Н.В. Героневиче, жив ли он? Перед войной он был в Кишиневе, а оттуда, конечно, мы не можем получить никаких сведений. Вот, кажется, и все, что стоило бы сообщить Вам. Но если найдутся другие интересующие Вас вопросы, напишите, я успею ответить. Не писал Вам об [непонятно], т.к. трудно в коротких словах написать об этом. Ю.Р.[10] жива. Мой привет тем из наших, кто меня помнит. Затем, всего Вам хорошего, не забывайте.

Ваш Мензбир

14 октября 1930 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

очень рад был получить Ваш ответ и узнать из него о Вашем житье-бытье. Много хорошего приходится и слышать и сообщать, но, пожалуй, особенно плохо нашим во Франции, хотя французы, по общим отзывам очень ласковы с ними. По Вашему описанию положение Вилла-Франк[овской] ст[анции] рисуется несколько в ином свете, чем я слышал об этом от С.И. Метальн[икова], который хвалил Трег[убова] как хорошего хозяина и руководителя станции. М.М. Дав[ыдов], конечно, не в силах вести станцию, ведь он много старше меня – товарищ Зографа, но за что же так обижать его, ведь он при Коротневе десятки лет хорошо держал станцию при очень тяжелых условиях и никчемном директоре. Впрочем, так всегда и везде. Что касается Вашей комнаты, то после Вашего отъезда она числилась за мною и, за исключением немногих инструментов, переданных Косминским ВСНХ, все в ней оставалось, как было до 1927. В этом году мне пришлось перебраться из Мерзляк[овской] лаборат[ории] в лабораторию, которая была в нашей бывшей квартире, в связи с чем Н.М. Кул[агину] пришлось переехать в Зоологический музей, в холодное и сырое помещение, почему я решил 17-ю комнату уступить ему. Ее содержимое в полном составе было перенесено в лабор[аторию] о[бщест]ва[11], но оттуда нас в начале этого года выдворили, и тут-то мне пришлось обратиться к содействию Г.А., который осмотрел все, что было из Ваших вещей (он приходил с женой), и взял их к себе. Таким образом, в 17-й комн[ате] Н.М., и в лаборатории Ваших вещей не осталось. Кстати, сообщу, что Ваш бывший служащий (кажется, Кананов), умер года два тому назад. Последнее время он служил у Кольцова. Е.С.Пт.[12] всё (еще) в о[бщест]ве заведующим биологической станцией, которая из б[ывшей] Курской губ[ернии] переведена в б[ывшую] Владимирскую. Нынешним летом

умер Н.В. Богоявленский от гангрены ног, кот[орого] в качестве проф[ессора] заменил Месяцев[13]. к[оторый] вместе с М. Завадовским[14] играет теперь в университете большую роль. У Северц[ова] более или менее все по-старому, насколько мне известно.

Вот, кажется и все, что могло бы Вас интересовать. Не знаю, известно ли Вам о смерти Спижарного, Грушки и др[угих]. Вообще говоря, не многие решились, как я. Что касается моей семьи, то обе дочери не замужем. Одна служит в библиотеке Румянцев[ского] музея, другая [певица] со мной здесь. Ее приглашают в Париже в Русск[ую] оперу, но пока не известно, осуществимо ли это, т.к. своих средств у нее понятно нет, а сколько ей предложат, еще не выяснено. В М[оскве] ей не удается прочно устроиться, т.к. там на первом месте выдвиженцы, независимо от того, годны ли они на что-нибудь, или нет. Раньше она была в опере Зимина[15], а последние 2–3 года – безработная. Не удивитесь, если встретите где-нибудь ее фамилию среди оперных певцов и имейте в виду, что она здесь с совет[ским] паспортом. Она просит передать Вам ее привет, а я прошу у Вас разрешения дать ей Ваш адрес, чтобы на случай, если она задержится здесь, все-таки она не чувствовала себя здесь вполне одинокой.

О[бщест]во существует скромно-скромно, при ничтожных средствах и под постоянной угрозой каких-нибудь реформ. Многие сношения с иностранными о[бщест]вами удалось восстановить и таким образом пополнить библиотеку (общими изданиями), но этого мало: нужны средства и на печатание и на приобретение книг. Ваша книга пришла, и я просил бы Вас присылать, что можно, и дальше.

Свою работу пришлю, как только получу отдельные оттиски.

Вот и все. Привет от меня Вашей супруге. Если соберетесь написать еще раз, помните, что я здесь числа до 16-го ноября, а там надо спешить домой. Зима, несомненно, будет тяжелой, да к тому же холода начались рано. Но работы будет много и невольно приходится задумываться, хватит ли пошатнувшегося здоровья. Для меня поездка не была отдыхом, и возвращаться домой придется только с одной работы на другую.

Очень рад, что мог обменяться с Вами этими строками. Всего Вам лучшего.

Ваш Мензбир

25 октября 1930 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович,
я это время проболел и потому не стал писать.

Очень Вам благодарен за готовность помочь нам, как от себя, так и от Наташи выражаю Вам искреннюю благодарность и прошу передать таковую также Валентине Николаевне[16]. Мы в Чехословакию, конечно, не попадем, пока ей хотелось пробыть некоторое время в Германии, но все-таки приятно знать, что неподалеку есть не чужие люди. Что касается книг, то у меня в лаборатории остались только научные и энциклопед[ический] лекс[икон]. Все остальное, как книги, так и разные безделки, несомненно представляющие личный интерес, забрал Г.А. [Кожевников]. Как он разместил их, не знаю. Я сообщу ему о возможном адресе, если удастся его сохранить. Менее чем через три недели поеду домой, но до тех пор, надеюсь, получить от Вас известие. Из дома трудно будет поддерживать сношения, но не смотрю на это совершенно безнадежно. Должен, впрочем, сказать, что я совершенно не осведомлен о том, что у нас делается, знаю, что наступили ранние холода и… [непонятно]. Впрочем, и это большая отрицательная сторона нашей жизни.

Не думаю, чтобы мне удалось приехать за границу еще раз, хотя хотелось бы привезти сюда полечиться другую дочь. ⟨…⟩ Очень трудно уладить это материально – без командировки не выберешься, а командировку два года подряд не дадут.

Очень был рад снестись с Вами и передать Вам ряд сведений, которые, конечно, Вас интересовали. Затем, надо прямо смотреть в глаза настоящему и кончить это письмо словами «прощайте», хотя еще раз скажу, что работы постараюсь присылать. Всего Вам лучшего. Привет Вал[ентине] Ник[олаевне]. Знаю, что и Вам здесь нелегко, но наши условия совершенно различные.

Глубоко уважающий Вас, Мензбир

Письма М.Н. Римского-Корсакова

2 октября 1926 г.

Дорогой Михаил Михайлович,
очень был рад получить Ваше письмо; давно ничего не знаю о Вас.

Прежде всего, по поводу Ваших вопросов. И.П. Павлову была присуждена Нобелевская премия в 1904 г. Б.Б. Голицын[17]

скончался 17.05.1916, Н.П. Кравков – 24.04.1924, Е.С. Федоров – в 1919. Что касается москвичей, то я написал в Москву. Когда получу ответ – напишу Вам.

3 ноября 1936 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

я до сих пор не поблагодарил Вас за присылку Вашей «Сравнительной анатомии», все не мог улучить время, чтобы написать Вам после возвращения из отпуска, когда я нашел у себя Вашу столь отчетливую, краткую, но полезную для преподавания книжку.

Всё время был сильно занят: надо было сдавать книгу «Экологические экскурсии», рассмотренную и пересмотренную. Сдана в январе для 2-го издания «Лесная энтомология», которую я Вам, помниться, послал. У нас жизнь идет своим чередом. До сих пор неизвестно, кто будет президентом Академии наук, возможно, что В.Л. Комаров. В ноябре будет экологическая сессия в Москве, так что зоологи из Зоологического музея едут туда. Вообще, как Вы, должно быть, знаете, большая часть институтов Академии наук переехала в Москву, но Зоологический музей еще долго будет находиться здесь. Кажется, я писал Вам о смерти А.С. Щелокова?

В будущем году будет здесь генетический конгресс[18]. Нельзя ли Вам попасть на него? Вот бы было хорошо.

Моя старшая дочка всё страдает астмой. Она работает по иностранной библиографии в Гидрологическом институте.

Передавайте приветы Ивану Иванов[ичу][19] и Никол[аю] Онуфриевичу[20]. Всего хорошего, привет Вашим.

Преданный М.Н. Римский-Корсаков.

13 мая 1939 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

получили ли Вы мою открытку, посланную довольно давно уже? Хотелось бы знать, как Вы живете, как идет работа, что семья Ваша. Я по-прежнему работаю в Лесном. Сильно занят. Перерабатываю определитель повреждений деревьев и кустарников. Я писал Вам о смерти К.М. Дерюгина, Н.М. Книповича и Н.В. Насонова. Дочка моя Оленька работает над диссертацией по минералогии. Хочется уже отдохнуть, устал немного. Что у Вас по части русской музыки? Привет Вашей семье. Пишите. Всего доброго.

Ваш М.Н. Римский-Корсаков

Письма В.В. Никитина (Севастополь)

13 апреля 1923 г.[21]

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Больше не хватает сил переносить окружающую обстановку; я не могу описать Вам те условия, в которых приходится сейчас жить и работать, да, думаю, и до Вас доходят вести. Но, во всяком случае, и я, и Вера Ростиславовна[22] чувствуем, что необходимо найти способ перебраться в человеческие условия жизни. Поэтому я позволю себе обратиться к Вам с большой и горячей просьбой. Нельзя ли снестись с Прагой и узнать у Павла Ивановича[23] относительно возможности устроиться в университете[24]. Если бы в Праге можно было получить заработок в университете, то я надеюсь, что нам удалось бы выехать за границу.

Простите, Михаил Михайлович, что я причиняю Вам хлопоты своей просьбой, но, если Вы найдете возможным ее исполнить, то, пожалуйста, напишите мне о результатах, хотя бы в такой форме: если в Пражском у[ниверситете] можно получить заработок, то так: «В Пражском у[ниверситете] работа вполне возможна», если же получить службу нельзя, то так: «В Пражск[ом] у[ниверси]тете работа невозможна». А ответ направьте по адресу: Москва – Кудринская Садовая д. 23, кв 1, И.Н.Н. для В.М. Н.

Эти предостор[ожности] необходимы ввиду цензурных условий. Это письмо я надеюсь послать, минуя цензуру.

Здоровы ли все Ваши? И как Вы сами себя чувствуете. Я и Вера Ростиславовна посылаем Вам горячий привет и мечтаем свидеться. Вы может быть уже слышали о смерти В.М. Шимкевича, Мих[аил] Александр[ович][25] пишет мне, что здоровье его совсем стало плохо – при кашле кровь – очень за него боюсь. Мой горячий привет всем Вашим.

Ваш. В. Никитин

10 октября 1927 г.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Прежде всего, позвольте принести Вам глубокую благодарность за Ваши хлопоты и заботы. Третьего дня мы с Верой Ростиславовной приехали из Парижа в Villefranche, где нас так радушно встретили, что я прямо растрогался. Очень уютная комната и окна на бухту. Сегодня выходили в море. Г.С. Трегубов крайне любезен и делает все возможное для работы, а работы здесь

непочатый край, и, будь достаточное количество времени, можно сделать очень интересные работы по распределению планктона и бентоса в связи с учетом гидроскопических условий. Я надеюсь, что и за короткое время – я не могу пробыть здесь больше двух недель – удастся ознакомиться с планктоном и бентосом. К глубокому огорчению в Прагу попасть не удастся, и – повидать Вас и внуков Ваших! (Этого я никак не могу себе представить!) Как рассказал мне Александр Александрович, в Праге дела Русского университета не очень блестящи, но все же, Михаил Михайлович, это во много раз лучше, чем в Совдепии. Вы не можете себе представить, что за ощущения мы испытываем, находясь сейчас среди свободных людей в свободной стране, я, не преувеличивая, скажу, что в России сейчас настоящий режим концентрационного лагеря, да и за его пределами приходится быть очень осмотрительным, так как за нами, командированными за границу, все время следят. В Моск[овском] университете, поскольку я знаю, большинство профессоров и молодежи (преподаватели и т.д.) почти не могут вести научную работу, что время все поглощается заработком, но все-таки работы, конечно, ведутся. Работали ведь и в еще более тяжкое время.

Михаил Александрович сильно постарел. У него, правда, не в сильной еще степени грудная жаба и потому всегда есть риск. Обе его дочери здоровы. Одна служит, а другая поет то в Москве, то уезжает в провинцию. А.Н. Северцов здравствует. Г.А. Кожевников сильно постарел. Из более молодых хорошо работают Матвеев [Б.С.], Румянцев [А.В.], Огнев [С.И.] и др. Были ли Вы на съезде в Будапеште? Если были, то, наверное, видели П.П. Сушкина. В Париже я встречался с разными кругами эмиграции, и на меня они произвели очень хорошее впечатление; и они и мы ждем. Ждем и думаю, что уже в недалеком будущем дождемся. В Париже перед самым отъездом виделся с Сергеем Ивановичем Метальниковым, он говорил мне о Villefranche и очень надеется получить субсидию от американцев, но им необходимы данные о том, что станция действительно необходима для обслуживания работ славянских народностей.

Я передал это Г.С. Трегубову. Подробнее о станции напишу Вам попозднее. Ужасно жалею, что Вы в этом году не побываете на станции осенью, и нам не удастся увидеться. Мне бы очень хотелось поговорить с Вами и о будущем, и о настоящем и рассказать Вам подробнее о России. Сейчас там ужасный мрак, который особенно усилился после разрыва с Англией. С июня месяца из Москвы только выслано более 10 000 человек. В общем же,

несмотря, по крайней мере, до июня, на очень благоприятные условия, в которых находились большевики, положение в России становится все хуже, как в смысле экономическом, так и в смысле расстройства самого аппарата управления. Уже по скорости, с которым идет процесс ухудшения, можно думать, что ждать недолго, а если к этому присоединится какая-ниб[удь] катастрофа, вроде войны, тогда и вовсе скоро мы увидимся с Вами в Москве.

Завтра снова едем в море, пока позволяет погода. Напишу Вам еще отсюда. Вера Рост[иславовна] и я шлем Вам и Вашему первому и второму поколениям наши лучшие пожелания и приветы.

Ваш Никитин

11 ноября 1927 г.

Дорогой Михаил Михайлович.

Приехали мы в Неаполь только 7.11. В Виллафранше так хорошо было работать, что прямо не хотелось уезжать Г.С. Трегубов – энергичный человек; он был чрезвычайно внимателен, и с его помощью мне удалось раз 15 выехать в море и ознакомиться с биоценозами бухты и с планктоном. Я приношу Вам, Михаил Михайлович, мою глубокую благодарность, так как только при Вашем содействии я мог так хорошо устроиться в Вильфранш. Был я несколько раз в Monaco – познакомился с проф. Richard и с его разрешения выходил 2 раза в море на их судне. В Монако – музей, лаборатории, аквариум – все великолепно: оборудование, какого лучше нельзя желать, но работ, в сущности, не ведется никаких.

Вильфранш – превосходнейшее место для работы и надо как-нибудь изыскать средства для станции. Сергей Иванович Метальников говорил, что можно просить субсидии у американцев – я советовал Г.С. Трегубову составить докладную записку и через Вас и Сергея Ивановича пытаться получить субсидию. В сущности, надо было бы небольшую сумму на покупку оборудования и пополнение ежегодного бюджета. Из оборудования надо было бы завести дночерпатель, закрывающийся для планктона, приборы для титрования (хлор и кислород) и набор (копенгагенской лаборатории) для калориметрического определения PH.

В Неаполе меня встретили очень радушно и Дорн очень внимателен. Но таких условий, как в Виллафранше, я, конечно, получить не могу – здесь прекрасно обставлены лаборатории, в особенности для экспериментальных работ, но гидробиологические работы в море вести очень трудно.

Здесь из русских я застал уже перед отъездом пр[офессора] Сент-Илера из Воронежа и Шевякова, который уезжает на днях.

Из Крыма получаю тяжелые вести о разрушениях, которые наделало землетрясение, хотя станция в Севаст[ополе] пострадала сравнительно мало, но паника там была страшная и сейчас Крым прямо опустел, даже коренные жители уехали на 40%. Перед отъездом из Москвы я виделся с Александрой Афанасьевной – она служит в одном из отделов ВСНХ – жувут они с трудом, как и большинство бывших людей в Москве – она просила передать Вам всяческие приветствия и сказать, что стремится снова выбраться за границу, но это, кажется, почти невозможная вещь – очень не надеется, что скоро будет конец большевистскому царству, но я с этим не соглашался, так как думаю, что конец близок; от Михаила Александровича имею письма – он относительно здоров, но, по-видимому, его все больше и больше угнетает режим, в котором приходится жить, и настроен он пессимистически. Судя по сведениям, большевики, по-видимому, желают приняться за академию и посадить туда своих людей, если не в качестве академиков, то, по крайней мере, для участия в правлении, хотя не исключена возможность, что в академики попадут такие господа, как Покровский и даже Бухарин!![28]

Одним словом, дома ждут столь приятные вещи, что думать о возвращении не хочется, а время летит так быстро, что скорее уже надо уезжать. Вера Ростисл[авовна] сильно простудилась в Виллафранше и только сейчас начинает поправляться. Мы оба шлем Вам и всем Вашим наши искренние приветствия и сожалеем, что не удалось повидать и поговорить, как бы хотелось.

Ваш В. Никитин.

Уезжать думаем 3–5 декабря через Париж.

P.C. Неаполь – прямо прелесть, хотя периодически дожди.

Примечания

[1] Все оригиналы писем хранятся в коллекции документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) Ф. Р-6767: Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1. Ед. хр. 53. Автограф.

[2] Дочь М.М. Новикова – Татьяна Михайловна Новикова.

[3] Возможно, речь идет о Николае Васильевиче Богоявленском (1870–1930).

[4] На конверте письма адрес М.А. Мензбира в Берлине: Berlin W. 50. New Ansbacher Strasse, 10, 11. Frau N. Salmanew.

[5] В Мерзляковском переулке, дом 8/1, ранее располагался Кабинет сравнительной анатомии и зоогеографии, которым заведовал М.А. Мензбир. См.: Адресная и справочная книга «Вся Москва на 1925 г.». М.: Изд. Моск. Совета РК и КД, 1925. С. 452.

[6] Речь идет о Алексее Николаевиче Северцове (1866–1936).

[7] Речь идет о зоологе Григории Александровиче Кожевникове.
[8] Не известно, на кого именно ссылается М.А. Мензбир.
[9] Возможно здесь опечатка (не И.Н., а Н.Н.), и речь в письме идет о Надежде Николаевне Сушкиной (ур. Поповой; 1889–1975) – второй жене П.П. Сушкина.
[10] Речь идет о математике Юлии А. Рожанской, которая преподавала на физико-математическом ф-те Московского ун-та.
[11] Московское общество испытателей природы (МОИП).
[12] Инициалы орнитолога Евгения Семеновича Птушенко. С 1926 г. он заведовал Старо-Першинской биостанцией в Курской области; в 1930 г. станция была переведена на Плещеево озеро и переменована в «Ботик».
[13] Иван Илларионович Месяцев (1885–1940) – гидробиолог. В 1912 г. после окончания Московского ун-та был оставлен на кафедре зоологии, где работал ассистентом, профессором; в 1929–1930 гг. – зав. кафедрой зоологии беспозвоночных.
[14] Михаил Михайлович Завадовский – зоолог, профессор 1-го и II-го МГУ, Института им. Тимирязева, Московского зоопарка.
[15] «Опера С.И. Зимина» – крупнейший в России частный оперный театр, работавший в Москве с 1904 по 1924 г. В 1917 г. был национализирован; в 1924 г. – преобразован в филиал Большого театра.
[16] Валентина Николаевна Новикова – жена М.М. Новикова.
[17] Возможно, это Борис Борисович Голицын – физик и геофизик, один из основоположников сейсмологии, академик СПб. АН (1908).
[18] Запланированный в 1937 г. VII-ой Международный конгресс по генетике, был отменен («отложен по просьбе ученых») решением Политбюро от 14 ноября 1936 г. Председателем оргкомитета конгресса должен был быть Н.И. Вавилов, а ученым секретарем – И.И. Агол. И.И. Агол был расстрелян в 1937 г. как троцкист. Н.И. Вавилов был арестован 6 августа 1940 г. и умер от истощения 26 января 1943 г. в саратовской тюрьме.
[19] Иван Иванович Лапшин.
[20] Николай Онуфриевич Лосский.
[21] На обороте письма В.Н. Никитина указан адрес и телефон А.А. Эйхенвальда в Германии (Prof. Dr. Alexander Eichenwald. Berlin – Schoneberg. Belziger Strasse 46–47, Portal 4. Telephon: Stephan 536), через которого шла переписка.
[22] Вера Ростиславовна – жена В.В. Никитина.
[23] Профессор Павел Иванович Новгородцев.
[24] Русский народный университет в Праге.
[25] Михаил Александрович Мензбир.
[26] Александр Александрович Эйхенвальд.
[27] Рейнхард Дорн.
[28] 12 января 1929 г., в год «великого перелома» Н.И. Бухарин был избран действительным членом АН СССР. Тогда же был избран академиком по Отделению гуманитарных наук М.Н. Покровский (1868–1932) – историк, директор Института красной профессуры, председатель президиума Коммунистической академии.

II. Письма М.М. Новикову в Германию и Чехословакию от организаций: 1923, 1930

В.И. Ясинский (Берлин)

16 февраля 1923[1]

Многоуважаемый Михаил Михайлович.

По поручению организационного комитета честь имею донести до Вашего сведения, что вы избраны профессором Русского научного института, с поручением Вам чтения курсов «Основания биологии применительно к работам русских ученых» и «Работы русских физиологов».

Председатель организационного комитета
Русского научного института,
проф. Всеволод Иванович Ясинский,
Моск. Высшее Техническое училище

А.Н. Копылов (Берлин)

19 декабря 1923 г.[2]

Господину проф. М.М. Новикову

Милостивый Государь, Михаил Михайлович!

Согласно постановлению 11. Сессии Совета Академического союза по вопросу собирания и разработки материалов о положении высшей школы за границей, правление союза в заседании от 15.12 с.г. постановило образовать для означенной цели общую от правления и местной группы комиссию. В том же заседании правления постановлено просить Вас не отказать в своем согласии принять участие в работах означенной комиссии на правах члена последней от правления союза.

Доводя об изложенном выше до Вашего сведения, правление просит Вас уведомить его письменно о Вашем согласии и несогласии.

Тов. предс. Копылов и секретарь [неясно]

А. Ломшаков, В.И. Исаев – графу В.Н. Коковцеву 3 июня 1930 г.[3] (машинописная копия для М.М. Новикова)

Ваше Сиятельство. Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Правление Союза русских академических организаций за границей получило сведения о том, что существующей в Вильфранш Русской зоологической станции грозит опасность превращения в чисто французское учреждение, и что деятельное участие в этом принимает профессор Дюбоск, желающий взять станцию в свои руки.

Ввиду сего, правление союза обращается к Вам, как к председателю Русского общеэмигрантского совещания во Франции, с покорнейшей просьбой не отказать в содействии к оставлению помянутой станции в прежнем положении. Сущность дела изложена в прилагаемой при сем копии письма правления союза профессору Дюбоск, а более подробные сведения могут быть Вам сообщены проживающими во Франции проф. С.И. Метальниковым, С.С. Крымом и Е.П. Ковалевским.

Правление союза надеется, что Вы не откажете в своем содействии к сохранению этого весьма ценного русского научного учреждения в русских руках.

Г. Шавельский, И. Шапшал (София, Болгария)

сентябрь, 1930 г., Прага[4]

V съезд русских ученых

Господину профессору
М.М. Новикову

Организационный комитет
V-e congres des Savants Russes
Comite D' organization

Адрес: ул. Гр. Игнатьев 48
Протопресвитер Шавельский
№ 101

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Высоко ценя Ваши заслуги перед русской наукой, организационный комитет считает своим долгом обратиться к Вам со специальной и настоятельной просьбой пожаловать на съезд Русских

академических организаций за границей, имеющий быть в Софии 14 сентября 1930 года. Если бы Вы пожелали сделать на съезде доклад, то комитет покорнейше просит, возможно, скорее прислать его тему, дабы поспеть включить ее в программу съезда.

При этом организационный комитет считает своим долгом уведомить Вас, что путевые расходы по приезду в Софию и обратно могут быть Вам возмещены на общих основаниях из расчета по третьему классу на железных дорогах и по первому классу без койки на пароходе. Кроме того, в Софии будет предоставлено бесплатное помещение и выданы суточные.

В надежде, что Вы откликнетесь на нашу просьбу, мы с нетерпением будем ожидать Вашего ответа.

По получении от Вас такового, Вам немедленно будет выслана виза на въезд в Болгарию

С искренним почтением и преданностью

Председатель комитета Протопр [есвитер] Г. Шавельский
Секретарь проф. И. Шапшал

Примечания

[1] ГАРФ. Ф. Р-67-67. Оп. 1. Д. 68.: Письма из Института Восточной Европы в Риме, Зоологического факультета института им. Массарика в Берне, Русского научного института в Берлине и других организаций и учреждений М.М. Новикову. На нем. и чешск. яз. Начато 1923–1939. Всего 123 л. На бланке Русского научного института в Берлине (рус. и нем.). Авториз. машинопись.

[2] Там же. На бланке правления Союза Русских академических организаций за границей (на русском и чешском языках). Прага, ул. Вышеградская 16. Авториз. машинопись. Л. 4.

[3] Там же. Л. 14.

[4] Там же. Авториз. машинопись. Л. 12.

III. Письма А.А. Эйхенвальда М.М. Новикову в Прагу

А.А. Эйхенвальд (Германия, Италия) (август 1923 – октябрь 1934 г.)

Берлин, 25 августа 1923 г.[1]

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

Вчера я был в Ростоке у П.И. Вальдена, и говорил с ним по поводу издания серии книг «Современное естествознание и техника». П.И. Вальден, в общем, согласился с моим предложением и даже с моей темой, но желал бы получить аванс при заказе, а не ждать 50% гонорара после представления рукописи (согласно параграфу 5). Я тоже считал бы более правильным уплатить ему некоторую часть вперед (например, 30%). Окончить работу в 5 листов он обещал к концу октября. – Вторую книжку пишу я. Таким образом, к ноябрю с.г. мы могли бы сделать 2 книжки (в рукописи) по 5 листов каждая. Довольно ли это, или нужно еще? Обе книжки будут трактовать об «Атомах», но заглавия еще не определились. В самое ближайшее время я собираюсь навестить Вас в Праге и жду только от Вас указания, когда мне приехать? Желал бы, чтобы моя поездка к Вам была бы с наибольшим возможным коэффициентом полезного действия. Когда выехать, мне безразлично, потому что я совершенно свободен и жду Ваших указаний. Хозяйка нам так намекнула на квартиру, что с 1 сентября мы переезжаем; новый адрес: Freisinger Strasse 3/ III Bei Frau Funk.

Всего лучшего, жена кланяется.

А. Эйхенвальд (автограф)

15 января 1931 г.[2]

Содержание письма посвящено укладыванию вещей семьи Эйхенвальда, оставшихся в лаборатории Новикова в Праге, по адресу U Karlova 3. К письму приклеена вырезка из газеты[3]. Слева, рукой А. Эйхенвальда приписано: «Посылаю Вам вырезку из какой-то газеты, присланную мне из Америки. Вы можете сказать: “Уж если даже П.П. Лаз[арева]… то слава Богу, что меня там нет!”»

Заметка в газете. «К аресту академика Лазарева»

Арестованному в Петрограде академику Лазареву, известному по работам по изучению Курской магнитной аномалии, поставлена

в вину дружба с академиком Платоновым, которого в свою очередь обвиняют в сношениях с русскими монархистами за границей. Заметка в газете «Новый донос на профессора». В «Веч[ерней] Москве» помещена заметка о профессоре Московского института инженеров транспорта Эйгере. Газета считает его идеологом буржуазии и находит, что он ревизует ленинскую установку партии и не может поэтому оставаться на таком важном посту.

Liguria, Италия

18 июля 1931 г.[4]

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

Ваше письмо застало нас в момент нашего выезда из Милана. А здесь после миланского шума и часами размеренной работы на меня так подействовала тишина (и, вероятно, морской воздух), что меня все время клонило ко сну, и я только сегодня (на третий день!) нашел в себе силы ответить на Ваше письмо. Очень, очень благодарен Вам за Haas'а, а 100 лир прошу Вас оставить пока у себя. Я уверен, что П.П. Лазарева освободят гораздо раньше 10 лет. Жена его не была родственницей П.Н. Лебедева. Эту неделю я решил ничего не делать, так как, по-видимому, устал, а со следующей недели опять засяду за теоретическую физику. Катерина тоже устала порядочно и очень рада, что может не петь, а купаться. Жаль, что Вы не в наших краях. От Цингеров имели на днях письмо, что они открыли в Берлине магазин съестных продуктов! Приехать сюда не могут. Вот Вам и все новости.

Кланяемся всем Вашим. А. Эйхенвальд.

Милан

29 июня 1932 г.[5]

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

Чтобы загладить свою неаккуратность, отвечаю тотчас же по получении Вашего письма от 23. 06. 1932. Я задержался с ответом на Ваше предыдущее письмо главным образом потому, что очень спешил закончить составление 4-й части «Теоретической физики»; наша наука растет так быстро, что трудно отбирать наиболее важное: оказывается, все важно. Впрочем, я и сейчас затрудняюсь сказать что-либо по поводу предположения о приглашении русских профессоров в Пражский университет. Все слишком неопределенно. Что касается слухов о приглашении меня в Миланский университет, то могу сообщить Вам, что

слухи эти уже устарели! Когда я был еще в Берлине, то коллеги мои, приезжавшие из Москвы в Берлин, сообщали мне, что на самом деле, я в Милане, и – профессором университета: и это было даже напечатано в газете. Теперь я на самом деле в Милане (половина слуха оправдалась), но профессором делаться не собираюсь. Что касается чтения лекций (приват-доцент: Libero docente), без всякого вознаграждения, то мне было бы это легко устроить (мне даже указывали на это здешние коллеги), Но я не вижу в этом никакой надобности и никакого удовольствия. На предложение здешних коллег я ответил докладом в здешнем Физико-математическом обществе (Seminario), куда приезжают делать доклады и из других городов Италии. Доклад мой сейчас печатается и я не премину прислать его Вам тотчас же по получении оттисков: доклад этот (и притом на итальянском языке) доставил мне большое удовольствие (и слушателям, насколько я успел заметить, он понравился). Работы у меня в настоящее время так много, как научной, так и по составлению «Теоретической физики», что брать на себя еще и чтение лекций мне было бы совершенно невозможно. Вот Вам отчет о моей деятельности.

Живем мы здесь очень замкнуто и с каждым днем все дешевле и дешевле, потому что понемногу научились этому искусству; а в нашем положении это искусство очень важно. Эта весна у нас тоже была исключительно холодная, а так как в апреле месяце здесь топить не принято, то мы сидели в комнате в пальто. Итальянцы возмущались до глубины души, приговаривая, что сейчас весь Мир сошел с ума, и погода тоже! Май был более прохладный, а июнь с дождями и грозами. Сейчас начались первые дни итальянского климата. Мы тоже попробовали завести себе цветы и растения, но, очевидно, мы это делать еще не умеем: пальма у нас погибла и роза чахнет; зато араукария (почему-то!) растет стремительно. Недели через две мы думаем уехать на отдых (я устал, несомненно) в Santa Marherita… мы там нашли дешевый отель, а к концу августа вернемся опять сюда и тогда займемся вопросом о насаждении разных растений как в комнатах, так и на балконе. Катерину этот вопрос очень занимает! – Что касается здоровья, то, несмотря на холода и переменчивую погоду, Катерина ни разу не заболевала, и уже ради этого стоило уехать из Праги в Италию. Но, с другой стороны, отсутствие русских знакомых и особенно пражских друзей, часто наводит на раздумье – Costa la vita [от руки].

Всем Вашим и Вам наилучшие пожелания и приветы.

А. Эйхенвальд

P.S. Вложим несколько своих адресов. Цель понятна!

Милан

8 ноября 1932 г.[6]

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

Мы давно не получали от Вас вестей и очень желали бы узнать, как Вы и Ваша семья поживаете и как себя чувствуете. В какой стадии находится вопрос о приглашении Вас (наконец!) штатным профессором в Карлов университет и жив ли еще Народный университет??? Все эти вопросы (и многие другие) нас живо интересуют. Что касается до нас, то мы продолжаем жить по-прежнему. При изготовлении тома 4-го «Теоретической физики» я слишком приналежал на занятия, и у меня появились признаки переутомления. Пришлось перестать писать; в результате представление рукописи отлагается примерно на год против контрактного срока, и Госиздат имеет право совсем от нее отказаться. Но так как ГИЗ ничего мне не пишет (по обыкновению), то я приехав из Св. Маргариты, снова занялся писанием, и к весне пошлю рукопись по назначению. Здесь мы с русскими совсем перестали видеться, а вести, доходящие до нас со всех концов Европы и Америки, весьма печальные. По-видимому русские «акции», если можно так выразиться, всюду падают (переживают опасный кризис?). Недавно приезжала сюда русская опера из Парижа. Весь состав оперы: певцы, хор, балет, декорации и прочее – первоклассные, а баритон Юренев даже выдающийся по тембру голоса и умению петь. Мы слышали князя Игоря и Бориса Годунова. Однако объявленные оперы «Садко» и «Царская невеста» нам так и не удалось послушать, потому что вся опера внезапно уехала в Рим. Говорят, что предприниматель отказался платить, и все дело рухнуло. Какова их судьба в Риме, я не знаю, но склонен предполагать, что и там не лучше, чем в Милане. В «утешение» я могу прибавить, что в Париже обанкротилась Opera Comique, и здесь оперные театры пустуют; во всяком случае и требования публики к опере значительно понизились. Всем больше нравится негритянская «синкопическая» музыка, а еще больше так называемые Revue с голыми женщинами. Особенно ценится, когда женщины накрашены под клоунов. – Недавно мы получили извещение от Волошина, что он в Берлине и едет к нам. Мы, конечно, приготовили встречу; но до сих пор никакого Волошина на нашем горизонте не показывалось. – Вот Вам все новости. В надежде, что от Вас мы получим более интересные.

[От руки] Шлем Валентине Николаевне, Вам и всей Вашей семье наилучшие пожелания.

Catherina. А. Эйхенвальд (автограф)

Милан

10 октября 1934 г.[8]

Дорогой Михаил Михайлович,

спешу ответить на оба вопроса Вашей открытки:

1) в Кембридже действительно работает русский: Капица (кажется Петр) из петербургского Политехникума. Однако его вряд ли можно причислить к эмигрантам, так как он, как я слыхал, иногда ездит в Петербург.

2) «Теоретическую физику» я перестал писать, так как мне не платят. Я безработный.

3) К этому могу прибавить, что целый ряд известных русских химиков сейчас за границей: Остромысленский (по-моему, гениальный, но пьяница), Ипатьев – оба в Америке. Странно, ведь Ипатьев изрядно подвязывался и в Москве и в Берлине, сумел получить свое имение и другие привилегии: почему он в Америке? Затем, Чичибабин, напечатал в Париже толстую «Органическую химию» на французском языке. Есть еще и другие. Но можно ли их причислить к русским эмигрантам, – я не могу Вам сказать. Вообще, мне кажется, что Ваша задача в настоящее время чрезвычайно сложная: все так перепуталось и все взаимоотношения находятся в лабильном состоянии, и еще не видно, в каком направлении произойдет крах.

Для Вашего развлечения сообщаю следующие слухи, за достоверность которых, конечно, не ручаюсь:

1) Вера Ростиславовна с мужем переведена на новую Зоологическую станцию, вблизи Батума[9], и пишет, что Мензбир уже более года умирает (Пишет Цингерам);
2) Зелинский праздновал свой 40 или 50-летний юбилей (ему 73 года); он женился год тому назад на 18-летней красавице и родил сына (Письмо из Москвы в Лондон);
3) Крылов (академик, известный теоретик по кораблестроению, родственник математику Ляпунову) жил прежде в Лондоне и Париже, теперь переехал в Ленинград. Но в Париже живет его (1-я законная) жена, а дочь его вышла замуж за Капицу (Кембридж), о котором Вы спрашивали, и уже имеется дочь. Таким образом, и Капица теперь присоединился к обширной физико-химической семье Ляпунов–Крылов–Генри (русский француз). Но в Париже живет вторая экс-жена Крылова (физичка – Ферингер), которая была у нас проездом в Милане и которую мы видели в Св. Маргарите (от нее все эти сведения). Тем не менее, в Ленинграде у Крылова 3-я законная жена – по новым законам;

4) Волошин, услыхав, что я безработный, настойчиво приглашает меня в Париж и сулит «широкие возможности». Но мне ехать в Париж не хочется: не доверяю французам;
5) один итальянец, приехавший недавно из России, рассказывал мне, что там замечательные театры: оперы – русские и итальянские – и балеты («Лебединое озеро» Чайковского), все роскошно поставленные. Мейерхольд поставил драму «Даму с камелиями» (т.к. его подруга пожелала выступать в роскошных платьях); как мотивировка постановки этой буржуазной драмы выставлено желание демонстрировать пагубность буржуйных нравов. Музеи и картинные галереи тоже роскошны. Исаакиевский собор превращен в музей «антирелигиозный» (т.е. антихристианский) и под его куполом качается маятник Фуко, доказывающий вращение Земли (так было в парижском Пантеоне!) (наверно, и сам Фуко при этом, повертывается в могиле);
6) другой итальянец старался мне растолковать, что на Земном шаре теперь два еврейских царства – Америка и Россия (а никак не Палестина). Что евреи, коммунисты, масоны – всё это теперь одно и то же. Что немцы принципиально правы, но политически наивны;
7) Ферингер ожидала встретить в Италии академика Иоффе, но так как он теперь заведует тяжелой промышленностью России и готовит Россию к войне с Японией, то он приехать в Италию не мог.

Даю, как получил, – хотя сам я все это понимаю плохо; очевидно стар стал. [От руки] Тем не менее, шлю наилучшие пожелания Валентине Николаевне и Вам от жены и от меня (автограф).

+Будто в Германии есть книга со статистикой евреев в России, с указанием имен и % в государств [енных] учреждениях.

Примечания

[1] ГА РФ. Ф. Р.- 6767: Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1. Д. 62: А.А. Эйхенвальд – М.М. Новикову, авг. 1923 – окт. 1934 г. Автограф, от руки. Л.3. Письмо на бланке Prof. Dr. Alexander Eichenwald. Berlin – Schoneberg. Belziger Strasse 46–47, Portal 4. Telephon: Stephan 536.

[2] Там же. Автограф. Л. 4об.:

[3] Там же. Тип. Л. 4а.

[4] Там же. Л. 5. Автограф. Адрес: Villa Castagnola Chiavari (Liguria).

[5] Там же. Автор. машинопись. Л. 6. (Приписка рукой А. Эйхенвальда: 10 часов утра!)

[6] Там же. Л.7. Авториз. машинопись Адрес: Prof. Dr. A. Eichenwald. Via Gaetano Strambio, 7 (Citta degli studi). Milano.

[7] Видимо, Георгий Митрофанович Юренев (1891–1963) – оперный певец.

[8] ГА РФ. Р-6767. Оп. 1. Д. 62. Л. 8. Авториз. маш.

[9] Речь идет о семье Никитиных.

IV. Письма М.М. Новикову в Прагу от В.В. Лепешкина, Л.В. Черносвитова, К.И. Гаврилова: 1928–1939[1]

Письма В.В. Лепешкина (США, Австрия) (1928–1939)

Урбана

29 января 1928 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Михайлович!

Посылаю Вам в настоящем письме мой отказ от председательствования в отделении естественных наук, т.к. выясняется, что, во всяком случае, мне не удастся вернуться в Европу раньше будущего сентября. Однако сказать, что я останусь в С. Штатах надолго и после этого, я до сих пор не могу.

В общем, профессорская жизнь здесь не очень привлекательна, и недавно я получил письмо от проф. Максимова[2] из Чикаго, где он говорит, что они там «живут и работают в великом убожестве».

Что касается моей поездки сюда, то, конечно, я ею доволен, так как я увидел Америку и нажил кое-какие деньжонки.

Первый семестр в С-Луисе кончился, и я перебрался уже в Урбану, штат Иллинойс, на второй семестр. Здесь очень большой казенный университет (около 15 тысяч студентов). И лаборатории лучше, чем в других американских университетах. Сам город гораздо приятнее, потому что маленький и без фабрик. В С-Луисе было очень дымно и остаться я не мог бы из-за моего катара носа и пр. Но в научном отношении, пожалуй, там было лучше, т.к. в миссурийском Ботаническом саду одна из лучших в мире ботанических библиотек. Университет и жители оказались очень приветливыми: нам оказывали много почета, приглашая на все возможные парадные обеды и заседания, как в университете, так и к богатым частным лицам и даже обществам (например, мы были приглашены на концерт в клуб артистов). В ноябре я ездил в Уелслейский университет (Бостон) произнести речи на открытии нового Ботанического института, которое происходило с необычайной помпой. Кроме меня речь произносил директор Бруклинского ботанического сада (Нью-Йорк). В самом С-Луисе

тоже был открыт новый Биологический институт (Rebstock Biology Hall), где помещаются теперь все биологические науки. На открытии его мне тоже пришлось произнести речь, вместе с проф. Чайльдом из Чикаго. Эта речь как раз напечатана в «Science».

После окончания первого семестра, ввиду начала лекций в Урбане только 8-го февраля, я предпринял поездку на восток, где прочел две публичные лекции в Филадельфии, одну в Колумбусе и две в Итаке (Корнеллский университет). Вторая моя лекция в Филадельфии передавалась по радио по всей Америке. Прием же, оказанный мне американцами, превзошел всякие ожидания. Ведь меня встречали на вокзале с автомобилем, везде поселяли в лучших отелях и даже в домах богатых частных лиц, и везде устраивали парадные ланчи и обеды, без всяких расходов с моей стороны, кроме хорошего гонорара за лекции. Аудитории были от 200 до 400 человек. Теперь я, наконец, дома, но ненадолго: через 5 дней уезжаю для лекций в Чикаго и Мичигане (Анн Арбор), вернусь только 8-го февраля. Мне хочется познакомиться с проф. Максимовым лично и посетить нашего казанского профессора (ученика Павлова), работающего в лаборатории Battle Creek, «самого лучшего в мире санатория», как говорят американцы.

Мы очень довольны нашей квартирой в Урбане, конечно со всеми американскими удобствами: телефоном, ванной, центральным отоплением, стиральной машиной и пр. Город, в большей своей части, состоит из коттеджей, окруженных лужайками и деревьями; но в «даун-тауне» имеются большие дома и прекрасные магазины. Улицы все прямые, с цементными мостовыми, и электрической автоматической регуляцией движения при помощи сигналов. Нет квартиры без телефона и ванны, но дома очень простой архитектуры, многие деревянные, и цветов около домов почти нет. Каждая семья (за немногим исключением) имеет автомобиль.

Живут американцы довольно скучно. Бывают друг у друга очень редко. Единственное развлечение – кинематограф, который здесь называется театром, и в котором показывают часто, кроме подвижных картин, танцы, куплетисты и т.п.

Почти все профессора живут без прислуги, хотя многие из них имеют собственные коттеджи. Живут очень скромно, в особенности у кого есть взрослые дети, учащиеся. Жалование обычное 3000 долларов в год, лишь немногие получают 4000. Жизнь же приблизительно в два раза дороже, чем в Праге. Кто может, подрабатывает на стороне. Ботаники исследуют фрукты, разводят грибы, зоологи улучшают породы, химики – на фабриках и пр.

Мы все себя чувствуем гораздо лучше в Урбане, благодаря чистому воздуху. В особенности Евгения Александровна[3], которая в С-Луисе избегала выходить на улицу, благодаря дыму. Женюша наш[4], конечно, чувствует себя лучше всех. Он горой стоит за Америку. Сделался бой-скаутом, и ходит в high School.

Теперь, Михаил Михайлович, очередь за Вами. Напишите мне, пожалуйста, как пражские дела, как Народный университет, как Ваши лекции в Карловом университете? Как Вы поживаете, как поживает Ваша супруга и дети?

Мы все шлем вам и всем Вашим самые сердечные приветствия.

Ваш В. Лепешкин.

P.S. Здесь приезжал один профессор из России. Он говорил: не верьте приезжим в Прагу и Германию, они бояться шпионов. В России не только интеллигенция, но и крестьяне против большевиков. Но без внешних осложнений нет сил что-нибудь сделать. Атмосфера неприятная.

Урбана

2 июля 1928 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Мне очень было приятно получить Ваше письмо, где Вы сообщаете о выборе нового председателя естественного отделения Народного университета и о перенесении моего курса на весну 1929 г. Я буду надеяться, что на этот раз мне удастся прочесть этот курс. Хотя наверное, конечно, пока сказать не могу. Вообще же я, как Вы знаете, не собираюсь оставаться в Америке, и по мере того, как я более и более знакомлюсь со здешнею учебною жизнью, для меня выясняется далеко не блестящее положение преподавания в университете, не говоря уже об управлении. По сравнению, например, с русскими университетами до войны. Хотя денег очень много, но вся организация неблагоприятна для развития науки. Положение профессоров, независимо от материальных условий, неважное.

Что же касается нас, то пока все обстоит благополучно. Все более или менее здоровы. Женя удивляет нас своими успехами в «high school». Скоро все наши учебные занятия кончаются. 24 мая кончились лекции. Мне пришлось экзаменовать свой «класс» и, кроме того, еще кое-кого на различные степени («мастера», «доктора» и пр.). Но 6-го июня, наконец, все будет закончено,

и у меня начнутся небольшие каникулы. Небольшие потому, что с июля начнется летний семестр. Но я его буду проводить уже не в Урбане, а в Сан-Франциско и Беркли, в Калифорнии. Мы отправимся туда 15-го июня. Летний семестр, или, как его еще называют, «Summer Session», продолжается там с конца июня до середины августа. Но я сконцентрировал свои лекции на июль, так что буду в августе опять иметь двухнедельные каникулы. Только двухнедельные, потому что зимний семестр начинается в Калифорнии с 15-го августа и кончается 20 декабря! Такое удивительное расположение занятий объясняется климатом. Лето там, несмотря на пальмы и апельсиновые рощи, очень прохладное и заниматься летом приятнее, чем зимой. И так, мы до Рождества едем в Калифорнию, надо посмотреть Америку. Я пришлю Вам оттуда открытку.

Мы начинаем постепенно втягиваться. Даже в «movis» (кинематограф) начинаем ходить чаще и чаще. Правда, здесь он особенный и действительно может быть назван американским завоеванием. Русских в Урбане только двое – студенты. Знакомство ввиду разницы в летах, не налаживается. Кроме же «мувис» здесь почти никаких развлечений, если не считать очень редкие концерты наезжих артистов или состязания во всякие спорты. По воскресеньям публика развлекается колесением по улицам в автомобилях. Тем не менее, однако, профессора-старики большие урбанские патриоты, и считают, что лучше ничего и не надо.

21 мая я был в Чикаго. От нас 3 часа поездом и 4 часа автомобилем или трамваем. У меня там была лекция перед биологическим клубом. Конечно, повторился весь стандарт. Встреча на вокзале, обед и пр. Познакомился с Максимовым, провел у него вечер. Его «великое убожество» конечно относительно и, пожалуй, преувеличено. Если сравнивать с жизнью в Петербурге до войны, то, конечно, жить хуже. Жалование его позволяет ему даже путешествовать. (Он был, например, в Индии, на Гавайских островах.) Теперь (6-го июня) он поедет в Европу, и, может быть, Вы даже увидитесь с ним в Германии. Напишите, пожалуйста, подробнее, что слышно у Вас в Европе и в Праге.

Мои приветствия всем Вашим.

В. Лепешкин.

Мой адрес с 15-го июня: College of Agriculture, University of California, Berkeley, California.

Беркли

б/д, (выборочно)

Дорогой Михаил Михайлович!

...очень Вам признателен за Ваше письмо из Праги. Мне было очень интересно узнать, что деятельность Народного университета и его ректора протекает все так же успешно, и что научная работа бьет ключом в среде нашей эмиграции в Европе. Интересно было узнать также, что появились опять надежды на возможность политического кризиса в России. Несомненно, что положение там становится все более и более невозможным; и хотя терпение у русских мужичков большое, но все же не бесконечное. Будем, следовательно, надеяться на скорое свидание в России!

Что же касается наших дальнейших похождений в Америке, то, как Вы знаете, в середине июня мы отправились из Урбаны, через Чикаго, в Калифорнию. По дороге останавливались в очень красивом городке «Salt Lake City», мормонском гнезде, окруженном высокими горами на берегу соленого озера; в этом озере нельзя утонуть, т.к. концентрация соли доходит до 25%, и человек не погружается.

Беркли же принадлежит к самым красивым городам на свете. Он расположен между бухтою Сан-Франциско и прибрежными горами. Когда мы поднимаемся на нашу гору, по склону которой расположена наша часть города, мы видим под ногами Беркли, слившемся с другими городами на этой стороне бухты, а дальше за бухтой «Золотые Ворота» и океан. Наша часть города удивительно красива. Необыкновенное разнообразие архитектуры...

Станфорде (2 часа езды отсюда), где великолепный университет, 2 лекции – в Pacific Grove, на морской биологической станции, две лекции в Лос-Анжелесе и 6 лекций здесь в Беркли...

Моя надежда прочитать в Народном университете в Праге курс весною, к сожалению, не может осуществиться. Я соблазнился взять постоянное место во вновь возникающем научном институте. Мои обязанности с первого января будут состоять исключительно в продолжении моих научных работ над протоплазмою. Новая лаборатория, передающаяся в мое распоряжение, будет обставлена по-американски (60 000 долларов на инвентарь). Жалование хорошее, выше профессорского. К сожалению, новый институт возникает при пустынном санатории в Tuscon, Arizona. Хотя Аризона и считается «страной чудес», но мы боимся изжариться там летом...

Тусан, штат Аризона

17 января 1929 г. (выборочно)

Научный институт, где я состою заведующим биохимической лабораторией, пока еще не готов: еще не все двери навешаны, не все стекла вставлены и т.п. Моя работа состоит поэтому главным образом в составлении списков предметов оборудования, а также в изложении своего прежнего, накопленного уже, опытного материала.

Предполагают, что здание будет закончено недели через две. Тогда начнется оборудование и, наконец, научная работа. Я, кажется, писал Вам, что институт будет посвящен, главным образом, медицинским наукам и находится в связи с дезертным санаторием, где изучается главным образом туберкулез. Все учреждение основано нью-йоркским миллионером Эриксоном.

Что же касается семьи, то Женюша учится очень хорошо, и, в особенности, преуспевает в геометрии. Евгения Александровна чувствует себя не очень важно физически, что мы приписываем ее периоду жизни. Она начинает немного говорить по-английски.

Вы, вероятно, знаете уже о трагической кончине профессора Максимова в Чикаго, после его европейского путешествия?

Мы познакомились в Беркли и Сан-Франциско с некоторыми русскими. Их около 10 000 в Сан-Франциско. Здесь же почти нет. Один профессор университета – русский, но мы с ним еще не познакомились. ***Вообще русские профессора в Америке не ищут русского общества.***

Я был Вам очень благодарен за письмо. Как-то Вы живете теперь? Какие у Вас надежды на Россию? Правда, что Кизеветтер принял чешское подданство? А Косинский уехал в Эстонию?

Мой поклон всем Вашим, а также Н.М. Могилянскому и И.И. Лапшину.

16 октября 1929 г.

Мы провели лето в Лонг-Бич (Калифорния), а теперь опять за работу. Я, конечно, никогда не работал так много экспериментально, как теперь. Лаборатория уже налажена и приборы все прибывают. Я начал свою работу там в начале апреля. Но и в Лонг-Бич я делал кое-какие опыты (привез микроскоп и прочее), но все больше писал. Лонг-Бич – чудесный городок на Тихом океане, около Лос-Анджелеса. Улицы – пальмовый парк и «даун-таун», сделали бы честь любому европейскому городу.

Мы постепенно привыкаем к американской жизни, постепенно отвыкаем от Европы. Возможно, что я приеду в августе

будущего года в Европу на съезд (Интернациональный конгресс ботаники) в Кембридже, где я избран вице-президентом физиологической секции. Я постараюсь тогда быть также в Германии, и может быть, даже в Чехии…

Барселона

10 февраля 1934 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Пользуюсь случаем послать Вам мои самые сердечные приветствия из Европы, куда мы приехали летом. Барселона – чудесный город с удивительно красивыми окрестностями. Жаль будет покинуть ее. Я предполагаю работать в Физиологическом институте в Вене, но мы все не решаемся туда тронуться.

Я выехал из Америки с чешским паспортом, который продолжен еще на 2 года, поэтому соберусь, вероятно, и в Прагу. Если будем жить в Вене, то оттуда только 2 ч. езды в Чехословакию.

Вена

30 июня 1934 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Шлю Вам и всему Вашему дому мои сердечные приветствия из Вены, где я работаю больше двух месяцев в Физиологическом институте медицинского факультета. Здесь все очень милые люди и институт имеет средства, так что я очень доволен своей обстановкой работы.

Мы поселились здесь в очень зеленой местности и чувствуем себя как на даче, при этом только всего четверть часа на трамвае до университета. Мы будем очень рады видеть Вас у нас, если Вы случайно будете в Вене.

Сын мой, Женя, теперь студент медицинского факультета Венского университета и чрезвычайно доволен серьезной постановкой преподавания здесь. В Америке ему казалось преподавание в университетах более легковесным.

Мы не думаем в скором времени возвращаться в Америку, хотя позволение на возвращение сохраняется. Совершенно неизвестно, как всё на свете обернется!

Был бы очень рад получить от Вас известие. Как идут дела Народного университета? Шлю мои приветствия всем, кто меня еще не совсем забыл.

Преданный Вам, В. Лепешкин.

Вена,

7 сентября б/г (после 1934 г.?)

Дорогой Михаил Михайлович!

Очень был рад получить от Вас письмо и узнать об основании музея в Праге. Как странно, что Ваше письмо с пражским штемпелем 13/VIII пришло в Вену только 4/ IX. Я получил Вашу в высшей степени интересную книжечку о наших биологах. Жаль, что многие научно-учебные организации должны были сократиться.

Конечно, я с удовольствием сделаюсь членом-корреспондентом Вашего исследовательского объединения, и когда-нибудь напишу статью для журнала. Теперь я тороплюсь написать заказанную статью для «Протоплазмы», а потом, когда освобожусь, буду рад опять взяться за русский язык. Что же касается фотографии и пр. для музея, то постепенно все пришлю, когда соберу весь материал.

В то время, когда вы писали Ваше письмо, у нас тоже стояла порядочная жара. Но мы уже привыкли в Калифорнии и в Испании к такому климату и не очень страдаем. Теперь же у нас совсем прохладно; вероятно то же и у вас. Мы все лето тоже оставались в Вене. Хотя, правда, мы живем почти за городом. Здесь так много цветов и зелени, и от нас недалеко мыс, так что мы были вполне удовлетворены летом. Почти весь день просиживали на балконе, выходящем в сад. Да мне и нельзя было уехать: без библиотеки было бы невозможно писать. Мы убеждали нашего Женю куда-нибудь поехать, но и он не хотел бросать свою анатомию, которую хочет сдавать в конце сентября.

В Прагу я не поехал в прошлом году и зимою, потому что читал в русских газетах о различных происходящих там переменах и решил пока отложить свою поездку. Недавно мы получили письмо от Н.И. Ильиной[5], которая сообщила нам все главные пражские новости. Мы поохали и поахали. Да, впрочем, и везде теперь нашему брату не очень хорошо живется. Один мой американский коллега писал мне как-то, что не поверил бы, если бы ему сказали несколько лет назад, что можно обойтись с такою ничтожною суммою в лаборатории, какую они теперь получают.

Другой коллега же писал, что как дальше существовать будут университеты и учебные институты неизвестно, что будущее науки в Соединенных Штатах очень неопределенно. Все штатные средства, на которые содержится университет, иссякают вследствие неплатежа налогов, а частные капиталы пока не имеют будущего.

Третий коллега писал о слухах, о революции и пр., а четвертый коллега говорит, что никак не соберется написать мою с ним общую статью (я отослал ему черновик год назад), потому что потерял свое место в научном институте, теперь очень занят распределением пособий безработным. Одним словом, пока воз и поныне там. Здесь тоже ученым не очень сладко живется, но институтом, где я работаю, я очень доволен. Более заботливого отношения я никогда и не видал. Работать здесь очень удобно.

Вы пишите мне, что Вы теперь живете одни. Конечно, это трудно. Но я надеюсь, что это не будет долго продолжаться. Я вспоминаю Аризону, где последний год я жил тоже без семьи. Они жили в Пассадене, в Калифорнии, где сын учился в колледже. Было довольно скучно, надо сознаться. Вообще же вся Америка представляется мне каким-то сном. Столько новых людей, новых городов, новых условий жизни промелькнули у нас перед глазами! Хватит воспоминаний до конца жизни.

Напишите, пожалуйста, как относятся ваши хозяева к русским организациям. Как вы себя чувствуете, когда бывают в Праге официальные приемы всяких приезжающих с Востока? Жму Вашу руку. Мой привет Вашей супруге и всем моим знакомым в Праге.

Преданный Вам, В. Лепешкин

Вена

12 марта 1939 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Очень Вам благодарен за открытку, которую я получил от Вас еще в старом году. После моего путешествия по Югославии и работе в Загребе я опять возвратился в Вену, где работаю все там же, в Физиологическом институте (Wien IX, 2). Министерство назначило мне стипендию для содействия моим научным трудам, что и побудило меня возвратиться в Вену, где я предполагаю остаться до конца года, а потом будет видно. А как Вы поживаете, изменилось ли теперь отношение в Чехии к русским профессорам? Как поживает Ваша семья? У нас все пока благополучно, сын целыми днями занят подготовкой к экзаменам, из которых два он уже сдал. Мы надеемся, что к маю он будет доктором медицины. Мы живем почти за городом: в Нейвальдеке. Вероятно, и у вас стоит, как здесь, холодная весна. Сегодня здесь все покрыто снегом. Научно работать здесь, в Вене, конечно, гораздо приятнее, чем в Загребе. Гораздо больше денег у института, да и библиотека прекрасная. Мой сердечный привет Вашей супруге.

Преданный Вам В.

Письма Л.В. Черносвитова (Аргентина, Великобритания, 1932–1939)

Лорето, Аргентина

5 февраля 1932 г. (выборочно)

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Вот уже три месяца как я сижу в Аргентине и четыре месяца, как покинул Прагу, но, кажется, еще недавно там был и скоро опять вернусь, что моя поездка – это только летняя экскурсия. ⟨...⟩ За эти четыре месяца столько видел, что в письме описать невозможно. Неделю пробыл в Париже, конечно же посетил колониальную выставку, а потом 29 дней на океан… ⟨...⟩ только лишь 24 октября прибыл на станцию. Встретил меня Оглоблин, он немного постарел и поседел, но, в общем, мало изменился. Наша станция находится в 60 км от города Пасадас (столица – Мисионес) и в 10 км от маленького, не то городишки, не то деревни Санта Анна с 2 тысячами жителей. Станция стоит совсем отдельно на небольшом холме, а кругом субтропические *леса*... ⟨...⟩ Всего здесь 8–10 построек, но есть своя электрическая станция и водопровод. Население такое – директор с его женой и двумя детьми (он агроном, очень молод, лет 28, ничем особенным себя еще не показал), два писаря с женами, из которых одна – русская, дочь анархиста, давно уехавшего в Аргентину, Александр Алексеевич с женой, двумя детьми и матерью жены, химик Тарабанов, учившийся в Страстбурге, ⟨...⟩ Грюпер, русский, учившийся в Брно, муж покойной сестры жены Оглоблина, и я. Потом есть еще человек 10 рабочих, из них один русский, механик (сын того же анархиста), один поляк и один хорват, остальные местные «creolo», т.е. помесь испанцев с индийцами племени гуарани… Служба моя нетрудная, т.к. по большей части заключается в том, что я сижу в лаборатории и занимаюсь своими червяками. Для здешних условий у нас хорошая лаборатория, есть микроскоп Цейса, бинокуляр, микротом и фотографический аппарат. Реактивы и краски тоже есть, но плохо с библиотекой, книг очень мало. Сейчас работать еще трудно из-за жары. В лаборатории у нас почти каждый день около 36–40, а на солнце температура бывает больше 60… Несмотря на все прелести здешней жизни, часто вспоминаю Европу и остаюсь европейцем в душе и думаю, что особенно долго здесь не досижусь. И страна и люди чужие, а порядки здесь такие, что ушам и глазам своим не веришь. Про-

текционизм, взяточничество и просто воровство здесь везде и потому достичь здесь чего-нибудь очень трудно.

О пражских новостях знаю от мамы, у вас там теперь тоже живется не очень сладко. Буду очень рад узнать, как Вы живете и что у Вас нового. В нашей глуши особенно ценишь все, что приходит из потустороннего мира, – т.е. из Европы. Александр Алексеевич[6] очень просил Вам кланяться.

Преданный Вам Л. Черносвитов

Аргентина

б/д (выборочно)

Вы, наверно, слыхали уже о моей судьбе. В связи с кризисом, который очень чувствуется здесь, все время идут большие сокращения и с первого июля у нас уволили всех рабочих и меня в том числе. Все это меня побудило написать проф. Крамаржу, что если у него есть на примете для меня какое-нибудь место, то я вернусь в Прагу, но недавно получил ответ от него, что ничего нового нет. Я вообще ехал сюда с намерением долго здесь не засиживаться, а, познакомившись на месте с положением вещей, увидел, что надеяться здесь на что-нибудь в теперешнее время бессмысленно. Виноват в этом не только кризис, а главным образом, что здесь все держится на протекции, родственных связях, выборах президентов, губернаторов и даже начальников полиции. В такой обстановке свежий человек сразу споткнется. Поэтому я и сейчас не оставляю мысли вернуться назад в Европу и, конечно, первым пунктом будет Прага, но сейчас это сильно усложняется тем, что у меня нет даже намека на какую-нибудь службу, а, во-вторых, что пока мне не заплатят хоть часть моего жалования, фактически я не могу тронуться с места. Но все-таки пока что жалеть, что я пустился в это путешествие, не приходится и я надеюсь, что так же благополучно отсюда выберусь, как и приехал. Моей давнишней мечтой было попасть в тропики, и осуществилась она довольно легко.

Лондон

28 февраля 1939 г.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Как раз завтра исполняется два месяца со дня моего прибытия в Лондон. За это время успел немного осмотреться и жизнь моя, насколько это вообще возможно в наше время, вошла в колею

(правда, довольно мелкую). Вы, наверно уже слышали о моем житье, но хочу еще поделиться с Вами впечатлениями. Здесь я как бы актер из захудалого провинциального театра, который каки-ми-то судьбами вдруг попал в Мариинский театр. Но как все это ни блещет снаружи, закулисы все-таки те же. Народ, с которым здесь встречаюсь, в большинстве своем очень симпатичный и доброжелательный, что всегда отмечаю с особым удовольствием, но в большинстве случаев к своей работе относятся, как к хорошо оплачиваемой и спокойной службе. Каждый работает в своей ограниченной группе и до того, что делается в соседней комнате, нет дела. Какие-либо общие вопросы почти никого не интересуют и на всякие собрания, заседания, доклады и т.п. почти никто не ходит. Для работы у меня есть почти все нужное. У меня хорошая комната, где я помещаюсь один, есть микротом, термостат, неважный микроскоп. Все главные книги стоят у меня в лаборатории, и могу в неограниченном количестве пользоваться библиотекой. В моем распоряжении вся коллекция червей, довольно большая.

Никаких обязанностей по музею у меня нет, надо только сидеть и ковыряться с червями. Я и раньше этим занимался, но никогда не хотел на этом деле сложить свои кости и в последние годы только из-за абсолютного недостатка времени не мог делать ничего другого. А теперь у меня для работы целый день, никаких других обязанностей нет, но ничем другим, кроме червей, я не имею права заниматься, сидя в музее. Пока что это еще ничего, но думаю, что потом соскучусь по свободе. Занят я сейчас обработкой материала из озера Титикаки, куда ездила в 1937 году экспедиция из музея. Работой здесь, вообще, не перегружаюсь, и все идет понемножку. Начинаем в 10 час., от 1 до 2 – « lunch», в 4 часа – чай, а в 5 – конец. В пять часов почти все разбегаются и все пустеет. Я сижу обыкновенно до 6-ти, но потом здание закрывается, и оставаться дольше нельзя. Живу я недалеко от музея, около ½ часа ходьбы. Комнатой доволен, но дома, благодаря типично английской обстановке, трудно что-либо делать. Традиционный камин, перед ним два огромных кресла, а стол такой, что и чая на нем не выпьешь.

Вообще, в Англии дома не полагается что-нибудь делать, можно только сидеть в кресле и смотреть в камин, в лучшем случае читать газету или детективный роман. Я все-таки нарушая вековые традиции, приношу с собой книги и занимаюсь немного дома. Из русских, кроме меня, в музее еще работают Чернавин, Уваров и его помощница, но она как будто наукой не занимается, а только в виде секретарши. Чернавин сидит в том же здании, что и

я, только двумя этажами ниже. Я себе его почему-то представлял большим человеком, имеющим что-то общее, может быть с Солоневичем[7], а он оказался маленького роста, мне приблизительно по ухо. На вид очень тихий, но видимо самолюбивый и строптивый. Официального положения он не занимает здесь никакого, думаю, что отчасти благодаря своему характеру. Сейчас он работает временно на месте одного ихтиолога, который заболел.

Уварова очень ценят, он выступает на всякого рода собраниях, бойко говорит на московско-английском языке, от которого у некоторых англичан встают волосы. Говорит он совершенно правильно, но с таким выговором, что некоторые утверждали, что его не понимают (вроде В.С. Ильина и его чешского языка). Ни с Чернавиным, ни с Уваровым более близкого контакта не получилось. Уварова за все время видел раза 3. По субботам и воскресеньям хожу по музеям и осматриваю всякие примечательности. Этого здесь хватает с избытком. Лондон вообще очень нравится, есть что-то общее с Петербургом, но только здесь мало пражского общества, без которого временами бывает скучно. Уклад жизни тоже другой, это не Вивенец и не Детице. Думаю все же, что их опять увижу весной, т.к. собираюсь заехать в Прагу, даже если в этом году в Чехии и не будет сбора мира?.. [не понятно]. На это надежды довольно мало и, верно, все переселятся в Финляндию и Швецию. Привет Валентине Николаевне и всем знакомым.

Ваш Л. Черносвитов

Письма К.И. Гаврилова (Буэнос-Айрес, Аргентина, 1938–1939)

15 декабря 1938 г.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

Вы оказались правы: тогда на лестнице мы виделись с Вами в последний раз, и прощание, против которого я протестовал, оказалось действительно уместным и актуальным. Мой отъезд, вернее – отлет из Праги, ибо мне пришлось в первый раз в жизни применить для путешествия аэроплан, произошел неожиданно. Как Вы знаете, к отъезду я готовился уже давно, но последние дни мне казалось, что выехать не удастся.

Действительно, все обстоятельства складываются так, что казалось, попасть на транспорт, местонахождения которого я к тому же не знал, нет никакой возможности. Но вдруг приходит

из Лондона телеграмма (транспорт ждет меня в Гамбурге) и так же вдруг оказывается возможным par avion через Амстердам попасть туда. Все это происходит в течение очень немногих дней, вернее, даже часов, и забежать в институт попрощаться с коллегами и профессорами, или к Вам на квартиру, я уже не имел никакой возможности. Я только протелефонировал Макалоушу, что уезжаю, и 29-го сентября в 4 часа вылетел из Праги, чтобы 30-го ночью (к сроку, указанному в телеграмме), уже погрузиться на «Пампу» – небольшой аргентинский транспорт, который с грузом должен был $1^1/_2$ месяца ползти через океан и доставить меня в Аргентину. Эти полтора месяца кончаются только завтра. Мы приходим в небольшой порт, Zarate, откуда поездом ($2–2^1/_2$ часа пути) я должен буду достигнуть наконец Буэнос-Айреса.

Из Праги я выехал совсем налегке – только с 15 кило багажа и 2-я книгами. Больше невозможно было взять на аэроплан. Выехал также на свой страх и риск почти совершенно без денег. Все книги, выписки, картотеки, препараты и прочий зоологический багаж, который я собирался раньше везти, пришлось оставить в Праге.

4 марта 1939 г.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Спасибо большое за открытку и память. Был очень рад получить от Вас известие, узнать, что Вы здоровы, что пражская жизнь постепенно выравнивается после жутких сентябрьских дней (ведь их я тоже провел в Праге; мой отлет совпал с Мюнхеном) и что в нашем институте все по-старому, хоть и сильно поредели русские кадры. По Праге, особенно по лаборатории, по привычной и любимой обстановке работы, скучаю достаточно явно. Аргентина мне не нравится. Конечно, я видел еще очень мало (мой приезд совпал с каникулярным временем), но то, что уже меня здесь коснулось, что я слышал, и что воспринимаю ежедневно – мне глубоко чуждо и противно. Прежде всего – общий подход к вещам. О сущности работы здесь, по всем данным, мало кто думает. Насколько я понимаю виденное и слышанное, не в ней дело. Важнее другое, – чисто внешняя сторона, выгода, практический результат. Это не стилизация. Это, по-видимому, жуткая правда. И я чувствую, вернее, уже ощущаю, как здесь трудно нам, привыкшим думать и оценивать вещи по-другому. Я чувствую себя во всех смыслах не в своей тарелке и продуктивность работы, стремление к ней, вера в нее – в сильной депрессии от сознания здешних условий и моей временной (дай Бог!) безвыходности.

Заработок достать совсем не так легко, как кажется всем пражанам. И это порождает тяжелый конфликт: заработок, кажется, неизбежно требует отказа от своих научных планов и надежд. Осуществление же своих тем, своих стремлений, опять, по-видимому, должно совершаться gratis, «во имя науки», и в условиях, заставляющих желать многого, и с тоской, с горечью и с жалостью вспоминаю Прагу, с ее пустым иногда желудком, но свободой и подлинностью, прекрасной лабораторией и хорошими, действительно преданными делу людьми. Сейчас я работаю в Институте по изучению саранчи, у Оглоблина. Он – директор этого института, но самостоятельности имеет мало, всецело подчинен здешним вне научным требованиям, имеющим даже специальное обозначение «политика». Научной работой он в сущности заниматься не может, или же может лишь в самых ограниченных пределах. Это его угнетает, но он уже успел привыкнуть к этому несчастью за свои 11 лет пребывания в Аргентине. Институт находится вне Буэнос-Айреса в Jose C. Paz. – час езды от города поездом. Он маленький и ограниченный. Нет газа, нет стерилизатора, нет центрифуги. Нет хорошей воды (дистиллированная тоже неважная), нет много из того, к чему я привык, как к неизбежным и неотъемлемым атрибутам лаборатории… С литературой здесь слабо – много не достать, а мне с моими неврологическими интересами, конечно, здесь очень и очень трудно. Теория здесь не ценится. Обратите внимание: из Аргентины нет в сущности никаких теоретических работ в литературе или – почти никаких…

Примечания

[1] Письма этого раздела взяты из архивной коллекции документов РЗИА, хранящихся в ГАРФ. Ф. Р-6767: Михаил Михайлович Новиков. Оп. 1. Д. 50, 52а, 60.

[2] Александр Александрович Максимов.

[3] Евгения Александровна – жена В.В. Лепешкина.

[4] Женя – сын В.В. Лепешкина.

[5] Возможно, сестра жены В.С. Ильина – Анна Ивановна.

[6] Александр Алексеевич Оглоблин.

[7] Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) – юрист, выпускник юридического факультета Петроградского университета.

V. Письма М.М. Новикова членам Попечительского комитета Русской зоологической станции им. А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-Мере (Франция): 1924–1935

Е.П. Ковалевскому (Медон, Франция)[1]

30 июля 1928 г.

Дорогой Евграф Петрович,

Ваше письмо, посланное мне Вами на станцию, я здесь получил третьего дня, в день своего приезда сюда. Согласно с Вашим и С.И. Метальникова пожеланием, мы устроим заседание комитета станции на 3-е сентября (но число это приходится не на вторник, как Вы пишите, а на понедельник). А ко 2-му сентября Вам будут приготовлены комнаты на станции. Ввиду той же экономии, о которой Вы пишите по поездке С.И., конечно, можно бы было оплатить Вам из средств станции ж.д. билет III кл[асса] от Парижа до Виллафранки.

Будьте так добры обо всем окончательно договориться с С.И. Метальниковым и сообщите нам день и час Вашего приезда сюда, чтобы мы могли встретить Вас на ж.дор. станции.

В числе членов комитета состоит С.С. Крым, живо интересующийся нашей станцией. Не знаете ли Вы его теперешнего адреса, а еще лучше, не могли ли бы Вы и его привлечь на наше заседание 3-го сентября, есть ли у Вас с ним какая-нибудь связь? Было бы хорошо, если бы он приехал, хотя на его поездку у станции денег не хватит. Но может быть он и сам соберется с силами приехать.

Шлю Вам и С.И. Метальникову сердечный привет и с удовольствием ожидаю свидания с Вами.

Преданный Вам М. Новиков

23 июня 1929 г.

Глубокоуважаемый Евграф Петрович,

простите меня великодушно, что так задержался с ответом на Ваше письмо. Был страшно занят с окончанием университетского учебного года. Со станцией дела не определились в достаточной мере. Но еще на год – до половины 1930 г. Чешская академия собирается продлить аренду. С Сербской же академией дело идет

чрезвычайно медленно. На днях здесь был С.И. Метальников по дороге из Белграда в Париж. Он Вам все подробно расскажет. Я был недавно на станции. Там все в порядке. А теперь собираюсь сидеть целое лето в Праге.

Шлю Вам сердечный привет и наилучшие пожелания.

Ваш М. Новиков

23/VI. 29

10 декабря 1929 г.

Дорогой Евграф Петрович,

ваши анкетные сведения мы получили. Спасибо Вам за них.

Что касается Сборника, то он печатается сейчас в Париже, а ведает печатанием проф. В.Б. Ельяшевич. М[ожет] б[ыть], Вы с ним поговорите. Сейчас наступила как будто печальная полоса по отношению к Виллафранкской станции, которую грозят у нас отобрать. Побеседуйте об этом с С.И. Метальниковым. Он хотел созвать парижскую часть комитета. Шлю Вам сердечный привет.

М. Новиков.

Прага, 10/XII 29

15 апреля 1930 г.

Praha II, U Karlova, 3
15/IV 30

Дорогой Евграф Петрович,

я получил Ваше письмо и в день его отправки Вам, т.е. 12/ IV, послал С.И. Метальникову обширное письмо с изложением взгляда пражской части комитета по вопросу о станции. Мы уже и раньше, предвидя нападение со стороны французов, убеждали С[ергея] И[вановича] занять более твердую и решительную позицию в этом деле. Теперь же мы полны негодования по поводу предполагаемого отнятия русского (а также и чешского) имущества и нового унижения нашего национального достоинства. Но в то же время мы понимаем, что Вам м[ожет] б[ыть] трудно или неудобно поступать резко, и потому мы решили сами, хотя и в очень сдержанной форме, сказать правду Дюбоску, рассчитывая, что он, как вполне порядочный человек, распропагандированный лично Трегубовым к свершению русофобского акта, сам от него откажется. Я послал Метальникову копию письма, отправленного нами Дюбоску, но на случай, если М[етальников] уедет, не дождавшись моего письма, прилагаю к сему такую же копию

(а кроме того, – письма Дюбоска и Трегубова). Кроме того, я сообщил обо всем С.И. Коротневой. И она, вероятно, также напишет Дюбоску. К нам очень горячо присоединился и всецело разделяет наше возмущение член нашего комитета – чешский проф. Немец, которому, в сущности говоря, станция обязана чешской поддержкой. Он вносит в Чешскую академию наук предложение о том, чтобы выразить протест академии Дюбоску. Наконец, правление Союза русск[их] академ[ических] организаций (представляющее эмигр[антскую] профессуру всего мира) также заинтересовалось этим вопросом и тоже, вероятно, обратится к Дюбоску. Наша цель заключается в том, чтобы убедить Дюбоска отказаться от плана, в котором, как нам кажется, он является центральной фигурой. Но, м[ожет] б[ыть] было бы правильно, чтобы академия и правление союза обратились также к каким-либо французским учреждениям?

Напишите мне об этом, а также и о том, что предпринимается Вами в наст[оящее] время <u>для спасения станции как русского учреждения.</u> Передал ли Вам С[ергей] И[ванович] протокол здешней части комитета станции, составленный в заседании 6/III–30, когда мы просмотрели присланный нам проект устава комитета станции, внесли в него поправки и избрали председателем Дюбоска (при двух товарищах: Метальников и Новиков)? Теперь, я полагаю, вопрос о Дюбоске как председателе отпадает, и если комитет уцелеет, надо будет искать другого председателя. А, кроме того, у нас здесь зарождается мысль, что пока Трегубов будет верховодить на станции, там не будет настоящей научной жизни, а будут лишь интриги и неприятности. Мне все это так горько и противно, что я прервал с ним переписку.

Не откажите держать меня в курсе всех Ваших действий по делу о станции. Согласованность нашей работы очень необходима.

Шлю Вам сердечный привет и наилучшие пожелания к празднику Св. Пасхи.

Преданный Вам М. Новиков.

4 февраля 1931 г.

Praha II,
U Karlova, 3
4/II.1931

Дорогой Евграф Петрович,

я задержался ответом на Ваше письмо, потому что поджидал окончательного разрешения дела с Чехословацкой академией. Вчера это закончилось. Мы подписали договор на сдачу 4 мест за 20. 000 frs в год, сроком на 1931 год. Договор в полном со-

ответствии с прежним. На днях академия выплатит 10 000 frs за первое полугодие 1931 г., и эти деньги я просил направить С.И. Метальникову в Париж как председателю комитета. Договор с нашей стороны подписан мной и В.С. Ильиным. Добиться здесь возобновления договора было нелегко, так как здешняя профессура питает большое неудовольствие, вплоть до негодования по адресу дирекции станции.

Я очень рад удаче Ваших шагов перед франц[узским] правительством и от души поздравляю Вас с успехом. Очень бы хотелось, чтобы материальное положение станции, наконец, упрочилось. А затем, на нас как на лиц, ответственных за судьбу станции, ложится тяжелая обязанность позаботиться об упорядочении и развитии ее деятельности. До сих пор после войны она не жила, а лишь влачила жалкое существование. Все мои попытки подвигнуть Трегубова на какие-ниб[удь] актуальные мероприятия (которые могли бы приносить и доход станции), были безуспешны. А между тем, при правильной постановке дела на станцию охотно ездили бы люди для того, чтобы работать там за плату, как это делается на других станциях. Наша же станция, имеющая много преимуществ перед другими, стоит почти пустая. Мне так надоели постоянные бесплодные и нудные переговоры с Трегубовым, а его попытка передать станцию французам так возмутила меня, что я теперь не состою с ним в переписке. Поэтому, может быть, Вы и С.И. [Метальников] попытаетесь как-ниб[удь] воздействовать на него, чтобы он придал станции характер, достойный 40-летней ее истории.

А в частности, теперь, после заключения контракта с чехами, напишите ему, чтобы он не чинил затруднений приезду на станцию и пребыванию на ней чехословацких ученых. Если он лично не долюбливает чехов и здешних немцев, то на деловых отношениях это не должно отражаться.

Сам я на станцию и вообще во Францию пока не собираюсь. Сейчас мы переживаем здесь очень тяжелое время. Говорят о серьезных сокращениях русской акции, а пока что нам после 1-го декабря еще ничего не платили и неизвестно, когда будут платить, и сколько.

Не откажите держать меня в курсе дальнейших станционных дел.

Шлю Вам и С.И. Метальникову сердечный привет.

Преданный Вам, М. Новиков

PS. Будьте добры известить меня о получении этого письма, и когда получите 10 000 frs, то и об их получении.

25 апреля 1931 г.

Конфиденциально
25/ IV 31
Praha II, U Karlova, 3

Дорогой Евграф Петрович,
ваше письмо от 29/III я своевременно получил, и когда сообщил о приложенном к нему протоколе комитета станции остальным здешним членам комитета (Немецу и Ильину), то проф. Немец сообщил нам, что чехи, бывшие этой весной на станции, возвратились оттуда с горькими жалобами на администрацию станции, которая чинила им всякие пряпятствия в работе и игнорировала их, вплоть до того, что на ловлю животных на моторной лодке, купленной целиком на чешские деньги и считающейся и до сего времени (по протоколам нашего комитета) собственностью Чешской академии, допускались лишь французы, а чехи должны были с завистью смотреть, как другие распоряжаются их имуществом.

Это привело к тому, что в Чеш[ской] академии назрел план прекратить аренду мест на станции.

Так как, кроме того, и инцидент с д-ром Коржинеком еще не исчерпан, ибо он никакого письма от Трегубова не получил, что мы все трое единогласно не нашли возможности подписать протокол комитета от 19/III 31, а посылаем, при сем, наше особое к нему мнение.

Что касается до урегулирования сообщений о приезжающих на станцию чехах, то в последнее время был сделан в этом деле большой шаг вперед, а именно академия послала директору станции список командируемых ею лиц. И сами эти лица, как видно из письма Трегубова, почти все сообщили ему заблаговременно о своем приезде (некоторые за 3 и даже 4 месяца). Только один д-р Сейп несколько запоздал с извещением, но жестоко за это поплатился, когда его по приезде встретила на станции m-me Трегубова, неофициальная диктаторша станции, как говорят чехи.

В общем же паника с занятием мест, которая проявлялась Трегубовым и раньше, ни на чем не основана. Чехи оборудовали 12 мест для жилья на станции и у самой станции было 2. Надо, конечно, правильно распределять их, и молодых людей (а таких большинство) селить, если потребуется, по 2–3 челов[ека] в комнате. А между тем, если на станции появляется 3–4 работника, поднимается крик о переполнении станции и о том, “куда я буду помещать других, в случае, если они заявятся”. Фактически же, станция, к большому сожалению, не только переполнена,

но и нормально наполнена за посл[еднее] время (поскольку я сам это видел) не была.

Мне очень неприятно писать обо всех этих печальных обстоятельствах, но они подрывают престиж не только станции, но и русского имени вообще. Вместо прославленного русского гостеприимства чехи и др[угие] иностранцы, напр[имер] америк[анский] проф[ессор] Чемберс, нарываются в русском учреждении на грубость и самодурство.

Шлю Вам, Вашей семье и С.И. Метальникову сердечный привет.

Ваш М. Новиков.

P.S. При сем, возвращаю Вам письмо Г.С. Трегубова и посылаю: 1) наше особое мнение к проток[олу] ком[итета] 19/III;

2) полученную мной выписку из проток[ола] V-го съезда русск[их] ученых по вопросу о станции, по которой еще никакого исполнения не сделано.

4 мая 1931 г.

Дорогой Евграф Петрович,

в ответ на Вашу открытку сообщаю Вам, что посылая Вам особое мнение по части протокола, относящийся к взаимоотношениям дирекции станции и чешских ученых, мы имели в виду, что остальные части протокола, не оговоренные в ос[обом] мнении, нами скрепляются. Настоящим позвольте подтвердить это. Моя задержка с ответом на Ваше письмо с протоколом объяснялась тем, что трудно было нам троим сойтись вместе и договориться. Немец и Ильин уговаривают меня поехать на станцию и хотели списываться об этом с парижской частью комитета и с французами. Но я сомневаюсь в осуществимости этого при нынешней ситуации.

Ваш Новиков

4/V 31

16 марта 1932 г.

Дорогой Евграф Петрович,

при сем, препровождаю Вам наш ответ на присланные мне Вами протоколы. Как видите, мы не во всем согласны с парижской частью комитета и ждем Ваших дальнейших разъяснений.

Деньги из здешней академии (5000 frs) посланы Вам, но не на Ваше имя, а по адресу С.И. Метальникова, как академия это

привыкла делать раньше. Надеюсь, что из этого никакого затруднения не произойдет.

Кроме того, из академии запрашивали меня по следующему поводу. Два чешских ученых подали академии заявление о желательности посетить станцию и работать там на Пасхальных каникулах. Не будет ли затруднений, если они приедут одновременно? Я высказал свое мнение, что при наличии свободных мест такого затруднения не должно было быть, но за окончательным разъяснением этого дела посоветовал обратиться к председателю комитета С.И. Метальникову. Я бы полагал, что следует пойти академии навстречу в этом вопросе, хотя она и арендует теперь только 1 место, принимая [во внимание] ее прежние заботы о станции, которая и до сего времени пользуется моторной лодкой, официально принадлежащей академии.

Как Вы поживаете, как положение русских во Франции? У нас здесь весьма тяжко и нет надежды на улучшение в будущем.

Шлю Вам и С. И-у сердечный привет и наилучшие пожелания.

Ваш М. Новиков

Прага 16/III 32

М.М. Новиков и В.С. Ильин

16 марта 1932 г.

Прага, 16/III 1932
Генеральному секретарю
Русской зоологической
станции в Виллафранке

Глубокоуважаемый Евграф Петрович!

В ответ на Ваше письмо от 18/II 32 и присланные Вами протоколы от 10 и 17/II 32 покорнейше просим Вас присоединить наши подписи к протоколу 17/II 32.

Что же касается протокола 10/II 32, то, так как в нем содержатся постановления, противоречащие нашей точке зрения, изложенной в нашем особом мнении от 25/IV 1931, мы не считаем для себя возможным подписать его.

Ввиду того, что до сего времени у нас в Праге нет устава комитета станции и нет также сведений о том, какая судьба постигла проект устава, в свое время нам присланный для отзыва, который мы рассмотрели, и к которому предложили свои поправки, покорнейше просим Вас прислать нам этот устав и сообщить

окончательные условия соглашения Вашего с французским правительством о порядке управления станцией. Не имея под руками устава и условий означенного соглашения, мы находимся в крайнем затруднении при обсуждении присылаемых нам протоколов и вообще дел станции. В частности, нас весьма удивило, что в заголовках обоих вышеозначенных протоколов из названия станции исключено слово «русская», с чем мы бы никак не могли согласиться.

М. Новиков [подпись]
В. Ильин [подпись]

С.И. Метальникову (Париж)

12 апреля 1930 г.

Дорогой Сергей Иванович,

ваше письмо от 30 марта, в котором Вы пишите о проекте превратить станцию во франц[узское] учреждение, нас здесь крайне взволновало. Если бы это совершилось, это был бы новый, тяжкий удар для нашего, и без того страдающего национального самосознания. Наша пражская часть комитета станции очень просит Вас, Е.П. Ковалевского и других членов комитета напрячь все усилия, чтобы доказать Жодону, что управление секвестра не имеет права передавать Дюбоску станцию, и что самое правильное было бы возложить управление ею на комитет, в состав которого входят ученые разных стран.

Может быть, Вы могли бы по этому поводу посоветоваться с В.А. Маклаковым и бар[оном] Нольде как выдающимся авторитетом по международному праву. У нас здесь высказывалась даже мысль, что бар[он] Нольде мог бы возбудить вопрос о станции в комиссии по интеллектуальной кооперации при Лиге Наций. Не откажите, пожалуйста, держать нас в курсе всех новостей, хотя бы и незначительных этого дела, которое нас глубоко удручает.

Преданный Вам М. Новиков

22 октября 1930 г.

Дорогой Сергей Иванович,

вчера я послал Вам деньги Виллафранкской станции, полученные мной от Сербской академии. Препроводительное письмо было подписано секретарем академии проф. А.И. Беличем. К сожале-

нию, я должен был получить здесь деньги в кронах, а для посылки Вам снова переводить их на франки. И хотя банк сделал мне в обоих случаях скидку, все-таки получилась потеря на курсе. В общем, денежный расчет следующий:

Получено из Югославии:

Frs.5000–a 132,165 = Kč. 6608.25

Расходы банка 9.25

Получено мною на руки Kč. 6.599

Израсходовано мной на получение
денег, и на переписку с Польшей, Югославией,
Францией и т.д. (в течение 1 1/2 лет) – Kč. 119

Остаток Kč. 6480

На эту сумму Живностенский банк выдал мне след[ующий] расчет.

Послано Вам Frs. 4882 – a 132.49= Kč.6468.20

+ 11.80 расходы банка

Kč. 6480. – т.е. вся имевшаяся у меня сумма

Документы банка остались у меня.

Нет ли у Вас каких-нибудь новостей о самой станции и о положении станционного дела в Париже? У меня ничего нового нет.

Здешняя академия что-то затягивает окончательное решение вопроса о найме 4 раб. мест на станции. На днях мне снова придется навести об этом справки. Напишите мне, считаете ли Вы желательным предпринимать энергичные меры к осуществлению аренды этих 4 мест или же, ввиду больших франц[узских] ассигнований, можно отнестись к этому более легко, и если чехи не проявят большой охоты к этому, то не настаивать.

Сообщите мне также, получили ли Вы пересланные мной Frs. 4882.

А еще позволяю себе напомнить Вам Ваше обещание выслать мне оттиски Ваших работ за последние годы. Уже больше 3 лет, как я ничего не получал от Вас, а между тем темы Ваши, хотя они и далеки от предметов моих исследований, меня очень интересуют.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш М. Новиков

22/X–30.

11 декабря 1930 г.

Дорогой Сергей Иванович,

дело с наймом мест на станции Чешской академией, наконец, выясняется. Академия готова подписать со мной договор на наем за 20 000 frs в год, но не 4 мест, как мы говорили раньше, а 6 мест. У них будто бы есть справка, что на других станциях плата за место ниже 5000 frs в год. Принципиально я им указал, что они неправы, ибо у нас на станции, кроме рабочего места, дается и комната для жилья, но практически не возражал, указав, что комитет, вероятно, будет согласен поставить в договор 6 мест, принимая во внимание ту помощь, которая Чешской академией была оказана станции в трудную пору ее существования, а также и то, что часть инвентаря на станции и моторная лодка являются собственностью академии. По существу же для нас довольно безразлично, поставим ли мы в договор 4 или 6 мест, ибо вряд ли когда придется отказывать в местах чешским ученым. Да и ездят то они на станцию не особенно усердно.

Я обещал им запросить Вас, как председателя комитета, и дать им ответ через несколько дней. Тогда сейчас же можно будет подписать договор и получить деньги за первое полугодие.

Поэтому будьте добры, сообщить мне немедленно, согласны ли Вы на подписание договора с платой по 20 000 frs. в год за 6 мест.

Нет ли у Вас каких-либо новостей относительно станции?

Шлю Вам поздравление к наступающим праздникам и наилучшие пожелания.

Ваш М. Новиков

Прага
11/XII 30.
Praha II,
U Karlova 3.

25 февраля 1931 г.

Дорогой Сергей Иванович,

я вчера послал Вам в ответ на Ваше письмо открытку, в которой просил принять меры к тому, чтобы Трегубов не повторил той грубости, которую он проявил в прошлом году к проф. Принсгейму из Праги, написав ему, что деньги чехи не платят, а поэтому и на места станции претендовать не должны.

А сейчас мне звонил по телефону проф. Немец и с крайней степенью возмущения сообщил, что его ассистент доц[ент] д-р

Коржинек несколько времени тому назад писал Трегубову о своем желании работать на станции, но не получил от него никакого ответа.

«Мы не желаем иметь дело с такими невоспитанными людьми», – сказал Немец, – «и поэтому, если от Трегубова не придет в ближайшее время извинение, то я в ближайшем заседании куратория внесу предложение о прекращении контракта и к ликвидации всяких отношений со станцией». На мое предложение, чтобы он более подробно об этом инциденте написал Вам как председателю комитета, он ответил, что предпочитает без дальнейших разговоров, если не будет со стороны станции сделано шага к улаживанию инцидента, порвать с ней связь.

Я спешу сообщить Вам об этом, так как, с моей точки зрения, все это трагично для станции, не только в смысле ее морального престижа. Конечно, разрыв со станцией со стороны Чешской академии, спасшей ее от гибели в тяжелый момент ее существования, не останется тайной, так же как и причина этого разрыва. И это в высокой степени повредит престижу станции и вообще нашей эмигрантской академической общественности.

Я полагаю, что Вам необходимо созвать по этому поводу экстренное заседание парижской части комитета станции, а наша пражская фракция (Немец, Ильин и я), мы, конечно, поддержим всякие самые решительные меры к улаживанию печального инцидента.

Может быть, было бы полезно, если бы Вы в качестве председателя комитета, написали бы проф. Неме́цу и выразили бы сожаление о происшедшем инциденте. Его адрес: Prof. B. Némec. Praha II, Benátska ul. C. 433.

Шлю Вам и членам комитета станции сердечный привет.

Ваш М. Новиков.

Прага 25/II. 31.

Примечания

[1] Все оригиналы писем Е.П. Ковалевскому хранятся в Архиве Дома русского зарубежья (АДРЗ). Ф. 69: Семейный фонд Ковалевских. Оп. 2. Раздел II. Д. 24. Л. 1–8; Д. 25. Л. 1 об.; Д. 33. Л. 1–4.

VI. Письма М.М. Новикову (Прага) от членов Попечительского комитета[1]

Письмо А.Т. Васильева (Институт Пастера в Тунисе)

4 августа 1934 г.

Дорогой Михаил Михайлович,
сегодня я получил Вашу брошюру о работах русских ученых – благодарю Вас за память обо мне.

Как Вы поживаете? Не наступят ли изменения в отношении чехов с притяжкой большевиков – это было бы тяжело. Не знаете ли Вы чего-нибудь о судьбе В[илла] Фр[анкской] станции после смерти Давыдова? Как Трегубов там теперь разворачивается – воображаю! Имеете ли Вы влияние или теперь все в руках французов. Я уже пятый год в Тунисе. Сначала работал по чуме, была интересная работа – выяснить происхождение вспышки ее здесь. Начал с азов – т.е. установил фауну грызунов, а потом стал их исследовать на предмет большей или меньшей восприимчивости к чуме. Получили интер[есные] заключения. Я Вам посылал свои работы по этому поводу – мож[ет] б[ыть] это Вам будет интересно. Д-р Николь хочет привязать мой сервис... к институту, тогда будет совсем хорошо. Может б[ыть], я поеду в отпуск в конце августа, хочу проехать в Германию, в Мюнхен, Берлин и Гамбург, где хочу посмотреть Ин-т тропических болезней, т.к. я теперь занялся... [непонятно]. Не будете ли Вы где-нибудь в Германии в это время? Повидались бы.

Шлю Вам искренний привет, пожелания всяких благ, когда же мы вернемся...

Ваш Васильев

Письма М.М. Давыдова (Вильфранш-сюр-Мер, Франция)

25 июля 1924 г.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

получил письмо Ваше от 20.06.24 и буду весьма рад повидаться с Вами после такого долгого времени и стольких событий. Разумеется, и рабочий стол, и комната для жилья будут Вам пре-

доставлены. Очень жаль только, что Вы приедете к нам именно в самое скверное время года для Ривьеры и для морской фауны. Должен сообщить Вам, что мы с женой, пользуясь каникулами, собираемся недели на три или на месяц уехать отсюда… ⟨…⟩ для свидания с нашей дочкой и внучкой. Вместо меня на станции останется мой ассистент, Григорий Семенович Трегубов, которого во всех отношениях могу горячо рекомендовать Вам. Он сделает все, что возможно для Вас. Но, конечно, и я увижу Вас, ибо думаю выбраться отсюда около 20-го июля и вернуться в конце августа. Таким образом, все устроится, и отсутствие мое значения для Вас иметь не будет.

Простой микроскоп может быть представлен Вам станцией, а нужные инструменты, ножницы, иглу, пинцет и проч[ее], и осмиеву кислоту (если она Вам нужна!) привезите с собой.

Прошу Вас, при случае, передать мой сердечный привет проф. Б. Немецу.

Искренне преданный Вам М. Давыдов

18 мая 1928 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

я чрезвычайно обрадовался, получив Ваше письмо и узнав, что Вы в половине июля приедете к нам. У нас маленькая комнатка с видом в сад и море, конечно, будет свободна, и мы думаем поместить Вас там. В это время приедут к нам наша дочка и внучка. Они могут поместиться в мансарде.

К сожалению, жена моя сильно страдает ревматизмом в ногах. Моим здоровьем я могу быть доволен.

Во Франции теперь все неимоверно дорожает и, кроме того, стоит совершенно зимняя погода – холодно и ветрено.

Конечно, Вы нам дадите знать заранее о дне Вашего приезда. Пока же, целую Вас крепко, а жена шлет Вам сердечный привет.

Всегда Ваш, М. Давыдов

1 марта 1929 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

на днях Трегубов передал мне Вашу записку, из которой я узнал, что Вы рассчитываете приехать на станцию недели на две. Этому я очень обрадовался. Очень сожалеем, что не можем принять Вас у нас, так как комнаты наши уже сданы на долгое время. Вчера

я переговорил с Грабовским. Он приложит все старания, чтобы отыскать Вам комнатку.

Деньги, 10000 фр., для станции я получил на днях и передал их под расписку Трегубову. Очень прошу Вас, дорогой Михаил Михайлович, передать в Праге приложенную записку куда нужно, чтобы объявить о получении этих денег 7 марта.

Жена очень Вам кланяется. Мы оба хвораем, и болезни наши становятся хуже и хуже. Дружески жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Ваш Михаил Давыдов

Письма Е.П. Ковалевского (Медон, Франция)

29 апреля, б/г.
(предположительно 1930 г.)

Дорогой Михаил Михайлович,
ваше письмо от 15/04, оба письма Дюбоска и Трегубова и копии Вашего коллективного обращения к Дюбоску, получил.

Сергей Иванович уехал в Алжир и мне приходится здесь председательствовать за комитет. Ездил я и к судебному администратору Жодону и в Министерство иностранных дел. Жодону я передал Ваш пражский протест, который был очень кстати, так как Дюбоск – сторонник полного поглощения станции – и пишет об этом Жодону. Но этого я, надеюсь, не произойдет. М[инистерство] н[ародного] просв[ещения] ассигновывает очень крупную годовую сумму и станция будет вполне обеспечена материально на несколько лет. Что касается до сохранения национального лица, то на этом и сосредоточены теперь наши хлопоты. Жодон соберет междуведомственное совещание, при нашем участии, на котором этот вопрос и будет окончательно решен. Я занят теперь выработкой такой формулы, при которой станция, оставаясь русской, могла бы получать казенные французские деньги. Будем при этом пользоваться разномыслием ведомств и всеми подходящими аргументами, в том числе и теми, которые приведены в Вашем письме – протесте к Дюбоску.

По мере выяснения обстоятельств, буду сообщать Вам.

Дружески к Вам расположенный и уважающий,
Е. Ковалевский

11 августа 1930 г.

Многоуважаемый и дорогой, Михаил Михайлович.

4-го/07 состоялось Межведомственное совещание (представитель М[инистерст]ва ин[остранных] дел, М[инистерст]ва народного просв[ещения] и проф. Дюбоск'а, с одной стороны, и два русских проф[ессора]: Метальников и я, с другой).

Удалось одержать полную победу: станция остается Русской и носит имя А. Коротнева и деньги от М[инистерст]ва нар[одного] просвещения (от 120 до 150 тысяч фр[анков] в год) даются.

Супердиректором является Дюбоск и научное руководство Сорбонны, но Давыдов и Трегубов остаются, и наш комитет узаконивается как Comite de patronage et de perfectionnement. Станция получает пароход для более дальних плаваний. Послезавтра – в Villefrance, и оттуда напишу Вам.

Ваш. Е. Ковалевский

Письма С.И. Коротневой (Франция, Бессарабия)

4-го января 1925 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

давно я Вам не писала и не получала никаких писем. Мне не хотелось Вас беспокоить, т.к. знаю, что теперь у всех жизнь заполнена трудом, а со станции были сведения, что все идет хорошо и благополучно. Но теперь я в тревоге. Получила письмо от Ал[ексея] Тих[оновича] о том, что станции грозит новая беда, что большевики опять пытаются ее захватить, и почему-то на этот раз мне это кажется очень страшным и сердце сжимается тяжелыми предчувствиями. Как-то так чувствуется, что нигде Советам и их домогательствам нет настоящего сопротивления и для правительства вопрос о станции такой мелкий, по сравнению с другими! Обращаясь к Вам как к центру нашего комитета с просьбой сообщить мне поскорее, если можно, в каком положении дело, что Вы предполагаете делать, или что уже сделано, и на что Вы надеетесь? Я конечно не могу не сомневаться, дорогой Михаил Михайлович, что Вы такой старый друг станции, все сделаете, что только возможно, чтобы ее спасти… Но как? Мне кажется, что единственное спасение во французском секвесторе. Хотя это тоже только временная мера, но все же, хотя бы оттянуть, а там, даст Бог, что-либо изменится. В прошлом году во франц[узском]

Мин[истерстве] и[ностранных] д[ел] и в Морском обещали помочь в этом смысле, т.е прониклись мыслью, что станцию отдавать Советам опасно для Фр[анции], но что будет теперь, не знаю. Как бы ее не закрыли советы!… Не знаю, как Вы смотрите, но мне кажется, что если станция все- же будет уступлена Сов[етскому] пр[авительству], то было бы очень желательно, чтобы и Мих[аил] Мих[айлович] Дав[ыдов] и Трегубов и Ваш сын остались на ней, елико возможно. Т[а]к к[а]к, к счастью, во Франции Сов[еты] еще не могут их послать в Чека, то я думаю, что это жертва только моральная и необходимая для станции. Они могут воспрепятствовать тому, чтобы станция была обращена в очаг пропаганды или же базу для воздействия. Было бы желательно, чтобы Франция в данном случае, потребовала от Давыдова ручательства за его ответственностью, что на станцию для работы будут допущены только лица с серьезным ученым стажем и только для научной биол[огической] работы. Но ужасно, что Давыдов так стар, что является только ширмой, а не директором!!. Пишу все это, конечно, только на худший случай, если нельзя отстоять станцию иначе, и оставить ее у чехов, как до сих пор. Помогут ли чехи ее отстоять? Жду с нетерпением Вашего ответа. Крепко жму руку и желаю Вам всего наилучшего в Нов[ом] Году.

Искренне Вам преданная. С. Коротнева

11 февраля 1925 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

очень обрадовало меня, сообщенное мне на днях Метальниковым, известие, что Вы избраны председателем Комитета попечения о Виллафранковской зоол[огической] станции. Не могу Вам сказать, как меня трогает и радует отзывчивое отношение всех друзей мужа о его станции и как приятно, что в комитете оказались именно те лица, к[ото]рых он ценил и к[оторых]рых на станции давно знают. Мысль о станции и ее судьбе меня очень озабочивала все эти годы. Я так счастлива была, когда чехи ее взяли на свое попечение, и, казалось, что судьба ее была более или менее обеспечена. Теперь же, когда я приехала сюда и, в особенности, после свидания с Метальниковым, я убедилась, что еще далеко не все идет так, как следовало бы. Впрочем, старческая слабость Давыдова меня давно беспокоила, и я не раз писала Васильеву и Метальникову о том, что весьма желательно, чтобы комитет принимал более близкое и живое участие в делах станции. Давыдов, конечно, несменяем, и в силу своих заслуг и в силу своих законных

полномочий, и потому, что, конечно, станцию желательно сохранить с рус[ской] администрацией. Чехи до сих пор все вопросы о станции поставили очень великодушно и деликатно в отношении русских. Желательно, чтобы так сохранялось и дальше. Не знаю, какое впечатление произвел на Вас Трегубов? Работает он, несомненно, очень много, но человек он неприятный, неприветливый, неуживчивый и, боюсь, станция потеряет свою хорошую репутацию, если он один будет на ней распоряжаться.

Бедный Мих[аил] Мих[айлович] Давыдов совсем подпал под влияние Трегубова. Об устранении Трегубова, мне кажется, тоже не может быть речи, но очень желательно было бы, чтобы кроме него был бы на станции еще один рус[ский] зоолог, если бы было возможно это устроить. Конечно, это мог бы быть только человек очень непритязательный, т.к. материально хороших условий станция ведь не может предоставить. В апреле, на обратном пути в Бессарабию я заеду на несколько дней в Прагу, именно для того, чтобы с Вами поговорить, не будет ли возможности склонить чехов к тому, чтобы они Давыдова сократили, как почетного директора, и платили бы ему как бы пенсию, и разрешили комитету прислать еще одного зоолога. Но это пока еще только мечта. А пока мы с Метальниковым пришли к заключению, чтобы члены комитета почаще посещали станцию и ближе вникали в ее дела. Сейчас приехали работать чехи, надо было бы руководить работой молодежи, удовлетворять желания старших, принимать их радушно. Трегубов не поспевает, да и не умеет это делать. Давыдова надо поторопить с отчетом, который он никогда вовремя чехам не высылает. Метальников, по возвращении в Париж, собирался Вам обо всем этом написать, а пока переговорил с Васильевым. Я вчера получила письмо от Васильева, в котором он предлагает, по полномочию комитета, приехать сюда на месяц – полгода, чтобы навести порядок и помочь Давыдову. Мне кажется, это было бы очень желательно, т.к. Васильев станцию горячо любит, давно знает и может быть очень полезен. Расходы на поездку члена комитета мы с Метальниковым предполагали покрыть из прошлогодних оставшихся денег, которые чехи дали. Прошу Вас, если Вы согласны, сообщите об этом Васильеву или Метальникову. Простите, что беспокою Вас таким длинным письмом, но все дела станции меня так волнуют, что хочется изложить сразу все свои соображения. Конечно я не чувствую себя в праве вмешиваться в дела станции или комитета. Но единственно хотелось бы, что [бы] сам комитет больше вмешивался в ее дела, именно в лице Вашем, С.И. Метальникова и Васильева.

А как Вам живется, дорогой Михаил Михайлович? Я с грустью узнала здесь, что Вы и теперь очень страдаете от астмы. Страшно сочувствую Вам, т.к. и меня она не раз замучивала еще и не так давно. Однако два средства, несомненно, оказывали пользу. Одно – это йод внутрь небольшими дозами, а другое – еще более радикальное – это подкожное впрыскивание Evatmin'a. После двух–трех впрыскиваний – астма прекращалась. Если Вы не пробовали, и если и теперь астма вас беспокоит, то я могу привезти Вам коробочку Evatmin'a, когда приеду в Прагу.

Простите, что так грязно пишу. Ужасные чернила, а переписывать не хочется. Жму Вашу руку и желаю всего доброго.

Преданная Вам, С. Коротнева

9 августа 1925 г. (выборочно)

...Если на станции опять останутся только Давыдов и Трегубов, то дело у них опять пойдет плохо, и что вопрос о помощнике Давыдову должен быть решен в ближайшем будущем, т.к. в противном случае станция рискует когда-либо оказаться всецело в руках Трегубова, а он для этого человек совсем неподходящий. Я, надеюсь, Михаил Михайлович, что Вы поверите, что у меня нет абсолютно никакой личной неприязни к Трегубову, – со мной он всегда был очень вежлив и предупредителен – но все мои наблюдения над ним, привели меня к убеждению, что он может быть только хорошим ассистентом, и стремится и желает забрать станцию в свои руки и занять потом место директора. Мне кажется, что Вы совершенно правы, находя, что теперь преждевременно решать вопрос, кто будет заместителем Мих[аила] Мих[айловича] Давыдова...

Мне тоже очень жаль было узнать, и очень удивило, что Ал[ексей] Тих[онович] так обострил свои отношения с администрацией станции, что даже перестал бывать на станции. Очень буду рада, если Вам и это удалось уладить. Мне очень хотелось, чтобы моя вилла служила летним периодом моим добрым знакомым, и вместе с тем послужила косвенно и станции. Поэтому мне особенно приятно было узнать, что Вы себя на вилле хорошо чувствовали. Еще раз очень благодарю Вас за письмо. Всегда буду очень рада и благодарна, если Вы иногда поделитесь со мною своими мыслями о станции. Я всегда помню, как Вы много для нас сделали. Крепко жму Вашу руку и остаюсь – преданная и благодарная Вам,

С. Коротнева

С большим удовольствием прочла Вашу интересную книжку. Она как раз относится к тому кругу мыслей, которые меня интересуют.

15 (?) 1926 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Очень благодарю Вас за обстоятельное письмо со сведениями о станции. Хотя оно довольно печально, но все-таки не безнадежно и вот почему… если французы уже положили [непонятно], то бороться еще можно и спасти можно. Из Вашего письма я заключила… что чехи собираются договориться о ст[анции] и не давать денег нам, как раньше. Но дело в том, что я уверена, что французы все-же станцию большевикам не отдадут (разве только, если у них ком[мунисты] одержат верх, чего надо надеяться не случится), франц[узы] не могут ее дать в руки сов[етского] пр[авительства] ради самих себя. Этому воспротивилось бы и Воен[ное] и Морск[ое] ведомство ради безопасности государства. Следовательно, она, наверное… окажется под секвестором и сможет функционировать, если только будут деньги. А если денег чехи не дадут, то франц[узы] боюсь ее совсем прикроют, и отберут здание, чтобы не отдавать это место в руки вам. Не можете ли Вы об этом деле поговорить в Праге с теми, от кого это зависит. Ведь ясно, что если бы действительно фр[анцузы] договорились до передачи, то секвестра не положили бы. Лучше всего было бы проф[ессору] Немецу, если он еще в Париже, поговорить с фр[анцузским] администратором о возможности продолжения чешской аренды на прежних основаниях. Очень прошу вас, дорогой Михаил Михайлович, продолжайте всеми силами отстаивать эту точку зрения и не сдавайте оружия. Для меня ясно, что центр вопроса теперь в Праге. Очень прошу и пр[офессора] Ильина употребить все усилия, чтобы убедить чехов не рассчитывать на переговоры с академией.

Как печально, что такие люди, как Вернадский, уезжают в Россию и многие-многие еще (!!!), как говорят. Вспоминаю как Ал[ексей] Ал[ексеевич] (Коротнев. – *Т.У.*), когда возмущался чем-нибудь, что происходило в России до революции, с горечью добавлял «по Сеньке и шапка», будь мы другие – и правительство наше было бы иное!!!.

Крепко жму руку, прошу извинений, что надоедаю, и еще раз прошу бороться и верить в удачу. Так говорил всегда мой муж.

Преданная С. Коротнева

29 августа 1928 г.

Дорогой Михаил Михайлович,
очень, очень благодарю Вас за Вашу милую карточку с утешительными сведениями о станции… Я чувствую себя здесь совершенно оторванной от всего, что прежде заполняло жизнь. Но обстоятельства семейные и материальные препятствуют возможности побывать не только на станции, но хотя бы добраться до Праги и подышать более культурным воздухом. Добываю «хлеб насущный», занимаясь сельским хозяйством, чтобы извлекать доходы из небольшого участка земли, оставшегося после экспроприации. Не отвечала Вам тотчас же, потому, что с утра до позднего вечера проводила на молотьбе. Урожай у нас в этом году слабый. Жизнь в деревне имеет много прелести, но ужасно полное отсутствие культурных интересов. А как Вы поживаете, дорогой Михаил Михайлович? Все так же молоды и внешностью и душой. Как Ваше здоровье? – Не беспокоит ли астма? Как живется Вам с семьей на чужбине? Есть ли надежда возвращения на родину? Что Ваша молодежь? Буду Вам очень, очень благодарна, если Вы найдете свободную минуточку и напишите мне, когда-нибудь пообстоятельнее о станции и о себе. Пока, крепко, крепко жму руку и еще раз от всего сердца благодарю за Ваши заботы о станции.

Преданная Вам, С. Коротнева

без даты (выборочно)

Еще раз горячо благодарю Вас, дорогой Михаил Михайлович, за все, что Вы сделали для станции, и еще раз очень прошу Вас, среди всех Ваших разнообразных трудов и занятий продолжать Ваше попечение о ней, а главное, когда пробьет час всеобщего русского восстановления, не забыть, что Трегубов не есть достойный преемник моего мужа, и что станцию надо изъять из его рук.

Крепко жму Вашу руку. Преданная Вам, С. Коротнева

4 августа 1930 г.

Дорогой Михаил Михайлович,
я была бы Вам очень, очень благодарна, если бы Вы мне написали, в каком положении теперь дела Вил[лафранкской] станции и что там делается?

Я очень давно не имела никаких известий о ней, и это мне грустно. Давыдов слишком стар, чтобы писать, а Трегубов и во-

обще мне не писал никогда. Кто там теперь служит и кто работает? Когда Вы там были в последний раз, и какие впечатления вынесли? Давольны ли чехи? Мне все казалось, что Трегубов может их удовлетворить. Буду Вам очень благодарна, если Вы мне ответите на все эти вопросы. Я уже больше года страдаю очень тяжелыми припадками грудной жабы, после которых очень слаба и последнее время совсем не встаю с постели. Из газет вижу, что Вы как всегда, очень деятельны и энергичны, надеюсь, что из этого можно заключить, что Ваше здоровье хорошее. Жму Вашу руку, и желаю Вам всего доброго. Еще раз благодарю за заботы о станции.

Преданная Вам, С. Коротнева

Как будто занимается заря нового дня, когда можно будет возвратиться на родину, но для меня уже поздно.

15 апреля 1930 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

ваше письмо мне всю душу перевернуло! Меня страшно поразило это известие, хотя я давно знала об интригах Трегубова, но воображала, что опасность предотвращена, а также, что существует комитет и что станция под покровительством чехов. Еще в 21-м году, когда я в первый раз приехала после войны и застала станцию в ужасном виде, Давыдова, совершенно порабощенным безвольным орудием в руках Трегубова, и тогда уже Давыдов заговорил со мною о том, что станция погибнет, и что единственное, что остается – это передать ее французам. Я конечно запротестовала, и потом, когда станцией стали заниматься Серг[ей] Ив[анович], А.Т. Васильев и, наконец, Вы, я была спокойна, что этого не случится, но все же всегда боялась, что Трегубов погубит станцию. Михаил Михайлович, я так взволнована и так вообще больна теперь, что толково писать не могу, но не дайте, ради Бога, этому случайному человеку погубить станцию. Ведь он попал на станцию только временно, никогда в штате станции не числился и не имел права никому ее отдавать. Ваше обращение к Дюбоску вполне разделяю и сочувствую, но писать мне самой ему и Давыдову считаю делом безнадежным. Напишу только, чтобы исполнить Ваше желание. Напишу некоторым друзьям в Париже, но надеюсь только на Вас и Вашу энергию. Дорогой Михаил Михайлович, спасите станцию, во что бы то ни стало. Не можете ли Вы написать о ней Милюкову и Маклакову, мне кажется, что немного с ними французы все-таки считаются, особенно с первым.

Затем я читала в газетах, что будто Крамарж будет президентом Чехосл[овацкой] республики, нельзя ли его попросить через Немеца заступиться за нас. Впрочем, Вам не нужны мои советы, не сомневаюсь, что Вы и сами все сделали, что возможно.

Не странно ли, правда, что я вам написала как раз, когда станция оказалась в опасности? Точно Ал[ексей] Ал[ексеевич Коротнев] мне подсказал, что отнимаю его детище?

Крепко жму Вашу руку и искренне надеюсь на Вас.

Преданная Вам, С. Коротнева

Мне кажется, распустить комитет никто не вправе и, наоборот, комитет должен взять станцию и ее средства в свои руки и отказать Трегубову, или так повести дело, чтобы он сам ушел. Это следовало давно сделать. О 60 фр[анках], полученных через французов, я и понятия не имела. Поздравляю Вас со Светлым Праздником и желаю Вам всего наилучшего.

21 мая, б/г
(предположительно 1930)

Очень благодарю Вас за сведения о Виллафранке, хотя пока они еще не очень утешительны. В свою очередь, считаю необходимым переслать Вам уже совсем неутешительное письмо Давыдова. По стилю и тону письма для меня совершенно ясно, что писал не он, а Трегубов, а Давыдов только покорно переписал. Вы сами увидите, сколько в нем неправды.

Посылаю его Вам, потому, что для борьбы всегда надо знать, что делается во вражеском стане. Но, Боже, как тяжело это, когда свои же – русские, здесь за рубежом, становятся врагами! По письму Давыдова я не сомневаюсь, что Трегубов использовал все средства, чтобы погубить станцию, вплоть до того, что раздул теперь историю со Шнейдером [ассистентом], к[оторы]й ушел со станции, когда началась война, и к[ото]рый, конечно не был шпионом, а совершенно больным юношей, умершим несколько лет спустя.

И все же я не теряю надежды, что Вам удастся, что-либо сделать. Боюсь только, что до осени, когда будет съезд ученых, Трегубову удастся устроить что-либо непоправимое, т.е. легализовать станцию как фран[цузское] учреждение. А как чехи? Нет ли надежды, чтобы они ее опять взяли на свое попечение, хотя бы временно, отпуская небольшие средства, только бы она не попала в руки Трегубова окончательно. Еще раз, дорогой Михаил Михайлович, прошу Вас, среди всех Ваших дел и забот, не забывайте

станцию и приложите свою энергию для ее спасения. Еще раз благодарю.

Преданная Вам, С. Коротнева

Простите, что такое грязное письмо, я больна и пишу с трудом.

М.М. Давыдов – С.И. Коротневой

10 мая 1930 г.
(прикреплено к предыдущему)

Дорогая Софья Ивановна.

Я очень удивлен Вашим письмом и в особенности тем, что Вы меня упрекаете в какой-то добровольной передаче станции французам. Из Вашего письма мне видно, что сведения, сообщенные Вам Новиковым, совершенно не точны и неправильно освещают положение дел, приписывая мне довольно некрасивую роль. В качестве законного директора станции, составляющей русскую государственную собственность, я никогда не считал, что имею какое бы то ни было право, моральное право или юридическое, располагать ею по моему усмотрению, а поэтому никогда никаких шагов не предпринимал и не буду предпринимать для передачи ее, кому бы то ни было, будь то чехи, французы или русские. Да, кроме того, если бы мне и пришла в голову такая дикая идея, то она была бы абсолютно неисполнима по той простой причине, что станция, как русское государственное имущество, находится под французским правительственным контролем, без ведома и согласия которого, я не имею права предпринимать, каких бы то ни было шагов, имеющих целью изменить настоящее юридическое положение станции (согласно судебному предписанию и правительственному декрету от 22 октября 1924 года, присланному мне на мое имя).

Проект перехода станции к Франции возник во французских правительственных, а не научных кругах, совершенно самостоятельно и моего мнения не спрашивали, да и не будут спрашивать, так как станция мне не принадлежит. Идея же эта возникла из-за притязаний на здание, принадлежащее Франции, которое она может отобрать в любое время простым декретом как свою собственность, со стороны военных властей, неоднократно уже возбуждавших ходатайство об этом со времени окончания войны. Эти притязания удавалось временно отсрочить, благодаря ходатайствам французских ученых, ставивших на вид необходимость сохранения станции, как таковой, ввиду исключительно

богатой фауны бухты. Теперь положение станции выяснилось окончательно, в том смысле, что здание никогда (по требованию военных властей), не будет передано иностранному правительству (русскому нынешнему или другому, каково бы оно ни было) из-за невозможности присутствия иностранной власти на военной территории, так как условия довоенные никогда не вернутся. О станционном имуществе, принадлежащем России, позаботится секвестор, по требованию которого, сделаны для него копии инвентаря, если здание будет превращено в лазарет. Если же, как хлопочут французские ученые, станция будет, возможно, только под французским контролем. Само собой разумеется, права России на движимое имущество будут сохранены секвестором до окончательных расчетов с ней. Вот настоящее положение дел, о котором я был осведомлен одновременно с Метальниковым в Париже. Само собой понятно, что если бы французскому правительству пришла в голову мысль запросить частным образом, что я предпочитаю: сохранение станции как научного учреждения, хотя бы и под французским контролем, или превращение ее в казарму, то выбора здесь быть не может; и я полагаю, что одинакового мнения со мной будут все, кому дорого существование научного учреждения, на которое и я лично положил больше половины моей жизни. Другого выхода нет, и как ни тяжело это положение, вина во всем этом не моя.

Я и жена шлем Вам сердечный привет с пожеланиями всего хорошего.

Михаил Давыдов

б/д (предположительно после 1930 г.)

Дорогой Михаил Михайлович,

простите, что так не скоро отвечаю Вам на Ваше письмо – у меня была сильная тропическая форма малярии, после которой я настолько ослабела, что совсем писать не могла. На Ваш вопрос о картинах мужа, оставшихся на станции, скажу Вам, что я конечно, очень сочувствовала бы тому, чтобы они находились в Музее рус[ской] культуры, при условии, чтобы они были, в случае возвращения станции России, были возвращены непременно на станцию, а в случае восстановления России, в Россию, в Киев[ский] музей, где были оставлены мужем часть его картин. Но надежды на то, чтобы удалось получить картины со станции, у меня нет. Дело в том, что несколько лет тому назад, я писала Трегубову просьбу, ввиду того, что по его словам картины портились от сырости, отдать некоторые из них на хранение Метальникову –

на это Трегубов ответил, что картины внесены в официальный инвентарь станции, и что поэтому это невозможно. Вы пишите, чтобы не упоминать Вашего имени, т.к. Вас не любят за протесты против захвата станции, но ведь и я в том же положении: и я посылала через Евг[графа] Петр[овича] Ковалевского протест в комитет станции, куда входил Дюбоск. И Трегубов меня давно не любит, т.к. давно и мне был очень антипатичен, и прекрасно это чувствовал, и знал, что я против его тайных планов передачи станции в другие руки. Вы представить себе не можете, как мне больно думать о станции теперь. Я попробую, когда буду себя лучше чувствовать, через Метальникова обратиться к Дюбоску по-фр[анцузски], но уверена, что из этого ничего не выйдет. Жаль, что Вы о себе ничего не пишите: о Вашем здоровье и том, как Вам живется, но меня радует, что я вижу и из письма, и из газет, что у Вас энергия работать не иссякла и общественная жизнь не заглохла, как у [некоторых?]. Это меня особенно радует, т.к. мне кажется, что приближается срок, когда Вы ее опять сможете приложить на родине, а не только в эмиграции. Самоистребление большевиков идет довольно быстрыми темпами и тогда Бог окончит их власть скорее, чтобы все могли надеяться... На всякий случай, напоминаю Вам, что доказательство того, что вся территория станции и здание были уступлены в бессрочное пользование России Сардин[ским] правительством – находятся в архиве в Турине. Почему-то у меня осталась в душе иррациональная надежда на то, что станция вернется когда-нибудь в прежние руки, и тогда-то я бы желала, чтобы желание мужа исполнилось целиком и относительно картин. Жму руку и желаю всего, всего доброго.

С. Коротнева

б/д (предположительно 1933 г.)

Дорогой Михаил Михайлович,

не знаю, как Вас благодарить за Вашу интересную в высшей степени ценную книжку. Вы и представить себе не можете, как я была тронута тем, что Вы меня вспомнили, и какое удовольствие доставило чтение этой книги. Так важно было все это зафиксировать, и так это четко и содержательно изложено, что не может не произвести впечатления. Очень для меня было важно и волнительно прочесть странички о Виллафранковской станции и особо благодарю Вас за них. Как раз недавно высказывала одним знакомым сомнение о том, что все отчеты станции, весь печатный

материал о ней остался в России или на станции, и страх, что трудно будет современникам, когда наступят сроки, ее отстаивать. У меня какая-то мистическая вера, что станция когда-нибудь вернется России. Очень больное место в моем сердце, что сейчас она совсем захвачена. Я так никогда и не узнала, дошел ли до французов мой протест против ее захвата, мне кажется, что Метальников и Ковалевский его не передали, но ни секунды не виню их в этом. Все равно это бы ничего не изменило. Очень интересна работа Метальникова об иммунитете и Ваша работа о новом методе сравнительно анатомических исследований и о закономерностях развития форм органов, коренящаяся в самых глубинных основах живой материи. Такие работы особенно интересны более глубоким, философским проникновением в природу.

Я так далека теперь от всякой мыслимой науки, искусства, всего, чем жизнь красна. Живу очень будничной жизнью, помогаю племяннице воспитывать славных ребят, и на этом мой горизонт кончается. Чувствую себя старой, старой, большей частью и ничего интересного ни сказать, ни написать не могу. Все более странным и непонятным мне кажется все, что делается на всем свете, и все люди, к[ото]рые теперь правят и направляют судьбы мира!!

Как Ваше здоровье? Мне от астмы очень помогает эфедрин и кардиозол-эфедрин и еще – эфетонин.

Всего, всего хорошего желаю Вам, дорогой Михаил Михайлович, главное – побольше сил и здоровья для продолжения такой плодотворной работы.

Искренне преданная, С. Коротнева

1. А жалко только, что Вы не упомянули, что здание станции было уступлено России Сардинским правительством, и что междунар[одные] трактаты упоминают об этом в архивах Турина.

2. Каким жуликом оказался Дюбоск(?), который жил на моей даче, но, уходя, устроил на ней погром, все, что мое, испортил и завалил обломками сад, многое украл, не платил 3 года ни мне, ни налоги, теперь я продала часть мебели и картины (заочно) и боюсь, что за налоги продадут и саму виллу, на ремонт денег нет, а она в таком виде, что никто не берет.

Преданная Вам, С. Коротнева

Письмо биолога из Кракова (Польша)

7 августа 1928 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Вчера только, вернувшись из недавней поездки в Пронин, где живет на даче моя семья, получил Ваше письмо, доставленное сюда из Кракова. Первое Ваше письмо также получил, но на него не ответил, вовсе не из своей пресловутой «неаккуратности» в письмах, а потому, что благодаря сезонным условиям и отъезду некоторых лиц из Кракова, ничего толком сделать и узнать не удасться. Приходится все предприятие отложить до осени, когда все будут в сборе. Полагаю, что это время будет самым подходящим для окончательного решения вопроса еще и потому, что осенью Академия наук всегда располагает большими денежными средствами, притекающими из ее больших имений.

Так же точно, когда приедет Годлевский, – постараемся оказать некоторое влияние на дело с Рокфеллеровской субсидией.

Надо только мне знать, в какой стадии находятся хлопоты о ней. Во всяком случае, осенью обещаю Вам заняться энергично делами станции, что мне будет легче сделать. Благодаря знакомствам с президентом и генерал[ьным] секретарем А[кадемии] н[аук].

Вопрос об аренде мест на станции принципиально уже решен. Так меня уверяли Гойер и Седлецкий. Все дело теперь заключается в том, чтобы ввести эту аренду в бюджет след[ующего] года. Будем стараться (хотя это сразу может не удастся), чтобы кредиты на аренду, были включены в т[ак] наз[ываемый] <u>постоянный</u> бюджет, т.е. не на год, а на большее время.

Пока это все, что могу сообщить. Сам я очень стремлюсь приехать в Villefr[anche], но вряд ли мне удасться приехать раньше, чем в след[ующем] году. Я очень связан в этом году некоторыми работами с Подгалем (это горная страна у подножия Татр), а затем с одним большим хоз[яйст]вом в Западной Малопольше, где у меня поставлены опыты. На след[ующий] год постараюсь устроить себе свободное лето и тогда приеду в Виллафранку. Прошу на меня не обижаться за то, что не ответил на Ваше первое письмо сразу. Вы ведь тоже не всегда отвечаете на мои письма и, как видите, из дружеского тона моего письма, я на Вас не обижаюсь нисколько. Два слова о себе и моей семье. Мы с женой здоровы и, к сожалению, давно вместе весим 200 кило, т.е «намного много». Оба совершенно уже [непонятно] акклиматизированы и заняты каждый своим делом. У меня его, помимо университетских дел, – много, не столько от российской привычки «разбрасываться»,

сколько от необходимости. Правда все тесно связаны с моей специальностью и потому часто трудно бывает разграничить – где кончается наука, и начинается «практичная деятельность». Дети учатся – сын во 2 кл[ассе] классич[еской] гимн[азии], дочь (ей уже 19 лет) перешла в 8-й класс. Как видите, все течет [непонятно] – мы понемногу стареем, а молодая поросль подрастает. Все мои шлют Вам привет. Будьте здоровы и благополучны.

Искренне Ваш [подпись не разборчива]. Прошу передать привет М.М. Давыдову и Г.С. Трегубову. Если Метальников тоже в Vilfr[anch], то сердечный привет и ему. А не слышно ли, где А. Т. Васильев?

Письма Г.С. Трегубова (Вильфранш-сюр-Мер, Франция) – М.М. Новикову

6 апреля 1924 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

пересылаю Вам в этом конверте письмо, только что пришедшее для Вас, и по этому поводу позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, если это Вас не затруднит, то подарить и переслать мне конверт целиком. На нем есть темная и авиационная марки, которых у меня нет, и достать их мне очень трудно, не имея почти связей в России. Очень Вам буду за это благодарен и постараюсь всячески отслужить.

Пишу Вам также еще и по другой причине, чтобы сообщить о ходе наших дел со станцией. Мой бывший патрон по Montpellier, проф. Дюбоск очень горячо отозвался на мое письмо. Он был как раз в Париже, повидался с одним очень влиятельным лицом – проф. Perrier, сенатором, который взялся за нашу защиту в Ministere des Affaires etrangeres. И от себя сверх того должен был написать префекту в Ниццу, чтобы recevour'у дали соответствующее внушение. По словам Дюбоска, мы можем спать спокойно – на станцию не посягнут. Тем лучше. Давыдова я вызвал, он здесь и мы со своей стороны через консульство подали заявление в префектуру. Так что пока спокойно, а главное есть рука хорошая в Париже. Поэтому я написал комитету, что хлопот от него в министерстве пока можно не разводить, и чехов ставить на контракт пока тоже не следует.

Вот пока и все новое. Давыдов Вам кланяется; открытка Ваша м-м Кортневой отправлена. Хорошо ли отдыхаете и получили ли то, что я Вам отсюда переправлял.

Преданный Вам Гр[игорий] Трегубов

22 ноября 1925 г.

Дорогой Михаил Михайлович,
простите, что задержался так с ответом на Ваше последнее письмо. Но хотя сейчас на станции и нет никого, но масса была возни по приведению станции в порядок, а затем по оборудованию лодки и всякого рода ловлей с ней. Теперь по добыванию пелагического улова у нас получается разница, как небо от земли, в сравнении с тем, что было в прошлом сезоне, и это несмотря на то что мы похерили 2-го рыбака Виктора, который последнее время ничего не хотел делать и с утра был всегда пьян. На него выходило около 300 ф., в месяц, т.е. 10 ф. в день, а он за утро в лучшем случае приносил 20 [непонятна мера измерения] Pagendrobus, которыми в бухте хоть пруд пруди. С начала ноября его, в смысле получения жалования, заменил Влад[имир] Мих[айлович][2] и будет пока получать 300 ф. в месяц, в нашем бюджете от этого получится даже экономия и смета в отношении жалования не превысится. А когда уладятся дела с Польшей, тогда можно будет подумать и о повышении [жалования] всем служащим, как говорили, так как жизнь дорожает с каждой неделей.

Меня больше всего радует установка новой помпы...⟨...⟩ Мих[аил] Мих[айлович] просил меня передать Вам и поблагодарить проф. Nemec'а за пересылку им 10.000 fr., которые получены были им 13 ноября, т.е. неделю тому назад. Из них, как было условлено, 600 fr. я занес на счет лодки, а 4000 войдут в общий бюджет, ввиду того, что помпа проведена будет по общему бюджету, т.е. приход на это полугодие выразится в сумме 29 000 fr. ⟨...⟩ От Hykel'а получил уже 2 его работы (по 50 оттисков) для будущих трудов станции. Возвратные деньги от чехов и пр. понемногу начинают поступать – им ведется особая отчетность. В следующем письме я Вам пришлю счет за пересылку. Кроме того, мне хотелось бы знать, надо ли делать счет в ураторий за посланный ему материал и на чье имя. Пожалуйста, напишите мне об этом. Мы для Вас приготовили рака с актинией, голотурию, но пока не имеем электрического ската. Не нужно ли Вам чего еще? Carmarina пока не встречалась, пелагический сезон еле начинается.

Со следующим письмом пришлю Вам лист с изданиями, которые было бы желательно пополнить для библиотеки. К сожалению, это все почти немецкие периодики, за исключением Zoological Record, нескольких английских и американских журналов. Не будут ли на это чехи в претензии? Во всяком случае, я выпишу в порядок, в котором работающие их у нас спрашивают,

а там Вы сделаете подходящий для чехов выбор. Лист этот постараюсь Вам отправить до 1-го декабря.

Вот кажется и все новое на станции. Надеюсь, что Kormek Вам наконец-то удосужился передать фотографии. Не хотелось их слать почтой, но лучше было бы их Вам отправить прямо. В этом письме прилагаю маленький снимок с негатива prof. Vrojak'a [непонятно], изображающий наше возвращение с драгировки. С тех пор «Ciona» получила много изменений. Когда будет закончена установка, я сделаю большой снимок и Вам его пришлю.

Сын Ваш парень очень ловкий и для станции – клад, заменяет не только уволенного Виктора, но, пожалуй, и обоих наших старцев.

Однако я расписался. Мих[аил] Мих[айлович] и жена просят Вам передать их сердечный привет.

Преданный Вам. Гр. Трегубов

21 декабря 1925 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Приготовился писать Вам это письмо, как только что получил Ваше от 17-го, на которое немедленно же и отвечаю.

Позавчера, через здешнего huirsier пришло на имя Давыдова заявление, от м-р Jaudon, Administrateur proviso ire des bieusrustes eu France, 57 Rue de Varrenne, Paris (7-e), что по постановлению Сенского суда, он назначен (еще в прошлом году) администратором русского имущества во Франции и что на этом основании Давыдову запрещается «делать акты административные или продажные» без его ведома. Другими словами, что на станцию налагается секвестр, как на русское государственное имущество. Если помните, то во время Вашего пребывания здесь, я Вам говорил о возможности этого, причем даже прибавлял, что по закону Давыдов ответствен за незаявление в срок о станции как государственном имуществе. Но тогда было «героическое» время комитета, когда некоторые члены его мечтали и считали возможным превратить комитет в юридическое лицо, и Давыдов, конечно, о секвестре добровольном не хотел и слышать, а по обычаю решил дожидаться, что будет. Теперь дождались. Ввиду того, что заявление Jaudon явилось для нас все же неожиданно и вместе с тем не дает нам никаких указаний о том, может ли станция продолжить функционировать, то мы составили на имя Жадон'а записку, в которой, не отрицая, что станция принадлежит русскому госу-

дарству, изложили ее теперешнее состояние с указанием, что в настоящее время станцию поддерживает чешское правительство путем найма рабочих столов, причем, конечно, подчеркнули, что дело идет о простом найме рабочих столов, а не об аменации прав на станцию в ущерб русского государства. Вместе с тем просили указать, какие обязанности налагает на дирекцию нотификация секвестра. Одновременно с Вашим письмом пишу и профессору Duboscq'у с просьбой разузнать в Париже в правительственных кругах в чем здесь дело – простой ли секвестр на станцию, так называемый консервативный, не мешающий ее функционированию, или дело идет о скорой передаче большевикам, и каков взгляд на это французского правительства. Само собой понятно, что как только получатся какие-нибудь известия, я немедленно уведомлю обо всем этом Вас.

Что же касается опасений чехов на будущее полугодие, то оно мне кажется странным, так как ведь нет речи о немедленной сдаче станции. С другой же стороны, вряд ли даже и большевики поставят в укор станции сдачу ее рабочих мест в наем, так как по стандартам станции она имела это право всегда делать. Между тем финансовое положение станции Вам известно по моему последнему заказному письму, т.е. что, во-первых, весь этот месяц станция живет в долг, на свои личные средства. Кроме того, как об этом я Вам уже давно говорил, в первых числах января придется заплатить за выписанный спирт, формал и пр. Около 1000 ф. (у нас на станции всего 7 литров), а также около 900 ф. за починку старой помпы, так как при нормальном ходе дела не было никакой возможности полагаться на одну лишь в постоянной работе, хотя она и новая. А ведь все это было сделано согласно нашим сметным предположениям, когда о нынешнем казусе не думали, для того, чтобы лаборатория жила исправно. Если проф. Немец зевернет в Вильфранш, то мне кажется что это будет полезно в предвидении худшего, так как надо будет установить как поступить с инвентарем, приобретенным на чешские деньги, ввиду того, что в договорах об этом не говорится. Да, кроме того, понятно само собой, что многое – реактивы, книги и пр. не может идти в счет. Вот пока и все. На станции все по-старому, работающих нет никого и никого даже пока не предвидится. Холодно, буря и дожди. Жена и все Вам кланяются и шлют наилучшие пожелания к новому году.

Преданный Вам, Гр. Трегубов

Получили ли фотографии от Кормека?

6 января 1926 г.

Дорогой Михаил Михайлович,
из моего последнего письма, которое разминулось с Вашим заказным, Вы знаете о нотификации Давыдову секвестора со стороны французского правительства, а также о предпринятых мною шагах в целях выяснения положения (письмо к администратору, а также к проф. Duboscq'у и при его посредстве у сенатора Perier'а, теперешнего министра, который станции уже помог один раз в затруднительном случае. В этом же письме были главнейшие ответы на Ваши запросы, поэтому, чтобы не повторяться, я пока задержался с подробным ответом на Ваше заказное. Делаю это теперь, так как положение постепенно выясняется.

Прежде всего, от проф. Duboscq'а получил ответ на мое письмо. Он его прямо переслал Perier'у (так что тот теперь как министр в полном курсе дела) с просьбой сделать все возможное, чтобы выяснить положение, а также отношение французского правительства в этом вопросе. К сожалению, вся эта история случилась во время каникул [непонятно], когда Perier уезжал из Парижа. Duboscq обещал мне немедленно препроводить ответ Пьерра, как только он получится. Кроме того, он сам, числа 15-го января едет в Париж и мне пишет, что употребит все свои усилия, чтобы в личных переговорах это дело было устроено в наиболее благоприятном смысле для станции. По мнению Duboscq'а, эта история может тянуться столько же, если не больше, что и история с врангелевским флотом. Но это увидим в ближайшем времени, сообразно ответу Пьерра.

Затем, вчера Давыдов получил ответ от Jandon на наше к нему отношение по поводу нотификации секвестора. Он очень короток и для нас вполне благоприятен. Выписываю его дословно. 〈…〉.

Таким образом, дело сводится к простой формальности, к консервативному секвестору, ввиду того, что станция и все ее содержимое является русским государственным имуществом. Если припоминаете, что летом я Вам об этом говорил, прибавляя, что по закону Давыдов подлежит таки ответственности за необъявление государственного имущества. Это в конце концов и произошло. Очень возможно, что это даже пока к лучшему, так как после официальной нотификации (секвестора), законная администрация станции без разрешения французского правительства, не имеет права передать станцию никому, даже русскому правительству, каково бы оно ни было, до выяснения или общей участи русских имуществ во Франции, или до частичного разрешения вопроса о станции только. А об этом последнем скоро

должно быть будем осведомлены. В моем предыдущем письме к Вам, излагая вкратце записку Жадона (на фр.) от имени станции, я Вам сообщал, что мы поставили в известность секвестр о том, что станция поддерживает свое существование, исключительно благодаря помощи чехословацкого правительства, путем наема рабочих столов, каковой разрешается дирекции станции ее статутами, утвержденными до войны русским правительством, и что, следовательно, это является актом нормальной жизни станции. Из ответа Жадона не истекает никаких запрещений к нормальному ходу жизни станции, следовательно, не может быть и никаких препятствий со стороны Академии Праги к высылке нормального бюджета до июня. Лишь в крайнем случае, если бы (конечно это предположение), пришлось бы возобновить конвенцию с Прагой, то мне кажется, может быть для формы пришлось бы уведомить секвестора об этом. Но несомненно, что это было бы лишь для формы, так как препятствий не представилось бы и их можно при помощи Пьерра всегда обойти, если бы они и были.

Так что пока, мне кажется нет особенной даже надобности в приезде проф. Немеца (по-русски) в Виллафранку специально ради этой цели, если у него нет другой.

Вчера же Давыдов получил через credit-hy… [непонятно] 10 000 фр., высланных проф. Nemec'ом , о которых Вы мне писали, и поручает мне просить Вас поблагодарить за них проф. Nemec'а.

Мы должны также очень Вас поблагодарить Михаил Михайлович, за Ваше заступничество перед кураторием относительно повышения жалования персоналу, а также и проф. Немецу. Согласно Вашим указаниям, это и сделано к декабрю месяцу по указанному Вами размеру в 30%, т.е. 765 ф. (так!) в месяц на весь персонал. Прибавки выразились таким образом в круглых цифрах. Давыдову – 300 ф., мне – 250, V. Novikoff – 100 (он получает теперь 400 ф.), рыбаку – 50, прислуге – 50, и консьержке – 15 ф., всего 765 ф. Это было совершенно необходимо за последние месяцы, так как бюджеты сводились у всех с дефицитами и жалованье приходилось выплачивать по просьбе служащих за 8–10 дней до окончания месяца. Теперь всем будет легче и большое спасибо Вам еще раз за это.

Мне кажется, что Вашему сыну в настоящее время, на всем готовом, даже стирка его делается, обернуться будет легче. Но это конечно, вопрос субъективный и зависит от образа жизни.

В настоящую минуту я занят перепиской отчетных листов за 6 месяцев и к концу недели эта работа будет закончена, и листы

будут Вам отосланы. С ними же я перешлю Вам, как Вы пишите, и фактуры для куратория и Prof. Nemec. Из лодочных средств осталось неизрасходованными 94 fr. Я постараюсь их истратить на лодку же, в противном случае, отнесу куда-нибудь в приход. В отчете за лодку придется представить только копии документов, так как оригиналы нужны для морской администрации.

Как только кончу отчетность и ее Вам отправлю, то займусь Вашими водорослями, чтобы отправить вместе с коллекцией (не нужно ли Вам еще что-нибудь из пелагических?), так как Вашему сыну я прочел все, что его касалось из Вашего письма, но водорослей он еще не удосужился приготовить.

После отвратительного декабря у нас стоит великолепная погода, много пеллагических животных, и, как на грех, никого из работающих.

Жена и Давыдов шлют Вам наилучшие пожелания на новый год.

Преданный Вам, Гр. Трегубов

14 июня 1926 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

ваш сын передал мне Ваше письмо, и мы очень рады Вашему скорому приезду. Мы... задержим [непонятно] для Вас большую комнату, выходящую в сад, и надо надеяться, что, быть может, в этом месте Вам будет легче. Хотя погода у нас стоит сейчас отвратительная – дожди и удушье, совсем не по сезону.

На днях Давыдов получил письмо от Ильина с извещением о его намерении приехать на станцию с женой на 3 ½ месяца и с длиннейшим списком реактивов и посуды, которая понадобится для его работы. Реактивы у нас имеются почти все, хотя и не в таких количествах, как он указывает... Что же касается посуды мерной – колб, бюретт, то на станции ее почти что не имеется и я не знаю, как с ней быть. Она безумно дорога, финансовое же положение станции Вам известно. Те, кто работали по этим вопросам раньше (Ullchla, Petrin и др.), – бюреты и пр. привозили с собой, так как это вещь очень субъективная. Я ему обо всем этом напишу по поручению Мих. Мих., но предупреждаю об этом и Вас. Кроме того, ввиду Вашего ожидаемого приезда раньше, чем Ильина, это можно будет обсудить еще и здесь. Во всяком случае, мы сделали все возможное, чтобы насколько возможно лучше обставить ему работу. Очень жаль, что выходит такая задержка с заместителем Вашего сына. Мы его ждем с нетерпением, так как

Ваш сын томится на станции уже несколько месяцев и мечтает только об уходе.

Что же касается юридического положения станции, то новостей у нас нет никаких. Вопрос этот обсуждаться специально и раньше общего урегулирования франко-советских отношений не может. Важно только одно, о чем я писал Вам и раньше. Было бы интересно, в особенности, если Вы будете в Париже с проф. Немецом, позондировать почву в следующем отношении. Как я Вам писал, большевики запросили о передаче им в собственность здания, в котором помещается станция. Это их желание удовлетворено не может быть ни в коем случае. Поэтому может представиться случай, если будет соглашение с советами вообще, передадут им станцию на том же основании, что и до войны. Здесь никакого разговора дальше не может быть. Но этот исход в высшей степени маловероятен без каких нибудь... [непонятно] ограничений. Возможен и другой исход, т.е. чтобы не дать устроиться большевикам на военной территории, здание будет попросту отобрано французским правительством, как ему принадлежащее. Здесь, по-моему, самая большая опасность для существования станции, и, быть может, чтобы избежать этого, было бы интересно влияние чешского правительства, ввиду интереса, который оно обнаруживает в отношении станции. Интересно было бы позондировать почву в этом отношении. Так как возможно, что большевики очень большого интереса к станции и не обнаруживают, ввиду наема ими 4 столов в Неаполе. Там сейчас находятся Северцев, Шевяков и ждут в скором времени Кольцова. Эти последние сведения мы имеем от М-м Dohm, которая не так давно проездом зашла на станцию.

Вот пока и все новости. О станционных делах писать сейчас не стоит ввиду Вашего скорого приезда на станцию.

Давыдов и жена Вам кланяются.

Преданный Вам Гр. Трегубов

10 августа 1926 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

письмо Ваше через D-r Breinl получил, равно как и посылку, которую передал Вашему сыну. Наши письма наверно разминулись, так как я ответил Вам на все Ваши вопросы немедленно по получении 14 000 фр. от академии.

Ваш сын не так давно мне заявил, что он хочет покинуть станцию, ввиду недостаточности, по его мнению, вознаграждения.

Относительно замещения его Штерном, да еще при условии оплаты его, помимо станционного бюджета, возражений, конечно, с нашей стороны быть не может. Самое главное для нас, это, чтобы он был согласен исполнять обязанности механика на лодке. Это для правильности работы абсолютно необходимо. Кроме того, конечно, он нам будет очень полезен и благодаря своей специальности, так как один я не могу управиться со всеми заказами и сборами материалов. Ваш же сын мне в этом подспорья никакого не оказывал, так как это его не интересует. В этом мне кажется скорее надо искать выход для некоторого подспорья станции в денежном отношении, чем в плате за место. Посторонних у нас бывает очень мало и, какую бы планку за место ни поставили, это в лучшем случае даст несколько сот франков в год. Поставите большую плату – никто не поедет, так как французские станции не берут ничего. Малая же – не даст никакого подспорья при нынешних ценах на все и дороговизне. Но этот вопрос легче всего будет обсудить во время Вашего скорого приезда. У нас действительно работает один поляк. По специальности реактивы он привез с собой и на станции не живет. Да и в высшей степени трудно кому-нибудь оплатить жилое место. Кураторий нас не предупреждает заранее, как мы просили, о том, скольким выдана стипендия на приезд. Многие же, в особенности из приезжающих в первый раз, сообщают об этом лишь за несколько дней до приезда. Так было и на этот раз. Хорошо еще что Jamal поместился в Hotel, так как иначе ему для… [непонятно] не было. Все занято и надолго. Так что приезд Штерна необходимо отложить до первых чисел мая. После 15-го у нас освободится комната Prof. Wenig'a ? но она уже обещана Hykel'y, которому пришлось задержать свой приезд до этого числа, ввиду того, что станция битком набита. Если освободится место ранее, то я, конечно, Вам об этом немедленно сообщу, так как чем скорее он приедет и будет поставлен Вашим сыном на контракт, тем, конечно, лучше.

О станционных делах нового нет ничего, да и о самой конференции ничего не слышно. Я узнал только частным образом, что большевики запросили передачу им станции и самого дома в собственность, что явная глупость, так как здание и земля России никогда не принадлежали. По этому случаю, в Ницце в префектуре делалось... [непонятно], причем оказалось, что нигде никаких бумаг, удостоверяющих даже только право пользования Россией дома, занимаемого станцией, не оказалось. Ясно, что французское правительство на передачу ни в коем случае не пойдет.

Но нового чего-нибудь положительного на счет станции не имеем до сих пор.

Мы очень будем рады Вашему приезду, так как возможно будет обсудить кой-какие детали жизни станции и ее финансовое положение, которое, как Вам известно, не блестяще по причинам, о которых я Вам писал в предыдущем письме. Кроме того, мне хочется переговорить с Вами об одном щекотливом вопросе – увозе целого ряда брошюр из библиотеки в октябре прошлого года по одному вопросу. Но об этом в письмах неудобно, да и долго писать, гораздо будет проще об этом переговорить во время Вашего пребывания. Я же могу точно определить дату, ввиду периодического пересмотра библиотеки перед большими наплывами. Гнусность страшная.

Вот, кажется и все. Работа интенсивная сейчас, начинаю немного уставать. После 20-го, надеюсь, спадет. Жена и Давыдов шлют Вам привет

Преданный Вам, Гр. Трегубов

11 сентября 1926 г. (выборочно)

... Весь август станция была переполнена – работало 4 чеха из Праги, помимо прежних. Кроме того, Ваш сын продолжал занимать комнату и покинул ее лишь 1 сентября. Сказавши мне, что он нашел комнату по линии службы, где-то на Сюр Ферра, где он служит садовником. На этом основании в августе госпоже Дрониан мы не смогли предоставить жилого помещения. Совершенно неожиданно для нас, списавшись лишь с Грабовским, она заявилась на станцию. Но тогда выяснилось, согласно представленному ею листу, что у нас нет ни реактивов, ни посуды, ни инструментов, необходимых для анализов, что, конечно, мне было известно заранее, о чем я ее предупреждал еще когда она была возле [непонятно] Парижа. Так что ей пришлось оставить идею «поработать» на станции, ввиду того, что все сводилось к «экономической виллежиатюре» на станции, нежелательной во многих отношениях, хотя бы и просто в экономическом. О ней, кстати, Вам расскажет В.С. Ильин, который с ней имел разговор. Сейчас на станции живет 8 человек, не считая 3, что должны приехать на днях (из Праги). Из посторонних чехам у нас только проф. Бердников из Парижа, Институт Пастера.

С.И. Метальников на станцию не приезжал, но от него была на днях открытка, где он просит прислать для американцев удостоверение о будущем обозначении со стороны чехов и поляков! Относительно последних, я имел 3-го дня письмо Пруффера,

в котором он мне сообщает, что делал раппорт в министерство о станции и о… [непонятно], но что ему сказали, что это абсолютно невозможно, ввиду финансового положения Польши. Там идет полное сокращение штатов – из одного Виленского университета уволено за полгода 30 служащих с университетским цензом. Так что рассчитывать на нее не приходится. Между тем, станция тратит в месяц минимум 4500 фр., что составляет 54 000 фр. в год, без всяких побочных расходов на реактивы, книги или посуду. Эта цифра средняя в настоящее время, но, несомненно, к зиме увеличится в связи с продолжающимся вздорожанием жизни. Так что приходится экономить каждый сантим, а это очень трудно, ввиду большого количества до сих пор работавших на станции и связанных непоневоле с этими расходами. Фрейнды, как раз вовремя – комната для них освободилась лишь накануне, еле успели ее приготовить.

К Грабовскому я теперь присмотрелся. О нем Вам расскажет и В.С. Ильин. Я же пока могу сказать только одно, что в лучшем случае, он может заняться лодкой и уходом за ней и пусканием помпы. На всякую же другую помощь от него по станции, чтобы меня заменить в некоторых случаях или даже помочь по зоологической части, рассчитывать также, что он будет заниматься здесь ботаникой – этого не будет, предлогов же он найдет много и объяснит тем, что у него много работы по станции, как он говорил Ильину, своему куратору. На самом же деле это совершенная неправда. Да и В.С. это прекрасно понял. В общем, для станции дело сводится в лице Грабовского к приобретению посредственного, но дарового для нее, шофера. И это все.

Относительно Вашего сына – я его видел перед 1-м сентября, когда он покинул станцию. Он должен был Вам написать, думаю, это письмо его Вы получили. Мне же он говорил, что поджидает от Вас известий относительно переезда в Прагу. Пока всего хорошего. Все Вам кланяются. Преданный Вам.

Гр. Трегубов

19 мая 1927 г.

Дорогой Михаил Михайлович,
только что получил Ваше письмо от 16-го и спешу на него ответить.

Отчеты, конечно, для меня не составят никакого труда делать по-французски, так как черновики пишу по-французски.

Но с ними, как всегда придется повременить, в особенности до выяснения вопроса заплатят ли чехи экстренные расходы по лечению Грабовского и по переделке завода мотора лодки. Пока же было бы очень хорошо, если бы по возможности поскорее прислали хоть 1500 ф., что должны за это полугодие, так как мы уже давно живем на станционные средства, и в месяце апреле при ожидающемся наплыве расходы, как всегда, будут самыми крупными за весь год.

Наплыв будет очень большой. Просилось еще несколько человек, не чехов, но в предвидении чьего-нибудь приезда из Чехии, я им отказал. Сейчас у меня есть один свободный дортуар на 2 человека, который я с этой целью задержу для 2 ассистентов Weigner'a. Стол для работ как-нибудь найдем в большой комнате, но пусть привезут микроскопы с собой, так как у нас все уже задержано заранее, в том числе 1 для Шульцы.

Он мне писал, что собирается приехать с женой. С женами же едут Zavrel и Schaferna из Праги. Кроме того, на пасху ждем одного поляка, ассистента Спичакова, а также одного француза, ассистента Prof. Perez из Сорбонны – но эти комнат иметь не будут.

Относительно Growbridge'a, от него было письмо к Давыдову с просьбой сообщить список лиц (не студентов), работавших на станции, а также работы ими напечатанные за 1925 год. Довольно странно желать, чтобы эти работы были уже напечатаны при теперешней волоките. Во всяком случае, список этот я составил, указал работы напечатанные. Равно же и род занятий, и ему уже отправил несколько дней тому назад, вместе с письмом, в котором говорил, что в ближайшее время мы выпустим сборник трудов станции за 1925–1926 год и пошлем ему один экземпляр.

От Грабовского Вы, должно быть, получили благодарственное письмо, равно должны были получить и проф. Немец и Ильин.

Относительно приезда 2 русских ученых, о которых Вы пишите, то до сих пор на лето записался лишь Prof. Dosbov, в августе. Важно было бы конечно, знать, рассчитывают ли они жить на станции, чтобы располагать комнатами.

Больше новостей у нас нет никаких со времени моего последнего письма.

Большое спасибо за марки, что Вы мне приложили в письме. Давыдов, жена и Грабовский шлют Вам искренний привет и наилучшие пожелания. Преданный Вам.

Гр. Трегубов

21 мая 1927 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

Ваши письма, равно и отписки по станции, получил. Замедлил с ответом, потому что, во-первых, завален был работой, а, во-вторых, последнее время трудно было писать, так как испортил немного палец. Из-за этого пришлось запустить как корреспонденцию, так и счета, и у меня около 40 писем, на которые не отвечаю. С этим письмом посылаю Вам объяснительную записку на французском языке. Странно, что они умудрились потерять предыдущую. Насколько помнится, хотя я не уверен, она была подшита к отчету. Со следующим письмом пошлю Вам лист, о котором Вы пишите, относительно работавших. Но сомневаюсь, чтобы он к чему-либо послужил, так как Г... [непонятно имя] его уже имеет, и у меня есть от него письмо с извещением относительно его получения.

Зимний сезон у нас кончился, но все еще приходится выходить в море, так как есть «работающие». Зима была очень хорошей и в апреле было полно работавших, причем к слову сказать, настоящих работников, как это бывает очень редко. Так что мы с ног сбились, но было по крайней мере удовлетворение, что богатый материал пошел впрок. Я думаю, что Sůlc и Zavrel об этом Вас осведомили. Зиму же у нас провел и на днях уезжает (пробыл около 5 месяцев) жених Lori – Dejdar, о котором одно могу сказать, что если бы это было возможно, то другого препаратора, желать бы и не приходилось. Cori можно сделать комплименты относительно его ученика, он во многом и мне помогал бесплатно. На июль месяц работы мы делать здесь никакой не будем. Надо дать отдохнуть и людям и снастям, а главное – заняться основательной чисткой и ремонтом лодки, в которой она в высшей степени нуждается. Вообще, как я говорил уже и раньше не раз, надо этот вопрос урегулировать раз и навсегда, чтобы [дать] месячный отдых и людям и снастям, как это водится везде, и месяц июль является здесь наиболее подходящим, в июне еще есть кое-что, в июле же жара и нет уже абсолютно ничего.

Других особенных новостей нет, Давыдов был болен и мне пришлось действовать довольно энергично, чтобы заставить его лечиться. Сейчас он оправился. В апреле получили (Давыдов и я) по письму от небезысвестного Вам К. Давыдова с просьбой дать приют на станции ему и его семейству на несколько дней проездом в Naple. Само собой разумеется, что Мих[аил] Мих[айлович Давыдов] ему ничего не ответил. Я же написал по-французски несколько строк с вежливым отказом. Какая жалость, что не уда-

лось вывести этого мерзавца на чистую воду, но все же ему даром это не пройдет – я уж об этом постараюсь.

На лето есть уже порядочно охотников приехать, должно быть больше, чем сможем вместить. Но, во всяком случае, надо избежать многих вещей, как делает, напр., Schaferna, который приезжает, да еще без всякого предупреждения с ребенком. Ребенок тихий, это – правда, но мне кажется, что детям на станции не место, иначе это сводится к простой villegiature? – мы же здесь должны делать работу, а не доставлять публике приятное времяпрепровождение.

В конце месяца, как смогу лучше писать, займусь отчетностью. С ужасом думаю, что придется приводить в порядок драги и заказывать сеть для клапатрона [непонятно]. Жизнь ведь все дорожает.

Как насчет возврата денег за Грабовского и за трансформацию лодки ?

Все Вам кланяются. Преданный Вам.

Гр. Трегубов

11 февраля 1928 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

не знаю, получаете ли Вы мои письма, так как уже 2 последних не имели от вас никакого ответа (последнее от 1 января 1928 г.). Посылаю поэтому это заказным. Позавчера получил от академии деньги (25.000 фр.) на это полугодие, кстати, а то уже давно живем на станционные. С отчетностью за второе полугодие 1927 я пока запоздал, но думаю, что успею ее Вам переслать до конца месяца. Кстати получили ли Вы предыдущий, переданный через Cori ? Об этом сведений не имею. Ровно месяц тому назад мы с женой чуть было не отправились на тот свет из-за неисправности дымовой трубы (все ведь здесь старое) и сильно угарели. По счастью, это случилось не точно во время сна, а вечером, так что я скоро отошел, а жене пришлось давать кислород и было очень плохо. В общем, провозились с отравлением больше недели. Зима в этом году, в конце декабря и в январе выдалась очень суровая, со снегом и это отозвалось на аквариях. Много животных, приобретенных осенью, холода не выдержали, а разбитый акварий дал еще одну трещину и держится каким-то чудом. Должно быть, лопнет окончательно летом...

В общем, расходов пропасть, да еще индекс цен на все продолжает без остановки расти. Предложение же академии, которое

Давыдов получил как-то, взимать неофициально в 100 ф в месяц с работающих (кроме тех, кого прислала академия) настолько мало целесообразно, что прихода большого станции дать не может, да и применять его будет довольно трудно все по той же причине – полное неведение относительно количества лиц, которых нам пришлет академия для работы. Обещать же кому-нибудь постороннему место, да еще за плату, и не иметь потом возможности его куда-нибудь всунуть, будет не особенно благовидно. Посторонние же могут приезжать для работы в те же периоды, что и чехи. Я больше реагирую на посылку материала и последние во французские лицеи и школы, где мне в этом году удалось завязать связи с ассоциацией профессоров среднего образования.

К сожалению, это долгая и кропотливая работа, отнимающая у меня все время, так как ее исполнять приходится мне самому. Грабовский способен лишь уложить бокалы в солому и забить ящики. Все же остальное для него китайская грамота и интереса к нему у него нет ни малейшего. В общем за 2 года, что он здесь, он ничему не научился, за исключением пуска в ход насоса, шофера на лодке (более чем посредственного) и забивания ящиков ничего не делал, да и не способен, оправдывая вполне кличку, которую ему дали в Праге в Бот[аническом] институте. Так что заменить меня, когда я отлучаюсь, он совершенно не в состоянии, так как кроме как по-русски, ни по какому не разумеет и в зоологии ничего не понимает. Самомнение же величайшее, но, к сожалению, это все. Обыкновенно за меня приходилось дежурить жене, но после того, как неделю тому назад ее оскорбили, чуть ли не последними словами... ворвавшиеся ватагой чехи 20 человек, чтобы осмотреть <u>их</u> станцию, я это прекратил. Стараюсь разузнать теперь имя мерзавца, который ими верховодил... но это довольно трудно, а следовало бы.

Кобозев относительно Ваших книг надул-таки, как и книгопродавец и никакой вести не подает. Обычная история теперь, когда что-нибудь надо – расстилаются мелким бесом. А когда к ним обратиться с чем-нибудь самым пустяком – никакого отзвука.

Вот пока и все новости. Давыдов по-прежнему скрипит, но очень опустился. Годы ведь не молодые. Все Вам кланяются.

Преданный Вам. Гр. Трегубов

20 мая 1928 г. Л. 34 об.

Дорогой Михаил Михайлович,

получил Ваше письмо и передал М.М. [Давыдову] то, что было ему адресовано. Ваши сведения относительно Hotel des Banameirs сильно устарели, как Вы в этом убедитесь сами при приезде сюда. Жизнь сильно вздорожала здесь и продолжает подниматься. За 25–30 франков здесь Вы теперь ничего не найдете, в особенности в Banameirs. Франков 30–35 стоит пансион в Б. Там гораздо лучше, чище, но это – пансион небольшой, так что правильнее всего было бы, если бы Вагнер заранее списался бы с хозяевами лично.

От американцев пока нет известий, да они скоро и быть не могут, ведь там большая формалистика. Я очень рад, что у Метальникова рассеялось предубеждение против станции; он очень хороший человек, но легко поддается наговорам, и я знаю, что предубеждение против станции и меня лично было сделано у него, благодаря мерзавцу Васильеву, который не стесняется в клевете, и если ему это выгодно, и даже большем в случае надобности. Надеюсь, что мне удастся, как-нибудь, заполучить этого гуся и я оставлю ему памятку до конца его подлой жизни.

Работа с устройством помещения внизу продолжается и я надеюсь, что к жаре, т.е. к июлю месяцу все будет закончено.

Сейчас есть еще человека 3 работающих, но погода у нас в высшей степени неустойчивая – ветер, дождь и бурное море, так что работать почти невозможно. Вообще в этом году сезон был из рук скверный и можно сказать, что по-настоящему он окончился к 15 марта, и с тех пор были лишь изредка хорошие дни.

Несмотря на предстоящий обычай [непонятно], я все же решился и отдал в брошировку в типографию первый выпуск трудов станции за 1925–1926 годы, так как просят обмен из многих мест и это прямо-таки необходимо. Через три дня будут готовы, и я посылаю один том... через Метальникова. ....

По-видимому, в июле и августе станция опять наполнится народом и мне будет опять страдная пора, так что не успеть и отдохнуть за июнь.

Пока всего хорошего. Жена и все шлют Вам привет, а Давыдов должен был ответить Вам сам.

Преданный Вам. Гр. Трегубов

P.S. За июнь постараюсь привести в порядок отчетность за второе полугодие. Надеюсь, что чехи не очень задержат пересылку денег на будущий год.

8 августа 1928 г. (выборочно)

...как только отплывут работающие, придется серьезно заняться музеем. Он у нас в гнусном состоянии. Многого нет, но нет возможности и заменить старые, так как нужно много посуды и реактивы. А потом это и кропотливая работа, времени у меня мало, так как приходится писать более 50 писем в месяц, не считая извещений о получении периодических изданий, а, кроме того, еще счета, приготовление и отсылка материала, библиотека и пр.

Других новостей у нас особенных нет. Давыдов по-прежнему скрипит, но держится. Все мы остаемся пока здоровы. Слышал, что известный Вам Васильев после смерти жены и истории с Гвоздиком, о которых я Вам писал, успел уже жениться снова на каком-то мешке с деньгами, как ходят слухи в Ницце. Вот, кажется и все.

Все Вам кланяются и желают хороших праздников.

Преданный Вам, Гр. Трегубов

15 января 1929 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

получил Ваше письмо от 4-го с утешительным известием относительно продления субсидии чехами на 1929 год. Таким образом, у нас будет, в общем, год обозначен.

4 июня 1929 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

ваше письмо получил, а равно, как и станционные 100 фр. Возвращаю Вам Вашу расписку.

Мы все здесь поджидали известий от Вас о приезде экскурсии, но так и не дождались. А между тем в предвидении ее пришлось, с одной стороны, кое-что прикупить для жилых помещений, а с другой – отказывать в помещении посторонним людям. Думаю, раз Вы в Вашем письме о ней ничего не пишите, то ее не будет.

Очень жалею, что мы здесь не были осведомлены о поездке С.И. (Метальников. – *Т.У.*) в Сербию, так как его присутствие там на месте быть может ускорило бы получение станцией 5000 ф., которые были отпущены Сербской академией наук для поддержания станции, в виде наема одного рабочего места. Об этом мне говорил проф. Георгиевич, который заезжал сюда, возвращаясь в Белград. Он был очень удивлен, что станция до сих пор не была

осведомлена об этом и не получила денег. Обещал похлопотать. Из разговора с ним выяснилось между прочим, что на сербов особенно рассчитывать нечего, так как они строят собственную станцию в Spabato и планы у них очень грандиозны. Так что если удастся получить эти 5000 ф., то это и будет все, без всякого сомнения.

Относительно чехов может быть интересная зацепка в лице D-r Ferdinand Spisek (Spisok), Director du Service… Prague III, Minister de l' Instruction publique. Он был здесь, подробно все осматривал и удивился скудости средств. Он говорил мне, что у них, в их департаменте, деньги есть и намекал, что, быть может, можно получить денег на станцию от них. Было бы интересно, если бы Вы его повидали и переговорили с ним, чтобы выяснить, нельзя ли что-нибудь добиться через его посредство. Hykel, который был еще здесь, и потом с ним еще много разговаривал на эту тему, меня пока убеждал налегать на него, так как у них деньги есть. ...

Сейчас не работаем в море, так как выкрашиваем лодку, а также и из-за экономии. На днях придется ехать снова, так как должен приехать один работающий из ловцов... кажется и все наши новости. Все Вам кланяются.

Преданный Вам Г. Трегубов

20 сентября 1929 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

еще 12-го августа я Вам послал заказным годичный отчет станции со всеми оправдательными документами для передачи в кураторий. Ответа от Вас никакого до сих пор не имею, и это меня начинает беспокоить. Пожалуйста, уведомите о получении их, а также, по примеру прошлых лет, пришлите мне расписку для приложения к черновику отчетности.

...Позавчера у нас был радостный день, так как совершенно неожиданно получил от секвестора станции на мое имя чек на 60 000 ф. На нужды станции, само собой, под известными условиями. Таким образом, удалось добиться того, о чем я всегда мечтал, т.е. поставить станцию в обеспеченное и независимое положение. Теперь перерыв или уменьшение столов нам не страшно, оставаясь конечно желательными для увеличения бюджета и запасного капитала станции.

Вопрос о бюджете станции разрабатывается в министерстве, субсидия же в 60 000 fr. временная, чтобы не дать станции погиб-

нуть. О мерах, которые будут выработаны, нас уведомят в свое время, о чем не премину сообщить Вам.

К концу месяца уедут последние работающие (из них 3 чеха, два с женами), так что можно будет заняться приведением станции в порядок. Пока всего хорошего и жду Вашего ответа.

Преданный Вам. Г. Трегубов

11 февраля 1929 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

пишу Вам несколько строк... так как болен гриппом и ничего не могу делать. Пишу же сейчас, так как спешно нужны для Давыдова и меня свидетельства от академии, как два года тому назад, для carte identite.

Все говорили, что их теперь не нужно, а тут затребовали снова, причем нужно их нам представить приблизительно 22–24 февраля. Поэтому присылаю тест по-французски, приблизительно как и в последний раз и очень просил [бы], чтобы в куратории академии их сделали на бумаге с печатью, и пришлите, пожалуйста, как можно скорее, заказным. Много писать сейчас не могу, так как плохо себя чувствую.

...От академии денег еще не было до сих пор. Нет пока ничего и из Парижа, так что это начинает меня беспокоить. Начинаю наводить справки. У нас было большое горе, так как неожиданно в 10 часов... умер известный Вам Ollivier. В следующий раз напишу Вам обо всем подробнее, пока же желаю Вам всего хорошего. Привет от всех из Виллафранки.

Преданный Вам Гр. Трегубов

P.S. Грабовскому свидетельства, как и прежде, не надо, он его получил от своего учреждения, что он стипендиат, этого достаточно, а проводить его как служащего нет никакой возможности.

13 июня 1930 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

на днях получили от проф. Pringsheim'а письмо, которое нас очень удивило. Он выражает желание приехать в апреле на станцию, само собой, по чешскому обычаю с женой, ввиду того, что чешское правительство имеет на станции 4 рабочих места (?). Об этом мы здесь абсолютно не осведомлены, так как Вам известно, что от чехов станция перестала получать (с 1-го полугодия 1929 г.), хотя во второй половине 1929 года кураторий работающих своих

все же посылал. Pringsheim'у мы ответили, что о найме 4 столов, мы не осведомлены, но если это так, то, чтобы получить чешское письмо он должен обратиться сначала к председателю куратория, как это обусловлено было всегда, а затем написать администрации станции. По-видимому, продолжается та же безалаберщина, которой отличались наши отношения с кураторием, который сам не знал, кто к нам едет, нас об этом не предупреждал, а к нам, как снег на голову, сваливалась публика непременно с женами, а также с детьми. Теперь же такое положение продолжаться не может, так как Вы сами знаете, что у нас жилых помещений очень и очень мало, а имеются обязательства по отношению к полякам и сербам… Самое правильное было бы, как это заведено на всех станциях, принять за правило, что приезжающие с женами (если только жена не работник и не имеет специальной командировки), отправляются жить в пансион. Жилые комнаты ведь заводились для того, чтобы облегчить в материальном смысле пребывание во время работы здесь людей с небольшими средствами. Получается же, наоборот: приезжают с женами и живут на станции люди со средствами и все сводится к более или менее увеселительной поездке. Фискальные власти дали нам разрешение на устройство жилых помещений только для работающих; два раза были крупные неприятности по случаю жизни, в частности Давыдова и одного чешского учителя из Риги, который заявился с женой и 3-мя детьми! Ранее, когда мы всецело зависели от чехов, приходилось молчать, теперь же другое дело, и мне кажется, что надо выработать точные условия командировки на станцию, и пребывания здесь работающих…

Приходится все предприятие отложить до осени, когда все будут в сборе. Полагаю, что это время будет самым подходящим для окончательного решения вопроса еще и потому, что осенью Академия наук всегда располагает большими денежными средствами – притекающими из ее больших имений.

Так же точно осенью, когда приедет Годлевский – постараемся оказать некоторое влияние на дело с Рокфеллеровской субсидией. Надо только мне знать, в какой стадии находятся хлопоты о ней. Во всяком случае, осенью обещаю Вам заняться энергично делами станции, что мне будет легче сделать, благодаря знакомствам с президентом и генер[альным] секретарем А[кадемии] н[аук].

Запрос об аренде мест на станции принципиально уже решен. Так меня уверяли Гойер и Седлецкий. Все дело теперь заключается в том, чтобы ввести эту аренду в бюджет след[ующего] года. Будем стараться (хотя это сразу может и не удастся), чтобы кре-

дит на аренду был включен в т.н. постоянный бюджет, т.е. не на год, а на большее время.

Преданный Вам Гр[игорий] Трегубов

Письма С.И. Метальникова (Франция) – М.М. Новикову (Прага) (1931–1938)

13 марта 1931 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Я уже говорил Вам не раз об издании сборника, посвященного деятельности русской эмиграции за границей[3]. Все это дело очень тормозилось. Теперь, по-видимому, получится. Мне поручили написать очень короткий очерк о русских биологах в эмиграции. Не могли бы Вы написать очень кратко от себя о русских биологах в Чехии (Ильин, Миловидов, Черносвитов и др.), но самые краткие сведения. Перечисления работ не требуется, кроме самых существенных. На всех биологов дают в этом сборнике страниц 3–5. Не знаете ли русских биологов в Югославии и Болгарии, кроме Вагнера и умершего Завьялова, Рамзина и Джунковского. Крепко жму руку.

Ваш С. Метальников

22 августа 1933 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

простите, что отвечаю Вам с таким опозданием, но у меня была масса всяких дел и семейных забот и беспокойства: тяжелая болезнь жены и материальные затруднения (т.к. муж моей старшей дочери лишился места более года тому назад, а у них трое детей) и прочее. Вот уже более месяца, как я отдыхаю в окрестностях Тулона. И только теперь собрался ответить на все письма. Прежде всего относительно станции. Как Вы знаете, М.М. Давыдов получает пенсию и совершенно не в состоянии управлять станцией. Ввиду того, что станция получает от Сорбонны, то наблюдателем или gerant'ом назначен проф. Duboscq. Он очень милый и обязательный человек. Трегубов считается его помощником. Таким образом, по всем делам станции надо обращаться к Duboscq'у. Я уверен, что все недоразумения могут быть урегулированы через него. По возвращении в Париж я соберу членов комитета и доложу Вашу записку. Было бы желательным, чтобы вы указали, кто из русских и чешских ученых встретил затруднения при посе-

щении или работе на станции. Тогда я обращусь в Сорбонну или в министерство. К сожалению, деятельность нашего комитета свелась к нулю, т.к. у нас фактически нет никаких средств, которыми мы могли бы располагать и помогать станции. Теперь относительно Рокфеллеровских стипендий. Мне кажется, Черносвитову следовало бы возобновить хлопоты, т.е. подать новое прошение с указанием работ, сделанных за это время. Лично у меня был очень неприятный разговор с Тигдалем… мы поругались с ним. После чего я перестал бывать там. Но я смогу воздействовать через кого-нибудь.

Можно попытаться Гаврилову, хотя я не знаю его работ. Вообще теперь они дают больше самостоятельным ученым.

Ну, вот кажется и все, что хотел написать вам. Очень благодарю Вас за присланные интересные оттиски. Привет всем Вашим.

Ваш С. Метальников

29 декабря 1938 г.

Дорогой Михаил Михайлович,
прежде всего, поздравляю Вас и Ваших с наступающим Новым годом и пожеланием всего, всего хорошего.

Очень опасаюсь, что с Новым годом положение русских может значительно ухудшиться.

У меня есть к Вам дело.

Как Вы знаете, что забота о русской эмиграции переходит теперь из Лиги Наций в особую организацию в Лондоне. Во главе этой организации стоит Кульман, который женат на дочери d-ра Зернова. От него я знаю, что на Всемирной выставке в Нью-Йорке будет особый отдел от Лиги Наций, посвященный эмиграции и особенно эмиграции русской. Там предполагают показать все, что сделала эмиграция в культурном отношении, т.е. в области науки, искусств, образования, техники, изобретений, медицины, благотворительности и проч. Словом, то, что мы предполагали и отчасти осуществили, когда написали статью по всем этим отделам.

Я виделся с Паниной, которая нам поможет наладить это дело в Америке.

Во вторник 3-го января у нас будет большое собрание, посвященное этому вопросу. Было бы желательно наладить это дело в Чехии, Югославии и Болгарии.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Метальников

Выставка открывается кажется в мае 1939 года. Времени осталось не много. Надо торопиться. Но многое уже сделано. Я не знаю, продолжать ли издавать научную библиографию в Югославии?

Интересны сведения о количестве профессоров и ученых, а также о количестве студентов, окончивших Высшие школы, а также сведения об изобретателях и архитекторах?

18 января 1939 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Я писал Вам недели три тому назад, но не получил ответа, думаю, что письмо мое пропало. Дело вот в чем. Лига Наций устраивает на Международной выставке в Нью-Йорке отдел помощи и деятельности апатридов. Там будет отдел русских апатридов, где предполагается показать, что было сделано самими русскими в течение 20 лет.

Несколько лет тому назад, как Вы помните, у нас были те же идеи. И нами были написаны статьи по различным вопросам: о научной деятельности, о русских изобретателях, об образовании (низшем, среднем и высшем), благотворительности, издательствах и пр. Вы, пользуясь отчасти нашими данными и своими, напечатали брошюру. С тех пор прошло много времени и нужно все пополнить.

В Париже организован комитет, который начал подготовительную работу. Мы просим Вас помочь нам в этом деле. Пришлите нам несколько экземпляров Вашей брошюры, а также всякие дополнения. К сожалению, мой экземпляр Вашей брошюры кто-то заиграл.

Лига Наций дает большие средства для организации этих отделов. Кроме симфон[ических] концертов русской музыки и балета, там предполагают показать различные достижения в области науки, искусства и пр.

Жду Вашего ответа.

Ваш С. Метальников

Примечания

[1] Все письма этого раздела хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6767: Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1. Ед. хр. 44в, 49, 52а.

[2] Владимир Михайлович – сын М.М. Новикова.

[3] Имеется в виду брошюра: Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию / Под ред. М.М. Новикова. Прага: РСУ, 1935.

VII. Письма М.М. Новикову (Прага) о праздновании 400-летия Лозаннского университета и Дней русской культуры: 1937[1]

В.А. Маклаков (Париж)

9 марта 1937 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

посылаю Вам копии двух полученных мною документов. Не знаю, получили ли Вы такие же. Ко мне обратились, очевидно, потому, что на том собрании в память 175-летия[2], которое мы устроили в Париже, и на котором присутствовал Лозаннский депутат, я председательствовал. За это мне приходится теперь быть посредником между Лозанной и Московским университетом. Здесь в Париже нет ни единого суррогата Московского университета, и потому я обращаюсь к четырем: Обществу воспитанников Московского университета, Московскому землячеству, Академической группе и Академическому союзу. Председатели составят коллегию из Ельяшевича, Зернова, Милюкова и Анцыферова. Им я передам все заботы по этому делу. Но очевидно, что в Праге больше элементов, чтобы представлять Московский университет, и самым квалифицированным элементом, заменяющим все в Париже, является его последний выборный ректор. Я надеюсь, что когда соберутся упомянутые мною четверо, то они сами на этом порешат. Но мне до этого собрания хотелось бы поставить Вас в известность и узнать, не делаете ли и Вы что-нибудь в этом направлении, что я мог бы доложить здесь на коллегии.

Искренне преданный Вам В. Маклаков (автограф)

17 марта 1937 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

у нас состоялось первое конститутивное собрание; я из этого дела вышел, не считая себя квалифицированным для организации его; но, по-моему, все налаживается; так как все согласились с тем, что последний выборный ректор – это есть просто перст провидения, то Вы от этого не увильнете, но об этом будет Вам непосредственно писать либо Милюков, либо Ельяшевич. Я же от этого дела отхожу. Единственно, что остается на моей обязанности – это одна попытка, для того чтобы добыть деньги.

Преданный Вам, Маклаков

В.Б. Ельяшевич (Франция)

10 апреля 1937 г.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

не отвечал Вам на Ваши письма от 23-го и 31-го марта, так как ждал заседания комиссии и выяснения разных вопросов, Вас интересующих.

Прежде всего, вопрос материальный. Парижская эмиграция чрезвычайно оскудела в особенности, поскольку дело идет об организациях. При всех наших усилиях удалось раздобыть на Вашу поездку только 500 фр[анков]. Мы были в чрезвычайном затруднении, из которого вывело нас Ваше письмо от 31 марта. Мы думаем, что этот вопрос, таким образом, урегулирован.

Второй вопрос, которым занялась комиссия, это вопрос о присоединении к Вам парижских коллег. Комиссия полагала, что такой торжественный случай, как 400-летний юбилей, особенно, принимая во внимание отношение Лозаннского университета к русской эмиграции, требует торжественной, по возможности, многоголовой делегации. Затруднением был тот же материальный вопрос. В конце концов, общее мнение склонилось к тому, что надо искать парижских делегатов из числа лиц, которые могут поехать за свой счет. Намечены были П.Н. Милюков, Л.И. Кепинов и я. К сожалению, П.Н. Милюков вчера мне сообщил, что по обстоятельствам, связанным с работой в редакции, он в июне уехать отсюда не может. Следовательно, отсюда могут выехать только два лица. Я лично не был склонен ехать, но раз не едет П.Н. Милюков, то я решил, все-таки, поехать. Само собой, естественно, говорить речь от имени делегации, придется Вам. Необходимо, конечно, чтобы говорил выбранный ректор.

Я извещу Лозаннский университет о составе делегации и попрошу их относительно визы.

Искренне уважающий Вас, В. Ельяшевич

Ф.С. Генч-Аглуев (Женева)

9 мая 1937 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

В продолжение многих лет Женевская русская колония устраивает день Русской культуры. В текущем году мы также предполагаем устроить таковой между 7 и 9 июня, причем во главе устрои-

телей стоят Пушкинский комитет и Русско-Швейцарский кружок. Мы были бы очень рады воспользоваться Вашим приездом в Лозанну, чтобы попросить Вас приехать в Женеву для прочтения лекций на русском языке. Расходы по приезду из Лозанны в Женеву и обратно туда же, а также расходы по пребыванию в Женеве устроители могли бы принять на себя. Одновременно с Вами в Швейцарию из Берлина приезжает Иван Александрович Ильин, и мы очень хотели бы, чтобы он прочел лекцию о творчестве в искусстве, а Вы бы, как Вы предлагаете, о творчестве в науке. Мы устроили в Женеве 8 февраля три пушкинских праздника, а потому День культуры можно посвятить общему творчеству. В случае согласия Вашего и проф. Ильина, празднование Дня русской культуры вылилось бы в следующую форму:

1) вступительное слово;

2) Ваша лекция (от 40 до 50 минут);

Антракт

3) лекция Ильина (тоже до 50 минут).

Конечно, если Вам этого времени недостаточно, то мы можем вернуться к этому вопросу, а также – к порядку лекций.

Не откажите в любезности, ответить мне Ваше мнение по этому поводу для того, чтобы, по получению ответов от Вас и Ильина, Комитет по устройству Дня русской культуры мог бы вынести окончательное постановление.

Ваше любезное письмо от 14 апреля было мною прочитано Сергею Иосифовичу, с которым и с его семьей я состою в прекрасных отношениях. Я лично кадет с 1906 г. и был до 1915 года членом Ростовского н/Д комитета, а с переездом в Москву, членом Финансового комитета к[онституционных] д[емократов], совместно с Комиссаровым. Мне отлично знакома гр. С.В. Панина и В.А. Харламов. Вас я тоже помню по Москве, и мне будет очень приятно побеседовать с Вами.

В ожидании Ваших любезных известий, остаюсь с искренним уважением,

Генч (автограф).

P.C. Наши собрания совершенно аполитичны и преследуют исключительно культурные цели объединения членов русской колонии разных оттенков.

Н.А. Ульянов (Лозанна)

28 мая 1937 г.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

комитет об организации празднования 400-летия Лозаннского университета обратился ко мне с просьбой помочь Вам во время Вашего пребывания в Лозанне. Я это делаю с тем большей охотой, что сам собирался написать Вам, чтобы сговориться о встрече еще до начала официальных торжеств. Я знаю, что Вы приезжаете в четверг, в 9 ч. 53 м. утра и остановитесь в Hotel Beausejour. Я приду на вокзал встретить Вас. У нас здесь с платформ прибытия два выхода. Это затрудняет встречи. Поэтому не торопитесь покинуть платформу по подземному ходу. Кроме того, как Вас узнать? Напишите мне приметы: с бородой? с усами? в очках? шляпа – черная? серая? может быть, будете иметь в руках какую-нибудь газету? Мои приметы: с усами, без бороды, шатен, темный костюм, темная шляпа, буду держать в руках какой-нибудь крупный белый цветок.

И так, жду от Вас сообщения на вопросы и радуюсь возможности скоро познакомиться лично.

Уважающий Вас. Н. Ульянов (Николай Алексеевич,
Вера Ник[олаевна] – геолог).

N. Oulianoff (Chaussee Mon Repos 14-bis Lausanne)

В.В. Муравьев – Апостол (Женева, президент Пушкинского комитета)

31 мая 1937 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

узнав от Ф.С. Генча об участии Вашем в устраиваемом мною 8 июня вечере Культуры в Женеве, спешу выразить Вам мою живейшую признательность и искреннюю радость. Доклад Ваш будет для нас большим культурным приобретением.

Примите уверение в моем совершенном почтении и уважении,

Муравьев-Апостол. Вл[адимир] Вл[адимирович] (автограф)

Примечания

[1] Письма В.А. Маклакова, В.В. Муравьева-Апостола и других лиц, адресованные М.М. Новикову (март–май 1937 г.), в том числе 17 писем, приглашений, карточек и проч., где говорится об его участии в праздновании 400-летия Лозаннского университета (4 –8 июня 1937 г., Лозанна), а также Дней русской культуры в Женеве (Швейцария), хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6767: Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1.

[2] Имеется в виду 175-летие Московского университета.

VIII. Переписка М.М. Новикова (София, Братислава) с В.В. Булгаковым (Прага): 1939–1941

Письма В.В. Булгакова[1]

24 мая 1939 г. (выборочно)

Сами вдвоем (с молодым де Миньяром) разобрали огромную витрину в зале по истории эмиграции, перенесли ее наверх и снова составили. ⟨…⟩

В музее, в праздник Вознесения, в четверг, 18-го числа было более 80 посетителей, а дневная выручка достигла 72 крон. Эти деньги очень поддержали меня, т.к. полученные от Н[аучно]-и[сследовательского] о[бъединения] 500 (а не 1000, как я надеялся) крон тотчас разошлись. Я надеялся, что и в воскресенье, 21-го, столько же «наторгую». Увы, с утра полил дождь, кот[орый] разогнал всех посетителей!

Сейчас мне материально очень трудно, трачу на музей кое-какие свои деньги, а деньги из министерства, между тем, все еще не пришли.

31мая 1939 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

дождливая погода в праздники 28 и 29 мая развеяла мои надежды, что эти дни помогут музею самостоятельно «стать на ноги» в финансовом отношении. Сейчас положение музея оч[ень] трудное. Вчера я хотел поговорить с В[асилием] С[ергеевичем], но не застал его в университете. Вынужден был сегодня послать ему письмо, копию которого прилагаю. Знаю и жалею, что нарушаю Ваш покой, но не мог не поставить Вас в известность о положении дела.

Копия письма В.С. Ильину

Глубокоуважаемый Василий Сергеевич,

обращаюсь к Вам, как к и.о. ректора Русского свободного университета. Незаконное лишение музея возможности распоряжаться принадлежащими ему средствами поставило музей и меня как его руководителя в крайне тяжелое положение. В музее начат ряд работ по оборудованию двух новых залов… а между тем, в распоряжении моем нет более не только ни одной кроны, но еще истра-

чено мною из моих личных средств на дела музея 175 крон 90 гел. Располагай я средствами, я бы охотно ссудил музей и большей суммой, но, к сожалению, личные мои возможности совершенно исчерпаны, тем более, что по слухам, я, – так же незаконно, – лишен буду возможности и получить 1-го июня свое месячное жалование.

Полное отсутствие средств ставит меня перед необходимостью закрыть Русский культурно-исторический музей на неопределенное время. Я мог бы, конечно, обратиться за помощью к почетному члену и протектору музея г. Бартоню-Добенину и знаю, что он в такой помощи мне не отказал бы, но не хочу этого делать, чтобы не компрометировать Русский свободный университет.

Ввиду этого, прежде чем перестать посещать Збраслав, я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой: не отказать сделать все, для того чтобы исправить нежелательные последствия незаконного постановления ректората и казначейства университета и предоставить музею необходимые средства для нормального продолжения его деятельности. В заседании куратория университета 10 мая я заявлял, что музею (как раз начавшему оборудование двух новых залов, согласно постановлению Музейной комиссии РСУ) на ближайший месяц необходима сумма в 1000 крон. К сожалению, Научно-исследовательское объединение сочло возможным предоставить взаймы музею только 500 крон. Остальных 500 крон теперь, как раз (до 10 июня) и не достает.

Буду Вам очень признателен за любезное извещение по моему личному адресу о том, когда и где смогу получить деньги.

Глубоко уважающий и преданный, Вал. Булгаков (автограф)

18 июня 1939 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

сообщаю Вам, что начиная с сегодняшнего воскресенья 18 июня я закрыл музей и прекратил свои поездки в Збраслав. Причина: незаконное, без ведома и согласия моего и Музейной комиссии, использование казначейством РСУ всех средств музея на другие цели и иссекновение моих личных средств, которыми я поддерживал музей, оказавшийся без денег. (Напомню, что и жалование мое, получаемое из средств музея, также незаконно задержано было канцелярией университета.) О том, что я стою перед перспективой закрытия музея, я предупреждал в Ваше отсутствие и.о. ректора университета В.С. Ильина письмом от 31 мая, но он не нашел нужным предпринять какие бы то ни было шаги для

исправления допущенной президиумом университета ошибки и даже не ответил на мое письмо. Осталась безрезультатной и интервенция зам. председателя Муз[ейной] комиссии проф. В.А. Брандта, произведенная по моей просьбе у и.о. ректора.

Прошу Вас о немедленном созыве Музейной комиссии для обсуждения создавшегося положения.

Предполагаю, что Вы уже в Праге, но не спешу в РСУ, т.к. при создавшейся обстановке, считаю посещение его бесполезным.

Искренне уважающий и преданный Вал. Булгаков (автограф)

Письма М.М. Новикова[2]

20 марта 1940 г.

Zoologický üstav
Slovensky university
v Bratislave

Bratislava 20/III, 1940
Sosinkova 2

Дорогой Валентин Федорович!

Приношу Вам и прошу передать Музейной комиссии мою искреннюю благодарность за прекрасный диплом, полученный мною сегодня, как раз накануне моего рождения. Таким образом, печальное сознание наступающего 64-летия, смягчается Вашим милым подарком. Правда появляется новое огорчение по поводу того, что музею при его скудных финансах пришлось потратиться на изготовление диплома. Но это огорчение я ликвидирую тем, что в ближайшие дни пошлю Вам двести крон как мое скромное пожертвование на нужды музея. Но получите Вы эти деньги, вероятно, через неск[олько] недель. А кстати ожидавшееся пожертвование от бывш[его] золотопромышленника Вы, вероятно, так и не получили?

Большое Вам спасибо за сообщение новостей о музее и Русском университете. Все это меня очень интересует, а сведений ко мне приходит, к сожалению, мало. А Ваше, огорчившее меня сообщение о смерти М.Н. Стоюниной[3], дает мне возможность без особенного опоздания написать семье Лосских выражение соболезнования.

Что касается до моего пребывания здесь, то оно сложилось, или вернее складывается довольно удачно. Я занимаю ординарную профессуру, так что автоматически сделался здешним

подданным. С осени предполагается открытие самостоятельного ест[ественно]-научного факультета, а пока študium pri´r.ved. входит в состав философского факультета. С осени же я надеюсь переехать в собственное зоологич[еское] инст[итутское] помещение, для которого (комнат 10–11) уже намечено, но еще не оборудовано. А пока теснюсь с двумя ассистентами в двух комнатах Физиолог[ического] института. Читаю сейчас гистологию и сравн[ительную] анатомию и веду, при содействии ассистентов, практ[ические] занятия по этим предметам. Слушателей порядочно, человек 50 – публика симпатичная, с увлечением грызущая гранит науки. А кроме университета, привлекли меня и в Высшее техническое училище для чтения краткого курса всеобщей и лесной зоологии (там около 70 слуш[ателей]). При таком большом количестве часов лекций, при массе разных экзаменов, да при организации Зоол[огического] института и маленькой Зоологической станции при Дунае, на работу научно-общ[ественную] и даже на научно-исследов[ательскую] не хватает ни времени, ни энергии. Правда, одну научную работу на слов[енском] языке я все-таки исхитрился опубликовать. Надеюсь, что после создания своего института, все это можно будет подогнать. А сейчас здесь приятное, нормальное академич[еское] положение в рамках почти совершенно нормальной житейской (продовольственной) обстановки.

Шлю Вашей семье и общим знакомым сердечный привет и наилучшие пожелания.

Ваш Новиков

20 сентября 1940 г.

Zoologický ústav
Slovensky university
v Bratislave

Bratislava 20/IX. 1940
Sosinkova 2

Дорогой Валентин Федорович!

Большое спасибо Вам за Ваше письмо, которое меня очень обрадовало. Из Праги у меня почти нет известий. Приветствую Вас по поводу юбилея музея, а также по поводу Вашей столь продуктивной литературной деятельности. Меня очень интересует «Рюрикович». Прилагаю при сем, письмо г. Бартоню-Дабенину, а в конце этого письма – свою чешскую подпись, которую, если

сочтете нужным, можете подклеить к адресу. Воспоминания о Бартоню-Дабенине, о г-же Новакавой (почти Новиковой) и о Збраславском замке – это одни из самых приятных воспоминаний от моего пребывания в Праге. Здесь русской общественной жизни нет, и я целиком погружен в свою академическую и акад[емико]-организационную работу. В университете за два семестра прочел курс общей зоологии, а на предстоящий семестр готовлю сравнит[ельную] анатомию и историю академических учений. В технике буду снова читать краткий курс общей зоологии и зоологию леса. Работа трудная, но очень приятная, соответствующая тому, чтобы я делал у себя дома. Да и язык ближе к русскому, особенно в смысле мягкости произношения. Так что некоторые студенты, слушавшие меня еще в Праге, говорят, что здесь у меня выходит лучше.

Но организация здесь подвигается дов[ольно] медленно и мой институт все еще не готов, хотя для него уже закуплены микроскопы и часть мебели.

Сейчас энергично работают над ремонтом помещения, так что месяца через 1,1/2–2 рассчитываю иметь институт, новый как с иголочки, и устроенный так, как это мне представляется целесообразным. С чудными микроскопами, отчасти бинокулярными, и с прекрасным остальным инструментарием. Только книг пока очень мало. Но 7-го октября я собираюсь с представителями здешнего министерства поехать в Прагу, где мне предлагают купить большую библиотеку. Если это осуществится, то все будет в порядке.

Со слушателями у меня очень приятные отношения. А особенно трогательны болгары, к[оторые] называют меня по своему обычаю, принимая во внимание моего зятя в Болгарии, сватом, и искренне радовались, когда весной я получил из Софии командирский крест ордена св. Александра. А затем из Болгарии пришло и еще одно удовольствие. Мой сын Володя с женой и дочкой переселились сюда. Так что теперь моя семья здесь насчитывает уже 8 человек. В том числе две внучки в возрасте, соответствующем приблизительно возрасту Ваших дочек. А еще у нас живет прелестная, белоснежная ангорская кошечка, которая бегает за мной, как собачка, и очень радуется, если я поймаю для нее муху: это ее лучшее лакомство.

В те несколько дней, которые я собираюсь провести в Праге, мне очень хотелось повидаться с Вами и навестить музей. Но если эта поездка осуществится (паспорта у нас уже есть), то она будет очень краткой и придется всячески экономить время, чтобы и дело сделать и повидаться с друзьями и знакомыми.

Шлю Вам и Вашей семье сердечный привет и наилучшие пожелания. Поклон общим знакомым. Ваш М. Новиков.

Прилагаю для музея открытки с портретами здешних русских ученых, отдыхающих в курорте.

20 января 1941 г.

Bratistislava
Pressburg,
Törökova 2

20/I. 1941

Дорогой Валентин Федорович!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам почтовым переводом 300 кр[он], которые прошу Вас распределить следующим образом: 100 кр. принять в виде пожертвования на нужды Культ[урно]-истор[ического] музея, 100 кр. передать проф. В.С. Ильину для Научно-исследовательского объединения, по случаю Татьяниного дня, а на остальные 100 кр. – купить от меня что-нибудь Вашим дочкам к предстоящим именинам одной из них.

Как Вы поживаете? Что нового в музее, Русском унив[ерситете] и вообще среди русских в Праге? Я все еще никак не могу переехать в новое помещение Зоологического института, хотя почти все там уже готово. Но не хватает некоторых мелочей. В некоторых комнатах мне не нравится электр[ическое] освещение и т.д. А если теперь я перееду, то труднее будет добиваться поправок. Думаю, однако, что недельки через две устроимся на новом месте. Как видите и бланки с новым адресом уже готовы. Мой новый инст[итут] очень близко, только через дом от нынешнего.

А что в Праге с Татьяниным днем? Мы здесь собираемся отметить его скромным, интимным ужином.

Шлю Вам, Вашей семье и общим знакомым сердечный привет и пожелания всякого благополучия в новом году.

Ваш М. Новиков

Примечания

[1] См.: ГАРФ. Ф. 6767: Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1. Д. 41а: Письма В. Булгакова М.М. Новикову. Л. 1–3. Авториз. машинопись.

[2] См.: РГАЛИ. Ф. 2226: В.Ф. Булгаков. Оп. 1. Д. 947. Л. 11, 13, 19; на бланке Зоологического института при Славянском университете в Братиславе.

[3] Мария Николаевна Стоюнина (1846–1940) – учредитель частной гимназии в Санкт-Петербурге, мать Людмилы Владимировны Стоюниной (1875–1943), жены Н.О. Лосского.

IX. Письма М.М. Новикову в Найяк (штат Нью-Йорк, США)[1]: 1946–1961

Письма Н.О. Лосского

31 сентября 1949 г.

N. Lossky
31, Everit St.
New Haven 11. Conn.

Дорогие Михаил Михайлович и Валентина Николаевна,

Андрей[2] и я поздравляем с Новым годом и Рождеством Христовым Вас и всех членов Вашей семьи; желаем Вам здоровья и совершенного благополучия. С большою тревогою я думал о том, как устроятся Ваши 4-е поколения[3]; слава Богу, понемногу Ваши дела улучшаются.

Очень приятно было бы повидать Вас. Надеюсь, что в феврале в какой-нибудь из вторников после лекции, которую я кончаю в три часа, мне удастся приехать к Вам. Об этом спишемся заранее.

Шлю Вам сердечный привет.

Искренне Ваш

Н. Лосский

16 марта 1950 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

благодарю Вас за подробное описание пути к Вам; и предыдущее Ваше письмо с таким описанием я храню, очень стремясь повидать Вас и всю Вашу семью.

К сожалению, перед Пасхою, т.е. 21 и 28 марта у меня после лекции есть еще семинарские занятия с одним студентом, который осенью станет ассистентом у профессора философии в штате Ohio. Поэтому мне удастся приехать к Вам только в один из вторников в апреле, т.е. 18 или 25 апреля. Я напишу Вам заранее, когда можно будет мне приехать.

Шлю сердечный привет Вам, Валентине Николаевне и всем членам Вашей семьи.

Искренне преданный Вам,

Н. Лосский

28 июля 1953 г.

N. Lossky
c/o Mr. Staritzky
R.F.D. Clintonville, Conn.

Дорогой Михаил Михайлович,

вчера я получил пересланный мне из Лос-Анджелеса оттиск Вашей статьи «Regularity of Form in Organisms»[4]. Очень благодарю Вас за нее. Приятно видеть исследование, дающее представление о единстве в многообразии целого обширного царства бытия.

Андрей и я третий год уже проводим лето на даче профессора Вернадского[5] в десяти милях от New Haven. Нам обоим необходима богатая библиотека Йельского университета.

От Константина Гавриловича Белоусова я знаю о задуманном Вашей группою[6] ученых изданий научных статей[7]. Очень радуюсь этому и вспоминаю, как полезны были сторонники Русского научного института в Белграде.

Надеюсь, что внучка Ваша Валентина Анатольевна приближается уже к тому времени, когда она сможет применять к жизни свои медицинские знания, и что правнук Ваш Алеша растет и развивается на радость всей семьи.

Андрей и я шлем сердечный привет Вам, Валентине Николаевне, Елене Михайловне, Анатолию Алексеевичу, Владимиру Михайловичу, Валентине Анатольевне и Алеше.

Искренне преданный Вам,

Н. Лосский

1 мая 1954 г.

N.Lossky
11959 Dorothy St.
Los Angeles 49
Calif.

Воистину Воскресе!

Дорогие Михаил Михайлович, Валентина Николаевна, Елена Михайловна, Анатолий Алексеевич, Владимир Михайлович, Валентина Анатольевна и Алеша[8] (last, but not least), Андрей и я поздравляем Вас со Светлым праздником и желаем Вам всякого благополучия. Радуемся тому, что Вы, Валентина Анатольевна, стали уже доктором медицины. Надеемся, что Вы здесь успешно примените на практике свои знания и искусство.

Есть много признаков того, что в СССР нарастает смелая оппозиция советскому режиму и даже НКВ-дисты становятся не-

возвращенцами. Дай-то, Бог, нам скорее увидеть освобождение России от сатанинского наваждения.

Андрею нужно поработать в архивах пяти государств Западной Европы. Мы собираемся в середине июня полететь в Нью-Йорк, оттуда съездить в New Haven и в июле поплыть во Францию. Вернуться в Лос-Анджелес нужно к началу февраля 1955 г. Я буду жить преимущественно в Париже у старшего сына Владимира[9] (6, rue St. Louis-en-l'Ile, Paris 4-e).

Андрей и я шлем Вам сердечный привет.

Искренне преданный Вам,

Н. Лосский

2 апреля 1956 г.

N. Lossky
11957 S Dorothy
St. Los Angeles 49,
Calif.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Михайлович,

сын мой Андрей и я приветствуем с Вашим восьмидесятилетием Вас, Валентину Николаевну и всю Вашу семью – Елену Михайловну и Анатолия Алексеевича, Владимира Михайловича, Валентину Анатольевну и Алешу. Желаем Вам здоровья и энергичного продолжения Вашей научной и общественной деятельности.

Искренне преданный Вам

Н. Лосский

3 февраля 1957 г.

N. Lossky
11959 S Dorothy St.
Los Angeles 49, Calif.

Дорогой Михаил Михайлович,

очень благодарю Вас за любезно присланную брошюру нашу «Полстолетия научной деятельности»[10]. С интересом буду читать её и желаю Вам продолжения плодотворной деятельности.

Наша жизнь после свадьбы Андрея изменилась. Жена его Ирина Николаевна[11] – доктор медицины, специалистка по энцефалографии (по волнам, исходящим из мозга) и по радиологии. Она еще не получила регулярной работы на медицинском факультете, но причислена уже к Физиологическому отделению. Питание наше благодаря ее кулинарному искусству очень усовершенствовалось и вследствие любви к красоте обстановка нашей квартиры

существенно изменилась: много красивых вещей из Парижа она отправила пароходом, и они через Панамский канал прибыли в порт Лос-Анджелеса.

Я только что прочитал книгу старшего сына Льва Толстого Сергея Львовича «Очерки былого», напечатанную в Москве. Она дополняет книгу «Отец» Александры Львовны многими интересными подробностями жизнь семьи Толстых[12].

Андрей, Ирина и я шлем сердечный привет Вам, Валентине Николаевне и Владимиру Михайловичу.

Искренне преданный Вам,

Н. Лосский

Адрес наш изменился на две единицы: 11959 S Dorothy St.

Письмо С.В. Паниной

3 мая 1953 г.

Panina Sofia Vladimirovna
548 Orange st.
New Haven, Conn.

Дорогой Михаил Михайлович,

Мне только теперь, попав в тихую Нью-Хевенскую заводь, удалось, наконец, прочесть Вашу книгу: «От Москвы до Нью-Йорка». Закончила я ее вчера, и мне хочется поскорее сказать Вам, что читала я ее не отрываясь, с огромным интересом. Все ее главы, так же как и жизнь Ваша, так насыщены кипучей деятельностью, и так в них много сохранено и восстановлено значительного из нашего прошлого, что книга Ваша является, как мне кажется, ценнейшим вкладом в историю русской культуры. Она, кроме того, оказывает огромную услугу всей русской интеллигенции и, в частности, всему нашему с Вами поколению, наглядно показывая, что мы умели не только разрушать, как все нас в том обвиняют, но умеем и созидать, притом при всех режимах, при всяких в нынешних условиях – с деньгами и без денег, в раю и в аду, под ясным небом и под бомбами и под коммунистами, и под нацистами, и под демократиями и даже под покровом благотворительных организаций...

Ваша книга является, между прочим, очень хорошим коррективом и насущным пополнением к книге Ар. Вл. Тырковой[13], которая передает только разрушительную стихию нашей эпохи.

Те мелкие технические ошибки, на которые указывают Ваши критики, серьезного значения не имеют. Как жительница Петер-

бурга, я могу указать еще одну неточность, которую можно будет исправить в последующем издании, а именно: на стр. 201, с оговоркой (точное название не помню), Вы называете «Институт экспериментальной медицины» в качестве «частного предприятия В.М. Бехтерева». Между тем Институт экспериментальной медицины был создан принцем Александром Петровичем Ольденбургским и был, если не ошибаюсь, казенным, т.е. государственным учреждением (очень замечательным)[14]. Бехтерев же основал Психоневрологический институт, репутация которого почему-то (не берусь объяснять или критиковать) была довольно легковесна.

И так, еще раз благодарю Вас, Михаил Михайлович, за Вашу прекрасную книгу, и если теперь Вам трудно, как всем нам, преждевременно сброшенным в небытие, то у Вас есть все же еще утешение в сознании того, что Вы в прошлом времени не теряли, сделали многое, и что редко (!) бесспорно хорошего, и что «ущемила» Вас жизнь позднее многих других...

Шлю сердечный привет Вам и всем Вашим.

Душевно Вам преданная, С. Панина

Письмо А.И. Петрункевича

11 октября 1952 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

большое Вам спасибо за экземпляр Ваших воспоминаний, которые я читаю с большим интересом и вниманием, т.к. многие из упомянутых профессоров мне знакомы, а иные были моими учителями. Как воспоминания участника и очевидца, они станут особенно верными документами при будущей исторической оценке событий этих годов. Что касается вопроса о печатании Вашей статьи, то у меня есть надежда на её прием в журнале Systematic Zoology[15] и поэтому я передал и Вашу таблицу с рисунками глаз беспозвоночных профессору Brooks, редактору журнала. Как долго еще затянется вопрос, и примут или отвергнут статьи сказать трудно. Американские редакторы страшно, педантично требовательны и делают все, чтобы статьи были того же типа, к какому они привыкли. Сколько я сам воевал с ними и даже сейчас все напрасно трачу свое время над собственной статьей, подводя её под клише, которому следует Американское геологическое общество. Они полтора года этим мучили и только третьего дня, наконец, прислали мне корректуру. Если Вашу статью примут, как я надеюсь, то Вам о ней больше беспокоиться не нужно и расходы по

исправлению английского языка мы возьмем на себя здесь и, само собой разумеется, бесплатно.

Софья Владимировна[16] все еще на Reed Farm, Valley Cattage, N.Y. и я не знаю, когда она вернется. В сентябре, перед их отъездом в Лос-Анджелес я видел у Вернадских отца и сына Лосских.

Старик все еще бодр и работает. Я провел 6 недель в Аризоне у дочери, а прошлую неделю провел, ничего не делая из-за внезапного воспаления правого плечевого сустава, что даже одевание сделалось очень затруднительным. Но сейчас воспаление прошло, прошла и боль, и я снова работал с утра до вечера.

Шлю Вам сердечный привет.

Преданный Вам, Александр Петрункевич

Письма Ф.А. Степуна

21 апреля 1950 г.

Дорогой Михаил Михайлович,

большое спасибо за Ваше письмо и за добрую память о нас. Простите ради бога, что отвечаю Вам на него с опозданием на целых шесть месяцев. Не справлялся я со своей корреспонденцией. Надо было выехать в Швейцарию и найти здесь если не пишущую машинистку, то все же пишущую корреспондентку и соответствующую руку, чтобы засесть за ответные письма. Располагай я таким каллиграфическим почерком, как Ваш, я бы давно написал, но я даже и сам не могу прочесть своих каракуль.

Все что Вы пишите, навело на нас с Наташей[17] большую грусть. Почти в тех же тонах покорного уныния пишет и Сергей Алексеевич Левицкий. Не веселее письма сестры и ее подруги Галины Николаевны Кузнецовой. Мы мысль о переезде в Америку еще не окончательно бросили, т.к. перспектива попасть в советскую тюрьму еще хуже [чем] попасть в Америке под советскую атомную бомбу. Умирать все равно надо, но разговаривать с советским следователем не обязательно. Да ведь может статься, что посадят тебя (накормив духоразорительной химией) в концентрационный лагерь и заставят писать апологию сталинизма. Но, не отказываясь окончательно от мысли заокеанного существования, мы все же не спешим покидать милую Европу. Мне сдается, что в ближайшие годы надо скорее ждать продолжения холодной, чем начало горячей войны. У большевиков, безусловно, есть шансы на захват Германии «мертвой сапой», в таком случае возможно бы было податься в Швейцарию, но конечно можно и опоздать.

Остается только одно: надежда на Божий промысел. Пока судьба была с нами исключительно внимательна. Так как с тех пор, как мы получили от Вас письмо, прошло уже полгода, то, быть может, Ваше положение и изменится к лучшему, и Вы испытаете утешение не только в наблюдении процесса духовного развития Вашей внучки, но и в налаживающейся вновь научной работе. ⟨...⟩ Вы ведь знаете еще и английский язык, который мне окончательно чужд. А, кроме того, преподавание зоологии не требует (как мне кажется) того абсолютного знания языка, как преподавание истории и философии. Но дело, впрочем, не только в языке, но и в нашем с Вами возрасте. Недавно у меня был очень интересный и умный молодой американец, рожденный от русской матери в Берлине, переехавший трехлетним ребенком в Советскую Россию и попавший уже зрелым юношей в Америку, т.к. его русская мать вышла в Москве вторично замуж за американца. Он двумя словами прекрасно осветил мне положение в Америке. «У нас в Америке, – сказал он, – все должно быть своим, американским, и, кроме того, молодым». Это глупо, но это так. В ближайшее время они снаряжают научную экспедицию по изучению Советской России на основе опросов Ди-Пи во всех лагерях. У них под руками много русских людей из старшей и новой эмиграции, вполне разбирающихся в положении и находящихся в непрерывном сношении с новой эмиграцией. Но они никого не берут: шлют шесть молодых американцев – социологов еле говорящих по-русски и, конечно, не способных раскрыть ума и сердца подозрительного русского человека; но убедить их в том, что такая экспедиция настоящих результатов добыть не сможет, как говаривал бывший у нас русский американец, невозможно[18].

Это навело на меня большую грусть. Счастье еще в том, что с экспедицией работает и мой знакомый, которому, я думаю, мы сможем помочь, подкинув своих людей.

Буду очень рад, дорогой Михаил Михайлович, если Вы простите мне некорректность моего запоздалого ответа и напишите как Вы теперь живете. Очень было грустно утратить связь с Вами, длящуюся скоро уже целых 40 лет.

Вам, Валентине Николаевне со всеми чадами и домочадцами наш самый сердечный привет.

Крепко и дружески жму Вашу руку.

Ваш Федор Степун

P.S. (от руки) Простите малограмотность и грязь своего письма. Диктовал случайно попавшейся одной «Ди-пи».

12 января 1952 г.

Мюнхен

Дорогой Михаил Михайлович,

спасибо за привет и поздравление. Бог даст, новый год не принесет нам никаких новых несчастий, Бог даст, мир избежит разгрома новой войны. Как ни хочется видеть Россию, освобожденной от большевистского зла, освобождение ее на путях атомного разгрома мира душа все же принять не может. Боюсь, что в результате американской победы над Сталиным, свободными окажутся не люди, а только незаселенные поля, выкорчеванные леса, разбитые города и бесконечные кладбища.

Вы спрашиваете, собираемся ли мы к Вам? Хотя мы и проходили, почти сознательно замедляя темп, через все необходимые инстанции, мы кажется, получив возможность выезда, все же останемся тут. Покинувши Германию, верховный Баварский комиссар Шустер пытался устроить меня в Америке. О возможности устройства я переписывался и с Карповичем, и с Мосли, и с целым рядом других людей. Результат этой переписки, что устроиться в Америке так, чтобы иметь возможность продолжать свою научную работу, мне будет нельзя. Не зная английского языка и приближаясь к семидесятилетнему юбилею, можно будет в лучшем случае кормиться статейками, лекциями на русском и немецком языках, быть может, выступлениями на радио, но никак не по-настоящему работать. Я же сейчас нахожусь в творческом запале. Пишу довольно много и собираюсь писать еще больше. У меня уже подписаны три контракта с писателями. Конечно, оставаясь здесь, мы рискуем попасть в лапы большевикам, но совсем без риска жить сейчас нельзя. Оставаясь здесь, я, быть может, все же выиграю свою жизнь, с переездом в Америку я её оборву, но никак не закончу. Главная причина того, что мы как будто остаемся, если конечно в политике не наметится неожиданно жуткий поворот, заключается в том, что у нас пропал страх перед будущим, и омертвела в душе тема войны и отъезда. Эта интуиция поддерживается как будто бы и разумными размышлениями. Мне кажется, что большевики пропустили время для наступления. Западный мир крепнет и мне не думается, чтобы Сталин, успешно ведущий свою завоевательную политику в Азии, сейчас бросился на Европу. Думается, что ему ясно, что в холодной войне, в подпольно-агитационной работе он сильнее, чем в настоящей атомной бойне. Зачем ему менять тяжбу, в которой у него большие шансы, на войну, которую он в конце концов,

в этом я уверен, все же проигрывает. Вот вкратце наши чувства, соображения и решения.

Валя[19] была у нас вскоре после своего приезда сюда. Она очень переменилась: из сдобной, кругловатой, русской девушки превратилась в худую, где-то и внутренне подтянутую, собранную русскую американку. Замечательно, как сильно Америка переоформляет даже и внешность людей...

Очень сочувствую Вашей идее Ломоносовского ун[иверсите]та[20], но боюсь, что её осуществление разобьется о непреодолимые трудности. Америка, очевидно, враждебна развитию национальных культур. Если устроите свободный ун[иверсите]т, с удовольствием прилечу к вам прочесть цикл лекций. От души поздравляем Вас с прошедшим Рождеством и с наступающим русским Новым годом.

Наташа и я шлем всей вашей семье наши лучшие пожелания.

Ваш Федор Степун

25 мая 1957 г.

Мюнхен

Дорогой мой Михаил Михайлович,

простите великодушно, что не поздравил Вас к Вашему 80-летию. Живем мы пространственно далеко друг от друга, а душевно каждый в своей суете. И то и другое мешает вовремя вспомнить о старой дружбе и многих годах душевного соседствования. Но Вы знаете, что Вы, прежде всего, конечно, сам по себе, но и по тем воспоминаниям, которые связывают Ваш образ и с моим Гейдельбергом, и с Анной Александровной, и с нашей жизнью в Москве на Новослободской в дореволюционном флигеле с большим тополем под окном, – бесконечно дороги мне.

Я с удовольствием прочел Вашу брошюру «Полстолетие научной деятельности» и несколько устыдился тому, что в свое время не исполнил Вашей просьбы и не защитил Вас от нападков прессы, в связи с Вашим отзывом о Керенском. Но мне было трудно еще лишний раз подчеркивать некоторую несостоятельность Керенского в роли вождя России. Я не понимаю, почему Вишняк отрицал, что фраза о розах души была действительно произнесена. Я думаю её можно найти, кроме как у меня и у Кусковой, еще и Милюкова. Все это дела давно прошедших лет, и нападать друг на друга нам уже не стоит. Вы читали мою книгу[21] и знаете мое отношение к Александру Федоровичу. Корни его несостоятельности мною раскрыты. Но я все же продолжаю думать,

что как политический деятель он был значительнее его правых коллег: князя Львова и Милюкова, которые в революцию подали в отставку и ушли от власти, спутав революционную ситуацию с нормальной политической жизнью.

Выпущенную Вами книгу о Московском университете я, конечно, сейчас же себе выпишу через Париж, откуда постоянно получаю книги.

Валя, кажется, к Рождеству писала мне, но на письме не было адреса. Вашего адреса я тоже не знаю, а потому посылаю письмо по адресу «Нового журнала» с просьбой переслать Вам его. Вас же прошу сообщить и Ваш адрес и Валин. Нам неприятно, что её милое письмо осталось без ответа.

Крепко жму Вашу руку и шлю Наташин и мой привет Вам и Валентине Николаевне, и дочери, и внучке.

Ваш Федор Степун

20 марта 1961 г.

Prof. Dr. Fedor Stepun
Munchen 13
Ainmillerstr. 30, Telefon 33-99-19

Дорогой Михаил Михайлович,

простите великодушно, что я с таким преступным запозданием отвечаю на Ваше письмо, которое доставило мне и Наташе большую радость. В наше все расторгающее время у пожилых людей, в конце-концов, только остается одна радость: память о прошлом и о тех людях, с которыми ты был в этом прошлом связан. Мне не надо говорить вам насколько центрально живете Вы в моей памяти о моем прошлом. Помню и Гейдельберг и весь Зоологический институт, в котором вместе с Вами работала Анна Александровна. Помню затем и нашу первую с Натальей Николаевной квартиру в Вашем доме на Новослободской, а затем уже эмигрантские встречи в Праге и, наконец, в Мюнхене. Несмотря на все это, я не удосужился сразу ответить Вам, так как живу не в себе, а как бы не у себя, в каком-то поезде дальнего следования, как хорошо говорили в России, который постоянно носит меня не только по всей Германии, но что хуже, по далям чужих судеб, чужих воспоминаний и рассказов, которые не сходят с моего письменного стола. Читаю, читаю, и все посылают новые рукописи и книги.

Ваши письма были невеселые. В них чувствовалось, что Вам Америка не по нутру. Думаю, что мне она будет еще менее по нут-

ру, чем Вам. Во-первых, потому что Вы знаете английский язык, а я его не знаю, а во-вторых, потому что зоология наука транснациональная, моя же философия глубоко связана с Россией и Европой. Есть, наконец, еще и третья причина, заставляющая меня печалиться при мысли о, быть может, необходимом переселении за океан. Вы не только дедушка, но вы и почтенный прадедушка. Вокруг Вас есть молодые глаза, руки и ноги, которые и должны будут блюсти вашу старость. Я же себе подобных не породил, и потому должен сам заботиться о себе. Думаю, что это в Америке будет для меня нелегко. Одно утешает – мир не без добрых людей. В последнее время в ожидании того, что Парижская конференция четырех великих стран, а затем и конференции министров ни к чему не приведут, стали уже конкретно подумывать о выезде. Очень может быть, что через несколько месяцев можно будет ехать. Бросать здешнюю жизнь, конечно, бесконечно грустно, особенно с тех пор, как выяснилось, что Баварское правительство постановило выплачивать нам, профессорам из Восточной зоны, небольшую пенсию, дающую возможность иметь крышу над головой и не умереть с голоду, что для меня вполне достаточно, так как побочный заработок дополнял бы этот минимум до вполне приличной нормы. И все же оставаться здесь на произвол судьбы, как-то страшновато. При всех своих отрицательных сторонах Америка имеет то преимущество, что будешь знать: сделал все от тебя зависящее, чтобы не встретиться с «товарищами», остается только покорное ожидание судьбы. Здесь же каждое утро просыпаешься с вопросом, правильно ли ты делаешь, что еще не уезжаешь. Для человека же нет ничего более разлагающего, как неустанные сомнения.

Общественная жизнь здесь в русской колонии осложнилась и оживилась сознательным участием в ней американцев и приливом некоторых денег в эмигрантские карманы. За последнее время тут нарождались и рассасывались всевозможные предприятия, отчасти политического, отчасти культурного характера. При американской помощи образовано нечто вроде русского научного института[22]. Был даже организован съезд научных работников из Советской России, на котором был и я, выступал с докладом. Науки там было не очень много, но можно было все же получить весьма живые впечатления о жизни ученых в Советской России и вообще о психологии советского человека. Между прочим, узнал я и то, что в Советской России запрещено распространение астрофизической теории о конечности мира. Действительно, в научно-астрономическом журнале напечатано, что эта теория является

лишь символом западно-европейского ощущения конца их власти над миром, а, кроме того, если мир конечен, то он окружен пустотой, в которой можно поселить Господа Бога. Все это совершенно чудовищно и все же не подлежит сомнению, что в Советской России процветает настоящая наука, не имеющая ничего общего с марксизмом. Я пришел к заключению, что марксизм это только форма властвования над учеными, а сама наука движется совершенно другими силами. На принципе диалектического материализма танка не построишь, а они строят; то же самое происходит и во всех других областях, вплоть до историко-литературных исследований. За последнее время я проработал два тома литературного наследства: один посвященный Гёте и один посвященный Достоевскому. В обоих томах очень много интересного и весьма ценного. Идеология же плавает поверху, как сало на холодном бульоне. Можно сбросить, разогреть и пить с удовольствием.

Напишите, дорогой Михаил Михайлович, пожалуйста, как Вы устроились, пристроились ли к какой-нибудь научной деятельности? Где и как работают зять и внучка? Нам очень интересно все это знать.

Простите мне мою корреспондентскую леность. Обещаю исправиться и под это обещание жду письма.

Крепко жму Вашу руку и шлю Вам, Валентине Николаевне и всем вашим наши с Наташей самые сердечные приветы и пожелания.

Искренне преданный вам, Федор Степун

29 ноября 1961 г.

Мюнхен

Дорогой Михаил Михайлович!

Не посетуйте на меня, что я с таким запозданием благодарю Вас за Ваши сердечные строки. Я получил около 250 писем с выражением сочувствия и соболезнования. Отвечать печатными текстами, как оно принято в Германии, мне не по сердцу. Таких печатных ответов я отослал только небольшое количество далеким мне людям. Ответы на русские письма шли медленнее, чем на немецкой машинке, потому что моя русская машинистка свободна только поздно вечером, когда ей и мне спать хочется. Спасибо Вам, родной, сердечное за Ваши теплые слова. Вы ведь, вероятно, самый старый знакомый Наталии Николаевны. В Ваш московский деревянный дом на Новослободской с незабываемым тополем, мы с Наташей въехали, вероятно, в 1911 году, а потом встретились в Праге и в Мюнхене.

Жалею, что Ваши недуги иногда так обременяют Вас, но что делать, надо принимать, что посылает жизнь. Мое здоровье тоже уже не прежнее. Последнюю зиму меня мучил злостный грипп, а Наташина смерть, заставшая меня не в полном здравии, усилила сердечное недомогание. Но все же я еще должен благодарить Бога за то относительно весьма приличное здоровье, которым пользуюсь.

Сердечно преданный Вам, Федор Степун

П.С. При случае скажите внучке, чтобы она написала мне. Хотелось бы знать, как она живет, как работает, как преуспевает.

Письма Н. Андреева

3 ноября 1956 г.

Dr. N. Andreev
College Holt
Huntington Road
Cambridge, England

Дорогой Михаил Михайлович!

Был очень рад Вашему письму, которое получил сегодня утром. Насколько я знаю, практически все дела «Граней» ведет секретарша редакции Наталья Борисовна Тарасова. Адрес её следующий:

Frau N. Tarassov
c/o Verlag «Possev»
Merianstrasse 24a
Frankfurt/Main. Germany

Вашу книгу «От Москвы до Нью-Йорка» прочитал с большим интересом и приобрел для себя: когда-нибудь намереваюсь написать о «русской Праге», – Ваша книга будет ценным источником. К.И. Гаврилов почти не пишет мне: м[ожет] б[ыть], раз в год. Очень жалею, что он попал во все эти аргентинские передряги. Пожалуйста, передайте мой сердечный привет М.И. Мейендорф. Иногда в Лондоне встречаюсь с бароном Александром Феликсовичем Мейендорфом, б[ывшим] товарищем председателя Государственной Думы. Очаровательный и умнейший человек, – вероятно, и Вы его знаете по Думе. Живу я, слава Богу, замечательно. Счастливо женился, у нас очаровательная дочь, Катенька, которой сейчас ровно 1 1/2 года. С 1948 года лекторствую в Cambridge University. С этого академического года «повышен в чинах»,

получив – по нашим понятиям – доцентуру, и назначен до времени отставки, т.е. до достижения мною 67 лет. Много работаю и исследовательски, печатаюсь на английском языке.

В 1954 г. встретил у проф. Степуна Вашу внучку и послал с ней Вам и Вашей супруге «пражский привет»

Преданный Вам, Николай Андреев

15 апреля 1957 г.

Кэмбридж

Дорогой Михаил Михайлович,

Вы доставили мне действительно большую радость присылкой Вашей увлекательной книжки: «Полстолетие научной деятельности». Сердечное спасибо и за внимание, глубоко мне приятное, и за возможность иметь Вашу ученую автобиографию в моем личном книжном собрании. Вместе с Вашим интереснейшим томом «От Москвы до Нью-Йорка» эта автобиография служит основанием для «портрета» умного, глубокочтимого, неиссякаемого энергичного ректора Русского свободного народного университета, с которым мне пришлось не раз встречаться в начальные годы моей академической карьеры, и облик которого ярко сохраняется в памяти. Вы ведь были для нашего (уже зарубежного) поколения студентов и символом и образцом: символом русской учености и общественных традиций, образцом джентльменства в личных отношениях, образцом трудоспособности и творческого оптимизма. Второй экземпляр Вашей ученой автобиографии я передал Cambridge University Library, где для нее наиболее достойное место, тем более, что все больше и больше английских студентов, занимающихся естествознанием, учат русский язык (к которому, кстати сказать, именно англичане исключительно способны: я их подтруниваю, говоря, что, кажется, Хомяков был прав, считая англичан славянским племенем угличан!).

Позвольте принести Вам от имени моей маленькой семьи и своего собственного поздравления и с Вашим славным юбилеем и по случаю близящихся праздников Св. Пасхи.

Христос Воскресе! Преданный Вам, Н. Андреев

Письма Д. Чижевского

4 апреля 1957 г.

D. Tschizewskij. Prof.
an der Univ. Heidelberg
Heidelberg – Blumenstrasse, 34

Многоуважаемый и дорогой Михаил Михайлович!

Большое спасибо за присланную мне брошюру о Вашей научной деятельности! К сожалению, я и не знал о Вашем восьмидесятилетнем юбилее и поэтому могу поздравить Вас с таким огромным опозданием.

Одновременно высылаю Вам свою брошюру, которой начал публикацию славистической серии в Европе. Возможности публикаций здесь у меня весьма широкие. Ведь я еще в марте 1956 г. уехал на год в Европу, а здесь получил новую кафедру славистики в Гейдельберге, где и надеюсь окончить свою научную деятельность. Был бы очень рад, если бы Вы нашли время и возможность написать воспоминания о Гейдельберге. Ведь пока весь обширный материал о «русском Гейдельберге» еще не собран и я с удовольствием напечатаю Ваши и других прежних гейдельбержцев воспоминания о старом Гейдельберге. Гейдельберг не разрушен, вообще здесь не упало ни одной бомбы. И город в общем выглядит так же как выглядел в годы моего студенчества, в 1921–1922 гг.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за присылку Вашей брошюры и пожелать Вам всего наилучшего!

С искренним уважением, Ваш Дмитрий Чижевский

Может быть, если у Вас нет времени или охоты писать воспоминания, Вы разрешите мне перевести на немецкий язык страницы Ваших воспоминаний о Гейдельберге[23]. Надеюсь получить воспоминания от Ф.А. Степуна и тех немногих ученых, которые принадлежат еще к «старым гейдельбержцам».

Дмитрий Чижевский

18 апреля 1957 г.

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемый, дорогой Михаил Михайлович!

Большое спасибо за скорый ответ! Ваше предложение перевести часть Ваших воспоминаний, касающуюся Гейдельберга, я, конечно, принимаю с удовольствием. Может быть к этому можно было бы присоединить и Ваш доклад о *Бючли*. Ваши воспомина-

ния я читал в Америке. Если их здесь нет, я, конечно, их закажу. Но мне хотелось бы иметь Ваши указания на страницы, которые Вы хотели бы видеть в немецком издании и, может быть, Вы написали бы хотя бы 1–2 страницы вроде введения или заключения к воспоминаниям уже напечатанным.

Здесь еще жив проф. Бубнов, сейчас болен и лежит в клинике. Он очень постарел, но в прошлом семестре еще читал. Кроме меня есть еще один русский профессор-юрист, А. Макаров. Славянский институт пока удается поставить на широкую ногу и, как кажется, в ближайшем будущем еще расширить. Все это, конечно, отнимает массу времени. Но мне удалось сейчас же основать две серии научных изданий, сейчас веду переговоры о третьей. Вообще условия работы несравненно благоприятнее, чем в Америке. Кроме того, ведь я читал в немецких университетах уже 18 лет, так что всюду есть знакомые, друзья и ученики. Кстати и у директора Пансчена в музее бываю каждый месяц на небольших собраниях с научными докладами.

Сейчас организую в музее в Реклингхаузене выставку старых русских миниатюр из рукописей (у меня в ин[ститу]те есть около 150 старообрядческих рукописей).

Еще раз, большое спасибо и наилучшие пожелания.

Преданный Вам, Дмитрий Чижевский.

2 июня 1957 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Михайлович!

Большое спасибо Вам за все Ваши посылки. Думаю, что в начале 1957 года мне удастся напечатать на немецком отрывки из Ваших воспоминаний, касающиеся Гейдельберга, а, отчасти, и выходящие за его пределы. Напечатаю их или в издаваемой серии «Мусагет» (один выпуск Вам высылаю и надеюсь, что Вам внешний вид этой серии покажется привлекательным), или даже в издаваемом Гейдельбергским университетом журнале, выпуск которого за прошлый год вышлю Вам также в ближайшие дни (собственно это не журнал, а ежегодник).

Буду подбирать материал воспоминаний о Гейдельберге, чтобы и в дальнейшем напомнить о связях нашего университета с Россией.

Ваши естественно-исторические работы мне отчасти известны, так как я, конечно, очень интересуюсь вопросом о «конвергенциях»[24], пожалуй еще более важном для истории литературы, чем для лингвистики, да и вообще интересуюсь общими вопросами

разных групп наук. И Ваш оттиск о Пуркинье[25] мне интересен (я его читал и раньше). У меня есть ряд неизданных писем Пуркинье его зятю-врачу. Я также их издам в серии «Мусагет» или в другой, которую собирается выпускать тот же издатель.

С искренним уважением и наилучшими пожеланиями – преданный и благодарный Вам,

Дм. Чижевский

Письмо Г.В. Вернадского

18 февраля 1957 г.

George Vernadsky
625 Orange st.
New Haven 11, Conn.

Дорогой Михаил Михайлович!

Большое спасибо за присылку мне Вашего очерка «Полстолетие научной деятельности» с Вашим автографом.

Прочел с большим интересом. Для меня как историка особенно ценно изложение Вашего учения о «гомоморфиях»[26] [далее... не понятно].

С искренним уважением и приветом.

P.S. Другие два присланных Вами мне экземпляра – для С.Г. Пушкарева и для Yale Library – передам на днях по назначению.

Письмо А.Д. Билимовича

20 мая 1958 г.

Alexander D. Bilimovich
771, Cypress St.
Monterey, Calif.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Я уезжал на неделю в Stanford, где работал в Hoover Library, богатой русскими материалами. Вернувшись, застал Вашу статью.

Спасибо Вам за нее. Она прекрасна и очень важна для намеченного сборника[27]. Конечно, она больше внимания уделяет Московскому университету. Но это и понятно, ввиду ведущей роли Московского университета в русской университетской жизни. К тому

же именно дореволюционная роль этого университета особенно интересна для иностранного читателя. Хотя московские экономисты грешили пристрастием к экономической теории Маркса, но именно московский государствовед Б.Н. Чичерин дал первую русскую критику этой теории (в сборнике Государственных знаний Безобразова) раньше, чем это сделали Bohm-Baweek и др. немецкие экономисты. Однако и в Киевском университете подвизался известный экономист Н.Х. Бунге, противник К. Маркса, бывший позже либеральным м[инист]ром финансов, создавший целый выводок учеников. Один немецкий историк экономической науки в России даже говорит о «Киевской школе русских экономистов» в отличие от школы Московской и от нее родившейся Петербургской. И интересно, что за последние годы перед революцией в Киеве защищали свои диссертации москвичи Н.Н. Шапошников и В.Ф. Тотомианц, а совсем накануне революции петербуржец и бывший марксист П.Б. Струве в Киеве защищал свою докторскую диссертацию, после того как вышла знаменитая история на его защите магистерской диссертации в Москве, где экономисты предлагали дать ему сразу доктора, а против этого возражали романисты Бабин и бывший киевский Митюков.

Увы, все это развитие было оборвано революцией, и когда я читаю Ваши строки о той Комиссии Временного правительства о реформе высшей школы, в которой Вы были председателем и участвовал м[инист]р народного просвещения А.А. Мануйлов, то мне становится очень грустно, т.к. после падения старой России не только не удалось осуществить планы дальнейшего развития нормальной высшей школы, но нельзя было даже сохранить существовавшую школу.

Но пусть люди, читая Вашу прекрасную статью, узнают, как цвела и росла университетская наука в дореволюционной России. Еще раз спасибо Вам за данную статью.

Я получил также статью Н.О. Лосского о русской философии в дореволюционной России. Постепенно намечаемый сборник из предположений становится реальностью.

Книги Ваши я получил и очень благодарен за них. Книжечку с Вашей научной автобиографией, которой я раньше не читал, я прочел с большим интересом. Я вспомнил, что Виллафранковская биологическая станция около Болье, о которой Вы пишите, и на которой, как-то и я был во время странствования по Южной Франции, была основана Киевским университетом при деятельном участии проф. Коротнева. Хорошо помню его и его красивую жену, урожденную Кристи. Помню и упоминаемого Вами, проф.

Северцова, также бывшего одно время в Киевском университете. Да, и кн [язь] Е.Н. Трубецкой до перехода в Москву преподавал в Киеве. Я был позже на его похоронах в Новороссийске.

Надеюсь, что Вы получили две мои книги. Я задержался с их отправкой, за что прошу извинить меня. Думаю, что я не преувеличил сказочного роста свободной кооперации в России перед революцией и не ошибусь, предвидя исключительную роль кооперации в послебольшевистской России. Об этой книге очень благоприятный отзыв дал В.Ф. Тотомианц, несчастный давно совсем слепой. Я иногда переписываюсь с ним. Хорошо было бы, если бы ему помог Литературный фонд. Он в Париже и, по-видимому, очень нуждается.

Всего Вам доброго. Я рад, что сборник дал нам случай вспомнить друг о друге.

С дружеским приветом, А. Билимович

Письма А.В. Тырковой-Вильямс

15 апреля 1954 г.

Tyrkova-Williams,
Ariadna Vladimirovna
200 W 58th St. N.Y.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Благодарю Вас за дружеский отзыв о моей книге[28]. Эту, особенно близкую нам с Вами эпоху, не знают иностранцы, но и русские плохо знают и понимают.

Жизнь меня так замотала, что я до сих пор еще в Ваши воспоминания заглянуть не успела. Писала Маклакова... надеюсь и до Вас доберусь.

Примите и Вы от меня поздравления и пожелания на светлые праздники.

Искренне преданная, Ариадна Вильямс

26 ноября 1957 г.

1763 Calembic Rd
Washington 9 DC

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Михайлович,

шлю Вам мою сердечную благодарность за присылку брошюры, посвященной пятидесятилетию Вашей научной деятельности, за то, что вспомнили обо мне. А главная благодарность, конечно

за ненасытную пытливость ума и неугасимое прекраснодушие. Пускай мечтатели осмеяны давно, но если бы не было мечтаний научных, социальных, духовных, чтобы осталось от жизни человеческой!!

Вашу автобиографию прочла я с большим интересом еще и потому, что с детства увлекалась естественной историей, мечтала стать доктором, набивала свои карманы червяками и головастиками. Как раз последнее время хотела поискать книгу со сводкой нынешних биологических знаний. По-видимому, ее даст Ваша книга[29], но она по-немецки. Этого мне не одолеть. Но если бы Вы могли прислать что-нибудь из Ваших трудов по-английски или по-французски, я уже не говорю о русском, то я была бы очень признательна и обещаю вернуть в исправности. Меня очень интересуют насекомые, мне всегда казалось, что может наступить время, когда пчелы и муравьи развернут еще не до конца выявленные в них возможности.

Но почему Вы считаете, что интуиция есть специфическое достояние философов? Мне думается, что в безграмотных людях она может быть глубже и проникновеннее, чем в самом Бергсоне.

Еще раз благодарю Вас за память и жалею, что мы живем далеко друг от друга и что я лишена удовольствия беседовать с моим ученым и милым соотечественником.

С сердечным уважением, Ариадна Вильямс

Письмо Романа Гуля

24 августа 1957 г.

Roman Goul
506 West 113th Str.
New York, 26. N.Y.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Михайлович!

Большое спасибо Вам за памятку о В.А. Маклакове[30]. Я её уже сдал в набор. И пришлем тогда Вам кн. 50 (она выйдет в сентябре)[31]. Большое спасибо Вам за то, что Вы нас очень выручили. Должен был написать М.М. Карпович, но он перед отъездом в Европу замотался и не успел. Выпустить же очередную книгу без памятки о В.А. было бы просто невозможно, но в то же время надо было, чтобы написал кто-то «адекватный» В.А. и знавший его. Вот меня и осенила счастливая мысль обратиться к Вам.

Еще раз большое спасибо.

Искренне Вам преданный, Роман Гуль

Письма Н.С. Арсеньева

22 января 1954 г.

Professor Novikoff:
Orthodox Cathedral 59 East 2 St.

22 января 1954 г.
(телеграмма)

Please receive my heartiest wishes and congratulations for the First of our Glorious university Sorry to be Hundred from attending I am in spirit with you all,

Nicholas Arseniev

17 марта 1958 г.

161 Archue
Sea Cliff. Long Is, N.Y

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

С благодарностью возвращаю Вам текст моей статьи, в которой я сделал только несколько маленьких исправлений стилистического характера. Я приложил к нему еще и текст моего краткого обращения по Radio «Liberation»[32]. М[ожет] б[ыть] можно было бы его напечатать в виде приложения к статье?

В Монреаль я не попал, т.к. заболел гриппом.

Горячо жму Вашу руку.

Горячо Вас чтущий и сердечно, и горячо Вам преданный,

Николай Арсеньев

Письмо С. Вербицкой

27 октября 1959 г.

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Была крайне тронута и обрадована получив Ваш «привет» в виде «Regularity of Form in Organisms». Вы, значит, имеете возможность продолжить свою деятельность, несмотря на трудные условия новой жизни. Давно хотела Вам написать, но не имела Вашего адреса. Мы уже два года как выбрались из Tres Lagos'a. Муж – директор больницы в Puerto Santa Cruz. Я – заведую лабораторией в ней же. Работы много, но работа живая и нужная. Условия очень тяжелые, т.к. кроме нас двоих нет никого хотя бы что-нибудь знающего. Все приходится делать самим. Сплошь да рядом не спим ночей и бывает по 5–6 операций в день. Сейчас

мужа нет, его отослали в соседний город заменять уехавшего в отпуск врача, а здесь нет никого. На мне осталась вся ответственность. В крайнем случае, я могу вызвать мужа по телефону. Живем мы на морском берегу, но море – угрюмое-холодное. Климат плохой – все те же сильные ветры. Единственное развлечение – это ловля рыбы, да и та ловится только несколько месяцев в году. Изредка появляются тюлени, дельфины и пингвины. Много гагар и бывают на перелете птицы из южных морей. Но времени мало, а главное, почти всегда такой ветер, что не возможно заниматься прогулками и наблюдениями. Часто с грустью вспоминаю Мюнхен. Там, хотя приходилось туговато, но была своя работа и возможность что-то сделать. Здесь занимаюсь всем, кроме своей работы. Пробовала достать руководства по птицам Аргентины, но таковых нет, и я свою коллекцию подарила музею.

Вот и вся наша жизнь. Если напишите хоть короткое письмо, буду очень и очень рада.

Уважающая Вас, С. Вербицкая

Письмо Ч. Ремингтона

8 января 1951 г.

Yale University
Osborn Zoological Laboratory
New Haven, Connecticut

Professor Michael M. Novikoff
C.C. Club
Highland Avenue
Nyack, New York

Dear Professor Novikoff,

Professor Petrunkevitch suggested that I write and invite you to come to Yale and lecture to the Zoology Department on Homomorphism. We have a quest lecturer each Wednesday afternoon. We have an opening for January 23rd, and it is a pleasure to invite you to come and speak to us on that day. Traditionally, we have an informal tea for the speaker at 4:15 P.M., and the lecture begins at 4: 45. I should also like to invite you to join a few of us for the dinner at the Faculty Club after the lecture.

Please let me know whether you will be able to come on the 23rd.

Yours very truly.

Письмо М. Вейнбаума

4 октября 1952 г.

Novoye Russkoye Slovo
Oldest Russian Daily – Est. 1910
243 West 56 th Street
New York 19. N.Y.

Профессору М.М. Новикову
Найяк

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Просьба помочь проф. К.З. Яцюте[33] поступила в Литфонд недавно, и правление отправило ему 25 долларов. Если понадобится, пошлем еще.

Пользуюсь случаем, чтобы попросить Вас дать свое имя в качестве «спонсора» (члена-покровителя) Литфонда. Это ничем Вас не обяжет. Но оно может помочь нам в сборе средств.

С глубоким уважением, М. Вейнбаум

Здесь же черновик ответа Новикова:

Глубокоуважаемый Марк Ефимович!

Благодарю за Ваше любезное письмо от 4 октября и сообщаю Вам, что я согласен на включение моего имени в список спонсоров Литфонда, но крайне сожалею, что в качестве безработного не могу быть полезен Литфонду в материальном отношении.

Шлю Вам серд[ечный] прив[ет] и наил[учшие] пож[елания].

Преданный Вам

Письма К.И. Гаврилова

1 июля 1951 г.

...Столько воспоминаний всколыхнула весточка о Вас – хороших, очень теплых воспоминаний. Годы студенчества. Наши лаборатории. Ваши лекции. Сейчас глубоко ценю те основы, которые получил от Вас. Мне много помогают в моей работе. Вероятно, Рита Вам рассказала, что я сейчас – профессор в Тукуманском университете. У меня кафедра беспозвоночных, зоопсихологии (для зоологов) и общей биологии животных для медиков. Много студентов и много работы. Кроме того, веду секцию гельминтологии и изучаю Oligochaeta, продолжая линию нашего дорогого и бедного дяди Левы. В моей секции работает Dr. Schnurmans Stekhoven – нематодология. Я очень доволен своей работой. К ней я пришел

не сразу, после многих лет и научных скитаний в Буэнос-Айресе, и поэтому глубоко ценю мое теперешнее положение.

К.И. Гаврилов (Gavrilov K.I.)

24 сентября 1951 г. (выборочно)

...С *Оглоблиным* я вижусь редко. О вас говорили, когда Вас хотели пригласить сюда (помешал возраст), и тогда *Оглоблин* сказал, что Вы «были» в Мюнхене, но не определил Вашего теперешнего местожительства, о котором я узнал от Риты.

Когда в 1939 г. Jirovee написал мне, что не стоит возвращаться в Прагу, я начал хлопоты о переезде в Северную Америку, в Мичиган, где проф. *Болдырев,* ученик Павлова, имеет рефлексологический институт при Battle Creek Sanatorium. Списался с Болдыревым и получил от него приглашение на условия переезда, поставленные североамериканским консулом, оказались не под силу (требовалась гарантия, превышающая жалованье моего отца).

В Физиологическом институте проф. Houssey'a в Буэнос-Айресе не оказалось средств, да к тому же не было большой любви к русским, которых всех причисляли к «красным». В лаборатории профессора Frank Soler, второго физиолога медицинского факультета, царила беднота и интриги и при всем усилии, принятый туда gratis, я ничего не мог достигнуть, борясь больше с людьми-ассистентами, чем с проблемами, которые хотел изучить (генитальная иннервация у собаки). Пришел момент, когда почувствовалась необходимость денег, и мне пришлось поступить в коммерческую (фармацевтическую) лабораторию, сперва как химику, и потом как биологу (проблема антивирусов). Опять пришлось бороться с завистью и недоброжелательством, одновременно с разработкой методов приготовления медикаментов... В ту же эпоху сблизился со здешними психоаналитиками, которые только что организовались, и у них нашел признание, дружбу, доброжелательство и тот научный энтузиазм, который так ценю и ищу. Выкроил один день в неделю на службе, чтобы мне позволили ходить в детский госпиталь, где психоаналитики начали свою работу. Участвовал в их исследованиях и многому научился у них. Материалы моих опытов, осуществленных в этой больнице (тест Тинеля с влиянием новокаина и атропина на зрачок для определения тонуса вегетативной нервной системы), я до сих пор не имел времени разработать для публикации, ибо надо осуществить много арифметических расчетов. Когда-нибудь это сделаю.

В 1943 году, под влиянием войны, лаборатории, не получавшие сырья, начали сокращаться. В их числе наша «Lutetia». Все служащие, имевшие меньше двух лет давности работы, оказались на улице. В их числе я. Новой службы получить было невозможно. Сидел дома, без копейки. Начал изучать проблему лизатов, к которой пришел через вопрос о сперматотоксинах (должен добавить, что первые месяцы моего пребывания в Буэнос-Айресе я посещал лабораторию Оглоблина и пробовал «сперматизировать» саранчу). Сделал несколько пропагандных сюжетов, которые разослал в разные лаборатории, предлагая разработать метод приготовления лизатов, медикаментов, которые в России имеют очень широкое поле применения. В литературе о методе говорится мало и надо было начинать с азов, ища пути и осуществляя опыты. Отклик был сперва слабый. В то же время писал свою книгу о рефлексологии неврозов, которую издал в 1944 году. Этот год оказался для меня удачным. Кроме успеха книги, мне удалось устроиться в фармацевтическую лабораторию «Lea» (Laboratorio Endocrinico Argentino) для разработки лизатов. Еврей – директор этого учреждения, на которого произвело впечатление мое обещание «увеличить груди всем аргентинским женщинам посредством лизатов», не хотел контракта, и мне пришлось начинать опыты в качестве простого служащего. По интуиции или по логике – не знаю, но с первых же шагов опыты пошли удачно, и вскоре я имел разработанными шесть медикаментов: против астмы, против давления крови, против гипертрофии тиреоидной железы, против экземы, против отсутствия молока у рожениц и против angelures (оморожения пальцев). С этого момента начался новый период борьбы.

Оказалось, что с моими результатами, которые от меня самого хотели скрыть (мне пришлось проверить их в частном порядке – с участием друзей-врачей), делали выгодные аферы и чуть даже не зарегистрировали их на чужое имя в министерстве. Слава Богу – по логике или по интуиции, опять не знаю, – я в течение работы регистрировал все мои достижения, никому не говоря, как «интеллектуальную собственность» и этим спас все положение. Разочарование моих шефов было огромное, и я этим выиграл, и им пришлось подчиниться мне.

Как раз в этот период (1947), когда я уже чувствовал себя «маленьким королем» в лаборатории жуликов, меня пригласили в Тукуман, в Instituto Miguel Lillo (часть Тукуманского университета) и вскоре сделали профессором тех предметов в университете, которые я Вам уже перечислил в предыдущем письме.

Этому приглашению содействовали д-р Cordero, директор музея в Montevideo, тоже олигохетолог, знавший меня еще по моим пражским работам, и д-р Costellonos – ботаник, приятель Оглоблина. В эту эпоху во главе университета стоял д-р Descole – человек необыкновенной активности, прямой, понимающий, широкий, искренне преданный науке и блестящий организатор... И поэтому для нас его «падение» (надеемся, что временное), обусловленное вражескими силами, получившими политический перевес при перевыборах ректора, оказалось большим ударом. Д-р Descobe сейчас больше не ректор, а только директор Instituto Migeuel Lillo. Он с нами, ибо Зоологический институт, где я работаю, находится в этом учреждении (Instituto – сохраняет известную автономию, следуя завещанию Lillo).

Пишу все это Вам, чтобы охарактеризовать нашу университетскую жизнь. Она сильно отличается от таковой в Европе. Здесь еще нет традиций. Все молодо, да зелено, все меняется как фигуры в калейдоскопе. Сейчас предоминирует политика, и это, конечно, мешает научной работе. И в то же время все мы продолжали нашу научную деятельность и ею довольны. Во время Descobe возможности были очень большие. Строился университетский город. Не было ограничения в материалах. Были большие возможности ездить по стране, чтобы собирать материалы. Думалось о нашем материальном положении. Сейчас все это изменилось к худшему. Но Descobe – в качестве директора Instituto Lillo – строит новое здание и в нем «камеру Павлова». Сейчас он очень озабочен вопросом о непроницаемости стен в акустическом отношении.

Я еще вернусь (если Вас интересует) к этим вопросам в следующих моих письмах. Сейчас мне остается резюмировать те проблемы, которыми я занимался в течение этих аргентинских лет моей жизни, и также сказать несколько слов о моей женитьбе и разводе. Письмо разрастается, и Вам вероятно будет утомительно его читать. Но раз я взялся за гуж, я должен его кончить в том же стиле, как начал.

Вы уже смогли почувствовать в предыдущих строчках, в чем заключались мои научные проблемы:

а) как и всегда, на первом месте, в смысле моего интереса, находится соотношение рефлексологии и психоанализа. Этим вопросам посвящена моя книга, которую я издаю сейчас, и где я стараюсь обосновать биологически теорию Фрейда об эросе и танатосе (инстинкты, вернее влечение жизни и смерти). До сих пор эти проблемы затрагивались мною в плане рассуждений и спекуляций. Надеюсь, что организация рефлексологической

лаборатории в нашем институте позволит мне практически изучать неврозы у животных и таким образом перейти из плана абстрактности в план чистого эмпиризма.

К этой категории работ относятся также начатые и незаконченные исследования в области неврологии, о которых я упомянул раньше;

b) как фаза временная и переходная, хотя и удачная, должна рассматриваться моя работа с гистолизатами (или лизатами). Достигнутые результаты превысили мои ожидания. Эта проблема, к которой я пришел во время моих «скитаний» в Буэнос-Айресе, была логическим продолжением работ над сперматотоксинами;

c) центром моей деятельности в настоящий момент являются Oligochoeta. Продолжаю изучать их размножение в условиях изолированности (как в Праге), а также систематику и географическое распространение в Аргентине. В сущности это моя главная работа в Instituto Lillo в качестве шефа гельминтологической секции.

Большие трудности в этой области встречаю из-за отсутствия литературы. Покупка сепаратов невозможна, ибо отсюда не выпускают доллары, а фотокопии приходят с большим опозданием или даже не приходят.

Если Вы можете мне помочь с розысками и приобретением сепаратов по Oligochaeta (Michaelsen, Stephenson, Cognetti, Martiis, Bellard, Benham, Gates и т.д.), то я был бы очень и очень благодарен Вам. Мог бы заплатить за расходы, присылая книги или какие-либо другие вещи из Аргентины.

Написал я за эти годы мало. Начинаю писать больше сейчас. Несколько работ в печати. Кроме того, готовятся две книги: техника изучения Oligochaeta и биология животных для медиков по программе моего курса. Некоторые работы посылаю Вам вместе с этим письмом. Простите, что книга в плохом виде, но это последний экземпляр, который я имею, и его читали ученики.

Теперь о моей женитьбе. Это случилось в 1947 году, в ноябре. Женился я на очень красивой и очень молоденькой аргентинке, которую встретил в лаборатории, где разрабатывали лизаты, но уже после моего ухода оттуда. 8 месяцев был очень счастлив. Прекрасная «артистка», она сумела создать иллюзию большой любви. В то же время меня обманывала, ибо имела чересчур большой успех и конечно не могла устоять. Появились поклонники вокруг и со мной считались все меньше и меньше, пока я, наконец, не прекратил всё это. Тогда меня покинули, пока я был в отъезде. Я подал прошение о разводе (хотя здесь развод,

в сущности, не настоящий, ибо не позволяет жениться вторично). «Многоуважаемая» супруга предъявила требование, чтобы я её содержал всю жизнь. Процесс длится вот уже третий год и в течение этого времени я должен платить т.н. «провизорные алименты» – для поддержания любовников жены (таковы законы). Говорят, что процесс я выиграл на 200% (хотя еще нет вердикта), но отделаться от этих провизорных алиментов будет стоить много времени и усилий. В связи с этим мое материальное положение в настоящий момент довольно слабовато, несмотря на хорошее жалованье. Несмотря на то что во всем этом был момент большого трагизма и порядочного отчаяния, я смотрю на все это дело с большим юмором и даже немного развлекаюсь бессмысленностью законов и положения. Женщина хотела вернуться ко мне, но я её не принял, и она, конечно, старается мстить в материальном плане. Результатом всего этого будет небольшая психологически-социологически-сексологическая статья, где вероятно я дам волю моему юмору. Злобы я не чувствую никакой, но удивлен порядком.

Вот вкратце (несмотря на это письмо разрослось на 6 страниц) моя аргентинская жизнь. В общем, я доволен ею и только боюсь, что не хватит лет, чтобы начать и углубить рефлексологическую работу, которую мы намечаем, и которой я хотел бы посвятить себя всецело.

Дорогой Михаил Михайлович, Вы не должны огорчаться, что на старости лет Вы немного отошли от научной, прямой деятельности. Вы сделали за свою жизнь столько хорошего и ценного, что можете спокойно позволить себе и известный отдых. К тому же, даже отдыхая, Вы всегда что-либо творите. Я знаю Вашу натуру. Вы всегда активны и эта черта Вашего характера не позволяет Вам довольствоваться малым. Но Вы можете быть спокойны. Пусть Вам кажется, что надо еще что-то сделать. Реальность говорит, что Михаил Михайлович Новиков уже много сделал для всех нас. Вы очень известны. Здесь в Аргентине Вас знают не только биологи, но даже психоаналитики, в сущности немного удаленные от нашей науки. Ваше имя всегда произносится с большим уважением: Ваши теории цитируются всегда как самые модерные.

Вашу книгу о биологических теориях я постараюсь достать из Германии через нашу библиотеку, как только будет возможность обмена. Она должна быть очень интересна и для меня представит ценный источник сведений для моего курса.

22 декабря 1951 г.

[О полученной книге М.М. Новикова] ...С наслаждением её перелистывал. Даже не читая, вижу, как прекрасно выбран материал и как много Ваш труд мне поможет в составлении моего курса биологии, который я должен издать в начале будущего учебного года. Это вторая Ваша книга, которая будет цитироваться как основная. Первая – курс сравнительной анатомии беспозвоночных (на чешском языке), который я заставил купить нашу институтскую библиотеку...

Было бы тоже очень ценно – перевести Вашу сравнительную анатомию, но это смог бы сделать только я, хотя сейчас совершенно не хватает времени на подобную большую работу. Ваша история биологических теорий была бы очень полезна на испанском языке. В испанской здешней литературе есть только одна книга этого направления – Singer'а.

15 декабря 1953 г. (выборочно)

...Уже несколько недель тому назад послал Вам мою книгу о психоанализе и рефлексологии, которая появилась в июне и встретила в здешней прессе очень положительный отклик, хотя некоторые журналы официально-советского направления в психиатрии обвиняют меня чуть ли не в идеализме (чего нет) и не могут согласиться с биологическим обоснованием психоанализа. Книга революционная, ибо логически объединяет данные глубинной психологии и биологии, и меня очень интересует, какое развитие получат изложенные в ней идеи. Было бы очень хорошо, если бы мне предложили перевести её на английский или французский язык, что сразу бы увеличило сферу её проникновения и, может быть, подняло бы полемику вокруг затрагиваемых вопросов.

Моя жизнь идет все по тому же пути, что и раньше. Работаю много и с удовольствием. Мешает вечная борьба с бюрократией, которая портит нервы и кровь всем здешним профессорам, и из-за которой до сих пор не удалось закончить постройку рефлексологической камеры. Но, в общем, приспосабливаемся и что-то делаем. Сейчас ставлю опыты с условным поведением у кошек, применяя словесные раздражители и их дифференцировки. Работаю над этим уже с июня и результаты получаются интересные, тем более что выработка условных реакций производится в группе и можно наблюдать влияние типа конституции и инстинктивных моментов в сравнительном отношении. Не забываю также Oligochaeta, которым посвящаю много времени, и которых у меня собрано

много – огромная коллекция, которой хватит на мою жизнь и на жизнь тех, кто заменит меня потом. На моей ответственности теперь кафедры общей биологии, зоологии беспозвоночных, зоопсихологии (которая, к сожалению, исключается в новом плане, что разработали для унификации всех здешних университетов) и сравнительной анатомии и физиологии, куда, как глава, войдет зоопсихология. Все это читаю для естественников. Должен постепенно написать руководство, но не хватает времени заняться этим сейчас. Хочу использовать для этого каникулы, во время которых тоже придется подготовить курс зоопсихологии для Института психотехники, куда меня пригласили на будущий год. Видите, что работы выше головы. Иногда проклинаю сон, который отнимает время, а также мою лень, что мешает порядком. Вообразите: новый план исключает биологию на медицинском факультете. Это меня освободило от огромного количества учеников, но все же не могу смириться с этой глупостью...

В частной жизни – на фронте развода я выиграл абсолютно баталию и теперь хожу «вторичным холостяком», нашивая заплатки на прорванные «финансовые штаны».

Все.

27 декабря 1957 г.

...После здешней революции было много изменений. Многие из коллег поняли дело так, что имеют право мешать работе со своими интригами и прочей мерзостью. Приходится бороться и защищать серьезность работы.

Ваша книга сейчас находится в издательстве «Cartago»[34], но неизвестно, смогут ли её напечатать. Вначале заинтересовались, но потом подсчитали стоимость издания и возможности продажи, пошли на попятную. Выходит очень дорого. Но пока ещё не дали никакого ответа и не возвращают текста. Finshelman совсем скис. Отсутствие этого учебника принесло мне много неприятностей с курсом. Пришлось писать все заново, издавая в виде мимеографических записок. Все это шло очень медленно. Издание на мимеографе опаздывало, и курс тоже. Этим воспользовались некоторые завистливые коллеги и начали интриги, мешая ещё больше продолжению этой работы. Пока что написал половину курса (беспозвоночные и позвоночные вместе). Курс получается большой и против этого «работают» интриганы. Вероятно, для будущего года удастся издать написанные главы в университетской типографии в виде тетрадей. Но для этого я должен отказаться абсолютно от авторских прав в пользу университета во всех смыслах. Учебник

получится большой. Не знаю, какого он будет качества. Приходится писать спешно, не думая много, без претензий на оригинальность. Только бы вышло на испанском языке хоть какое-либо руководство. «Недруги» стараются вырвать курс из рук и вообще его уничтожить, базируясь на отсутствии учебника, и на том, что мой курс чересчур обширен. Я не сдаюсь и пишу.

Постараюсь издать тоже Ваш учебник. Он очень нравится ученикам. Говорят, что очень легко усваивается. Он намного лучше того, что пишу я, и всегда будет большим подспорьем. Но все это в будущем. А сейчас моментами я дохожу до отчаяния в этой гонке...

Жизнь в Аргентине сейчас очень неустойчивая. Все ждут результатов будущих выборов, которые осуществятся в феврале. Пока же жизнь дорожает, и нет уверенности ни в чем...

Я переменил квартиру. Нанял себе большую и дорогую, [к сожалению], квартиру, вместо пансиона, где я уже не мог жить из-за отсутствия пространства для книг и бумаг. Живу один, но чувствую себя хорошо и доволен этой переменой, несмотря на дороговизну.

Письмо В. Некрасова

б/д, после 5 февраля 1950 г.

Глубокоуважаемый профессор,

по-видимому, в газете «Новое русское слово» не будет никаких сообщений о Вашей лекции 5-го февраля. А то, что я хотел бы сказать по поводу этой лекции, мне представляется неподходящим для громогласного, публичного суждения, тем более, что я не имею уверенности в том, что я правильно слышал и понял Ваши слова – последние слова, сказанные Вами взволнованным и негодующим голосом...

Я не уверен – сказали ли Вы о «проституции русской науки» или о «проституции русских ученых»? Мне лично и то, и другое представляется и неправильным, и неуместным, и недопустимым.

Искренне прошу Вас отнестись к моему этому письму без обиды и без враждебности, потому что я не имею намерения Вас обидеть или Вас осудить.

Я более 40 лет читаю лекции по истории русской науки. Я начал читать их в России, когда самые слова «большевик» или «коммунист», можно сказать, не существовали в нашем обиходе.

И я читаю эти лекции здесь, в Америке, и по-русски, и по-английски, об «истории русской науки», но не об историко-политических или общественно-литературных конфликтах, беспутствах или безумствах.

Ближайшая причина, побуждающая меня к этому письму, отнюдь не этическая или идеологическая; я отнюдь не беру на себя судить или осудить Вас за то, чего я сам не сделал бы, но, может быть, мог бы сделать что-нибудь худшее... Я не моралист, не проповедник, не деятель. Я лично ни перед кем ничем не обязан, ни с кем не связан и никого кроме себя не представляю.

Дело вот в чем. Эта тема – расхождении и столкновении Науки Русской и Наукой Западной в области генетики появилась еще в 1935–1936 гг., но в других областях эта же тема появлялась и в 1925–1926 гг.

Я уехал из Москвы в мае 1918 г. и из Владивостока в Америку в июле 1918 г. С тех пор до сего дня о России и о Русской науке я только читал, что мог найти (на 4 1/2 языках). Последние 8 лет я жил вне Нью-Йорка в 150 милях от него, находясь на правительственной службе (я по профессии математик).

Когда начиная с 1948 г. конфликт между двумя генетиками обострился, а в 1948 г. принял формы безобразные, нигде не бывалые на пути последних 250 лет, я начал особенно усердно «собирать материалы».

Осенью 1949 г. я по моему возрасту (69 лет) должен был окончить мою службу и, вернувшись в декабре 1949 г. в Нью-Йорк, только в силу чисто личных неожиданностей и забот, не имея времени приготовиться к лекции. По-моему, и важность и интерес и новизна совсем не в вопросе – кто прав: Мендель или Мичурин, Морган или Лысенко? На это уже отвечено исчерпывающе убедительно. Вопрос же и не в том: права или виновата компартия в ее варварском, полицейском или фанатическом мучительстве над русской мыслью? Здесь и вопроса нет, во всяком случае для тех, для кого – убийство есть убийство, подлость есть подлость и насилие есть насилие!

На эти оба вопроса уже достаточно сказано и написано и со стороны подлинных, больших ученых, и со стороны общества, печати и публики. Но как я думаю – главное ни в человеческой Науке, ни в компартийной Эзотерике! Все такие и рассуждения и заклинания напрасны. Все их главные слова, термины и образы давно утратили их смысл, их однозначность.

Я раздумываю над такой лекцией, но будучи в переписке с одним англичанином, профессором ботаники (Eric Ashby),

который в 1947 г. опубликовал исключительную книгу – «Scientist in Russia», я добрался до возможности поместить мою статью в английском журнале «Morden Quarterly», где пишут такие ученые мозги, как Jul. Hurtley и S. Haldane. Эта аудитория представляется как наиболее подходящее место, где можно сказать все и откуда можно получить и надлежащую отповедь и надлежащий отклик.

По правде в русском Нью-Йорке меня мало интересовало (я знаю заранее) – что я могу услышать от николаевских, зензиновых, далиных, абрамовичей, вейнбаумов или новицких, тимашевых, спекторских и многих других членов Общества спасения на водах...

Я не знал, что Ф.Г. Добжанский вернулся из Южной Америки, и о Вашей лекции я узнал незадолго до 5-го февраля. Таким образом, я занялся писанием статьи, в которой, между прочим, я остановился на общей перспективе, в которой выявляются, как постепенно на пути последних годов «Западная наука» описывала, называла, то, что она видела в «Русской науке». Это было так.

1. В 1946 г. P.S. Hudson и Richens писали о «Новой генетике в Советском Союзе».

2. В марте 1947 г. C.O. Darlington писал о «Революции в Советской науке».

3. В марте 1949 г. проф. Ф.Г. Добжанский писал о «конце генетики в Советском Союзе».

4. В июне 1949 г. Jul. Huxley писал о «Начальном этапе на пути истории науки».

5. В ноябре 1949 г. Dr. W. Kaempffert в N.Y. Times писал о «перерезанном горле русской генетики».

6. В декабре 1949 г. появилась книга Prof. Zirkle «Смерть Науки в России».

Когда ученый профессор объявляет о «смерти науки», мы, читатели, невольно скептически поднимаем брови – «так ли это?» Мы – публика, так же как и все профессора в мире, хорошо знаем, что науки не умирают!..

7. После Вашей лекции 5-го февраля 1950 г. русский профессор М.М. Новиков в своей лекции говорил о «проституции»... тут я запнулся «русской науки» или «русских ученых»? Что, конечно, хуже «смерти»... А написав это, я совсем остановился и вот уже две недели смотрю на приписанные 3 строчки... Сегодня пишу Вам об этом... Зачем? Точно не могу ответить. Мне больно, горько видеть или слышать слова о проституции русской науки или русских ученых!

Тем более прискорбно то, что фактических признаков, характеризующих проституцию «там» нет!

В нас-то «здесь» есть негодование, есть осуждение, даже призрение! Но нам ли, русским, до сего дня живущим экстазом и надрывом Достоевского, обращаться с негодованием или презрением даже к доподлинной проституции женщины, торгующей собой??

Я видел Вас впервые и слышал Вашу речь и... я не могу представить себе Вас в роли изобличителя и карателя греха Земли, бросающего камень презрения в грешницу!

Тем меньше нужды в метафорическом бросании «камня» в русских ученых или в русскую науку нашего все еще пока подлого, трусливого безвременья!

Посмотрите на факты такого же подлого безвременья, имеющего место и здесь, в «самой западной» и в «самой великой» демократии Соединенных Штатов Северной Америки...

Здесь, в Америке, нанятые ученые получают высокие оклады от казны и наибольшая угроза или опасность для них – в потере этого жалованья, в скандале, в неудержимости и в бесстыдстве прессы, и эти ученые (пока) не протестуют открыто, не сопротивляются (активно), а покорно послушествуют! В Советской России, там – концлагеря, НКВД, мучительство... и что же? Надо еще требовать от ученых и мученичества – как было 1900 лет назад при Неронах и Диоклетианах? А без этого мученичества на этих ученых отсюда, из за моря далекого, ставится клеймо проституции? Тут что-то... неувязка не то в сердце, не то в уме!?

Я не верю тому, что если Вы будете повторять Вашу лекцию, то Вы повторите и Ваши последние слова, сказанные Вами 5-го февраля.

Поэтому, я остановлюсь в моей статье (она озаглавлена «The Russian Science's Immunity from Death») на моем 6-м пункте и не буду упоминать п.7 о словах русского профессора М.М. Новикова.

Если Вы имели терпение дочитать до этих слов мое длинное послание, очень прошу Вас еще раз отнестись к нему как к вполне неизбежному результату Вашей лекции.

Я не думаю, что я много моложе Вас. Я – не профессор, не ученый по профессии, но 49 лет моей жизни «взрослого» человека прошли под знаком Науки, Русской науки, Русской школы.

Я окончил Михайловскую артиллерийскую академию, был оставлен при академии для приготовления к профессорству, приготовил диссертацию... и в Августе 1914, когда «это началось», воспылал идиотическим, патриотическим порывом и ушел из академии офицером артиллеристом на аэроплане «Илья Муромец», мечтал об единоборстве русского богатыря с немецким

графом Цеппелином! Все это оказалось безграмотным вздором, надувательством, казнокрадством! Моя драгоценная жизнь уцелела только потому, что наш Илья Муромец разбился, еще никуда на войну не летая! Эта безграмотная патриотическая калечь и не могла летать! В 1915 г. меня послали в Америку на 9 месяцев! В мае этого 1950 г. я могу праздновать 35-летие моей бесполезной, бездельной жизни в Америке. Только в течение 4-х лет работа для меня была бременем, тяжестью, проклятием. В течение 31 года я работал с удовольствием, с радостью (я математик по профессии); никогда ни для учреждения, ни для общества, ни для начальства – только для себя, для получения средств к жизни. Я ничего «не заработал», фактически я так же гол как был в 1918 г., когда начал мою «новую американскую жизнь» рабочим в асбестовых копях, ломая асбест за 32 цента в час и чувствуя себя гордым, как павлин. Мне было всего 37 лет и я не был никому и ничем обязанным!

Я обязан только моей Школе – Академии – там я получил любовь в Науке и знание математики – и этим кормился 32 года.

Увы, только кормился и был сыт, не больше... Но я вполне счастлив... Простите великодушно, если я надоел Вам и моим «откликом» на Вашу лекцию и «личными дополнениями» – я все-таки хочу, чтобы Вы хоть что-нибудь знали из первоисточника.

От уважающего Вас В. Некрасова

Примечания

[1] Диапазон корреспондентов М.М. Новикова обширен: философ Н.О. Лосский (Нью-Хевен, штат Коннектикут, США), известная общественная деятель, графиня С.В. Панина (штат Нью-Йорк, США), профессор зоологии А.И. Петрункевич (Нью-Хевен, штат Коннектикут, США), философ Ф. Степун (Мюнхен, Германия), историк Николай Андреев (Кэмбридж, Великобритания), историк Дм. Чижевский (Гейдельберг, Германия), историк Г.В. Вернадский (Йельский университет, США), экономист А.Д. Билимович (Беркли, штат Калифорния, США), писатель А.В. Тыркова-Вильямс (Вашингтон, штат Округ Колумбия, США), писатель Р. Гуль, философ Н.С. Арсеньев (Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, США), зоолог С. Вербицкая (Аргентина), профессор зоологии Чарльз Л. Ремингтон (Нью-Хевен, штат Коннектикут, США), журналист, главный редактор газеты «Новое русское слово» М.Е. Вейнбаум (Нью-Йорк, США); зоолог К.И. Гаврилов (Аргентина) и др. Все оригиналы писем хранятся в коллекции документов Бахметьевского архива Колумбийского университета в Нью-Йорке. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Library for Rare Books and Manuscripts of Columbia University. Novikov Mikhail Mikhailovich’s Collection, B. 1976. Papers, ca. 1.000 items (6 boxes). Box 1: Correspondence.

[2] Андрей – младший сын Н.О. Лосского.

[3] Речь идет о переезде 4-х поколений семьи М.М.Новикова из Германии в США в 1949 г.
[4] Статья М.М. Новикова «Regularity of Form in Organisms» была опубликована в журнале «Systematic Zoology» только в 1955 г. Не исключено, что первоначальный вариант статьи был опубликован ранее в другом периодическом издании.
[5] Георгий Владимирович Вернадский – профессор русской истории Йельского университета.
[6] «Ассоциация американских и иностранных ученых» (The Association of American and Foreign Scholars. Inc.) с правами юридического лица была создана в 1948 г. в Нью-Йорке по инициативе русских профессоров (К.Г. Белоусова, В.И. Свинтицкого, Е.В. Спекторского и др.) и американских коллег. Президентом ассоциации был избран Винсент Свинтицкий, вице-президентом – Евгений Спекторский, секретарем – Константин Белоусов. Русская секция ассоциации стала организационной основой для создания Русской академической группы в США (в 1953 г.).
[7] Речь идет о намерениях Новикова организовать издание научного журнала «Вестник Русской академической группы в Нью-Йорке» («Proceeding of the Russian Scholar Group in New York») (с резюме – на англ. яз.). Об этом Новиков упоминает в 1953 г. во «Временных правилах Русской академической группы в Нью-Йорке» (BAR, Novikov Collection. Subject file. Box № 5, Academicheskaja Grupa – Universitet I.M. Lomonosova). Замысел Новикова был реализован только после его смерти, в 1968 г.; при этом, название журнала изменилось на «Записки Русской академической группы в США» («Transactions of the Association of Russian American scholars in the USA»).
[8] Названы имена членов семьи М.М. Новикова: жены, детей, внучки и правнука.
[9] После смерти жены Н.О. Лосский жил попеременно: или в США, или у младшего сына Андрея, или во Франции, у старшего – Владимира.
[10] Брошюра М.М. Новикова «Полстолетие научной деятельности» опубликована в 1956 г. в издательстве им. Чехова (Нью-Йорк).
[11] Лосская Ирина Николаевна (ур. Нехорошева) – врач.
[12] Толстой Сергей Львович (1862–1904) – старший сын Л.Н. Толстого, автор книги «Очерки былого» (Тула, 1975). Двухтомник А.Л. Толстой «Отец: жизнь Льва Толстого» на русском языке вышел в свет в издательстве им. Чехова (Нью-Йорк) в 1953 г.
[13] Имеется в виду книга А.В. Тырковой-Вильямс «На путях к свободе»(Нью-Йорк, 1952; Лондон, 1990).
[14] Императорский институт экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге был открыт 6 декабря 1890 г. как высшее научное медицинское учреждение академического типа. Он был принят на государственное обеспечение императором Александром III и находился в ведомстве Министерства внутренних дел. Его основателем и попечителем был известный военный и государственный деятель принц А.П. Ольденбургский.
[15] Статья М.М. Новикова «Regularity of Form in Organisms» была опубликована в журнале «Systematic Zoology» только в 1955 г.
[16] Имеется в виду графиня Панина Софья Владимировна.
[17] Наташа (Наталья Николаевна) – жена Ф.А. Степуна.
[18] Речь идет о Гарвардском проекте Русского исследовательского центра. Молодой человек, о котором пишет Степун, это – Джордж (Юрий) Фишер (1923 г.р.). В 1947 г. Фишер поступил в аспирантуру Гарвардского универси-

тета и предложил Русскому исследовательскому центру Гарварда идею широкомасштабного проекта исследований послевоенной эмиграции из СССР. Он участвовал в создании Русской библиотеки, и оказывал помощь в становлении Института по изучению истории и культуры СССР. В 1952 г. Фишер защитил диссертацию «Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War 2». (Cambridge, Mass., 1952).

[19] Имеется в виду внучка М.М. Новикова – Валентина Анатольевна Гетманова.

[20] Имеется в виду Русский свободный университет имени Ломоносова в США, проект которого в конце 40-х – начале 50-х гг. разрабатывался Новиковым вместе с К.Г. Белоусовым, В.И. Свинтицким, Е.В. Спекторским и др. (BAR, Novikov Collection, Box № 5, Subject file. Akademicheskaja Grupa – Universitet I.M. Lomonosova).

[21] По-видимому, имеется в виду книга Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся».

[22] По-видимому, Ф. Степун имеет в виду Институт по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене, открытый после войны (Institut fur Erforschung der Geschichte und Kultur der Ud USSR).

[23] Воспоминания о Гейдельберге можно найти в книге М.М. Новикова «От Москвы до Нью-Йорка» (1952) и в его брошюре «Otto Butschli» (New York, 1954).

[24] «Учение о конвергенции» подробно изложено в работах М.М. Новикова. «Конвергенция» подразумевает независимое развитие сходных признаков у разных групп организмов к сходным условиям внешней среды.

[25] У М.М. Новикова можно найти несколько публикаций о Пуркинье, см.: J.P. Pourkygne et sa conception organique de la nature // Научные труды Русского народного университета в Праге / Под ред. М.М. Новикова. Прага, 1929. Т. II. С. 326–333; L' anatomiste Purkyne // Comptes rend. l' Assoc. des Anatomistes. 1929; Purkynovy styky s Rusy / Casopis Nar. Musea. Praha, 1929; I.E. Пуркинье – русофил // Русский инвалид в ЧСР, 1932; Пуркинье – физиолог // Русский врач в Чехословакии. 1937). О какой из них речь идет в письме Дм. Чижевского неясно.

[26] «Гомоморфия» подразумевает сходство в строении органов у различных животных, зависящее от основных свойств живой материи.

[27] Двухсотлетие Московского университета (1755 – 1955). Празднование в Америке / Сост. и под ред. М.М. Новикова. Ред.: К.Г. Белоусов, А.А. Гольденвейзер, Г.И. Новиций, В.А. Юревич. Нью-Йорк: All Slavic Publishing House, 1956.

[28] Ко времени написания А.В. Тырковой-Вильямс данного письма вышло два тома её мемуарной трилогии «На путях к свободе»(Нью-Йорк, 1952) и «То, чего больше не будет» (Париж, 1954). Третий том «Подъем и крушение» (Париж) вышел в свет в 1956 г. Неизвестно, о каком томе из трех идет речь в ее письме.

[29] Не известно, о какой книге Новикова на немецком языке идет речь. Возможно, это – «Grundzüge der Geschichte der biologischen Theorien. Werdegang der abendländischen Lebensbegriffe» München: Carl Hanser, 1949.

[30] Статья М.М. Новикова «Памяти В.А. Маклакова» была опубликована в «Новом журнале» в 1957 г. (Кн. 50. С. 276–277).

[31] Имеется в виду «Новый журнал» (Нью-Йорк).

[32] Радиостанция «Освобождение».

[33] Речь идет об ученом – анатоме Яцуте Константине Захаровиче (1876–1953).

[34] Монография М.М. Новикова под редакцией и с предисловием К.И. Гаврилова была опубликована только в 1968 г., т.е. через четыре года после смерти автора («Fundamentos de la Morphologia comparada De Los invertebrados». Buenos Aires: EUDEBA (Editorial Universitaria de Buenos Aieres), 1968.

Приложение

М.М. Новиков: даты жизни и деятельности

1876 г., 14 (27) марта родился в Москве в старинной русской купеческой семье; православный.

1886–1894 гг. – учился в Московском коммерческом училище, по его окончании (1894) получил титул кандидата коммерции.

1895–1901 гг.– служил в коммерческом банке, работал страховщиком в страховом обществе, преподавал бухгалтерию в реальном училище Мазинга и в торговых классах Общества распространения коммерческого образования, занимался репетиторством, изучал древние языки.

1897 г., 27 апреля – женился на Валентине Николаевне (ур. Волковой).

1898 г. – в Москве родилась дочь Татьяна.

1900 г., 21 июня – в Москве родилась дочь Елена.

1901–1904 гг. – учился в Гейдельбергском университете (Германия).

1904 г. – окончил естественное отделение Гейдельбергского университета с дипломом доктора философии (натурфилософии) (Doctor of Natural Philosophy).

1904 г. – вернулся в Россию, работал в Институте сравнительной анатомии при Московском университете (директор – профессор М.А. Мензбир); в университете читал лекции по гистологии и сравнительной анатомии.

1905 г., 4 ноября – в Москве родился сын Владимир.

1905 г., декабрь – сдал первый магистерский экзамен (зоология беспозвоночных).

1906 г., зима–весна – сдал еще четыре магистерских экзамена.

1906 г. (осень) – получил звание приват-доцента Московского университета и на два года уехал за границу: Гейдельберг, Париж, биологические станции в Вилльфранш-сюр-Мер, Триесте, Ровиньо; принял участие в Международном съезде по изучению раковых заболеваний, проходившем в Гейдельберге.

1908 г. – начал читать курс общей гистологии в Московском университете.

1908 г. – в конце года был избран гласным Московской городской думы (1908–1917).

1909 г. – опубликовал статью «Исследования о хрящевой и костной тканях» в «Ученых записках Московского ун-та» для получения научной степени магистра зоологии и сравнительной анатомии.

1910 г. – защитил магистерскую диссертацию в Московском ун-те; опубликовал статью «Исследования о теменном глазе ящериц» (–110 с.) в «Ученых записках Московского ун-та» для получения научной степени доктора зоологии и сравнительной анатомии.

1910 г., август – на открытии Международного съезда зоологов в Граце (Австрия) выступил с пленарным докладом «О сравнительно-анатомических исследованиях “теменного глаза” у ящериц».

1911 г., январь – защитил докторскую диссертацию «Исследования о теменном глазе ящериц» в Московском университете.

1911 г. – в числе 130 профессоров и доцентов Московского ун-та вышел в отставку в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А. Кассо; начал преподавать сравнительную анатомию в Московском коммерческом институте; член Попечительского совета Московского городского сиротского приюта им. братьев Бахрушиных; председатель Московского общества попечения об учащихся детях Бутырского района и других благотворительных обществ.

1912 г. – избран ординарным профессором Московского коммерческого института.

1912 г., 18 ноября – избран депутатом IV Государственной Думы от Первого съезда городских избирателей г. Москвы как член прогрессивного блока конституционно-демократической фракции. Переехал в Петербург, сохранив за собой кафедру сравнительной анатомии в Московском коммерческом институте; в Думе специализировался по делам университетского законодательства и просвещения. Член комиссий: по народному образованию (с 4-й сессии – товарищ председателя), по городским делам (с 1-й сессии – товарищ секретаря; с 2 декабря 1916 г. – товарищ председателя).

1913 г. – принял участие в Международном зоологическом съезде в г. Монако.

1914–1918 гг. – председатель Московского отделения Особого комитета помощи военнопленным при Центральном справочном бюро о военнопленных Главного управления Российского общества Красного Креста; участвовал в работе Всероссийского союза городов, его уполномоченный; за работу в годы Первой мировой войны был удостоен ордена Международного Красного Креста.

1917 г. (после февраля) – выполнял поручения Временного комитета Государственной Думы (ВКГД). С 1 марта 1917 г. – комиссар ВКГД в г. Москве; командирован министром народного просвещения А.А. Мануйловым в Московский университет «для урегулирования дел». Председатель Комиссии по реформе высшей школы, созданной при Министерстве народного просвещения. Выступил с инициативой созыва Всероссийского съезда деятелей высшего образования.

29 апреля 1917 г. – заведующий Московским отделением в отделе ВКГД по сношению с войсками и населением, который занимался снабжением армии и провинции печатными материалами.

22 июля 1917 г. – представитель ВКГД в составе Московской просветительской комиссии; председатель Особого совещания по вопросам профессионального образования при Министерстве торговли и промышленности.

1917 г., сентябрь – избран сверхштатным ординарным профессором по кафедре зоологии Московского университета; заведующий зоологической лабораторией.

3 октября 1917 г. – член Временного совета Российской республики.

1917 г. – первый арест сотрудниками ВЧК; заключен в Бутырскую тюрьму (Москва), вскоре освобожден.

1918 г. – председатель Научной комиссии при Научно-техническом отделе ВСНХ (1918–1922); декан физико-математического факультета Московского университета (1918–1919); 1918 г., в ночь с 19 на 20 сентября – второй арест местной Сущевско-Мариинской ЧК г. Москвы «*за участие в просветительской комиссии Государственной Думы*». Приговор: 6 месяцев тюрьмы, с последующим пребыванием в концентрационном лагере без срока.

1918 г., после 7 ноября – освобожден из Бутырской тюрьмы по амнистии (по случаю первой годовщины Октябрьской революции) и по ходатайству Московского комитета Политического Красного Креста (МПКК).

1919 г., март – избран ректором Московского университета (последний свободно выбранный ректор); переехал в квартиру при университете по адресу: Москва, Моховая ул., дом 11, кв. 14/17.

1920 г., 23 апреля – кратковременный арест вместе с бывшим ректором Московского университета М.А. Мензбиром за неисполнение Декрета СНК о ликвидации домовых церквей (речь шла о церкви св. Татьяны).

1920 г., 23 апреля – арестован и 13 дней провел в тюрьме в связи с процессом над участниками так называемого Тактического центра.

1920 г., ноябрь – вынужден уйти в отставку с должности ректора в связи с реорганизацией управления университетами.

1922 г., 16 августа – после ареста посажен во внутреннюю тюрьму ГПУ.

1922 г., 25 августа – состоялось заседание Коллегии ГПУ, на котором вынесено решение: «выслать из пределов РСФСР за границу. Освободить на 7 дней, с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока».

1922 г., 26 сентября – выслан за границу с семьей IV отделением СО ГПУ в составе Московской группы так называемой антисоветской интеллигенции.

1922 г., 27 сентября – с семьей выехал из Москвы в Петроград.

1922 г., 29 сентября – с Николаевской пристани Васильевского острова Петрограда в сторону г. Штеттина (Германия) отошел немецкий

теплоход «Обербургомистр Хакен» (Oberburgermeister Hacken) с семьей Новикова и другими представителями так называемой антисоветской интеллигенции.

1922 г., 30 сентября – из г. Штеттина по железной дороге с семьей и коллегами уехал в Берлин.

1922 г., осень–зима – кратковременно жил в Берлине и участвовал в организации Русского высшего научного института; 16 февраля 1923 г. был избран профессором этого института.

1922 г., ноябрь – 1923 г., осень – переехал с семьей в Гейдельберг, где начал преподавание в Народном университете и приступил (вместе с дочерью Татьяной) к организации Биологического института; дочь Елена и сын Владимир были зачислены студентами в Гейдельбергский университет; восстановил членство в Немецком научном обществе, где прочел доклад о своих исследованиях плодородия почвы.

1923 г. – лекционная поездка в Италию под покровительством Итальянского общества по изучению Восточной Европы (Instituto del'Europa Orientale).

1923 г., апрель – по приглашению П. Новгородцева переехал в Прагу (Чехословацкая Республика). Жил в поселке Увалы под Прагой и работал в зоологической лаборатории Карлова университета, получая от правительства ЧСР профессорское вознаграждение в 2100 крон. 13 апреля в помещении Зоологического института университета (Praha II, Ke Karlovu 3) провел первое заседание Зоологического семинара.

1923 г. 22–24 мая – принял участие в ежегодном Съезде Немецкого зоологического общества в Лейпциге.

1923 г., осень – один из основателей Русского народного (свободного) университета в Праге (РНУ, РСУ); в 1923–1939 гг. – его ректор и председатель совета ун-та, руководитель Зоологического семинара; редактор «Научных трудов» ун-та (1928–1933) и «Записок научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете» (1934–1942; 1945).

1923–1925 гг. – председатель Отделения естественных наук РСУ; с 1923 – член Попечительского комитета по поддержанию Русской биологической станции в Виллльфранш-сюр-Мер (Франция); в **1924–1930 гг.** – председатель Попечительского комитета.

1925 г. – Зоологический семинар (ий) Новикова реорганизован в Семинар (ий) по общим вопросам естествознания, этнографии и евгеники.

1927 г. – начал читать курс лекций в Карловом университете в Праге; впервые принял участие в работе съезда Французской ассоциации анатомов, проходившем в Праге, и избран ее действительным членом.

1928 г. – принял участие в Международном зоологическом съезде в Будапеште с докладом «О типологическом методе в сравнительной

анатомии». Русский народный университет в Праге начал издавать «Научные труды РНУ» под редакцией М.М. Новикова.

1929 г. – принял участие в работе съезда Французской ассоциации анатомов в г. Бордо (Франция).

1929–1930 гг. – председатель Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета; **1930 г.** – соредактор юбилейного сборника «Московский университет в первый период большевистского режима, 1755–1930 гг.» (Париж: «Современные записки»), вместе с И.Б. Ельяшевичем и А.А. Кизеветтером.

1930 г. – на Международном съезде зоологов в Падуе (Италия) выступил с докладом об открытии кутикулярных свойств рабдома.

1931 г. – принял участие в работе съезда Французской ассоциации анатомов в г. Варшава (Польша) с докладом «L'anatomie compare comme science exact».

1933 г. – избран председателем инициативной группы по организации Русского культурно-исторического музея (РКИМ).

1933–1942 гг. – редактор сборника «Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге». В общей сложности, выпущено 16 томов.

1934 г. – выезжал в Эстонию для чтения лекций.

1935 г., 29 сентября – председатель Русского культурно-исторического музея (РКИМ).

1935–1939 гг. – профессор и зав. кафедрой зоологии чешского Карлова университета в Праге.

1935 г., 29 сентября – как председатель открывает Русский культурно-исторический музей в Збраславе (РКИМ) (13 км от Праги). Заведующий музеем – В.Ф. Булгаков. В п.1 «Положения о музее» говорится, что в будущем «его коллекции предполагается перевести на русскую землю».

1935 г. – под редакцией М.М. Новикова в Праге издана брошюра «Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию».

1935 г., 14 декабря – президенту Чехословакии Т.Г. Масарику, покровительствовавшему Новикову, исполнилось 85 лет и он ушел в отставку. 18 декабря 1935 г. президентом ЧСР становится Э. Бенеш, исполнявший до этого обязанности министра иностранных дел.

1936 г. – принял участие в работе съезда Французской ассоциации анатомов в г. Милане, (Италия); в своем докладе сформулировал принцип гомоморфии как основы сравнительно-морфологических исследований.

1937 г., 4–8 июня принял участие в торжествах по случаю празднования 400-летнего юбилея Лозаннского университета (Лозанна, Швейцария) (вместе с В.Б. Ельяшевичем).

1937 г., 8–10 июня – принял участие в праздновании «Дня русской культуры» (Женева, Швейцария) (вместе с философом И.А. Ильиным).

1937 г., сентябрь – принял участие в работе IV-го Международного конгресса по истории науки и техники, проходившем в Праге.

1938 г., 29 сентября – Мюнхенское соглашение Германии, Великобритании, Франции и Италии о Судетах.

1938 г., 5 октября. Президент ЧСР Э. Бенеш уходит в отставку и вскоре покидает страну.

30 ноября президентом Протектората Чехии и Моравии становится Эмиль Гаха (Emil Hacha).

1939 г., февраль – избран председателем Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике (после мая 1939 г. – Союз русских писателей и журналистов в Протекторате Чехия и Моравия).

1939 г., 14 марта – Словакия отделена от Протектората Чехии и Моравии и образует независимое государство прогерманской ориентации.

1939 г., 15 марта – начало оккупации Чехии (Богемии и Моравии) Германией.

1939 г., 16 марта – А. Гитлер прибывает в Прагу и в Пражском замке (Prazsky hrad) провозглашает образование германского «Протектората Богемии и Моравии».

1939 г., весна – М.М. Новиков посетил юбилейные торжества по случаю 50-летия Софийского университета (София, Болгария).

1939 г., октябрь – переезжает с семьей в Братиславу (Словацкая республика); перед отъездом передает Русскому культурно-историческому музею в Праге документы своего личного архива (рукописи, переписку, отчеты и пр.); сейчас это фонд Р-6767: Михаил Михайлович Новиков (ГА РФ, Москва).

1939–1945 гг. – ординарный профессор и заведующий кафедрой зоологии Словацкого университета в Братиславе, директор Зоологического института при этом университете.

1945 г. – переезжает с семьей из Словакии в г. Регенсбург (Бавария), в Американскую зону оккупации Германии, где с июня руководит культурно-образовательным отделом Греко-Православной общины (The Greek Orthodox Committee Church – Community in Regensburg), дает уроки, занимается научной работой.

1945–1949 гг. – вместе с членами своей семьи получает статус Ди-Пи («перемещенное лицо») и находится под опекой УНРРА (The United Nations Relief and Reabilitation Administration) (с июля 1947 г. – ИРО).

1946 г. – Греко-Православная община г. Регенсбурга отметила 70-летие М.М. Новикова.

1946–1947 гг. – декан естественно-научного факультета, профессор кафедры зоологии университета УНРРА (UNRRA) в Мюнхене; руководитель лаборатории зоологии и сравнительной анатомии университета; при медицинском факультете университета организует Гистологический институт.

1947 г. – возглавляет Ликвидационную комиссию УНРРА университета и Комитет по пролонгированию деятельности университета как «Свободного международного университета».

1947–1948 гг. – работает в должности профессора кафедры зоологии в Мюнхенском университете; читает курс естествознания в Высшей философско-теологической школе г. Регенсбурга. На выборах Русского эмигрантского представительства для Американской зоны Германии избран членом Совета.

1949 г. – в Мюнхене опубликована фундаментальная монография М.М. Новикова – «Grundzuge der Geschichte der Biologischen Theorien» (на нем. яз.).

1949 г., август – достигнув 73 лет, переезжает в США и селится в г. Найак (штат Нью-Йорк), недалеко от Толстовской фермы в Валлей Коттедже.

1949 г., 23 сентября – принят в члены Ассоциации американских и иностранных преподавателей и ученых в США в Нью-Йорке (Association of American and Foreign Scholars and Scientists in the United States).

1951 г., 14 июня – избран вице-президентом Исполкома Ассоциации американских и иностранных преподавателей и ученых в США (Нью-Йорк) и председателем Русской (национальной) группы ассоциации.

1951–1964 гг. – председатель Русской академической группы в США в Нью-Йорке.

1952 г. – в изд-ве им. Чехова (Нью-Йорк) издает мемуары «От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний».

1953 г. – начинает сотрудничество с Американским комитетом радиостанции «Освобождение» (Мюнхен); выступает с инициативой организации русских юбилейных торжеств по случаю 200-летия Московского университета в Нью-Йорке.

1954 г. – Гейдельбергский университет наградил Новикова «золотым дипломом» доктора наук.

1956 г. – в Нью-Йорке, в издательстве All Slavic Publishing House опубликован сборник «Двухсотлетие Московского университета (1755–1955). Празднование в Америке» и брошюра М.М. Новикова «Полстолетие научной деятельности», приуроченная к 80-летнему юбилею ученого.

1956 г., 17 июня – русская эмигрантская общественность в США отметила 50-летие научной деятельности и 80-летие со дня рождения М.М. Новикова.

1957 г. – Американская академия искусств и наук и Нью-Йоркская академия наук избрали М.М. Новикова своим действительным членом.

1960 г. – во Франкфурте-на-Майне издан сборник «Великаны российского естествознания» (Frankfurt. a. M.: Druck–Possev–Verlag).

1960 г. – по просьбе Института по изучению СССР в Мюнхене публикует статью в научно-популярном сборнике «Старые – молодым».

(Мюнхен: Изд-во Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960).

1963 г. – получена корректура книги «Фундаментальная зоология низших позвоночных» (на испанском яз.) – Fundamentos de la Morphologia comparada De Los invertebrados. Buenos Aires: Editorial Universitaria de Buenos Aieres (EUDEBA).

1964 г., 19 декабря – скончался в больнице г. Найяка (шт. Нью-Йорк). После отпевания 21 декабря в местном Свято-Покровском православном храме прах ученого был захоронен на кладбище Успенского женского монастыря Ново-Дивеево (штат Нью-Йорк); личный архив Новикова передан родственниками в Бахметевский архив Отдела редких книг Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

1968 г. – в Буэнос-Айресе опубликована монография М.М. Новикова «Фундаментальная зоология низших позвоночных» (посмертно) – Fundamentos de la Morphologia comparada De Los invertebrados. Buenos Aires: Editorial Universitaria de Buenos Aieres (EUDEBA) – под редакцией и с предисловием К.И. Гаврилова.

2009 г. – в издательстве МГУ переиздана книга М.М. Новикова «От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике».

Труды М.М. Новикова[1]

1900

Нужна ли нам методика естествознания? Доклад, чит[анный] в заседании Естественно-историч[еского] отд[еления] Педагогического об[щест]ва в Москве, 23 марта 1900 г. М.: Ун-ская тип., 1900. 8 с.

1905

Untersuchungen über den Bau der *Limnadia lenticularis L.* (Исследование строения *Limnadia lenticularis L.*) Leipzig: W. Engelmann, 1905. 59 S. (Инаугурал-диссертация, представленная естественно-математическому факультету Гейдельбергского университета на соискание ученой степени доктора натурфилософии).

Untersuchungen über den Bau der *Limnadia lenticularis L.* (Исследование строения *Limnadia lenticularis L.*) // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie, 1905. Bd. 78. N. 4. S. 561–619. Über die Augen und die Frontalorgane der Branchiopoden (О глазах и фронтальных органах Branchiopoda) // Ibid. 1905. Bd. 79. N 3. S. 432–464.

1906

Einige Bemerkungen über das Medianauge und die Frontalorgane bei Artemia salina (Некоторые замечания о срединных глазах и фронтальных органах Artemia salina) // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie. 1906. Bd. 81. N 4. S. 691–698.

1907

Über das Parietalauge von Lacerta agilis und Anguis fragilis (О теменных глазах Lacerta agilis и Anguis fragilis) // Biologisches Centrablatt. 1907. Bd. XVII, N 12. S. 364–370, 405–414. Über die Rückensinnesorgane der Placophoren nebst einigen Bemerkungen über die Schale derselben (О дорзальных органах чувств Placophora, включая некоторые заме-

---

[1] Перевод с немецкого языка любезно выполнен д-ром Артуром Вернером (Дюссельдорф, Германия).

чания относительно его оболочки) // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie. 1907. Bd. 88, N 2. S. 153–186.

1908

Beobachtungen über die Vermehrung der Knorpelzellen, nebst einigen Bemerkungen über die Struktur der «hyalinen» Knorpelgrundsubstanz (Наблюдения над размножением хрящевых клеток, включая некоторые замечания о структуре «гиалинового» хрящевого основного вещества) // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie. 1908. Bd. 90. S. 205–258.

Über den Bau des Medianauges der Ostracoden (О срединных глазах Ostracoda) // Ibid. 1908. Bd. 91. N 1. S. 81–93.

1909

Untersuchungen über die Struktur des Knochens (Исследование структуры костей) // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie. 1909. Bd. 92. N 1. S. 1–50.

Биологические станции Адриатического моря. Отчет о научных работах, произведенных во время заграничной командировки 1907/1908 г. М. Новикова. М.: тип. Имп. Моск. ун-та. 1909. 41 с. («Учен. зап. Имп. Моск. ун-та». Отд. естеств.-истор. Вып. 25).

Über den Chromidialapparat in den Zellen des Subradularknorpels von Haliotis tuberculata (О хромидиальном аппарате в клетках субрадулярного хряща у Haliotis tuberculata) // Anatomischer Anzeiger. 1909. Bd. XXXIV. N 7/8. S. 168–173.

Исследования о хрящевой и костной тканях М. Новикова, приват-доцента Императорского Московского университета, 1909. М.: тип. Имп. Моск. ун-та; с 8-ю табл. [Магистерская диссертация М.М. Новикова].

Über die intrapigmentären Augen der Placophoren (Об интрапигментарных глазах Placophora) // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie. 1909. Bd. 93. N 4. S. 668–680.

1910

Исследования о теменном глазе ящериц М. Новикова, приват-доцента Императорского Московского университета. М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1910. С 6-ю табл. 110 с. («Учен. зап. Имп. Моск. ун-та». Отд. естеств.-истор. Вып. 27). [Докторская диссертация М.М. Новикова].

Untersuchungen über den Bau, die Entwicklung und die Bedeutung des Parietalauges von Sauriern (Исследование строения, развития и значения теменных глаз у ящериц) // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie. 1910. Bd. 96. N l. S. 118–207.

Zur Frage über die Bedeutung der Amitose (К вопросу о значении амитоза) // Archiv für Zellforschung. 1910.

Ueber den Bau des Knochens von Orthagoriscus mola (О структуре костной ткани Orthagoriscus mola) //Anatomischer Anzeiger. 1910. Bd. 27. N 4/5. S. 97–106.

Рецензия на журнал «Rivista di Scienza». International Zeitschrift für wissenschaftliche Synthese. Bologna, London, Paris, Leipzig //Биологический журнал. 1910. Т. 1. Кн. 1. С. 16–19 (рез. на нем. яз.).

К вопросу о парности эпифиза и теменного глаза ящериц (предварительное сообщение) //Там же. 1910. Т. 1. Кн. 2. С. 161–166 (рез. на нем. яз.).

Влияние среды, как фактор развития организмов. М., 1910.

1912

Скельская сталактитовая пещера и ее фауна // Зап. Крымского Об-ва естествоиспытателей и любителей природы. 1911. Т. 1. Симферополь: Тип. Тавр. губерн. земства, 1912. С. 97–107 (рез. на нем. яз. Ueber die Fauna der Stalakeitenhöhle von Skelia in der Krim). Ueber die Entwicklung und morphol. Bedeutung des Parietalauges (О развитии и морфологическом значении теменных глаз) // Verh. des VIII. Intern. Zool. Kongresses. Graz, 1912.

Архитектура хряща беспозвоночных. М., 1912.

1913

Studien über das Knorpelgewebe von Wirbellosen (Изучение хрящевой ткани у беспозвоночных) // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie. 1912. Bd. 103. N 4. S. 661–717. Неоламаркизм // Природа. 1913. № 3. С. 334–360.

Дарвинизм и неоламаркизм // Там же. № 6. С. 707–713.

1914

Über die Architektur des Knorpels von Wirbellosen (Об архитектуре хряща у беспозвоночных) / Extrait du IX-me Congrés international de Zoologie á Monaco. Rennes. IX Congres intern. de Zoologie a Monaco. Rennes, 1914.

Догматический характер научных работ Э. Гекеля (По поводу 80-летия со дня его рождения) // Вестник Европы (СПб.). 1914. Кн. 7. С. 186–191.

1915

Отчет о поездке с пасхальными подарками в действующую армию уполномоченного московского поезда «Солдату к светлому празднику» М.М. Новикова. М.: Гор. тип., 1915. 30 с.

1917

Хватит ли на всех земли и как ее разделить? М.: Идея, 1917. 16 с.

1918

Влияние сахарина на свободно живущие клетки: предварительное сообщение проф. М.М. Новикова, сделанное на заседании совета Московского отделения 21 июня 1918 г. // Бюллетень Моск. отд. Росс. пищевого научно-техн. ин-та. 1918. № 1. С. 2–3.

Рецензия на журнал «Rivista di scienza». 1918 // Бюллетень Моск. общ-ва Российского пищевого научно-техн. ин-та. 1918. № 1. С. 16.

1919

Минога как ценное пищевое средство (в соавт. с Я.Я. Никитинским). М., 1919.

1922

О. Бючли и его научная работа. Пг.: Научн. хим.-техн. изд-во Научн.-техн. отдела ВСНХ, 1922. 23 с. (Отд. оттиск из Сообщений о научно-техн. работах в Республике. 1922. Вып. 9).

К вопросу о простейших животных, обитающих в почве // Русский архив протистологии. М., 1922. Т. 1–2. С. 141–147.

1923

Die Bodenprotozoen und ihre Bedeutung für die Bodenkultur (О простейших почвы и их значении для культивирования). Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1923. 19 S.

Ueber die sog. Schuppen der Cephalopoden (О так называемых чешуйках у Cephalopoda) // Verh. d. Deutsch. Zoolog. Gesellschaft, 1923. Bd. 28.

Судьба российских университетов // Русская школа за рубежом (Прага), 1923.

1924

Русский зоологический семинарий в Праге под руководством проф. М.М. Новикова. Отчет о деятельности в 1923–1924 гг. // Учен. зап., основанные Русской учебной коллегией в Праге. Прага, 1924. 50 с.

К съезду зоологов в Лейпциге // Там же. С. 4–6.

Памяти проф. А. Мразека // Там же. С. 10–11.

Работа русских биологов // Там же. С. 35–37.

Правовой строй русской высшей школы в России // Русская школа за рубежом (Прага). 1924.

Учение И.П. Павлова: речь, произнесенная на заключительном общем собрании III съезда Русских академических организаций в Праге // Совр. зап. (Париж). 1924. Т. XXII. С. 433–443.

1925

Труды русского зоологического семинария в Праге под руководством проф. М.М. Новикова. Прага, 1923–1925 // Учен. зап., основанные Русской учебной коллегией в Праге. Прага, 1925. Т. 3.

Razvitie russkich biologiceskich izsledovanij // Biologicke Listy (Prague), 1925. Bd. 11. N 6. P. 401–412.

1926

O paralelismu tvatù v rùzných skupinách živoèišných (About the Parallelism of Forms in various groups of organisms) // Ibid. 1926. Bd. 12. N 6. P. 401–412.

Über die Komplexaugen der Gattung Area (О сложных глазах рода Arca) // Zoologischer Anzeiger. 1926. Bd. LXVIII.

Современное состояние высшей школы в России // Русская школа за рубежом (Прага). 1926. Т 4, № 19. Offprint: Prague. 29 p.

О строении и физиологическом значении кожных чешуек головоногих моллюсков // Учен. зап., основанные Русской учебной коллегией в Праге. Прага, 1926. Т. 3; Биологические и медицинские знания. И.И. Павлов. Зодчие русской культуры. Прага, 1926. A termotalaj mikroskopicus allatvilaga // Kerteszeti lapok (Budapest). 1926.

Die zoologische Station in Villefranche sur Mer (Зоологическая станция в Вильфранш-сюр-Мер). Prague: Lotos. 1926. Bd. 74.

1927

Le parallélisme des formes chez les divers types d'animaux // Bulletin biologique de la France et de la Belgique. 1927. Bd. 1. P. 25–27.

Русские естествоиспытатели // Хозяин (Прага). 1927.

1928

Научные труды Русского народного университета в Праге / Под ред. М.М. Новикова. Prague: Plamia, 1928–1933. Vol. 1–5.

Sur les régularités constructives des organismes issues des lois mécaniques // Comptes Rendus de l'Association des Anatomistes. Nancy, 1928. Bd. 23.

Временное правительство и высшая школа // Русская школа за рубежом (Прага). 1927–1928.

К вопросу о смерти и бессмертии // Научные труды Русского народного университета в Праге / Под ред. М.М. Новикова. Прага, 1928. Т. 1. С. 147–156 (рез. на фр. яз. Prof. M. Novikoff: Sur la question de la vie).

Русский свободный университет // Там же. 1928. Т. 1.

Русская наука в Праге // Русские в Праге. 1918–1928 гг. / Под ред. С.П. Постникова. Прага, 1928. С. 253–261.

Das Prinzip der Analogie als Grundlage der vergleichenden Morphologie (Принцип аналогии как базис сравнительной анатомии) // X-me Congrés International de Zoologie. Budapest. 1929. Pt. 1. P. 301–321.

1929

J.E. Pourkygné et sa conception organique de la nature // Научные труды Русского народного университета в Праге / Под ред. М.М. Новикова. Прага (Scientific Work of the Russian (People's University in Prague). 1929. Vol. 2. P. 24–28.

Общий обзор работы Русского народного университета за 6 лет // Там же. 1929. С. 7–26; Закономерности строения организмов, вытекающие из требований механики // Труды IV съезда Русских академических организаций. Белград, 1929.

L'anatomiste Purkyne // Comptes Rendus de 1'Assoc. des Anatomistes. Nancy, 1929. Purkynovy styky s Rusy // Casopis Nar. Musea. Praha, 1929.

1930

Das Prinzip der Analogie und die vergleichende Anatomie. Eine Studie über eine Gesetzmässigkeit in der Biologie. Mit 24 Abb. im Text (Принцип аналогии и сравнительная анатомия. Изучение одной закономерности в биологии). Jena: Gustav Fischer, 1930. 188 S.

Der Parallelismus der Formen und das Programm der allgemeinen vergleichenden Morphologie (Параллелизм форм и программа общей сравнительной морфологии) // Archivio zoologico Italiano. 1930. Vol. 14.

Очерки исторического развития биологических наук в Чехословакии. (An Outline of the Historical Development of Biological Sciences in Czechoslovakia) // Научные труды Русского народного университета в Праге / Под ред. М.М. Новикова (Scientific Work of the Russian People's University in Prague). Прага, 1930. Vol. III. P. 71–86.

Московский университет в первый период большевистского режима, 1755–1930 // Юбилейный сборник по случаю 175-летия Московского университета / Под ред. И.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера, М.М. Новикова. Париж: Совр. зап., 1930. С. 156–192.

Untersuchungen über die Komplexaugen von Lepidopteren (Исследование сложных глаз у *Lepidoptera*), 1930. Рукопись // ГА РФ. Ф. 6767. Оп. 1. Д. 3.

1931

Untersuchungen über die Komplexaugen von Lepidopteren nebst einigen Bemerkungen über die Rhabdome der Arthropoden im Allgemeinen (Исследование сложных глаз у *Lepidoptera*, включая некоторые замечания о рабдомах у позвоночных в целом) // Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie, 1931. Bd. 138. N 1.

L'anatomie comparée comme science exacte // Comptes Rendus de l'Assoc. des Anatomistes. Nancy, 1931. Vol. 26.

Zur Frage über den Bau und die physiologische Bedeutung des Rhabdoms (К вопросу о структуре и физиологическом значении рабдом) // Archivio zoologico Italiano. 1931. Vol. 16. Предисл. // Научн. тр. Русского народного университета в Праге / Под ред. М.М. Новикова. 1931. Т. IV. С. 1–2.

Взаимоотношения Я.Е. Пуркинье с русскими (M. Novikov: Les relations entre J.E. Purkyne et les russes) // Там же. С. 311–319.

Über den Bau der Komplexangen von *Periplaneta (stylopyga) orientalis L.* (О строении сложных глаз у *Periplaneta (stylopyga) orientalis L.)*, 1931. Рукопись // ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 7б.

Homomorfie v runych odvetvich vedy, 1931. Рукопись // Там же. Д. 8а.

Das Modell des Rhabdoms von Komplexaugen (Модель рабдом сложных глаз) //Biologisches Zentralblatt. 1931. Bd. 51. N 6.

1932

Über die morphologischen Bedeutung der Sehorgane von Chordaten (О морфологической значимости зрительного органа у позвоночных) // Biologisches Zentralblatt. 1932. Bd. 52.

Über den Bau der Komplexaugen von Periplaneta orientalis L. (О строении сложных глаз у *Periplaneta orientalis L.*) // Jenaische Zeitschrift für Naturwissenschaft. 1932. Bd. 67. I.E. Пуркинье – руссофил // Русский инвалид в Ч.С.Р. 1932.

1933

Новый тип университета // Научн. тр. Русского народного университета в Праге / Под ред. М.М. Новикова. 1933. Т. V. С. 81–97.

Zur Frage nach den morphologischen Beziehungen zwischen Protozoen und Metazoen (К вопросу о морфологических отношениях между Protozoa и Metazoa) // Biologisches Zentralblatt. 1933. Bd. 53.

Les analogies dans la structure des yeux chez les animaux cordes et acordes // Bulletin. Internat. de l'Academie des Sciences de Boheme. 1933.

1934

Научный путь И.П. Павлова // Русский врач в Чехословакии. 1934.

Zur Frage der morphologischen Beziehungen zwischen Sehorganen und Drusen (К вопросу о морфологических отношениях органами зрения и железами) // Zeitschrift für Morphologie und Oekologie der Tiere. 1934. Bd. 29.

1935

Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: опыт введения в русско-эмигрантскую научную библио-

графию / Под ред. М. Новикова. Prague: Russian Free Univ., 1935. 40 p.

Homomorphie, Homologie und Analogie (Гомоморфия, гомология и аналогия) // Anatomischer Anzeiger. 1935. Bd. LXXX. N 17/20. S. 321–400.

Наука в современной России // Знамя России. 1935.

Воспоминания о Мечникове // Русский врач в Чехословакии. 1935.

Зигзаги университетской политики // Русский врач в Чехословакии. 1935.

Über den Bau und die physiologische Bedeutung der Parietalorgane (О строении и физиологическом значении теменного глаза) // Biologia generalis. 1935. Bd. 9.

K otázce oživování mrtvol (К вопросу об оживлении, On Bringing Back the Dead) // Narodni Listy (National Gazette). 1935.

1936

Základy srovnávací morfologie bezobratlých (Основы сравнительной морфологии беспозвоночных). Prague: The Czech Academy of Sciences and Arts, 1936. 254 p. L'homomorphie comme base méthodologique d'une morphologie compare // Зап. Научн.-исслед. объединения при Русском свободном университете в Праге 1936. Vol. 4 (9). N 8. Offprint: Prague: Russian Free Univ., 1936 Section des sciences naturalles et mathématiques. N 19. 31 p.

Das Studium der Homomorphien als eine wissenschaftliche Methode (Изучение гомоморфии как научный метод) // Biologia generalis. 1936. Bd. 10.

Ломоносов – основоположник русского естествознания // М.В. Ломоносов: речи, произнесенные на собрании в память 170-летия со дня его смерти / Сост.: М.М. Новиков, А.И. Глазунов, И.И. Лапшин; под ред. М.М. Новикова. Прага: Русский свободный ун-т в Праге, 1936. С. 5–13.

L'homologie et l'homomorphie considerées comme deux bases de l'ananomie comparée // Comptes rendus de l'Assoc. des Anatomistes. Reunion. 1936. Vol. 31.

Биология и медицина (по поводу учебника C. I. Cori «Biologie der Tiere» Berlin: Urban und Schwarzenberg, 1935) // Русский врач в Чехословакии (Прага). 1936. № 7–8. С. 314–317. Valky uvnitr organizmu // Vesmir (Praha). 1936.

L'homomorphie comme base methodologique d'une morphologie compare // Зап. Научн.-исслед. объединения при Русском свободном университете в Праге. Прага, 1936.

I.P. Pavlov a jeho vedecky odkaz // Vesmir (Praha). 1936. Vol. XV. Заветы И.П. Павлова // Русский врач в Чехословакии (Прага). 1936. № 5. С. 195–199.

1937

Sur la question des rapports entre la forme et la fonction des organisms // Зап. Научн.-исслед. объединения при Русском свободном университете в

Праге. 1937. Vol. 6 (11), N 4. P. 87–108. Offprint: Prague: Russian Free Univ. 22 p. Section des sciences naturalles et mathematiques. N 37.
Пуркинье – физиолог // Русский врач в Чехословакии (Прага). 1937.
Biologicke paprsky zivota a smrti // Vesmir (Praha). 1937. Vol. XVI.
Lomonosov – genialni ucenec a basnik // Narodni Listy (Prague). 1937.

1938

Patnáct let Ruské svobodné university v Praze. (Fifteen Years of the Russian Free Univ. in Prague). Prague: Russian Free Univ., 1938. 32 p.
General and Special Homomorphism (Общий и частный гомоморфизм) // Acta biotheoretica (Leiden). 1938. Ser. A. Vol. IV.
Ueber den Parallelismus der Augenformen (О параллелелизме формы глаз) // Anatomischer Anzeiger. 1938.
Rusky vedecky zivot // Ottuv slovnik naucny. 1938.

1939

Sirovodik v Cernem more //Vesmir (Praha). 1939.
Über den Bau der Leuchtzellen von Lampyris noctiluca (О строении светочувствительных клеток у *Lampyris noctiluca*) // Sbornik Vejdovskeho. Praha, 1939.

1941

Porovnavacia anatomia a zakladne otazky zivota // Technicky obzor slovensky. 1941. Trajektorijaline struktury v organismoch // Sbornik Vejdovskeho. 1941.

1942

Über den Bau der Sehorgane als Ausdruck einer morphologischen Gesetzmässigkeit (О структуре зрительного органа с точки зрения морфологической закономерности) // Biologia generalis. 1942. Bd. 16. N 1/2.

1944

K otázke stavby chrupky u *Nautila* (К вопросу об образовании хряща у *Nautilus*) // Sbornik prac. Prirodoved. fakulty v Bratislave. Bratislava: Faculty of Natural Sciences at the Slovak Univ., 1944. 32 p.
Zur Frage über den Parallelismus im Bau der tierischen Organe, insbesondere der Augen (Mit 3 Abb. im Text) (К вопросу о параллелизме в структуре органов животных, в особенности глаз) // Anatomischer Anzeiger. 1944. Bd. XCV. N 5/8. S. 118–130.

1948

К вопросу о происхождении жизни // Бюллетень Общества русских зарубежных врачей им. Н.И. Пирогова (Мюнхен). 1948. N 1, 20 окт. С. 1–13; N 3, 25 дек. С. 14–18.

1949

Grurdzüge der Geschichte der biologischen Theorien. Werdegang der abendländischen Lebensbegriffe (Принципы истории биологических теорий. Становление представлений о жизни в западноевропейских странах). München: Carl Hanser, 1949. 222 S.

1953

Александр Николаевич Митинский (некролог) // Бюллетень Русской академической группы в С.А.С.Ш. 1953. № 3, ноябрь. С. 1–2

1954

Otto Bütschli. New York, 1954.

1955

Regularity of Form in Organisms // Systematic Zoology. 1955.

1956

Полстолетия научной деятельности. Нью-Йорк: All Slavic Publishing House, 1956. 80 с.

Традиции Московского университета (1755–1955) // Двухсотлетие Московского университета. 1755–1955: празднование в Америке / Под ред. М.М. Новикова (пред.), К.Г. Белоусова, А.А. Гольденвейзера, Г.И. Новицкого и В.А. Юревича. New York: All Slavic Publishing House, 1956. С. 13–28 (на рус. и англ. яз.).

1957

Русские эмигранты в Праге // Новый журнал (New York). 1957. Кн. 50. С. 243–257.

Памяти В.А. Маклакова // Там же. С. 276–277.

1960

Старые – молодым. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. С. 71–79.

1968

Fundamentos de la Morphologia comparada De Los invertebrados. Buenos Aires: EUDEBA (Editorial Universitaria de Buenos Aires) Tranducida, actualizada y complementada por el profesor Constantin Gavrilov (Profesor de Anatomia y Fisiologia Comparadas de la Universidad Nacional de Tucuman, Instituto Fundaction Miguel Lillo), 1968.

Литература о М.М. Новикове

Члены Государственной Думы: портреты и биографии. Четвертый созыв: 1912–1917 / Сост. М.М. Бойович. М.: Изд-во т-ва И.Д. Сытина, 1913.

Четвертая Государственная Дума: портреты и биографии / Под ред. Н.Н. Ольшанского. СПб.; Брюссель, 1913.

4-й созыв Государственной Думы: художеств. фототипический альбом с портретами и биографиями. СПб.: Изд-е Н.Н. Ольшанского, 1913.

Новиков Михаил Михайлович // Русские ведомости, 1863–1913: сб. ст. М., 1918. Отд. 2. С. 126.

Новиков Михаил Михайлович // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1926. Т. 28. С. 720.

Гаврилов К.И. М.М. Новиков и его научная деятельность // Русский врач в ЧСР (Прага), 1936. № 4, апр.

Гаврилов К.И. М.М. Новиков и его научная работа // Меч (Варшава). 1936, 29 марта.

Babor J.F. Prof. Dr. M. Novikov na Slovensku (Prof. Dr.M. Novikov in Slovakia) // Prírodovedčeká príloha Technického obzoru slovenského (The Natural Science Supplement of the Technical Horison of Slovakia), 1944. Vol. 5. P. 17–18.

Zmoray I., Madlen J. Univ. Prof. Dr. Novikov 68-ročný (University Professor Dr. Novikov, age 68) // Akademik (Bratislava). 1944. Vol. 2. N. 23. P. 3.

Плетнев Р.В. М.М. Новиков. Полстолетия научной деятельности // Новый журнал (N.Y.). 1957. Кн. 51.

Скончался профессор М.М. Новиков // Там же. 1964, 20 дек.

Памяти проф. М.М. Новикова // Там же. 1964, 22 дек.

Кошёнова Т. М.М. Новикову // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1965. № 18925, 1 янв. С. 3.

Скончался профеесор М.М. Новиков // Русская мысль (Париж). 1965, 12 янв. С. 5.

Novikoff Michael // World Who's Who in Science. Chicago, 1968. P. 1268.

Вронская Д., Чугаев В. Новиков Михаил Михайлович // Кто есть кто в России в бывшем СССР. М., 1994. С. 385.

Дорошенко С.И., Мочалов И.И., Трошин А.А. Свободно избранный ректор // Вестн. Российской академии наук. 1995. Т. 65. № 9. С. 841–847.

Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Новиков Михаил Михайлович // Кратий биографический словарь русского зарубежья // Г. Струве. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. П.: ИМКА-Пресс; М.: Русский путь, 1996. С. 343.

Ульянкина Т.И. Михаил Михайлович Новиков // Ректоры Московского университета: биограф. словарь / Сост.: В.В. Ремарчук; под ред. В.А. Садовничего, В.И. Ильченко. Вып. 11. М., 1996. С. 158–164. (Справ.-информ. сер. «Московский университет на пороге третьего тысячелетия»).

Ульянкина Т.И. Новиков Михаил Михайлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: эциклопед. биограф. словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С. 463–465.

Ульянкина Т.И., Александров А.Д. М.М. Новиков. Русская академическая акция (Прага, Братислава, Мюнхен, Нью-Йорк) //Годичная научная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН): В 2 ч. / Под ред. В.М. Орла. М.: Янус–К, 1998.

Новиков Михаил Михайлович. 1876–1965 // Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель / Под ред. и предисл. Т.Ф. Павлова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 339.

Ульянкина Т.И. Русская академическая группа в США // Научные чтения, посвященные памяти И.И. Сикорского. Москва–Санкт-Петербург, май 1999 г. Секция «И.И. Сикорский и Русское зарубежье». М.; СПб., 1999. С. 1–5.

Ульянкина Т.И. История послевоенного университета УНРРА для перемещенных лиц в Мюнхене // Годичная научная конференция ИИЕТ РАН / Под ред. В.М. Орла. М.: Янус–К, 1999. С. 1–7.

Александров А.Д. Михаил Михайлович Новиков: ученый, общественный деятель, организатор науки // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб.: Изд-во Дм. Буланина, 2000. Вып. 2. С. 89–108.

Ульянкина Т.И. Жизнь в изгнании: письма М.М. Новикову – бывшему ректору Московского университета // Вопр. истории естествознания и техники. 2001. № 1. С. 113–145.

Сухарев Ю.Н. Новиков Михаил Михайлович // Мат. к истории Русского научного зарубежья: В 2 кн. М.: Российский архив, 2002. С. 341–342.

Ульянкина Т.И. Новые материалы к биографии профессора М.М. Новикова – бывшего ректора Московского университета: из архивов США // Мат. Междунар. круглого стола «Московский университет – Российское зарубежье – мировая культура». М.: Африка, 2002. С. 41–47.

Ульянкина Т.И. Роль Толстовского фонда (США) в спасении российских ученых-эмигрантов от репатриации в послевоенной Европе (1944–1952) // Годичная научная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН / Отв. ред. 2002. М.: Диполь-Т, 2002. С. 212–216.

Országh I. Michal Novikov – Professor Zoology at the Department of zoology, Comenius University, Bratislava // Acta Zoologica Univ. Comenianae (Bratislava), 2002. Vol. 44. P. 5–11. (Вступ. статья о деятельности М.М. Новикова в Словакии // Мат. семинара, посвященного 125-й годовщине со дня рождения М.М. Новикова.)

Волков В.А., Куликова М.В. Новиков Михаил Михайлович // Российская профессура. XVIII – начало XX в. Биол. и медико-биол. науки: биограф. словарь. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитар. ин-та, 2003. С. 329.

Ульянкина Т.И. Толстовский фонд: участие в судьбах русских ученых-эмигрантов // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 240–244.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. М.: Пашков дом, 1997–2007. Т. 5 (Н–П), 2004. С. 150–151.

О Новикове М.М. – в МПКК // Обречены по рождению… По документам фондов: Политического Красного Креста, 1918–1922, Помощь политзаключенным, 1922–1937. СПб.: Звезда, 2004. С. 33.

Fokin S.I. Proffessor Otto Bütschli und Seine Russischen Schüller // Microkosmos, 2004. Bd. 93. P. 91–99.

Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 / Сост., вступ. ст. и коммент. В.Г. Маров и В.С. Христофоров. М.: Русский путь, 2005. С. 30, 104, 110, 113, 173, 301–303, 471–472.

Муромцева Л.П. Недобровольный эмигрант // История. 2005. № 7. С. 18–22.

Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 695 с.

Ульянкина Т.И. «Ради русского имени» – научная и общественная деятельность М.М. Новикова в Чехословакии (1923–1945 гг.) // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения М.Г. Масарика: по мат. междунар. научн. конф. / Под ред. М.Г. Вандалковской. М.: Русский путь, 2005. Библиотека – Фонд «Русское Зарубежье»: мат. и исслед. М., 2005. Вып. 5. С. 133–161.

Ульянкина Т.И. Русские ученые – эмигранты в лагерях Ди-Пи и Толстовский фонд // На переломе: отечеств. наука в конце XIX–XX веке: источники, исслед., историогр. Вып. 3 / Под ред. Э.И. Колчинского, М.Б. Конашева. СПб.: Нестор–История, 2005. С. 307–312.

Hermann T., Kleisner K. The Five «Homes» of Zoologist Mikhail M. Novikov (1876–1965). Analogy and Adaptation in One's Life and as a Principle of Biological Investigation // Jahrbuch für Europaische Wissenschaftskultur. 2005. Bd. 1. P. 87–130.

Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса»: иммиграция русских ученых в США из послевоенной Европы // Русский Берлин. 1920–1945:

мат. междунар. научн. конф., 16–18 дек. 2002 г. М.: Русский путь, 2006. Библиотека–Фонд «Русское зарубежье»: мат. исслед. Вып. 6. С. 423–461.

Петухов С. Михаил Новиков. Я старался наполнить жизнь на чужбине научной работой и служением русскому народу // Дом в изгнании. Прага: RT+RS Servis, 2008. Гл. 4: Русские ученые и их деятельность в Чехословакии. С. 111–114.

Ульянкина Т.И. Неизвестная переписка проф. М.М. Новикова с коллегами в СССР в 1920–1940-е гг. (М.А. Мензбиром, В.Н. Никитиным, М.Н. Римским-Корсаковым) // Нансеновские чтения – 2008 / Под ред. М.Н. Толстого. СПб.: Русская эмиграция, 2009. С. 339–361.

Щеблыгина И.В. Участие М.М. Новикова в праздновании 400-летия Лозаннского университета // Вестн. архивиста. 2008. № 4. С. 176–184.

Fokin S.I. Russian Biologists at Villafranca // Proc. Acad. Califor. 2008. Fourth Series. Vol. 59. Supp.1. N 11. P. 167–190.

Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010. 219 с.

Ульянкина Т.И. К биографии ректора Московского университета проф. М.М. Новикова: события 1917–1922 гг. // Историко-биологические исследования (СПб.), 2010. Т. 2. № 1. С. 65–84.

Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса»: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950-е) / Под ред. И.Н. Толстого, предисл. Е.Л. Магеровского (США). М.: РОССПЭН, 2010. 639 с.

Сорокина М.Ю. Новиков (Novikoff, Novikov) Михаил Михайлович // Российское научное зарубежье. Материалы для биобиблиографического словаря: пилотный выпуск № 6. Естественные науки. XIX – первая половина XX в. М.: Дом Русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 231–232.

Ульянкина Т.И. Новые материалы к деятельности Русской зоологической станции им. проф. А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-мер (Франция) (1886–1935) // Российско-украинские связи в области естествознания / Под ред. Ю.М. Батурина. М.: ИИЕТ РАН, 2011. С. 226–247.

Ульянкина Т.И. Ректоры Московского университета: М.А. Мензбир и М.М. Новиков. Переписка 1920–1930-х гг. // Люди и судьбы Русского зарубежья / Под ред. А.Б. Ефимова, Е.М. Мироновой. М.: Ин-т Всеобщей истории РАН, 2011. С. 44–57.

Щеблыгина И.В. Питомцы Московского университета в эмиграции: М.М. Новиков – продолжатель лучших традиций русской научной интеллигенции // Под ред. А.Б. Ефимова, Е.М. Мироновой. М.: Ин-т Всеобщей истории РАН, 2011. С. 32–44.

Ульянкина Т.И. Русская акция помощи и судьба Русской зоологической станции им. проф. А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-Мер (1921–1935) // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение,

наследие: к 90-летию начала Русской акции помощи / Сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага: Русская традиция, 2012. С. 151–162.

Ульянкина Т.И. Деятельность проф. М.М. Новикова в Попечительском комитете по защите Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-мер (Франция) в 20–30-е годы XX в. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: годичная конф. / Под ред. Ю.М. Батурина. М.: Анонс Медиа, 2012. С. 241–245.

Фокин С.И. Отто Бючли и его русские ученики // Наука в России. 2012. № 2. С. 89–94.

Фокин С.И. Судьба странствующего профессора // Русское слово (Прага). 2013. № 2. С. 23–27.

Ульянкина Т.И. Биография ученого-эмигранта в контексте эпохи: профессор Михаил Михайлович Новиков // Годичная научная конференция ИИЕТ РАН, 2014 г. / Под ред. Ю.М. Батурина. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 106–113.

Ульянкина Т.И., Ковалев М.В. Деятельность М.М. Новикова в Братиславе (1939–1945) // Там же. С. 269–272.

Интернет-страница ИИЕТ РАН: Русские ученые-эмигранты (1920–1950 гг.): www.ihst.ru/projects/emigrants/

Internet pages of Moscow University: www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Profess/Zoolog.htm.

Основные архивные хранилища документов М.М. Новикова

Архивы Российской Федерации

ГАРФ. Ф. Р-6767: Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1.

ЦИАМ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 196 (форм. сп. 1914; диплом доктора зоологии); Ф. 418. Оп. 84. Д. 534 (аттестат; метрика; форм. сп. 1911); Ф. 418. Оп. 87. Д. 650 (магист. дисс.); Ф. 418. Оп. 89. Д. 362 (доктор зоологии); Ф. 418. Оп. 249. Д. 112а. Л. 336–341 (биогр.; список работ); Ф. 459. Оп. 2. Д. 5419. Л. 97–98 (автобиогр. 1906).

РГИА (СПб.) Ф. 1278. Оп. 9. Д. 565; Оп. 10. Д. 7; Ф. 733. Оп. 156. Д. 751. Л. 289, 384–388.

РГАЛИ (Москва). Ф. 2226. В.Ф. Булгаков. Оп. 1. Д. 947. Л. 11–19.

АДРЗ – Архив Дома Русского Зарубежья (Москва) Ф. 69. Семейный фонд Ковалевских. Оп. 2.

Архивы США

БАР (BAR) – Бахметевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры в Батлеровской библиотеке редких книг и манускриптов при Колумбийском университете в Нью-Йорке (шт. Нью-Йорк, США): The Bakhmeteff Archive of Russian and East European

History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (USA); M.M. Collection. Box 5. Correspondence.
АТФ (ATF) – Архив Толстовского фонда в Валлей-Коттедж (шт. Нью-Йорк, США). Box VIP. M.M. Novikov's Collection; Box Russian Professors. General correspondence.
АРАГ (AARAS) – Архив Русской академической группы в США в г. Киннелоне (шт. Нью-Джерси, США). M.M. Novikov' Collection.

Архивы Германии

Архив Гейдельбергского университета (Германия): Universitats archiv Heidelberg. H-V-6/4. N31.
Государственный архив г. Регенсбурга (Германия): Stadtarchiv Regensburg (StAR) // Meldeblatem fur die Registrierung und Ausstellung einer deutschen Kennkarte (DDK) / Novikov.

Архивы Чешской республики (Прага)

Национальный архив Чешской Республики: Narodni archive CR.
Архив Чешского высшего технического училища: Archiv Ceskego vysokeho uceni technickeho.
Архив Карлова университета в Праге: A UK Archiv Univerzity Karlovy v Praze
Архив столичного города Праги. AHMP Archiv hlavnfho mista Prahy.

Основные сокращения

АН – Академия наук
АРА – Американская организация помощи (American Relief Administration)
БАН – Библиотека Российской академии наук
БАР – Бахметевский архив Колумбийского ун-та в Нью-Йорке (США)
БС – Бюро содействия (ГПУ)
ВК – Военная коллегия
ВК ГД – Временный комитет Государственной Думы
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЖК – Высшие женские курсы в СПб.
ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники
ВКГД – Временный комитет Государственной Думы
ВМА – Военно-медицинская академия
ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦС – Высший Церковный Совет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (с 6.2.1922 – ГПУ, ОГПУ)
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГБ – госбезопасность
ГД – Государственная Дума
ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР
ГУВУЗ – Главное управление высших учебных заведений
ГУГБ – Главное управление высших учебных заведений
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГУС – Государственный ученый совет Народного комиссариата просвещения
Ди-Пи – аббревиатура от англ. выражения – displaced persons – DP перемещенные лица
Земгор – Земско-городской союз
ИАН – Императорская Академия наук
ИВМА – Императорская Военно-медицинская академия
ИЖМН – Императорский Женский медицинский институт
ИИЕТ – Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (М.)

ИИНТ – Институт истории науки и техники АН СССР
ИМКА – (YMCA – International Committee of YMCA) – Христианская ассоциация молодежи
ИМУ – Императорский Московский университет
ИРИ – Институт российской истории РАН
ИРО – Международная организация помощи беженцам или Международная организация беженцев (IRO – International Refugee Organization)
ИИЭБ – Императорский институт экспериментальной биологии
ИИЭМ – Императорский институт экспериментальной медицины
ИСПбУ – Императорский Санкт-Петербургский университет
Исполком – Исполнительный Комитет
Карлов ун-т – Пражский университет им. Карла IV
КЕПС – Комиссия по изучению естественных производительных сил
КИЗ – Комиссия по истории знаний
Кондаковский ин-т – Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Прага)
КОНР – Комитет освобождения народов России
КРА – Конгресс русских американцев
КСХС – Королевство сербов, хорватов, словенцев
КУБУ – Комиссия по улучшению быта ученых
МВД – Министерство внутренних дел
МВТУ – Московское высшее техническое училище
МГБ – Министерство государственной безопасности
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МЖМК – Московские женские медицинские курсы
МИД – министерство иностранных дел
МКИ – Московский коммерческий институт
МКК – Международный Красный Крест
МЧК – Московская чрезвычайная комиссия
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
НК – научная комиссия
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НТО ВСНХ – Научно-технический отдел ВСНХ
НТС – Национально-трудовой союз (российских солидаристов) (нояб. 1942 – июль 1957)
Народно-Трудовой Союз (российских солидаристов, с 7 июля 1957)
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОО ВЧК (ГПУ) – Особый отдел ВЧК (ГПУ)
ООН – Организация Объединенных Наций
ОРВ – Общество русских врачей
ОРЭСО – Объединение русских эмигрантских студенческих организаций
ОСВАГ – Осведомительное агентство
ПгУ – Петроградский университет
ПК РЗСВ – Попечительский комитет Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер

Помгол – Всероссийский комитет помощи голодающим
ПСР – партия социалистов-революционеров
ПЦА – Православная Церковь Америки
РАГ – Русская академическая группа
РАК – Российско-американская компания
РАН – Российская академия наук
РВНИ – Русский Высший научный институт в Берлине
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (М.)
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
Ревком – Революционный комитет
РЗИА – Русский Заграничный исторический архив в Праге
РЗС – Русская зоологическая станция
РЗЦ – Русская Зарубежная Церковь
РКИМ – Русский культурно-исторический музей
РКК – Российский Красный Крест
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РНБ – Российская национальная библиотека
РОА – Русская освободительная Армия (армия ген. А. Власова)
РОВС – Российский общевоинский союз
РОКК – Российское Общество Красного Креста
РООВА – Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке
РНУ – Русский народный университет
РСЦ – Русский свободный университет
РПЦЗ – Русская православная церковь заграницей
РСДРП (м) – Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевиков)
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РСХД – Русское Студенческое Христианское Движение
РФ – Российская Федерация
РХД – Русское христианское движение
РЮФ – Русский Юридический Факультет в Праге
САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты
СБОРН – Союз борьбы за освобождение народов
СГОР – Совет государственного объединения России
СМЕРШ – «Смерть шпионам»
СНК, Совнарком – Совет народных комиссаров
СО ВЧК (ГПУ) – Секретный отдел ВЧК (ГПУ)
Согор – Союз городов
СПб.У – Санкт-Петербургский госуниверситет
СРАО – Союз русских академических организаций
СРК – Советская репатриационная комиссия
СРИ – Союз русских инженеров

СТО – Совет труда и обороны
УДРЭ – Управление делами русской эмиграции
УК – Уголовный кодекс
УНКВД – Управление НКВД
УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР
УНРРА – Администрация ООН по оказанию помощи и восстановлению
УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности
ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ
ЦК – Центральный комитет
ЦОПЭ – Центральное объединение политических эмигрантов из СССР; позже – Центральное объединение послевоенных эмигрантов из СССР
ЧК, ЧеКа – Чрезвычайная комиссия
ЧР – Чешская Республика
ARAS – The Association of Russian-American Scholars in the USA – Русская академическая группа в США
AARAS – The Archive of the Association of Russian-American Scholars in the USA (Архив Русской академической группы в США в Киннелоне, шт. Нью-Джерси)
ATF – The Archive of the Tolstoy Foundation – Архив Толстовского Фонда
BAR – The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (Нью-Йорк, шт. Нью-Йорк (Бахметевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры Батлеровской библиотеки редких книг и манускриптов при Колумбийском университете в Нью-Йорке)
Coll. – Collection
SHAEF – Штаб союзников (Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force)
UNRRA – United Nations Relief and Reabilitation Administration

Указатель имен

Абрамов Сергей Сергеевич (1875–1951) – патолог, бактериолог. Д-р медицины (1905), прив.-доц. ИМУ по каф. пат. анатомии (1906); зав. отд. Моск. бактериол. ин-та Ф.М. Блюменталя. Орд. проф. по каф. общ. патол. и патанатомии Софийского ун-та (1921–1924). С 1941 – в Германии; после войны – в США 63

Абрикосов Владимир Владимирович (1880–1966) – священник. Выпускник истор.-филол. ф-та ИМУ; наст. моск. катол. прихода Рождества пресв. Богородицы. 1922 –арестован и выслан за границу. Жил в Германии, Риме, Париже 113–117

Авроров Павел Петрович (1870–1940) – патофизиолог, фармаколог. Д-р медицины (1900). Экстраорд. (1904) и орд. (1908) проф. и зав. каф. общ. патологии Томск. ун-та до 1922 63

Авруцкая Татьяна Борисовна 17, 73

Агаджанян Гагик Саркисович (1893–1970) – врач, д-р медицины. Окончил мед. ф-т Новорос. ун-та. В эмиграции в США (с 1923): открыл частный кабинет. Пред. Мед. об-ва им. Н.И. Пирогова; чл. правления. Лит. ф. 303

Агафонов Валериан Константинович (1863–1955) – почвовед и минералог. Хранитель минерал. каб. СПбУ; проф. физ.-геогр. Таврического ун-та. В эмиграции – проф. геологии в Сорбонне (с 1921) и Пастеровского ин-та в Париже. Прем. Ин-та Франции (1933), орд. Поч. легиона 218

Агол Израиль Иосифович (1891–1937) – генетик, акад. АН УССР (с 1934), дир. Биол. ин-та им. К.А. Тимирязева (с 1928); зав. отд. Ин-та генетики Ин-та зоологии и биологии АН УССР (1934–1937) 214, 337

Агранов Яков Саулович (Соринзон) (1893–1938) – большевик, гос. и полит. деятель. В 1922 – нач. ОГПУ. 93, 124

Адамович Георгий Викторович (1894–1972) – поэт, лит. критик, переводчик, мемуарист 314

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) – лит. критик, переводчик, философ. Секр. журн. «Вопр. философии и психологии». По постановл. Коллегии ГПУ выслан за границу (1922). Один из организаторов РВНИ в Берлине (1923–1926) 115, 130, 132

Аксенова Е.П. 176, 177

Аксельрод Владимир Абрамович – молек. биолог, д-р биол. наук, проф. (США) 17
Александр II (1818–1881) – рос. имп. (1855–1881), ст. сын Николая I 50
Александр III (1845–1894) – рос. имп. (1881–1894), сын Александра II 50
Александра Афанасьевна – служащая ВСНХ 207
Александра Федоровна, вел. княгиня – рос. имп., рук. Гл. управления РОКК 65
Александров Даниил Александрович – социолог, историк науки. Выпускник биол.-почв. ф-та СПб. ун-та (каф. беспозв. животных); сотр. ИИЕТ РАН (СПб.филиал), проф. Высш. шк. экономики (СПб.) 17, 33, 54, 69,71, 73, 121, 124, 210, 211, 321
Александров 106
Алферова Александра Сампсониевна – владелица частной Женск. гимназии в Москве 58
Альтшулер Григорий Исаакович (1895–1983) – врач-терапевт; выпускник ИМУ (1918). В эмиграции в Болгарии, с 1922 – в ЧСР. Д-р мед. наук Карлова ун-та в Праге (1925–1930), ст. врач легочной амбулатории (1930–1938); чл. РОКК в Праге. С 1938 – в США: чл. РАГ в США, Акад. медицины в Нью-Йорке, Нью-Йоркской АН 303–304
Анастасий, митрополит 304
Андреев Николай Ефремович (1908–1982) — историк, литературовед, прозаик, публицист, журналист. Выпускник филос. ф-та Карлова ун-та в Праге. Д-р филос. (1933). В 1939–1945 – дир. Кондаковского ин-та (Прага); с 1948 г. преп. каф. славистики в Кэмбридже (Англия) 20, 287, 299, 323, 436–437
Андреева Екатерина – дочь Н.Е. Андреева 436
Андрусов Дмитрий Николаевич (1897–1976) – геолог. Учился в Сорбонне (1920–1922) и Карловом ун-т в Праге (1923–1925); д-р наук (1925). В 1932–1938 – доц. Геол. и палеонт. ин-та при Карловом ун-те. С 1938 – дир. Геол. ин-та при Техн. ун-те в Кошице и с 1940 – Гос. геол. ин-та в Братиславе. Дейст. чл. Словацкой АН (1953), чл.-кор. Чешск. АН 243, 244
Андрусов Николай Иванович (1861–1924) – геолог, палеонтолог, палеоэколог, д-р минералогии и геогнозии; чл.-кор. ИАН (с 1910), орд. акад. (с 1914). Проф. Дерптского (Юрьев.), Киев., Пг., Таврич. ун-тов, ВЖК. С 1919 – акад. Всеук. АН., зав. геол. отд. Геол. и минерал. музея им. Петра Великого (СПб.) В эмиграции работал в Сорбонне (Париж) и Карловом ун-те в Праге 219, 221, 222, 243
Анжуйский Карл – граф Прованса 235
Анненков Юрий Павлович (1889–1974) – живописец, художник кино и театра, график, публицист. С 1920 преп. в Акад. художеств. С 1924 – в эмиграции во Франции 171, 314

Анцыферов Алексей Николаевич (1867–1943) – юрист, кооператор, политэконом; в эмиграции – в Париже 414
Аристова (Терских) А. 254, 264
Арнольди В. – проф. ботаники МГУ 101
Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977) — философ, богослов, литературовед, культуролог; д-р филос. (1924). Преп. в ун-тах: Москвы, Саратова, Варшавы, Кенигсберга, Парижа, Нью-Йорка, Германии, Австрии. В 1970–1977 – пред. РАГ в США 138, 257, 287, 291, 299, 306, 314, 444
Арсеньева Софья Александровна – нач. Женск. гимназии в Москве 58
Артемьев Владимир Андреевич (1885–1962) – конструктор; авт. реакт. миномета «Катюша». Арестован (1922) и 3 года провел в Соловецком лагере 81
Архангельский Василий Гаврилович (1868–1948) – обществ.-полит. деятель, педагог, чл. ЦК партии эсеров. С 1919 – эмиграция в ЧСР. Сотр. пражского Земгора; вице-пред. РЗИА в Праге 160
Астров Николай Иванович (1868–1934) – юрист, историк, земский деятель, мир. судья (1894–1897; 1908–1910), гласный Моск. ГД (с 1905), чл. ЦК партии кадетов (с 1907); чл. ЦК Союза городов (с 1914); Моск. гор. голова (март–июнь 1917); пред. Учебн. отд. Мин-ва торговли и пром-ти, пред. Комиссии при Особом совещ. у ген. А.И. Деникина (осень 1918). В эмиграции – в ЧСР: орг. и рук. РЗИА; представитель Земгора при Лиге Наций; пред. Союза писателей и журналистов в Праге (1930–1932) 47, 76, 152, 240
Афонский Николай Петрович (1894–1971) – основатель церк. хоров; регент при рус. церквях в Висбадене, Париже, Нью-Йорке 304

Бабак Эдвард (Babak E.) (1873–1926) – чешск. физиолог, биолог, эксп. морфолог, неовиталист. Проф. мед. ф-та ун-та Масарика в Праге и Ветерин. ун-та в Брно. Авт. справочника по физиологии «Tělověda» (1925) 221–222
Бабин – романист 441
Бабка Л. (Babka L.) – дир. Слав. биб-ки при Нац. биб-ке Чешск. Республ. (Прага); спец. по вопр. рос. эмиграции в ЧСР (1920–1945) 17
Бабков В.В. 123
Бабор Жозеф Флориан (Josef Florián Babor, 1872–1951) – зоолог и антрополог, с 1926 – проф. общей биологии на мед. ф-те ун-та Яна Коменского, с 1940 – проф. зоологии при Словацком ун-те в Братиславе. Коллега и соавт. М.М. Новикова 240, 252
Бажант Зденек (Bazant Z.; 1879–1953) – чешск. ученый в обл. строит. механики и стереометрии, д-р техн. наук (с 1904). Экстраорд. (1909), орд. (1917) проф., ректор (1923–1924, 1945–1946) Чешск. высш. техн. уч-ща; гл. адм. РНУ; чл. Чешск. АН (с 1952) 153, 157, 194, 222, 242
Балдин Силуан Фемистоколович (1871–1961) – воен. инженер, ген.-майор, проф. 294
Банков С.Н. – пред. секции металлургии НК НТО ВСНХ 102

Бартонь-Добенин Церил – чешск. промышленник и меценат, владелец Збраславского замка под Прагой 170, 419, 421, 422
Бастракова М.С. 72
Бахметев Борис Александрович (1880–1951) – инженер-гидравлик, проф. Политехн. ин-та в СПб. (1905–1917), посол Врем. прав-ва в США (1917–1922), проф. Колумб. ун-та (с 1931), осн. и дир. Гуманит. ф. (с 1936), Ф. помощи рус. студентам. Основатель Арх. рус. и вост.-европ. истории и культуры в Батлеровской биб-ке Колумб. ун-та (Бахметевский архив – 1951). Учредитель РАГ в США (1923) и СРАО (1931), Толстовского ф. (1939) 288, 294, 295, 306
Бахрушин Сергей Владимирович – гласный Моск. ГД, основатель Т-ва Бахрушина, чл. Об-ва сближения с Англией (1915) 67
Бекетов Николай Николаевич (1827–1911) – физикохимик, акад. ИАН (с 1886); проф. Мед.-хир. акад. в СПб. (1849–1853) и Харьк. ун-та (1859–1887) 307
Белицер Александр Васильевич (1873–1940) – протозоолог, эпизоотолог, ветеринар. Окончил Варш. вет. ин-т (1899); магистр вет. наук (1903); экстраорд. проф. и зав. каф. эпизоотологии Донского вет. ин-та в Новочеркасске (1917–1919), Моск. вет. ин-та (1922–1934), Моск. зоотех. ин-та (1928–1938) 63
Белич А.И. – серб. проф., секр. Серб. АН 371
Белокуров В.В. – проректор МГУ им. Ломоносова 8
Белоусов Константин Гаврилович (1896–1977) – инженер-гидротехник, д-р техн. наук, орд. проф. Словацкого политехн. ин-та в Братиславе (1943–1945), декан строит., архитекторного и межевого ф-тов УНРРА Ун-та в Мюнхене (1946–1947), сотр. Упр. по использ. энергии шт. Нью-Йорк (1948), проф. Амер. ин-та славяноведения (с 1964), декан (1966–1970). Вице-през. РАГ в США и СРИ в США 15, 243–245, 266, 269, 287, 289, 291, 296, 303, 322, 324, 425
Белоусова Татьяна Сергеевна (ур. Верховская; 1903–1999) – врач. Окончила мед. ф-т Словацкого ун-та в Братиславе (1940). Вместе с мужем К.Г. Белоусовым вела делопроизводство РАГ в США (с 1951) и изд. ежегод. «Зап. РАГ в США» (с 1968) 244
Белошевская Л. 172, 173, 177
Беляев Е.А 72
Бёмер М. (Behmer M.) 17
Бенеш Эдвард (Benes Edvard) (1884–1948) – гос. и полит. деятель ЧСР; мин. иностр. дел и 2-й през. ЧСР (1935–1938; 1946–1948; 1940–1945 – в эмиграции) 172
Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник, теат. критик, историк ис-ва. В 1919–1924 – режиссер художник Большого драм. театра (Пг.) С 1924 жил в Париже 171
Беран Рудольф (1887–1954) – чешск. полит. деятель, прем.-мин. ЧСР (дек. 1938 – апр. 1939); умер в заключении 238
Берг Лев Семенович (1876–1950) – ихтиолог, зоогеограф, эволюционист, историк науки; чл.-кор. (1928), акад. (1946) АН СССР 9, 185, 211

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – сов. гос. и полит. деятель, рук. НКВД (1938–1945), маршал СССР (1945) 264

Бердников Алексей Ильич (1877 – после 1939) – врач-микробиолог, д-р мед. наук (1910). Окончил Казанский ун-т (1902); сотр., дир. (1916–1918) особой лаб. ИИЭМ в СПб.(1908); проф. Сарат. ун-та. С 1920 – в Сорбонне и Пастер. ин-те 398

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – философ, богослов; публицист. Проф. филос. ИМУ (1917–1921); организатор и рук. Моск. вольной акад. духовной культуры (1918–1922). В 1922 выслан из России. Один из организаторов РВНИ в Берлине и Религ.-филос. акад. (1922–1940), преп. Богосл. ин-та в Париже 108, 115–117, 126, 128, 130, 132, 135

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – психиатр, невропатолог, анатом, основатель отеч. эксп. психологии; дир. частного Психоневрол. ин-та в СПб. (с 1907), проф. каф. нервных болезней ИЖМИ (1897–1915), дир. Гос. ин-та по изучению мозга и псих. деятельности (1918). Д-р (1881) и акад. ИВМА (1899) 428

Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) – живописец, график, театр. художник. 1925 – в Париже; с 1936 – в СССР 171

Билимович Александр Дмитриевич (1875–1963) – политэконом, статистик, программист и публицист. Выпускник Киев. ун-та св. Владимира (1900), проф.(1908–1918). В 1919–1920 – гл. Уп. землеустройства и земледелия в прав-ве ген. А.И. Деникина. В эмиграции – проф. каф. политэкон. Любл. ун-та (1920 –1944) и РЮФа в Праге; проф. и декан экон. и юрид. ф-тов УНРРА ун-та в Мюнхене (1946 –1947); после 1948 – лектор в Ин-те славяноведения при Калиф. ун-те (Беркли, США) 269, 299, 440–442

Блинов Михаил Ефремович (1883–1940) – зоолог. Окончил Харьк. ун-т. В ЧСР (с 1920); член Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге; позже – в Югославии 165

Блох М. (Ленинград) 190

Боголепов Дмитрий Петрович (1885–1941) – пред. врем. през. (ректор) и полит. комиссар при правлении Моск. ун-та (1920–1921) 96

Боголюбский Николай Иоаннович – протоиерей, проф. Моск. с.-х. ин-та, читал курс лекций по богословию 89

Богомолов А.Н. 291, 322

Богоявленский Николай Васильевич (1870–1930) – моск. зоолог, эмбриолог. Выпускник ИМУ (1893); прив.-доц. (1904), экстраорд. проф. по каф. зоологии, сравн. анатомии и физиологии (1913); зав. зоол. лаб. при Зоол. музее ИМУ (1914). В 1919 основал Биостанцию в Болшево под Москвой 39

Бобринский Владимир Алексеевич, граф (1867–1927) – полит. деятель, тульский землевладелец. Учился в ИМУ, Эдинб. ун-те, Париж. шк. полит. наук. В 1887–1891 служил в л.-гв. Гусарском полку вместе с будущим имп. Николаем II. Поч. мир. судья и гласный Тульск. уездн.

и губернск. земств. Деп. II—IV ГД, лидер фракции националистов; один из рук. неослав. движения. В эмиграции в Париже 58, 219
Болдырев Василий Николаевич (1872–1946) – врач, физиолог, гастроэнтеролог. Выпускник ИВМА в СПб. (1898); сотр. ИИЭМ (с 1901); д-р медицины (с 1904); проф. каф. фармакологии Казанского ун-та (с 1912). В 1922–1940 – дир. Павловской лаб. при «Санатории д-ра Келлоча» в Баттл-Крике (шт. Мичиган, США) 63, 348, 445
Борисов И.Б. 72
Ботезат Георгий Александрович (1882–1940) – авиаконструктор 294
Браиловский Леонид Михайлович (1867–1937) – архитектор, художник, сценограф, декоратор 171
Брайант-Рид Луиза – амер. журналистка, жена Джона Рида 112
Брандт Владимир Александрович – архитектор, проф. Окончил Ин-т гражд. инженеров в СПб. (1898), работал в Харькове. В эмиграции в Праге (ЧСР): пред. Арх. отд. Рус. учебн. коллегии при Пражск. политехн. ин-те, зам. пред. Союза рус. художников в ЧСР, зам. пред. Музейной комиссии РКИМ, архитектор рус. церкви на Ольшанском кладб., дир. Худ. школы в Праге. Умер в тюрьме на Панкраце 172
Брейнль (Breinl) – д-р 396
Браунштейн Альберт Павлович (1872–1958) – онколог, д-р медицины, проф. ИМУ, дир. Ин-та изучения раковых болезней им. Морозовых в Москве. Эмиграция – в Германии, Франции, США 287, 291
Брижитский Георгий Константинович (1901–1968) – ботаник и фитопалеонтолог. В эмиграции: Галлиполи (Турция) – 1920–1921, Софии (Болгария) – 1921–1924, ЧСР – 1924–1945; Германии – проф. Ун-та УНРРА в Мюнхене (1945–1947); в США: ассист.-иссл. в Йельском (1954 –1960) и Гарвардском (с 1960) ун-тах 244, 269, 291
Бруцкус Борис Давидович (1874–1938) – экономист 132
Брушвит Иван Михайлович (1879–1946) – горный инженер, полит. и обществ. деятель. Пред. Земгора в Праге (с 1922), чл. куратория РНУ в Праге (с 1925), чл. совета РЗИА 148
Бубнов И.Г., фон (1872–1919) – ген.-майор, засл. проф. Морск. акад.; проектировал воен. корабли 93
Бубнов Сергей Николаевич, фон (1888–1957) – геолог, спец. по геотектонике. 1906 – в Гейдельберге (Германия). Окончил Фрейбургский ун-т (1910); д-р филос. (1912); доц. Гейдельб. ун-та; проф. ун-тов: в Бреслау (1925), Грейсвальде (1929–1950), Берлине (1950). Дир. Ин-та геологии и палеонтологии Ун-та Гумбольта в Берлине (1950), Ин-та геотектоники (1951–1957); чл. Берлин. АН (1949) 439
Булгаков Валентин Федорович (1886 –1966) – писатель, философ, литературовед; личный секр. Л.Н. Толстого. С 1916 – пом. хранителя и дир. Музея Л.Н. Толстого в Москве, одноврем. – хранитель Дома-музея Л.Н. Толстого в Хамовниках. За антисоветскую критику выслан в Германию (1923). Инициатор создания и дир. РКИМ в Збраславе (1934). 1948 – в СССР; хранитель Музея-усадьбы Л.Н. Толстого в

Ясной Поляне 14, 18, 138, 140, 142, 157, 170–172, 174, 177, 178, 246, 248, 251, 252, 418

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – рус. писатель, поч. акад. ИАН (с 1909), Ноб. прем. (1933). В годы 1-й мир. войны – чл. Об-ва сближения с Англией (1915) 67

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – гос. и обществ деятель, акад. АН СССР (с 1929), пред. КИЗ (с 1930), орг. и 1-й дир. ИИНТ АН (с 1937). Исключен из АН СССР (1937), расстрелян (1938). Реабилитирован (1988) 199, 207, 214, 338–339

Быстров Владимир Николаевич (1899–1967)– чешск. историк; осн. и пред. Содр. «Они были первыми» (Прага), дир. Изд. дома Bystrov a sonove, ректор Чешск. акад. совр. иск-ва, сын д-ра Николая Быстрова, к-рый в 1945 увезен в СССР и вернулся в Прагу в 1955 148

Бэр Карл Эрнст фон (Baer Karl Ernst von, 1792–1876) – эмбриолог, зоолог, антрополог, один из основоположников эмбриологии и сравн. анатомии, иностр. кор., орд. акад. (1828–1830, 1834–1862), поч. чл. (1862) ИАН 316

Бючли Отто (Johann Adam Otto Bütschli, 1848–1920) – зоолог, цитолог, ср. анатом, проф. Гейдельб. ун-та (1878–1942). Работал в обл. цитологии и протистологии. Его Зоол. ин-т был открыт для студентов со всей Европы, в т. ч. и для русских 26, 27, 33, 34, 38, 42, 62, 66, 69, 73, 183, 309, 438

Вавилов Иван Ильич – предприниматель, гласный Моск. ГД, отец акад. Н.И. Вавилова 49

Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – ботаник, генетик, эволюционист, селекционер, историк науки, гос. и обществ. деятель. Чл.-кор. (с 1923), акад. АН СССР (с 1929); чл. и поч. чл. многих заруб. акад. и об-в. Арестован (1940) в Черновцах, приговорен к расстрелу (1941), «помилован для 20-летнего заключения» (1942). Умер от дистрофии в Сарат. тюрьме (1943) 9, 49, 67, 185, 199, 203, 209, 214, 317, 339

Вагнер В. И. – проф.; с 1949 – представитель от Польши и казначей РАГ в США 9

Вагнер Вера Николаевна – внучка проф. Ю.Н. Вагнера 252

Вагнер Николай Петрович (1829–1907) – зоолог, отец Ю.Н. Вагнера 217

Вагнер Николай Юльевич (1893–1953) – ботаник, физиолог растений, д-р естест. наук (1928); сын зоолога Ю.Н. Вагнера. Выпускник Политехн. ин-та в Киеве. В эмиграции работал как физиолог растений на каф. ботаники у проф. Б. Немеца в Карловом ун-те в Праге. Доц., чл. совета преп. РНУ в Праге. С 1940 – ассист. М.М. Новикова в Зоол. ин-те Словацкого ун-та 165,167, 244, 406

Вагнер Юлий Николаевич (1865–1945) – зоолог, д-р зоологии, орд. проф. зоологии Киев. политехн. ин-та (1898–1911); с 1927 – проф. РЮФа (Прага), с 1930 – проф. биологии с.-х. ф-та Белград. ун-та; с 1945 – в Германии 244

Вайдеманн Ирина 7
Вальден Павел (Пауль) Иванович (1863–1957) – спец. в обл. хим. технологии, акад. ИАН (1910), поч. чл. АН СССР (1927), эмигрант 341
Варенов Владимир Дмитриевич – инженер и технолог, проф.-эмигрант, секр. СРАО (Прага) 153
Варшавский Сергей Иванович (1879–1945) – юрист, журналист, публицист, отец В.С. Варшавского. Пред. Союза рус. писателей и журналистов в Праге (1932–1939) 140, 194, 240
Васильев Александр Александрович (1867–1953) – историк, арабист, чл.-кор. РАН (с 1923); чл. Комиссии по реформе вузов. В эмиграции в США: зав. каф др. истории Висконсинского ун-та (1925–1939); сотр. Иссл. центра Гарвард. ун-та 76
Васильев Александр Тихонович (1875–1945) – врач-микробиолог, д-р медицины. Выпускник мед. и естеств. отд. Киев. ун-та св. Владимира. В эмиграции: проф. Карлова ун-та в Праге, Пастеровского ин-та в Париже и его отд. в Сенегале, Тунисе. Занимался проблемами возникновения и распространения чумы и малярии. Чл. ПК РЗСВ (1921–1924) 165, 167, 221, 225, 226, 229, 236, 375, 377, 379–381, 384, 391, 406, 407
Васильев Сергей Александрович (1883–1962) – инженер 294
Васильевский Анатолий Николаевич (1895–1968) – инженер-химик, проф. Учился в Политехн. ин-те в Праге (1921–1926), затем – во Франции; техн. дир. заводов по произв-ву мыла. С 1958 – в США; сотр. научн. лаб. по редким металлам, изучал рентген. излучение; орг-р и пред. Об-ва реализации изобретений (VAMIBO Inc.) 270
Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979) – лит. критик, искусствовед, публицист, поэт, мемуарист 314
Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) – журналист, публицист. 1913 – эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке. Сотр. ред. газ. «Рус. слово» (1914–1917); гл. ред. газ. «Нов. рус. слово» (1922–1973) 299, 446
Вейнер (Weigner) 402
Велихов Павел Аполлонович (1875–1930) – инженер. С 1899 – проф. и проректор МИИТ (с 1919 – МВТУ); чл. ЦК партии кадетов (1905–1918). Обвинялся в антисов. деятельности; пережил 3 ареста (в 1920, 1922 и 1929); расстрелян в 1930 108, 115
Вениг (Wenig) – проф. 397
Вербицкая Суссана Игоревна (?–1992) — жена врача Ф.Ф. Вербицкого; чл. Союза св. Благоверного князя Александра Невского (Аргентина) 299, 444–445
Вербицкий Федор Федорович (1905–1996) – врач, сын Ф.В. Вербицкого. Во время 2-й мир. войны – воен. врач Рус. корпуса. После 1945 поселился в Аргентине; чл. Союза св. Благоверного вел. князя Александра Невского 444–445
Вербицкий Федор Васильевич (1881 –1971)– врач-терапевт, д-р медицины (1906). Прив.-доц. ИВМА (1910); в 1911– экстраорд. проф. Николаевского ун-та в Саратове; орд. проф. Киев. ун-та (1914–1920).

В 1929–1943 жил в Югославии. Личный врач короля Александра I («Освободителя»). В 1945–1947 – проф. и декан мед. ф-та УНРРА ун-та в Мюнхене, 1949–1971 – в Аргентине: отд. вирусологии Ин-та микробиологии 269

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – геолог, минералог, кристаллограф, биогеохимик, историк науки. Дир. Геол. и минер. музея АН, пред. КЕПС и КИЗ. Адьюнкт ИАН (с 1906), экстраорд. акад. (с 1906), орд. акад. (с 1912) 67, 73, 105, 193, 199, 288, 316, 382

Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) – историк России и Византии, проф. рус. истории, сын акад. В.И. Вернадского. Выпускник ИМУ. Преп. в ПгУ (1914 –1917), Перм. (1917–1918) и Тавр. (1918–1920) ун-тах. 1927 – в США. В 1946–1956 – проф. рус. истории Йельского и др. ун-тов 151, 263, 287, 291, 299, 425, 429

Вернер Артур (Werner Arthur) – нем. врач-кардиохирург, историк науки; рос. эмигрант. Живет и работает в Дюссельдорфе (Германия) 16, 264, 320

Виктор, рыбак 392

Вилинский Сергей Григорьевич (1876–?) – учился на юрид. ф-те Новорос. ун-та, студент РЮФа (Прага), проф. Масарик. ун-та в Брно 16, 17, 149

Вилков Александр Александрович (1872–?) – проф. Донского ун-та по каф. фин. права; проф. и декан РЮФа в Праге, казначей СРАО (Прага) и секр. Ф. помощи рус. студентам в ЧСР 147, 153

Виндельбанд В. (1848–1915) – нем. философ, неокантианец, проф. каф. филос. Гейдельб. ун-та (Германия) 184, 210–211

Виноградов Ю.А. 73

Виноградский Сергей Николаевич (1856–1953) – микробиолог, чл.-кор. ИАН (с 1894), поч. чл. РАН (с 1923), чл. Париж. АН, Лондон. Корол. об-ва 134, 316

Виттакер Роберт (Wittaker R.) – амер. проф.-славист, б. зав. архивом Толстовского ф. в Валлей-Коттедж под Нью-Йорком (США) 16

Вишняк Марк Вениаминович (1883–1975) – юрист, обществ.-полит. деятель, эсер, публицист, журналист. В 1919 эмигрировал в Афины, затем – Париж. Соред. и секр. (1920–1936) ред. журн. «Совр. зап.». В 1937–1939 – секр. ред. журн. «Рус. зап.». С 1940 – преп. рус. яз. в ун-тах США 71, 275, 279, 322, 432

Владыков Вадим Дмитриевич (1898–1986) – ихтиолог. Окончил Карлов ун-т (1925); чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге. Работал в Ужгороде, Париже (Ин-те Пастера и Музее естеств. истории); с 1930 – в Канаде (Монреаль, Оттава, Квебек) 165, 167

Воеводская Ксения Викторовна – б. дир. Толстовского ф. в Валлей-Коттедж под Нью-Йорком (США) 16

Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, гос. деятель. Окончил истор.-филол. ф-т ИМУ (1908); преп. в Моск. гор. нар. ун-те им. А.Л. Шанявского (с 1914), проф. МГУ каф. истории социализма,

декан ф-та обществ. наук; чл. правления (ректор) МГУ (1921–1925), проф. Ин-та красной профессуры; акад. АН СССР (с 1930); вице-през. АН СССР (до 1953) 96
Волков В.А. 18, 212
Волковысский Николай Моисеевич (1881–194?) – журналист, писатель 118, 126
Володарский А.И. 211
Володарский В. (Гольдштейн М.М., 1840–1918) – деятель рос. рев. движения, член РСДРП (с 1905), член през. ВЦИК, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Пг., убит эсером 93, 211
Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932) – рус. поэт и художник-акварелист 341, 346
Волсен Виктория Олеговна – дир. Толстовского ф. в Валлей-Коттедж под Нью-Йорком (США) 16
Врангель Мария Дмитриевна (ур. Дементьева-Майкова, 1856–1944), баронесса – мать ген. П.Н. Врангеля (1878–1928), барона 175
Врангель Ольга Михайловна (ур. Иваненко) (1882–1968), баронесса – вдова ген. П.Н. Врангеля. В 1-ю мир. войну – сестра милосердия; в Болгарии и Югославии открыла неск. туберкул. санаториев. Умерла в США 138
Врожек (Vrojak) – чешск. проф.; работал на РЗС в Вильфран-сюр-Мер 393
Вульф Юрий (Георгий) Викторович (1863–1925) – физик, спец. в обл. кристаллографии, рентгеностр. анализа, минералогии; чл.-кор. РАН (с 1921). Выпускник Варшав. ун-та, преп. в Казан. ун-те (1887), с 1909 – в ИМУ (с 1917 – проф.), с 1911 – в Моск. гор. нар. ун-те им. А.Л. Шанявского; през. Об-ва попечения об учащихся детях Тверск. р-на г. Москвы 102
Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954) – философ, социолог, лит. критик, публицист, мемуарист 117, 130, 132, 134

Гаврилов Константин Иванович (1908–1982) – зоолог, зоопсихолог, ученик М.М. Новикова, чл. Зоол. семинара в Праге. Выпускник естеств.-истор. ф-та Карлова ун-та в Праге (1934). 1938 – в Аргентине; преп. в Тукуман. ун-те: зав. каф. сравн. анатомии, эмбриологии и физиологии и зав. каф. зоопсихологии. Поч. акад. Акад. естествознания при Аргент. АН (1977) 165, 167, 178, 195, 315, 316, 238, 251, 299, 361–363, 412, 436, 446–454
Галкин К.М. 71
Гаха Эмил (1872–1945), барон – чешск. адвокат; политик правой ориентации, през. ЧСР (с 1938; с 1939 – през. Протектората Богемии и Моравии) 238
Гвоздик 405
Гегенбаур Карл (Karl Gegenbauer, 1826–1903) – нем. анатом, авт. истор. метода в биологии 183
Гексли Томас Генри (Thomas Huxley, 1825–1895) – англ. зоолог, сравн. анатом, эволюционист, през. Лондон. Корол. об-ва (1883–1885) 183

Геллер Михаил Яковлевич (1922–1997) – историк, философ; с 1969 – в Париже, проф. Сорбонны 110, 125
Генч (Генч-Оглуев) Христофор Стеанович (? – 1937, Париж) – кадет, обществ. деятель. Эмиграция – в Швейцарии 211, 191, 415–417
Георгиевич – серб. проф 407
Гербст Курт (1866–1946) – спец. в обл. физиологии развития, проф. Гейдельбергского ун-та (Германия) 26
Германн Томаш (Hermann T.) – чешск. историк 17, 220, 236, 252
Героневич Н.В. 329
Гессе Павел Августович, граф (1886–1932) – юрист, обществ. деятель. Окончил Имп. Комм. уч-ще, юрид. ф-т ИМУ, филос. отд. Цюрих. ун-та. С 1918 – уполн. Межд. Комитета Красного Креста 94
Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) – философ, публицист, литературовед, педагог. Д-р филос. (1910); доц. ПгУ (1914–1917); проф. филос. Томск. ун-та (1917–1921). Эмигрировал в 1921; проф. РНИ в Берлине (1923–1924); РЮФа в Праге, Рус. пед. Бюро (ин-та); проф. каф. педагогики в ун-те г. Лодзи (Польша) (1945–1950) 132
Гессен Р. – проф. Берлин. ун-та 181
Гетманов Алексей (род. 1948, Регенсбург) – сын В.А. Гетмановой, правнук М.М. Новикова 255, 284, 324, 425, 426
Гетманова Валентина Анатольевна (ур. Тиброва) (1926 г.р.) – врач, дочь А.А. и Е.М. Тибровых, внучка М.М. и В.Н. Новиковых 250, 255, 284, 425, 426, 433, 437
Гикель (Hykel) 392, 408
Гинс Георгий Константинович (1887–1971) – юрист. Выпускник ИСПбУ (1909), преп. в Пг. ун-те по каф. гражд. права; экстраорд. проф. по каф. гражд. права Омского полит. ин-та (1918); член Сов. Мин. в прав-ве адм. А.В. Колчака (с нояб. 1918); в эмиграции – в Харбине (Китай): проф. юрид. ф-та (1920–1937) и США (с 1941): преп. в Калиф. ун-те (Беркли), Вермонт-колледже (Монтерей) 207–291
Гинсбург Я. (США) 189
Гитлер Адольф (1889–1945) – фюрер (вождь) Национал-социал. партии Германии (с 1921), гл. Герман. нацистского гос-ва (1939–1945) 52, 238, 250, 271
Главацкий Михаил Ефимович – историк, д-р истор. наук (1974), проф. (с 1976) Урал. ун-та в Екатеринбурге 111, 125–127, 136
Глаголева-Аркадьева Александра Андреевна (1884–1945) – физик, проф. МГУ (с 1930). Создала т.н. массовый излучатель (1922), с помощью к-рого получила электромагнитн. волны с дл. волны от 5 см до 82 мкм 105
Глазунов А.И. – проф. 149
Гогель Сергей Константинович (1860–1933) – юрист, прив.-доц., проф. СПб. ун-та и Психоневрол. ин-та. В эмиграции преп. в РВНИ в Берлине 132

Гойер Лев Викторович, фон (1875–1939) – юрист, банкир. Окончил юрид. ф-т ИСПбУ. С 1919 – мин. Омского прав-ва А.В. Колчака. Жил в Париже 390, 410
Гойер 408
Годлевский 388, 408
Голенкин Михаил Ильич (1864–1941) – ботаник, систематик растений. Окончил ИМУ (1887); в 1905–1930 – проф. ботаники; в 1902–1930 – дир. Ботан. сада ИМУ; 1922–1927 – дир. НИИ ботаники при ИМУ 40
Голицын Петр Павлович, князь (1868–1930) – ген. В 1916 – в распор. гл. уполном. Красного Креста Сев. р-на Пг. 208
Голицын Борис Борисович, князь (1862–1916) – физик, геофизик, сейсмолог, орд. акад. ИАН (с 1908) 208
Голицына Софья Александровна, княгиня – помощница Авг. покровит. Об-ва попечения о неимущих и нуждающихся в защите детях; чл. Моск. благотвор. об-ва, Моск. отд. попечительства о слепых 49
Голубовский Н.Ф. – проф., акад. ИАН 146
Головин Федор Александрович (1867–1937) – член ЦК партии кадетов, пред. II ГД, делопроизводитель НК НТО ВСНХ 103
Гольденвейзер А.А. – присяжной поверенный (США) 303
Гольдштейн Иосиф Маркович (1868–1939) – экономист, д-р политэкономии. Преп. Моск. комм. ин-та, проф. ВЖК и Моск. техн. уч-ща. В 1916 – ред. журн. «Проблемы Великой России», сотр. газ. «Рус. слово». После 1917 – в США; основатель Ф. помощи моск. ученым, писателям и артистам 294
Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) – живописец, график, театр. художник, жена художника М.Ф. Ларионова 171
Горбунов Николай Петрович (1892–1938) – химик-технолог, географ, организатор науки. Акад. АН СССР по отд. математ. и естеств. наук (с 1935), непрем. секр. АН (1935–1937). Упр. делами Совнаркома. Арестован 1938, расстрелян 98, 102, 199
Горький (наст. имя – Пешков) Алексей Максимович (1863–1936) – прозаик, драматург, лит. критик, мемуарист, обществ. деятель 85, 110, 121
Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) – живописец и искусствовед, нар. художник СССР (1956), акад. АН СССР (1943) и действ. чл. АХ СССР (1947) 92
Грабовский Николай Семенович – биолог. В эмиграции в ЧСР (с 1920); окончил Пражский ун-т (1925), учился у акад. Б. Немеца; д-р естеств. наук (1926); спец. по морфологии и систематике растений. С 1926 – препаратор на РЗС в Вильфранш-сюр-Мер (Франция) 377, 400, 402, 404, 405
Грабье С.А. – доктор (Брно) 167
Гревс Иван Михайлович (1860–1941) – историк, педагог, обществ. деятель, зам. пред. Комиссии по реформе высш. шк. Врем. прав-ва 43, 76

Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956) – композитор. Учился в консерватории Москвы (1881–1890) и СПб. (1890–1893). С 1903 – педагог Муз. шк. сестер Гнесиных. В 1925 эмигрировал: до 1939 жил в Париже, с 1940 – в Нью-Йорке 300

Гримм Давид Давидович (1864–1941) – юрист, правовед. Проф., декан, ректор (1910–1911) юрид. ф-та ИСПбУ. Лидер партии кадетов, чл. Госсовета; деп. ГД; тов. мин. нар. просвещения, чл. Комиссии по реформе вузов Врем. прав-ва. В эмиграции – в Финляндии, ЧСР, Франции. Тов. пред. РАГ в ЧСР 76, 151, 152

Грин (Green J.) 17

Громадка Ян (Jan Hromádka, 1886–1968) – географ, с 1938 – проф. географии на филос. ф-те Ун-та Яна Коменского в Братиславе, с 1940 г. – проф. естеств.-научн. ф-та Словацкого ун-та 240, 241

Гроссман Вл. 275, 279

Грушка Аполлон Аполлонович – проф. каф. рим. словесности истор.-филол. ф-та ИМУ 332

Грюпер – рос. эмигрант 162, 358

Гудим-Левкович В.А. – секр. Комиссии по нар. образованию Канцелярии IV ГД, зав. делопроизводством Комиссии по реформе высш. шк. Врем. прав-ва 75

Гулевич Владимир Сергеевич (1867–1933) – врач-биохимик, д-р медицины (1896), орд. проф. (с 1904) ИМУ по каф. мед. химии; проректор ИМУ (1906–1908), проф. МЖМК (с 1908), МКИ (с 1910), ректор МГУ (1919), чл.- кор. (с 1927), акад. (с 1929) АН СССР 87

Гуль Роман Борисович (1896–1986) – прозаик, лит. критик, киносценарист, историк, мемуарист 441

Гумилев Николай Степанович (1886–1921) – поэт Серебр. века, создатель шк. акмеизма, переводчик, лит. критик 126

Гурвич Георгий Давидович – прив.-доц. Пг.У, проф. 162

Гуревич Я.Я. – чл. Гос. комитета по нар. образованию и Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения Врем. прав-ва 76

Гутнов Д.А. 176

Гучков Александр Иванович (1862–1936) – полит. и гос. деятель. В 1897–1907 – гласный Моск. ГД. С 1906 – пред. ЦК партии «Союз 17 октября». Чл. Госсовета (1907). Моск. гор. голова, поч. мир. судья. Деп. III ГД (1907–1911); пред. ГД (фев.1910 – март 1911), пред. Думской комиссии по обороне. В начале 1-й мир. войны – особоуполномоченный. РОКК. 1917 в к-ве предст. Врем. комитета ГД вместе с В.В. Шульгиным принял в Пскове отречение имп. Николая II от власти. Воен. и морской мин. Врем. пр-ва (1917). Эмиграция – во Франции 47–49, 55, 72, 74

Давыдов Михаил Михайлович (1896–1933) – зоолог, выпускник Моск. консерватории (1872), д-р философии Йенского ун-та (1880), поч. д-р зоологии Юрьевского ун-та (1902). Работал в Германии и Италии. С 1895 пом. проф. А.А. Коротнева, после 1915 – дир. РЗС в Вильф-

ранш-сюр-Мер (Франция) 66, 218, 219, 225, 229, 232, 233–235, 331, 380, 381, 383, 386, 391, 393, 395, 397, 400, 402, 405, 406, 411

Давыдов Константин Николаевич (1877–1960) – зоолог, эмбриолог; д-р зоологии (1915); чл.-кор. АН Франции (1949). Выпускник ИСПбУ (1901); штатный лаборант особой зоол. лаб. ИАН (1901–1918); прив.-доц. – ИСПбУ (1910–1916), Высш. курсов (Научн. ин-та) П.Ф. Лесгафта (1909–1922) с перерывом; проф. зоол. Перм. ун-та. С 1939 – рук. работ Нац. центра научн. иссл. Франции 226, 228, 229, 403

Давыдов Николай Васильевич – проф. (1908) и ректор Ун-та им. А.Л. Шанявского 66, 176

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) – публицист и социолог, идеолог панславизма. В кн. « Россия и Европа» (1869) выдвинул теорию обособленных «культ.-истор. типов» (цивилизаций), подобных биол. организмам; качественно новым считал «славянский» тип 9, 184

Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882) – англ. естествоиспытатель, основатель учения об истор. развитии орган. мира, авт. кн. «Происхождение человека и половой отбор» (1871) 181, 201

Дейнега Валериан Аверкович – проф. ИМУ, преп. Уч-ща живописи, ваяния и зодчества 105

Демидов Сергей Сергеевич – математик, проф. каф. истории математики МГУ 16

Денди – проф. (Лондон) 45

Дерманис – латыш. проф. Ун-та УНРРА в Мюнхене (1945–1947) 271

Дерюгин Константин Михайлович (1878–1938) – зоолог и гидробиолог. Выпускник ИСПбУ (1900). С 1912 – проф. Психоневрол. ин-та, с 1918 – проф. Пг. ун-та, преп. на ВЖК, в Горном ин-те, Лесотехн. акад. В 1929 орган. каф. гидробиологии в Ленингр. ун-те. Основоположник биол. станций на Баренцовом и Белом морях и Тихоокеан. науч.-иссл. станции 334

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) – сов. полит. и гос. деятель; член ЦК РСДРП (с 1907); пред. ВЧК 95, 119

Дживелегов Алексей Карпович – канд. права, секр. Об-ва сближения с Англией (1915) 67

Джонсон Элвин С. (Johnson Alvin S., 1874–1971) – амер. экономист, д-р экон. наук, ред., изд.; орг. «Беженского ун-та» при Нов. шк. социальных иссл. в Нью-Йорке (1933–1941) и Орг-ции по размещению беженцев-профессионалов при Междунар. комитете спасения (с 1945) 258

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) – моск. губернатор (1905–1912), тов. мин. внутр. дел, ком. Отд. корпуса жандармов 87

Динберг – латыш. проф. Ун-та УНРРА в Мюнхене (1945–1947) 271

Дион В. (Deonn W.) – швейц. культуролог 184

Догель Валентин Александрович (1882–1955) – зоолог, протистолог, сравн. анатом. Выпускник ИСПбУ (1904); проф. (1913), зав. зоотомического каб., зав. каф. зоологии (1915), чл.-кор. АН СССР (с 1939);

зав. лаб. во ВНИИ озерного и речного рыб. хоз-ва (с 1929); зав. лаб. морск. простейших в Зоол. ин-те АН СССР (с 1944) 9, 63, 66, 185
Добжанский (Добржанский) Феодосий Григорьевич (1900–1975) – генетик. Окончил Киев. ун-т (1921); в 1924–1927 работал в Ленингр. ун-те; в 1927 – эмигрировал в США. 1928–1940 – в Калиф. техн. ун-те в Пасадене (с 1936 – проф.), 1940–1972 – проф. Колумб. ун-та, с 1962 – проф. Рокфел. ун-та в Нью-Йорке; чл. Нац. АН США 286–287, 291, 321, 456
Доброхотов Сергей Юрьевич – докт. физ.-мат. наук, зав. лаб. Ин-та проблем математики РАН им. А.Ю. Ишлинского, зав. каф. математики и мат. методов физики ф-та нанотехнологий и информатики МФТИ 5–8
Доброхотов Юрий Сергеевич – отец С.Ю. Доброхотова 7
Доброхотова Вера Николаевна (ур. Новикова) – двоюродная сестра М.М. Новикова 7
Доброхотова О.Ю. 8
Докашева Е.С. 251
Докучаев Василий Васильевич (1846–1903) – почвовед, ботаник, агроном, географ. Выпускник (1872), доц. (1881) и орд. проф. ИСПбУ по каф. минералогии; дир. Новоалександр. ин-та с.-х. и лесоводства в Пулавах, где создал первую в России каф. почвоведения 316
Долгоруков Петр Дмитриевич, князь (1866–1945) – потомок одного из аристокр. родов царской России, обществ.-полит. деятель, публицист; один из основателей партии кадетов; тов. пред. I ГД (1905–1906). В эмиграции – в Константинополе (с 1920) и Праге (с 1922); сотр. Рус. педагог. бюро (ин-та); вице-пред. Объед. рус. эмигр. орг-ций в ЧСР. В мае 1945 арестован сов. войсками в Праге, депортирован в СССР. Погиб в заключении 13, 138, 145, 148, 152, 165
Дом (Dohm) 398
Дорн Феликс Антон (Dorn A.) (1840–1909) – нем. зоолог, дир. Неапол. зоол. станции (с 1873), иностр. чл.-кор. ИАН (1904) 135, 217
Дорн Рейнхард (Dorn R.) (1880–1962) – сын основоположника Неапол. зоол. станции Антона Дорна (1840–1909) и Марии Егоровны Барановской (1856–1918). После смерти отца (1909) занял пост дир. станции 135, 337, 339
Дорошенко С.И. 212
Досбов – рос. ученый 402
Досталь М.Ю. 176–177
Дрониан – франц. ученый 398
Дюбоск Рене Иосиф Октав (Duboscq, 1868–1943) – франц. ученый. Изучал медицину в ун-те в Каене (Caen) и ун-те Парижа. Д-р медицины (с 1894); д-р естеств. наук (с1899). В 1900–1904 – декан ф-та естеств. наук в ун-те Гренобля; с 1900 по 1904 – проф. в Каене; в 1904–1923 – проф. ун-та в Монпелье. До 1937 – проф. морск. биологии на ф-те естеств. наук в Париже. Дир. Биол. станции Араго в Банюэльс-сюр-Мэр (1923) и б. РЗС в Вильфранш-сюр-Мэр (с 1931). Кавалер орд.

Поч. легиона (1912) 225, 227, 228, 230–232, 234, 237, 341, 365, 366, 371, 377, 378, 389, 391, 394, 395, 411
Дриш Ганс (1867 – 1941) – биолог-эмбриолог, предст. неовитализма и научн. парапсихологии; проф. Гейдельб. ун-та 26
Духовской Михаил Михайлович – присяжной поверенный, попечитель Бутырского 4 Мужск. гор. уч-ща; чл. Моск. мужск. благотв. тюремного комитета; чл. Совета об-ва вспомоществования учащимся женщинам 48

Егунова София Александровна (1869–?) – педагог, преп. физ. воспитания Союза рус. педагогов средней и низшей (нач.) шк., проф. РНУ в Праге (с 1925), чл. Зоол. семинара М.М. Новикова, чл. РАГ в США 165
Елатонцев Семен (Самуил) Георгиевич (1881–1955) – донской казак. В эмиграции в ЧСР. Зав. Казачьим отд. Земгора в Праге. С 1923 – в США 291
Елина О.Ю. 72
Елпатьевский В.С. – сотр. Зоол. музея ИМУ 39, 45
Ельцин Борис Николаевич (1931–2007) – гос. деятель, пред. Верх. Совета РСФСР (1990–1991), первый през. РФ (1991–2000) 302, 325
Ельяшевич Василий Борисович (1875–1956) – правовед, историк. Проф. гражд. права ВЖК, Политехн. ин-та, ПгУ. В эмиграции – проф. гражд. права Париж. ун-та; соред. сб. «Моск. ун-т» (1930) 190, 211, 414, 415
Емельянов Иван Васильевич (1880–1945) – агроном, энтомолог, кооператор, экономист. Пред. Пражск. землед. комитета помощи голодающим в России (с 1921); предст.Орг-ции рус. землевладельцев на Рос. заруб. съезде (1926), лектор в Рус. ин-те с.-х. кооперации, чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге. С 1927 – в США; проф. каф. с.-х. экономии Ун-та Ратгерс 152, 165
Емельянова Наталья Васильевна (1891–1960) – биохимик. Д-р биологии Карлова ун-та, чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге. С 1933 – в США; ассист. Корнельского ун-та (г. Итака, шт. Нью-Йорк) 165
Ермолаева Наталья Сергеевна – математик, историк науки (СПб.) 93, 122
Есаков В.Д. 120, 213
Ефименко Е. 17

Жадон Пьер (Jaudon Pier) – франц. судебн. адм. РЗС в Вильфранш-сюр-Мер по секвестору 226, 230, 231, 371, 377, 393, 394, 396
Жардецкий Вячеслав Сигизмундович (1896–1962) – ученый в обл. астрономии, неб. механики, геофизики. В эмиграции с 1920: КСХС, Австрия, США 287, 289, 291
Жекулина Аделаида Владимировна (ур. Евреинова, 1866 –1950) – педагог, основатель и нач. «Жекулинской» женск. гимназии в Киеве. В 1910 открыла педагог. отд. для подготовки учителей дошк. и нач. уч-щ. В эмиграции (1919) в Константинополе; с 1922 – в Праге, где

орг. Пед. бюро, издавала бюллетень о пед. деятельности рус. эмиграции 58, 77, 145, 148, 152
Жернакова Надежда Алексеевна (1930–2011) – литературовед, проф. рус. яз. и лит-ры (США); пред. РАГ в США 15, 16, 19
Жильяр Пьер – воспитатель наследника рос. престола Алексея 191
Жилярди Доменико (1785–1845) – рус. архитектор итал. происх., работал в Москве в 1810–1832. После пожара 1812 восстан. здание ИМУ (1817–1819) 82
Жуков И.Д. – чл. правл. РАГ в ЧСР 151
Жукова Л. 251

Завадский Сергей Владиславович (1870–1925)– сын сенатора, проф. по каф. гражд. права Александр. лицея, проф. РЮФа (Прага), чл. правл. РАГ в ЧСР, проф., зам. пред. кураторecho РНУ 140, 151, 157, 163
Заварзин Алексей Алексеевич (1886–1945) – гистолог, акад. АН СССР (с 1943), акад. АМН СССР (с 1944) 66, 317
Завзал З. – чешск. ученый, рук. беженского деп. МИДа ЧСР, чл. куратория РНУ (Прага) 157
Заврел (Zavrel) 402, 403
Зайцев Кирилл Иосифович (1887–?) – проф. по каф. гос. права ИСПбУ.; в эмиграции, проф. РЮФа в Праге и в Харбине, ректор Пед. ин-та в Харбине 140
Зайцев Борис Константинович (1881–1972) – писатель, переводчик, драматург, литературовед. Пред. Моск. отд. Всерос. союза писателей, член Помгола. В эмиграции (с 1922) – в Германии, Италии, Франции 110, 135, 316
Зандер Лев Александрович (1893–1965) – философ-богослов, церк.-обществ. деятель 316
Заленский Владимир Владимирович (1847–1918) – зоолог и эмбриолог, акад. ИАН (с 1897). Окончил Харьк. ун-т (1867); проф. Казанского (с 1871), Новорос. (с 1882) ун-тов; дир. Зоол. музея ИАН и одноврем. – дир. Севаст. биол. станции 217
Зарайский-Зубрий (Зубрин) Никифор Иванович (1890 –?) – сотр. ВЧК–ОГПУ, член РСДРП (б) с 1918 114
Заричняк Михаил 245
Зароченцев Михаил Трофимович (1879–1964) – инженер-изобретатель в обл. холод. дела, педагог. Эмиграция – в Эстонии и США 308, 318, 325
Зворыкин Владимир Владимирович (1867–?) – инженер, проф. МВТУ, полит. деятель, кадет. Гласный Моск. ГД. Арестован по обвинению в контр. деят. и выслан из РСФСР (1922) 117
Зворыкин Владимир Козьмич (1888–1982) – инженер-изобретатель. В 1918 эмигрировал из России, с 1919 – в США. Докт. дис. защитил в Питтсб. ун-те (1926); с 1929 – дир. лаб. электроники в радиокорпорации «Ар Си Эй». В 1931 создал иконоскоп – первую передающую телев. трубку; авт. электр. микроскопа, приборов ночного видения и др. 318

Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954) – журналист, юрист, обществ.-полит. деятель, кадет. В март.-окт. 1917 – гор. голова Ростова-на-Дону; мин. внутр. дел в прав-ве Деникина (1919–1920). 1920 – эмиграция во Францию; чл. Комитета париж. Земгора; секр. Союза адвокатов во Франции 13

Зелинский Николай Дмитриевич (1862–1953) – химик-органик, чл.-кор. по Отд. физ.-мат. наук АН СССР (с 1924), акад. (с 1929) 347

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) – обществ.-полит. деятель, публицист, прозаик, чл. ЦК партии эсеров. Учился в Германии. С 1917 – чл. Исполкома Пг. совета. В сент. 1918 – чл. Всерос. Врем. прав-ва (Уфимской директории), в ноябр. арестован и выслан в Китай. С 1919 в Париже. Соред. газ. «Pour la Russie» (1920) и «Воля России» (1920–1922), чл. редколлегии журн. «Совр. зап.». Чл. Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. С 1939 – в Нью-Йорке: соучредитель и чл. редкол. журн. «За свободу» (1941–1947); один из орг. «Лиги борьбы за нар. свободу» (1949) 302

Зеньковский Александр Васильевич (1878–1966) – проф. каф. земских и гор. финансов Киев. коммерческого ин-та; сотр. П.А. Столыпина. В эмиграции в Берлине, Праге, Нью-Йорке 287, 291

Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) – богослов, историк философии, лит. критик, мемуарист. В эмиграции в Белграде, Праге, Париже. Проф. и ректор Богосл. ин-та в Париже (1927–1962). Д-р богословия (1948) 316

Зернов Михаил Степанович (1857–1938) – врач-физиотерапевт и бальнеолог, д-р медицины, обществ. деятель. Выпускник. мед. ф-та ИМУ(1882). Гласный Моск. ГД, кадет. Инициатор создания Об-ва Моск. научн. ин-та (1911). После 1917 – на Кавказе, с 1921 – в Константинополе, затем в КСХС, с 1927 – в Париже (Франция), где занимался частной практикой. Пред. Моск. землячества 412

Зернов Николай Михайлович (1898–1980) – богослов, историк церкви, литератор. Учился на мед. ф-те ИМУ. В 1921 эмигрировал в КСХС; с 1925 – в Париже. Один из основателей. РСХД; гл. ред. «Вестн. РСХД» (1925–1929, вместе с И. Лаговским) 412

Зильбер Лев Александрович (1894–1966) – микробиолог, вирусолог, иммунолог, акад. АМН СССР (с 1945) 83, 121

Зимин С.И. – основатель частного оперного театра в Москве (1904–1924). 1917 – театр национализирован; в 1924 – преобразован в филиал Большого театра 339

Зинин Николай Николаевич (1812–1980) – химик-органик, акад. СПб. АН (1858), первый през. Рус. физ.-хим. об-ва (1868–1877) 307

Зморай Иван (Zmoray Ivan) 181

Зограф Николай Юрьевич (Георгиевич) (1851–1919) – зоолог, антрополог. Выпускник ИМУ (1872), с 1876 – сверхшт. ассист.; в 1877–1888 – хранитель при Зоол. музее ИМУ; д-р зоологии (1887); прив.-доц. ИМУ(1884); в 1911 орг. при каф. зоол. лаб. гистологии; сверхшт. орд. проф. (1888), орд. проф. (с 1898); засл. проф. (с 1909) ИМУ. В 1891

орг. гидробиол. станцию на оз. Глубоком (под Москвой) 37, 39, 40, 331
Зубашев Е.Л. – чл. правления РАГ в ЧСР 151
Зубкин – сотр. Опер. отд. ГРУ 113
Зубов Петр Петрович (1893–1964) – д-р философии, проф., церк. деятель 257, 291

Иванов Анатолий Евгеньевич – историк, сотр. ИРИ РАН (Москва) 23, 68, 71, 72, 120, 121
Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) – поэт, писатель, драматург, переводчик. Д-р наук (1921); с 1918 – чл. Моск.(затем – Всерос.) союза писателей; чл. Об-ва сближения с Англией. В 1924 выехал в Италию 67
Иванова Л.В. 120
Иванченко А.В. 72
Иванцов Николай Александрович (1863–1927) – зоолог, д-р зоологии. Окончил ИМУ. Владелец и дир. Реального уч-ща в Москве. С начала 1900-х – сотр. Ин-та сравн. анатомии (дир. М.А. Мензбир); в 1905 – прив.-доц. каф. зоологии ИМУ; читал курс гистологии. Работал на зоостанциях А. Дорна, проф. А.А. Коротнева и др. 152, 205, 217, 330
Иванцов Димитрий Николаевич (1886–1973)– политэконом, статистик, проф. Выпускник юрид. ф-та ИМУ; с 1915 – прив.-доц. при каф. политэкономии и статистики. С 1916 – адьюнкт-проф. Ин-та с.-х. и лесоводства в Харькове (Ново-Александрийске), с 1919 – проф. Политехн. ин-та в Екатеринодаре. 1923–1930 – проф. Политехн. ин-та и Ин-та с.-х. кооперации в Праге; 1930–1945 – проф. РНРУ (РСУ) в Праге; 1946–1947 – проф. Ун-та УНРРА в Мюнхене. В США работал в Фордгамском и Колумб. ун-тах 164, 270, 291
Игнатьев Павел Николаевич, граф (1870–1945) – гос. и обществ. деятель. Окончил Киев. ун-т; губернатор Киева (1907–1908); дир. Деп. земледелия (с 1909), мин. нар. просвещения (1915–1916); шталмейстер Двора (с 1 янв. 1917). В эмиграции с 1919: в Лондоне, Париже, Канаде. Пред. Гл. упр. РОКК 61, 75
Изгоев (Ланде) Александр Соломонович – историк, социолог, журналист, чл. ЦК партии кадетов. Чл. Пг. отд. Помгола. В авг. 1922 арестован, в нояб. выслан из Сов. России. Жил в Берлине, Праге, Париже, Хаапсалу (Эстония) 115, 175, 176
Изюмов Александр Филаретович (1884/1885–1950) – историк, архивист, полит. деятель. В 1914 окончил истор.-филол. ф-т ИМУ. Ст. инспектор Гл. арх. упр. Эксперт НКИД. По постановлению през. ГПУ выслан за границу (1922). Жил в Берлине и Праге; зам. дир. РЗИА 117, 138
Ильин Василий Сергеевич (1888– 1957) – ботаник, основоположник физиол. экологии. Выпускник физ.-мат. ф-та ИСПб. ун-та. С 1915 – проф. Екатериносл. ун-та по каф. ботаники и зав. отд. физиологии растений (позже – дир.) С.-х. научн. станции. В эмиграции (с 1922) работал в Карловом ун-те (Прага), где получил ст. д-ра естеств. наук. Орг. и пред. НИИ объединения рус. ученых в ЧСР. С 1939 – ректор

РСУ в Праге. С 1943 – проф. Инсбрукского ун-та. С 1947 – проф. агроном. ф-та ун-та в Каракасе (Венесуэла) 149, 151, 152, 162–164, 167, 171, 174, 177, 178, 194, 219, 221, 230, 233, 237, 240, 242, 361, 367–369, 382, 397, 401, 418, 419

Ильин Иван Александрович (1883–1954) – философ, правовед, культуролог, публицист, лит. критик. Выпускник ИМУ; д-р гос. наук (1918). В 1918–1922 – проф. юрид. ф-та Моск. ун-та, преп. в ун-те им. Шанявского (1916–1918) и др. вузах. В сент. 1922 выслан из Сов. России. Один из орг., затем проф. РВНИ при Берлин. ун-те (1923–1931). В 1934 переехал в Швейцарию 115, 117, 130, 132, 162, 190, 416

Ильина Н.И. 356

Ингерман Сергей Михайлович (1868–1943) – д-р медицины, чл. РСДРП. В эмиграции с 1890; в 1908 переехал в США 294

Индерка И. – чешк. проф., представ. Мин-ва нар. образования ЧСР 157

Ионцев В.А. 264

Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952) – химик, ордин. акад. ИРАН (с 1916). Пред. Хим. комитета при Гл. артиллер. упр., пред. НТО ВСНХ СССР (до 1926), дир. Гос. ин-та высоких давлений (с 1928), прем. им. Ленина (1927). В июне 1930 выехал в научн. командировку в Берлин, в СССР не вернулся. В США – проф. Чикагск. ун-та (с 1930); акад. Акад. ис-в и наук США. 29 дек. 1936 решением общего собр. исключен из состава АН СССР; восст. в 1990 108,198, 258, 288, 345

Иоффе Абрам Федорович (1880–1960) – физик, чл.-кор. РАН по отд. физ.-мат. наук (с 1918), акад. (с 1920), вице-през. АН СССР (1942–1945) 346

Исаев В.И. – преп. в Чешск. высш. техн. уч-ще в Праге 149, 151

Йергенсон – латыш. проф. УНРРА ун-та в Мюнхене (1945–1947) 271

Каблуков Иван Алексеевич – д-р химии, орд. проф. ИМУ, Нар. ун-та им. Шанявского, адьюнкт-проф. Моск. с.-х. ин-та, гласный Моск. уездн. земского собр. 99

Каблуков Николай Алексеевич – д-р политэкономии, гласный Моск. уездн. земского собр., чл. Об-ва сближения с Англией (1915) 67

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – гос. деятель, пред. ВЦИК (с 1919) и ЦИК СССР (с 1922), пред. през. Верх. Сов. СССР (1938–1945) 7

Калинников Иван Андреевич (1874–1937) – проф., спец. в обл. прикл. механики. Выпускник ИМТУ (с 1917–МВТУ), проректор и ректор МВТУ (1920–1921), пред. секции Госплана РСФСР/СССР (1922–1929), проф. Воен-возд. акад. Арестован по делу Промпартии (1929) и расстрелян (1937) 97, 102

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – большевик, полит. и гос. деятель. Чл. Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б). В 1922 – зам. пред. СНК и СТО РСФСР (с июля 1923 – СССР). С янв. 1924 – пред. СТО РСФСР. Репрессирован, расстрелян и реабилитирован посмертно 110

Каминка Август Исаакович (1865–1940) – публицист, изд., обществ.-полит. деятель. Прив.-доц. СПбУ (1904–1912), проф. права Бестужевских ВЖК (с 1909), чл. ЦК партии кадетов. В эм. с 1918 – в Финляндии, с 1920 – в Берлине, пред. РАГ 132
Каменский Михаил Яковлевич (1862–1938) – врач-эпидемиолог. С 1923 – в США. Основатель ОРВ (1924) 303
Кананов 329
Канищева Н.И. 18
Капица Петр Леонидович (1894–1984) – физик, чл.-кор. РАН (1929), акад. (1939). В 1921–1934 – в научн. командировке в Великобритании (Кембридж), орг. и 1-й дир. (1935) Ин-та физ. проблем АН СССР. Дважды (1945, 1974) Герой Соцтруда, Госпрем. СССР (1941, 1943), Ноб. прем. (1978) 347
Карпинский Ч. (США) 189
Карпинский Александр Петрович (1846–1936) – геолог, дир. (1886–1903), поч. дир. (1903–1929) Геол. ком-та; пред. Совещ. представителей учебн. учреждений и вузов (в апр. 1917); орд. акад ИАН (1896); през. АН (1917–1936) 65, 78
Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, публицист, мемуарист. Чл. Закупочной комиссии, выехавшей в 1916 в США (гл. – Б.А. Бахметев). С 1923 жил в Нью-Йорке. В 1927–1957 преп., позже – проф. рус. истории в Гарвард. ун-те. В 1949–1959 возгл. отд. славян. языков и лит-р. Упр. Гуманит. ф. Б.А. Бахметева. С 1943 соред., в 1945–1959 – гл. ред. «Нов. журн.» 258, 287, 288, 291, 431, 443
Карсавин Лев Платонович (1882–1952) – историк, философ, богослов 115, 117, 130, 132
Кассо Лев Аристидович (1865 –1914) – юрист, гос. деятель. Учился на юрид. ф-те Гейдельб., затем – Берлин. ун-тов. Д-р права (1898). В 1899 – орд. проф. ИМУ по каф. гражд. права. В 1911–1914 – мин. нар. просвещения 50, 51, 61,176
Кепинов (Кепинянц) Леон (Левон) Иванович (1881–1962) – физиолог. Д-р медицины Гейдельб. ун-та (1909) и ИМУ(1912). Сверхшт. ординатор госпиталя Хирур. клиники при ИМУ (1911–1912). Сверхшт. ассист. при каф. общей и экспер. патологии (1912), прозектор и прив.-доц. ИВМА. С 1920 в эмиграции во Франции. Сотр. Париж. ун-та; зав. физиол. лаб. и отд. по приготовлению сывороток против змеиного яда в Пастер. ин-те, ген. секр. РАГ в Париже 190, 415
Кизеветтер Александр Александрович (1867–1933) – историк, философ, обществ.-полит. деятель, правый кадет. Вып. ИМУ (1888); прив.-доц. (1898), проф. (1909), чл.-кор. ИАН (с 1917). Депутат II ГД (1907). По решению Коллегии ГПУ выслан за границу (1922). Работал в Праге: проф. рус. истории в РЮФе, Рус. пед. ин-те, на филос. ф-те Карлова ун-та; пред. и рук. учебн.-адм. комиссии РЗИА; пред. Рус. истор. об-ва 87, 108, 115, 117, 128, 130, 132, 138, 149, 154, 155, 157, 159, 160, 162, 163, 354

Кизель Александр Робертович (1882–1948) – биохимик. Выпускник ИМУ (1904); в 1905–1911 – стажировался в Германии; с 1912 – в ИМУ; с 1918 – проф. биохимии Сарат. ун-та, с 1922 – зав. лаб. Биол. ин-та в Москве. С 1930 – зав. каф. биохимии растений в МГУ 99
Киенский Г.В. – чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге 165
Кириллов Ф.А. – шк. учитель дер. Скеля Ялтинского у. в Крыму 100
Киселев Л.Л. 121
Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) – полит. и гос. деятель, кадет. Выпускник мед. ф-та ИМУ (1889). Чл. ЦК партии кадетов (с 1905). Один из орг. Всерос. союза городов. С 1917 – ген.-губернатор Пг. Один из рук. Помгола, после – арестован и сослан в Вологду 64, 87, 110
Клейснер Карел (Kleisner K.) – чешск. историк 220, 236, 252
Клодт Петр Карлович (1805–1867), барон – рус. скульптор 171
Клюжев И.С. – чл. Комиссии по реформе вузов при мин. нар. просвещения Врем. прав-ва 76
Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – историк, проф. Моск. духовной акад. и ИМУ, чл.-кор. (с 1889), орд. акад. (с 1900), поч. акад. (с 1908) ИАН 20, 68, 91
Книпович Николай Михайлович (1862–1939) – петерб. зоолог и обществ. деятель 334
Кобозев 403
Ковалев Михаил Владимирович – историк, канд. истор. наук, доц., зав. каф. Сарат. гос. техн. ун-та им. Ю.А. Гагарина 17, 173, 175, 177, 251
Ковалев П. 289
Ковалье – мин. нар. просвещения Франции 232
Ковалевский Александр Онуфриевич (1840–1901) – биолог, зоолог, эмбриолог, проф. ун-тов: Казани, Киева, Одессы, СПб. (1864–1894), дир. Севастоп. биостанции (1892–1901), чл.-кор. ИАН (с 1890), орд. акад. (с 1899) 217
Ковалевский Евграф Петрович (1865–1941) – юрист, гос., церк. и обществ. деятель, Чл. Междур. ин-та социологии. Окончил юрид. ф-т ИМУ. Чл. III и IV ГД. В годы 1-й мир. войны – чл. Верх. совета по призрению раненых, больных и их семей; чл. Поместного собора (1917–1918). Эмиграция во Францию: один из учред. Медонского братства и Сергиев. подворья в Париже (1924); чл. правления Союза рус. адвокатов за границей (с 1935), ген. секр. и казначей Попечит. комитета по поддержанию РЗС в Вильфранш-сюр-Мер (1921–1935) 58, 177, 185, 229, 230, 232, 236, 237, 364–376, 377–378, 388–389
Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, социолог, этнограф, проф. ИМУ, ИСПбУ, орд. акад. ИАН (с 1914) 66
Ковалевский Петр Евграфович (1901–1978) – историк, библиограф, д-р истор.-филол. наук (1926), церк. и обществ деятель; 1-й историограф РЗ. Сын Е.П. Ковалевского 174, 211, 229, 235, 279, 287, 341

Коварский Илья Николаевич (1880–1962) – врач, обществ. деятель. Окончил мед. ф-т Дерпт. ун-та. Эсер, чл. ЦК партии (1909). Гласный Моск. ГД и тов. Моск. гор. головы (1917). С 1919 – во Франции: пред. ОРВ им. Мечникова (1920–1940); с 1940 жил в США 304
Коган-Ясный Виктор Моисеевич (1888–1958) – терапевт. Окончил Харьк. ун-т (1913). В 1914–1918 – полк. врач в действ. армии. Работал в Харьк. мед. ин-те: от орд. проф. до зав. каф. терапии (1918–1935). Репрессирован по «делу врачей» 190
Когбеглянц Эрванд Георгиевич (1888–1974) – математик, геофизик. Окончил ИМУ (1907), прив.-доц. (1914–1918). В эмиграции – во Франции (1925–1931). Д-р мат. наук (Сорбонна, 1923). С 1933 – в Иране; с 1942 – в США: проф. Нов. шк. соц. иссл. (1944–1954); проф. Рокфеллер. ун-та (1956–1967) 291
Кожевников А.Б. 214
Кожевников Григорий Александрович (1866–1933) – зоолог-энтомолог. Выпускник ИМУ; прив.-доц. по каф. зоологии (1898); дир. Зоол. музея (с 1904); с 1905 – д-р зоологии, экстраорд. проф. (в 1910 – орд. проф.) по каф. зоол., сравн. анатомии и физиологии. 1929 – не переизбран по конкурсу и выбыл из числа проф-ров I-го МГУ, но до конца жизни – дир. Зоол. музея 39, 45, 207, 330, 331, 333, 336, 339
Коллери Морис С. (Caullery M.C.) – франц. ученый; сотр. Ин-та Пастера в Париже, акад. 230
Колоси Г. (Colosi G.) 183
Колчинский Эдуард Израилевич – историк науки, д-р филос. наук, проф., дир. СПб. фил. ИИЕТ РАН 25, 63, 65, 68, 73, 120, 198, 199, 209, 212, 213, 214
Кольцов А.В. 73
Кольцов Николай Константинович (1872 –1940) – биолог, генетик, цитолог, протистолог; чл.-кор. ИАН (1916), дир. Ин-та эксперим. биологии РАН в Москве (1917–1936). 1902 – в лаб. проф. О. Бючли в Гейдельберге (Германия). Арестован в февр. 1920 особым отд. ВЧК в связи с делом «Тактического центра» (Москва), освобожден после поручительства группы его учеников и сотр. 32, 34, 66, 73, 94, 122, 199, 228, 331, 398
Колюбакин А.М. – секр. фракции кадетов в IV ГД 63
Коковцев Владимир Николаевич, граф (1853–1943) – полит. деятель. Мин. финансов (1900–1914), пред. Сов. Мин. (1911–1914). С 1918 – во Франции: пред. Объединения рус. фин. ведомств в Париже 237, 341
Кокошкин Федор Федорович – прив.-доц. ИМУ, преп. Моск. комм. ин-та и Нар. ун-та им. А.Л. Шанявского; чл. о-ва сближения с Англией (1915) 67
Комарек 194
Комаров Владимир Леонтьевич (1869 – 1945) – ботаник, географ, систематик. Чл.-кор. ИАН (с 1914), акад. (с 1920), и.о. непрем. секр.

(1929–1930), вице-през. АН СССР (1930–1936), през. АН СССР (1936–1945). С. 208, 334
Коменский Ян Амос (1592–1670) – чешск. мыслитель-гуманист, педагог, писатель 146
Комиссаров 416
Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – историк визант. и др.-рус. иск-ва, археолог, акад. ИАН (с 1896), РАН (с 1917). Рук. семинара (позже – Археол. ин-т им. Н.П. Кондакова) и проф. Карлова ун-та в Праге 110, 203
Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938) – экономист, эсер. Проф. Моск. с.-х. акад., дир. Коньюнктурного ин-та при Наркомфине (1920–1928). Привлекался по делу «Тактического центра». Арестован, репрессирован (1922), реабилитирован посмертно 110
Коновалов Александр Иванович (1875–1949) – гос., полит. и обществ. деятель, промышленник, меценат; осн. Торгово-промышл. союза, депутат IV ГД, Мин. торговли и пром-ти Врем. прав-ва. С 1918 – во Франции 67
Кончек Федор Федорович – чл. Зоол. семинара проф. М.М. Новикова (Прага) 165
Копршивова-Вуколова Анастасия Васильевна – магистр наук Карлова ун-та в Праге, научн. сотр. Славянской биб-ки при Национальной биб-ке ЧР; спец. по вопр. рос. эмиграции в ЧСР (1920–1945) 17, 172, 178, 221
Копылов Алексей Николаевич (1898–1987) – инженер, преп. строит. механики и сопр. мат. Выпускник Новорос. ун-та (1916–1920) и Праж. политехн. ин-та (1921–1930). Тов. пред. Рус. акад. союза в Берлине; преп. в УНРРА ун-те в Мюнхене. Чл. правления РАГ в США, КРА 174, 183, 290, 289, 340
Кори Карл Исидор (Cori Carl, 1865–1954) – чешск. зоолог, в 1898–1918 – дир. Зоол. станции в Триесте (Италия) 223, 404
Кори, Карл Фердинанд (Cori, Carl Ferdinand, 1896–1984) и его жена Радниц-Кори Герти Тереза (Radnitz-Cori, Gerty Theresa, 1896–1957) – амер. биохимики чешск. происхожд., Ноб. прем. (в 1947 совм. с Б. Усаем) 223
Корляков Андрей – историк, авт. фотоальбомов из жизни рус. эмиграции 222
Кормек (Kormek) – чешск. ученый, доц., ассист. проф. Б. Немеца 374, 393, 394
Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – ген. от инфантерии (1917). С 7 июля 1917 – Главноком. Юго-Зап. фронтом, с 18 июля 1917 – Верх. главноком. Рус. армией. 27 авг. 1917 – объявлен мятежником и смещен с поста; один из орг-ов Добр. армии 74
Коровин Константин Алексеевич (1861–1939) – театр. художник, живописец, прозаик, мемуарист. С 1923 – в театрах Парижа, Мюнхена, Турина, Лондона, Нью-Йорка 171

Королькова Татьяна Александровна – зам. дир. ДРЗ им. А. Солженицына 16
Коротнев Алексей Алексеевич (1851–1915) – зоолог, эмбриолог. Выпускник ИМУ (1873); магистр (1877); д-р зоологии (1881); экстраорд. (1887), орд. (1888), засл. (1912) проф. каф. зоологии, зав. зоол. лаб. и Зоол. музея Киев. у-та. Основатель и дир. РЗС в Вильфранш-сюр-Мер. Чел.-кор. ИАН (1903) 11, 217, 219, 225, 232–235, 331, 366, 378, 382, 385
Коротнева Софья Ивановна (ур. Гире) – жена проф. А.А. Коротнева 219, 223, 225, 227, 231, 232, 236, 366, 378, 389, 391, 441
Корф Сергей Александрович, барон – юрист, д-р права. В США – проф. Колумб. ун-та в Нью-Йорке 294.
Коряков Михаил Михайлович (1911–1977) – журналист, историк, писатель. Выпускник МИФЛИ. Невозвращенец послевоен. волны. Вед. сотр. радиостанции «Свобода» и постоянный сотр. НРС, сотр. Амер. комитета за освобождение народов России 299–303, 325
Коссель Альберт (Kossel A.) – проф. каф. физиологии Гейдельб. ун-та (Германия), лауреат Ноб. прем. (1910) 26
Коссинский Владимир Андреевич (1866–1938) – политэконом и статистик. Адьюнкт-проф. по каф. политэкономии Политехн. ин-та Риги; экстраорд. проф. по каф. полицейского права, декан юрид. ф-та Новорос. ун-та; проф. Киев. политехн. ин-та. Работал в Варшаве (пред. РАГ), Берлине, Константинополе, Праге (проф. РЮФа, 1922), Риге 354
Котенко Марина Анатольевна – гл. архивист ДРЗ им. А. Солженицына 16
Котляревский Сергей Александрович – прив.-доц. ИМУ, преп. Моск. комм. ин-та и ВЖК, чл. Об-ва сближения с Англией (1915) 67
Кошенова Тука – кор. газ. «Нов. рус. слово» 311, 320, 324
Кравков Николай Павлович (1865–1924) – биолог, фармаколог, основоположник отечест. фармакологии. Окончил ИСПбУ (1888) и ИВМА (1892), проф. зав. каф. фармакологии (1899–1924) акад. ИВМА (1914), чл.-кор. РАН (с 1920) 208, 334
Крамарж Карел (Kramar K.) – первый премьер-мин. ЧСР, известный русофильской позицией 140, 170, 359, 385
Крамарж Надежда Николаевна (ур. Хлудова) – жена К. Крамаржа 170
Красин Леонид Борисович (1870–1926) – полит. и гос. деятель, большевик. В 1918 – чл. през. ВСНХ, нарком торговли и пром-ти; с 1920 – нарком внешней торговли; в 1921–1923 – полпред и торгпред в Великобритании, с 1924 – полпред во Франции 110
Красницкий П.Г. – делопроизводитель Комиссии по нар. образованию Канцелярии IV ГД, а также Комиссии по реформе высш. шк. Врем. прав-ва 75
Красовицкая Т. 125
Крашенинников Федор Николаевич (1869–1938) – анатом и физиолог растений; ученик К.А. Тимирязева. Окончил (1903), с 1902 – прив.-

доц. (позже – проф.) каф. анатомии и физиологии растений, с 1905 – зав. каб. анатомии и физиологии растений ИМУ. Преп. также на ВЖК 40

Кременцов Н.Л. 214

Крумин (Круминс) Петр О. – латыш. проф., проректор УНРРА ун-та в Мюнхене. В США работал в Вашингтоне в прав-ых учреждениях 269, 285, 323

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) – партийный и гос. деятель, большевик. В 1922–1931 – пред. Верх. ревтрибунала при ВЦИК, прокурор РСФСР и СССР; нарком юстиции (с 1931); д-р юстиции (с 1934). 1938 – арестован, расстрелен; реабилитирован в 1955 94, 123

Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) – математик, физик, механик, кораблестроитель, проф. Николаевской морск. акад., нач. Воен.-морск. акад., чл.-кор. ИАН (с 1914), орд. акад. (с 1916), дир. Гл. физ. обсерватории, дир. Физ.-мат. ин-та РАН 347

Крылов Дмитрий Дмитриевич (1879–1945) – патологоанатом. Выпускник ИВМА в СПб. (1903), д-р мед. наук (1910). 1917 – экстраорд. проф. Новорос. ун-та. 19 авг. 1922 – арестован и выслан за границу. Жил в КСХС и Болгарии 240

Крым Саломон Самойлович (Самуилович) (Нейман) (1868–1936) – ученый- агроном, землевладелец, предприниматель, гос. и обществ. деятель (чл. Гос. Совета, чл. I и IV ГД), филантроп, премьер-мин. Крым. прав-ства в 1919, инициатор создания Тавр. ун-та. В эмиграции во Франции (1919). Работал на РЗС в Вильфранш-сюр-Мер (1922) и Ин-те Пастера в Париже 230, 341, 364

Ксенофонт (ок. 427 – ок. 355 до н.э.) – др.-греч. писатель, историк, полководец и полит. деятель 24

Кудрявцев В.М. 130

Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович (1886–1959) – протоиерей, католик вост. обряда 115, 117

Кузнецова Галина Николаевна (1900–1976) – поэт, прозаик, переводчик, мемуаристка. Эмиграция – в Константинополь (1920); училась во Франц. ин-те в Праге; 1924 – в Париже; чл. Союза рус. писателей и журналистов. 1927–1942 жила в доме И.А. Бунина в Грассе, с апр. 1942 – в Каннах; с 1949 – в Нью-Йорке; с 1955 – сотр. рус. изд. отд. ООН; в 1959–1963 – сотр. Европ. отд. ООН (Женева) 429

Кулагин Николай Михайлович (1859–1940) – зоолог, энтомолог; чл.-кор. ИРАН (1913), акад. АН БССР (1934), акад. ВАСХНИЛ (1935). Выпускник ИМУ (1884); сверхштат. ассист. Зоол. музея ИМУ (с 1885 – в штате); хранитель Зоол. музея (1889–1894). 1890 – прив.-доц. ИМУ по каф. зоологии; 1895 – проф. Моск. с.-х. ин-та; в 1912 – сверхшт. орд. проф. Моск. комм. ин-та; 1919 – проф. МГУ. Основал каф. и лаб. энтомологии, к-рые возглавлял до конца жизни 328, 329, 331

Кулаев Владимир Петрович (1901–1962) – выпускник Киев. политехн. ин-та, пред. Кулаевского ф. в США 265

Кулаев И.В. (1857–1941) – предприниматель и меценат 170
Куликова М.В. 18
Кулишнер Александр Михайлович (1890–1941/42) – социолог, правовед, публицист. Прив.-доц. СПб. ун-та. В эмиграции – в Париже, сотр. газ. «Посл. новости». Погиб в концлагере во Франции 132
Кульман Густав Густавович (1894–1961) – юрист, религ. и обществ. деятель. Учился в ун-тах Швейцарии, Германии, Америки. Работал в Берлине (с 1920), где основал Религ.-филос. акад.; с 1924 – в Париже, с 1936 – в Женеве. Участвовал в орг. РСХД, Богосл. ин-та в Париже, изд. YMCA-Press. В Лиге Наций занимал отв. пост в Комиссии по делам беженцев 130, 410
Кульчицкий Николай Константинович (1856–1925) – гистолог, эмбриолог, гос. деятель. Эмиграция – в Лондоне 120
Куманев В.А. 212
Купайгородская А.П. 121
Курнаков Николай Семенович (1860–1941) – физикохимик, акад. ИАН (с 1913) и АН УССР (1926) 107
Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) – дирижер, поч. д-р иск-в, меценат; обществ. деятель РЗ 258
Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) – журналист, правая социалистка, чл. «Союза Освобождения». Эмиграция – в Праге и Швейцарии 13, 110, 143, 173, 432
Кэрролл Чарльз – амер. проф. 289

Лазарев З. 192
Лазарев Петр Петрович (1878–1942) – физик, биофизик, геофизик, дир. Ин-та физики и биофизики, проф. Моск. электромаш. ин-та, орд. акад. АН (с 1917). Арестован в Москве (5.03.1931) и выслан в Свердловск. Жена покончила с собой. Биофиз. ин-т превращен ОГПУ в «секретное» иссл. учреждение и к 1932 полностью разгромлен. В 1932 – возвращен в Москву 343, 344
Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – философ, историк, литературовед, психолог, музыковед, писатель. Д-р философии (1906), проф. Пг. ун-та (1913–1922). В ноябр. 1922 выслан из Сов. России; жил в Берлине; с янв.1923 – в Праге. Проф. РЮФа, РНУ и Карлова ун-та. Пред. Рус. филос. об-ва в Праге 130, 138, 160, 334, 339, 354
Лебедев Алексей Александрович (1878 (76?)–1964) – горный инженер, один из основателей науки об авиационных двигателях. Выпускник Горного ин-та в СПб. (1901); в 1908 – докт. техн. нааук, проф. Горного ин-та. 1921 – эмиграция в Белграде (КСХС). Действ. чл. Франц. АН (1939). С 1944 – проф. техн. ф-та Мюнхен. ун-та и Ун-та. УНРРА 1951 в Лос-Анджелесе (США); с 1953 – в Чили 270
Лебедев Петр Николаевич (1866–1912) – физик, проф. ИМУ 318, 344
Лебедева Е. 122
Лебедева Н.М. 264
Лебединский Я. 124
Левина Е.С. 121

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. – геолог, чл.-кор. ИАН, чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просв. Врем. прав-ва 76
Левитский Григорий Андреевич (1878–1942) – биолог, морфолог растений, цитолог, чл. кор. АН СССР (с 1932) 209
Левицкий Сергей Александрович (1908–1983) – философ, публицист, редактор. В эмиграции с 1915; окончил Пражский ун-т (1939); ст. д-ра филос. получил в Карловом ун-те (1941). Преп. рус. философию и лит-ру. С 1945 – в лагере Ди-Пи в Менхегофе (Германия). В 1951–1955 – ассоц. проф. Джорджтаун. ун-та (Вашингтон, США). Член РАГ в США 429
Леденцов Христофор Семенович 58, 72
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – гос. и парт. деятель, большевик. Окончил ИСПбУ (экстерном) (1891), пред. СНК РСФСР и СССР 64, 81, 83, 96, 102, 110, 111, 112
Леонтий – митрополит 306
Лепешкин Владимир Васильевич (1876–1956) – химик, ботаник, биохимик, Выпускник СПб. Технол. ин-та имп. Николая I (1898); д-р филос. Цюрих. ун-та (1901), д-р естеств. наук (1909); проф. Казан. и Белорус. ун-тов, авт. научн. тр. по коллоидной химии протоплазмы и открытия т.н. некробиотических лучей. В эмиграции (с 1921) работал в Праге (ЧСР) и затем в США: Сент-Луисе, Урбано, Беркли и Пало-Альто, Тусане, Балтиморе, Барселоне (Испания), Вене (Австрия), Загребе (Югославия) 157, 160, 168, 169, 170, 178, 195, 270, 349–357
Лепешкин Евгений Владимирович – д-р медицины, сын проф. В.В. Лепешкина 351, 354, 355, 357
Лепешкина Евгения Александровна – жена проф. В.В. Лепешкина 351, 354
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – поэт, прозаик, драматург 310
Литвинов Максим Максимович (1876–1951) – сов. гос. и парт. деятель, нарком МИДа СССР (1930–1939) 110
Литов С.Н. – чл. Зоол. семинара М.М. Новикова (Прага) 165
Лихачев Николай Петрович (1862–1935) – историк, палеограф, искусствовед, чл.-кор. ИАН (с 1901), акад. (с 1925) 203
Ло Гато Этторе – проф., секр. Вост. ин-та в Италии 135
Лобачевский Н.И. – математик 309, 316
Лобковиц, граф 148
Лодыженский Юрий (Георгий) Ильич (1888–1977) – врач, обществ. деятель. Выпускник ИВМА (1912). Д-р медицины. Нач. Киев. госпиталя РОКК (1917–1918) 1920 – в Константинополе. С 1921 – при Верх. комиссаре по делам беженцев Лиги Наций; уполном. РОКК в Швейцарии. 1952 – в Бразилии. Советник гл. Рос. Имп. дома в Испании 324
Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – ученый-энциклопедист, поэт, художник, философ. Акад. Петерб. АН (с 1742), проф. химии Петерб. АН (с 1745) 13, 50, 84, 316

Ломшаков Алексей Степанович (1870–1960) – инженер, проф. СПб. Политехн. ин-та им. Петра Великого. Чл. ЦК партии кадетов (1906). Эмиграция – в Праге, пред. Пражск. политехникума, поч. пред. РАГ в ЧСР, Учебной коллегии; с 1921– пред. правления СРАО за границей; с 1928 – пред. ОРИ в ЧСР 145, 147, 149, 151, 153, 173, 341

Лопатин Лев Михайлович – д-р философии, орд. проф. ИМУ, ВЖК, попечитель Хамовн. Петровск. мужск. гор. уч-ща, ред. журн. «Вопр. философии и психологии» 85

Лопухин Е.Б. – вице-дир. Деп. проф. образования, чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения Врем. прав-ва 76

Лосская Людмила Владимировна (ур. Стоюнина) – жена Н.О. Лосского 245

Лосская Ирина Николаевна – д-р медицины, физиолог, радиобиолог, жена А.Н. Лосского 426, 427

Лосский Андрей Николаевич (1917–1997) – историк, педагог, мл. сын Н.О. Лосского. В 1935–1938 учился в Лондон. ун-те; с 1939 – в Йельском ун-те (США). Докт. дис. защитил после войны; проф. европ. истории в Йельском и Калиф. ун-тах 425, 426, 427

Лосский Борис Николаевич (1905–2001) – искусствовед, сын Н.О. Лосского. 1922 – выслан с семьей из Сов. России. Окончил Школу Лувра (1934), Сорбонну (1937), дир. Музея изящных иск-в в Туре (с 1947); дир. Нац. дворца-музея в Фонтебло; занимался научн. работой 136

Лосский Владимир Николаевич (1903–1958) – философ, богослов, ст. сын Н.О. Лосского. Род. в Геттингене. Учился в ПгУ. В 1922 – с родителями покинул Россию. Жил в Праге и Париже. Преп. в Ин-те св. Дионисия и в Шк. знаний в Париже 426, 429

Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – философ, историк рус. философии, д-р философии (1907). Проф. каф. философии Пг. ун-та (с 1916). В 1921 – лишен каф. за христ. мировоззр.; в нояб. 1922 выслан из Сов. России. Работал в Праге и Братиславе (1930–1945); 1945 – Франции, в США (1947); преп. в св. Владим. Духовной семинарии в Нью-Йорке (1950–1953). В 1960–1965 жил во Франции на попечении Рус. Дома в Сент-Женевьев-де-Буа 78, 96, 115, 118, 123, 128, 130, 138, 143, 149, 150, 172, 173, 175, 220, 238. 244, 245, 248, 251, 254, 257, 263, 264, 265, 287, 288, 291, 299, 314, 334, 339, 424, 426, 427, 429, 430, 441

Лопухин Е.Б. – зам. дир. Деп. проф. образования; чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения. Врем. прав-ва 76

Лохвицкая-Скалон М.А. – нач. Женск. гимназии в СПб 58

Лукаш Р. (Lukac P.) 251

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – литературовед, искусствовед, гос. и парт. деятель, акад. по отд. гуманит. наук АН СССР (с 1930), нарком просвещения РСФСР/СССР (1917–1929) 81, 92, 95, 97, 110, 123, 199

Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – биолог, агроном, акад. АН СССР (с 1939) 455

Львов Василий Николаевич (1859–1907) – зоолог, эмбриолог, ср. анатом, д-р зоологии, проф. ИМУ (1906) 217
Львов Георгий Евгеньевич, кн. (1861–1925) – кр. землевладелец, лидер Земского движения. Выпускник юрид. ф-та ИМУ (1885) гл. Врем. прав-ва. Депутат I ГД от партии кадетов (1906). Пред. Всерос. Земского Союза; позже – пред. объединенного Земгора. С 1 марта 1917 – премьер-мин. Врем. Всерос. прав-ва. Умер в Париже 64
Любарский Г.Ю. 37
Любимов Николай Иванович (1883–?) – кооператор. В 1921–1922 – чл. правления Всерос. союза с.-х. кооперации. По решению Коллегии ГПУ был выслан за границу по списку агрономов и кооператоров (1922) 115, 119
Ляпунов Александр Михайлович (1857–1918) – математик, механик, орд. акад. ИАН (с 1901) 347
Ляцкий Евгений Александрович (1868 г.р.) – проф. рус. яз. и лит-ры в Карловом ун-те в Праге; дир. изд-ва « Пламя» в Праге, чл. куратория и совета преп. РНУ в Праге (1923–1926), чл. правления Рус. истор. об-ва (Прага); поч. д-р Белгр. ун-та 149

Магеровская Галина Львовна (1917 г.р.) – врач, дочь Л.Ф. Магеровского, сестра Е.Л. Магеровского (США) 17
Магеровская Екатерина Викторовна (ур. Брунст) – биохимик, вдова Е.Л. Магеровского 17
Магеровский Евгений Львович (1934–2009) – филолог, д-р ист. и полит. наук, проф., россиевед, политолог, ред. 15, 16, 17, 323
Магеровский Лев Флорианович (1896–1986) – д-р юрид. наук, обществ. деятель РЗ. Орг. РЗИА в Праге (1921–1923). В мае 1945 бежал с семьей в Регенсбург (Бавария), где стал одним из рук. Греко-правосл. церк. общины, защитившей ее чл. от насильственной репатриации в СССР. 1948 – в Нью-Йорке «Комитет помощи беженцам, оставшимся в Европе». В 1951–1977 – куратор и пред. адм. комитета Архива Рус. и вост.-европ. истории и культуры при Колумб. ун-те в Нью-Йорке («Бахметевский архив») 18, 19, 255, 256, 270
Мадлен Дж. (Madlen J.) 181
Мазинг Карл Карлович – гласный Моск. губерн. земского собр., дир. частного реального и комм. уч-ща в Москве 24, 69
Майер Александр Александрович (1874–1939) – философ, религ. и обществ. деятель Петербурга в 1909–1928 185
Малолетников Н.В. – агроном-кооператор 115
Макалоуш – видимо, некто из адм. РСУ в Праге 360
Макаров А. – юрист, проф. (Гейдельберг, Германия) 439
Макаров Владимир Геннадьевич – канд. филос. наук, научн. сотр. Упр. регистрации и арх. ф. ФСБ 18, 117, 121, 127
Макаров Н.П. 73
Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – правовед, адвокат, публицист, обществ.-полит. деятель. Окончил истор. (1883) и юрид. ф-ты ИМУ (1896). 1896 – адвокат, юрисконсульт СПб. отд. Моск. банка Ря-

бушинских. Депутат ГД I, II, IV созывов от Москвы по списку партии кадетов; чл. ЦК партии (с 1906). Возгл. Юрид. совещание при Врем. прав-ве; неаккредит. посол России во Франции (1917–1924). Входил в состав Рус. полит. совещания (Париж). С 1924 – пред. Эмигр. комитета в Лиге Наций; возглавил Центр. офис по делам рус. беженцев в Париже; рук. Советом послов (нояб. 1932) 55, 190, 211, 231, 371, 414, 442, 443

Маклицов А.В. – чл. РАГ в ЧСР 151

Мако Сергей Александрович (Серж) (1885–1953) – живописец, график и педагог, представитель «Париж. шк.» 171

Макса П. – чешск. дипломат, б. посол ЧСР в Варшаве 157

Максимов Александр Александрович (1974–1928) – гистолог, гематалог, эмбриолог; чл.-кор. РАН (с 1920). Выпускник ИВМА в СПб. (1896); с 1902 – прив.-доц., в 1902–1922 – проф. и зав. каф. гистологии и эмбриологии ИВМА; параллельно преп. в ВЖК в СПб. 1922 – в США; проф. каф. анатомии и гистологии Чикагск. ун-та. Авт. «Основ гистологии» в 2 ч. (Пг. 1914-15), многокр. переизд. в России и за рубежом 217

Малеев Владимир Леонидович (1879–?) – инженер-механик, проф. Окончил Моск. техн. уч-ще (1902). Преп. в СПб. политехн. ин-те (1902–1905); д-р наук (1912). В 1906–1913 – доц. машиностроения в Томском ин-те, проф. (1913–1917). В 1917 –1919 – ректор Политехн. ин-та в Омске. Командирован прав-вом А.В. Колчака в США (1919). Работал в Оклахоме (1930–1944); ст. инженер-испытатель дизелей для морск. флота США в Аннаполисе (шт. Мэрилэнд) 288

Малик Е.Е. – чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге 165

Мануйлов (Мануилов) Александр Апполонович (1861–1929) – экономист. Выпускник юрид. ф-та Новорос. ун-та в Одессе (1883). Гласный Моск. ГД и Моск. губ. земства. С 1901 д-р экон. наук, проф., зав. каф., в 1905–1908 проректор, в 1908–1911 ректор ИМУ. Чл. ЦК партии кадетов; мин. просвещения во Врем. прав-ве (15.03–17.06.1917). Эмигрировал, но вскоре вернулся и сотрудничал с Сов. властью 50, 53, 61, 66, 74, 441

Марголин Д. 69

Масарик Томаш Гаррик (1850–1937) – гос. и полит. деятель, философ-позитивист; первый през. ЧСР (1918–1935; переизбирался в 1920, 1927, 1934). Получил образование в Венском и Лейпцигских ун-тах. Д-р философии (1876), в 1882–1914 – проф. философии Праж. ун-та. В 1887, 1889, 1910 посещал Россию; в 1913 опубл. кн. «Россия и Европа» (т. 1–2); с дек. 1914 – в эмиграции: Женева, Париж, Лондон, Чикаго, Вашингтон, Бостон. В мае 1917– марте 1918, находясь в России, поддержал политику Врем. прав-ва; окт. переворот 1917 встретил враждебно. В дек. 1918 прибыл в Прагу 138, 141–143, 145, 173, 222, 228

Масон-Урсель Поль (Masson-Oursel P.) – франц. философ 184

Маракуев А.В. (Владивосток) 190

Мария Федоровна (ур. принцесса датская Мария София Фридерика Дагмар, 1847–1928) – рос. имп.: супруга имп. Александра III, мать имп. Николая II; после 1918 жила в Копенгагене 21
Марков Александр Прокофьевич (Порфирьевич) (1885–1973) – экономист. В эмиграции – в Берлине, Париже, Гренобле. В 1951 вернулся в СССР, жил в Иваново; с 1955 – сотр. Ин-та экономики АН СССР 132
Маркус – проф. Ун-та УНРРА в Мюнхене (1945–1947) 271
Марр Николай Яковлевич (1865–1934) – востоковед, лингвист, археолог; адьюнкт (1909), экстраорд. (1912), орд. акад. ИАН (1912), чл. Комиссии по реформе вузов Врем. прав-ва, вице-през. АН СССР (1930–1934), дир. Яфетич. ин-та АН СССР. С. 76, 82.
Матвеев Борис Степанович (1889–1973) – зоолог, проф. МГУ, засл. деятель науки (1970). Осн. тр. по сравн. анатомии и эмбриологии позвоночных, общ. вопр. эволюции 119, 207, 334
Матис Д. (Matis D.) 251
Матоушек Ф. – казначей куратория РНУ (Прага) 157
Махачек Фриц (Machatschek F.) (1876–1957) – геоморфолог, ученик М.М. Новикова по Карловому ун-ту в Праге 181
Мейендорф Александр Феликсович, барон (1870–1964) – б. тов. пред. III ГД, избр. от Прибалтики. Выпускник ИСПбУ. В 1917 покинул Россию и поселился в Англии. С 1922 по 1934 читал лекции по истории и экономике России в Лондон. ун-те 436
Мейендорф М.И. 436
Мейерхольд Всеволод Эмильевич (Карл Казимир Теодор Майергольд, 1874–1940) – рос. (сов.) театр. режиссер, актер, педагог, нар. артист РСФСР, чл. КПСС с 1918. Арестован и расстрелян (1939) 348
Меккель Арнольд Наумович (1893–1938) – импресарио балета С.М. Лифаря (с 1932) 183
Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – химик, чл.-кор. ИАН по физ-мат. отд. (с 1876) 182, 195, 309, 318, 462
Мендель Грегор Иоганн (Gregor Johann Mendel) (1822–1884) – австр. биолог и ботаник, основоположник учения о наследственности, позже названного по его имени 455
Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – юрист, полит. деятель. Комиссар ВРК; нарком финансов РСФСР (с 1918); нарком РКИ УССР (с 1919); чл. през. ВЧК (с 1919); зам. пред. (с 1923), пред. ОГПУ (с 1926); чл. ЦК партии с 1927 119
Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) – зоолог-орнитолог, зоогеограф, основатель моск. шк. орнитологов. Выпускник ИМУ; экстраорд. (1886), ордин. (1898), засл. (1909) проф., ректор ИМУ (15.05.1917 – 1.01.1919); чл.-кор. по физ-мат. отд. ИАН (1896), акад. (с 1929); поч. чл. АН СССР (с 1926). Осн. Ин-та и Музея сравн. анатомии при ИМУ; през. МОИП (1915– 1935) 14, 34, 38–40, 45, 50, 52, 61, 68–70, 79, 82, 87, 89, 106, 107, 120, 121, 128, 134, 137, 200–204, 207, 212, 213, 217, 327–332, 333, 335, 338, 339, 347

Мензбир Наталья Михайловна – дочь проф. М.А. Мензбира, оперная певица 332

Мениль Феликс (Mesnil F., 1868–1938) – франц. зоолог, паразитолог. С 1892 – препаратор Пастер. ин-та в Париже (с 1892); д-р естеств. наук (1895); проф. (1910), чл. Франц. АН (1921) и Франц. Акад. медицины (1931). Один из основателей журн. «Бюллетень Ин-та Пастера» (1903) 230

Месяцев Иван Илларионович (1885–1940) – гидробиолог. После окончания ИМУ оставлен на каф. зоологии (1912): ассист., проф. и зав. каф. зоол. беспозв. МГУ (1929–1930). Дир. Плавучего морск. научн. ин-та для иссл. сев. морей (Плавморнин; позже – Морск. научн. ин-т, затем – Гос. океаногр. ин-т) 339

Метальников Сергей Иванович (1870–1946) – биолог, зоолог, иммунолог, эволюционист, обществ. деятель. Выпускник СПб. ун-та. Работал в особой зоол. лаб. ИАН, чл. совета (1900–1917), дир. (1910–1917), зав. отд. зоол. и эксп. биологии Биол. лаб. П.Ф. Лесгафта. Преп. и зам. дир. Лесгафтов. курсов, проф. ВЖК (с 1911). Ред. «Известий Пб. Биол. лаб.» (1911–1917); ред. отд. журн. «Природа», гл. секр. Биол. об-ва (1912). Осн. и проф. Тавр. ун-та (1917–1920). В 1919 эмигрировал во Францию; зав. лаб. по изучению иммунитета в Ин-те Пастера. Чл. Франко-рус. комитета (1920), чл. ОРЭСО (1921–1934), один из создателей РАГ в Париже; чл.правл. и пред. (с 1930) ПК РЗС в Вильфранш-сюр-Мер. Три прем. Парижской АН 152, 189, 193, 195, 203, 207, 212, 221, 230, 231, 232, 234, 237, 331, 336, 341, 364–373, 378–380, 387, 389, 406, 407, 411–413

Мечников Илья Ильич (1845–1916) – зоолог, микробиолог, патолог. Чл.-кор. ИАН по физ-мат. отд. (с 1883), поч. член (с 1902), Ноб. прем. (1908), 1888 – сотр. и зам. дир. Пастер. ин-та в Париже (Франция) 42, 187, 217, 316

Миловидов Петр Филиппович (1896–1974) – ботаник, физиолог растений, проф. Ученик и сотр. акад. Б. Немеца (Карлов ун-т, Прага) 164, 411

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – обществ.-полит. деятель, историк, социолог, публицист, чл. ЦК партии кадетов. Деп. III и IV ГД; мин. иностр. дел Врем. прав.-ва (март–май 1917), один из орг. СГОР (сент.1917). В нояб. 1918 уехал в Лондон: ред.еженед. «New Russia» (фев.–дек.1920) 1921 – в Париже. Ред. газ. «Посл. новости» (в 1921–1940); соред. газ. «Звено» (в 1923–1926); ред. журн.«Рус. зап.» (1938–1939). С 1925 пред. совета Франко-рус. ин-та 13, 60, 66, 73, 211, 190, 414, 415, 432

Минаков Петр Андреевич – врач, д-р мед. проф. ИМУ и ВЖК; чл. Об-ва любит. естеств. антропологии и этнографии, проректор ИМУ 50, 61

Миньяр де 418

Митинский Александр Николаевич (1875–1953) – металлург, горный инженер. Выпускник (1897) и проф. (1901–1906) Имп. Горного ин-та в СПб. Дир. правления Верх-Иссетских заводов в СПб.; дир. отд. в Мин. путей сообщения. В 1921–1924 – проф. Любл. ун-та. Чл. СРИ в Белграде. Орд. проф. Горного ин-та в Пржирбаме (ЧР). Тов. пред.

«Чешск.-рус. Едноты» (1933). 1935–1939 – консультант на заводах «Шкода» в Пльзене; ректор, проректор, декан мех. ф-та ун-та УНРРА в Мюнхене (1946–1947). 1949 – в США 149, 266, 271, 272, 274, 279
Митюков – романист 441
Мичу́рин Ива́н Влади́мирович (1855–1935) – биолог и селекционер, д-р биологии, засл. деятель науки и техники, поч.чл. АН СССР (1935), акад. ВАСХНИЛ (1935). Орд. Св. Анны 3-й ст. (1913), Ленина (1931) и Труд. Красного Знамени 455
Могилянский Николай Михайлович (1872–1934)) – антрополог, этнограф. Зав. Этнограф. отд. Рус. худ. музея имп. Александра III. Эмиграция (с 1918) – проф. Рус. пед. ин-та им. Я.А. Коменского в Праге; РЮФа; в РНУ в Праге вел кружок по этнографии и антропологии. Пред. Союза рус. писателей и журналистов в ЧСР (1927–1929) 240, 354
Мозли (Мосли) Филлип Е. Артурович – проф. и декан Колумб. ун-та, с 1951 г. – дир. Архива рус. и вост.-европ. истории и культуры при Колумб. ун-те в Нью-Йорке («Бахметьевский архив») 291, 431
Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – сов. гос. деятель, поч. чл. АН СССР (1946–1959) 198, 199
Мокржецкий Сигизмунд Александрович (1865–1936) – энтомолог. Окончил Лесной ин-т в СПб. Проф. Тавр. ун-та, дир. Природно-истор. музея Тавр. губ. земства (1899–1917), пред. Тавр. научн. ассоциации, Крым. об-ва естествоиспытателей и любителей природы. Эмиграция (с 1920) – в Болгарии, 1921 – в Польше. Чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге 165
Морган Томас Хант (Thomas Hunt Morgan) (1866–1945) – амер. биолог, один из основоположников генетики, пред. 6-го Междунар. конгр. по генетике в Итаке, Нью-Йорк (1932); Ноб. прем. по физиологии и медицине (1933) «За открытия, связанные с ролью хромосом в наследственности» 455
Мороховец Лев Захарьевич (Захарович) (1848–1919) – физиолог, биохимик, историк медицины. Экстраорд. (1893–1901), орд. (1901–1907), засл. (с 1907) проф. ИМУ по каф. физиологии 40, 85
Москвин Виктор Александрович – дир. ДРЗ им. А. Солженицына 16
Москвитинов Иван Осипович (1885–1963) – спец. по гидравлике, проф.
До рев. окончил Сити колледж в Нью-Йорке. Вернувшись в Россию, работал по спец.; с 1942 – в нем. оккупации. Проф. УНРРА ун-та в Мюнхене. Эмигрировал с женой в США, преп. гидравлику в Сити колледже. Поч. член ОРИ в США 287
Мотта Джузеппе (1871–1940) – 67-й през. Швейцарии 191
Мочалов И.И. 212
Мразек А. – чл. Зоологич. семинара М.М. Новикова в Праге 165
Муравьев-Апостол (Коробьин) Владимир Владимирович (1864–1937) – дипломат; камергер Высочайш. Двора. Окончил Имп. уч-ще правоведения. Гл. уполном. РОКК. В 1926 осн. Франко-рус. благотв. об-во на Ривьере. Чл. Союза ревнителей памяти имп. Николая II (1936) 191, 211, 417

Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, прис. поверенный, один из лидеров партии кадетов. Проф. ИМУ (1877–1884) и Ун-та им. Шанявского (1908–1910), Моск. Коммерч. ин-та; гласный Моск. ГД; пред. и деп. I ГД 53
Муромцева Л.П. 252
Мюллер (Muller H.) 17
Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, публицист, полит. деятель, один из лидеров партии нар. социалистов. С апр. 1918 – пред. Моск. «Союза возрождения России». В авг. 1920 – осужден по делу «Тактического центра»; в апр. 1921 – освобожден. Арестован, выслан за границу (1922). Сотр. РНИ в Берлине, РЗИА и РНУ в Праге. Ред. сб. «На чужой стороне», соред. журн. «Голос минувшего на чужой стороне»; с 1928 – проф. Софийского ун-та 160

Набелек Ф. (Frántišek Nábělek) – чешк. проф., спец. по флоре Малой Азии 241
Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – юрист, обществ.-полит. деятель, чл. ЦК партии кадетов, отец В.В. Набокова (1899–1977). Деп. I ГД. В 1917 – упр. делами Врем. пр-ва; в 1918–1919 – мин. юстиции Крым. краевого пр-ва. Эмиграция – Париж и Берлин 13
Надсон Георгий Адамович (1867–1939) – ботаник, микробиолог, генетик, чл.-кор. (1928), акад. (1929) РАН 32, 209
Назаров М.В. – историк РЗ 264
Насонов Николай Викторович (1855–1939) – зоолог, цитофизиолог; чл.-кор. (с 1897), акад. ИАН (с 1906) 217, 332
Наумов В.П. 264
Нейрат Константин фон (Konstantin Freiherr von Neurath, 1873–1956) – нем. дипломат, мин. иностр. дел Германии (1932–1938) и рейхспротектор Богемии и Моравии (1939–1943) 238
Некрасов В. – математик, историк науки. Окончил Михайл. Артиллер. акад. в СПб.; офицер-артиллерист; с 1915 – в США 454–458
Немец Богумил (Bohumil Němec, 1873–1966) – биолог-ботаник; проф. и ректор Карлова ун-та в Праге (1921–1922), дир. Ин-та анатомии и физиологии растений, чл. Чешск. акад. наук и иск-в, Чешск. Корол. научн. об-ва, акад. Чехосл. АН, основатель журн. «Biologia Plantarum» («Биология растений»; 1959), ред. научн. энцикл. «Отто» (1930–1943), дир. Энцикл. канцелярии Чехосл. АН (1956–1959) 157, 162, 219, 221, 223, 230, 231, 233, 237, 244, 366, 368, 369, 373, 374, 376, 382, 385, 392, 396, 397, 398, 402
Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936) – писатель, журналист, ст. брат театр. деятеля Вл. Ив. Немировича-Данченко 140, 192
Никитин Василий Никитич (1885–1972)– зоолог и гидробиолог. 1929–1931 – зав. Севастоп. биол. станцией АН СССР. В 1931–1937 – зам. дир. Научн. и рыбохоз. станции в г. Батуми. Д-р биол. наук (1935), с 1937 – проф. 1937–1946 – зав. каф. в Тбил. ун-те и затем зав. отд. в Ин-те зоологии АН Груз. ССР. 1946 – работа в Ин-те океанологии

РАН (с 1954 – ИО РАН им. П.П. Ширшова): зав. лаб. бентоса, а затем – морск. обрастания и древоточцев ин-та 14, 120, 200, 202, 205, 206, 213, 214, 347
Никитина Вера Ростиславовна – жена В.Н. Никитина 206, 335–338, 347
Никитинский Яков Яковлевич – проф., гласный Моск. ГД 53, 88
Николаев А.Б. 72, 120
Николаев Константин Николаевич (1884–1965) – правовед. Выпускник Ун-та св. Владимира в Киеве. В эмиграции в Константинополе, Польше, Югославии, Германии, США (с 1949). Пред. Об-ва рус. юристов в Германии и США 303
Николай Николаевич, вел. князь (мл.) (1856–1929) – ген.-адъютант, наместник на Кавказе (с 1915), поч. чл. ИАН (с 1915) 63
Николай II (1868–1918) – посл. рос. имп. (1894–1917); с авг. 1915 – верх. главноком. Поч. чл. ИАН (с 1876). В ходе Февр. рев. 2(15) марта 1917 отрекся от престола; в ночь с 16 на 17 июля 1918 расстрелян вместе с семьей в Екатеринбурге 68, 74
Николь, Шарль Жюль Анри (Charles Jules Henri Nicolle, 1866–1936) – франц. ученый-инфекционист и бактериолог, дир. Ин-та Пастера в Тунисе (с 1903), Ноб. прем. (1928) 373
Новакова С. 420
Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – юрист, философ права, обществ. и полит. деятель. Выпускник юрид. ф-та ИМУ(1898); с 1904 – орд. проф.; чл. ЦК партии кадетов (1905); деп. I ГД, дир. Моск. коммерческого ин-та (1906–1918). С 1920 орд. проф. Тавр. ун-та в Симферополе. В эмиграции – в Берлине (с лета 1920); в 1922 основал РЮФ при Карловом ун-те в Праге (ЧСР), к-рым рук. до кончины; пред. РАГ в ЧСР (1921–1922) 13, 52, 53, 66, 136, 138, 145, 146, 151, 154, 155, 162, 213, 335, 339
Новиков Владимир Михайлович (1905–1991) – биолог, сын М.М. Новикова. Выпускник ф-та естеств. наук в Братиславе (Словакия). После войны работал в YMCA в Регенсбурге; после 1949 – в США 40, 226, 240, 242, 247, 255, 260, 261, 379, 392, 393, 396–400, 422, 425
Новиков Михаил Михайлович – отец проф. М.М. Новикова 20–21
Новикова Валентина Николаевна (ур. Волкова) (1876–1973) – жена М.М. Новикова 24, 25, 42, 255, 261, 284, 333, 348, 361, 425
Новикова Елена Михайловна (в зам. – Тиброва) – мл. дочь М.М. Новикова 24, 25, 255, 284
Новикова Елена Михайловна – двоюрод. сестра проф. С.Ю. Доброхотова 7
Новикова Мария (ур. Огородникова) – мать проф. М.М. Новикова 20
Новикова (в зам. – Арабаджи) Татьяна Михайловна (1898–1943) – ст. дочь М.М. Новикова; в эмиграции получила болгарское гражданство. Умерла от приступа бронх. астмы 24, 134, 144, 201, 239, 240, 327
Новицкий Георгий Исакиевич (1889–1966) – инженер, обществ. деятель. Окончил Электротехн. ин-т им. Александра III в Пг. (1916). В 1920-е эмигрировал в США. Работал в компании «Ронсождейтэд Эдисон»;

пред. Рус. правосл. богосл. ф., Об-ва друзей рус. культуры, Об-ва помощи рус. детям за рубежом; чл. правл. Об-ва им. Н.И. Пирогова 287, 291, 303, 304

Новицкий С.И. – чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге 165, 167

Нольде Борис Эммануилович, барон (1876–1948) – правовед, дипломат, историк. С 1905 – проф. междунар. права Политехн. ин-та и ВЖК (Пг). В марте–мае 1917 тов. мин. иностр. дел Врем. пр-ва. В эмиграции в Париже. Один из орг. Рус. отд. при Сорбонне, декан Рус. юрид. ф-та при Ин-те славяновед. (Париж). Пред. Гл. управл. РКК 231, 371

Оберучев Константин Михайлович (1864–1929) – ученый, ген., обществ. деятель РЗ 294

Оболенский Владимир Андреевич, князь (1869–1950) – статистик, полит. и обществ. деятель. Окончил ИСПбУ. Служил в статистич. упр. Мин. земледелия (1883–1886), земским статистиком Пск. губ. (1896–1902), зав. статист. бюро Орл. земства. Деп. I ГД от партии кадетов. В 1917–1920 – пред. Тавр. губерн. земской управы 13

Оглоблин Александр Алексеевич (Александрович) (1893–1942) – энтомолог. Работал в Естест.-истор. музее Полт. губ. земства как препаратор. Сотр. Биогеохим. лаб. В.И. Вернадского в Киеве. Чл. Комиссии по изучению фауны УАН (1919). После 1920 – в эмиграции в ЧР. Ученик М.М.Новикова, чл. Зоол. семинара в Праге. Иссл. фауну Подкарпатской Руси. Авт. статей по систематике насекомых. Проводил энтомол. иссл. в Аргентине 165, 167, 358, 359, 363, 449

Огнев Иван Флорович (1855–1928) – орд. проф. каф. гистологии ИМУ 39, 45, 207

Огнев Сергей Иванович (1886–1951) – моск. зоолог, зоогеограф, эколог, систематик млекопитающих, сын И.Ф. Огнева 334

Огородникова Мария – мать М.М. Новикова 20

Огородникова Феодосия Петровна – бабушка М.М. Новикова по материнской линии 68

Одинцов Борис Николаевич (1882–1967) – почвовед. Окончил ИСПбУ (1909); ассист. каф. агрономии (1912–1918), доц. (1918–1920), с 1920 – проректор ун-та по хоз. части; с 1921 – проф., с 1922 – ректор ПгУ (однако Наркомат просвещения не утвердил его в должности). Одновр. с 1917 – проф. каф. общего земледелия Пг. с.-х. ин-та; дир. НИИ земледелия. Арестован ПГО ГПУ, выслан за границу (1922). Преп. в Ин-те кооперации, РНУ, Минерал. ин-те Карлова ун-та (Прага), Экон. каб. С.Н. Прокоповича, Высш. с.-х. шк. в Брно. 1945 – в лагере Шлейсхайм. 1951 – в США; тов. пред. РАГ в США (с 1951) 84, 121

Озерецковский Владимир Сергеевич (1888 – после 1932) – литератор, полит. деятель, нар. социалист 117, 130

Озеров Иван Христофорович – д-р финан. права. Прив.-доц. ИМУ, проф. Коммерческого ин-та; чл. Об-ва содействия опытных наук и их практ. применения при ИМУ и Моск. техн. уч-ща 108

Окороков Александр Васильевич – д-р истор. наук, чл.-кор. Акад. воен. наук, зав. сектором локальных истор.-культурол. иссл. 264
Окунев Н.Л. – прив.-доц. Карлова ун-та в Праге 149
Окунев Н.П. – Моск. гор. судья 48
Оливье Франк (Ollivier F.) – канцлер (ректор) Лозаннского ун-та (Швейцария) 190, 409
Ольга Р.-Х. 173
Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед, адьюнкт (1900), орд. акад. (1908), непрем. секр. ИАН/АН СССР (1904–1929), чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения Врем. прав-ва и др. 76, 94
Ольденбургский Александр Петрович, принц (1844–1932) – гос. деятель, меценат, организатор и попечитель ИИЭМ. В эмиграции – во Франции 428
Орел Владимир Михайлович – д-р экон. наук, б. дир. ИИЕТ РАН, советник през. РАН 17
Орлова Е.Н. 260
Осборн Генри Фэрфилд (Osborn Henry Fairfield, 1857–1935) – амер. палеонтолог, проф. Принст. и Колумб. ун-тов, иностр. чл.-кор. РАН (с 1923) 185
Осипов Николай Евграфович (1877–1934) – психиатр, психоневролог, один из основоположников психоанализа. Ассист. псих. клиники при ИМУ, прив.-доц. ВЖК (1912–1917), доц. Карлова ун-та в Праге (1923–1931) 149, 314
Осоргин (наст. имя Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942) – прозаик, журналист, лит. критик, мемуарист. С 1918 – чл. Моск. (затем Всерос.) союза писателей. 1921 – чл. Помгола; в авг. арестован и сослан в Казань. В сент. 1922 выслан из Сов. России. Жил в Берлине, с конца 1923 – в Париже 110, 117, 126, 130, 134, 135
Острогорский С.А. – входил в состав правл. РАГ в ЧСР 151
Остромысленский Иван Иванович (1880–1939) – химик, иммунохимик, фармацевт, биохимик 272, 294, 347
Остроумов Алексей Александрович (1858–1925) – зоолог. Выпускник Казан. ун-та (1882), д-р зоологии (1889); зав. Севастоп. биол. станцией; зав. каф. зоологии Казан. ун-та 217
Остроухов Петр Александрович (1885–1965) – д-р философии, славист, историк, экономист. Доц. РЮФа, чл. Успенского Братства 164, 242

Павлов Алексей Петрович (1854–1929) – геолог, палеонтолог; выпускник и проф. ИМУ по каф. геологии и палеонтологии (1886–1909), засл. проф. (с 1909); акад. ИАН; вице-през. МОИП (с 916), чл. Лондонск. геол. об-ва (1914) 40
Павлов Иван Петрович (1849–1936) – физиолог, проф. ИВМА, дир. Физиол. лаб. ИАН, чл.-кор. ИАН (с 1901), орд. акад. (с 1907), Ноб. прем. (1904) 66, 187, 199, 208, 307, 316, 333, 450, 447, 449
Павлов Борис Арсеньевич (1906–1994) – горный инженер. В эмиграции в КСХС (с 1920); окончил Любл. ун-т (1940); с 1944 – в Австрии

и Германии. Ассист. каф. минерал. и геол. Ун-та УНРРА в Мюнхене (1946–1947); в США – сотр. корпорации; чл. РАГ в США 270
Павлова Т.Ф. 18
Пайпс Ричард (Pipis Richard Edgar) – амер. ученый, проф. рус. истории Гарвард. ун-та (1958–1996), советник през. США Р. Рейгана 109, 125
Палечек Н.О. – сотр. Мин. нар. просвещения, чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения Врем. прав-ва 61, 76
Панина Софья Владимировна, графиня (1871–1956) – обществ.-полит. деятель, лит. критик. Окончила ВЖК в Петербурге; с 24 мая 1917 г. – тов. мин. госпризрения Врем. прав-ва; чл. ЦК партии кадетов; орг. «Нар. Дома». 8 ноября 1917 – арестована и посажена в крепость за отказ передать большевикам деньги из кассы мин-ва, 19 дек. 1917 освобождена. С начала 20-х в эмиграции: ЧСР, Франции, Швейцарии, США (с 1939). Чл. Комитета по орг. Толстовского ф. под Нью-Йорком 13
Пансчен – дир. музея в Реклингхаузене 437
Парнас Яков Оскарович (1884–1949) – биохимик, акад. АН СССР (1942) и АМН (1944) 209
Паукер Карл Викторович (1893–1937) – гос. и обществ. деятель. 1922–1923 – зам. нач. операт. отд. ГПУ – ОГПУ СССР 113
Пергамент М.Я. – проф. гражд. права ПгУ; чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения Врем. прав-ва 76
Перез Ш. (Perez) – франц. ученый из Сорбонны (Париж) 230, 402
Перхавко В.Б. 252
Петрин (Petrin) – франц. ученый, сенатор, мин. 391, 396
Петрункевич Александр Иванович (1875–1964) – зоолог-арахноиндолог. Окончил Фрайб. ун-т (1903) и переехал в США. Зав. каф. зоологии в Йельском ун-те в Нью-Хейвене (США; 1910–1944) 262, 291, 294, 298, 325, 428
Петрушева Лидия Ивановна – зав. архивохранилище коллекции док-тов по истории Белого движения и эмиграции в ГА РФ (Москва) 16
Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – полит. деятель, чл. ЦК Трудовой нар.-соц. партии; ред. газ. «Нар. слово»; мин. продовольствия Врем. пра-ва (май–авг. 1917); чл.«Союза возрождения России»; 1922 – выслан из страны 119
Пик 273
Пирогов Николай Иванович (1810–1881) – хирург и анатом, основоположник воен.-полевой хирургии, осн. рус. шк. анестезии; чл-кор. ИАН (1846); известность получил атлас «Топограф. анатомия» (т. 1–4, 1851–1854) 111, 314, 316
Пирцер Б. (Pirzer B.) 17
Платон (428/7 – 348/7 до Р.Х.) – др.-гр. философ, ученик Сократа. Основатель собств. шк. – Акад. 143
Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, проф. ИСПбУ, акад. РАН (1920), пред. Археограф. комиссии АН (1918–1929), дир.

Пушкинского Дома (1925–1929), БАН (1925–1928). Арестован по «академическому делу» (1930) 203, 344
Плейт Л. 185
Погорелов Валерий Александрович (1872–1955) – филолог, проф. Ун-та им. Я.А. Коменского в Братиславе 149, 243, 248
Подтягин Н.Е. – математик; магистерскую дис. защитил в ЧСР 152
Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк, парт. деятель, акад. АН СССР (с 1929), дир. Ин-та красной профессуры, пред. през. Ком. акад 81, 90, 93, 97, 207, 214, 338, 339
Поливанов Михаил Павлович – дир. 3-й муж. Моск. гимназии 58
Поливка Ю.И. – проф.-славист, пред. отд. по изучению ЧР в РНУ, чл. совета преп. РНУ 157, 160
Полинг Лайнус Карл (Pauling Linus C.) (1901–1994) – амер. физикохимик, Ноб. прем. по химии (1954) и Ноб. прем. мира (1962), иностр. чл. АН СССР (1958) 258
Полчанинов Р.В. 279
Попов Н.В. – тов. секретаря Об-ва сближения с Англией 67
Попов Николай Михайлович (1854–1939) – психиатр, психопатолог; зав. психиатр. клиникой в Ун-те Софийском (1922–1935) 189
Попов Ю.Р. – б. гл. адм. УНРРА ун-та в Мюнхене 271, 280
Преображенский Сергей Иванович – врач, д-р мед. наук, проф. МГУ, секр. Совета ИМУ, гл. канцелярии совета МГУ 88
Принсгейм (Pringsheim) 408
Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – экономист, обществ.-полит. деятель. Муж Е.Д. Кусковой. Д-р философии. 1917 – мин. торговли и промышленности (июль–авг.), мин. продовольствия (сент.–окт.) Врем. прав-ва. Уч. «Союза возрождения России» (1918). Дир. Экон. ин-та; декан юрид. ф-та Моск. ун-та (1919–1920); один из рук. Помгола (1921). Арестован, сослан в Вологду. В июне 1922 выслан из Сов. России. В эмиграции в Берлине, Праге, Швейцарии 13, 110, 132, 138, 146, 148
Пруффер – польск. ученый 400
Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948) – агрохимик, физиологии растений; чл.-кор. (с 1913), акад. (с 1929) ИАН 99, 190
Птушенко Евгений Семенович (1888–1969) – орнитолог. С 1926 заведовал Старо-Першинской биостанцией (Курская обл.), к-рая в 1930 переведена на Плещеево оз. и переименована в «Ботик» 331, 339
Пуркинье Ян Эвангелиста (1787–1869) – чешск. биолог, медик, просветитель 440
Пушкарев Сергей Германович (1888–1984) – историк, проф. В эмиграции – в ЧСР, Германии, США 152, 173, 175, 287, 291, 440
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт, драматург, прозаик, основоположник нов. рус. лит-ры 159
Пфицер – немецкий ботаник, проф. Гейдельб. ун-та 34
Пышкова Н.С. 72
Пьерр (Perier) – сенатор, франц. мин. 395

Радзимовский Евгений Иванович (1905–1975) – инженер, д-р. техн. наук, проф. Окончил Киев. политехн. ин-т (1927). В эмиграции в Братиславе (Словакия), Мюнхене, Урбане (США). Проф. Иллинойского ун-та. Член РАГ в США 270
Райтинг Дж. (Whriting) – дир. УНРРА амер. зоны Германии 271
Раевский Николай Алексеевич (1894–1988) – зоолог-энтомолог, литературовед. Окончил Карлов ун-т в Праге; д-р естеств. наук (1930), чл. Чешск. об-ва зоологов (с 1927) 149, 220
Рамзин Сергей Константинович (1892–1981) – эпидемиолог 409
Рейнбах (Riechenbach C.) 17
Рейснер И.М. 181
Ремарчук В.В. 17, 123, 212
Ремингтон Чарльз (Remington Ch. L.) – зав. Осборнской зоол. лаб. в Йельском ун-те (Нью-Хевен, шт. Конн.) 445
Репин Илья Ефимович (1844–1930) – рус. живописец 171
Рерих Николай Константинович (1874–1947) – живописец, теат. художник, публицист, мемуарист; акад. живописи (1909); пред. Об-ва «Мир ис-ва» (1910–1919). Эмиграция с 1918: в США; затем – в Индии: с 1923 – с перерывами, с 1936 – постоянно. В 1928 рук. Гимал.ин-том научн. иссл. «Урусвати» (Кулу, Индия) 171
Рерих Святослав Николаевич (1904–1993) – рус. и индийский художник, поч. чл. Акад. художеств СССР (1978), сын Н.К. Рериха 171
Решетов И. – нач. 4-го отд. СО ГПУ 115
Реформатский Александр Николаевич (1864–1937) – химик. Прив.-доц. ИМУ (с 1893–1911; 1917–1937; с 1918 – проф.); преп. химию в Моск. комм. уч-ще (1894–1905); с 1898 – проф. Моск. коллективных курсов (с 1900 – ВЖК, с 1918 – II МГУ) и проф. Моск. техн. уч-ща (1898–1906). Дир. Моск. практ. акад. коммерческих наук (1906–1916). Орг., чл. правл., проф. Моск. нар. ун-та им. А.Л. Шанявского (1906–1921) 88, 102, 107, 128
Рёш (Rosch J.) 17
Ржевская Л.Ф. – дир. Женск. гимназии в Москве 49
Ржевский Николай Федорович – податный инспектор г. Москвы, у к-рого семья Новиковых какое-то время снимала дом 24, 46
Риккерт Г. (1863–1936) – нем. философ, неокантианец; проф. каф. филос. Гейдельб.ун-та 184, 211
Римский-Корсаков Михаил Николаевич (1873–1951) – энтомолог. Выпускник (1895), прив.-доц. (1901) и проф. (с 1918); в 1919–1930 – зав. каф. энтомологии ИСПбУ. В 1921–1951 – проф. Лесного ин-та в Пг. (позже – Лесотехн. акад. в Л.) 14, 32, 134, 143, 195, 200, 207, 214, 217, 333–334
Римская-Корсакова Ольга Михайловна – дочь М.Н. Римского-Корсакова 332
Рид Джон (1887–1920) – амер. писатель, журналист, один из орг. (1919) Ком. партии США 112, 446
Рита – 446, 447

Рожанская Юлия А. – математик, педагог на физ.-мат. ф-те Моск. ун-та 331, 339
Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – землевладелец, политик, гос. деятель. Один из осн. «Союза 17 октября», чл. ЦК. Пред. III и IV ГД. В февр. 1917 участвовал в переговорах об отречении имп. Николая II от престола. 27 февр. возгл. Врем. комитет ГД. В эмиграции – в КСХС 55, 56, 74
Розенберг Владимир Александрович (1860–1932) – экономист, журналист, библиограф, литературовед, обществ.-полит. деятель. В сент. 1922 выслан из Сов. России. Жил в Берлине, Праге. Сотр. РЗИА и Рус. экон. каб. 130
Розенталь Лазарь Соломонович (1874–1965) – бактериолог, д-р мед. наук (1904); прив.-доц. ИМУ; с 1901 – сотр. Бактериол. ин-та при ун-те. В эмиграции – в Германии; с 1926 – в США; член ОРВ в Нью-Йорке 304
Рокицкая Анастасия Ивановна (ур. Скорникова) (1886–1963) – биолог, микробиолог. Окончила Харьк. ун-т (1916); работала в ин-тах Москвы, Пг./Л., Киева. С 1934 д-р биол. наук. В годы войны вывезена в Германию. С 1943 работала в Почв. ин-те Дрездена; в 1945–1948– зав. каф. микробиол. в Ун-те УНРРА в Мюнхене. С 1950-го – зав. каф. почв. микробиол. в Тукуманском ун-те (Аргентина) 270
Рокицкая А.Ю. 105
Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – археолог, историк античности. Проф. др. истории СПбУ/ Пг.У(1901–1918), чл.-кор. ИАН (с 1908), акад. (с 1917), пред. Акад. союза, чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения. Врем. прав-ва. С 1918 в Швеции, Англии; с 1920 – в США: проф. Висконсинского, Йельского ун-тов 76, 258, 288
Рузский Михаил Дмитриевич (1864–1948) – зоолог, энтомолог, фаунист, зоогеограф, проф. Томского ун-та, прем. им. акад. К.М. Бэра (1906) 138
Румянцев А.В. – моск. зоолог 207, 336
Рундальцов Михаил Викторович (? – 1935) – художник, акад. 171
Рыбников Александр Александрович (1877–1938) – экономист, спец. в обл. промысловой кооперации. Арестован в 1922, но освобожден от высылки по ходатайству Наркомзема. В 1930 арестован по делу ЦК Трудовой крестьянской партии и в 1938 расстрелян 115
Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – сов. полит. и гос. деятель, чл. Политбюро ЦК ВКП(б) (1922–1930); чл. «Помгола», пред. СНК (1924–1930). 1938 – репрессирован и расстрелян по делу «Право-троцкистский антисоветский блок» 110, 199
Рыков Виктор Иванович – дир. Деп. профессион. образования; чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения Врем. прав-ва 76, 110
Рябушинский Павел Павлович, гр. (1871–1924) – фабрикант, меценат, совладелец Банкир. Дома бр. Рябушинских, пред. Моск. бирж. коми-

тета, чл. Попечит. совета Моск. коммерческого ин-та, Об-ва сближения с Англией (1915) и др. С 1919 жил во Франции 67

Сабанин Алексей Николаевич (1847–1920) – агроном, почвовед, агрохимик. Окончил (1872) и до 1920 возгл. каф. агрономии ИМУ 85
Сабенникова И.В. 123, 137
Савицкий Иван Петрович – чешск. историк, сын П.Н. Савицкого 140, 145, 151, 160, 173, 175, 177
Савицкий Николай Петрович – ген., чл. совета преп-лей РНУ в Праге 140
Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) – экономист, историк, обществ. деятель, идеолог евразийства, проф. Карлова ун-та и РНУ (РСУ) в Праге, посл. дир. Рус. гимназии в Праге. В 1945 арестован НКВД, в заключении до 1955. В ЧР репрессирован (1961–1962) 140
Садовничий Виктор Антонович (1939 г.р.) – ученый-спец. в обл. теорет. и прикл. математики и информатики, выпускник, проректор (с 1982), ректор (с 1992) МГУ, акад. 8
Саломон (Salomon) Вильгельм (1869–1941) – нем. геолог, стратиграф, палеонтолог, первооткрыватель гельденб. радонового источника; д-р естеств. наук, проф. Гельденб. ун-та 34, 134
Салтыков Сергей Николаевич (1874–1964) – патолог, проф. Екатериносл. ун-та; с 1922 – зав. каф. Белград. ун-та 189
Самарин Александр Дмитриевич – предвод. Моск. дворянства, пред. Моск. губернск. упр. по делам об об-вах и по гор. и земским делам присутствия; пред. Моск. губернск. училищного совета; Дир. Ин-та Моск. дворянства им. имп. Александра III 87
Самойлов Я.В. – пред. секции геологии и горного дела НК при НТО ВСНХ 102
Сатина София Александровна (1889–1975) – ботаник, генетик растений 294
Сварога (Корочкин) Василий Семенович (1883–1946) – художник 171
Свентицкий (Свенцицкий, Свинцицкий) Винсент И. – польск. инженер-электротехник, б. проф.Варшав. ун-та, декан инж. ф-та Ун-та УНРРА в Мюнхене. 1948 – през. Ассоц. амер. и иностр. ученых в США, рук. польск. сектора 259, 260, 269, 287, 289
Северцов Алексей Николаевич (1866–1936) – зоолог, акад. РАН (1920), АН УССР (1925). Окончил ИМУ(1889). Проф. Юрьев. (1898–1902), Киев. (1902–1911), Моск. (1911–1930) ун-тов. В 1930 орг. и возгл. лаб. эволюц. морфологии животных (с 1935 – Ин-т эволюц. морфологии животных) АН СССР, прем. им. К.М. Бэра 52, 181, 189, 207, 217, 228, 329, 336, 400
Седлецкий – ученый из Польши 400, 410
Селиванов Д.Ф. 138
Семашко Николай Александрович (1874–1949) – врач, д-р мед. наук, полит. и гос. деятель; нарком здравоохранения (1918–1930); проф. и зав. каф. социальной гигиены I Моск. мед. института (1921–1949);

дир. Ин-та организ. здравоохр и истории медицины (1945–1949); акад. АМН СССР (1944) и АПН РСФСР (1945) 92
Семенцов Анатолий Петрович (1886–?) – химик. Выпускник Киев. ун-та, проф. ун-та. С 1943 на положении Ди-Пи в Германии; затем эмигр. в США: преп. в Лафайет колледже (шт. Пенсильвания) 287, 291
Сент-Илер Константин Карлович (1866–1941) – зоолог. Вып. СПб. ун-та, проф. зоологии Юрьев. ун-та (Тарту). В 1911 осн. на Карельском берегу Белого моря небольшую сезонную (учебную) Биол. станцию Юрьев., а затем – Ворон. ун-тов (1911–1940) 207, 338
Серафим, о. (в миру Леонид Георгиевич Иванов) (1897–1987) – архиепископ РПЦЗ (1959). Окончил филос. и богосл. ф-ты Белградского ун-та; в 1926 на Афоне пострижен в монахи. В 1946 переехал в США и поселился в Св.-Троицком монастыре в Джорданвилле (шт. Нью-Йорк); двоюродный брат М.М. Новикова 285
Сергий Пражский (в миру Королев), еп. – архиеп. 138, 173, 192
Сергиевский Борис Васильевич (1888–1971) – летчик-испытатель, авиац. инженер-конструктор, обществ. деятель РЗ. Окончил Киев. политехн. ин-т (1913), участник Белого движения на Сев.-Зап. России. С 1920 в Польше, с 1923 – в США. Летчик-испытатель завода И.И. Сикорского; участвовал в орг. Толстовского ф., Рос. полит. комитета, Рус. гарнизона 297 амер. ветеранов, Св. Серафима. ф., возгл. Союз Георг. кавалеров 322
Серебрякова Зинаида Евгеньева (ур. Лансере, 1884–1967) – художник, участница объединения «Мир ис-ва» 171
Сеченов Иван Михайлович (1829–1905) – физиолог, психофизиолог, осн. Рус. физиол. научн. шк., чл-кор. (1869), поч. чл. (1904) ИАН 66
Сикорский Игорь Иванович (1889–1972) – авиаконструктор, изобретатель, ученый, философ. Диплом инженера получил в СПб. Политехн. ин-те (1914). В 1912–1918 работал на Рус.-Балт. вагонном заводе, с 1912 – гл. конструктор авиац. отд. В эмиграции в Великобритании, Франции, США (с марта 1919). Создатель вертолетной пром-ти в США 257, 258, 272, 316
Сикорский Иван Алексеевич – орд. проф. Киев. Имп. Ун-та св. Владимира, психиатр 307
Сладек З. 172
Слоним Марк Львович (1894–1974) – филолог, обществ.-полит. деятель. Окончил Флорентийский ун-т. С 1922 в эмиграции: Праге, Париже, США, Женеве 158
Служка С. 289
Смирнова Вера (в зам. – Штурм) – двоюр. сестра М.М. Новикова 7
Смагина Г.И. 213
Смолорж (Smolorz R.) 17
Соболев В.С. 73
Соколов В.Н. – зоолог 152
Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – прозаик, драматург, историк, публицист, поэт, обществ. деятель, акад. РАН (1997) 215, 235

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) – юрист; выпускник юрид. ф-та ПгУ 361
Сорокин Питирим Александрович (1889 –1968) – социолог, культуролог, полит. деятель. В 1919 –1921 – проф. социологии ПгУ и др. вузов. В сент. 1922 выслан из Сов. России. В США с 1923 г. Преп. в Иллинойском, Висконсинском (1924) и Миннесотском (1924 – 1930) ун-тах, проф. социологии Гарвард. ун-та (1930–1959) 83, 119, 121, 162, 258, 287, 288, 291, 294, 321, 324
Сосин Дж. 323
Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) – правовед, историк, литературовед, публицист. Выпускник Варш. ун-та (1898); с 1903 – доц. каф. энциклопедии и истории филос. права; проф. Киев. ун-та св. Владимира (1913), декан юрид. ф-та, ректор (1918). Преп. на ВЖК, в Юрид. и Фребел. ин-тах. Пред. Киев. филос. об-ва. Д-р гос. права (1917). В 1920 эмигрировал в КСХС. Проф. Белград. ун-та (1920–1930) с перерывом в 1924–1927, проведенным в Праге в качестве проф. и декана РЮФа и проф. Карлова университета. С 1930 – проф. ун-та в Любляне (1930–1945). В 1945 переехал в Италию, где попал в лагеря Ди-Пи. С 1947 – в Нью-Йорке, проф. Св. Владимирской правосл. духовной акад. През. РАГ в США (1949–1951) 12, 151, 157, 206, 257, 287, 289, 291
Сперанский Н.В. 72
Спесивцев П.Н. (1866–1936) – зоолог-энтомолог 32
Спижарный Иван Константинович – д-р медицины, гласный Моск. ГД, проф. Моск. ун-та 85, 332
Списек Фердинанд (Spisek F.) – чешск. администратор 408
Спичаков Ф.А. 235, 402
Станиславский Б.Л. – чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге 165, 167
Станчинский Владимир Владимирович (1888–1942) – орнитолог, эколог 32
Старков Арсений Викторович – врач, д-р мед. наук, проф., чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге 165
Степун Федор Августович (1884–1965) – религ. философ, культуролог, социолог, писатель, теоретик ис-ва, публицист. Окончил Гейдельб. ун-т (1910). Ред. междунар. филос. журн. «Logos» (1910–1914). Лектор по философии и лит-ре. Дир. Показательного театра (1920–1922). В ноябре 1922 выслан из России. Проф. в Дрездене (1926–1937). В 1947–1960 зав. каф. истории рус. культуры Мюнх. ун-та Людвига Максимилиана. Один из ред. «Нов. града» 32, 119, 127, 291, 314, 429–436, 437–438
Степун Наталья Николаевна – жена проф. Ф.А. Степуна 432, 433, 435, 436
Стефко В.Н. 190

Стоюнина Мария Николаевна (1846–1940) – учредитель и директор частной гимназии в СПб., мать Л.В. Лосской (1875–1943) жены Н.О. Лосского 418

Стратонов Всеволод Викторович (1869–1938) – астрофизик. Выпускник Новорос. ун-та (1891), астроном Одесской (1891–1992) и Пулковской обсерваторий; проф. (с 1918), декан физ.-мат. ф-та ИМУ (1920) и физ-мат. отд. ГПБ в Москве, научн. консультант Наркомпроса. Осн. и дир. Рос. астрофиз. ин-та (РАФИ) на Юге России (с 1921). В авг. арестован и в окт. 1922 выслан из РСФСР. В Берлине участв. в организации РВНИ; с 1923 – в Праге, лектор в Чешск. высш. техн. уч-ще в Праге 88, 97, 117, 123, 130, 131, 136, 138

Струве В. (Ленинград) 190

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – обществ.-полит. деятель, экономист, историк, социолог, публицист, лит. критик. Д-р экон. наук (1916). Акад. ИАН (1917). С апр. 1920 – мин. иностр. дел в прав-ве Врангеля. В ноябре 1920 эмигрировал из Крыма в Константинополь и затем – в Софию (1921), Прагу (1921–1923), Париж (с 1925), в 1928–1940 проф. РНУ в Белграде. В апреле 1941 арестован нацистами, вывезен в Грац (Австрия), вскоре освобожден. С 1942 – в Париже 94, 132, 140, 146, 150, 151, 175, 441

Студничка Франтишек Карел (1870–1946) – чешск. проф.-гистолог и эмбриолог 33

Сукачев Б.В. (1874–1957) – зоолог беспозвоночных 32, 217

Сурин А.Ф. – дир. Деп. Мин-ва нар. просвещения чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просв. Врем. прав-ва 76

Сухомлинов В.А. – ген. 64

Сушкин Петр Петрович (1868–1928) – зоолог-орнитолог, анатом, биогеограф, лепидоптеролог и палеонтолог; ученик М.А. Мензбира. Выпускник ИМУ по каф. зоологии и сравн. анатомии (1889). Сверхшт. (1893) и штат. (1906) лаб-т при Ин-те сравн. анат. ИМУ, прив.-доц. ИМУ и проф. зоологии МВЖК. С 1903 д-р зоологии. 1910–1919 – проф. Харьков. ун-та; в 1919–1920 – проф. Таврич. ун-та и сотр. Естеств.-истор. музея в Симферополе. С 1921 – зав. орнит. отд. Зоол. музея АН СССР в Л., научн. сотр. Геолог. Музея (с 1922), дир. Северодв. галереи Геол. музея (с 1923), акад. АН СССР (1923), с 1927 – акад.-секр. 38–40, 128, 129, 189, 204, 207, 217, 330, 336, 339

Сушкина Надежда Николаевна (ур. Попова; 1889–1975) – вторая жена П.П. Сушкина 330, 339

Таганцев Николай Степанович (1843–1923) – юрист, криминалист, гос. деятель 126

Тарабанов – рус. химик-эмигрант 358

Тарасова Наталья Борисовна – секр. ред. журн. «Грани» 436

Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк, проф. СПб. (Пг.) ун-та (1903–1917), проф. Юрьев. и Моск. ун-та (1913–1918); чл.-кор. РАН (с 1921), акад. (с 1927). В 1930 арестован по делу «промпартии»

и «акад. делу», в авг. 1931 выслан в Алма-Ату; реабилитирован в 1967 203
Таубе Михаил Александрович (1869–1962) – юрист, правовед, д-р междунар. права. С 1911 – тов. мин. нар. просвещения, сенатор (с 1915), чл. Госсовета. В эмиграции с 1921 – в Париже 132
Тауринс – латыш. Проф. Ун-та УНРРА в Мюнхене 271
Тельберг Георгий Густавович – проф. истории рус. права 291
Терлецкий Николай Емельянович – присяжной поверенный, чл. Об-ва сближения с Англией (1915) 67
Тибров Анатолий Алексеевич (1896–1984) – инженер-агроном, спец. по гидрологии; зять М.М. Новикова, муж Тибровой Елены Михайловны, отец Гетмановой Валентины Анатольевны 250, 255, 260, 261, 284, 425, 426
Тиброва Елена Михайловна (урожд. – Новикова, 1900–1987) – дипломиров. портниха, агроном; мл. дочь М.М. Новикова; в эмиграции получила чехосл. гражданство 250, 260, 261, 284, 425, 426
Тигдаль 412
Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970) – социолог, правовед, экономист, историк; д-р права. Проф. экон. отд. Полит. ин-та в Пг. Бежал в Финляндию (1921). Проф. права на рус. ф-те в Праге и проф. слав. иссл. во Франции (1923). С 1936 – в США: преп. в Гарвардском, с 1940 – Фордамском ун-тах и Мэримаунтском колледже (Нью-Йорк); с 1958 – в Миддлбери (Вермонт) 157, 159, 287, 291, 303, 304, 314
Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) – физиолог растений, дарвинист. Проф. анатомии и физиологии растений ИМУ (1877–1898), преп. ботанику в Петровской землед. и лесной акад. (1869–1902), пред. Имп. Об-ва любителей естеств. антропологии и этнографии 25, 66
Тимошенко Степан Прокофьевич (1878–1972) – ученый-механик. Проф. Киев. политехн. ин-та, СПб. ин-та путей сообщения. Эмигрировал в Югославию. В 1920–1922 – в Загребе; с 1922 г. – в США. Работал в НИИ завода Вестингауза в Питтсбурге. Проф. Мичиган. (1927–1936) и Стэнфорд. ун-тов 258, 287, 288, 291
Титов Александр Андреевич (1878–1961) – ученый-химик, предприниматель, полит. и обществ. деятель. В эмиграции жил и работал во Франции 189
Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) – зоолог, антидарвинист; выпускник (1876), ассист. при Зоол. музее (1877–1884); магистр зоологии (1883), прив.-доц. каф. зоологии (1886–1888), д-р зоологии (1887), экстраорд. (с 1888), орд. (1896–1903) проф., дир. Зоол. музея (1896–1904), ректор (1896–1904) ИМУ; попечитель Моск. учебн. округа (1911–1917); проф. Сарат. ун-та (1920–1921). Открыл явление искусственного партеногенеза 25, 37
Ти́хон, патриарх (в миру Васи́лий Иванович Беллавин) (1865–1925) – еп. Правосл. рос. церкви; с 21 ноября (4 дек.) 1917 – Патриарх Моск. и

всея России. Канонизирован в лике святителей Архиерейским собором Рус. правосл. церкви 9 окт. 1989 97

Толмачёв Иннокентий Павлович (1872–1950) – геолог и палеонтолог. Окончил СПб. ун-т (1897), стажировался в Лейпциг. (1898) и Мюнхен. (1899–1900) ун-тах. С 1897 – ассист. Н.И. Андрусова в Юрьевском ун-те; с 1899 – ученый хранитель Геол. музея ИАН; с 1918 – в Сибири; проф. Омского с.-х. ин-та; орд. проф. Дальневост. политехн. ин-та. Уехал в Норвегию, затем в США: куратор отд. беспозв. ископаемых Музея Карнеги в Питтсбурге (1922–1945); проф. Питтсб. ун-та (1926–1933) 206, 214

Толстая Александра Львовна (1884–1979) – писатель, обществ. деятель, филантроп, мл. дочь, секр. и душеприказ. лит. наследия Л.Н. Толстого (1901–1910). Сестра милосердия, хранитель музея «Ясная Поляна». В эмиграции – основоположник и многолетний през. Толстовского ф., открытого 15 апр.1939 в Валлей-Коттедж (шт. Нью-Йорк, США) 94, 257–259, 261, 262, 265, 279, 285, 427

Толстой Иван Никитич – филолог, историк рос. эмиграции, сотр. Радио Свобода (Прага) 321

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф – рус. писатель 161, 170

Толстой Сергей Львович (1862–1904) – ст. сын Л.Н. Толстого, авт. кн. «Очерки былого» (Тула, 1975) 427

Тотомианц (Тотомянц) Ваан Фомич (1857–1964) – экономист, иссл. истории кооперат. движения, публицист. Учился в Брюссельском ун-те. С 1912 прив.-доц. Моск. ун-та. С 1915 д-р полит. экономии и статистики (Киев. ун-т). С 1919 в эмиграции. В 1920-е преп. в Римском кооперат. ин-те, Рус. ин-те с.-х. кооперации (Прага), Рус. юрид. фак-те (Прага), Берлин. коммерческой акад. С 1932 – в Софии. С 1953 преп. в Рус. научн. ин-те (Париж) 439, 440

Траскотт (Truscott L.K.) 278

Трегубов Григорий Семенович (1886–1969) – зоолог-протистолог, рус. выпускник ун-та в Монпелье (Франция), ученик проф. О. Дюбоска. С 1914 г. – ассист. дир., с 1931 – зам. дир.; в 1943–1956 – дир. РЗС в Вильфранш-сюр-Мер 222, 225, 227–234, 236, 335, 336, 365, 373, 381–388, 411

Третьяков Дмитрий Константинович (1878–1950) – зоолог-морфолог, д-р.биол. наук, проф., акад. АН УССР (1929). Выпускник СПб. ун-та, прив.-доц. С 1943 – дир. Ин-та зоологии АН УССР и зав. каф. в Ин-те гидробиологии АН УССР в Киеве 217

Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович (1879–1940) – профессион. рев-р, меньшевик, после Февр. рев. – большевик. После окт. переворота – нарком иностр. дел, нарком по воен. и морск. делам, пред. Реввоенсовета. В 1927 исключен из партии; в 1929 – выслан из СССР 112, 117

Трошин А.А 212

Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863–1920) – религ. философ, правовед, обществ. деятель, искусствовед. Выпускник юрид. ф-та

ИМУ (1885), д-р философии (1897). Проф. в Киеве и Москве (1906–1918). Инициатор открытия книгоизд-ва «Путь» (1910–1917) 442

Трубецкой Николай Сергеевич, князь (1890–1938) – лингвист, спец. по слав. филологии, сравнит. языкознанию, философ и публицист, сторонник евразийства, проф. Венского ун-та (Австрия); член Венской АН. Разработал учение о фонемах (фонология) 9, 184

Трубецкой Сергей Николаевич, князь (1862–1905) – историк, религ. философ, д-р филос. Выпускник истор.-филол. ф-та ИМУ (1881), прив.-доц. (1888), экстраорд., орд. проф. по каф. филос. (1902), ректор ИМУ (сент. 1905), ред. журн. «Вопр. философии и психологии» 115, 117, 130

Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (ур. Тыркова) (1869–1962) – публицист, прозаик, журналист, чл. ЦК партии кадетов (1906), общест.-полит. деятель. Работала во Всерос. союзе городов по орг. санитарных отрядов. После Февр. рев. входила в состав Продов. комитета. С марта 1918 г. вместе с мужем – англ. журналистом Г. Вильямсом жила в Лондоне. В эмиграции – одна из создателей «Комитета освобождения России» (1919) и журн. «New Russia». С 1951 г. – в США. Вице-пред. Рус. полит. комитета (Нью-Йорк) 13, 299, 300, 310, 323, 427, 442–443

Ту́ка Во́йтех (наст. имя – Бела или Адальберт) (Vojtech (Béla) Tuka, 1880–1946) – словацкий политик, венгр. Проф. в Будапеште и Братиславе, один из лидеров Глинковой словацкой нар. партии, цель – автоном. Словакии внутри Чехословакии, а позднее – полная независимость. В 1939–1944 – премьер-мин. 1-й Словацкой республики, возгл.радикальное крыло Глинковой нар. партии (умер. крыло возгл. през. Йозеф Тисо), сторонник активной поддержки гитлер. Германии и этнических чисток. Казнен (1946) 241

Тулайков Николай Максимович (1875–1938) – агроном и почвовед; акад. АН СССР (1932) и ВАСХНИЛ (1935) 209

Тяпкин Николай Дмитриевич (1870/1871 – ?) – гидравлик. В 1913–1918 – ректор Моск. ин-та инженеров путей сообщения. Решением Комиссии НКВД по адм. высылкам выслан в Сибирь (1923) реабилитирован (2000) 108

Уваров Борис Петрович (1888 – 1970) – энтомолог, спец. по саранчовым. Выпускник ИСПбУ. В 1920 эмигрировал в Англию. В 1929 изучал динамику стадных саранчовых в странах Азии и Африки, работая в Британском музее, на базе к-рого создал Противосаранчовый иссл. центр. Открыл феномен фазности в развитии прямокрылых, важный для понимания их биологии и борьбы с ними. Чл. Лондон. Корол. об-ва (1950) 360, 361

Угримов Александр Иванович (1874–1974) – ученый-агроном. Выпускник ИМУ; степ. д-ра наук получил в Лейпциг. ун-те (1899–1905). Вице-през., през. Моск. с.-х. об-ва (1906–1922); в 1920 – в Комиссии СТО по электрификации с.-х. С 1921 – чл. ВКПб. Осенью 1922 выслан за границу. Работал в Германии (1923–1936); с 1938 – во Франции.

В 1948 вернулся в СССР; реабилитирован (1957) 108, 110, 115, 117, 127
Ульянов Николай Алексеевич (1881–1977) – геолог, гляциолог, обществ. деятель, эсер. Окончил геол. ф-т Лозаннского ун-та (1913). В 1917 вернулся в Россию; участник Белого движения. В 1918 эмигрировал в Швейцарию. Чл. Об-ва помощи нуждающимся рус. эмигрантам – деятелям лит-ры, науки и иск-ва в Швейцарии (1919–1920). Преп. минералогии и петрографии (1920), проф. геофизики (1938) Лозаннского ун-та. Сост. геолог. карту Монблана. Орд. Поч. легиона (1975) 190, 211, 417
Ульчла (Ullchla) 395
Ульянкина Татьяна Ивановна – д-р биол. наук, гл. научн. сотр. ИИЕТ РАН, вед. научн. сотр. ДРЗ им. Солженицына 6–8, 19, 264, 265, 321, 322
Ульянова Вера Николаевна – геолог 417
Унбегаун Борис Генрихович (1898–1973)– филолог-лингвист, проф. 287, 291
Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918) – юрист, полит. деятель. Окончил юрид. ф-т Киев. ун-та (1897). Чл. Пг. Воен.-рев. комитета; пред. Пг ЧК. В 1918 убит эсером 93
Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1951) – полит. и гос. деятель; большевик. С апр. 1921 по сент. 1923 – зам. пред. ВЧК – ГПУ 113, 114, 117
Урбан И. – чешк. проф., представитель Мин. нар. просвещения ЧСР 157

Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918) – ботаник-физиолог, орд. акад. (1891) ИАН 73
Фан-дер-Флит А.П. – преп. Чешск. высш. техн. уч-ща 149, 151, 160
Фандо Роман Михайлович – канд. биол. наук, вед. научн. сотр. ИИЕТ РАН 17, 37, 39
Фатеев Аркадий Николаевич – юрист, историк, проф. права Харьков. ун-та, зав. секцией гуманит. наук Рус. научн.-иссл. объединения при РСУ 164, 242
Федоров Евграф Степанович (1853–1919) – кристаллограф, минералог, математик. Дир. СПб. Горного ин-та (1905–1910), акад. РАН (1919) 164, 208, 242
Федоров В.Н. – инженер 306
Федотов Георгий Петрович (1888–1951) – православ. мыслитель, философ, социолог 257
Фенин Александр Иванович (1865 г.р. –?) – горный инженер, д-р техн. наук, проф., чл. правл. РАГ и РОКК в ЧР 151
Фердина́нд Франц Карл Лю́двиг Йо́зеф фон Га́бсбург (Franz Ferdinand von Österreich-Este, (1863–1914) – эрцгерцог австр., с 1896 насл. престола Австро-Венгрии 62
Ферингер – вторая жена математика, акад. Н.М. Крылова 347, 348
Фишер Джордж (Юрий) – амер. историк рос. происхождения 263
Фишер Софья Николаевна – нач. Женск. клас. гимназии в Москве 58

Флоринский Михаил Тимофеевич (1895–1981) – экономист, историк 288
Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) – богослов, историк богословия, протоиерей 149, 152, 162, 257
Фогт Карл Кристофер (Karl Christoph Vogt) (1817–1895) – нем. естествоиспытатель, философ и полит. деятель. Жил в Швейцарии. Авт. открытия феномена апоптоза; пропагандировал механист. материализм 217
Фокин Сергей Иванович – петерб. зоолог, протистолог, историк науки, д-р биол. наук. Выпускник ЛГУ (1975); проф. зоологии в ун-те г. Пиза, Италия 17, 69, 73, 137, 173, 214, 216, 221, 235, 236
Фомин Василий Емельянович – врач, д-р мед. наук, проф. каф. гистологии ИМУ и I МГУ 88, 115, 126
Франк Семен Людвигович (1877–1950) – философ. С 1906 по 1917 преп. философию в разн. учебн. заведениях СПб./Пг. С 1917 по 1921 – декан истор.-филос. ф-та Саратовск. ун-та. В 1921 вместе с Н.А. Бердяевым основал Акад. духовной культуры в Москве. В 1922 – арестован и выслан за границу. Жил в Берлине, Франции; после 1945 – в Лондоне 108, 117, 130, 132, 135
Францев Владимир Андреевич (1867–1942)– филолог, акад. ИАН. Проф. истории слав. наречий и лит-ры Карлова ун-та в Праге, иностр. чл. АН и исскуств ЧСР, чл. Чешск. Корол. об-ва наук; сотр. РНУ в Праге 149, 151, 156, 220
Фрейд Зигмунд (Freud Sigmund) (1856–1939) – австр. психолог, психиатр и невролог 449

Харламов Василий Акимович (1875–1957) – историк, обществ.-полит. деятель Донского казачества, кадет. Окончил Моск. духовную акад. и истор.-филол. ф -т ИМУ. Деп. I–IV ГД от Обл. Войска Донского. В февр. 1920 – мин. Южнорус. прав-ва. В эмиграции: КСХС, Париж, Белград, Прага, Аргентина 157, 254, 255, 416
Харламов Всеволод Васильевич (1905–1991) – врач, окончил Рус. лицей в Париже и мед. ф-т Праж. ун-та; врач в лагерях Ди-Пи в Германии. После переезда в Аргентину получил должность окружного врача; дир. больницы. В США с 1957. Работал на посту пом. дир. психиатр. больницы в г. Покипси (шт. Нью-Йорк). После выхода на пенсию – консультант в больнице ветеранов армии США и по делам суд-мед. экспертизы 254
Хвостов Вениамин Михайлович – орд. проф. ИМУ, Нар. ун-та им. Шанявского, ВЖК 85
Хвостова Надежда Павловна – дир. Женск. гимназии в Москве 58
Хетч Отто – проф. истории Вост. Европы (Берлин) 131
Хилинский К.В. – чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения Врем. прав-ва 76
Хикель (Hykel) 397
Холли В. (Holly V.) 278, 280
Хоружий С. 125

Христофоров В.С. 18, 127
Худяков Николай Николаевич – ботаник, прив.-доц. ИМУ, Народн. ун-та им. Шанявского, Моск. с.-х. ин-та, преп. Моск. комм. ин-та. Чл. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии 53, 88

Цветков Сергей Николаевич (1881–1947) – нач. отд. Акад. Ген. штаба, мир. судья, предвод. дворянства в г. Гродно. Выслан ГПУ за границу (1922) 115
Цезарь Гай Юлий (102–44 до н.э.) – др.-рим. гос. и полит. деятель 24
Цеппелин, Фердинанд, граф – конструктор дирижаблей 458
Цетлин Л.С. 212
Циммерман М.А. – доц. междунар. права в РНУ в Праге 155, 157
Цингер Николай Яковлевич (1842–1918)
Цинке (Zinke S.) С. 17

Чайлд – проф. из Чикаго 348
Чанбарисов Ш.Х. 121
Чахотин Сергей Сергеевич (1883–1973) – физиолог. Учился в ИМУ (1901–1902), Мюнхене, Гейдельберге. Ассист. И.П. Павлова (ИАН). С 1919 в эмиграции в КСХС, Франции, Италии, Германии. В 1958 вернулся в СССР 217
Чаянов Александр Васильевич (1888–1937) – экономист, социолог, социальный антрополог. Арестован в июле 1930, повторно в марте 1937 и в окт. расстрелян 203
Чеботарева Татьяна Георгиевна – куратор Бахметевского арх. Колумб. ун-та (Нью-Йорк, США) 16
Челноков М.В. – деп. ГД IV созыва от партии кадетов (1912–1917), один из учредителей Земгора 64
Челышев Е.П 17
Чемберс – амер. проф., работал на РЗС 367
Чернавин Владимирович Вячеславович (1887–1949) – ихтиолог. Выпускник ИСПбУ (1911–1916); в эмиграции – сотр. отд. рыб, Британского музея естест. истории в Лондоне. Учен. эксперт Учен. комиссии РЗИА 358, 359
Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – лидер партии эсеров (социалистов-революционеров), проф. 105
Чернолусский В.И. – чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения Врем. прав-ва 76
Черносвитов Лев Владимирович (1902–1945) – зоолог, спец. по дождевым червям, проф. Окончил естест. ф-т Праж. ун-та, чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге. В 1931 переехал в Аргентину. В 1933 вернулся в Прагу, но вскоре переехал в Англию. Сотр. Британ. музея в Лондоне; чл. Линнеевского об-ва 149, 165, 167–169, 178, 195, 220, 358, 361, 411
Черткова Златка – проф. (США). В доступных источниках сведений о ней не найдено 287

Чехов Антон Павлович (1860–1904) – писатель, классик мир. лит-ры; врач; поч. акад. ИАН наук по разряду изящной словесности 164
Чижевский Дмитрий Иванович (1894–1977) – филолог-славист, литературовед, историк философии, лит. критик. В 1921 эмигрировал в Польшу, затем в Германию; в 1924–1931 жил в Праге: с 1925 – доц., с 1926 – проф. Украин. высш. педагог. ин-та им. М.П. Драгоманова. В 1932 вернулся в Германию. В 1932–1945 преп. рус. яз. в Галльском ун-те. Д-р философии (1933). В 1945–1949 преп. в Марбургском, в 1949–1956 – в Гарвард. ун-тах; в 1956–1964 зав. каф. славистики Гейдельб. ун-та; с 1968 – в Кельнском ун-те. С 1962 действ. чл. Гейдельб. АН. С 1964 ред. научн. сер. «Slavische Propylaen» 32, 149, 160, 220, 438–440
Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) – писатель, драматург, публицист. В 1922–1932 жил в Праге 140
Чичерин Бори́с Никола́евич (1828–1904) – правовед, философ, историк и публицист. Поч. член ИАН (1893). Дядя наркома иностр. дел РСФСР и СССР Г.В.Чичерина 441
Чичибабин Алексей Евгеньевич (1871–1945) – химик, чл.-кор. АН СССР по отд. физ.-мат. наук (с 15.01.1927), акад. (с 12.01.1929), пред. НТО хим.-фармац. пром-ти ВСНХ (1922–1927), дир. лаб. по иссл. и синтезу растит. и животных продуктов АН (с 1928), прем. им. В.И. Ленина (1926), осенью 1930 уехал во Францию. Решением общего собрания АН исключен из состава АН СССР (29.12.1936), восстановлен в 1990 198, 347
Чолок – ученый биолог-теоретик 183
Чубатый Н. 289
Чумаков А.В 251
Чупров Александр Александрович (1874–1926) – экономист, проф. ИМУ 117, 135

Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) – протопресвитер, богослов, мемуарист 341
Шанявский Альфонс Леонович (1837–1905) – рос. предприниматель и обществ. деятель, инициатор орг. негос. Моск. гор. нар. ун-та (открыт в 1908), позднее получившего его имя 58, 72, 91, 156, 176
Шапирович П. – сотр. М.М. Новикова 98
Шапошников Н.И. – моск. ученый 441
Шапшал И. – проф. 341
Шауфус Татьяна Алексеевна (1891–1995) – исп. секр. и през. Толстовского ф. в Валлей Коттедж (шт. Нью-Йорк, США) в 1978–1985 257, 259, 261, 285
Шаферн (Schafern) – чешск. ученый 402, 404
Шаховской Дмитрий Алексеевич, князь (архиеп. Иоанн) (1902–1982) – церк. и обществ. деятель, писатель, поэт, лит. критик. Окончил истор.-филол. ф-т Лувенского ун-та (Бельгия, 1926); тогда же принял монашеский постриг. Учился в Богосл. ин-те в Париже. Жил в Бер-

лине, Париже, США. Архиеп. Сан-Франциский и Зап.-Амер. (ПЦА) 17, 302
Шварц (Schwarz M.) 17
Шебанов (псевд. Жаповицкий, Шраповицкий) Константин Яковлевич (1895–1973) – инженер-мостостроитель. Окончил Варшав. политехн. ин-т; защитил докт. дис. (1939); проф. каф. ж.-д. строительства ун-та УНРРА в Мюнхене (1946–1947); с 1950 – в США. Работал в Гор. управлении г. Нью-Йорка 270
Шевеленко И. 175
Шевяков Владимир Тимофеевич (1859–1930) – протозоолог, протистолог, основатель шк. протистологов в ИСПбУ, чл.-кор. ИАН (с 1908). Учился и работал в Гейдельб. ун-те (Германия, 1885–1894), проф. (с 1899) и зав. Зоотом. кабинета (1894–1911) ИСПбУ, Сибир. с.-х. ин-та в Омске (с 1919), Иркутского ун-та (с 1920) 207, 228, 317, 338, 398
Шелапутин Павел Григорьевич – дир. Благотв. об-ва при Басманной гор. больнице, попечитель Ремесл. уч. им. Г. Шелапутина, пред. Моск. отд. Рус. об-ва охранения нар. здравия 77
Шелохаев В.В. 72
Шидловский Петр Семенович (1892–1986) – хирург. В 1916 окончил ИМУ. В 1918–1921 – в хирур. клинике Донского ун-та (Ростов-на-Дону); в 1921–1943 – ассист., доц. и проф. хирургии в Киев. мед. ин-те. В 1935–1936 – проф. операт. хир. в Винницком мед. ин-те. С 1937 – д-р мед. наук. С 1943 – проф. хирургии в Братисл. ун-те. В февр.1945 переехал в Мюнхен: орд. проф. каф. хирургии, декан мед. ф-та УНРРА ун-та. В 1948–1952 – зав. хир. отд. УНРРА и ИРО госпиталей в Германии. В 1947–1954 – пред. Об-ва рус. заруб. врачей им. Пирогова в Германии. С 1954 – в США 269
Шидловский О. 279
Шилов Николай Александрович – прив.-доц. ИМУ и Моск. инж. уч-ща 69
Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) – зоолог, морфолог, эмбриолог, чл.-корр. ИАН (1906), акад.(1920). Вып. ИМУ (1881). С 1889 – проф. и зав. каф. зоологии позвоночных ИСПбУ; декан физ.-мат. ф-та; в 1921–1922 – ректор Пг. ун-та 66, 128, 217, 335
Шиндлер Кирилл Гаврилович (1869–?) – проф. Имп. Киев. политехн. ин-та; в эмиграции – проф. Ин-та с.-х. кооперации в Праге; чл. правл. РАГ в ЧР 151
Шипов Дмитрий Николаевич – пред. Моск. губерн. земской управы, гласный Моск. ГД, пред. Совета больницы и родильного приюта им. бр. Бахрушиных 47
Ширяев Григорий Иванович (1882–1954) – ботаник. Окончил Харьк. ун-т, прив.-доц. С 1922 – в ЧСР; ассист. по каф. ботаники в Массарик.ун-те в Брно (с 1923); в ЧСР защитил маг. дис. После 2-й мир. войны – в лагерях Ди-Пи (Фюсен, Шлесхайм) в Германии; с 1951 – в США 152, 289
Шкафф Борис Анисимович (1886–?) – зоолог, энтомолог. Окончил Гейдельб. ун-т; прив.-доц. каф-ры зоологии Харьк. ун-та (1918–1919);

прив.-доц. Рус. ин-та с.-х. кооперации в Праге (с 1922), участник Зоол. семинара М.М. Новикова; чл. РАГ в ЧСР, Союза рус. писателей и журналистов в ЧР 165
Шкуренко Георгий Петрович (1896–?) – горный инженер. Учился в Полит. ин-те в Пг, завершил образование в Горном ин-те в Пршибраме (ЧР). Горный инженер (1926–1945); ассист. проф. в ун-те УНРРА в Мюнхене (1945–1947); с 1949 – в США 270
Шлегель Карл – нем. историк 131, 133, 136, 137
Шлезингер Мориц – уполномоченный Лиги Наций по делам беженцев (Берлин) 131
Шнайдер (Шнейдер) Г. А. – ассистент проф. А.А. Коротнева, работавший на РЗС в Вильфранш-сюр-Мер (до 1915) 225, 236, 385
Шрейдер Григорий Ильич (1860–?) – пред. Лекционной комиссии Земгора (1922–1923); чл. совета преподавателей РНУ в Праге 154
Шпенглер О. – нем. ученый, сторонник цикл. неокатастрофизма в эволюции орган. мира 9
Штерн Н.А. – чл. Зоол. семинара М.М. Новикова в Праге 165
Штерн – механик на РЗС в Вильфранш-сюр-Мер 399
Штернберг Павел Карлович – прив.-доц. ИМУ, сотр. обсерватории ИМУ, сотр. ВЖК 81
Штурм Бруно 7
Штурм Ирина (ур. Смирнова) 7, 8
Шугаевский Валентин Андреевич (? – 1966 – археолог; зав. Чернигов. музеем древности. В эмиграции в Праге и в США. Сотр. газ. «Нов. рус. слово» 81
Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – обществ.-полит. деятель, лидер монархического обществ. движения в России и правого крыла во II–IV ГД. В конце 2-й мир. войны арестован в Югославии, осужден и до 1956 отбывал тюремное наказание в СССР 74
Шульц К. (Sulz C.) – проф. ун-та г. Брно (Словакия) 74, 144, 402, 412
Шустов А.Н. – проф 105

Щеблыгина И.В 211
Щелоков А.С. 208
Щéпкин Николай Николаевич (1854–1919) – рос. полит. деятель; деп. III и IV ГД от партии кадетов 55

Эйгер – проф. Моск. ин-та инженеров транспорта 342
Эйхенвальд Александр Александрович (1863–1944) – физик, обществ. деятель. Выпускник СПб. Ин-та инженеров путей сообщения (1888). В 1897 защитил докт. дис. в Страсб. ун-те. «Рус.» ст. получил в 1908 в ИМУ. С 1905 – первый выборный дир. Моск. высш. инж. уч-ща, в 1908–1910 – адьюнкт, в 1910 – проф. В 1901–1917 – преп. на ВЖК, ИМУ и Ком. ин-те (1907–1917; с 1913 – проф.). В 1912 пред. Попеч. совета Нар. ун-та им. А. Шанявского; возгл. Моск. физ. об-во (1912–1920). В 1918 принял участие в организации НК при НТО ВСНХ РСФСР. В сент. 1920 – командировка в Берлин. В Россию не вернулся.

С 1923 жил в Праге, участвовал в работе РНУ. В конце 1920-х переехал в Милан 102, 136, 138, 195, 205, 206, 336, 339, 343, 346
Эйхенвальд Екатерина – певица, жена А.А. Эйхенвальда 343, 344
Элиаш А. – ген. 238
Эриксон Алекс (США) – доктор, хозяин фермы в Верноне (шт. Нью-Джерси), в 1949 пригласивший семью Новиковых к себе на работу 284

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – ген. от инфантерии, главноком. войсками Кавказского фронта, в окт.-нояб. 1919 – возгл. поход на Петроград как главком войск Сев.-Зап. армии; после поражения отвел армию в Эстонию; с 1920 – во Франции 63
Юдин Аполлон Андреевич – врач, д-р мед. наук, проф., проректор МГУ 88
Юренев Петр Петрович (1874–1945) – инженер путей сообщения. Деп. II ГД, один из рук. проекта постройки моск. метро (1917); мин. путей сообщения Врем. пр-ва (1917); пред. Союза городов; член исполкома Париж. Земгора (1930–1931), чл. Об-ва друзей РНУ 152

Ядов Олег Иванович (1902–1961) – спец. в обл. аэронавтики и гидроэлектротехники, физик, математик. В эмиграции – в КСХС, с 1923 – во Франции; участник Движения Сопротивления. С 1947 – в США, работал в Колумб. ун-те в Нью-Йорке; поч. чл. ОРИ в США (1953) 291
Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – филолог, лингвист, проф. До 1939 – зав. каф. рус. филологии в Массарик. ун-те в Брно; с 1941 – в США: проф. Колумб. ун-та (1946–1949), Гарвард. и Массачусет. ин-та технологии (1949 – 1967) 185, 211, 287, 291
Яковлев Константин Павлович – проф., пом. ректора МГУ (1919–1920) 88
Ямал (Jamal) 397
Янковский П.К. – чл. Комиссии по реформе вузов при Мин. нар. просвещения Врем. прав-ва 76
Ясинский Всеволод Иванович (1884–1933) – инженер-механик Имп. Моск. техн. уч-ща (с 1916 – МВТУ). Выслан за границу в 1922. Пред. РВНИ в Берлине 117, 127, 130, 132, 133, 137, 340
Яцута Константин Захарович (1876–1953) – анатом. Окончил ИВМА (1901); с 1904 – прозектор каф. норм. анатомии. Д-р медицины (1905); прив.-доц. ИВМА. В 1915–1917– зав. каф. анатомии 2-го Пг. мед. ин-та; работал в Музее антропологии и этнографии РАН. Экстраорд. проф. по каф. нормальной анатомии, декан мед. ф-та Донского ун-та (1917–1942). В февр. 1943 бежал с немцами в Германию; после 2-й мир. войны эмигрировал в США 444

Avrech A.Ya. 72

Behmer M. 17
Brandl 194

Dejdar 403
Dohm 228
Dosbov 402

Durlington C.O. 456

Green J. 17
Growbridge 402

Haas 344
Haldane S. 456
Hermann T. 137, 180, 252
Hurtley Jul. 456
Hudson P.S. 456
Hykel 392

Funk 343

Kaempffert W. 456
Kleisner K. 137, 180, 252

Lori-Dejdar 423

Matis D. 251
Muller H. 17

Perez 402
Pirzer B. 17

Richens 456
Riechenbach C. 17
Rosch J. 17

Schaferna 402
Schreiber F. 17
Schwarz M. 17
Smolorz R. 17
Sulc 403

Weigner 402

Zavrel 402, 403
Zinke S. 17
Zirkle 456

Оглавление

К читателю 5

От автора 9

Часть первая

Россия

Глава 1

Императорская Россия 20

Детские годы 20

Императорское Московское коммерческое училище 21

Гейдельбергский университет (Германия) 25

Сравнительно-анатомические исследования М.М. Новикова в Гейдельберге 32

Институт сравнительной анатомии Императорского Московского университета 34

Московская городская дума 46

Школьное и внешкольное образование, Общество попечения об учащихся детях Бутырского района Москвы (1909) 48

«Разгром» Московского университета (1911) 50

Коммерческий институт Московского общества распространения коммерческого образования 52

Государственная Дума IV созыва 54

Комиссия по народному образованию Государственной Думы 58

Отдых в Швейцарии и начало Первой мировой войны 62

Глава 2

Россия после Февральской революции 74

Комиссия по реформе высшего образования при Министерстве народного просвещения Временного правительства 74

Смена власти: октябрь 1917 г. 80

Реформы высшей школы Наркомпроса РСФСР: 1918–1920 81

Первый арест 85

На посту ректора Московского университета 87
Российская наука в борьбе с голодом 98
Научная комиссия при НТО ВСНХ: 1919–1922 102
Административная высылка из РСФСР.. 109

Часть вторая

Жизнь в эмиграции

Глава 3

Первые шаги в эмиграции: 1922–1923 128
Из Москвы в Петроград и Штеттин (Германия).............................. 128
Русский высший научный институт в Берлине 131
Гейдельберг: 1922–1923... 133
Лекционная поездка в Италию.. 135

Глава 4

Чехословацкая Республика: 1923–1939 138
Специфика формирования русской колонии в Праге....................... 140
Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии 144
М.М. Новиков в среде русской академической эмиграции в Праге 145
Русская академическая группа 151
Съезды русских академических организаций за границей............. 153
Русский народный университет в Праге... 154
Общество Русского народного университета 156
Реформирование РНУ: Русский свободный университет в Праге... 161
Оппозиция М.М. Новикова в РНУ (РСУ) 162
Русское научно-исследовательское объединение при РСУ в Праге и его «Записки» 163
Празднование юбилея Московского университета 164
Зоологический семинар(ий) М.М. Новикова.................................... 165
Русский культурно-исторический музей при РСУ. Конец «русской акции» 170

Глава 5

Научная деятельность М.М. Новикова в Чехословакии 179
Участие М.М. Новикова в международных научных съездах 186
М.М. Новиков как историк науки 191
Переписка М.М. Новикова с коллегами из Советской России 195

Глава 6

М.М. Новиков и защита Русской зоологической станции им. А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-Мер (Франция) 215

Исторический очерк 216
Попечительский комитет Русской зоологической станции 218
Чешская академия наук и искусств и защита станции.................... 219
Секвестр и начало процесса денационализации Русской зоологической станции 226

Глава 7
Братислава (Словакия): 1939–1945 238

Глава 8
Послевоенная Германия: 1945–1949 253
Греко-православная община Регенсбурга.. 255
Организация помощи русским беженцам и перемещенным лицам ... 257

Глава 9
Международный университет УНРРА в Мюнхене: 1945–1947 266
Ликвидация Университета УНРРА.. 275
Ликвидационная комиссия и попытки создания Свободного международного университета в Мюнхене... 276

Глава 10
Соединенные Штаты Америки: 1949–1964 281
Послевоенная Русская академическая группа в США.................... 287
Проект Русского свободного университета им. М.В. Ломоносова в Нью-Йорке.. 288
«От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике: отрывки из воспоминаний» (1952 г.) 296
Радиостанция «Освобождение» (Мюнхен)...................................... 299
200-летний юбилей Московского университета в США................. 301
Юбилеи М.М. Новикова: 80-летие со дня рождения и 50-летие научной деятельности.. 309
Подведение итогов.. 314

Заключение 325

Часть третья
Переписка: 1922–1961

I. Письма М.М. Новикову из РСФСР (СССР): 1922–1939 327
II. Письма М.М. Новикову в Германию и Чехословакию от организаций: 1923, 1930 340
III. Письма А.А. Эйхенвальда (Германия, Италия) М.М. Новикову в Прагу: 1923–1934.. 343

IV. Письма М.М. Новикову в Прагу от В.В. Лепешкина, Л.В. Черносвитова, К.И. Гаврилова: 1928–1939 349

V. Письма М.М. Новикова членам Попечительского комитета Русской зоологической станции им. А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-Мер (Франция): 1924–1935 364

VI. Письма М.М. Новикову (Прага) от членов Попечительского комитета 375

VII. Письма М.М. Новикову (Прага) о празновании 400-летия Лозаннского университета и Дней русской культуры: 1937 414

VIII. Переписка М.М. Новикова (София, Братислава) с В.В. Булгаковым (Прага): 1939–1941 418

IX. Письма М.М. Новикову в Найяк (штат Нью-Йорк, США): 1946–1961 424

Приложение

М.М. Новиков: даты жизни и деятельности 461

Труды М.М. Новикова 469

Литература о М.М. Новикове 479

Основные сокращения 485

Указатель имен 489

Научное издание

Ульянкина Татьяна Ивановна

**Михаил Михайлович Новиков
(1876–1964)**

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Научно-биографическая литература»
Российской академии наук*

Редактор *В.С. Егорова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *А.Б. Васильев,
Е.А. Желнова, Т.А. Печко*
Компьютерная верстка *С.В. Ишутиной*

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами

Подписано к печати 09.06.2015. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 34,5 + 0,5 вкл. Усл.кр.-отт. 35,5. Уч.-изд.л. 39,5
Тип. зак. 3670

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

АДРЕСА МАГАЗИНОВ “АКАДЕМКНИГА”

Магазины с отделом “Книга-почтой”

119192 Москва, Мичуринский просп., 12 корп. 1; (код 495) 932-78-01
Сайт: **http://LitRAS.ru/** e-mail:**okb@LitRAS.ru**
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 1; (код 812) 328-38-12
e-mail: **naukaspb1@yandex.ru**

Магазины “Академкнига” с указанием букинистических отделов

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4;
(код 495) 624-72-19
142290 Пущино Московской обл., МКР “В”, 1
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный просп., 57;
(код 812) 273-13-98 academkniga.spb@bk.ru (Бук. отдел)

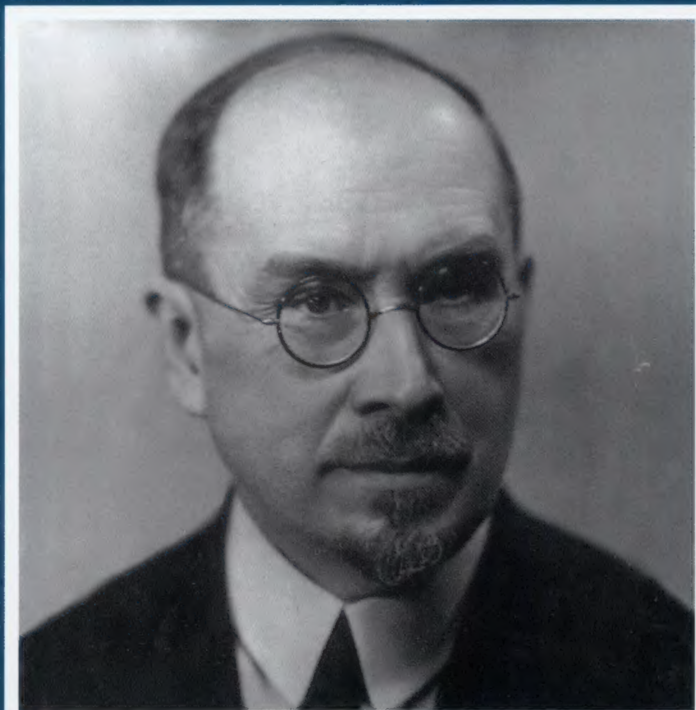
Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24
Сайт:http://LitRAS.ru/
e-mail: info@LitRAS.ru
Отдел логистики, телефон (код 495) 932-74-71
Факс (код 499) 143-84-24

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Т.И. Ульянкина Михаил Михайлович НОВИКОВ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Т.И. Ульянкина

Михаил Михайлович НОВИКОВ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Михаил Михайлович НОВИКОВ (1876–1964) – выдающийся биолог с мировым именем (зоолог, эмбриолог, сравнительный анатом, теоретик-эволюционист), профессор и ректор Московского университета, крупный общественный и государственный деятель: гласный Московской городской думы, депутат IV Государственной Думы, председатель Комиссии по реформе высшего образования при Временном правительстве, председатель Научной комиссии Научно-технического отдела ВСНХ. Осенью 1922 г. был выслан из РСФСР на одном из «философских пароходов» по обвинению в «антисоветской деятельности». Оставаясь истинным патриотом России и Московского университета, в эмиграции М. М. Новиков участвовал в возрождении русской высшей школы в Чехословакии, Германии, США. Это был титанический труд ученого, не смирившегося со своим изгнанием. Исследование основано на архивных документах Российской Федерации, Германии, Чешской Республики, Словакии, Франции, США и дополнено научными комментариями и кратким биографическим словарем. Впервые опубликована переписка М. М. Новикова с учеными из Советской России и Русского зарубежья.

ISBN 978-5-02-038477-4

